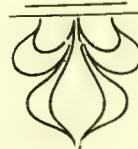

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1916.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

РИС. К. БРОД.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1916.

ЮЛЬ—АВГУСТЪ—СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Императорскаго Училища Глухонѣмыхъ. Мойка, 54.

1916

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

I Ю Л Ь.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамъ. А. С. Лачинскаго.	3—21	тра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Малкова.	59—63
II. За пятьдесят лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. Б. Скуратовъ.	22—32	VIII. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго.	64—95
III. Воспоминанія о Рыбаковѣ. Д. Проскуринъ.	33—35	IX. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В.	96—143
IV. Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольскаго уѣзда. М. М. Киріакова.	36—38	X. Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ. Н. Авенаріуса.	144—145
V. Московскій Звенигородъ и Саввино Сторожевскій монастырь. Б. А. С.	39—47	XI. Александръ I въ Архангельскѣ. П. Едемскаго.	146—149
VI. Вѣнокъ на гробъ Пушкина. Н. Лернеръ.	48—58	XII. Дневникъ И. И. Шамшина.	150—157
VII. О портретѣ фельдмаршала графа Пе-		XIII. Книги, вышедшия по истории и истории литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 г.	158—160

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1916 года.

Книги, вышедшие по истории и истории литературы съ 16-го по 31-е декабря 1915 года.

Балдинъ, А. В. Очерки по истории Россіи XVII вѣка. Вып. I. О причинахъ возникновенія первого стрѣлецкаго бунта. (15-го мая 1682 г.). ПГ. 1915. Тип. А. Бенкѣ (Новый пер., 2). 8° (15×21). 120 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 500 экз.

Варнекъ, Б. В. Какъ составилось собраніе „Каменныхъ бабъ“ Музея Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (Херсонская, 5). 8° (21×27). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Гершензонъ, М. Русскіе процілѣ т. 3. Матеріалы по истории русской мысли и литературы. Нисанія И. С. Тургенева не включенные въ собранія его сочиненій. М. 1916. Изд. М. и С. Сабашниковъ. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К°. (Пименовская, с. д. 8° (18×25). VI+350 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 3.000 экз.

Ізвѣстія Императорской Археологической комиссіи. Прибавленіе къ вып. 58-му. (Хроника и библіографія, вып. 28). ПГ. 1915 г. Тип. Главное управление Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×29). 142 стр. Вѣсъ 26 л. 900 экз.

Ізвѣстія Одесского библіографического общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ. Томъ IV. Вып. 34. Одесса. 1915. Тип. Центральная (Херсонск., 21). 8° (17×25). 129—208 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Ізвѣстія Совѣта Императорскаго Русскаго театральнаго общества Сентябрь—Октябрь 1915 г. Вып. №№ 17—18. ПГ. 1915 г. Тип. Тов. Печ. и изд. дѣла Трудъ (Кавалергардск., 40). 4° (24×32). 24 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 2.400 экз.

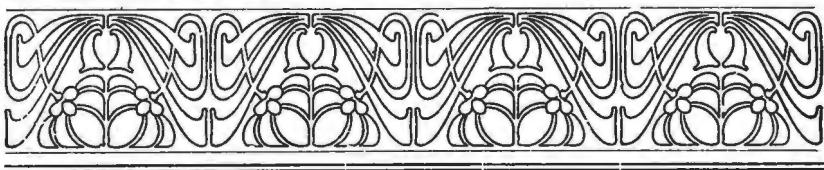
Изъ архива рода Сониныхъ. (Отд. оттиски изъ II книги „Трудовъ Тульской губ. Ученой архив. комиссіи“) Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 8° (17×24). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Изъ прошлаго. Часть 2-я. (Отд. от. изъ II книги Трудовъ Тульской губернской ученой архивной комиссіи). Тула 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 8° (17×25). 45 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Каталогъ книгъ № 18 по истории, археологіи, нумизматикѣ, искусству, истории литературы и критики, языкоznанію, военнымъ вопросамъ, религіи и расколу. Антикварного магазина С. Н. Котова. ПГ. 1915. Тип. А. Аргольда (Литейный, 59). 8° (16×24). 34 стр. Вѣсъ 4 л. 1.200 экз.

Красковскій, Александръ. Борьба противъ униї въ Западной Россіи и единство Русскаго народа въ 1648—1668 г.г. (Историческое изслѣдованіе). Витебскъ. 1914. Тип. Манковича и Сролювича. 8° (17×26). 245+2 иен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л.

Лукомскій, Г. К. Памятники старинной архитектуры Россіи Часть I. Русская провинція. ПГ. 1916. Изд. Шиповникъ. Тип. Сенатская. 4° (24×31). 393 стр. съ рис. Ц. 7 р. 50 к. Вѣсъ 4 ф. 27 л. 1.000 экз.

Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамъ¹⁾.

(Окончаніе).

Возвращеніе въ Амстердамъ и вторичное пребываніе въ немъ.

Яхта съ Высокими гостями подошла къ торжественно убранному Амстердаму; каждый, кто не участвовалъ въ встречѣ Императора въ Саардамъ, спѣшилъ теперь на берегъ чтобы увидѣть что-либо изъ того блестательнаго зрелища, подобнаго которому ничего не было съ самаго 1768 г. и о которомъ знали только пѣзъ разсказовъ предковъ или художественныхъ произведеній нашихъ лучшихъ мастеровъ.

На громадномъ пространствѣ, которое могъ только обхватить глазъ, все—и набережная и дома—кишѣло людьми, и море пестрѣло отъ безчисленныхъ парусныхъ судовъ.

Воздухъ задрожалъ отъ радостныхъ кликовъ, когда Императоръ, а за нимъ владѣтельный принцъ съ окружающими его лицами сошли на берегъ, въ самый центръ громадной народной толпы.

Высокие гости направились въ экипажахъ сначала во дворецъ, а вскорѣ послѣ этого къ зданію Общества „Felix Meritis“.

Еще до прибытія монарха въ Амстердамъ городскою администрациєю было рѣшено въ случаѣ, если россійскій Императоръ осчастливить этотъ городъ своимъ посѣщеніемъ—предложить ему осмотрѣть названное выше зданіе, какъ одно изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ городскихъ сооруженій, и потому заблаговременно были приняты мѣры, чтобы оказать адѣльсъ Императору Всероссійскому встречу, достойную его высокаго званія. Тогда же у владѣтельнаго

1) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1915 г.

„Русская Старина“, т. CLXVII. Іюль 1916 г.

принца было испрошено разрѣшеніе вечеромъ 3-го іюля дать, въ помѣщеніи названного общества, большой концертъ.

Около 10 часовъ Монархъ и сопровождавшія его Высокія Особы прибыли къ зданію Общества „Felix Meritis“.

Они прослѣдовали въ небольшой аванзалъ и здѣсь Корнелій Ковенсъ (Covens) имѣль счастье привѣтствовать Монарха въ слѣдующихъ словахъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Разрѣшите Предсѣдателю Общества выразить Вашему Величеству, отъ лица всѣхъ членовъ его, одушевляющія ихъ чувства благоговѣйной преданности. Удостоенные высокой чести лицезрѣть Освободителя Европы въ стѣнахъ этого учрежденія, они счастливы, что получаютъ возможность засвидѣтельствовать о томъ чувствѣ глубокой благодарности, какое они питаютъ къ особѣ Вашего Величества и Вашимъ Высокимъ Союзникамъ за освобожденіе отъ рабства, не только тяготѣвшаго на общемъ благосостояніи народа, но также сильно задерживавшаго цивилизaciю и препятствовавшаго развитiю тѣхъ самыхъ наукъ и искусствъ, которыя сосредоточены въ этомъ Обществѣ и которыя находять здѣсь почитателей и покровителей“.

Государь весьма милостиво отвѣтилъ на эту привѣтственную рѣчь, послѣ чего Его Величество былъ ознакомленъ болѣе детально съ характеромъ дѣятельности этого Общества. Затѣмъ разговоръ перешелъ на рѣдкiй, отпечатанный по повелѣнію Петра Великаго, экземпляръ библіи, которымъ владѣть Общество и который былъ представленъ для обозрѣнія, Его Величества.

Послѣ этого Высокіе Гости отправились въ концертный залъ, гдѣ уже собралось большое общество, состоявшее изъ членовъ названного ученаго института, ихъ женъ и другихъ лицъ. Оба Государя были почтительно встрѣчены и привѣтствованы, оркестръ же началъ не раньше, какъ они заняли роскошно отдѣленныя для нихъ особы мѣста на балконѣ.

Мы не будемъ давать здѣсь отчета объ исполненіи музыкальныхъ пьесъ; мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ, что лучшіе артисты употребили все свое искусство, чтобы заслужить похвалу, и что артисты Граве (Grave) и Аберлевенъ (Aberleven) своимъ пѣнiemъ обратили на себя особое вниманіе Императора, вслѣдствie чего, позже, когда Монархъ

вернулся въ маленькой аванзалъ, называемыя артистки были представлены Его Величеству и удостоились самаго лестнаго отзыва обь ихъ высокой талантливости. То же самое было по отношению къ маленькому сыну Дахме (Dahme), который, имѣя отъ рода всего только 8 лѣтъ, уже пріобрѣлъ славу замѣчательнаго игрока на флейтѣ. Онъ былъ также представленъ Императору, который сердечно расцѣловала малютку-артиста.

Затѣмъ Государю предложена была закуска, послѣ чего Его Величеству угодно было вступить въ бесѣду съ знаменитымъ профессоромъ ван-Свіндемомъ (van Svinden). Послѣдній, по просьбѣ другихъ сочленовъ Общества „Felix Meritis“ представивъ Государю альбомъ, на первой страницѣ котораго были написаны извѣстные стихи ученаго Іеронима-де-Бошъ (Jeronimo de Bosch), посвященные названному Обществу,—почтительнѣйше просилъ Его Величество оказать этому Обществу особую милость: внести что-либо въ альбомъ своею рукою и этимъ освятить памятную книгу, предназначеннуу, чтобы свидѣтельствовать о благорасположеніи къ Обществу всѣхъ, тѣхъ, которые въ будущемъ посѣтили бы это учрежденіе.

Его Величество не пожелалъ быть первымъ, внесшимъ въ эту книгу свой автографъ, и спросилъ: нѣтъ ли другой книги, въ которую всѣ члены Общества вписываютъ обычнымъ порядкомъ свои имена. На это отвѣтили утвердительно. Такою книгою могъ служить Уставъ названнаго Общества. Книга была немедленно принесена и представлена Государю чрезъ профессора ван-Свіндана. Монархъ соизволилъ, рядомъ съ именемъ младшаго члена, начертать:

„Le 3 juillet 1814.

Alexandre“.

Великъ былъ восторгъ окружающихъ, велика была всеобщая радость членовъ Общества, имѣвшихъ нынѣ въ обладаніи своеемъ автографъ той руки, которая спасла Европу и которая здѣсь оставила свидѣтельство своего высокаго покровительства наукамъ и искусствамъ.

Почти до полуночи Общество имѣло счастіе наслаждаться присутствiемъ Императора.

Высокихъ Гостей торжественно проводили до экипажа и, въ сопровождении почетнаго эскорта изъ національной гвардіи, повезли вдоль лучшихъ каналовъ городскихъ,

чтобы показать иллюминацію, которая была столь же блестяща, какъ и въ предыдущій вечеръ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня Государь снова пожелалъ сдѣлать попытку — пройтись по городу не будучи узнаннымъ.

Около 10 часовъ въ домъ ван-Винтера (v. Winter), славившійся своимъ богатымъ собраніемъ художественныхъ произведеній, послали узнать — могутъ ли два русскихъ офицера осмотрѣть это собраніе, и хотя самихъ владѣльцевъ его (ван-Винтеръ съ сестрами и совладѣлецъ-шуринъ его) не было дома, но разрѣшеніе немедля получилось, и Императоръ поспѣшилъ отправиться въ этотъ домъ.

Просматривая здѣсь картины и высказывая о нихъ тѣ или другія сужденія, Государь замѣтилъ, что онъ не знатокъ картинъ и судить о нихъ, какъ онъ ему представляются; между тѣмъ всѣ сужденія его были настолько вѣрны, что не могли не удивить всѣхъ.

Инкогнито, однако, скоро было открыто; несмотря на это, Монархъ также привѣтливо обращался со всѣми, присутствующими, въ особенности съ профессоромъ ван-Леннепомъ (v. Lennep), шуриномъ и совладѣльцемъ ван-Винтера, который тотчасъ же поспѣшилъ лично явиться въ залъ, какъ только ему дали знать о Высокомъ Посѣтителѣ.

Изъ наиболѣе понравившагося Императоръ отобралъ для себя нѣсколько картинъ, изображавшихъ ландшафты, въ числѣ которыхъ были, особенно остановившіе на себѣ вниманіе Государя, два сельскихъ вида (van den Uithorn van den Amstel). Монархъ вписалъ также свое имя въ книгу, предназначавшуюся для посѣтителей и которая была уже украшена именемъ сестры Императора, Екатерины, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ также посѣтившей это хранилище искусствъ.

Къ тому времени, когда Государь окончилъ осмотръ и выборъ картинъ и намѣревался уже уходить, большая толпа лицъ, жаждавшая видѣть русскаго Монарха, собралась передъ домомъ. Желая избѣжать оваций, Государь вышелъ съ другой стороны було, выходившей на каналъ, и, благодаря этому, никѣмъ не узнанный, къ 11 часамъ вернулся во дворецъ.

Старшій владѣлецъ художественного собранія картинъ, ванъ-Винтеръ, вернувшись съ дачи въ свой домъ уже послѣ ухода Императора, узнавъ отъ своихъ совладѣльцевъ, сестеръ и шурина, о посѣщеніи его дома русскимъ царемъ

и о томъ, что они очень желали бы тѣ двѣ картины,—на которыхъ Государь остановилъ особое свое вниманіе,—предложить своему Высокому Посытителю въ даръ, сталъ прискивать случай осуществить это желаніе. И это посчастливилось ему во время посѣщенія Монархомъ биржи (о каковомъ посѣщеніи будетъ разсказано позже). Сдѣланное здѣсь Государю ван-Винтеромъ предложеніе Его Величеству изволилъ сначала отклонить, сказавъ, что картины ему понравились и потому онъ уже рѣшилъ ихъ купить, но затѣмъ Государь уступилъ и согласился принять картины на память о своемъ посѣщеніи¹⁾.

По возвращеніи во дворецъ, Монархъ, въ сопровожденіи владѣтельного принца и его сыновей, осматривалъ дворцовый музей картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, находящихся здѣсь. Корнелій Апостооль (Apostool), членъ и директоръ Нидерландскаго Института, встрѣтилъ Императора въ музеѣ и давалъ всѣ необходимыя объясненія.

Императоръ освѣдомился у директора объ извѣстной ему большой картинѣ, написанной ван-дер-Гельстомъ (van der Helst') и когда она была показана Его Величеству, съ восхищениемъ осматривалъ ее, отозвавшись съ тою высокою похвалою, какую заслужило это художественное произведеніе за свою экспрессію и правдивость: долго созерцалъ онъ безмолвно знаменитую картину „Со свѣчью“ (Kaarslicht) кисти ван-Доу (Douw), любовался картинами Рембрандта а также морскими этюдами ван-дер-Вельде и многими другими шедѣврами голландского искусства.

Послѣ этого Высокія Особы осматривали кабинетъ съ медалями и особый отдѣлъ въ немъ—золотыя медали; пребывъ здѣсь довольно долго, онѣ отправились, затѣмъ осмотрѣть художественное собраніе, принадлежащее извѣстному Брентано (Brentano).

Здѣсь они проведены были въ большую залу, всю наполненную картинами современныхъ художниковъ. Это вызвало приятное удивленіе Государя и онъ сказалъ:

„ я не представлялъ себѣ, чтобы въ вашей странѣ было такъ много и такихъ замѣчательныхъ художниковъ“.

и съ болѣшою похвалою отозвался о привѣтливомъ хозяинѣ дома, какъ покровитель и поощритель художниковъ. Потомъ,

¹⁾ Императоръ, въ свою очередь, отблагодарилъ за это любезное подношеніе драгоцѣннымъ брилліантовымъ кольцомъ.

будучи проведенъ въ другой залъ, гдѣ висѣли художественныя произведенія XIV и XV вѣковъ, Монархъ обратилъ особое вниманіе на различныя картины съ церковно-историческимъ сюжетомъ.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ Императоръ осмотрѣлъ два зала съ произведеніями нидерландскихъ художниковъ изъ временъ наибольшаго расцвѣта искусства въ этой странѣ; въ особенности обратила на себя вниманіе Государя картина ван-Гальса (v. Hals), написанная имъ съ необыкновенною экспрессіею и искусствомъ. Въ залѣ, отведенномъ для картинъ итальянской школы, Монархъ былъ пораженъ не только картинами замѣчательнѣйшихъ мастеровъ, но также богатствомъ орнаментовъ у статуй и вазъ. Картины изъ древне-біблейскихъ событій, изображеніе Мадоннъ и проч. осматривались Государемъ съ особымъ вниманіемъ и высказывавшіяся имъ сужденія о тѣхъ или другихъ картинахъ свидѣтельствовали о большомъ пониманіи искусства.

При отбытіи своемъ Высокія Особы въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ высказали свою благодарность просвѣщенному обладателю этого знаменитаго сокровища искусства, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, былъ не менѣе доволенъ крайне лестнымъ для него посѣщеніемъ Высокихъ Гостей.

Возвратясь во дворецъ половина 2-го часа, Его Величество, въ сопровожденіи принца Оранскаго и небольшой свиты, отправился пѣшкомъ къ новой церкви и посѣтилъ ее. Могила величайшаго морскаго героя, Михеля-де-Рейтера (de Ruyter) обратила здѣсь на себя особое вниманіе Его Величества. Съ чувствомъ глубокагоуваженія къ могилѣ Монархъ спросилъ: „разрѣшается ли ходить по ступенькамъ надгробнаго памятника“, а затѣмъ осмотрѣлъ все подробно съ необычайнымъ интересомъ.

Послѣ этого Государь сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Hortus botanicus, гдѣ Монарха ожидали бургомистры города и профессоръ Г. Фроликъ (Vrolik); послѣдній долженъ былъ демонстрировать всѣ достопримѣчательности, имѣвшіяся въ названномъ саду.

Государю очень понравилось устройство этого учрежденія; онъ принялъ благосклонно catalogus plantarum, перелисталъ его бѣгло и показалъ себя если не специалистомъ ботаникомъ, то усерднымъ другомъ представителей царства растительнаго. Многія изъ растеній обратили на себя вниманіе Его Величества, въ особенности *thamus elephantipes*,

отличающійся своею оригинальною формою и своеобразнымъ способомъ своего размноженія, а также одно растеніе, добытое знаменитымъ Тюнбергомъ (Thinberg) во время поѣздки его на мысъ Доброй Надежды, каковая поѣздка была предпринята названнымъ ученымъ на средства нѣкоторыхъ меценатовъ наукъ въ Амстердамъ.

Послѣ этого Высокія Особы отправились въ одну изъ древнихъ городскихъ церквей, гдѣ съ большимъ интересомъ были осмотрѣны знаменитыя расписныя окна церковные, а также надгробные памятники нѣкоторыхъ морскихъ героеvъ Нидерландъ.

Затѣмъ еще разъ поѣхали въ Общество „Felix Meritis“.

Комиссары и члены Общества не могли даже мечтать о томъ, чтобы послѣ той чести, которая была имъ оказана наканунѣ вечеромъ, они были удостоены вторичнымъ посѣщеніемъ, а между тѣмъ дѣйствительность послала имъ это счастье.

Бургомистры еще рано утромъ оповѣстили комиссаровъ о желаніи Монарха подробно осмотрѣть все названное выше учрежденіе и поэтому спѣшно сдѣланы были необходимыя распоряженія.

Около 2 часовъ дня прибылъ Императоръ вмѣстѣ, съ владѣтельнымъ принцемъ и сопровождаемый большою свитою. Они были встрѣчены и проведены въ аванзалъ, который уже былъ украшенъ лучшими произведеніями членовъ Общества.

Затѣмъ Высокіе Посѣтители направились въ аудиторію или большой залъ аудіенцій, принадлежащий отдѣламъ торговли и изящныхъ наукъ; залъ этотъ былъ наполненъ многочисленнымъ обществомъ, состоявшимъ изъ членовъ названныхъ отдѣловъ съ ихъ женами; на обратномъ пути они зашли въ особый кабинетъ, гдѣ ими была осмотрѣна богатая коллекція по естествознанію и искусствамъ, собранная ван-Гемертомъ (Hemert).

Въ амфитеатрѣ для естествознанія собралось также много членовъ; Іоахинъ Буйсъ (Buys), лекторъ по естествознанію, уже находился здѣсь для демонстрированія нѣкоторыхъ научныхъ опытовъ. Онъ привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью и просилъ разрѣшенія произвести опытъ, который показалъ бы, что холодъ, вызванный быстрымъ испареніемъ, напр. при помощи эеира, настолько великъ, что вода, даже въ лѣтній періодъ года, замерзаетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Опытъ былъ произведенъ удачно. Его Величеству угодно было при этомъ замѣтить, что однажды, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ, выпалъ снѣгъ на цѣлыхъ два фута глубиною и оставался лежать въ продолженіе пяти дней,— одно изъ явлений природы, несомнѣнно подтверждающее демонстрированный опытъ.

Въ музѣѣ, содержащемъ инструменты, употребляемые въ естествоznаніи и въ наукахъ математическихъ и механическихъ, Императоръ обратилъ вниманіе на инструментъ Атвуда (Atwood), служащій для измѣренія ускоренія свободно падающаго тѣла. Присутствовавшій здѣсь профессоръ ван-Свінденъ (Swinden) далъ краткое описание этого остроумного изобрѣтенія, пояснивъ тутъ же произведеннымъ опытомъ.

Послѣ того были посвѣщены залъ для художественнаго рисованія и скульптурная галлерея. Здѣсь членъ Института и инспекторъ кабинета рисованія, Диркъ Ферстеегъ (Verssteeg), имѣлъ честь представить Его Величеству замѣчательную работу Людольфа Бакгейзена (Bakhuizen) и ван-Калля (Call), представляющую общую картину всего города Амстердама, съ изображеніемъ большого числа судовъ и въ числѣ ихъ яхты съ самимъ царемъ Петромъ Великимъ и бургомистромъ Витценомъ (Witsen).

Предложеніе посвѣтить астрономическую обсерваторію, гдѣ было уже все приготовлено для встрѣчи Монарха, было мягко отклонено въ виду недостатка времени.

Выразивъ представителямъ общества „Felix Meritis“ свое полное удовольствіе, полученное отъ всего видѣннаго, и благодарность за оказанный имъ приемъ, Высокіе Гости отбыли изъ этого учрежденія. Двойное посвѣщеніе Императоромъ Общества оставило надолго, среди нынѣшнихъ членовъ его, радостныя воспоминанія, а занесенное въ книги Общества имя великаго Государя сохранить память о посвѣщеніи—и среди будущихъ его членовъ.

Въ 3¹/₂ часа Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты, снова отправился на биржу, гдѣ къ этому времени собрано уже было все именитое купечество. Для встрѣчи Государя явились всѣ члены торговой камеры съ вице-президентомъ Севериномъ во главѣ. На лѣстницѣ Императоръ былъ встрѣченъ уже упоминавшимся выше вандер-Гоопомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ комиссаровъ. При входѣ въ самое помѣщеніе биржи Монархъ былъ привѣтствованъ радостными восклицаніями всѣхъ собравшихся здѣсь.

Когда Государь увидѣлъ, что представители купечества, изъ учтивости, стояли съ непокрытыми головами, Его Величество повторными знаками выразилъ свое желаніе, чтобы всѣ надѣли свои шляпы и чтобы никто не нарушалъ обычнаго порядка своихъ занятій. Государь пробылъ здѣсь съ четверть часа, разговаривалъ съ владѣтельнымъ принцемъ и время отъ времени обращался къ ван-дер-Гоопу и Северину за разъясненіями по тому или другому вопросу.

Государь былъ доволенъ, когда ему сообщили, что биржевые цѣны на русскіе предметы съ каждымъ днемъ поднимаются съ того времени, какъ его войска стали одерживать побѣды, о чёмъ свидѣтельствуютъ даже французскіе политическіе комиссары.

Въ это время Северинъ, съ соизволенія владѣтельнаго принца, обратился къ Императору, прося его разрѣшенія увѣковѣчить настоящее, столь достопамятное для Голландіи, посвѣщеніе Его Величествомъ биржи какою-либо надписью. Государь отвѣчалъ, что это имѣть очень небольшое значеніе и, безъ сомнѣнія, много уже иностранцевъ посвѣтило это учрежденіе, однако же, когда владѣтельный принцъ, съ своей стороны, сталъ настаивать на этомъ, говоря, что посвѣщеніе такого прославленнаго Монарха слишкомъ достопримѣчательно, чтобы не сохранить о немъ памяти на будущія времена, то Императоръ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе.

Съ крайнею привѣтливостью Императоръ и владѣтельный принцъ простились съ окружавшими ихъ лицами и отбыли, сопровождаемые оживленными восклицаніями всѣхъ присутствовавшихъ.

Позже, въ соотвѣтствіи съ изъявленнымъ Императоромъ согласіемъ, на фризахъ верхней части одной изъ колоннъ биржевого зданія была водруженна мраморная доска, на которой золотыми буквами были высѣчены слѣдующія строки, составленныя поэтомъ Корнеліемъ Лоотсомъ (Loots):

„Царь Александръ въ ножны побѣдный мечъ свой вложилъ.
И взоромъ мира биржу Амстеля озарилъ.
IV Іюля MDCCCLXIV“.

Въ полдень во дворцѣ состоялся парадный обѣдь, во время котораго модель домика Петра Великаго въ Саардамѣ, наканунѣ поднесенная Императору, служила однимъ изъ украшений обѣденнаго стола, будучи поставлена напротивъ

висѣвшей надъ столомъ художественно исполненной миниатюрной модели корабля. Эта любезность была, повидимому, очень пріятна Монарху.

Въ 7^{1/2} часовъ Высокое Общество отправилось, въ церемоніальномъ шествіи, въ голландскій театръ, гдѣ назначень былъ спектакль *gala*. Здѣсь ихъ ожидало уже большое число зрителей, встрѣтившихъ Высокихъ Гостей съ большимъ энтузіазомъ и громкими радостными восклицаніями.

Императоръ занялъ мѣсто между вдовствующими принцессами Оранскою и Бруншвейгскою. Была поставлена трагедія Шекспира „Гамлетъ“; чтобы спектакль не затянулся слишкомъ долго, дали только нѣсколько сценъ изъ 3-го и 4-го дѣйствій, въ которыхъ наиболѣе ярко могла бы развернуться художественная игра лучшихъ національныхъ артистовъ. Исполненіе ролей Офеліи—артисткою Ваттье-Сіесенисъ (Wattier Siesenis) и Гамлета—артистомъ Снукомъ (Snoek) понравилось Императору и дало ему благопріятное представление о состояніи голландскаго театра.

За этимъ послѣдовалъ восточный дивертисментъ Роскошь костюмовъ и красота декорацій, которыми столь прославились голландскіе театральные живописцы, обратили на себя не меньшее вниманіе, чѣмъ и искусство первой танцовщицы ван-Полли-де-Гейсъ (v. Polly de Heus), которое она проявила здѣсь во всемъ своемъ блескѣ.

Всѣ артисты соревновали одинъ съ другимъ, чтобы доставить удовольствіе Высокимъ Посѣтителямъ, которые въ свою очередь, своимъ вниманіемъ къ игрѣ и внѣшними знаками одобренія выражали, что они дѣйствительно довольно исполненіемъ артистовъ. Пробывъ на спектаклѣ полтора часа, Высокія Особы отбыли изъ театра при громкихъ радостно-привѣтственныхъ восклицаніяхъ всѣхъ присутствовавшихъ здѣсь.

Во французскомъ театрѣ ихъ ожидала хотя менѣе многочисленная, но все-таки довольно значительная толпа зрителей. Роскошные костюмы дамъ, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ, оживляли еще болѣе общую картину. И здѣсь также Высокіе Гости были привѣтствованы громкими аплодисментами.

Затѣмъ была разыграна хорошо скомпонованная и сопровождавшаяся пѣніемъ аллегорическая пьеса въ честь Императора.

При открытии сцены картина изображала моментъ пре-

кращенія, царствовавшей доселъ на землѣ, кровавой распри: снова возвигается людьми храмъ мира и на алтарь его приносятся дары; Аполлонъ и музы снова возвращаются на землю и воздаютъ почести миротворцамъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвѣль на зрителей заключительный куплетъ, пропѣтый Аполлономъ:

„D'un vainqueur l'on chante la gloire,
 „Mais que l'on aime le guerrier,
 „Qui dans le champ de la victoire,
 „Fait croître et fleurir l'olivier.
 „Si son bras étonnait la terre,
 „Sa main la couvre de bienfaits.
 „Honneur à qui fait bien la guerre,
 „Amour à qui fait bien la paix!“.

Переводъ:

„Достоинъ быть воспѣтымъ побѣдителемъ,
 „Но любовь отдають тому воителю,
 „Который на поляхъ побѣды
 „Возвращаетъ древо оливы.
 „Если мечъ въ его рукѣ удивилъ весь міръ,
 „То та же рука осыпала человѣчество благодѣяніями.
 „Слава—искусному воителю,
 „Любовь—мудрому миротворцу“.

Громкіе аплодисменты усиливались всякий разъ, когда хоръ присоединялся къ кантаѣ, начинавшейся словами „vive, vive, vive à jamais les auteurs de la paix!“ („да здравствуютъ, да здравствуютъ, да здравствуютъ навсегда сози-датели мира“). Послѣ этого Императоръ былъ привѣтство-ванъ еще нѣсколькими кантатами.

Высокіе Гости отбыли изъ театра въ 11 часовъ весьма довольные спектаклемъ и въ то же время оставивъ зрителей очарованными своею привѣтливостью и задушевностью.

Ночной отдыхъ былъ очень коротокъ для Императора. Около трехъ часовъ Его Величество вышелъ изъ дворца и, отклонивъ всѣ церемоніи проводовъ, сѣлъ въ экипажъ, чтобы продолжать дальнѣйшій свой путь.

У т р е х тъ.

На границѣ провинціи Люненъ Высокаго Путешественника ожидали губернаторъ баронъ ван-Тейль ван-Сeroоскеркенъ (v. Tuyl v. Serrooskerken) и комендантъ ван-Зандикъ (v. Sandick). Были сдѣланы большія приготовленія къ торжественной встречѣ Императора, но Его Величество спѣшилъ возвращеніемъ, поэтому принужденъ быть отказаться отъ всякихъ торжествъ здѣсь и, не останавливаясь на границѣ названной провинціи, прослѣдовалъ далѣе.

Въ 7 часовъ Монархъ прибылъ въ Уtrechtъ. Онъ охотно принялъ предложеніе бургомистра проѣхать во дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Необыкновенною привѣтливостью отличалось обращеніе Государя со всеми лицами, встрѣтившими его во дворцѣ, среди которыхъ было много знатныхъ лицъ и въ особенности дамъ.

Генераль ван-Зандикъ представилъ здѣсь Императору В. А. А. Пульмана (Poelman), инспектора главнаго управления монетнаго двѣла въ Голландіи.

Этотъ послѣдній высказалъ Государю свою надежду, что если Его Величество соблаговолить удѣлить нѣсколько времени осмотру достопримѣчательностей Уtrechtта, то онъ не откажеться, въ семъ случаѣ, удостоить своимъ посѣщеніемъ и монетный дворъ.

Несомнѣнно, что чеканка золотыхъ дукатовъ, какъ самой распространенной въ Европѣ торговой монеты, не могла не интересовать Императора.

Государь посѣтилъ монетный дворъ. Въ присутствіи Его Величества была произведена чеканка и, съ разрешенія владѣтельного принципа, выбита особая медаль дляувѣко-вѣченія памяти о столь почетномъ для названнаго учрежденія посѣщеніи россійскимъ Монархомъ.

Одна такая отчеканенная золотая медаль была поднесена Монарху въ знакъ выраженія глубокой преданности и Его Величество милостиво соизволилъ принять это подношеніе.

Медаль имѣла на одной сторонѣ, посреди лавроваго вѣнка, слѣдующую надпись:

„Alexandro
Pacificatori
S.“

(„Александру Миротворцу посвящается“).

На обратной сторонѣ было изображено сіяющее солнце, а подъ нимъ слова:

„Trajecti
ad
Rhenum
MDCCCXIV“

(„Перешелъ Рейнъ. 1814“).

Послѣ того Императоръ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно положенія въ Голландіи монетнаго дѣла, а также относительно работающихъ въ этой специальности механиковъ.

Затѣмъ Императору представленъ былъ А. Калькунъ (Calkoen), какъ командиръ почетнаго коннаго эскорта, который долженъ былъ сопровождать Его Величество въ дальнѣйшемъ вояжѣ. Принимая этого офицера, Государь выразилъ свое непремѣнное желаніеѣхать дальше безъ всякаго эскорта. Намѣреніе губернатора сопутствовало Монарху до границы—было также отклонено Государемъ, соизволившимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить губернатору, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, свою благодарность. Было около 8 часовъ, когда Его Величество выѣхалъ изъ города.

Сейстъ.

Безчисленныя толпы народа стекались въ Сейстъ въ ожиданіи прїѣзда сюда Императора, такъ какъ было весьма вѣроятно, что Его Величество, подобно своей Августѣйшей сестрѣ, прїѣзжавшей сюда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, остановится въ Сейстѣ на нѣкоторое время и посѣтить находящійся здѣсь братскій домъ.

Дѣйствительно, нигдѣ не останавливалась, Государь прямо проѣхалъ въ этотъ домъ. Обширная трапезная братства была уже приготовлена, чтобы принять Высокаго Гостя. Здѣсь собралось большое общество, поджидавшее Императора въ почтительномъ молчаніи. Монархъ шелъ съ непокрытою головою, ведомый почтеннымъ сѣдовласымъ пасторомъ Трешо (Treschow) и сопутствующимъ бургомистромъ и реформатскими пасторами и другими лицами. Онъ шелъ увѣреннымъ шагомъ, съ достоинствомъ и простотою.

Императоръ отвѣдалъ съ удовольствіемъ предложенныхъ ему въ трапезной яствъ, продолжая, въ то же время, принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Казалось, что онъ желаетъ, прежде всего, чтобы на него смотрѣли только какъ на желанного гостя и рѣшительно забыли, что онъ Монархъ.

Послѣ этого Государь принялъ предложеніе осмотрѣть всѣ мастерскія братства и, сопровождаемый почетнымъ гидомъ, обошелъ ихъ и осмотрѣлъ все со вниманіемъ и съ тѣмъ интересомъ, который обнаруживалъ въ немъ какъ почетительнаго Государя, заботливо слѣдящаго за успѣхами въ промышленности и искусствахъ, такъ и любезнаго гостя, умѣющаго уважать внимательность со стороны хозяина дома даже въ мелкихъ случаяхъ ея проявленія. Государь былъ очень доволенъ, что въ этой прогулкѣ онъ былъ избавленъ отъ назойливости любопытной толпы и обнаруженная его спутниками заботливость въ этомъ отношеніи вызвала особую признательность Монарха.

Во время посѣщенія братскихъ мастерскихъ громаднѣйшая толпа народа стала направляться къ красивому зданію кирки, украшенному къ этому дню, съ большимъ вкусомъ зеленью.

Отъ братскаго дома до храма дорога была очищена отъ толпы. Въ самой церкви все было готово для встрѣчи. Пространство посреди храма оставалось свободнымъ, только галлереи, мѣста подъ ними и стулья на переднихъ мѣстахъ были заполнены зрителями. Въ нижней части храма, въ сторону галлереи, назначенной для дамъ, противъ самаго органа, было поставлено, на небольшомъ коврѣ, кресло; по лѣвой и правой сторонѣ, немного подавшись назадъ, стояли обычныя скамьи.

Послѣ краткаго ожиданія раздался голосъ: „музыка“. Понеслись тихіе и проникающіе въ душу звуки органа и пѣнія извѣстнаго германскаго гимна: „Нынѣ возблагодарите всѣ Господа Бога“. Подъ пѣніе первого стиха Императоръ вошелъ въ храмъ. Ему почтительно указали предназначеннное для него мѣсто; но онъ не пожелалъ воспользоваться приготовленнымъ ему кресломъ и сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, недалеко отъ престарѣлого пастора, и съ благоговѣніемъ принялъ участіе въ трогательномъ пѣніи. На всѣхъ присутствующихъ это произвело глубочайшее впечатлѣніе. Видѣли слезы на глазахъ у людей, никогда

не плакавшихъ раньше при подобныхъ умилительныхъ сценахъ.

Когда пѣніе гимна было закончено, достопочтенный Трешо (Treschow) обратился къ Государю съ просьбою—разрѣшить исполнить канту, сочиненную на данный случай. Малолѣтняя дочь ван-Лаара (v. Laar), одѣтая во все бѣлое, съ милой скромностью представила Государю копію этой канты, сочиненной на нѣмецкомъ языкѣ поэтомъ Толленсомъ (Tollens). Его Величество весьма привѣтливо принялъ поднесенное и со вниманіемъ прочиталъ текстъ канты.

Началось исполненіе. Пѣніе и сопровождавшая его музыка заслуживали не меньшаго одобренія, чѣмъ и слова канты.

По окончаніи пѣнія всѣ были глубоко растроганы—Императоръ, пасторъ и слушатели; и не было ли естественнымъ, что созерцаніе Государя, который отстраняетъ отъ себя всѣ вѣшнія отличія своего высокаго сана, вызвало у пастора мысль: „здѣсь сидѣть Монархъ, побѣдоносно возвращающійся съ войны, подобной которой не было доселѣ въ исторіи народовъ, и къ ногамъ его склоняется въ эти минуты благодарная и восхищенная Европа. Здѣсь сидѣть онъ вдали отъ миллионовъ своихъ подданныхъ, отъ своего двора, отъ своихъ приближенныхъ. Здѣсь сидѣть одинъ онъ въ храмѣ братской общины, чтобы, посреди братій ея, вознести хвалу Всемогущему Богу и преклониться предъ Нимъ“. Столъ же естественнымъ послѣдствіемъ этой мысли явилось, что набожный Трешо, когда закончилось пѣніе канты, обратился къ Монарху со слѣдующею, экспромптомъ сказанною (на нѣмецкомъ языкѣ), рѣчью:

„Пріготовляя торжественную встречу, мы думали, что она будетъ отвѣтывать мыслямъ Вашего Величества. Но Вы, Всемилостивѣйшій Государь, явили всему миру образъ Монарха, который послѣ блестящихъ успѣховъ своихъ предприятій—не себѣ, но единому Богу воздаетъ хвалу и славу и предъ Нимъ самъ во смиреніи склоняется. И за то Онъ былъ съ Царемъ и пребудетъ съ нимъ на вѣки“.

Пожатіе руки, говорящее сильнѣе словъ, было отвѣтомъ Императора.

Общее глубокое впечатлѣніе сказалось въ почтительной торжественной тишинѣ среди присутствующихъ.

Послѣ того всѣ направились въ домъ для сестеръ общины, а изъ него во вдовій домъ, осмотрѣвъ всѣ эти помѣщенія,

Монархъ отправился въ дальний путь, пробывъ, такимъ образомъ, въ Сенстѣ полтора часа. О, какъ благословляли всѣ его, какъ изъ глубины сердцѣ неслись, въ слѣдъ ему, воскликанія: „да здравствуетъ Александръ Великодушный!“ и отъ тѣхъ же благодарныхъ сердецъ посыпались ему пожеланія: „чтобы ему сопутствовало счастье столь же великое, какъ велика слава о добродѣтеляхъ его“.

Поѣздна чрезъ Гельдерландъ въ Нимвегенъ (Nijmegen) и отъѣздъ.

Императоръ Александръ продолжалъ свое путешествіе изъ Сейста чрезъ Дрибергенъ и Доорнъ и прибылъ, въ часъ дня, въ Амеронгень, въ домъ, принадлежащій вдовствующей графинѣ ван-Рееде ван-Атлонъ (van Rheede van Athlone). Ея сынъ, милордъ Атлонъ, принялъ Высокаго Цутешественника въ замкѣ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ двухъ-часовой остановки, во время которой Государь немного отдохнулъ, Его Величество отправился въ дальний путь по направленію къ Нимвегену.

На Вильшскомъ (Wielsche) фарватерѣ былъ наведенъ особый мостъ, на который былъ настланъ коверь и поставлена палатка; кроме того, на мосту были и другія украшенія. Когда Государь увидѣлъ все это, онъ съ замѣтнымъ волненіемъ, обращаясь къ окружающимъ, воскликнулъ:

„О, люди! Развѣ я не человѣкъ подобный имъ? Почему же они воздаютъ мнѣ столь много почестей!“.

Монархъ не пожелалъ воспользоваться приготовленнымъ специально для него сооруженіемъ и перѣѣхалъ по обыкновенному мосту, не выходя, по причинѣ дождя, изъ своего экипажа. Его Величество выразилъ также рѣшительное свое желаніе, чтобы изъ орудія, которое было доставлено сюда специально для данного случая, не производилось бы никакихъ салютовъ.

На другомъ берегу Монархъ былъ встрѣченъ барономъ ванъ-Линденъ, который, въ качествѣ губернатора провинціи Гельдерландъ, привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью.

Здѣсь же находились также: комиссаръ округа—Дик-меестеръ (Dykmeester) и военный комендантъ—генералъ Брюсъ (Brusse).

Всѣ эти лица были благосклонно приняты Императоромъ, выразившимъ здѣсь свое твердое намѣреніе путешествовать безъ всякой свиты и безъ воинскихъ эскортовъ, которые стояли уже въ разныхъ пунктахъ наготовѣ, чтобы сопровождать Высокаго Гостя.

Императоръ прослѣдовалъ чрезъ Гемменъ (Hemmen), гдѣ для встрѣчи его былъ собранъ ландштурмъ изъ Вагенигена (Wageningen) съ отрядомъ музыкантовъ. Государь, замѣтивъ, что командиръ ван-Даленъ (Dalen) имѣетъ намѣреніе привѣтствовать его здѣсь, изволилъ милостиво приказать опустить верхъ экипажа, послѣ чего и выслушалъ благосклонно произнесенную рѣчъ.

Въ Лентѣ (Lent) собрались большія толпы народа изъ окрестныхъ мѣстностей; тутъ же находился значительный конный отрядъ, составленный изъ знатнѣйшихъ юношей Арнгема (Arnhem) и предназначавшійся служить почетнымъ конвоемъ на случай прїѣзда Государя.

При перѣѣздѣ къ Нимвегену Монархъ былъ встрѣченъ у летучаго моста, со вкусомъ убраннаго, комиссаромъ этого округа, а на другой сторонѣ рѣки былъ привѣтствованъ городскимъ управлениемъ.

Императоръ и здѣсь также просилъ освободить его отъ всякихъ торжественныхъ церемоній, также какъ и отъ эскортированія почетною стражею, отъ пушечныхъ салютовъ и проч.

При оглушительныхъ радостныхъ восклицаніяхъ безчисленной толпы народа проѣзжалъ Государь, сопровождаемый своимъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, чрезъ Нимвегенъ, богато разукрашенный различными тріумфальными арками. При проѣздѣ черезъ одну изъ такихъ арокъ, сооруженную на средства города, Монархъ былъ салютованъ войсковыми знаменами. Наконецъ онъ прибылъ къ отелю барона ван-Нейенкирхена, называемому Нивенгеймъ (Nijvenheim); въ ожиданіи, что Государь сдѣлаетъ остановку въ Нимвегенѣ и проведетъ здѣсь ночь, названный отель былъ заблаговременно приготовленъ, съ большою роскошью, для пріема въ немъ Его Величества. Императоръ былъ встрѣченъ здѣсь губернаторомъ и 14 молодыми дочерьми знатнѣйшихъ фамилій, которыхъ изъ изящныхъ корзиночекъ усыпали цветами путь Монарха, въ то время какъ нѣсколько юношей стояли въ ожиданіи быть призванными къ Императору, чтобы служить ему пажами.

Передъ тѣмъ, какъ Государь успѣлъ прослѣдовать въ отель, произошелъ трогательный эпизодъ.

Генералъ Толстой, братъ гофмаршала Толстого,—человѣкъ, котораго Императоръ Александръ чтилъ какъ воина и любилъ какъ друга,—возвращаясь изъ Гамбурга, остановился въ Нимвегенѣ, чтобы ожидать здѣсь пріѣзда Государя. Они не видались другъ съ другомъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, и теперь, послѣ столь тяжелыхъ заботъ, послѣ столь важныхъ политическихъ событий и столь счастливаго исхода,—встрѣча ихъ была особенно радостна. Какъ только Императоръ узналъ Толстого, онъ дружески раскланялся съ нимъ и едва успѣлъ выйти изъ экипажа и подойти къ крыльцу, какъ оба они бросились навстрѣчу одинъ къ другому, и вновь найденный другъ былъ братски заключенъ въ объятія,—различіе между Монархомъ и подданнымъ—перестало существовать. Встрѣча обоихъ братьевъ была не менѣе сердечна.

Государь оставался только весьма короткое время въ отель и, спѣша продолжать свой путь, отказался отъ приготовленного для Его Величества обѣда. Выразивъ губернатору свое желаніе, чтобы этотъ послѣдній не сопровождалъ его до границы, поблагодаривъ владѣльца дома, въ которомъ онъ останавливался, и сказавъ на перронѣ дружескій комплиментъ юнымъ его дочерямъ, Государь сѣлъ въ экипажъ, скоро выѣхалъ изъ предѣловъ Голландіи и вечеромъ того же дня проѣхалъ чрезъ Клефъ (Cleef) къ замку фон-Гунъ фон-Гунсбрюкъ (Heensbrük) у Гельдера, гдѣ Ея Императорскаго Высочество, вдовствующая герцогиня Ольденбургская, ожидала уже своего августѣйшаго брата.

На долю населенія Нимвегена выпало менѣе счастья лицезрѣть любимаго, обожаемаго Александра. Но къ приему его были сдѣланы жителями большія приготовленія, такъ какъ, ожидая Высокаго Гостя къ вечеру, разсчитывали устроить встрѣчу при блескѣ роскошныхъ иллюминаціонныхъ огней.

Всѣ жители соревновали одинъ съ другимъ въ устройствѣ разныхъ украшеній на домахъ, улицахъ и т. п., и вездѣ было обнаружено столько же вкуса, какъ и разнообразія.

Передъ зданіемъ общества „Согласіе“ по краямъ колоннады читалось слѣдующее латинское четверостишие:

„Alter Alexander vincendo subjicit orbem,
Alter vincendo libera regna creat.“

Gentibus a domitis si Magnus dicitur alter,
Pacatis merito Maximus alter erit.

(Одинъ Александръ завоевалъ міръ желѣзомъ, другой Александръ — желѣзомъ возвращаетъ народамъ свободу. Если одинъ Великимъ названъ за то, что покорилъ народы, другой—даровавшій имъ миръ—достоинъ быть названъ *Величайшимъ*).

Наверху карниза была нарисована аллегорическая картина, съ изображеніемъ Славы, испускающей хвалу Александру Величайшему. Вокругъ этой картины развѣвались флаги союзныхъ державъ.

На другомъ зданіи Общества, не менѣе отличавшемся своею изящною простотою, выдѣлялась слѣдующая надпись:

„Водворенный нынѣ среди народовъ миръ проистекаетъ изъ побѣдъ Александра и его союзниковъ. Онъ возвращается въ свое Царство, сопровождаемый любовью и благодарностью народовъ“.

Очень просто и въ то же время величаво былъ украшенъ отель, въ которомъ останавливался Императоръ. Надъ балкономъ свѣтившимися буквами были изображены слова:

„Привѣтъ
Александру Благословенному“.

Сообщ. А. С. Лацинскій.

За пятьдесят лѣтъ.

(Воспоминанія г.г. Глѣбовыхъ).

ГЛАВА II¹⁾.

Начальное обученіе и первое исполненіе роли охотничьей собани.

Дни текли за днями; незамѣтно прошло два года. Надумали меня учить. За это дѣло взялся самъ вотчимъ. Какой страхъ переживала я при одной мысли о такомъ просвѣтителѣ, даже теперь жутко вспомнить. Мать переживала то же, что и я. Нѣсколько разъ она предлагала взять учительницу, но получала слѣдующій отвѣтъ:

— Стоить на нихъ тратить деньги. Я самъ дамъ имъ домашнее образованіе.

Ну и дѣйствительно образоваль.

Какъ ни оттягивала мать рокового начала, но оно приближалось; приближалось безжалостно и наконецъ настало.

— Позвать ко мнѣ Машку, приказалъ однажды мой будущій наставникъ.

Я сидѣла рядомъ въ комнатѣ и тихонько, боясь быть услышанной, грызла кедровые орѣхи. При упоминаніи моего имени я цѣлкомъ проглотила орѣхъ и сильно закашлялась. Пришлось идти, идти, какъ на казнь. Вѣроятно я очень была блѣдна, потому что вотчимъ, какъ будто встревожась, спросилъ:

— Что у тебя, животъ что ли болитъ?

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ іюнь 1916 г.

— Нѣть, благодарю васъ, папаша, мнѣ очень хорошо. Отвѣтъ сопровождался книксеномъ.

— Ну не болитъ и хорошо. Садись.

Я вошла. Вотчимъ взялъ книгу. Это была азбука. Указывая пальцемъ на букву, онъ сказалъ:

— Это „а“ понимаешь?,

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „б“, понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „в“, понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вотъ помни.

Такъ онъ мнѣ разомъ показалъ всю азбуку и приказалъ запомнить.

— Учи, черезъ два дня я тебя спрошу.

— Хорошо-съ, отвѣчала я и хотѣла уходить.

— Сиди, урокъ не конченъ.

Я снова пригвоздилась къ мѣсту. Онъ позвалъ мать, та вошла.

— Я задалъ ей выучить азбуку; сроку назначилъ два дня, не вадумай ей помогать, репетиторъ излишенъ; надо, чтобы пріучалась къ самостоятельной работѣ. Ступай. Мать вышла.

— Ну, теперь ариѳметику, цифры выучишь потомъ, а теперь примемся за таблицу умноженія. Она ничего общаго съ ариѳметикой не имѣтъ; она сама по себѣ, а ариѳметика сама по себѣ. Главное память и вниманіе.

— Да, папаша, поддакнула я.

— Тебя не спрашиваютъ, оборвалъ меня мой профессоръ. Я смолкла.

— Ну помни...

Что такое онъ мнѣ говорилъ, какъ онъ объяснялъ, я тогда ничего не понимала, а потому и теперь не могу объяснить. Словомъ, первый урокъ кончился, и я была отпущена. Буквы, разумѣется, я перезабыла, мать помогала, но запомнить въ два дня всю азбуку невозможно, какъ невозможно запомнить и умноженія. Ну вотъ насталъ второй урокъ. Чтобы какъ-нибудь задобрить учителя, я раза три сдѣлала ему реверансъ, но онъ не обращалъ на это вниманія.

— Садись, отрывисто приказалъ онъ.

Я сѣла, въ лѣвой ногѣ начались судороги, и она непроизвольно дергалась.

— Не дергай ногой! крикнулъ учитель, но нога моя, точно нарочно, стала танцевать еще сильнѣй.

— Я что тебѣ говорю?
 Набравшись духу, я пробормотала:
 — Она папаша сама...
 — Что сама?
 — Нога... танцуетъ...
 — Гм... ну, ладно.

Онъ открылъ книгу и ткнувъ въ первую попавшую букву спросилъ:

— Какая?

Я хорошо запомнила, что первая буква „а“, а потому не задумываясь и объявила: „а“. Здоровый щелчекъ по носу былъ отвѣщенъ за мое легкомысліе.

— Вотъ тебѣ „а“. Не „а“—„ы“, поняла? Остолопъ Царя персидскаго. Я молчала.

— Что молчишь? Поняла?
 — Нѣтъ, папаша...
 — Вотъ это „а“, это „ы“. Поняла?
 — Да.

— Ну вотъ. Укажи-ка мнѣ ижицу,—подставляя книгу, спросилъ вотчимъ. Я ткнула наугадъ и попала въ еиту. Опять послѣдовалъ щелчекъ, но уже не въ носъ, а въ лѣвое ухо. Оно разомъ загорѣлось и заболѣло, а въ носу не переставало щекотать отъ первого пріема педагога.

— Ну я тебѣ болѣе не задамъ, изволь-ка повторить; да совсѣту вызубрить, а то высѣку. Поняла?

— Поняла.

— Ну вотъ. Саша— позвалъ онъ мать: та вошла. Пройди съ Машей урокъ; она ничего не знаетъ. Пусть выучить, а то высѣку. Поняла? Да поняла.—Ступай.

Мать вышла.

— Теперь отвѣчай таблицу умноженія. Сколько будетъ дважды три?

— Четыре, отвѣчала я едва слышно. Сильный ударъ въ затылокъ былъпущенъ въ награду за мудрый отвѣтъ. Я слетѣла со стула, но быстро оправилась и снова вскочила на стулъ.

— А сколько будетъ дважды два?
 — Четыре, отвѣтила я опять...
 — Ну, то-то-же... На сегодня, ступай...

Такъ шло мое ученіе „такъ я училась читать, писать и считать“. Сколько было щелчковъ, сколько было дерганий за ухо, за волосы, трудно даже приблизительно сосчитать. Желаю моимъ друзьямъ столько рублей, и они будутъ

богаты. Въ праздничные дни ученія не было, и мой наставник занимался охотой. У него былъ прекрасный песъ Шойтонка, но вотъ какъ-то песъ пропалъ, а на охоту очень хотѣлось.

Вотчимъ одѣлся въ охотничій костюмъ, закинулъ на спину ружье и двинулъся въ путь. Я играла около дома. Онъ увидѣлъ меня и позвалъ за собой. Я покорно шла. Дорога была длинная, трудная и было очень жарко. На головѣ не было шляпы, солнце пекло, и мнѣ ужасно хотѣлось пить; несмотря на то, что у „шапаши“ была фляжка, попросить воды я не рѣшалась. Только я предалась мечтамъ о водѣ, какъ показалось болото; онъ прошепталъ мнѣ повелительно „стой“ и началъ пристально смотрѣть передъ собой и осторожно снимать съ плеча ружье. Раздался выстрѣль, и двѣ птицы грузно кувыркнулись въ воду. Упали онѣ очень далеко и достать ихъ не было никакой возможности. Вотчимъ досадливо покручивалъ и покусывалъ усы. Затѣмъ взглянулъ на меня, задумался, видимо у него родилась какая-то мысль, но онъ не рѣшался ее высказать разомъ. Затѣмъ отрывисто приказалъ:

— Раздѣвайся.

Я сначала не поняла...

— Раздѣвайся, дура. Тебѣ говорятъ.

Я начала исполнять приказаніе. Сняла туфли, чулки и остановилась.

— Раздѣвайся еще...

Я немного помедлила, но ослушаться не смѣла и осталась въ нижнемъ бѣльѣ.

— Снимай все. Не упрямься, а то смотри у меня.

Я стала быстро раздѣваться. Раздѣвшись до положенія больше чѣмъ Евы, я ждала дальнѣйшихъ распоряженій.

— Полѣзай въ воду и тащи утокъ.

Несмѣло я двинулась по топкому болоту. Ноги грузили, но мнѣ было десять лѣтъ, и я была худа. Болото выдергивало. Наконецъ, добралась до воды и прыгнула, было неглубоко, и первую утку я достала довольно легко и, какъ хорошодрессированная собака, положила ее къ ногамъ охотника.

— Полѣзай за второй!—снова раздался приказъ.

Я снова полѣзла въ воду. Достать вторую птицу было не такъ-то легко. Она не была разомъ убита и первое мгновеніе въ предсмертной агоніи отплыла довольно далеко. Я смѣло шла, вытянувъ впередъ руки; наконецъ, вода стала

глубока и постепенно я все больше и больше погружалась въ воду, которая стала доходить мнѣ до шеи.

— Плыви, донеслось до меня. Я плавать не умѣла, но ринулась впередъ и почему-то разомъ стала плыть. Плаванье было неумѣлое. Я фыркала, захлебывалась, но, благодаренѣе судьбѣ, добралась до трофея. Схвативъ птицу за шею, я уже не могла съ нею плыть и чувствовала, что могу утонуть.

— Бери утку въ ротъ и плыви, командовалъ „папаша“. Я взяла птицу зубами за крыло и, задыхаясь, двинулась въ обратный путь. Какъ я добралась до берега—не помню. Утку я подала и впала въ легкій обморокъ. Когда я очнулась, то увидала очень близко сѣро-зеленые глаза вотчима и его щетинистые усы. Онъ стоялъ передо мной на колѣяхъ, вливалъ мнѣ воду въ ротъ и мочилъ виски.

— Ну, нѣженка, подумаешь, какія страсти, не можетъ достать пары утокъ. Одѣвайся.

Я дрожащими руками стала облачаться и минутъ черезъ пять была готова.

— Теперь маршъ домой. А за то, что толкомъ ничего не можешь сдѣлать, не получишь завтра за обѣдомъ утокъ. Повяла?

— Поняла...

— Ну, вотъ...

Домой я шла довольно бодрая; вода освѣжила меня, и сознаніе миновавшей опасности подбадривало. Жить было тяжело, скверно, но жить хотѣлось, и я спѣшила домой подѣлиться съ матерью впечатлѣніями. Порою мнѣ даже дѣлалось весело отъ сыгранной мной роли за убѣжавшаго Шойтона. Первый мой дебютъ въ жизни былъ въ роли охотничьей собаки. Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ, и на что можетъ толкнуть деспотизмъ и самодурство...

Добравшись домой, вотчимъ весело разсказывалъ матери о случившемся, а та нѣмая, перепуганная, слушала и не вѣрила ушамъ. Охота съ человѣкомъ, замѣняющимъ собаку, очень понравилась „папашѣ“, и онъ нѣсколько разъ дѣлалъ мнѣ честь назначать мнѣ эту роль. На мое счастье вернулся бѣглецъ, и роль была отнята и возвращена по принадлежности. Какъ бы ни было страшно и жутко нырять въ болото, но все-таки не такъ страшно, какъ воспринимать отъ вотчима свѣтъ ученія. Вмѣсто каждого урока съ подзатыльниками, щелчками, дерганьями, я съ удовольствиемъ бы раза три вырнула въ зелено-желтныя воды болотъ.

Впрочемъ, я была вознаграждена. „Папаша“ не исполнилъ угрозы лишить меня утки за обѣдомъ, и я была пожалована лапкой и крыльшкомъ. Все-таки правда на свѣтѣ торжествуетъ. И такъ время шло, и я продолжала обучаться. Какъ ни странна была метода преподаванія, но я, съ грѣхомъ пополамъ, выучилась читать, писать и вызубрила таблицу умноженія, а затѣмъ усвоила и четыре правила ариѳметики. Откуда, какъ и почему, не знаю, но въ моей головѣ зародилась мысль сдѣлаться артисткой. Я не давала себѣ отчета, какой артисткой: драматической, балериной или пѣвицей, но я мечтала быть артисткой и непремѣнно блондинкой съ голубыми глазами. Гуляя по саду, я мечтала, и какіе-то странные, неясные образы витали въ моей дѣтской головѣ. Для меня было истинное наслажденіе уединиться, уйти подалѣ и мечтать, мечтать, о неизвѣстномъ, невѣдомомъ, но желаемомъ, прекрасномъ мірѣ: мірѣ, какъ мнѣ казалось, чудесъ. Временами это куда-то уплывало, но затѣмъ настойчивѣй и настойчивѣй назрѣвало и вылилось въ ясную форму желанья учиться чему-нибудь такому, чтобы стать артисткой и уйти отъ окружающей, кошмарной жизни. Что суждено, то должно случиться. „Суженаго конемъ не обѣдешь“, говорить русская пословица, я въ этомъ убѣдилаась. Есть рокъ, который ведеть человѣка, и нѣть силы сломить рокъ и найти иной другой.

Г л а в а III.

Первая похвала.

Двое моихъ дядей были балетмейстерами. Родней прѣходились они со стороны матери. По выходѣ сестры ихъ во второе замужество и зная нравъ мужа, каждый избѣгалъ бывать въ домѣ, зная, на какой пріемъ они могли разсчитывать. Старшій изъ нихъ давалъ уроки въ институтѣ одного губернского города. Пріѣхавъ по дѣламъ въ Одессу, близъ которой мы жили, онъ рискнулъ заѣхать къ намъ. Подъ какой счастливой звѣздой родился дядя — не знаю, но принялъ его вотчимъ довольно ласково, и онъ прожилъ нѣсколько дней. Ради него готовились особенные обѣды, покупались вина, словомъ, оказывалось полное гостепріимство.

Въ одинъ изъ вечеровъ зашелъ разговоръ о насъ. Мы съ сестрой играли въ углу, а старшіе вели бесѣду.

— Ну что, начали учить Марусю? — спросилъ дядя.

— Какъ же, отвѣтилъ вотчимъ. Только, говоря по совѣсти, убоище она порядочное. Ничего путнаго изъ нея не выйдетъ. Придется обучать ремеслу, пусть шьетъ платья, а не пойдеть и это дѣло, отдамъ въ горничныя или кухарки. И, знаете, такая кишкa у нея, жретъ за троихъ, а Вѣрка, младшая, тоже подаетъ такія же надежды...

Дядя насушился, но слушалъ и не возражаль.

— Леличка, вступилась мать, тебѣ это кажется. Право, дѣвочки онѣ хорошія и любятъ тебя...

— А на что мнѣ ихъ любовь? Не въ любви дѣло, а въ томъ, что глупыя дѣвченки и не имѣютъ никакихъ способностей.

— Не вѣкъ же ихъ держать на своей шеѣ...

— Да вѣдь Машенькѣ только десять лѣтъ.

— Вырастетъ, замужъ выйдетъ...

Вотчимъ расхохотался.

— Замужъ выйдутъ? Кому онѣ нужны? Нынче нѣть такихъ дураковъ, чтобы безъ приданаго; да и съ виду не казисты. Выростутъ и будутъ хвостотрепки. Брось говорить глупости.—Мать смолкла. Нѣсколько времени въ комнатѣ царила тишина. Мухи чернѣли на потолкѣ, вспархивали и мѣнялись мѣстами, иногда слышалось жужжанье ихъ крыльевъ.

Первымъ прервалъ молчанье дядя.

— Если вы увѣрены въ томъ, что у нихъ нѣть данныхъ учиться и идти по пути науки, то быть можетъ у нихъ есть способности къ танцамъ. Вѣра мала, а Маруся уже можетъ начать занятія. Танцевать чѣмъ раньше начать учиться, тѣмъ лучше... Подумайте. Быть можетъ мнѣ пришла счастливая мысль.

Папаша нѣсколько мгновеній молчалъ. Предложеніе было неожиданно, и онѣ что-то соображалъ, смотря въ упоръ въ лицо дяди... Затѣмъ откашлялся и началъ:

— Да, быть можетъ, чортъ ихъ знаетъ. Быть можетъ будущія Тальони. Но посыпать ихъ въ ученье я не могу. Бросать деньги на вѣтеръ не желаю и... вообще это... фантазія.

— Почему фантазія. Почему. Прежде всего стоить вамъ это ничего не будетъ...

Вотчимъ навострилъ уши.

— Марусю я возьму къ себѣ и, конечно, платы братъ не буду. Все-таки выростетъ, будетъ кусокъ хлѣба. Какъ ни какъ, но это интереснѣйшія или карьеры кухарки...

— Гм... да... конечно... Я что же... я пожалуй
Въ разговоръ вступила мать:

— Видишь, братъ, ты очень добръ, и я очень тебѣ благодарна, но Машенька сейчасъ мала, и ей рано учиться. Пусть годочка два подождетъ...

— Она права, подтвердилъ вотчимъ. Пусть за эти два года она домашнее воспитаніе...

Услышавъ это зловѣщее слово, я выронила изъ рукъ безносую куклу, голова которой разлетѣлась на нѣсколько кусковъ...

Этотъ случай вывелъ папу изъ терпѣнія, и онъ съ дрожью въ голосѣ обратился къ дядѣ:

— Видите, какое это сокровище. И такъ во всемъ. Берите ее хоть сейчасъ, если желаете, а то она и себѣ разобьетъ башку...

Дядя невольно улыбнулся:

— Сестрѣ хочется, чтобы Маруся побыла годика два дома. Я не хочу идти противъ ея желанія. Быть можетъ, сестра убережетъ ее, и голова останется цѣла. А куклу я ей подарю новую.

— Ну, батенька, я вижу, вы такой же баловникъ, какъ жена. Да вѣдь не пройдетъ и двухъ дней, и новая кукла отправится въ слѣдъ за этой...

— И пускай. Куколъ затѣмъ и дарятъ, чтобы ихъ въ концѣ концовъ разбивали, а то старые приглядываются и надоѣдаются...

— Ну, знаете, у васъ и теоріи.. Я прошу, пожалуйста, не развивать ихъ, а то дѣвченки въ конецъ испортятся. Ужъ вы сдѣлайте такое одолженіе. Я и такъ не знаю, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать. Дядя еще разъ улыбнулся и далъ знакъ согласія.

— Итакъ хвостотрепки пойдутъ въ балерины. Гм...умора. Воображаю, какая это будетъ грація, уноси ты мое горе. Развѣ съ шарманками пойдутъ по дворамъ.... Копѣечки собирать... Мостовыхъ утаптывать...

— Леличка, начала было укоризненно мать, но папаша такъ посмотрѣлъ, что все остальное, желаемое высказать, было проглоchenо.

— Да мы сейчасъ испытаемъ.. Машка, иди сюда.

Я подошла и почему-то меньше боялась, чѣмъ всегда. Меня успокаивалъ видъ дяди, его доброе, симпатичное лицо...

— Ну-ка, протанцуй намъ что-нибудь.

Я только хлопала глазами и не соображала, чего отъ меня хотятъ. Проживши десять лѣтъ на свѣтѣ, я ни разу не танцевала и даже не видала, какъ другіе танцуютъ.

— Нечего хлопать глазами, танцуй, семени ногами, посмотримъ, есть ли у васъ даровитость. Слышишь, танцуй.

Тутъ вступилъся дядя:

— Такъ нельзя. Изъ этого ничего не выйдетъ. Судить о способностяхъ такимъ образомъ невозможно.

— Почему?

— Потому что дѣвочка не имѣеть обѣ этомъ никакого понятія.

— Ну а какъ же?

— Да вообще это рано... но если вы такъ хотите, то извольте, мы это обставимъ иначе.

Дядя всталъ, подошелъ ко мнѣ и ласково потрепалъ меня по щекѣ. Непривычная къ ласкамъ, я была этимъ очень тронута, и мнѣ очень хотѣлось поцѣловать у дяди руку, но я не осмѣлилась...

— Хочешь учиться танцевать?—обратился дядя ко мнѣ съ вопросомъ.

— Хочу, отвѣчала я.

— Будешь дѣлать то, что я тебѣ покажу?

— Буду.

— Ну вотъ умница.

Дядя снова приласкалъ меня.

— Теперь поставь ножки такъ.

Дядя сталъ въ какую-то позицію. Я сразу поняла и вѣрно скопировала пріемъ дяди.

— Теперь ручки держи такъ...

Я онягъ воспроизвела правильно то, что отъ меня требовали, и дядя только поправилъ кисти рукъ.

— Теперь стой прямо, а ножку выдвигай впередъ. Ну такъ. Теперь назадъ, не торопись, теперь скорѣе, впередъ, опять назадъ, опять впередъ, опять назадъ... Хорошо, умница. Такъ, такъ...

Сердце мое было полно гордости, глаза блестѣли, щеки пылали. Меня хвалили, меня ласкали, нашли, что я что-то умѣю хорошо дѣлать.

Экзаменъ окончился, дядя поцѣловалъ меня. Я не выдержала и тоже чмокнула его... Вотчимъ смотрѣлъ на эту сцену и щурился, какъ старый котъ.

— Ну что, какъ? спросилъ онъ.

— Прекрасно. Маруся и понятлива и граціозна...

— Ну, вотъ и великолѣпно. Благословляю обѣими руками: Ташите ее къ себѣ и орудуйте. Пусть ее весь свой вѣкъ пляшетъ. Черезъ два года, такъ черезъ два, сейчасъ, такъ сейчасъ...

— Подождемъ два года. Время пройдетъ быстро, отвѣтилъ дядя и погладилъ меня по волосамъ.

Прислуга доложила о томъ, что ужинъ поданъ. Всѣ поднялись и пошли въ столовую. Мы съ сестрой остались. Когда всѣ трое скрылись въ другой комнатѣ и я услыхала стукъ вилокъ и ножей и увѣрилась, что о насъ забыли, сейчасъ же стала въ показанную дядей позу и давай продѣлывать все, что продѣлывала на экзаменѣ. Сестра Вѣра, съ любопытствомъ, смотрѣла и вдругъ чему-то громко, весело засмѣялась...

— Эй вы, дармоѣдки, тише!—раздалось изъ столовой.

Мы сѣли на свои обычныя мѣста и стали тихо разговаривать. Я обѣщала сестрѣ, что—завтра, когда папашенька уйдетъ, я и ее выучу такой же штукѣ, какъ выучили меня. Вѣра отъ удовольствія меня поцѣловала, и мы продолжали шептаться по этому дѣлу.

Ужинъ кончился. Старшіе вышли. Накормили насъ и отправили спать.

На другой день дядя уѣхалъ и еще разъ повторилъ свое предложеніе учить меня танцамъ.

Все, что мнѣ было показано, я заучила превосходно и ждала того времени, когда я начну занятія полностью. Раза два вотчимъ звалъ меня, приказывалъ становиться въ позу и чему-то училъ, вѣроятно пластикѣ.

Конечно, не обходилось безъ его специальныхъ поощреній. Послѣ этихъ уроковъ танцы тоже переставали казаться танцами, а чѣмъ-то скучными, томительными. Пробовалъ папаша меня учить русскую, показывалъ, объяснялъ, но я ничего не могла усвоить.

Онъ положительно убѣдился въ моей бездарности и нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что дядя будетъ со мной напрасно мучиться и что мое настоящее дѣло—быть судомойкой. На мое счастье, папаша скоро забылъ о танцахъ, какъ почти забылъ и о домашнемъ воспитаніи.

Явилось у вотчима желаніе повезти маму въ Москву познакомить съ своими родными. Поѣздка предвидѣлась продолжительная и, въ концѣ концовъ, надумали насъ отправить къ дядѣ. Мать кой-что подшила намъ, и мы съ ней отправились пароходомъ къ мѣсту жительства дяди. При

разставаніи мама горько плакала, крестила насъ, цѣловала, просила брата беречь насъ и уѣхала.

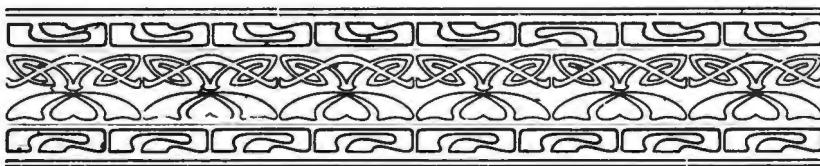
Началась жизнь у дяди. Онъ былъ одинокъ. Мы постоянно были однѣ, но онъ заботился, сколько могъ, и жизнь наша была спокойнѣе, чѣмъ въ домѣ папаши. Мы обѣ скучали только по матери. Она писала, справлялась о насъ, передавала поцѣлуи, благословеніе и присыпала деньги на гостинцы. Словомъ началась новая жизнь, полная свободы, отсутствія колотушекъ и браніи.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное, ужасное, но обѣ этомъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

Сообщилъ Б. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія о Рыбаковѣ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Ростовскій театръ славился лучшимъ подборомъ артистовъ и артистокъ. Играли и были любимцами публики: Чарскій, Зубовичъ, Ленскіе, мужъ и жена, Барышова и Андреева-Чарская. Но помимо этого на сценѣ появились и такие корифеи, какъ Щепкинъ, Васильевъ, негръ Ольдриджъ и, наконецъ, знаменитый провинціальный трагикъ Н. Х. Рыбаковъ. Слава Рыбакова гремѣла по всему югу, и появление его въ Ростовѣ было громкимъ событиемъ для всего театра. Нужно ли прибавить, что Рыбаковъ страдалъ частымъ запоемъ и нигдѣ долго не могъ удержаться на мѣстѣ. Изъ Ставрополя Кавказскаго пѣшкомъ пришелъ въ Ростовъ и въ самомъ ужасномъ видѣ: въ опоркахъ, оборванный, грязный и такъ явился въ театръ. Вильяно принялъ его съ распростертыми объятіями и сей-часъ же назначилъ первый спектакль въ его пользу. Дебютировалъ Н. Х. въ французской драмѣ „Сорокъ лѣтъ или жизнь игрока“.

Я видѣлъ его въ этой пьесѣ и, кажется, никогда не забуду.

Голосъ, фигура, жесты, рельефность и блескъ игры составляли особую артистическую физіономію, магически вліяющую на публику.

Зрители забывали, что они въ театрѣ, и переживали съ нимъ вмѣстѣ весь ужасъ человѣческихъ страстей. Театръ, переполненный сверху до низу, какъ говорится, яблоку

негдѣ было упасть, замеръ въ сосредоточенной, напряженной тишинѣ, изрѣдка нарушаемой чѣмъ-нибудь подавленнымъ вздохомъ. И Рыбаковъ, какъ магъ, какъ волшебникъ завораживалъ толпу своей игрой, можетъ быть и самъ того не сознавая. Такова была сила его таланта!

Я думаю, что и теперь кто его помнить, то по собственному переживанію можетъ опредѣлить особую мощь, дѣйствующую, точно гипнозъ на зрителя, сравнивая даже съ хорошими артистами, перебывавшими послѣ на ростовской сценѣ.

Въ описываемое время, противъ театра, существовала маленькая гостиница, называвшаяся „Золотой фазанъ“, туда собиралась молодежь играть на бильярдѣ и тамъ, въ числѣ посѣщавшихъ актеровъ, часто можно было встрѣтить и Рыбакова.

Я съ нимъ былъ знакомъ. Бывалъ въ компаніи, сидя за чаемъ и слушая разсказы изъ его богатой приключеніями жизни, передаваемые имъ за дѣйствительность, гдѣ естественное переплеталось съ чѣмъ-то невѣроятнымъ, чудеснымъ, рождавшимъ всегда сомнѣніе въ знакомствѣ рассказчика съ самыми простыми элементарными истинами. По своему развитію, по взглядамъ на жизнь, Рыбаковъ казался человѣкомъ темнымъ и малообразованнымъ. Литературой не интересовался и имѣлъ о ней самое смутное представление, знать только тѣхъ авторовъ, пьесы которыхъ игралъ. Вѣрилъ въ массу предразсудковъ, въ разную несообразность, доходившую иногда до абсурда. Говорилъ, напримѣръ, если бросить въ крутящейся вихрь ножъ, то попадешь въ черта, и ножъ будетъ въ крови. Вѣрилъ въ заклинанія, заговоры, въ дурной глазъ, въ порчу и пр. и пр.

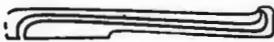
Помню, однажды, на вопросъ о томъ, что ему, вѣроятно, приходится много работать, изучая характеры тѣхъ героевъ, которые исполняются имъ съ такимъ совершенствомъ на сценѣ, онъ не задумываясь отвѣтилъ: „Никакого изученія для этого не нужно, за исключениемъ знанія роли на зубокъ, чтобы не быть въ зависимости отъ супфера. И тутъ же прибавилъ: „играю такъ, какъ Богъ на душу положить“.

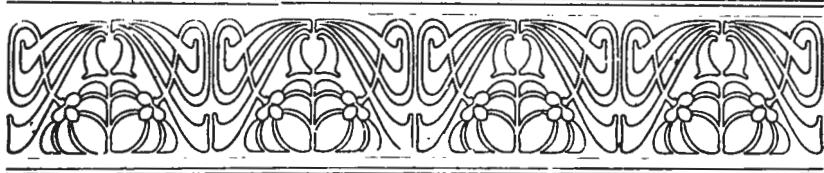
И несмотря на такое наивное объясненіе, на полную некультурность, Рыбаковъ все-таки былъ выдающимся провинціальнымъ актеромъ, и слава его, хотя и ушла съ нимъ въ могилу, но сохранилась въ памяти у тѣхъ, кто хотя разъ видѣлъ его въ пьесахъ—Шиллера, Шекспира и Островскаго. Заканчивая о немъ свои воспоминанія, не могу пройти молчаніемъ, не сказавъ нѣсколько словъ о томъ мораль-

номъ и нравственномъ вліяніи, которая въ общемъ оказывалъ театръ на посѣщавшую публику.

Помимо эстетического наслажденія, получаемаго отъ хорошаго исполненія, театръ отвлекалъ отъ трактировъ, трязнныхъ танцклассовъ и открывалъ молодежи широкія перспективы лучшей и свѣтлой жизни.

Д. Проскурнинъ.

Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольского уѣзда.

Новороссійской губерніи Ольвіопольского уѣзда дворяне, вообще всѣ будучи совершенно довольны Предводителемъ Дворянства, Надворнымъ Совѣтникомъ Акацатовымъ, долгомъ почли симъ засвидѣтельствовать.—1-е. Отличнымъ благоразумiemъ и добродѣтельною опытностью, пріобрѣлъ вообще отъ дворянъ толикое довѣріе, что неоднократно прекращалъ между дворянами разорительная тяжбы именно: премьеръ маюра Павловскаго съ маюромъ Аргамаковымъ, подполковника Каракуна съ капитаномъ Каратаевымъ и и прочихъ.—2-е. Въ бѣдственномъ случаѣ во время бытности въ здѣшнемъ краю саранчи, имѣя онъ отъ начальства препорученность искоренять оную, дѣятельностью и неутомимыми трудами подавалъ собою другимъ примѣръ, изобрѣлъ къ удобнѣйшему искорененію оной новое средство изъ терновника сдѣланныя борона, и оныя влача волами облегчалъ трудъ людей, и несчетное бывшей уже возлѣ самыхъ хлѣбовъ и на хлѣбахъ саранчи симъ способомъ истребивъ, спасъ во многихъ мѣстахъ столько хлѣба, что если бы другая саранча изъ заграничныхъ мѣстъ не налетѣла, то бы отродившись въ странѣ здѣшней дальнѣйшаго убытку въ хлѣбѣ сдѣлать не могла.—Сверхъ чего въ продолженіи сего несчастнаго времени, когда многіе и сѣмянъ хлѣбныхъ лишились: то онъ, господинъ Акацатовъ, чрезъ преобрѣтеніе отличныхъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и домоводствѣ и труды свои, пріобрѣвъ и сохранивъ запасный хлѣбъ у себя, безденежно многихъ снабдѣвалъ изъ онаго хлѣбными сѣмянами. — 3-е. Въ раскладкахъ

на общественные повинности, такую соблюдалъ точность и справедливость, что не довольно того, что никто непринесъ на него жалобъ, но даже быть кому либо недовольнымъ не было никогда никакой причины.—4-е. Расходы изъ дворянской суммы производились всегда съ такою бережливостью, что мы можемъ и должны хвалиться, яко наемъ содержателей почты, построение въ уѣздѣ мостовъ, верстовыхъ столбовъ, содержание паромовъ дешевле въ здѣшнемъ уѣздѣ обошлось, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ.—5-е. Изобрѣтъ для здѣшняго края весьма полезное и выгодное средство производить постройки изъ сырого кирпича, которое несравненно прочнѣе чѣмъ набивное изъ земли, и изъ онаго сырого кирпича и всѣ нужные строенія имъ сдѣланы, яко то въ городѣ Ольвіополѣ эскадронную и почтовую конюшни, полковой гаубтихъ и три караульни, да и нынѣ строитъ для полка Ольвіопольскаго гусарскаго полковой лазареть, и все выстроенное съ прочностью существуетъ.—То мы сколько за весьма умеренный его на то издержки, столько же и за открытие способа, ему господину Акацатову обязаны.—6-е. Сугубо обязанными себя почтаемъ засвидѣтельствовать совершенную признательность нашу въ безкорыстіи его, по которому другое уже трехлѣtie онъ господинъ Акацатовъ находясь въ должности предводителя какъ въ оной, такъ и по другимъ отъ начальства препорученіямъ, долженъ будучи ѻздить въ губернскій городъ и въ другія мѣста ни на проѣзды свои, ни на расходы и словомъ ни на что не бралъ изъ дворянской суммы и никогда отъ дворянъ ничего не требовалъ; а на собственномъ иждивеніи своемъ продолжалъ служеніе не упускаль гдѣ только возможно находить для дворянъ выгоды и попечительнымъ стараніемъ не только въ настоящей должности его, но и прежде когда онъ отправлялъ комиссара съ 1780 марта 24, 782 годовъ іюня по 14 день въ Ольвіопольской воеводской канцеляріи начальникомъ умѣль онъ господинъ Акацатовъ къ общему удовольствію дворянъ, обрести полную ихъ къ себѣ довѣренность и отличное къ нему и его способностямъ уваженіе, въ увѣреніе чего подписуемся.

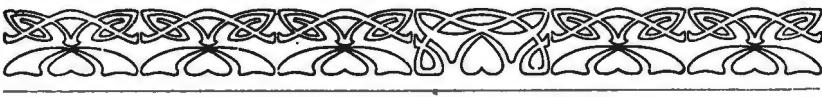
Уволенный отъ службы генераль отъ кавалеріи и кавалеръ Виллимъ Дерфельденъ. Уволенный отъ службы генераль лейтенантъ и кавалеръ Нипорица Иванъ. Генераль-маиръ и кавалеръ Петръ Скаржинскій. Полковникъ князь Иванъ Кантакузинъ. Уволенный отъ службы кригсъ ком-

мисаръ Іоакимъ Игнаторичъ. Подполковникъ и кавалеръ Иванъ Вукотичъ. Подполковникъ Григорій Сабовъ. Подполковникъ Захарій Ушанскій. Преміеръ маіоръ Марко-Банковичъ. Маіоръ Михайла Воиновъ. Пом'щикъ маіоръ Николай Нечай. Преміеръ маіоръ Григорій К. (неразборчиво). Маіоръ Симонъ Вукотичъ. Маіоръ Никифоръ Ракінь. Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Сахаровъ. Маіоръ Иванъ Ульяновъ. Капітанъ Андрей Жаховскій. Капітанъ и кавалеръ Лукьянъ Анастасьевъ. Капітанъ Иванъ Дековичъ. Ротмістръ Игнатъ Депрерадовичъ. Штабсь-Ротмістръ Іона Посумній. Ротмістръ Андрей Карапаевъ. Ротмістръ Романъ Змончилла. Капітанъ Георгій Каракунъ. Капітанъ Петръ Дескулъ. Губернскій секретарь Моісей Мелешновъ Дубичинскій.

Губернскій секретарь Федоръ Гриневскій. Войскової товарищъ Федоръ Полѣно. Поручикъ Яковъ Новаковскій. Подпоручикъ Иванъ Кизилбашъ. Подпоручикъ Иванъ Стоиновъ. Подпоручикъ Андрей Булацель. Подпоручикъ Иванъ Воиновъ.

Ольвіопольскій предводитель дворянства надворный со-вѣтникъ Николай Юрьевичъ Акацатовъ по семейнымъ преданіямъ былъ уѣзднымъ предводителемъ въ концѣ 18-го вѣка, а съ 1803 по 1806 годы былъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Сынъ сербскаго выходца изъ Македоніи въ 1731 году, Георгія Акацатова, дослужившагося въ россійской арміи въ Слободскомъ Черномъ гусарскомъ полку, до чина преміеръ маіора и за тѣмъ принятаго въ Россійское подданство за свою службу, Николай Юрьевичъ началъ свою службу тоже въ Слободскомъ Гусарскомъ полку гдѣ дослужился до чина капитана и былъ Екатериною Великою уволенъ согласно прошенію въ 80-хъ годахъ 18-го столѣтія, послѣ чего его служба протекла по выборамъ въ Херсонской губернії, гдѣ онъ обладалъ большими пом'єстіями, перешедшими затѣмъ въ родъ Киріаковыхъ, т. к. его дочь Марія Николаевна была замужемъ за моимъ прадѣдомъ, Мих. Мих. Киріаковымъ (губ. херсонскій предв. двор. съ 1823—1826 г.), и она наслѣдовала часть его земель, а затѣмъ его внучка, бездѣтная княгиня Наталья Дмитріевна Корсини, урожденная Акацатова, оставила все свое состояніе моему отцу, Мих. Мих. Киріакову въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Сообщилъ М. М. Киріаковъ.

Московскій Звенигородъ и Саввинъ Сторожевскій монастырь¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ я проводилъ лѣто въ городѣ Звенигородѣ, Московской губерніи, въ этомъ прекрасномъ историческомъ уголкѣ окрестностей Москвы, связанномъ также съ событиями 1812 года, съ нашествіемъ Наполеона на Москву... Въ 1812 году Звенигородъ не минула грозная Наполеоновская туча, но зацѣпила его только краемъ. Послѣ Бородинского сраженія, Наполеонъ съ арміей двинулся дальше къ Москвѣ, принявъ прежній порядокъ марша тремя колоннами, коему слѣдоваль до битвы Бородинской. Самъ онъ, съ главными силами, двинулся на Можайскъ. Князь Понятовскій съ своимъ корпусомъ повернуль вправо, чтобы выйти на большую Калужскую дорогу. Вице-король Итальянскій—Евгеній Богарнѣ, съ 20-ю тысячнымъ корпусомъ перейдя рѣку Москву при селѣ Успенскомъ, двинулся лѣвѣ главныхъ силь къ городу Рузѣ, куда и прибыль того же дня, а 30-го августа, выступивъ изъ Рузы, пришелъ къ деревнѣ Апальшино, а 31-го прибыль въ Звенигородъ, перейдя ручей Разводня у Савина монастыря, гдѣ пробывъ сутки, двинулся на село Аксиньино въ Бузаево, оставивъ въ Звенигородѣ отрядъ, который до 17-го октября занималъ монастырь.

Они занимали царскій дворецъ, братскія кельи и покой, а также гостиный дворъ. Въ монастырѣ оставались для

1) Источниками и пособіями, при составленіи настоящаго описанія, служили: 1) „Православныи русскіи обители”—иллюстрированное описание всѣхъ русскихъ монастырей; 2) *Мартыновъ*—„Подмосковная Старина“; 3) *Бутурлинъ*—Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г.“; 4) „Древности“—трудъ московского археологического общества; 5) „Московскія губернія“—Издание Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 6) „Историческое описание Савина монастыря“—составилъ С. Смирновъ.

присмотра казначей, разничій и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи, конь жили въ особой одной кельѣ¹⁾...

Дорогія по цѣнѣ и по древности вещи еще въ августѣ, по распоряженію монастырскаго начальства, вывезены были изъ монастыря. Святые мощи преподобнаго Саввы остались неприкосновенными...

Городъ Звенигородъ расположень въ 15 верстахъ отъ желѣзодорожной станціи Московско-Брестской желѣзной дороги, „Голицыно“. Отъ Москвы до Звенигорода считаются 50 верстъ по хорошему шоссе...

Звенигородъ, въ настоящее время, маленький уѣздный городокъ Московской губерніи. Онъ состоитъ всего изъ 2-хъ — 3-хъ улицъ и нѣсколькихъ короткихъ переулковъ. Нѣть тамъ ни фабрикъ, ни заводовъ, кромѣ кирпичныхъ; конечно, о клубахъ и театрахъ нечего и думать; есть нѣсколько сносныхъ лавочекъ, чайныхъ, трактировъ. Если нѣть знакомыхъ въ городѣ, то устроиться со столомъ трудно. Въ 2-хъ верстахъ отъ города есть мужской монастырь, а при немъ гостиница, гдѣ можно остановиться и имѣть все необходимое. Въ городѣ имѣется 3 — 4 церкви, городское училище, женская прогимназія, тюрьма, нѣсколько заѣзжихъ домовъ при трактирахъ, земская библіотека, гдѣ можно за небольшую плату получать книги и журналы...

Городъ расположенъ на лѣвомъ, отлогомъ берегу рѣки Москвы, на скатѣ. Въ прозрачныя воды быстрой рѣки Москвы глядятся скромные деревянные домики, огороды и сады. По утрамъ и вечерамъ по городу неторопливо проходятъ стада коровъ. По дворамъ и на улицѣ хозяйственный соръ, а во время дождя грязь, хотя непродолжительная, такъ какъ въ глинистой почвѣ большая примѣсь песку. Можно встрѣтить одного-двухъ городовыхъ, спокойно стоящихъ на своемъ посту. Мало слышно здѣсь о воровствѣ, грабежахъ и разбояхъ. Жители — ихъ тамъ тысячи три — четыре, — знаютъ другъ друга въ лицо и пожалуй даже интимную жизнь каждого. Занимаются хозяйствомъ, огородничествомъ, понемножку торгуютъ, рано ложатся спать, рано поднимаются. Многіе работаютъ на фабрикахъ или занимаются кустарнымъ промысломъ. Городъ похожъ на деревню. Между тѣмъ этотъ городъ игралъ въ свое время кое-какую роль въ исторіи Русскаго Государства и

¹⁾ О пребываніи Вице-Короля Итальянскаго въ 1812 г. въ монастырѣ была напечатана статья Герцога Г. Лейхтенбергскаго — „Семейное предавіе“, Русск. Стар. Мартъ 1914 г. Ред.

лишь благодаря судьбѣ сошелъ теперь на степень ничтожнаго уѣзднаго городка.

Мѣстность вокругъ Звенигорода имѣеть волнистый характеръ и очень живописна. Воздухъ—прекрасный, здоровый, свѣжій; большой жары не бываетъ, а если и бываетъ, то короткое время. Много зелени. За рѣкою Москвой идутъ луга, за лугами, поднимаясь въ гору, тянутся безконечные лѣса; лѣса стоять и позади города, сплошнымъ кольцомъ охватывая его, и по сторонамъ. Лѣсъ такъ близокъ отъ города, что соприкасается съ нѣкоторыми улицами. Лѣсъ по преимуществу сосновый, еловый и березовый. Окрестности города живописны, и это привлекаетъ дачниковъ. Съ разъездомъ дачниковъ, къ осени, городъ пустѣеть, и жизнь въ немъ, и безъ того не бойкая—замираетъ. Звенигородъ довольно патріархаленъ; парядами не щеголяютъ: въ чемъ дома, въ томъ и на улицѣ.

Просторъ для прогулокъ огромный и есть гдѣ погулять. Отсутствіе фабрикъ и заводовъ; отсутствіе надоѣдливой городской трескотни, шума и суеты дѣйствуетъ благотворно. На улицахъ довольно пусто; людей мало; жизни мало, но хорошаго, свѣжаго воздуха, тишины—въ изобиліи... Большое удовольствіе доставляетъ посидѣть въ хороший, теплый лунный вечеръ въ пріятной компаніи на валахъ городка, или побродить по окрестностямъ. Горизонты въ свѣтлѣя, лунная ночи восхитительны, достойны кисти художника. Зимой на рѣкѣ устраивается катокъ, куда собирается молодежь покататься на конькахъ; иногда бываютъ и лыжники.

По дорогѣ изъ города къ монастырю есть живописный высокій холмъ, называемый „Городокъ“, видъ оттуда прекрасный во всѣ стороны; тамъ же можно послушать эхо. Мѣсто между городомъ и монастыремъ покрыто лѣсомъ. Мѣсто, гдѣ расположень монастырь и около него, носитъ название „Московской Швейцаріи“...

Звенигородъ считается, послѣ Москвы, однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Московскій Звенигородъ упоминается впервые въ духовной грамотѣ великаго князя московскаго Ивана Даниловича Калиты (1328—1341 годовъ), который отдалъ его вмѣстѣ съ Рузою сыну своему Ioannу. Время основанія его, какъ посела и города, неизвѣстно. Звенигородъ первоначально былъ, вѣроятно, передовымъ постомъ — сторожею и карауломъ Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ. Предполагаютъ, что Звенигородъ,

существуя до начала XIV столѣтія, какъ малозначущій поселъ, сдѣланъ „Городомъ“ лишь въ первомъ десятилѣтіи XIV столѣтія, при воинственномъ князѣ московскомъ Юрии Даниловичѣ, съ устроеніемъ въ немъ „сторожевого укрѣпленія“ для наблюденія и защиты Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ.

Соборный храмъ въ Звенигородѣ, по всей вѣроятности, построенъ одновременно съ обращеніемъ Звенигорода въ укрѣпленное мѣсто, т.-е. въ первой четверти XIV столѣтія, первыми московскими князьями, скорѣе всего княземъ Юриемъ (Георгіемъ) Даниловичемъ (1303—1326 г.); предполагаютъ, что Звенигородскій Успенскій соборъ былъ первымъ изъ числа храмовъ, построенныхъ въ Московскомъ княжествѣ. Предполагаютъ, что соборный храмъ Звенигорода служилъ образцомъ и прототипомъ для храмовъ московскихъ. По лѣтописному свидѣтельству, Звенигородъ вмѣстѣ съ Москвою былъ сожженъ и разоренъ въ 1382 году, въ нашествіе Тохтамыша, при чёмъ и первоначальный каменный храмъ его едва-ли могъ уцѣлѣть отъ разоренія, а потому и построеніе настоящаго соборнаго храма въ Звенигородѣ вѣрнѣе будетъ относиться ко времени удѣльного Звенигородскаго князя Юрия (Георгія) Дмитріевича (1389—1484 г.), второго сына великаго князя Московскаго и всея Россіи Дмитрія Ивановича Донскаго, а именно къ 1390-мъ годамъ; при томъ же извѣстно, что князь этотъ одинъ изъ всѣхъ удѣльныхъ Звенигородскихъ князей проживалъ въ Звенигородѣ и слылъ за набожнаго и искуснаго храмосоздателя. Имъ же созданы соборные храмы: Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ и въ Троице-Сергіевской обители.

Къ тому же времени (къ концу XIV столѣтія) могутъ быть отнесены и остатки фресковъ Звенигородскаго собора на столбахъ алтарной преграды, закрытые мѣстными иконами иконостаса позднѣйшихъ временъ, изъ коихъ одна изображаетъ явленіе преподобному Пахомію Ангела, въ одѣяніи великаго ангельскаго образа (схемы), а другая—бесѣду пустынника Варлаама (въ образѣ купца) съ индѣйскимъ царевичемъ Іоасафомъ.

Звенигородскій удѣльный князь Юрий Дмитріевичъ устроилъ для себя въ Звенигородѣ бѣлокаменный дворецъ, слѣдовъ котораго не осталось, въ которомъ жилъ до 1425 года, а послѣ того переселился въ Дмитровъ, а умеръ 6-го іюня 1484 года въ Москвѣ. Въ началѣ XVII сто-

лѣтія, въ смутное время самозанцевъ, Звенигородъ былъ разоренъ; въ это время Звенигородскій соборный храмъ утратилъ свои драгоцѣнности и вскорѣ еще потерпѣлъ отъ пожара. Этотъ храмъ возобновленъ при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ.

Кромѣ Успенского собора въ Звенигородѣ имѣются еще Вознесенская церковь, построенная въ 1792 году, и Рождественская, построенная въ 1805 году.

Удѣльные князья Звенигородскіе извѣстны въ отечественной исторіи до XVI вѣка, когда Царь Иоаннъ Васильевичъ далъ этотъ удѣльъ двоюродному брату своему, князю Владиміру Андреевичу, и потомъ присоединилъ его къ Московскому Государству. При Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ князья Звенигородскіе имѣли уже свои дворы въ Москвѣ.

Предполагаютъ, что послѣ ужаснаго пожара въ Москвѣ, въ 1547 году, истребившаго много церквей, Царь Иоаннъ Васильевичъ приказалъ взять въ Москву изъ Звенигородскаго собора нѣкоторыя древнія иконы.

Звенигородскій Успенскій соборъ стоять на лѣвомъ, высокомъ и кругомъ берегу рѣки Москвы. Самое урошище это называется „городомъ на городу“, — „городищемъ“, — „городкомъ“. Уцѣлѣлъ земляной валъ, сдѣланный въ видѣ прямоугольника; этотъ валъ вѣнчаетъ всю вершину холма, на которомъ построенъ Успенскій соборъ.

Въ срединѣ укрѣпленія, близъ собора, вѣроятно находился княжескій дворъ или дворецъ съ его службами; или службы были выдѣлены на смежную гору, такъ какъ смежная съ соборною гора сливается конюшеннымъ дворомъ. Слѣдовъ какихъ-либо не осталось.

Въ Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ отъ древняго иконостаса уцѣлѣли однѣ только царскія двери съ городками и столицами, обложенные серебромъ. Передъ ними виситъ мѣдное паникадило съ двуглавымъ орломъ на матицѣ...

Въ двухъ верстахъ отъ Звенигорода, на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки Москвы, при устьѣ ручья „Разводня“, впадающаго въ рѣку Москву, на живописной горѣ „Сторожи“, красivo раскинулся Саввинъ-Сторожевскій мужской монастырь. Еще издали, со стороны города Рузы, за нѣсколько десятковъ верстъ, взору путника открывается высокая гора, покрытая зеленью, съ бѣлѣющими монастырскими зданіями и сверкающими на солнцѣ куполами и крестами. Мѣстопо-

ложеніе живописное. Отъ монастыря съ горы открывается прекрасный видъ на рѣку Москву, на Звенигородъ, на окрестные луга и лѣса.

Основателемъ этого монастыря былъ преподобный Савва, одинъ изъ первыхъ учениковъ Сергія Радонежскаго...

Во время Литовскихъ набѣговъ на горѣ „Сторожи“ стояла воинская стража, для наблюденія за движениемъ непріятеля, который проходилъ къ Москвѣ по старой Смоленской дорогѣ, уклонявшейся за Можайскомъ влѣво къ Звенигороду.

Въ жалованной грамотѣ князя Юрія Дмитріевича Саввину монастырю, писанной 1404 года мая 10-го, сказано, что князь Юрій далъ игумену Саввѣ и его монастырю нѣсколько сель и деревень съ угодьями въ своей огчищѣ...

Еще при жизни самого преподобнаго Саввы воздвигнута каменная соборная церковь Рождества Богородицы на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ она находится донынѣ.

Въ монастырѣ много есть достопримѣчательнаго.

Въ верхнемъ ярусѣ колокольни устроены большиe боевые часы, польской работы, привезенные Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ Смоленска и подаренные имъ въ монастырь...

На преподобнаго Савву обратилъ свое вниманіе Звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ, который часто посѣщалъ Сергіеву Лавру и полюбилъ Савву за его строгое иноческое житіе. Онъ и упросилъ преподобнаго основать въ его отечествѣ—Звенигородѣ—обитель.

Преподобный по просьбѣ Юрія въ 1398 году положилъ начало Сторожевскому монастырю. При пособії князя Юрія построилъ прежде всего небольшую деревянную церковь во имя Рождества Пресвятая Богородицы, а вблизи храма—маленьку келью для себя. Слухъ о святой жизни его скоро распространился по окрестности и привлекъ къ преподобному Саввѣ многихъ, искавшихъ уединенія и иноческихъ подвиговъ. Преподобный принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему, и вскорѣ на мѣстѣ первоначального отшельническаго поселенія подвижника образовалось значительное общежитіе.

За время своего существованія Саввина обитель испытала всевозможныe перемѣны въ своей вѣнчаной и внутренней организаціи. Обитель эта, между прочимъ, пользовалась благоволеніемъ русскихъ Государей и долгое

время, вплоть до конца XVIII вѣка, занимала главенствующее положение въ ряду окрестныхъ около столицы монастырей. Одно время къ нему было приписано 19-ть обителей со всѣми ихъ угодьями и землями. Монастырь обнесенъ каменной стѣной, позднѣйшей постройки, вы-
сотою 4 сажени, длиной 375 саженей, украшенной 6-ю башнями. На одной изъ башенъ, называемой красною, поставленъ, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, Государственный гербъ; въ амбразурахъ стѣнъ были поставлены пушки. Въ настоящее время въ Саввино-Сторожевской обители пять храмовъ: Соборный, въ честь Рождества Пресвятаго Богородицы, созданъ преподобнымъ Саввою; позже при немъ былъ устроенъ приделъ во имя этого Святого. Храмъ замѣчательенъ своимъ иконостасомъ, устроеннымъ въ готическомъ стилѣ въ первой половинѣ XVI вѣка. Вторая монастырская церковь теплая, трапезная и посвящена Живоначальной Троицѣ. Этотъ храмъ созданъ въ половинѣ XVII столѣтія. Въ колокольнѣ помѣщается церковь въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго. Надъ восточными воротами обители находится церковь во имя святого Алексія, человѣка Божія. При монастырскомъ училищѣ устроена въ 1693 году Царевной Софьей Алексѣевной церковь во славу Преображенія Господня. Въ соборномъ монастырскомъ храмѣ, въ серебряной ракѣ, открыто почиваютъ мощи преподобнаго основателя обители Св. Саввы.

Въ богатой монастырской ризницѣ, помѣщающейся въ той самой палатѣ, въ которой Царь Алексѣй Михайловичъ стоялъ во время богослуженія, хранятся: бѣлая тафтяная съ голубымъ оплечьемъ риза преподобнаго Саввы; Псалтирь рукописная 1656 года, по которой обучался Алексѣй Михайловичъ россійскому чтенію; много вещей изъ церковной утвари и предметовъ обихода благосклонныхъ къ Саввиной обители русскихъ правителей; много вещей, хранящихся въ ризницахъ, пожертвованы Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ библіотекѣ хранятся рукописныя дѣла монастыря и книги. Въ архивѣ бумаги по времени большею частью относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ. Есть письма архимандритовъ Саввинскихъ къ Царямъ. Есть грамоты.

При Царѣ Михайлѣ Феодоровичѣ обитель преподобн. Саввы съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе процвѣтала. Государь часто ъездилъ туда на бого molье и проводилъ тамъ по нѣ скольку дней. Онъ жаловалъ обитель грамотами и вкладами. При монастырѣ обращаетъ на себя вни-

маніе зданіе, называемое „Царскимъ дворцомъ“; построено оно Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Царь иногда долго жилъ въ монастырѣ со всѣмъ своимъ семействомъ; въ праздники и торжественные дни, въ присутствіи ихъ, стрѣляли изъ пушекъ, которыя разставлены были по стѣнамъ и на башняхъ монастырскихъ. Для этихъ случаевъ около монастыря Царь поселилъ стрѣльцовъ особою свободою, и они назывались пушкарями или стрѣльцами Саввинскими.

Въ часы досуга Царь выѣзжалъ на охоту въ сосѣдніе лѣса, а Царница съ царевнами занимались шитьемъ и украшеніемъ священныхъ одеждъ, которая приносимы были отъ нихъ въ обитель.

Въ ризницѣ и теперь показываютъ рукодѣлья Царевенъ—богатыя ризы и пелены, низанная крупнымъ жемчугомъ. Усердіе свое къ Саввину монастырю Царь Алексѣй Михайловичъ доказалъ многочисленными вкладами и пожертвованіями. Съ балкона дворца или съ колокольни открывается чудный видъ на Звенигородъ и окрестности. Горизонтъ открывается широкій. Въ Царскомъ дворцѣ комнаты украшены портретами Царей и архіереевъ, а также изображеніями святыхъ. Дворецъ соединенъ крытыми переходами съ соборнымъ монастырскимъ храмомъ. Въ монастырѣ готическая колокольня въ 3 яруса съ 4 башнями, построенная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На одной башнѣ замѣчателенъ колоколъ, готического стиля, въсомъ въ 2.126 пудовъ, выпитый при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ секретною (криптографическою) надписью. Звуки колокола музыкальны и очень пріятны для слуха. При монастырѣ находится Звенигородское духовное училище. Кромѣ того имѣется: страннопріимный домъ, братская богадѣльня, больница, двѣ гостиницы, книжная и картичная лавка. Управляеть обителю викарный Можайскій епископъ, намѣстникомъ котораго въ монастырѣ является архимандритъ.

Въ верстѣ отъ монастыря—пещера преподобнаго Саввы со скитомъ на 12 человѣкъ братіи. Саввинскій скитъ построенъ въ 1862 году на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ основателя обители.

Въ скиту два храма: во имя преподобнаго Саввы, вблизи котораго находится и пещера, выкопанная этимъ подвижникомъ, а вторая церковь помѣщается во второмъ этажѣ корпуса для братскихъ келій и посвящена Святителю Николаю Чудотворцу.

Скитское общежитіе управляетъ благочиннымъ, въ зависимости отъ настоятеля монастыря.

Подъ горою—святой колодезь, вырытый преподобнымъ Саввою.

Лѣтомъ въ монастырь пріѣзжаетъ и приходитъ много богомольцевъ или желающихъ полюбоваться видами окрестностей, погулять въ лѣсу и подышать прекраснымъ воздухомъ; нѣкоторые проживаютъ въ монастырскихъ гостиницахъ довольно продолжительное время. Зимою посѣтителей мало.

Б. А. С.

Вѣнокъ на гробъ Пушкина.

Ода А. И. Полежаева.

П О Л Н Ы Й Т Е К С ТЪ.

Ода Полежаева на смерть Пушкина—не первостепенного художественного достоинства, мѣстами въ ней слишкомъ громка и цвѣтиста фраза, но она характерна для бурно-пламеннааго поэта энергіей стиховъ, гибкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ силою слова, искренностью поэтическаго чувства и гражданской скорби, вѣрностью и широтою оцѣнки значенія Пушкина. Въ дружномъ хорѣ, которымъ отозвалась Россія 1837 года къ гибели своего величайшаго писателя, голосъ Полежаева прозвучалъ особенно замѣтно.

Но ему не суждено было раздаться во всеуслышаніе во всей своей полнотѣ. Ода Полежаева, какъ большая часть стиховъ, вызванныхъ смертью Пушкина, ходила по рукамъ въ спискахъ, но ни одинъ полный и авторитетный списокъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ. Она была, правда, напечатана, но небрежно, въ макулатурномъ сборникѣ стихотвореній Полежаева, выпущенномъ въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Часы выздоровленія“ какимъ-то темнымъ и мало-грамотнымъ спекулянтомъ, съ множествомъ издательскихъ ошибокъ и ценаурныхъ купюръ и искаженій.

Такой свѣдущій и опытный разыскатель, какъ покойный П. А. Ефремовъ, готовя свое изданіе сочиненій Полежаева (вышло въ 1889 г.), изъ всѣхъ существующихъ самое тщательное, не могъ нигдѣ раздобыть полный и надежный текстъ оды, и далъ ее въ редакціи, которую самъ счелъ нужнымъ снабдить такимъ предостереженіемъ: „списокъ, бывшій у насъ, оказался тоже довольно плохимъ,

такъ что мы изъ него могли взять только 2—3 поправки".... Эта редакція, безъ всякихъ измѣненій, воспроизведена въ изданіи А. И. Введенскаго (1892 г.).

Недавно г. А. Дунинъмъ была случайно обнаружена въ Московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ и представлена намъ для разработки тетрадь стихотвореній Полежаева, подъ заглавіемъ „Урна“, поступившая въ 1838 г., черезъ три мѣсяца послѣ смерти поэта, въ московскую цензуру, но ѿ не одобренная къ печати, задержанная въ цензурныхъ дѣлахъ и потомъ попавшая въ архивъ¹⁾. Въ „Урнѣ“ оказался между прочимъ весь текстъ „Вѣнка на гробъ Пушкина“. Описаніе содержимаго этой интересной тетради и нѣкоторыя извлечения изъ нея мы помѣстили въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“ (1914 г., декабрь), а здѣсь сообщаемъ полный текстъ оды.

Слѣдъ его былъ такъ затерянъ, что случайно напечатанные кѣмъ-то семь стиховъ изъ оды (начинается: „И поэтическія вѣжды“...) подъ портретомъ Полежаева, появившимся вскорѣ послѣ его смерти, породили цѣлый споръ между историками литературы. Ефремовъ включилъ ихъ въ свое изданіе стихотвореній Полежаева подъ заглавіемъ „На смерть Пушкина“, не объясняя, почему они отнесены къ Пушкину, и притомъ отдѣльно отъ оды, въ качествѣ особой пьесы. Ф. А. Витбергъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (см. „Полежаевъ“) счелъ ихъ пьесой неизвѣстнаго автора на смерть Полежаева. Проф. Е. А. Бобровъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній („Ізвѣстія II Отдѣла И. Акад. Наукъ“, т. XII, 1907 г., кн. 2, стр. 449—450), пришелъ наконецъ („Пушкинъ и его современники“ V, 91) къ выводу, граничащему съ дѣйствительностью, что данное семистишие—„только заключеніе цѣлаго большого стихотворенія“. Отрывки весьма страныхъ и нескладныхъ „строфъ“ на смерть Пушкина, приписывавшихся Полежаеву, сообщилъ проф. И. А. Шляпкинъ („Русс. Бібліофиль“ 1913 г. № 3, стр. 95).

На заглавномъ листкѣ „Урны“ цензоръ начерталъ: „всѣ эти стихи списаны съ тѣхъ, кои запрещены“. Оду на смерть Пушкина онъ встрѣтилъ такимъ образомъ какъ старую знакомку и не сталъ затруднять себя чтеніемъ и вымарываніемъ отдѣльныхъ мѣсть: 15 апрѣля рукопись поступила на разсмотрѣніе, а 22-го уже была „причислена

¹⁾ Нынѣ оттуда передана въ музей Пушкинского Дома („Временникъ Пушкинского Дома“, II; Петроградъ, 1914, стр. VII).

къ числу запрещенныхъ". Можетъ быть, раньше самъ авторъ, или кто-нибудь другой при его жизни, дѣлалъ попытку провести оду въ печать, и это не удалось? Въ прошломъ году, немедленно послѣ смерти Пушкина цензоромъ было приказано обратить вниманіе на выраженія скорби въ отзывахъ о немъ и поддерживать въ нихъ "надлежащую умѣренность и тонъ приличія". Восторженная оцѣнка Пушкина въ стихахъ Полежаева должна была смутить подготовленную извѣстнымъ образомъ цензуру. "ВѢНОКЪ" могъ появиться въ печати лишь нѣсколько лѣтъ спустя, да и то съ большими урѣзками. Было отброшено все начало; пострадала характеристика Наполеона во II главѣ; цензура не могла согласиться, что Пушкинъ „глаголъ всевышняго постигъ“, и не позволила ему „видѣть праведниковъ сны“, а только „неземные сны“, а соотвѣтственно и поэзіи его вѣльно было называться не „Божественной“ дѣвой, а „Таинственной“ и т. под. Чтобы сгладить слѣды урѣзокъ, было сочтено необходимымъ кое-какіе стихи передѣлать, нѣкоторая слова замѣнить другими. ВѢНОКЪ, принесенный Полежаевымъ на гробъ Пушкина, изрядно растрапался, и изъ него выпалъ не одинъ цвѣтокъ пaeоса, но „Урна“ сохранила намъ ихъ всѣ.

Текстъ „Урны“ тоже, повидимому, не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, коихъ очень мало, и эта тетрадь даетъ намъ единственную полную редакцію, за которую слѣдующія изданія должны будутъ признавать преимущественное значеніе.

Въ примѣчаніяхъ указаны отличія ея отъ текста, даваемаго изданіемъ Ефремова. По мнѣнію Ефремова, послѣдніе четыре стиха (озаглавленные „Утѣшеніе“), которыхъ не было въ его спискѣ, могли быть прибавлены впослѣдствії. Это довольно вѣроятно, судя по внутренней ихъ несвязанности со всей одой, которую они, быть можетъ, должны были провести чрезъ цензуру; въ „Урнѣ“, надо замѣтить, они отдѣлены отъ оды линейкой и не номерованы, какъ въ изданіи Ефремова, гдѣ стоятъ подъ цифрой (VI), виѣшне объединяющей ихъ съ предыдущими строфами.

Н. Лернеръ.

„ВѢНОКЪ на гробъ Пушкина“.

I.

Эпоха! Годъ неблагодарной!
Россія, плачь! лишилась ты
Одной прекрасной, лучезарной,
Одной брильянтовой звѣзды!

На торжествѣ великой жизни
Угасъ для міра и отчизны
Царь сладкихъ пѣсенъ, геній лиръ!
Съ лица земли, шумя крылами,
Сошелъ, увѣнчанный цвѣтами,
Народной гордости кумиръ!

И поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла
Тогда, какъ свѣтлая надежды
Вились вокругъ его чела.
О, плачь, Россія, долго плачь! ¹⁾

Давно ль тебя изъ нѣдръ пустыни полутицкой²⁾).
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
Какъ дѣву робкую, на тронъ?
Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья,
Съ улыбкою отца любви и ободренья ³⁾),
Твой полунощный ⁴⁾ небосклонъ?
Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
Онъ новые создалъ великие народы,
Ихъ въ ризы новыя облекъ.
И ярко засиялъ надъ царскими орлами,
Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
Младой поэзіи вѣнокъ.

¹⁾ Первыхъ 15 стиховъ нѣть.

²⁾ Давно ль тебя, о Русь, изъ нѣдръ пустыни дикой.

³⁾ Одобреныя...

⁴⁾ Полувочній...

Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
 Возникли: старина, грядущіе потомки,
     И Кантемиръ, и Феофанъ;
 И, наконецъ, во дни величія и мира,
 Вагремъла и твоя божественная ¹⁾ лира,
     Нашъ Холмогорскій Великанъ! ²⁾
 И что за лира: жизнь! Ея златыя струны
 Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
     Стократъ великаго Царя,
 И кроткія твои дѣла, Елизавета!
 И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта
     Подъ смѣлой дланью рыбаря!
 Открылась для ума невѣдомая сфера;
 Въ младенческихъ душахъ зиждительная вѣра ³⁾
     Во все прекрасное зажглась ⁴⁾;
 И счастія заря роскошно и привѣтно
 До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной
     Отъ водъ Балтійскихъ разлилась.
 Но съяли тогда изящныя искусства
 Въ груди богатырей возвышенныя чувства;
     Окрѣпъ полміра властелинъ,
 И обрекли его, въ воинственной державѣ,
 Безсмертію вѣковъ и незакатной ⁵⁾ славѣ—
 Петровъ, Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимой
 Сынъ революціи ⁶⁾, Бонапартъ,
 Вознесъ рукой непобѣдимой
 Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
 Когда подъ сѣнь его эгиды
 Склонились рабко пирамиды
 И Рима куполь золотой;
 Когда смущенная Европа
 Въ волнахъ кроваваго потопа
 Страдала подъ его пятой;

¹⁾ торжественная...

²⁾ холмогорскій великанъ...

³⁾ Этого стиха нѣть, имъ замѣненъ рядъ точекъ.

⁴⁾ Любовь къ прекрасному зажглась.

⁵⁾ Въ „Уриѣ“ вмѣсто „и незакатной“—„незакатимой“, во старый вариантъ внушаетъ больше довѣрія.

⁶⁾ революцій...

Когда отважный, внѣ законовъ,
 Какъ повелительное зло,
 Онъ діадимою Бурбоновъ
 Украсилъ дерзкое чело;
 Когда, летая надъ землею,
 Его орлы, какъ будто мглою,
 Мрачили день и небеса;
 Когда мужъ пагубы и Рока
 Устами грознаго пророка
 Вѣщалъ вселенной чудеса ¹⁾;
 Когда воинственные хоры
 И гимны звучные пѣвцовъ
 Ему читали приговоры
 И одобренія вѣковъ,
 И въ этомъ гулѣ осужденій,
 Хулы, вражды, благословеній
 Гремѣль, гремѣль, какъ дикій стонъ,
 Неукротимый и избранный,
 Подъ небомъ Англіи туманной,
 Твой дивный голосъ, о Байронъ!—
 Тогда, когда въ садахъ Лицея,
 Какъ юный русскій соловей,
 Весенней жизнью пламенѣя,
 Расцвѣль нашъ дивный корифей;
 И гармонические звуки
 Его младенческія руки
 Умѣли рано исторгать.
 Шутя первомъ, играя съ лирой,
 Онъ Оссіановой порфирой
 Хотѣль, казалось, обладать;
 Онъ росъ, какъ пальма молодая
 На Йорданскихъ берегахъ,
 Главу высокую скрывая
 Въ ему знакомыхъ облакахъ;
 И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
 Онъ понялъ тайну вдохновеній,
 Глаголъ Всевышняго постигъ ²⁾;
 Возсталъ, какъ новая стихія,
 Могучъ, и славенъ, и великъ,—
 И изумленная Россія
 Узнала гордый свой языкъ.

¹⁾ Этихъ трехъ стиховъ („Когда мужъ...—... вселенной чудеса“) нѣть.

²⁾ Этого стиха нѣть.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ его ¹⁾ внимало;
Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
Своей Поэзіи нагой.

Невинна и смѣла, Божественная ²⁾ дѣва
Отважному ему позволила безъ гнѣва
Себя обвить его рукой;

И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,

По лаковымъ паркѣ блистательного круга,

Временщиковъ ³⁾, князей, вельможъ;
Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ,

И въ залы, гдѣ шумять собранія софистовъ,

Мѣняла истину на ложь;

Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
Гоненія судьбы, то славной, то коварной;

Была въ тоскѣ, и на пирахъ;
И вмѣстѣ пронеслась, какъ бурная зараза,

Надъ грозной высотой мятежнаго Кавказа

И Крыма знойнаго въ степяхъ! ⁴⁾

И никогда, нигдѣ его не покидала;

Какъ милое дитя, задумчиво играла

Или волной его кудрей,

Иль блѣдное чело, объятое мечтами,

Любила украшать небрежными перстами

Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.

И были времена: унылый и печальной,

Прошался иногда онъ съ музой геніальной,

Искалъ покоя, тишины.

Но и тогда, какъ духъ, привикнувъ къ изголовью,

Она его душѣ съ небесною любовью ⁵⁾

Дарила праведниковъ ⁶⁾ сны.

Когда же, утомясь ⁷⁾ минутнымъ упоенiemъ,

Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденiemъ,

Всегда юна, всегда свѣтла,

¹⁾ него...

²⁾ таинственная...

³⁾ въ дворцахъ царя...

⁴⁾ этихъ трехъ стиховъ („И вмѣстѣ пронеслась...—... въ степяхъ“) нѣть.

⁵⁾ Она ему съ своей небесною любовью...

⁶⁾ неземные...

⁷⁾ Въ „Уриѣ“ не „утомясь“, а „упоясь“, но прежній варіантъ кажется предпочтительнѣе.

Красавица земли, опа смыкала очи,—
 То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракѣ ночи
     Для ней рука его рвала.
 И въ эти времена невидимая Кліо
 Слетала къ своему любимцу горделиво
     Съ скрижалю давнею¹⁾ вѣковъ;
 И пѣль великой мужъ великія побѣды,
 И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
     Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
 Величавый, благородный,
 Какъ широкій океанъ,
 И могущій²⁾, и свободный,
 Какъ суровый ураганъ?
 Отчего же голосъ звучный,
 Голосъ съ славой неразлучный,
 Своенравный и живой,
 Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
 Полумертвую³⁾ душой;
 Не владѣетъ нашей думой⁴⁾,
 То отрадной, то угрюмой,
 По внушенью твоему?
 Не всегда ли безотчетно,
 Добровольно и охотно
 Покорялись мы ему!..

О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
 Единственный пѣвецъ волшебного Фонтана,
     Земфиры, Невскихъ береговъ,
 Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ!
 Ты мчалъ насъ, уносилъ по лицу⁵⁾ водъ мятежныхъ
     Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ.

¹⁾ Съ правдивой повѣстю...²⁾ И могучій...³⁾ Окладѣлою...⁴⁾ Въ „Урѣ“ этотъ стихъ пропущенъ.⁵⁾ лону...

Какъ будто усыплялъ ихъ ропотъ граціозный,
 Какъ будто оживлялъ мечтой религіозной
     Давно почившихъ мертвѣцовъ¹⁾).
 И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
 Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
     Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ.
 Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,—
 И вдругъ, поражена²⁾ невольнымъ содроганьемъ,
     Россія мрачная въ слезахъ³⁾).
 Высоко надъ главой Поэзіи⁴⁾ печальной
 Вознесся не вѣнокъ... но факель погребальной,
     И Пушкинъ—трупъ! и Пушкинъ—прахъ!
 Онъ прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробудимый!
 Угасъ, и навсегда, миллионами любимый,
     Державы Сѣверной⁵⁾ Баянъ!
 Опь новыя пріялъ нетленныя одежды,
 И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
     Разсъя вѣчности туманъ.

V.

ГИМНЪ СМЕРТИ.

„Совершилось: дивный геній.—
 Совершилось: славный мужъ
 Неизабвенныхъ пѣснопѣній
 Отлетѣлъ въ страну видѣній,
 Съ лона жизни въ царство душъ.
 Пиръ унылый и послѣдній
 Онъ окончилъ на землѣ;
 Но, безчувственный и блѣдный,
 Носить онъ вѣнокъ побѣдный
 На возвышенномъ челѣ.
 О, взгляните, какъ свободно
 Это гордое чело!
 Какъ оно въ толпѣ народной
 Величаво, благородно
 Новой жизнью расцвѣло!

¹⁾ Этихъ трехъ стиховъ („Какъ будто усыплялъ...—..мертвѣцовъ“) вѣть.

²⁾ И вдругъ поражены..

³⁾ И душу намъ наполнилъ страхъ.

⁴⁾ поэзіи...

⁵⁾ сѣверной...

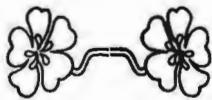
Если гибельнымъ размахомъ
 Безпощадная коса
 Неизнакомаго со страхомъ
 Уравнять умѣла съ прахомъ,—
 То узрѣль онъ небеса.
 Тамъ, подъ сѣнью Благова,
 Милосерднаго Творца,
 Безъ печальнаго покрова
 Встрѣтять жителя земного,
 Знаменитаго пѣвца.
 И святое Провидѣніе
 Слово мира изречетъ;
 И небесное прощеніе,
 Какъ земли благословеніе,
 На главу его сойдетъ.

Тогда, какъ духъ безплотный, величавой,
 Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
     Увидитъ яркій, свѣтлый день;
 И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
 Мильонъ міровъ, въ поковѣ ихъ глубокомъ,
     Его торжественная тѣнь;
 И окружитъ ее надъ облаками
 Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
     Необозримый легіонъ—
 Петрарка, Тассъ, Шенъе, добыча казни,
 И руку ей, съ улыбкою пріязни,
 Подастъ задумчивый Байронъ.
 И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
 Оплакали тебя и старый, и младой,
 И совершили долгъ послѣдній и священный,
 Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
 И, блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
 Поэзія грустить надъ урною твоей,—
 Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый¹⁾, славы жадной,
 О Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней.
 Душистые вѣнки великие поэты
 Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
 Но вѣрю я: и мой въ волнахъ суровой Леты,
 Съ рожденiemъ его, не будетъ поглощенъ,—
 На пешлѣ золотомъ угаснувшей кометы
 Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ...“

¹⁾ Въ „Урнѣ”—„юный”, но „смѣлый” намъ кажется умѣстнѣе и обличаетъ, быть можетъ, авторскую поправку.

Утѣшеніе.

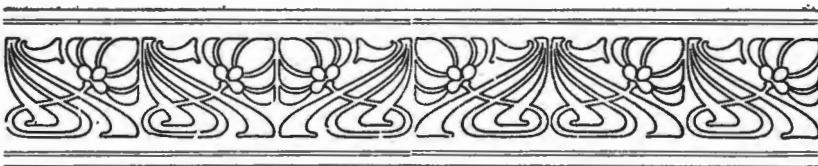
Надъ лирою твоей, разбитою, но славной.
Зажглася и горить прекрасная заря ¹⁾;
Она облечена порфирою ²⁾ державной
Великодушнаго Царя.

---

¹⁾ звѣзда..-

²⁾ щедротою.

О портретѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго.

Герой Ларги, Кагула и пр. пр., знаменитый фельдмаршаль гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ былъ весьма короткое время, около 3—4 мѣсяцевъ всего — кадетомъ сухопутнаго Шляхетскаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго корпуса). Поэтому весьма естественно, что при празднованіи первого столѣтія со дня основанія этого учебнаго заведенія, Императрицею Анною Ioannovnoю 17-го февраля 1732 г., Императоръ Николай I въ 1832 году возымѣлъ желаніе, чтобы въ корпусѣ былъ помѣщенъ портретъ воспитанника, которымъ корпусъ можетъ гордиться. Это желаніе Императора вызвало въ 1832 году обмѣнъ писемъ между державнымъ его братомъ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, главнымъ начальникомъ военныхъ учебныхъ заведеній въ то время, и графомъ Сергиемъ Петровичемъ Румянцевымъ, послѣднимъ изъ сыновей фельдмаршала, остававшимся еще въ то время въ живыхъ, но бывшимъ не у дѣлъ. Письма эти, сохранившіяся въ Императорской Публичной библиотекѣ, въ рукописномъ отдѣленіи, помѣщаемъ ниже, начавъ съ письма великаго князя.

Графъ Сергій Петровичъ. Государю Императору благородно, чтобы 17-го наступающаго февраля, въ день, назначенный для празднованія столѣтія со временемъ первоначального учрежденія 1-го кадетскаго корпуса, быть выставленъ въ ономъ портретъ бывшаго воспитанника сего корпуса, знаменитаго Вашего родителя, генералъ-

фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, и по невозможности въ скоромъ времени отыскать хороший портретъ или снять вѣрную копію, Его Императорское Величество, полагая, что у Васъ вѣрно хороший таковой портретъ имѣется и что Вы не откажетесь ссудить оный на время 1-му кадетскому корпусу,— соизволилъ мнѣ поручить обратиться о томъ съ покорнѣйшею просьбою. Исполняя симъ Высочайшую Его Императорского Величества волю, съ особеннымъ удовольствиемъ пользуюсь случаемъ удостовѣрить Васъ въ томъ неизмѣнномъ, отличнѣйшемъ уваженіи, съ коимъ пребываю къ Вамъ доброжелательный

подп. Михаилъ.

22 Генваря 1832 г.

С-тъ Петербургъ

Милостивый Государь. Болѣзnenное состояніе претитъ мнѣ донесть лично Вашему Императорскому Высочеству, что портрета покойнаго моего отца, съ него списаннаго, не существуетъ. Осмѣливаюсь представить вмѣсто сего Вамъ, Милостивый Государь, изображеніе въ маломъ видѣ той колоссальной статуи, которую въ честь его поставилъ графъ Заводовскій въ своихъ владѣніяхъ. Имѣть оно, кромѣ художественнаго достоинства, довольно и сходства. Если бы Государю Императору угодно было по сему слушаю приказать его выставить, то я униженнѣйше прошу Ваше Императорское Высочество исходатайствовать, чтобы оно было принято отъ меня въ кадетскій корпусъ, какъ усерднѣйшее приношеніе. Осчастливьте меня еще, Милостивѣйшій Государь, принесенiemъ Его Императорскому Величеству отъ моего лицаувѣренія того чувствованія глубочайшей благодарности, съ которымъ я повергаюсь къ стопамъ Его Величества за оказываемое при настоящемъ случаѣ столь лестное къ службѣ отца моего воспоминаніе.

Графъ С. Румянцевъ¹⁾.

Его Императорскому Высочеству
Михаилу Павловичу.

26-го Генваря 1832 г.,
С.-Петербургъ.

¹⁾ Графъ Сергій Петровичъ Румянцевъ, младшій сынъ фельдмаршала Румянцева, родился въ деревнѣ подъ Москвой 17 марта 1755 г. и провелъ дѣтскіе годы подъ надзоромъ своей матери гр. Екатерины Михайловны, заботившейся очень объ его воспитаніи, а затѣмъ и объ опредѣленіи его на службу. Записанный съ раннихъ лѣтъ въ артил-

Графъ Сергій Петровичъ. Я имѣлъ счастіе довести до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія содѣжаніе письма Вашего отъ 26 сего Генваря.— Его Императорское Величество, принимая съ удовольствіемъ дѣлаемое вами въ 1-й кадетскій корпусъ приношеніе, изволилъ мнѣ поручить сообщить Вамъ за оное искреннюю Его Величества признательность, и вмѣстѣ съ тѣмъ Васъ увѣдомить, что Его Императорскому Величеству будетъ пріятно видѣть Васъ на празднествѣ, торжественности котораго имя родителя Вашего придаетъ еще болѣе блеска. Исполняя симъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе и присовокупляя къ сему, что Государь Императоръ изволить быть 17-го февраля въ церкви 1-го кадетскаго корпуса у обѣдни, прошу Васъ принять новое увѣреніе въ томъ неизмѣнномъ чувствѣ отличиѣшагоуваженія, съ коимъ пребываю къ Вамъ доброжелательный Михаилъ.

30 Генваря 1832 г. С-тъ Петербургъ.

Милостивый Государь мой Александръ Ивановичъ.

Прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство донесть Его Императорскому Высочеству, что сильная простуда

лерю, а затѣмъ переведенный въ л.-гв. Конный полкъ, молодой графъ 1 января 1769 г. былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ корнеты, а затѣмъ 1 августа 1772 г. пожалованъ камер-юнкеромъ и вскорѣ по желанію отчисленъ отъ полка въ чинѣ подпоручика. Въ 1774 г. онъ отправился для своего образованія за границу, совершилъ путешествіе по Италии и, возвратясь въ отечество въ 1776 году, скоро опять уѣхалъ въ 1778 году на годъ, не найдя себѣ соотвѣтствующаго служебнаго занятія. Въ 1779 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры и послѣ непролongительного отправленія придворной службы при молодомъ наследникѣ, гр. С. Петровичѣ уѣхалъ опять за границу, гдѣ пробылъ до 1783 г., когда предполагалось его назначить по дипломатической части. Но это назначеніе затянулось и оно только въ 1785 г. июня 23 было назначено чрезвычайнымъ посланникомъ въ Берлинъ, но занималъ этотъ постъ не долго. Онъ въ 1789 году былъ отозванъ и пребывая въ Петербургѣ состоялъ не долгое время при герцогѣ д'Артуа, посѣтившемъ столицу въ 1793 году. Въ томъ же году гр. С. П. Румянцевъ былъ назначенъ въ Швецію нашимъ полномочнымъ министромъ, куда отправился въ октябрѣ мѣсяцѣ, но уже въ августѣ 1794 года возвратился въ Петербургъ съ дозвolenія Ея Величества и болѣе въ Стокгольмъ не возвращался. Онъ проживалъ безъ назначенія въ Петербургѣ до самой кончины Екатерины II въ 1796 году—а Императоръ Павелъ I, благоволившій сыновьямъ фельдмаршала, назначилъ С. П. Румянцева присутствующимъ членомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1797 г.

не допускаетъ меня быть на празднествѣ столѣтія кадетскаго корпуса.

Если осмѣливаюсь я занять своимъ состояніемъ Государя Великаго Князя, причина тому, что черезъ собственное Его милостивѣйшее посредство объявлено было мнѣ Его Императорскаго Величества соизволеніе.

15 февраля 1832 г.

Его Превосходительству А. П. Алединскому.

Государю Императору благоугодно украсить устраиваемую вновь въ Зимнемъ дворцѣ залу портретами российскихъ полководцевъ, присоединившихъ къ имени своему имена мѣстъ, прославленныхъ ихъ подвигами. Въ слѣдствіе сего я, по Высочайшей волѣ, покорнѣйше прошу Ваше Сиятельство прислать ко мнѣ для снятія копіи, пор-

главнымъ директоромъ государственного вспомогательного для двоинства банка, а затѣмъ въ 1796 г.—министромъ удѣловъ. Болѣзньное состояніе побудило графа просить въ концѣ 1799 г. увольненія на годъ за границу, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе въ январѣ 1800 г. но въ томъ же году въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ былъ отставленъ отъ службы вовсе. Новый Императоръ скоро назначилъ его членомъ Государственного Совѣта 21 апрѣля 1802 г., но по непостиженію С. П. Румянцовъ заѣданій Совѣта онъ былъ уволенъ отъ этого званія въ томъ же году. Вскорѣ онъ представилъ Его Величеству предположенія обѣ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, удостоившіяся Высочайшаго одобренія, послѣ котораго состоялся извѣстный указъ 20 февраля 1803 года; Румянцовъ же удостоился получить особый реескриптъ Его Величества 25 февраля и портретъ въ свидѣтельство расположенія къ графу, скоро назначеному опять членомъ Государственного Совѣта. Онъ былъ скоро назначенъ членомъ Комитета по части финансъ, учрежденного въ 1806 году, и желалъ получить какое либо высшее назначеніе по внутреннему управлению государствомъ, но не достигъ этого ни при Императорѣ Александрѣ I, ни при его преемнике Николаѣ I и въ званіи члена Государственного Совѣта скончался 24 января 1833 г., не оставивъ потомства мужского пола. Съ кончиною его прекратился родъ графовъ Румянцовъ. Обширныя его земельныя владѣнія перешли тремъ его дочерямъ, получившимъ фамилии Кочульскихъ. Графъ С. П. Румянцовъ сдѣлалъ большія денежныя пожертвованія въ инвалидный капиталъ, въ пользуувѣчныхъ воиновъ, а также вдовъ и сиротъ офицеровъ и низкихъ чиновъ, служившихъ въ полку имени фельдмаршала Румянцова Задунайскаго и по словесному завѣщанію брата своего пожертвовалъ домъ бывшаго канцлера, а также и свой собственный съ богатымъ собраніемъ рукописей, медалей, монетъ, книгъ, рисуаковъ для устройства Румянцовскаго музея, получившаго первый уставъ 28 мая 1831 года.

третъ покойнаго родителя Вашего, буде таковой (писанный въ ростѣ), имѣется у Вашего Сиятельства.

Князь Петръ Волконскій¹⁾.

Число не означено на письмѣ, которое, заключая по отвѣту, должно быть отнесено къ 1833 году.

Милостивый Государь, князь Петръ Михайловичъ.

Ваше Сиятельство можете представить себѣ, съ какимъ душевнымъ прискорбиемъ нахожусь я въ невозможности выполнить Высочайшія повелѣнія черезъ Васъ мнѣ насланныя. Отецъ мой покойный не оставилъ послѣ себя никакого портрета и единственное съ него снятое изображеніе есть тотъ бюстъ, который стоитъ въ Эрмитажѣ, и сдѣланъ былъ по повелѣнію Императрицы Екатерины Алексѣевны. Сходство головы совершенно и не мудрено бы было художнику докончить и всю фигуру, если бы Государю Императору благоугодно было избрать къ тому человѣка искуснаго. Ваше Сиятельство, какъ верховный начальникъ Академіи Художествъ, можете пайти въ Алексѣя Николаевича Оленинѣ самое лучшее пособіе къ выполненію Государя Императора предложенія. Я же съ своей стороны готовъ подать въ разсужденіи тѣни лица и прочаго всѣ объясненія, которыя бы вамъ только угодно было потребовать. С. Румянцовъ.

13 Апрѣля 1833 г. Его Сиятельству к. П. М. Волконскому.

Изъ дальнѣйшей переписки усматривается, что гр. С. П. Румянцовъ по желанію кн. Волконского доставилъ ему въ 1833 году эскизы художника Шебуева, на которыхъ изображенъ фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ, для представления ихъ на Высочайшее воззрѣніе и что Его Величеству угодно было избрать тотъ эскизъ, на которомъ фельдмаршалъ изображенъ подписывающимъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 года.

Сообщ. П. М. Майковъ.

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ Волконскій р. въ 1771 г., и поступилъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ 1791 году. Онъ отличился въ сраженіи при Аустерлицѣ 1805 года и по окончаніи войны былъ посланъ во Францію для подробнаго изученія устройства генерального штаба арміи. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ въ 1810 г. генераломъ квартирмейстеромъ, а затѣмъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ кн. Волконскій былъ начальникомъ главнаго штаба арміи. Онъ пріобрѣлъ особое расположеніе Императора Александра I которое и сохранилъ по самую кончину Императора въ Таганрогѣ. При коронованіи Императора Николая I, Волковскій былъ назначенъ министромъ Императорскаго двора и оставался имъ до самой кончины своей въ 1852 году. Волконскій былъ пожалованъ званіемъ фельдмаршала и титуломъ свѣтлѣйшаго князя.

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству.

ГЛАВА I.

Первые служебные шаги.

Въ 1914 году Россія и судебное вѣдомство праздновали 50-лѣтніе дѣйствія судебныхъ уставовъ и въ послѣднемъ засѣданіи Государственной Думы передъ Рождественскими каникулами Министерство Юстиціи испрашивало и получило особый кредитъ на изданіе исторіи судебныхъ уставовъ къ предстоявшему юбилейному году. Какого рода и въ какомъ духѣ будетъ написана эта исторія, мы прочитаемъ ее въ свое время, а пока старымъ работникамъ на почвѣ естественного правосудія нeliшне внести и свои штрихи въ 50-лѣтнюю исторію дѣйствія судебныхъ уставовъ о служебной дѣятельности лицъ судебнаго вѣдомства. Руководимый сейчасъ названною мыслью, я и воспроизвожу здѣсь пѣкоторые факты, сохранившіеся въ памяти, и характеристики изъ своей свыше 37-лѣтней службы по судебному вѣдомству, и въ этомъ числѣ 34-лѣтняго пребыванія въ судейской должности. Въ воспоминаніяхъ о своей службѣ я буду касаться, главнымъ образомъ, бытовой стороны прохожденія службы или условій работы лицъ судебнаго вѣдомства, обстановки, при которой эта работа протекала на протяженіи извѣстнаго мнѣ периода службы, а также вспомню и выдающихся работниковъ. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, я продолжу свои воспоминанія вслѣдъ за

воспоминаниями о Киевском университете и студенческой жизни¹⁾). Грустное разставанье съ университетом и товарищами послѣ сдачи экзаменовъ и полученія диплома усугублялось еще мыслью о томъ, куда направить свои молодыя „дипломированныя“ силы, чтобы устроить свою жизнь по своему взгляду и найти практическую работу, соотвѣтственно своимъ довольно идеалистическимъ желаніямъ. Проведя дома, въ деревнѣ у родныхъ, послѣднія школьныя каникулы, я въ концѣ сентября 1875 года уѣхалъ въ Киевъ, съ цѣлью опредѣлиться на службу и при томъ по судебному вѣдомству. Въ Киевѣ же въ это время наряду съ дѣйствиемъ (съ 1870 г.) мирового устава по закону 20 ноября 1864 г. еще дѣйствовала и довольно энергично старая судебная палата уголовнаго и гражданскаго суда.

Неужели опредѣлиться на службу въ эту палату?

Но случайно встрѣчаю своего однокашника, и, разговарившись съ нимъ, рѣшилъ опредѣлиться кандидатомъ на судебнія должности при Киевской судебной палатѣ и подалъ Предсѣдателю ея прошеніе съ документами объ опредѣленіи меня на службу. Предсѣдателемъ же Киевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда въ это время былъ С. С. Гончаровъ, недавно переведенный въ Киевъ изъ Житомира. Представляясь С. С. Гончарову, я былъ имъ очень любезно принятъ; онъ объяснилъ, что очень радъ принимать на службу университетскую молодежь, которая должна „внести свѣжую струю въ довольно затхлую атмосферу палаты и что эту молодежь онъ будетъ всячески поддерживать и поощрять“. Подобнаго рода пріятными перспективами (окончившимися пуфомъ) С. С. Гончарову удалось завербовать въ палату до десятка кандидатовъ, которымъ и дана была работа то въ канцеляріи палаты, то при камерахъ судебныхъ слѣдователей. С. С. Гончаровъ, какъ предсѣдатель судебнаго, хотя „стараго фасона“ учрежденія, вступивъ въ управление Киевской судебной палатой, сей-часъ все передѣлалъ на свой ладъ: онъ прежде всего повыгналъ всѣхъ старыхъ, закоснѣлыхъ взяточниковъ столоначальниковъ и начальника крѣпостного стола г. Яе—скаго, убралъ дураковъ, которыхъ порасплодилъ Калмыковъ (бывшій предсѣдатель палаты); ввелъ гласный, публичный докладъ дѣлъ въ палатѣ членами ея, самолично принималъ

1) См. „Русская Старина“, VI и VII кн. 1912 года.

просителей и тутъ же давалъ имъ справочная свѣдѣнія, словомъ, завелъ тѣ порядки, которые введены были въ судахъ, дѣйствовавшихъ по уставамъ 1864 г. Такая энергичная дѣятельность нового предсѣдателя Киевской соединенной палаты уголовного и гражданского суда сразу выдвинула С. С. Гончарова изъ ряда начальниковъ отдѣльныхъ частей губернскихъ учрежденій Киева; онъ сразу пріобрѣлъ огромную популярность среди мѣстнаго общества, его очень приблизилъ къ себѣ бывшій киевскій генераль-губернаторъ, добрѣйший кн. А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, и значеніе палатнаго суда и подвѣдомственныхъ ей судебныхъ мѣстъ сразу повысились, и эти учрежденія стали пользоваться довѣріемъ населенія и уваженіемъ. До Гончарова въ киевскихъ судебныхъ учрежденіяхъ царили такие же порядки и права, какъ и въ Гоголевскія времена, т.-е. безконечная волокита, взяточничество и канцелярская тайна. Уже при Гончаровѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены. Въ залѣ судебныхъ засѣданій стоить въ вицмундирѣ бритый, строгій на видъ С. С. Гончаровъ; залъ наполненъ разнообразной публикой, изъ которой отдѣльныя лица, по очереди, подходятъ къ судейскому столу, подаютъ прошенія г. Гончарову и ведутъ съ нимъ разговоры; онъ терпѣливо выслушиваетъ просителей, объясняетъ имъ дѣла и даетъ нужные справки. Вдругъ въ залѣ врывается какая-то ажитированная дама, съ нею рядомъ идетъ господинъ съ бумагами и направляются къ столу предсѣдателя палаты. Дама жалуется С. С. Гончарову, что надсмотрщикъ крѣпостнаго стола (это былъ онъ) тормозитъ ей утвержденіе купчей крѣпости; даетъ объясненія надсмотрщикъ. Но едва онъ окончилъ свои объясненія, какъ по его головѣ пошелъ гулятьувѣсистый зонтикъ просительницы съ комментаріями: „вотъ тебѣ взятки, тебѣ я мало платила, еще хочешь взять и т. д.“. Едва-едва удалось усмирить разбушевавшуюся даму и увести изъ присутственного мѣста. Эта сцена произвела на публику большое впечатлѣніе, а на меня удручающее, и я опять задался вопросомъ: неужели можно служить въ такой обстановкѣ и съ такими людьми, которыхъ за взятки публика колотить зонтикомъ по головѣ? Ходилъ я на занятія въ палату не долго и тамъ держался своего кружка университетскихъ товарищѣй и не сближался съ другими служащими, косо на насть посматривавшими. Разочарованный обстановкой службы въ Киевской палатѣ, я написалъ своимъ знакомымъ въ Херсонскую

губернію, которые были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ тамошняго окружного суда В. А. Тарасовымъ, прося ихъ узнать, нельзя ли получить штатную должность въ томъ судѣ? Отвѣта пришлось ждать не долго, и мнѣ телеграммой дали знать, что я уже зачисленъ на должность помощника секретаря суда, и чтобы поспѣшилъ присылкой прошенія съ документами. Какъ мнѣ ни грустно было разставаться съ Киевомъ, гдѣ прошли мои лучшіе школьніе годы, гдѣ оставалось много университетскихъ товарищѣй и друзей, не говоря о родныхъ, но желаніе попасть на службу во вновь реформированное судебное установленіе, въ новую свѣжую обстановку воспрѣобладало надъ другими тяготѣніями, и прошеніе было отправлено предсѣдателю Херсонскаго суда, а черезъ недѣли двѣ и я уѣхалъ въ Херсонъ.

ГЛАВА II.

Херсонскій онружный судъ.

Пріѣхавши въ Херсонъ и поселившись на квартирѣ при студенческой обстановкѣ вблизи зданія суда, я 4 ноября 1875 годѣ явился въ судъ и представился предсѣдателю суда. Къ сожалѣнію, первое впечатлѣніе отъ свиданія съ предсѣдателемъ суда было не особенно пріятное: своей фігурой, внѣшнимъ обликомъ и разговоромъ онъ меня даже смутилъ: выше средняго роста, плѣшивый, съ котлетками на щекахъ *à la* чиновники на картинахъ извѣстнаго художника Федотова, съ выпуклыми глазами и со скрипучимъ голосомъ, удущивымъ каплемъ и со снискодительно-привѣтливой улыбкой, онъ скорѣе напоминалъ мнѣ типы столоначальниковъ Киевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, чѣмъ предсѣдателя новаго судебнаго учрежденія, но первое неблагопріятное впечатлѣніе, оставленное предсѣдателемъ суда, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, было совершенно затушевано, а свой внѣшній обликъ (котлетки) В. А. Тарасовъ поддерживалъ по привычкѣ, усвоенной имъ на прежней службѣ къ качествѣ Управляющаго канцелярией сибирскаго генералъ-губернатора, откуда онъ получилъ назначеніе въ Херсонъ. Вскорѣ мои хорошие знакомые—мѣстные помѣщики,—пріѣхавъ въ Херсонъ, пригласили меня съ собою на вечеръ къ В. А. Тарасову, и

вотъ здѣсь, дома, нашъ предсѣдатель оказался совершенною инымъ человѣкомъ: привѣтливымъ, любезнымъ, безъ всякаго оттѣнка „начальственности“. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось бывать въ квартирѣ своего предсѣдателя, а это обстоятельство создало мнѣ и нѣкоторый престижъ въ положеніи служебномъ въ томъ смыслѣ, что я не сталъ чувствовать начальственного гнета и никогда его не понималъ. Прохожденіе службы помощникомъ секретаря гражданскаго отдѣленія такое: онъ завѣдываетъ направленіемъ поступающихъ въ столь бумагъ, ведетъ настольный реестръ, дѣлая въ немъ отмѣтки о движениіи дѣлъ, выдаетъ справки просителямъ, подготовляетъ дѣла для доклада членовъ суда, следить за исполненіемъ резолюцій суда и участвуетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Канцелярская работа, конечно, скучная вещь; но если къ ней относиться аккуратно и внимательно, то найдется и работа, и интересъ къ ней. Интереснѣе гораздо участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ, гдѣ требуется извѣстное напряженіе мысли, памяти и большое вниманіе для того, чтобы уловить сущность преній тяжущихся и внести въ протоколъ то, что существенно для дѣла, съ полной точностью выраженній. Въ мое время не брали записокъ отъ адвокатовъ для составленія протоколовъ засѣданія, какъ теперь практикуется молодежью. Недостатокъ канцелярского прохожденія службы для молодого юриста заключается въ томъ, что эта работа скоро надѣваетъ своимъ однообразіемъ и безсодержательностью, и лишь добровольное знакомство съ дѣломъ по существу и составленіе решеній, съ согласія и подъ руководствомъ членовъ суда, даетъ нѣкоторую осмысленность работѣ будущаго судебнаго дѣятеля. Составъ Херсонскаго суда въ мое время былъ прекрасный въ особенности, что касается гражданскаго отдѣленія: этимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ самъ предсѣдатель суда В. А. Тарасовъ, а членами были: И. Я. Давѣнко, П. Ф. Морѣскій и П. Л. Шестаковъ. Изъ этого состава самымъ усерднымъ и работоспособнымъ былъ П. Ф. Морѣскій; работоспособность этого человѣка поразительна: всегда скромный, вдумчивый, занятой, онъ детально и съ большими справочными свѣдѣніями фактическаго и юридического свойства подготовлялъ дѣла къ докладу, а послѣ доклада обстоятельно и съ большой эрудиціей разрабатывалъ разрѣшенный судебный споръ, или казусъ. Кромѣ своей работоспособности и глубокихъ знаній гражданскаго права и процесса, это былъ очень добрый,

скромный и гостепріимный человѣкъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ и другъ молодежи. Идеалистъ 60-хъ годовъ, П. Ф. былъ либерально-мыслящимъ судьей и глубокимъ почитателемъ какъ судебныхъ уставовъ, такъ всѣхъ реформъ Царя-Мученика.

Домъ П. Ф. былъ пристанищемъ судейской молодежи, гдѣ мы весело и содержательно проводили время, трактуя текущія литературныя и юридическія новости, занимаясь пѣніемъ, чтеніемъ интересныхъ книгъ и дебатами по поводу прочитанного. Вспоминая дни знакомства съ домомъ П. Ф. Мор—скаго, оживаешь душою и жалѣешь современную молодежь, лишенную по текущему моменту возможности сближаться со старшими членами нашей магистратуры и многому отъ нихъ поучиться. Въ отношеніяхъ старшихъ членовъ Херсонской судебной магистратуры къ младшимъ подчиненнымъ чинамъ — судейской молодежи, отсутствовало всякое чинопочитаніе, искательство, съ одной стороны, и снисходительное покровительство — съ другой, отсутствіе того, что составляетъ основную черту старого, сухого бюрократизма и связанныхъ съ этимъ послѣдствій. Судебная корпорація Херсонского суда составляла тѣсно сплоченную, дружескую семью, равноправную въ обыденной, въ служебной жизни, взаимно доброжелательную и сердечную. И неудивительно, что такія отношенія существовали въ нашемъ судейскомъ кружкѣ, такъ какъ старшіе члены этого кружка — члены суда — были люди, обвѣянные идеями 60-хъ годовъ, гуманные, просвѣщенные и сердечные. Такія же сердечныя и дружескія отношенія старшихъ членовъ суда къ младшимъ наблюдались и въ мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ. Прокуроромъ же суда у насъ былъ выдающійся человѣкъ по своимъ знаніямъ, характеру и такту А. В. Волковъ, впослѣдствіи первый прокуроръ Виленской судебной палаты и сенаторъ. Служебное воспитаніе А. В. Волковымъ состоявшихъ при его камерѣ кандидатовъ на судебныя должности представлялось въ такомъ видѣ: каждую субботу онъ приглашалъ судейскую молодежь къ себѣ на домъ, бесѣдовалъ съ ними о разныхъ казусахъ уголовнаго процесса, объяснялъ ходъ судебнаго слѣдствія по разной категоріи уголовныхъ правонарушений, примѣрами изъ подлинныхъ производствъ подкрѣплялъ свои сужденія, а затѣмъ, вручая по нѣскольку слѣдственныхъ производствъ каждому изъ кандидатовъ, велѣлъ по этимъ дѣламъ писать обвинительные акты.

И надо было видѣть то оживленіе и ту охоту, съ какими прокурорская молодежь занималась этими дѣлами, съ какою тщательностью изучались дѣла и съ какимъ нетерпѣніемъ ими ожидалась очередная суббота, чтобы представить А. В. свои отчеты хода работы, о сомнѣніяхъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ работахъ и т. п.! За окончаніемъ дѣловыхъ разговоровъ у прокурора съ кандидатами, тов. прокурора, завязывались разговоры частнаго характера, споры о текущихъ явленіяхъ литературной и общественной жизни и т. п.,—и все это въ самомъ непринужденномъ тонѣ и на почвѣ крайне сердечныхъ взаимныхъ симпатій. Такое направление служебнаго воспитанія прокурорской молодежи на практикѣ дало самые благопріятные результаты, и изъ кандидатовъ А. В. Волкова вышло не мало блестящихъ судебныхъ слѣдователей и тов. прокуроровъ суда. Сопоставляя отношенія А. В. Волкова къ прокурорской молодежи съ теперешними отношеніями прокуроровъ къ кандидатамъ на судебнныя должности, поражаешься огромной разницей этихъ отношеній, такъ какъ нынче прокуроръ въ глазахъ кандидатуры представляется недосягаемымъ олимпійцемъ, едва протягивающимъ кандидату нѣсколько пальцевъ своей руки, едва удостаивающимъ каждого изъ нихъ „милостивымъ разговоромъ“; теперь эти кандидаты не младшіе друзья прокурора, а его „паріи“, безличные и безвольные „людишки“. Не въ этой ли обстановкѣ взаимоотношеній прокурорскаго надзора къ своимъ подчиненнымъ кроется причина и неудовлетворительности нашихъ слѣдственныхъ производствъ и слабости обвинительныхъ рѣчей и обвинительныхъ актовъ? При изложенныхъ此刻ъ условіяхъ протекала моя канцелярская служба въ Херсонскомъ окружномъ судѣ въ теченіе трехъ съ малымъ лѣтъ до 1878 года, когда по измѣнившимся условіямъ личной жизни (женитьба) и по желанію знакомыхъ земцевъ,— мнѣ предложено было перейти на выборную службу въ мировой институтъ, на что я и согласился, а въ февралѣ 1879 года былъ избранъ Херсонскимъ Уѣзднымъ земскими собраниемъ кандидатомъ на должность мирового судьи. Въ іюнѣ того же года я уже отправлялъ правосудіе въ самостоятельномъ б-мъ мировомъ участкѣ въ г. Николаевѣ. Оставленіе коронной службы и переходъ на земскую—выборную направило мою жизнь на новый путь судебно-общественной дѣятельности, которой я и предался со всѣмъ пыломъ молодости и съ величайшей лю-

бовью къ дѣлу мировой юстиціи. Но обѣ этомъ рѣчь впереди; здѣсь же я долженъ замѣтить, что съ величайшимъ сожалѣніемъ мнѣ пришлось разставаться со службой и въ окружномъ судѣ, гдѣ такъ радушно я былъ принятъ, обласканъ и гдѣ оставилъ много дружескихъ связей съ младшими и старшими членами судебнной магистратуры. И теперь, когда большинства изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, когда направлениѣ служебныхъ отношеній въ томъ судѣ, какъ и въ большинствѣ ихъ, получило совершенно новую окраску—на почвѣ бюрократического педантизма, идеалистическая условія моей службы въ Херсонскомъ судѣ вспоминаются съ особенной теплотой и отрадой.

ГЛАВА III.

Служба по выборной мировой юстиціи.

Прежде чѣмъ описывать прохожденіе своей выборной службы по мировой юстиціи, не безполезно здѣсь сказать кое-что о самыхъ условіяхъ выборовъ на земскія должности и обѣ отношеніяхъ земскихъ гласныхъ къ своимъ избранникамъ и населенія къ выборному мировому институту въ мое время. Мировой институтъ въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 80-хъ годахъ въ особенности переживалъ очень тревожную пору: все чаще и чаще начинали раздаваться голоса о неудовлетворительности выборного мирового института, не только въ печати извѣстнаго лагеря („Московскія Вѣдомости“—Каткова и др.), но и среди мѣстнаго населенія, и среди самихъ земцевъ. Вспоминая начало своей выборной службы по мировой юстиціи, сравнивая положеніе судебнаго дѣла на мѣстѣ въ началѣ 80-хъ годовъ и сопоставляя съ этимъ положеніемъ разсказы земскихъ гласныхъ „перваго призыва“ о положеніи мирового правосудія 10 лѣтъ раньше, нельзя было не сдѣлать вывода, что ужѣ и въ 1880-хъ г. замѣчалась разница въ положеніи мѣстнаго судебнаго дѣла за эти периоды времени,—разница въ отношеніи къ „мировому суду“ мѣстнаго населенія, и самихъ судей къ своему дѣлу. Старые выборные судьи и старые земскіе гласные разсказывали мнѣ, что въ первые три трехлѣтія дѣйствія мирового суды въ Херсонскомъ уѣздѣ очередныя засѣданія мирового съѣзда и камеры мировыхъ судей были переполнены публикой; судебнай

процедурой населеніе чрезвычайно интересовалось и симпатизировало новому суду. Въ участковые и почетные мировые суды земскими собраніемъ избирался „цвѣтъ“ мѣстной земской интеллигентіи; въ почетные судьи—всѣ, достойнѣйшіе почета и уваженія гласные уѣзда, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Величайшую честью почиталось для земского избранника носить званіе мирового судьи; участковые и почетные судьи работали очень усердно, „любовно“, съ вѣрой въ дѣло суда и правды. Судебная процедура мирового суда въ то время еще не была усложнена требованіями формальныхъ письменныхъ порядковъ (пошлины марки, циркуляры, отчетности, кассационная указанія и т. п.). Правда, что въ то же время съ подобнымъ же рвеніемъ наши земцы относились и къ своимъ земскимъ дѣламъ; на первомъ планѣ у каждого земского дѣятеля стоялъ общественный интересъ, не было еще мѣста для личныхъ стремленій и видовъ въ земской службѣ; „не пахло земскимъ пирогомъ“. Избирательная политика и связанная съ нею интрига не получили еще дурного направленія, и никто еще изъ членовъ земского собранія не посягалъ на платныя земскія должности, какъ на „синекуру“. Въ концѣ же 1870-хъ годовъ и въ 1880-хъ годахъ, когда въ земскія собранія послѣдовалъ приливъ новыхъ силъ, воспитанныхъ въ духѣ узкаго меркантилизма (купеческая партія), началось и другое, новое направленіе мѣстной земской дѣятельности съ особымъ характеромъ ея внутренней, закулисной политики: въ описываемое время стало замѣтнымъ сильное стремленіе среди многихъ земскихъ гласныхъ къ платнымъ земскимъ должностямъ то для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, то для установления „въ своемъ околоткѣ“ извѣстнаго престижа въ своихъ чисто хозяйственныхъ видахъ, то въ интересахъ вліянія и преобладанія данной земской партіи. На должности мировыхъ земцы стали выдвигать людей, совершенно къ обязанностямъ судьи не подготовленныхъ ни теоретически, ни практически, а то и просто „никчемныхъ“. Интрига и борьба партій, мелочныхъ самолюбій разросталась изъ года въ годъ; въ эту партійную борьбу „втравливались“ и гласные отъ крестьянъ. Спрашивается, какой составъ выборныхъ мировыхъ судей могло дать избирательное собрание на вышеприведенной подкладкѣ? Конечно,—не вполнѣ удовлетворительный. Съ конца 1870-хъ годовъ въ выборные мировые судьи попадали и люди, не принадлежавшіе въ

гѣскомъ смыслъ слова къ мѣстному населенію, но такие изъ нихъ, которые нужны были и годны для дѣла юстиції, постепенно разроставшагося и усложнявшагося,—это съ одной стороны, а съ другой,—у мѣстного дворянства уже остали порывы къ идеальной службѣ мѣстному правосудію, а возобладали идеи „сельско-хозяйственной культуры“. Выборными мировыми судьями-юристами, какъ ихъ сослуживцы, такъ и земцы въ описываемое время очень дорожили, такъ какъ сами въ сущности уже охладѣли къ дѣлу „мѣстного суда“, но интересовались его формальнымъ значеніемъ, цѣнили въ общемъ его беспристрастіе; судьи же, кроме того, считались и съ извѣстной отвѣтственностью за явное нарушение формальной судебной процедуры. Чѣмъ дальше, тѣмъ индифферентнѣе стало относиться Херсонское уѣздное земство къ выборамъ лучшаго состава мѣстного института мировыхъ судей, въ особенности, когда лучшіе старые земцы отдалились отъ активной земской работы, недовольные новымъ ея направленіемъ. Невольно возникаетъ вопросъ: удовлетворялъ ли выборный мировой институтъ своему важному назначению при упомянутомъ отношеніи къ выборамъ его личнаго состава земцевъ новѣйшей формаци? Не удовлетворялъ, конечно, и не могъ удовлетворить, такъ какъ борьбу земскихъ партій, борьбу личныхъ самолюбій, интересовъ, сословности, стремленія къ „синекурѣ“, это съ одной стороны, и полный индифферентизмъ,—съ другой,—нельзя признать „доброй почвой“ для выборнаго начала представителей мѣстной юстиції; нельзя признать эти условія „мѣриломъ“ беспристрастія и справедливости. Замѣчательнѣе въ данномъ случаѣ еще одинъ, бросавшійся въ глаза фактъ,—это усиленное вліяніе „глavarей“ (по-нынѣшнему: „лидеровъ“) земскихъ партій на мѣстный мировой институтъ не только въ смыслѣ этого вліянія на выборы личнаго состава мировыхъ судей, но и на проведеніе извѣстныхъ тенденцій при производствѣ дѣлъ данныхъ категорій (иски къ рабочимъ, самоуправство и т. п.).

Мѣстная юстиція, при отправленіи своихъ законныхъ функций, должна была еще считаться то съ преобладающими взглядами мѣстного дворянства на извѣстнаго рода соціально-экономическія явленія, то дѣйствовать въ духѣ вліятельныхъ избирателей, то ставить на видъ и разграничивать положеніе извѣстныхъ классовъ мѣстного населенія (помѣщикъ одно, крестьянинъ другое, или хозяинъ и рабочій). Но уголовнымъ дѣламъ преобладали не вполнѣ

безпристрастные и закономѣрные взгляды на нѣкоторые виды правонарушений (обиды, потравы, порубки и пр.).

Судьямъ, строго, законно и законномѣрно относившимся къ своимъ обязанностямъ, усваивалось название „законника“, формалиста въ смыслѣ пренебрежительномъ, чуть-ли не въ родѣ „приказнаго „юса“. Масса же населенія, имѣвшая дѣло съ общими судами и съ мировыми судьями, напротивъ, отличала судей „законниковъ“, избѣгала судей „изъ нихъ“, вѣроятно, въ силу поговорки: „каковъ судья, таковъ и судъ“. Такъ какъ въ составѣ земскихъ избирателей мировыхъ судей находились и при томъ въ значительномъ числѣ и крестьяне и разночинцы, которые не могли не знать закулисныхъ сторонъ и настоящей подкладки земскихъ выборовъ, то выборная интрига, борьба партий втягивала и этихъ гласныхъ въ свои интересы, какъ я уже говорилъ раньше, и закулисная сторона выборныхъ агитаций, поэтому, имѣла самую широкую огласку въ мѣстности данного земского района. Всѣ вышеприведенные условия „выборнаго дѣла“, прохожденіе самыхъ выборовъ мировыхъ судей черезъ каждое трехлѣтіе не могли не подрывать довѣрія къ авторитету и безпристрастію мѣстнаго суда, уваженія къ мѣстному составу мирового института.

Что русскій народъ какъ въ массѣ своей, такъ и въ отдельныхъ классахъ его, не удовлетворялся даже въ 80-хъ годахъ судомъ „первой ступени“, известно всѣмъ и каждому изъ провинціальныхъ мѣстныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе дѣятелей по судебному вѣдомству, и всякий, кто желалъ смотрѣть на дѣло и относиться къ нему не съ точки зрѣнія „лѣниваго ума и сонливой совѣсти“ (А. Ф. Кони), тотъ наблюдатель видѣлъ, что „ослабѣвшая мировая юстиція“ способствовала прогрессивному увеличенію „сугубженчества“, „кляузъ“; истинное же правосудіе „хромало“. Замѣчалось также, что прибѣгавшія къ полиції и защитѣ мирового суда лица изъ мѣстнаго населенія особенно настойчиво проводили свои претензіи по всѣмъ инстанціямъ; увеличивалось количество жалобъ на решенія и приговоры мировыхъ судей; уменьшалось по мировымъ участкамъ количество оконченныхъ дѣлъ за примиреніемъ тяжущихся. Спрашивалось: гдѣ же дѣвался тотъ мѣстный „мировой“, авторитетный „умиротворитель“ повседневныхъ мелкихъ жителейскихъ недоразумѣній, споровъ, къ которому такъ охотно по началу всѣ прибѣгали, которому безгранично вѣрили, кото-

раго судомъ удовлетворялись „безапелляционно“? Терпѣливо и „долго бы пришлось разыскивать типъ мѣстнаго „умиротворителя“ въ выборномъ мировомъ институтѣ знакомаго мнѣ земства и въ годы моей тамъ службы, и по оставленіи послѣдней. Типъ судьи „умиротворителя“ отошелъ уже въ „туманную даль“ далекаго прошлого, а на лицо остались или судьи-законники, нужные для формальной стороны направленія дѣлъ, или судьи данныхъ земскихъ партій. Уклоненіе мѣстнаго суда отъ правды фактовъ и прикрытие ея кажущейся „правдой формы“ (процессуальной) не могло не внести нѣкоторый разладъ и раздвоеніе въ правосознаніе народной массы, связанное съ ея первоначальнымъ представленіемъ о мировомъ судѣ. Это же раздвоеніе, умаляя значеніе мѣстнаго суда, какъ сильной мѣстной авторитетной власти, вылилось въ жизни въ проявленіяхъ „самосуда“, самоуправства, нечестнаго исполненія обязательствъ по имуществу, по договорнымъ отношеніямъ и т. п. Въ свою очередь, и въ классѣ помѣстныхъ землевладѣльцевъ наростила глухая оппозиція мировому институту, и если ему прямо не приписывалось деморализующаго вліянія на нравы мѣстнаго населенія, то, по крайней мѣрѣ, оно подразумѣвалось. Такимъ путемъ выборный мировой институтъ „докатился“ до положенія 12 іюля 1889 года, хотя въ Херсонскомъ уѣздномъ земствѣ до послѣднихъ дней „своего бытія“ мировой институтъ еще сохранялъ свое обаяніе и имѣлъ еще горячихъ своихъ защитниковъ и въ средѣ помѣстнаго дворянства, что фактически подтвердилось тѣмъ, что изъ выборныхъ мировыхъ судей въ составѣ земскихъ начальниковъ ушло изъ 14 человѣкъ—человѣка 3—не болѣе и то не на долго. Изъ сейчасъ приведенной мною характеристики положенія мирового института Херсонскаго уѣзда можно, пожалуй, подумать, что я являюсь горячимъ противникомъ выборнаго мирового суда и отмѣчаю лишь его недостатки. Ни чутъ не бывало, и вотъ хотя уже прошло 23 года со времени оставленія мною выборной земской по мировому институту, время этой службы я считаю счастливѣйшими днями моей жизни и не потому, что „мировому суду“ мною отданы молодые лучшіе годы жизни, а потому, что дѣло было по душѣ, дѣло воспитательнаго характера и большого жизненнаго значенія при полной служебной независимости, но истина прежде всего, и потому нельзя было и мнѣ умолчать, съ объективной точки зрѣнія, о томъ положеніи мирового института

въ описываемое мною время, въ какомъ онъ пребывалъ въ дѣйствительности. Херсонскій мировой съездъ съ 1879—1889 г. состоялъ изъ 12—14 (разновременно) участковыхъ судей; участки расположены были частью въ городахъ: Херсонѣ, Николаевѣ и Бериславѣ, а часть въ уѣздахъ.

По количеству дѣлъ средняя цифра ихъ на мировой участокъ не превышала 1.500 въ годъ. Мировой съездъ находился въ Херсонѣ, и разъ въ мѣсяцъ въ теченіе 3-хъ дней въ немъ происходили судебныя засѣданія, при чмъ одновременно дѣйствовали два отдѣленія: въ одномъ залѣ разбирались уголовныя дѣла, а въ другомъ гражданскія. Въ послѣдніе годы моей службы, въ виду возрастанія дѣлъ въ мировомъ съезду и для удобства публики и уѣздныхъ участковыхъ судей работало еще временное отдѣленіе мирового съезда въ г. Николаевѣ, находившееся въ завѣдываніи судьи-юриста. Личный персоналъ мировыхъ судей состоялъ главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, они же отставные моряки, офицеры и нигдѣ не служившіе дворяне со среднимъ образованіемъ; юристовъ среди ихъ было всего три человѣка, изъ которыхъ я завѣдывалъ мировымъ съездомъ (кромѣ своего участка), въ качествѣ непремѣнного его члена и фактически исполнялъ обязанности предсѣдателя съезда, такъ какъ предсѣдатель изъ почетныхъ мировыхъ судей — онъ же уѣздный предводитель дворянства Н. Н. Журавскій настолько былъ занятъ своими дѣлами по крупному имѣнію и по другимъ учрежденіямъ, что рѣдко появлялся въ съезду и только для предсѣдательствованія въ засѣданіяхъ. Въ качествѣ непремѣнного члена съезда мнѣ, конечно, пришлось хорошо ознакомиться съ работами участковыхъ мировыхъ судей, съ ихъ рѣшеніями и приговорами. Въ общемъ работы моихъ сослуживцевъ удовлетворяли требованію элементарнаго правосудія, хотя нѣкоторые изъ судей писали рѣшенія короче „воробынаго носа“; другіе неправильно квалифицировали преступленія и проч.; но всѣ эти ошибки были исправляемы мировымъ съездомъ, а жалобъ на личныя дѣйствія судей поступало очень мало. Послѣднее обстоятельство имѣть очень важное значеніе, указывая на то, что судья въ общемъ былъ угоденъ своему „околотку“. Были между судьями—моими сослуживцами и замѣчательные дѣльцы и хорошие „самообразовавшіеся“ юристы, крѣпко любившіе свое дѣло и усердно работавшіе на нивѣ правосудія; укажу здѣсь на бывшаго моряка и землевладѣльца

В. С. Акимова, В. К. Сильверсана, В. Ф. Соболева и Л. В. Пискорского (послѣдніе юристы). Большинство этихъ хорошихъ судей уже на томъ свѣтѣ; но въ памяти моей они живы—эти милые, умные, хорошия судьи и люди. Живъ образъ порывистаго, умнаго В. С. Акимова и необычайно скромнаго и аккуратнаго В. К. Сильверсана. Но были между моими судьями и невѣжественные самодуры, и лѣниво мыслящіе, и лѣниво суды творящіе, какъ Я. И. Илькевичъ, П. Ф. Бредихинъ и Н. Е. Рафтопуло. Вотъ и примѣры ихъ чудацтвъ и пониманія дѣла. У П. Ф. Бредихина (старого моряка) разбирается гражданское дѣло по иску какого-то господина къ портному о взысканіи денегъ за работу. На разборъ дѣла явился истецъ. Судья спрашивается: „отвѣтчикъ есть“?—Стоящій въ дверяхъ камеры огромнаго роста служитель изъ боцмановъ флота, говоритъ: „нѣть“. Судья, обращаясь къ письмоводителю, спрашивается: „отвѣтчику послана повѣстка?—Послана, отвѣчаетъ письмоводитель. „Какъ же онъ (отвѣтчикъ) посмѣлъ не прійти въ камеру, когда его зовутъ“, говоритъ про себя судья. „Иванъ, обращается къ служителю судья, сходи и сейчасъ притащи отвѣтчика (имя рекъ) въ камеру“. Иванъ мигомъ улетучился изъ камеры, а судья занялся другимъ дѣломъ. Въ разгарѣ процесса по другому дѣлу, распахивается съ шумомъ дверь, и отвѣтчикъ-портной отъ увѣсистаго толчка Ивана вылетаетъ на середину камеры и остановился передъ судейскимъ столомъ. Судья бросаетъ второе дѣло и приступаетъ къ разбору дѣла приведенного отвѣтчика.

Разборъ дѣла былъ очень краткій. Судья, не обращая на защиту отвѣтчикомъ неправильно предъявленной къ нему претензіи, возглашаетъ: „такъ какъ ты, отвѣтчикъ, не хотѣлъ являться на судъ по повѣсткѣ, значитъ, виноватъ, а потому... слѣдуетъ резолюція: взыскать и т. д. съ судебными издережками“. „Г. письмоводитель: изгответъ сейчасъ исполнительный листъ истцу“; листъ былъ моментально написанъ, подписанъ судьей и имъ самолично врученъ истцу въ камерѣ; а отвѣтчику послано примѣчаніе: „со мной не шути; у меня судь скорый“. Нечего и говорить, что мировымъ съѣздомъ такое „скоропалительное“ рѣшеніе судьи съ нарушеніемъ элементарныхъ процессуальныхъ правилъ было въ кассационномъ порядке отмѣнено и дѣло для новаго разсмотрѣнія передано другому судью. Сидитъ со мною въ съѣздѣ на разборѣ гражданскаго дѣла Я. И.

Илькевичъ. Одна изъ сторонъ ходатайствуетъ о вызовѣ новыхъ ея свидѣтелей. Противъ этого ходатайства возстаетъ Як. Ив. Когда я ему замѣтилъ, что отказъ сторонѣ въ ея законной просьбѣ будетъ кассационнымъ поводомъ, то мой сотоварищъ серьезнымъ тономъ возглашаетъ великолѣпную фразу: „Кто? Сенатъ отмѣнить наше рѣшеніе? Пусть попробуетъ... Конечно, большинствомъ голосовъ мы не рѣшились „попробовать“ Пр. Сенатъ. У мирового судьи г. Николаева Л. Л. Ульянова разбирается уголовное дѣло обѣ обидѣ дѣйствиемъ. Лѣтняя пора; въ камерѣ масса народа, душно; судья ажитируетъ и неспокойенъ: вѣроятно, и ему душно. Вызываются свидѣтели и послѣ провѣрки ихъ уводятъ въ свидѣтельскую комнату. Послѣ объясненія сторонъ, довольно „запальчивыхъ“, допрашиваются свидѣтели. Выходитъ свидѣтель Блоха. Шереспросицъ фамилію свидѣтеля, судья вскакиваетъ со стула и, изображая на своемъ лицѣ ужасъ, кричитъ: „Г. Блоха, станьте подальше отъ стола; я страшно боюсь блохъ, а вы можете вскочить на столъ, оттуда прыгнуть на меня, а я этого боюсь“... Допросъ Блохи конченъ. Вызванъ свидѣтель Морозъ. Судья, достаточно ажитированный свидѣтелемъ „Блохой“, со страдальческимъ лицомъ, обращаясь къ этому свидѣтелю, говоритъ: „Ахъ! вы Морозъ; станьте отъ меня, Морозъ, подальше; я не переношу холода; я его уже чувствую; я начинаю мерзнуть“. Но былъ допрошенъ и Морозъ и остальные свидѣтели. Само собою разумѣется, что подобный допросъ свидѣтелей вызвалъ въ камерѣ судьи гомерической хохотъ. О данномъ юмористическомъ разборѣ дѣла была помѣщена въ Одесской газетѣ подробная корреспонденція, вызвавшая запросъ и министерства юстиціи, но дѣло кончилось ничѣмъ. Какъ извѣстно, у каждого участковаго мирового судьи въ числѣ другихъ камерныхъ книгъ полагалось иметь и денежныя книги, для записи залоговъ по уголовнымъ дѣламъ, денежныхъ взносовъ, срочныхъ платежей по гражданскимъ сдѣлкамъ и т. п. Въ концѣ года просматривая денежныя книги участковыхъ судей, подлежащія отсылкѣ въ контрольную палату, я не досчитываясь книгъ по 9 участку. Пишу судью отъ имени Съѣзда о немедленной присылкѣ книгъ, но ни отвѣта, ни привѣта не получаю. Пріѣзжаетъ на съѣздъ судья; спрашиваю его: „привезли съ собою денежныя книги? Отвѣтъ: „да у меня ихъ нѣтъ совсѣмъ; я ими не обзаводился“. Вопросъ: „а куда же Вы записывали денежные залоги, ко-

торые къ Вамъ поступали, какъ видно изъ дѣлъ, и другія деньги?“ Отвѣтъ: „да никогда ихъ не записывалъ, а храню у себя, и кто потребуетъ, такъ ихъ и получаетъ“. Вопросъ: „но Вы не можете помнить всѣхъ поступлений и всѣхъ дѣлъ, по которымъ деньги поступали?“ Отвѣтъ: „да это хорошо помнить мой письмоводитель“. Понятно, что общими силами мы—судьи заставили судью 9 участка обзавестись денежными книгами; вписать въ нихъ все, что „хорошо помнить письмоводитель“, и отослать въ контрольную палату. Приведенные курьезы, конечно, мелочь, но все-таки они указываютъ на одну характерную особенность правосознанія выборныхъ мировыхъ судей—это переоцѣнку своей служебной независимости и отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія: „чего моя лѣвая нога хочетъ“... И можете себѣ представить, что эти чудаки-судьи на земскихъ выборахъ всегда выходили по первой серии при огромномъ количествѣ избирательныхъ шаровъ. Очевидно, земское собраніе мало считалось съ дѣловыми дефектами дѣятельности этихъ судей, а цѣнило въ нихъ больше „избирательную потенцію“, такъ какъ всѣ эти мировые судьи—были въ то же время и земскими гласными. Къ нуждамъ мировой юстиціи Херсонское земство моей памяти относилось очень доброжелательно, то увеличивало число участковъ по представленію мирового съѣзда, то прибавляло жалованье, а содержаніе канцеляріи мирового съѣзда было прямо роскошно обставлено и со стороны помѣщенія и оплаты труда служащихъ въ ней. При доброжелательномъ отношеніи земского собранія въ своемъ большинствѣ къ мировому институту пріятно было вести дѣло и работать, хотя въ послѣдніе годы моей службы дѣла по съѣзду сильно увеличились, вызывая и напряженную работу съ моей стороны. Грустною стороною дѣятельности мѣстной мировой юстиціи представлялась обособленность этой юстиціи отъ общихъ судебныхъ установлений. Казалось, что мировой судъ—это „обывательский, упрощенный судъ, которому чужды юридическая „концепція“ и „структуры“ материальнаго и процессуальнаго права. Члены мѣстной общей магистратуры такъ и смотрѣли на выборныхъ мировыхъ судей „сверху внизъ“, считая ихъ неспособными къ восприятію юридической мудрости общихъ судебныхъ установлений. А при такомъ отношеніи общей магистратуры къ мировой юстиціи мировой судъ въ общественномъ мнѣніи не признавался за юстицію государственного значенія,

а пребывалъ, какъ я сказаъ выше, въ значеніи „обывательщины“, и наши судьи, считая себя вполнѣ независимыми въ порядкѣ контроля и надзора за ихъ дѣятельностью, не смогли выработать у себя и единообразной процессуальной практики и руководящихъ, преемственныхъ традицій по веденію судебнаго дѣла. Все же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—выборный мировой институтъ сохранялъ одно существенное преимущество: освѣдомленность о мѣстномъ населеніи, о его нуждахъ и потребностяхъ; онъ черпалъ свой персоналъ изъ людей практической жизни, людей большого житейскаго опыта, материально и морально независимыхъ, судомъ которыхъ населеніе болѣе было удовлетворено, чѣмъ даль ему впослѣдствіи судь земскихъ начальниковъ. Поэтому нельзя безъ горячаго сочувствія не привѣтствовать вновь возрожденный мировой институтъ, въ первую очередь введенія котораго вошелъ и дорогой мнѣ по прежней службѣ Херсонскій уѣздъ, съ пожеланіемъ устраненія изъ его практики и его положенія тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчены мною выше въ похороненномъ было въ 1892 году мировомъ судѣ.

ГЛАВА IV.

Казнь матроса Луговенко и еврея Виттенберга въ г. Николаевѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о службѣ въ Херсонскомъ мировомъ съѣздѣ не могу не коснуться эпизода, оставившаго глубокій слѣдъ въ моей памяти, сохранившійся во всѣхъ деталяхъ и до настоящаго времени—это эпизодъ, обозначенный въ заголовкѣ этой главы. Еще въ студенческихъ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾ я указывалъ на отдѣльную группу студентовъ, занимавшихся конспиративной пропагандой крайнихъ соціальныхъ ученій, что было въ началѣ 70-хъ годовъ; эта работа потомъ все болѣе и болѣе разрасталась; число конспирантовъ увеличивалось, при чёмъ изъ мирной политической пропаганды—она привѣла чисто революціонный характеръ, который вылился къ концу 70-хъ годовъ въ цѣлый рядъ террористическихъ выступленій. Выступленія эти, начиная съ бунтарскаго Чигиринскаго

¹⁾ Кн. 6 и 7 „Русская Старина“ 1912 г.

дѣла, о которомъ я уже говорилъ раньше, выразились въ вооруженномъ сопротивлѣніи въ г. Одессѣ Ковальскаго, въ дѣятельности кружка въ Кіевѣ съ энергичнымъ Осинскимъ во главѣ, впослѣдствіи казненныхъ, и цѣломъ рядѣ подготовительныхъ покушеній на драгоцѣпную жизнь Императора Александра II, въ которыхъ замѣшаны были Фроленко, Гартманъ и др. Послѣ же Лицецкаго партійнаго съѣзда „землевольцевъ“ и „народовольцевъ“ усилившіяся террористическія выступленія революціонныхъ организацій выдвинули на арену подпольной политической дѣятельности Желябова, Перовскую, Кибальчича и другихъ, дѣйствія которыхъ привели къ катастрофѣ 1 марта 1881 г. Въ числѣ активныхъ революціонныхъ дѣятелей революціонеровъ-террористовъ состояли и указанные выше матросъ бодманъ Луговенко и еврей Виттенбергъ; оба эти лица жители г. Николаева: Луговенко служилъ во 2-мъ экипажѣ черноморскаго флота, а Виттенбергъ былъ сыномъ мелкаго торговца, учился въ мѣстномъ реальному училищѣ и ушелъ въ революціонную кружковщину. Этими революціонерами въ 1879 году подготавлялся взрывъ въ г. Николаевѣ царской пристани въ „Спасскомъ“ на Бугѣ, такъ какъ Императоръ Александръ II долженъ былъ пароходомъ прибыть въ г. Николаевѣ для осмотра вновь сооруженныхъ морскихъ судовъ. Къ счастью, покушеніе было заблаговременно открыто; обнаружены были, какъ непосредственные устроители покушенія, Луговенко и Виттенбергъ; ихъ скоро судили въ Одесскомъ военноокружномъ судѣ, который обоимъ имъ вынесъ смертные приговоры. Казнь должна была быть совершена въ г. Николаевѣ. И вотъ невольнымъ свидѣтелемъ этой казни пришлось и мнѣ быть. Казнь совершина была въ концѣ іюня 1879 г., и попалъ я на мѣсто казни совершенно случайно. Возвращаясь изъ Херсона, гдѣ я присутствовалъ въ засѣданіяхъ мирового съѣзда и выѣхавъ въ Николаевъ вечеромъ, а затѣмъ подночевавъ въ Капаняхъ (въ 30 верстахъ отъ Херсона и на полдорогѣ отъ Николаева), я къ городу подѣжжалъ около 8 часовъ утра. Не доѣзжая предмѣстія города, такъ называемой „Шоповой балки“, расположенной на высокомъ берегу рѣки Буга, по линіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги, я замѣтилъ, что огромная площадь этой балки усѣяна массой народа, слышанъ гулъ человѣческихъ голосовъ; видно много дрожекъ съ людьми и простыхъ крестьянскихъ возовъ, а когда я подѣжжалъ ближе, то еще больше поразился массой на-

родной толпы, запрудившей и вѣдь въ городъ. Само собою разумѣется, что такое необычное явленіе меня заинтересовало, а изъ разспросовъ въ публикѣ я узналъ, что предстоитъ казнь Луговенка и Виттенберга, которыхъ къ 9 часамъ должны были доставить пароходомъ изъ Одессы, поэтому вся толпа напряженно всматривается въ водную даль рѣки Буга, и видимо съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія преступниковъ. Нужно замѣтить, что съ „Поповой балки“ открывается прекрасный видъ на дали р. Буга, разлившагося здѣсь до необычайной широты, при чемъ водная лента Буга видна на далекомъ разстояніи. Продвинувшись сквозь толпу ближе къ мѣсту казни, я замѣтилъ 2 висѣлицы съ помостами, цѣлый 2-й флотскій экипажъ въ строю, начальствующихъ лицъ мѣстной полиціи и другихъ офиціальныхъ представителей власти. Около $\frac{1}{2}$ 10 ч. солнце начало сильно припекать, толпа въ ажиатціи; шумъ и говоръ усиливается, множество рукъ тянутся впередъ, какъ-бы на что-то указывая. Всматриваясь въ водное пространство Буга, я замѣчаю на горизонтѣ черную точку, которая, все увеличиваясь, принимаетъ явный очертанія парохода. Увидѣвъ явственно приближающійся пароходъ, толпа встрепенулась, зашевелилась, подалась впередъ а часть ея двинулась внизъ, къ берегу рѣки. Проходъ же у берега рѣки и на гору охранился солдатами и образовалъ собою какъ бы коридоръ, свободный отъ публики. Чѣмъ ближе подходитъ пароходъ, тѣмъ больше волнуется народъ-толпа. Но вотъ шумъ толпы умолкаетъ, а вмѣсто этого слышится густая дробь многочисленныхъ барабановъ: барабанный бой слышится все ближе и ближе и наконецъ показываются двѣ, выкрашенныя въ черный цвѣтъ, повозки (дорги) съ сидящими на нихъ преступниками, окружеными военной стражей. Оба: Луговенко и Виттенбергъ одѣты были въ арестантское платье, сидѣли лицомъ, обращеннымъ на рѣку; руки въ наручникахъ и ноги въ кандалахъ; на груди у обоихъ висятъ доски, гдѣ бѣлымъ по черному написано: „Цареубійца“. Оба преступника блѣдные; взгляды ихъ тусклы, а у Виттенберга и поникшая голова. Вотъ ихъ подвезли къ эшафоту; сняли съ траурныхъ дрогъ и по одиночкѣ взвели на подмости висѣлицъ и поставили лицомъ къ рѣкѣ. Слышится военная команда: „смирно“, „на караулъ“; публика обнажаетъ головы; читаются приговоры. По прочтеніи приговоровъ, на помосты эшафотовъ входятъ раввинъ и священникъ; недолго они что то гово-

рили преступникамъ и сошли съ помостовъ. На смѣну этихъ лицъ появляется дюжій рыжебородый дѣтина въ красной рубахѣ, онъ умѣлыми движениями поправляетъ веревки на висѣлицахъ; потомъ подходитъ къ Виттенбергу, надѣваетъ на него бѣлый саванъ, завязываетъ рукава этого савана сзади, затѣмъ мигомъ набрасываетъ ему петлю на шею, ставитъ преступника на скамейку; моментъ—скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ преступника, и онъ безпомощно повисъ въ воздухѣ. Виттенбергъ былъ удушенъ моментально и повисъ какъ палка, безъ малѣйшихъ судорогъ и движений; очевидно, что его слабый организмъ не могъ долго сопротивляться „мертвой петлѣ“. Покончивъ съ Виттенбергомъ, дѣтина въ красной рубахѣ на выпускъ принялъся за матроса Луговенко. Послѣдній, самъ человѣкъ высокаго роста, богатырскаго сложенія и, вѣроятно, большой физической силы. Когда палачъ обвязывалъ его рукавами савана, Луговенко оттолкнулъ его отъ себя и началъ что-то говорить къ публикѣ, но рѣчь его была заглушена барабаннымъ боемъ, а къ палачу подошелъ его помощникъ, и они вдвоемъ „обрядили“ преступника и приготовили его къ казни. Тотъ же моментъ, скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ Луговенко, но онъ не повисъ сразу, какъ его товарищъ, а въ предсмертныхъ судорогахъ тѣло его начало выдѣлывать такие волты, качаясь то впередъ, то назадъ словно преступника не вѣшаютъ, а онъ забавляется и раскачивается, какъ на качели. Картина получилась поражающая; весь народъ, устилавшій „Поповую балку“ какъ то замеръ и стало такъ тихо, тихо; только напряженно устремленные взоры на болтавшагося въ воздухѣ матроса, говорили о томъ колоссальномъ впечатлѣніи, которое произвела на толпу казнь Луговенки. Хотя до казни въ публикѣ, гдѣ большинство ея состояло изъ простонародья и рабочихъ, раздавались крайне рѣзкія порицанія преступлѣній казненныхъ террористовъ, въ особенности по отношенію къ Виттенбергу, но послѣ поразительной казни Луговенко послѣдній вызвалъ къ себѣ въ этой же публикѣ сожалѣніе и даже сомнѣніе въ справедливости надѣй нимъ приговора суда: „не даромъ онъ такъ долго борется со смертью; знать онъ не виноватъ“ слышались разговоры въ народѣ. Не ожидая конца церемоніи публичной казни и добравшись до своего возницы, я скорѣе уѣхалъ къ себѣ на квартиру, а прїехавъ домой почувствовалъ себя на столько не хорошо, что потерялъ сонъ, аппетитъ и ходилъ какъ

„шалый“; все мнѣ грезилась ужасная картина смертной казни; все передъ моими глазами въ воздушномъ пространствѣ болталась въ бѣломъ саванѣ могучая фигура Луговенки и въ красной рубахѣ рыжебородый палачъ. Впечатлѣніе зрѣлища смертной казни было столь сильно, столь тягостно, что знаменитое Тургеневское описание казни Тропмана въ Парижѣ совершенно поблекло и стушевалось въ моей памяти. Тутъ я вспомнилъ классическое сочиненіе моего профессора г. Кистяковскаго о смертной казни, гдѣ онъ возстаетъ противъ цѣлесообразности этого рода наказанія, а на одной изъ лекцій съ большой убѣжденностю доказывалъ развращающее влияніе на народныя массы публичности смертной казни. Послѣдняя идея со временемъ получила свое практическое осуществленіе въ распоряженіяхъ правительственной власти, прекратившей публичность совершенія смертныхъ казней. Какъ все въ жизни человѣка проходитъ „со временемъ“, такъ, мало-помалу улеглись и мои впечатлѣнія о казни Николаевскихъ террористовъ. Но вотъ черезъ мѣсяцъ, около 3-хъ часовъ дня, когда я покончилъ съ разбирательствомъ дѣлъ и просматривалъ текущія бумаги, отворяется въ камеру дверь, и несмѣлой походкой входитъ пожилой еврей въ костюмѣ лавочника. Обращаясь ко мнѣ, еврей говорить: „простите, судья, что я пришелъ къ Вамъ не въ свое время (въ 10 ч. утра, къ пріему прошеній), а теперь, когда никого нѣть въ камерѣ, такъ какъ мнѣ нельзя показываться людямъ“. „Почему такъ“, спрашиваю я удивленно. Отвѣтъ: „можетъ, и Вы, г. судья, не пожелаете со мною говорить, узнавъ мою фамилію“. Я все больше и больше удивляюсь странной рѣчи просителя и спрашиваю его: „да кто же Вы такой и какъ Ваша фамилія?“ Отвѣтъ: „фамилія моя Виттенбергъ, и я отецъ недавно казненнаго моего сына“. Я тогда поняль странную рѣчу просителя Виттенбергъ. Ободренный моимъ внимательнымъ отношеніемъ къ его разговору, Виттенбергъ-отецъ рыдающимъ голосомъ сталъ рассказывать мнѣ исторію своего несчастья; онъ говорилъ, что его сынъ былъ очень „способный къ наукѣ“, что онъ не жалѣлъ средствъ на его образованіе, что, окончивъ въ Николаевѣ среднее учебное заведеніе, онъ поѣхалъ въ Одессу въ университетъ, но тамъ попалъ въ некороткую компанію, которая его и погубила. „Мнѣ жалко сына, но еще больше мое горе то, что вся наша семья, а у меня есть еще дѣти, осрамлена и насть всѣ избѣгаютъ,

какъ скверныхъ людей". Выслушавъ горькую исповѣдь отца казненнаго преступника, я не сталъ его утѣшать, конечно, въ постигшемъ горѣ, но совѣтовалъ обратить вниманіе на воспитаніе другихъ дѣтей, чтобы и изъ нихъ кто-нибудь не послѣдовалъ примѣру старшаго сына. Удовлетворивъ затѣмъ дѣловую просьбу старика Виттенберга, я отпустилъ его домой. Эта опять случайная встреча съ отцомъ казненнаго Виттенберга вновь напомнила мнѣ страшную картину казни его сына, и все это жуткое воспоминаніе сохранилось у меня по сію пору, такъ сильно оно врѣзалось въ память.

ГЛАВА V.

Прощанье съ херсонцами и переходъ на службу въ Виленскій мировой округъ.

Еще въ сессію очередного земскаго собранія 1888 г. среди гласныхъ упорно циркулировали слухи, почерпнутые отъ губернатора А. С. Эрдели, лицейскаго товарища Д. А. Толстого, тогда министра внутреннихъ дѣлъ, что разработанный правительствомъ проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, несмотря на сильную оппозицію большинства государственныхъ сановниковъ, участвовавшихъ въ его разработкѣ, долженъ получить практическое осуществленіе. Мировой институтъ, слѣдовательно, шелъ на смарку и прерывалъ мою служебную дѣятельность по мировому институту въ самомъ разгарѣ; нужно было подумать о дальнѣйшей своей служебной карьерѣ и что-нибудь предпринять. Должность городского судьи, которую мнѣ сулилъ окружный Судъ, меня не устраивала; въ юзданы члены суда или въ его коллегію считали меня еще молодымъ кандидатомъ; оставаться на земской платной должности или городской въ составѣ мѣстныхъ управъ мнѣ также не улыбалось; нужно было искать службу въ Херсонѣ. Такъ какъ я, что называется, былъ влюблѣнъ въ должность "мирового", то и подалъ въ концѣ 1888 года, если не ошибаюсь, докладную записку въ министерство юстиціи о предоставлении мнѣ должности мирового судьи въ губернскихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края и на томъ успокоился. Прошелъ годъ; я работалъ по прежнему по мировому съѣзду и, какъ

гласный Херсонской городской думы и уѣзднаго земскаго собранія, по дѣламъ этихъ учрежденій. Пришла весенняя очередная сессія земскаго собранія 1889 г., прошли въ эту сессію выборы мировыхъ судей на новое трехлѣтіе; я былъ избранъ уже на 4 трехлѣтіе и забыть о своей докладной запискѣ, полагая, что „Улита ѳдетъ, когда-то будетъ“—это разъ, а второе,—все устроится въ свое время. Какъ извѣстно, въ 1889 г. министромъ Манасеинымъ вводилась судебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ, куда набиралась по тогдашнему времени „судебная гвардія“ изъ отборныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Я никоимъ образомъ не разсчитывалъ попасть въ эту гвардію, но вышло иначе. Въ одинъ прекрасный октябрскій день ко мнѣ въ съѣздъ является ми-лѣйший нашъ херсонскій прокуроръ Н. И. Мерзляковъ съ какой-то бумагой въ рукѣ и съ такими словами: „ну, батюшка, поздравляю Васъ съ назначеніемъ въ Прибалтійскій край“ и подаетъ мнѣ полученную телеграмму. Въ телеграммѣ сказано: „сообщите Мировому судью Чеважевскому, что онъ назначенъ мировымъ судьей 2 уч. Дерптско-Верроскаго мирового съѣзда; 20^о ноября долженъ быть въ Ригѣ на общемъ представлении министру; деньги переведены. Казембекъ“. Телеграмма эта настолько озадачила меня своей неожиданностью и моей не подготовленностью къ событію, что я не зналъ, что и отвѣтить на нее г. Мерзлякову, не посовѣтовавшись съ семьей. Дома рѣшительно возстали противъ поѣздки въ нѣмецкій край, тѣмъ болѣе, что у меня двое дѣтей лежали въ кори. Обсудивъ свое положеніе, я на другой день пошелъ въ камеру Н. И. Мерзлякова и заявилъ, что въ Дерптѣ, а тѣмъ болѣе къ 20-му ноября въ Ригу я, по семейнымъ обстоятельствамъ, не поѣду и долженъ отказаться отъ состоявшагося назначенія. Г. Мерзляковъ всячески меня убѣждалъ не посыпать отказа отъ назначенія, „такъ какъ онъ поведетъ къ тому, что надъ вами министерство поставить крестъ“ и при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ вы останетесь „на бобахъ“. Но отказъ мною былъ посланъ, и я, и семья успокоились пока. Но не тутъ-то было, и въ концѣ ноября того же года я получаю новую телеграмму такого содержанія: „назначены мировымъ судьей въ г. Вильно. Шамрап“. Ужъ отъ этого назначенія я никоимъ образомъ отказаться не могъ. Собралъ свѣдѣнія о Вильнѣ, оказавшейся очень благопріятными, пробывъ дома рождественскіе праздники и по расчету времени съ поверстнымъ срокомъ со дня полученія министерскаго

приказа, въ концѣ января долженъ быть быть уже на мѣстѣ, въ Вильнѣ. Тяжело было раставаться съ любимой дѣятельностью въ Херсонѣ, съ милыми коллегами—мировыми, съ которыми я такъ хорошо сдружился и съ которыми, какъ въ родственной семье, пріятно было работать. Кроме того, я уже очень привыкъ къ своему народу, къ своимъ „Забалковцамъ“ (часть города); всѣхъ зналъ; хорошо знали и мои требованія, а потому мое правосудіе шло, какъ по маслу и не „за страхъ, а за совѣсть“. Болѣе же всего мнѣ грустно было порывать съ работой на нивѣ городского и земскаго самоуправленія. Состоя нѣсколько трехлѣтій гласнымъ мѣстной городской думы и земскаго собранія и участвуя во многихъ думскихъ и земскихъ комиссіяхъ, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, попечителемъ земской школы въ своемъ участкѣ и постоянно, кроме того, принимая участіе въ губернскомъ присутствіи по земскимъ и городскимъ дѣламъ, я хотілъ втянуть былъ въ колоссальную работу, но при молодости и, въ виду интереса къ дѣлу, работой этой нисколько не тяготился и радъ ей былъ. Для примѣра укажу здѣсь на разработанный мною обширный докладъ Херсонской городской думы по „гирловому вопросу“, который тянулся чуть-ли не пѣЛОЕ 25-лѣтіе (объ углубленіи устья Днѣпра), по проведенію въ Херсонѣ желѣзной дороги, водопроводному, юридической комиссіи, санитаріи и т. п. Первые два капитальные вопросы впослѣдствіи получили свои практическіе результаты; и вотъ теперь, наѣзжая, по старой памяти, въ Херсонѣ изъ Литвы и подъѣзжая къ Херсону по желѣзной дорогѣ, а въ городѣ любуясь величественнымъ Днѣпромъ и десятками заграничныхъ колоссовъ-кораблей, я не безъ гордости говорю себѣ: „а вѣдь здѣсь есть и моя капля меду“... Въ половинѣ января земцы устроили мнѣ въ дворянскомъ собраніи обѣдь; наговорили мнѣ много пріятныхъ вещей и выразили сожалѣніе объ оставленіи мною земской и „мировой“ дѣятельности. Особое же ко мнѣ вниманіе выказали покойные нынѣ, а тогда членъ уѣздной земской управы И. И. Волохинъ, мировой А. В. Пискорской и нынѣ здравствующій С. Н. Гербелъ, членъ Государственного Совѣта, бывшій тоже членъ управы. Черезъ недѣлю послѣ этого обѣда, я отправился въ путь-дорогу черезъ г. Николаевъ, гдѣ николаевскіе суды во главѣ съ А. Н. Саковнимъ и В. Ф. Соболевымъ также угостили меня обѣдомъ. Трогательно мы рас прощались другъ съ другомъ; затѣмъ побѣхали

на вокзалъ, простились въ послѣдній разъ, и я на пути въ Вильно. Въ Вильцо я поѣхалъ одинъ, такъ какъ зимой, не зная города, трудно было съ женой и малыми дѣтьмиѣхать за 1.200 верстъ.

ГЛАВА VI.

Пріѣздъ въ Вильну и вступленіе въ должность.

Вдучи въ Вильну, я не имѣлъ ни малѣйшаго представления о литовской народности, не приходилось мнѣ близко наблюдать и жизнь польской народности, а лишь одни евреи мнѣ болѣе или менѣе были знакомы, такъ какъ достаточное количество ихъ проживаетъ въ юго-западномъ краѣ и въ Новороссіи. Неудивительно, что новая незнакомая среда не только служебная, но и та, съ которой придется имѣть дѣло моему правосудію, не мало меня смущала. Въ такомъ смущенномъ настроеніи явился я въ одинъ изъ понедѣльниковъ въ помѣщеніе мирового съѣзда на Благовѣщенской улицѣ въ старинномъ домѣ Умястовскаго. Лишь я поднялся на второй этажъ, чтобы пройти въ совѣщательную комнату мирового съѣзда, какъ мнѣ ударилъ въ носъ непріятный запахъ махорки и смазныхъ сапогъ. Оказалось, что понедѣльникъ было судебное засѣданіе съѣзда и помѣщеніе его было биткомъ набито народомъ на площадкѣ передъ входомъ въ залъ, при этомъ слышанъ былъ какой-то гнусавый говоръ вперемежку съ гортанными звуками; это говорили литовцы; горланили евреи, а смѣясь этихъ звуковъ на непривычнаго человѣка производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Проходя же мимо толпы, мнѣ бросился въ глаза сѣрий цвѣтъ верхней одежды крестьянъ, очень похожій на арестантскія свитки. Прихожу въ совѣщательную комнату, гдѣ застаю за столомъ 4-хъ судей и предсѣдателя съѣзда. Предсѣдатель, Н. Г. Григорьевъ, поднимается ко мнѣ навстрѣчу, здоровается и представляетъ своимъ коллегамъ. Когда, послѣ взаимнаго представлениія, мы усѣлись, предсѣдатель обращается ко мнѣ съ такой репликой: „вѣроятно, у васъ въ министерствѣ есть большая заручка, что вы попали прямо въ Виленскій мировой округъ, такъ какъ въ этотъ округъ нелегко попасть, минуя уѣздные суды“. Когда я объяснилъ, что не только не имѣю никакой заручки въ министерствѣ, а попалъ сюда, отка-

завшись отъ назначенія въ Дерптскій округъ (Юрьевскій нынѣ), то удивленію новыхъ сослуживцевъ не было конца. Разговорившись далѣе, я узналъ, что участокъ мой не въ Вильнѣ, а въ м-кѣ Оранахъ, и такъ какъ участкомъ завѣдывается мировой судья, переведенный изъ этого участка въ городской, то меня торопили скорѣеѣхать и устраиваться въ Оранахъ, такъ какъ тамъ на 27 января назначено большое дѣло о конокрадствѣ. Вѣсть, что вмѣсто города Вильны мнѣ придется жить въ какомъ-то захудаломъ мѣстечкѣ, ужасно меня смущила и потому, что у меня былъ мальчикъ гимназистъ, котораго нужно было перевести въ мѣстную гимназію, и такъ какъ въ Оранахъ трудно найти и подходящую квартиру для семьи и нѣть какой-либо культуры, къ которой я привыкъ по прежней службѣ. Но ничего не подѣлаешь: нужно было мириться съ необходимостью. На другой день изъ Вильны я уѣхалъ по Варшавской дорогѣ на станцію Ораны, а оттуда (въ 5 верстахъ) въ самое мѣстечко Ораны. Проѣзжая мѣстечко до мѣста нахожденія камеры, я былъ пораженъ, съ одной стороны, мизернымъ видомъ деревянныхъ построекъ мѣстечковыхъ, общимъ видомъ населенія, ютившагося на двухъ улицахъ, правда длинныхъ и скученныхъ, а съ другой, массою кабаковъ и пивныхъ лавокъ, такъ какъ черезъ домъ непремѣнно находилась или пивная лавка, или кабачекъ съ продажей водки. Но особенно много этихъ пріятныхъ торговыхъ заведеній расположено было на той улицѣ, гдѣ помѣщалась камера судьи, послѣднее обстоятельство предсказывало мнѣ не особенно пріятныя перспективы. И вотъ 27 января 1890 года открылъ я въ первый разъ свою судейскую душу и приложилъ весь свой опытъ, чтобы тщательнымъ разборомъ громкаго дѣла сразу установить и свое реноме, и вселить довѣріе къ своему суду въ мѣстномъ населеніи. Камера моя помѣщалась во флигелькѣ въ концѣ двора, такъ какъ прежнее помѣщеніе камеры, выходившее на улицу, занято было канцеляріей военной комиссіи постройкѣ стратегического шоссе генерала Тунцельмана съ инженеромъ Венцелемъ и другими во главѣ; мнѣ все-таки комиссія уступила одну комнатку для квартиры, чтобы быть поближе къ камерѣ. Окунувшись въ дѣла и приведя ихъ въ извѣстность, я нашелъ, что участокъ сильно запущенъ и мнѣ придется не мало поработать, чтобы привести его въ порядокъ. Къ первому разбору моего дѣла явилась масса народа, такъ какъ помимо

интереса къ громкому конокрадству, въ тотъ день былъ въ мѣстечкѣ базарь (кермашъ), и многіе нагрянули изъ базарной публики, само собою разумѣется, что набились въ камеру и мѣстные евреи—эти самые „строгіе наслѣдователи“ лицъ, служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. По дѣлу о конокрадствѣ обвинялось двое лицъ въ кражѣ лошадей у помѣщика Пуцьтыцкаго; вызвана была масса свидѣтелей со стороны обвиненія и обвиняемыхъ. Провѣряю свидѣтелей, удаляю ихъ въ особую комнату и приступаю къ разбору. Потерпѣвшій, объясняя, при какихъ обстоятельствахъ у него увѣдена была пара лошадей изъ конюшни, выразилъ рѣшительное подозрѣніе на обвиняемыхъ; прямыхъ уликъ не было, и обвиняемые не сознались и упорно отрицаютъ свою виновность; нужно было поэтому искуснымъ допросомъ свидѣтелей сторонъ добиваться правды. Главное свое оправданіе обвиняемые построили на alibi, въ подтвержденіе котораго и сослались на свидѣтелей.

Допросъ свидѣтелей обвиненія проходитъ гладко и даетъ достаточный материалъ въ связи съ характеристикой обвиняемыхъ, что лошади не миновали ихъ рукъ. Не то было со свидѣтелями обвиняемыхъ: часть ихъ оказалась настолько пьяными, что нельзя ихъ было и допрашивать, а часть пришлось допрашивать透过 переводчика, такъ какъ на предложенные вопросы слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: „ne suprante“. Когда же одинъ изъ такихъ свидѣтелей уличенъ былъ мною въ противорѣчіяхъ, то заговорилъ и по-русски. Въ концѣ концовъ, такъ какъ сбивчивыя показанія свидѣтелей обвиняемыхъ не внушали къ себѣ довѣрія, то у меня сложилось полное убѣжденіе въ виновности обвиняемыхъ, которые и получили по 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Эффектъ приговора былъ поразительный, и имъ камерная публика осталась довольна, да я не ошибся въ приговорѣ, такъ какъ когда объяснилъ обвиняемымъ порядокъ обжалованія приговора, то они, отказавшись отъ его обжалованія, просили, чтобы ихъ скорѣе отправить въ тюрьму. Пользуясь наличностью массы мѣстного населения моего участка, я, обращаясь къ подсудимымъ, высказалъ двѣ сентенціи: что подлоенные свидѣтели не только не помогаютъ защищѣ, но больше вредятъ ей и что кража лошадей и скота большое несчастье для сельскихъ хозяевъ. Хорошо, говорилъ я, что у помѣщика есть не одна пара лошадей, а если послѣднюю клячу (по мѣст-

ному) или единственную коровку уведутъ у крестьянина, то чѣмъ ему пахать землю, чѣмъ кормить дѣтей; „я буду очень строгъ къ такимъ кражамъ“, добавилъ я. Мои сен-тепціи произвели очень хорошее впечатлѣніе на крестьянъ, что видно было по одобрительнымъ кивкамъ ихъ головъ. И такъ первый мой выходъ на арену правосудія на Литвѣ прошелъ удачно. Мало-по-малу, знакомясь съ мѣстнымъ населеніемъ, большую частью съ коренными литовцами, не знающими никакого другого языка, кромѣ своего родного, населеніемъ бѣднымъ (земля въ большинствѣ песчанная), полудикимъ, подозрительнымъ, я проникся большимъ сочувствіемъ къ этой народности, этимъ первымъ насељникамъ края, лишеннымъ всякаго культурнаго воздействиія и жестоко эксплоатируемъ мѣстнымъ еврействомъ—его единственными „культуртрегерами“. Правда, что попадались и между литовцами лица, знающія русскій языкъ, но это тѣ изъ нихъ, которые отбывали воинскую повинность и обращались на военной службѣ, такъ что послѣднюю нужно признать важнымъ культурнымъ факторомъ въ жизни Литовскаго края. Знакомясь ближе и ближе съ литвинами своего участка, я пришелъ къ заключенію, что большинство возбужденныхъ ими дѣлъ сутяжного характера возбуждены еврейскою деревенскою и мѣстечковою адвокатурою, изобрѣтавшою разныя несуразныя тяжбы, исключительно „въ интересахъ рубля“. И когда у меня этого рода дѣла потерпѣли сильное крушеніе, то сократилась и „sutяга“. Одного я не могъ смягчить путемъ судопроизводственнаго воздействиія—это жестокости въ случаѣхъ взаимной мести крестьянъ другъ къ другу, которая выражалась то въ отравленіи гусей, утокъ и другой домашней птицы, а то и въ томъ, что они всаживаютъ обостренные колы въ задній проходъ лошадей, обрѣзываютъ вымя у коровъ и т. п. (такія были дѣла). На югѣ подобные чудовищные проступки мнѣ были совершенно не извѣстны, а здесь вещь обыкновенная; очевидно, что это уже природная черта народнаго характера.

Въ злополучныхъ Оранахъ (Ораны-мои раны, шутиль я) я просидѣлъ до сентября будущаго года, когда получилъ городской участокъ. Семью, переѣхавшую въ Вильну, пришлось устроить въ городѣ, а самому на дни три еженедѣльноѣздить и жить въ Оранахъ, а три дня проводить въ Вильнѣ и сидѣть въ засѣданіяхъ мирового съѣзда. Мучительная исторія, крайне истрапавшая мои нерви. Въ городской уча-

стокъ я попалъ случайно: одинъ уѣздный судья, которому по очереди доставался 2 участокъ г. Вильны, Н. А. Комаровъ, ознакомившись съ массой нерѣшенныхъ дѣлъ и общимъ хаосомъ дѣлопроизводства въ этомъ участкѣ, отказался отъ него и участокъ достался мнѣ. Усиленнымъ трудомъ и при помощи нѣсколькихъ временно нанятыхъ писцовъ—участокъ, вѣрнѣе, бумаги были приведены мною въ порядокъ; нужно было лишь заняться разборомъ нерѣшенныхъ дѣлъ, накопившихся до 1000. Отправлять „мировое правосудіе“ въ городѣ для меня, конечно, было легче, такъ какъ и жалобы поступали грамотнѣе и толковнѣе, чѣмъ деревенскія, а по моимъ дѣламъ выступали порядочные адвокаты, съ которыми легче было разъяснить спорные вопросы. Но былъ въ моемъ участкѣ и существенный дефектъ: въ немъ со средоточены были дѣла всѣхъ мелкихъ и нѣкоторыхъ крупныхъ виленскихъ ростовщиковъ (распредѣленія денегъ чиновниковъ: Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, интенданскихъ, почтовыхъ и др.), осаждавшихъ камеру то вексельными взысканіями, то требованіями выдачи поступившихъ долговъ, суммъ и т. д.

Не могу забыть и до сихъ поръ, какъ меня въ первый разъ поразила масса странныхъ еврейскихъ фигуръ, наполнившихъ мою камеру, хотя и не было разбора дѣлъ; по ознакомленію съ этими лицами, оказались $\frac{2}{3}$, ростовщиковъ и $\frac{1}{3}$ подпольныхъ ходатаевъ. Ростовщикамъ я объявилъ, что справки по дѣламъ буду выдавать лично, а ходатаямъ совѣтовалъ оставить мою камеру, такъ какъ, помимо меня, они ничего по дѣламъ камеры не узнаютъ, а выступать не имѣютъ права.

Въ конечномъ результатѣ черезъ годъ усиленныхъ занятій мнѣ удалось настолько упорядочить участокъ, что я больше 4-хъ часовъ въ камерѣ не сидѣлъ; созданъ былъ досугъ, позволившій мнѣ употребить его и на чтеніе книгъ, и на постоянное (съ 1893 г.) сотрудничество (*gratis*) въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ редакціи П. Г. Бывалькевича. Посѣщая засѣданія мирового съѣзда, я ближе познакомился со своими коллегами, а ближе присмотрѣвшись къ мировой юстиціи отъ короны, сдѣлалъ соотвѣтственный параллели между короннымъ и выборнымъ судомъ. Между тѣмъ и другимъ учрежденіями была огромная разница: выборные суды работали въ буквальномъ смыслѣ слова „за совѣсть“, а коронные не всѣ, конечно, и „за страхъ“, чтобы не подвергнуться неодобрѣніямъ и старшаго предсѣдателя судебн-

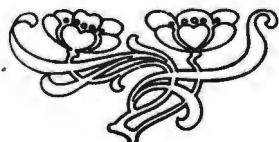
ной палаты, и ея прокурора, и прокурорского надзора вообще, другими словами, выборный судья чувствуетъ полную независимость и самостоятельность въ своемъ дѣлѣ, а коронный нерѣдко во взглядѣ на извѣстную категорію уголовныхъ правонарушений долженъ быть соображаться со взглядами и желаніями мѣстной администраціи и покровительствуемыхъ ею отдельныхъ лицъ (графа Мавроса и др.). Другой чертой направленія Виленскаго мирового съѣзда моего времени явилось мнѣніе, что тамъ, гдѣ сталкиваются интересы помѣщиковъ и крестьянъ, необходимо поддерживать послѣднихъ, ибо такъ думаетъ мѣстная высшая администрація края. Такое „рабское“ положеніе Виленскаго мирового института въ особенности проявлялось при предсѣдателѣ съѣзда Григорьевѣ. Человѣкъ военнаго образования и воспитанія,—этотъ предсѣдатель былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ хотя практически онъ и усвоилъ судебную процедуру, но по серьезному юридическимъ вопросамъ обнаруживалъ слабую юридическую логику; судебнаго же засѣданія велъ грубо съ окриками „команднымъ голосомъ“. Своихъ сослуживцевъ не объединялъ, а, напротивъ, съяль интригу и раздоръ, и если съѣздъ кѣмъ держался, то непремѣннымъ членомъ А. А. Поляковымъ—этимъ превосходнымъ русскимъ человѣкомъ—„твярякомъ“.

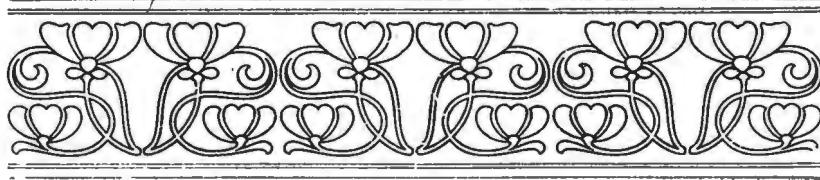
Дѣла въ съѣздѣ обсуждались очень серьезно, и въ этомъ отношеніи коронному мировому суду нужно отдать предпочтеніе передъ выборнымъ, гдѣ очень часто трудно было убѣдить судей юридическими доводами въ противовѣсь „обывательскимъ“ сужденіямъ. Но зло короннаго мирового суда на Литвѣ, какъ и вообще во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, заключалось въ страшномъ процвѣтаніи лжесвидѣтельства, въ легкой подкупности свидѣтелей, а потому не только въ серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ дѣлахъ, но въ пустыхъ трудно было добиться правды. Для иллюстраціи приведу такой примѣръ: въ моей камерѣ разбиралось дѣло по обвиненію графа Кор.-М—го съ г. Пусловскимъ въ оскорблениі первымъ послѣдняго дѣлѣствиемъ въ зданіи окружнаго суда. Оба эти „драчуны“—мѣстные богатые и культурные помѣщики; скоры и тяжбы у нихъ завязались по дѣловымъ отношеніямъ по имѣнію Пусловскаго и разразились скандалнымъ столкновеніемъ въ зданіи суда, гдѣ въ коридорѣ Кор.-Мил—скій, встрѣ-

тившись съ Пусловскимъ, толкнулъ его съ такой силой, что тотъ, падая, выбилъ окно, оцарапался и получилъ нѣсколько ушибовъ. Вѣсть о столкновеніи этихъ аристократовъ быстро разнеслась въ судѣ; собралось много публики; произошло форменное нарушеніе тишины и порядка (ст. 38 уст. о нак.). Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ поступила жалоба Пуловскаго на гр. Кор - Мил-скаго и протоколъ полиціи. Разобравъ дѣло, я далъ гр. Кор - Мил. 2 мѣсяца ареста. Дѣло по жалобѣ обвиняемаго перешло въ мировой съездъ, и вотъ тутъ-то разыгралась „свидѣтельская арія“, такъ какъ оказалось, что большинство ихъ были полупьяны и, вѣроятно, субсидированы. Кончилось дѣло на томъ, что наказаніе гр. Кор - Мил-скому было уменьшено до 7 дней ареста по обвиненію лишь въ нарушеніи общественной тишины. Приговоръ этотъ вступилъ въ законную силу, но когда его обратили къ исполненію, то 2 года не могли уловить обвиняемаго: то онъ уѣзжаетъ заграницу, то путешествуетъ по Волгѣ, то выѣзжаетъ въ Варшаву и т. п. Наконецъ, полиція настигаетъ графа Кор - Мил-скаго въ Вильнѣ и препровождаетъ его, въ такъ называемый, 14 № крѣпостного зданія при Инженерномъ Управленіи. Водворенъ былъ гр. Кор-Мил-скій въ кутузку лѣтнею порой. Мужчина онъ полный и комнатная духота на него непріятно дѣйствовала, поэтому вечерній чай въ скучномъ одиночествѣ титулованный узникъ шилъ въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Узнавъ о чаепитіи гр. Кор-Мил-скаго, противникъ арестованнаго графа г. Пуловскій регулярно каждый день выѣзжаетъ въ свое мѣсто кабролетъ при лакеѣ въ ливреѣ съ гербами на прогулку по той улицѣ, где „кейфовалъ“ его врагъ и проѣзжая мимо съ притворной учтивостью адресуетъ узнику фразу: „жиче пану грабѣ добrego аппетиту“... (желаю пану графу хорошаго аппетита). И такъ продолжалось систематически нѣсколько дней. Графъ Кор-Мил-скій, конечно, не могъ долго переносить злобныхъ учтивостей г. Пуловскаго, и остальные дни ареста уже не показывался въ палисадникѣ. Много и другихъ курьезовъ бытового свойства прошло у меня передъ глазами во время судейства, но всего не припомнишь. Послѣдніе годы моей службы по коронной мировой юстиціи протекали настолько благополучно, что наличность досуга не только, повторяю, позволила мнѣ заниматься журнальной работой, но я могъ также принять горячее участіе въ работахъ по

первой народной переписи 1897 г. Въ этомъ же году, будучи избранъ единогласно коллегіей окружнаго суда на вакантную должность члена его, я разстался съ мировымъ институтомъ, но сохранилъ и до сихъ поръ званіе почетнаго мирового судьи, чтобы не прерывать связи съ дорогимъ для меня учрежденіемъ.

В. С. Чеважевскій.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны¹⁾.

16—18 февраля. Вотъ какой разсказъ записалъ сотрудникъ „Армейскаго Вѣстника“ со словъ бѣженцевъ изъ м. м. Колки и Куликовской, занятыхъ теперь австро-германцами.

— Гдѣ моя жена — не знаю, а вотъ... со мной двѣ дочки — 15 и 17 лѣтъ, то обѣ и беременныя, — сквозь рыданія говорилъ горемычный отецъ.

— А вотъ эта, — указалъ Колошва на желтую, какъ воскъ, старушку, сидящую на пучкѣ грязной соломы и гладящую по русой головѣ дѣвочку лѣтъ 13—14, блѣдную, изнуренную и лежащую на той же соломѣ, — эта тоже долго не забудеть нѣмца! Меньшая догораетъ, осрамленная и замученная, а со старшей и того хуже стало.

— Ея старшую дочку распялъ нѣмецъ.

— Какъ такъ распялъ?! — удивился я.

— Да такъ и распялъ. — Красавица была на все село, а здоровая такъ, что когда къ ней стали приставать два нѣмецкихъ офицера, она ихъ избила, оборвала погоны и вытолкала изъ избы; а ночью пришли ихъ солдаты съ голыми саблями, связали Авдотью и увели, подстрѣливъ отца. На другой день нашли Авдотью въ лѣсу распятой. Руки ея были прибиты гвоздями къ двумъ соснамъ. Она была голая и опозоренная.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ юнь 1916 г.

Въ Туркестанѣ и Каспійскомъ побережью растетъ прядильная мальва *Hibiscus cannabinus*. Она растетъ кустомъ, изъ которого выходятъ побѣги въ 4—6 аршинъ. Когда кустъ созрѣеть, то стебли срѣзаются и обдираются, и изъ нихъ туземцы приготовляютъ рыболовныя снасти и веревки.

Рассказываютъ, что преподавателемъ коммерческаго училища въ Нарвѣ назначенъ Э. И. Кольбергъ, отбывшій 3-мѣсячное тюремное заключеніе за злословіе о русской арміи, по постановленію войскового Донскаго Наказнаго Атамана.

До войны германцы посылали огородниковъ и садовниковъ колонистовъ, которые собирались устроить подъ Верденомъ особую земледѣльческую колонію. Къ счастью, у руководителя этой колоніи былъ захваченъ документъ о сношеніи его съ известнымъ германскимъ шпиономъ, лейтенантомъ фонъ-Оппелемъ. Подъ Верденомъ была обнаружена также германская платформа для тяжелыхъ орудій, въ 30 километрахъ отъ форта Дуомонъ, который теперь такъ нещадно атакуютъ германцы.

Какъ сообщаетъ „Каспій“, въ управлениѣ бакинскаго уѣзднаго воинскаго начальника прибылъ изъ московскаго лазарета молодой солдатъ Сагатель Саакянцъ, являющійся очередной жертвой жестокостей нѣмцевъ.

Нѣмецкій офицеръ собственноручно вырѣзаль Саакянцу языкъ за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположениѣ нашихъ частей. Саакянцъ неграмотенъ, вслѣдствіе чего представляется затруднительнымъ установить подробности учіненнаго надъ нимъ звѣрства. Онъ былъ принятъ на службу въ прошломъ году бакинскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ и отправленъ въ одинъ изъ запасныхъ баталіоновъ, откуда былъ зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Такъ какъ при немъ оказалась только книжка, выданная ему запаснымъ баталіономъ, то его и прислали въ распоряженіе бакинскаго воинскаго начальника, который теперь снесся съ запаснымъ баталіономъ для выясненія, въ какой полкъ былъ переведенъ изъ баталіона Саакянцъ. Изъ мимического разсказа Саакянца выясняется слѣдую-

щая картина учиненного надъ нимъ звѣрства. Послѣ одной горячей схватки Саакянцъ, раненый въ ногу, остался на полѣ битвы. Послѣ боя нѣмцы стали провѣрять оставшихся, нѣтъ ли среди нихъ живыхъ, и обнаружили Саакянца. Нѣмецкій офицеръ потребовалъ, чтобы онъ сообщилъ свѣдѣнія о расположениіи нашихъ войскъ. Саакянцъ отказался. Тогда нѣмецкій солдатъ сдавилъ ему горло такъ, что весь языкъ вышелъ наружу. Въ это время офицеръ перочиннымъ ножикомъ отрѣзаль ему языкъ. Когда Саакянцъ упалъ, обливаясь кровью, нѣмцы прикололи его штыкомъ въ спину и бросили. Потомъ прибыли наши войска и подобрали его.

Г. Ренниковъ, въ № 14348 „Нового Времени“, приводитъ фразы изъ самоучителя нѣмецкаго языка, составленного приват-доцентомъ Киевскаго университета А. Н. Грасомъ.

Вотъ эти перлы:

„Должны ли вы эту даму оставить на улицѣ?

Нѣть, я не долженъ оставить такую молодую, живую, любезнную даму на улицѣ.

Нанимаете вы комнату для воркованія?

Я ее нанимлю для воркованія.

Развѣ вамъ миръ такъ ужъ задоренъ?

Да, миръ мнѣ задоренъ.

Хотите вы раздѣтесь, милостивый государь?

Я, несчастный и забитый человѣкъ, хочу раздѣтесь.

А какъ поживаются мои остальные вещи?

Это, я надѣюсь,—остальные вещи въ полной сохранности.

Долженъ ли ты отложить превосходную месть?

Я долженъ ее отложить.

Измѣнились вы, милостивая государыня?

Я измѣнилась, такъ какъ я встала съ кровати.

Имѣете вы боль о потерѣ вашего супруга?

Я встала съ постели, на которую меня бросила болѣзнь о потерѣ моего мужа.

Сколько времени вы имѣете новую барыню, мой другъ?

Я ее имѣю по большей части каждыя шесть недѣль“.

Рабочие получаютъ дивные заработки. Особенно цѣнятся фабричные мастера. Мнѣ разсказывали, что одна изъ семей, состоящая изъ отца, матери и двухъ сыновей, зарабатываетъ ежемѣсячно 1000 рублей. Какъ сравнить теперь заработка рабочаго съ жалованіемъ чиновника или заработкомъ по литературному труду. Величина несравненная. Разсказывали, что рабочіе платятъ по 15—20 рублей за бутылку коньяку. Пришлось лично видѣть рабочаго, курившаго прекрасную гаванскую сигару.

Вотъ что разсказываетъ г. Весеньевъ¹⁾ о рабочихъ военноплѣнныхъ:

„Въ деревню на работы присылаютъ только австрійцевъ да славянъ.

— Кто у васъ работаетъ?—спрашиваемъ сосѣда, или просто первого встрѣчнаго.

— Мадьяры, румыны, галичане, русины, чехи, словаки..

— А нѣмцы?

— Никогда въ глаза не видѣлъ.

Вотъ и я никогда не видѣлъ. Нѣмцы не желаютъ работать и не работаютъ. Приведутъ партію ихъ, сдадутъ на руки помѣщику. На утро въ поле. Идутъ. Пришли и ни съ мѣста.

— Мы работать не будемъ.

Ничего подѣлать съ ними помѣщикъ не можетъ. Да оно и понятно: не пороть же вы ихъ станете. Берете ихъ на работу, а не въ исправительное отдѣленіе. И никогда съ ними нѣтъ сладу. Нѣмецъ не буйнитъ, не подговариваетъ другихъ, а только твердить свое упрямое и злое:

— Я работать не буду. Не буду и не буду.

То же и на казенныхъ работахъ, при чёмъ различія и дѣленія работъ для нѣмца не существуетъ. Это у него принципъ. И думается, что съ этимъ „принципомъ“ надо бороться. Никакія „конференціи“ не постановляли, что военноплѣнный обязанъ бездѣльничать, обязанъ быть дармоѣдомъ. Не забудьте, что въ Германіи на нашихъ военноплѣнныхъ пашутъ.

Дайте карауль, дайте хоть небольшую воинскую команду, во пусть нѣмцы работаютъ... Вѣдь работы есть такъ много и самой разнообразной... Наконецъ, если нельзя ихъ сопро-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 февр. с. г.

водить соотвѣтствующимъ эскортомъ въ деревнѣ, пусть они будутъ заняты на казенныхъ работахъ... А вѣдь такъ,— одна бѣда и соблазнъ.

И сравните австрійцевъ славянскаго происхожденія и даже мадьяръ съ тѣми же нѣмцами. Мы не нахвалимся русинами, галичанами, чехами, словаками. И работаютъ прекрасно, и вѣжливы, и честны. Цѣны на работы позна- чаютъ земскія управы въ согласіи съ мѣстными условіями. Половину—военноплѣнныe получаютъ на руки, остальная денъги идутъ на ихъ прокормъ, помѣщеніе, одежду, обувь. Многіе помѣщники находятся съ плѣнными въ молчаливомъ соглашеніи и платятъ даже больше, чѣмъ это установлено земскими управами. Не обидно—работаютъ отлично, почему не прибавить. Никакой охраны за военноплѣнными нѣтъ. Убѣжать—не убѣгутъ.

— Зачѣмъ намъ бѣжать... Далеко. Да что ожидаетъ дома? Тѣ же работы въ лучшемъ случаѣ, а то, можетъ быть, снова окопы... А здѣсь хоть живъ, хоть съть“.

18 февраля. Германцы обстрѣливаютъ у Вердена фран- цузскія позиціи къ западу отъ Мааса. Французская печать считаетъ положеніе Вердена удовлетворительнымъ, но и весьма серьезнymъ.

Одинъ изъ французскихъ химиковъ въ „Journal d'Encour“ сообщаетъ, что онъ получилъ извѣстіе отъ одного изъ плѣнныхъ германскихъ офицеровъ, сильно его взволновавшее.

Извѣстный химикъ, профессоръ Берлинскаго университета, Эмиль Фишеръ, подписавшій памятный манифестъ девяноста трехъ, получилъ въ началѣ 1915 года официальное назначеніе въ главный штабъ германской арміи. Этотъ богатѣйший въ Германии человѣкъ, пользующійся огромнымъ научнымъ авторитетомъ, принялъ званіе „консультанта арміи его величества“.

Онъ сопровождаетъ главный штабъ и решаетъ вопросы конфискаціи и истребленія матеріаловъ, захваченныхъ въ занятыхъ нѣмцами областяхъ. Въ распоряженіи Э. Фишера состоитъ большое количество молодыхъ ученыхъ. Съ ихъ помощью Фишеръ уничтожилъ много построекъ, товаровъ и матеріаловъ, пленныхъ германцамъ, и указалъ на не-

обходимость конфискаціі различныхъ запасовъ, не считаясь съ нуждами мѣстнаго населенія.

Интересно отмѣтить, что Фишеръ и его „штабъ“ принимали участіе въ выработкѣ методовъ употребленія горячихъ жидкостей для заливанія ими траншей непріятеля¹⁾.

19—21 февраля. Читалъ удивительный докладъ комиссіі Государственного Совѣта по смѣтѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ о плохомъ положеніи русскихъ военноплѣнныхъ.

Докладъ этой комиссіі подтверждаетъ уже всѣмъ извѣстную истину, что русскимъ военноплѣннымъ въ Германіи живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ военноплѣннымъ остальныхъ воюющихъ державъ.

„Причина этому, говоритъ докладъ финансовой комиссіі Государственного Совѣта, лежитъ не въ какихъ-либо особыхъ условіяхъ для русского плѣна у непріятеля, а въ томъ, что сношенія нашихъ военноплѣнныхъ съ родиной до сихъ порь еще не упорядочены и помочь имъ на родинѣ слабо сорганизована“.

Петроградскій обыватель крайне удивленъ, что это заключеніе финансовой комиссіі Государственного Совѣта буква въ букву сходно съ лейбъ-напѣвомъ нейтральной германофильской прессы. Умилительное сходство!

Конечно, причина этому совершенно не та, чтобы русскій человѣкъ не посыпалъ гроши къ своимъ мученикамъ плѣннымъ, какъ утверждаетъ это финансовая комиссія Государственного Совѣта. Причины къ этому совсѣмъ иные. Прежде всего, какъ это ни кажется на первый разъ страшнымъ, на это вліяетъ роскошное содержаніе военно-плѣнныхъ германцевъ въ Россіи, закармливаніе ихъ на убои, предоставленіе достаточнымъ изъ нихъ скупить припасы въ ущербъ населенію.

Доводить условія питанія плѣнныхъ германцевъ, по словамъ нѣмецкихъ дневниковъ, до того, что по праздникамъ они ёдятъ зернистую икру, не имѣть силы духа заставить германскихъ плѣнныхъ работать.

Наглый нѣмецъ разсуждаетъ такъ, что если нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Россіи не посмѣютъ кормить плохо, не посмѣютъ ихъ заставить работать, то чего же ему церемониться съ нашими плѣнными, съ ними все возможно. Нѣмецъ сверхчеловѣкъ: онъ понимаетъ силу одного только

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 февр. 1916 г.

кулака, всякий другой способъ убѣжденія немыслимъ для осатанѣлой душонки.

Вотъ почему онъ такъ поступаетъ съ нашими плѣнными, а не потому, что наши не хотятъ слать своимъ припасовъ и не упорядочена имъ помощь.

Для того, чтобы помочь нашимъ плѣннымъ, нѣмцу надо показать кулакъ.

Самоѣ главное, надо заявить твердымъ образомъ Германіи, что съ ея военноплѣнными будутъ поступать такъ же, какъ они поступаютъ съ нашими. Это властно сказали и сдѣлали наши союзники, и вотъ почему съ ихъ плѣнными обращаются германцы совершенно иначе, чѣмъ съ нашими. У насъ даже завѣдываніе плѣнными находится на рукахъ у семи нянекъ. Они не объединены въ одной властной рукѣ. Даже нѣть инспектора военноплѣнныхъ. Между тѣмъ у насъ въ Россіи существуетъ такой человѣкъ, который по своей особой энергіи можетъ поставить плѣнныхъ германцевъ на свое мѣсто—это генералъ Сандецкій.

Петроградскому обывателю очень бы желательно знать, нѣть ли въ составѣ финансовой комиссіи Государственного Совѣта членовъ прибалтійцевъ или ихъ приспыхъ?

На дняхъ, по словамъ „Заб. II“, заключенъ въ верчинскую тюрьму крупный золотопромышленникъ Тюменцевъ, который подозрѣвается въ провозѣ и продажѣ золота за границу.

Передаютъ, что въ лавочкахъ земскихъ союзовъ спросъ солдатиковъ уже точно опредѣляется: усиленно покупаютъ бѣлый хлѣбъ, сало, курево, почтовую бумагу и лакомства.

Сообщаютъ, что экстренное собраніе сахарозаводчиковъ, признавъ убыточнымъ для себя продавать рафинадъ по таксѣ, установленной особымъ продовольственнымъ совѣщаніемъ въ Петроградѣ, заявило, что можетъ поставлять по таксѣ рафинадъ только интендантству, въ количествѣ 10 миллионовъ пудовъ, и то при томъ только условіи, если интендантство само будетъ снабжать рафинадные заводы сахарнымъ цескомъ по таксѣ, путемъ обязательнаго отчисленія 10 процентовъ производства песочныхъ заводовъ.

Одновременно синдикатъ рафинеровъ препроводилъ киевскому уполномоченному особаго продовольственнаго совѣщанія Суковкину, для передачи предсѣдателю совѣщанія, докладную записку, требующую, подъ угрозой сокращенія производства и полнаго отсутствія рафипада па рынкахъ, повышенія предѣльной цѣны сахара. Въ видѣ аргумента въ докладной запискѣ заявляется, что сахарные заводы не могутъ постуپиться ради устранинія рафипаднаго голода частью своихъ прибылей, такъ какъ большинство ихъ являются не личными, а акціонерными предпріятіями, правленія которыхъ не могутъ завѣдомо вводить своихъ акціонеровъ въ убытки. Гг. сахарозаводчики отчаянны патріоты.

22—24 февраля. Газета „Таймсъ“ сообщаетъ, что на предстоящей въ Парижѣ экономической конференціи державъ четверного согласія подпишутъ договоръ о пезаключеніи сепаратныхъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и Австріей.

Недавно проходилъ по Сергиевской и видѣть, что всѣ ставни оконъ австрійского посольства сплошь заклеены плакатами съ призывомъ къ участію въ военному займу.

По словамъ „Рижскаго Вѣстника“, лица, имѣющія дѣловыя сношенія съ пѣкоторыми изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, при попыткахъ выяснить ихъ мѣстонахожденіе, неизбѣжно наталкивались на отвѣтъ: „Графа (или барона) пѣтъ дома, онъ находится за границей, и когда вернется на родину — неизвѣстно“.

Такимъ образомъ „пропалъ“ извѣстный графъ Э. Э. Мантейфель, которому принадлежитъ чутъ ли не половина Юрьевскаго уѣзда.

У насъ имѣется документъ, подпісанній довѣреннымъ графа Мантейфеля фонъ-Гревингкомъ, гдѣ значится буквально слѣдующее: „Личную подпись его (гр. Мантейфеля) трудно достать, такъ какъ онъ уже съ начала декабря мѣсяца прошлаго года въ Швеціи и вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“.

Коротко и ясно: „вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“. И вернется ли вообще? Точно также находится „въ безвѣстномъ отсутствіи“ владѣлецъ имѣнія Роель

фонъ-Литгардтъ и управляющій имѣнія Торна, которое принадлежитъ брату роельского фонъ-Литгардта.

Интересно отмѣтить, что бѣгство нѣкоторыхъ мѣстныхъ „лояльныхъ“ гражданъ поможе какъ разъ предшествовало отмѣненному теперь общему призыву ратниковъ второго разряда въ Лифляндской губерніи.

Что же касается графа Э. Э. Мантейфеля, то по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ въ настоящее время находится гораздо далѣе Швеціи...

25—29 февраля. Двѣ съ половиной недѣли германцы яростно атакуютъ передовыя укрѣпленія Вердена съ восточной стороны на правомъ берегу Мааса и французы отошли къ западу на 1—2 километра.

Характеръ обороны сразу перемѣнился, когда въ командование французскими войсками на этомъ фронѣ вступилъ талантливый и энергичный генералъ Петенъ. Оборона сразу сдѣлалась активной. Атаки германцами лѣса Корбо, Дуомона и Во кончились неудачей.

Открылся первый всероссійскій сельско-хозяйственный съездъ. Намъ не удалось присутствовать на этомъ засѣданіи и не удалось послушать нѣмцелюбовъ господъ Бородаевскаго и Туганъ-Барановскаго.

По словамъ рецензента „Нового Времени“ таковы ихъ лейбъ-германскіе наївы: ¹⁾.

„Помощникъ управляющаго отдѣломъ торговли г. Бородаевскій прочиталъ обширный докладъ о будущемъ торговомъ договорѣ съ Германіей. Быть можетъ, въ пожарѣ кровавой войны съ Нѣмцами самая тема о мирной торговлѣ съ ними была немножко несвоевременной. Какъ-то странно было слушать разсужденія виднаго министерскаго чина о необходимости поставить Германію въ положеніе „наиболѣе благопріятствуемой“ державы, потому что сердца всѣхъ русскихъ гражданъ подъ гнетомъ кровавыхъ ужасовъ длящихся бойни трепещутъ совсѣмъ не благопріязненными чувствами къ Нѣмцамъ. Вѣроятно, г. Бородаевскій вовсе не пацифистъ и не германофилъ, а только самый исправный начальникъ вѣренного ему отдѣла, но такъ какъ герма-

¹⁾) „Нов. Вр.“ 27 февр. с. г.

нофильскія теченія въ нѣкоторыхъ сферахъ у насъ очень сильны и рѣзко расходятся съ настроениемъ общества, то къ его докладу аудиторія отнеслась чрезвычайно холодно и даже почти подозрительно. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ самъ счѣль необходимымъ оправдываться отъ подозрѣнія въ офиціальномъ происхожденіи доклада, просилъ видѣть въ прочитанномъ съ трибуны не какое-нибудь вѣдомственное внушеніе, но только личное сужденіе частнаго лица. Слушателямъ было пріятно узнать, что они выслушали не министерскую декларацію, а только свободное мнѣніе независимаго въ убѣжденіяхъ столонаачальника, но такъ какъ самый тонъ доклада все-таки пришелся имъ не по душѣ, то они проводили оратора гробовымъ молчаніемъ.

Вотъ тезисы г. Бородаевскаго въ его собственномъ изложеніи:

Задачи войны для Германіи—стремленіе къ экономическому преобладанію; задачи войны для Россіи—обеспеченіе нашей странѣ экономической независимости.

Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, вполнѣ достижимыя при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.

Если бы построеніе нашихъ внѣшнихъ экономическихъ отношеній на принципахъ изолированія Германіи оказалось недостижимымъ, то будущій торговый договоръ съ Германіей долженъ былъ бы покоиться на принципахъ наибольшаго благопріятствованія.

-- Изолированіе Германіи,—пояснилъ ораторъ,—означаетъ искусственное возведеніе между ею и нами стѣны. Допустимо ли это для Россіи, и особенно для нашего сельского хозяйства? Россія вывозила въ Германію послѣдніе годы на сумму полміліарда рублей, т. е. $\frac{1}{3}$ всего русского экспорта. Слѣдовательно, возводить такую стѣну между нами и Германіей трудно. Гдѣ найдутъ наши хозяева другой такой же крупный рынокъ? Если масло, яйца и ленъ найдутъ сбытъ въ Англію и Францію, то лѣсь, овесъ, пшеница и особенно ячмень находятся въ другихъ условіяхъ.

Если бы наши хозяева въ своихъ политическихъ построенияхъ руководствовались своими шкурно-классовыми интересами, они послѣ доклада г. Бородаевскаго сразу сдѣлались бы горячими германофилами. Въ дѣйствительности же рѣчи оппонентовъ доказали, что вся политическая психологія сельскихъ хозяевъ не имѣть ничего общаго съ психологіей вѣдомственныхъ ораторовъ и что настоящая

Россія дышить совсѣмъ не тою атмосферою, какая образовалась въ иѣкоторыхъ, давно не провѣтриваемыхъ, канцеляріяхъ.

Г. Шульцъ нашелъ, что съ такимъ докладомъ г. Бородаевскому умѣстнѣе было бы выступать не въ собраніи сельскихъ хозяевъ, а въ собраніи промышленниковъ. Особенno не тактичнымъ является 10-й тезисъ, въ которомъ убѣждаютъ нась въ томъ, что нашему врагу—Германіи нельзя предоставлять большихъ льготъ, чѣмъ нашимъ союзникамъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ слѣдуетъ больше считаться съ особыми условіями исторического момента.

Проф. Туганъ-Барановскій всецѣло присоединяется къ тезису о непріемлемости экономической изоляції Германіи, какъ главнаго рынка сбыта нашихъ продуктовъ. Изолированіе Германіи равносильно уничтоженію русскаго сельскаго хозяйства.

Петроградскому обывателю невозможно найти подходящихъ для печати выраженій, которыми бы можно оттѣнить слѣдующія слова помощника управляющаго отдѣла торговли г. Бородаевскаго: *Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, вполнѣ достижимое при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.*

Какую надо было имѣть смѣлость, если не сказать болѣе, представителю вѣдомства господину Бородаевскому съ каѳедры собранія первого Всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда заявить, что уничтоженіе Германіи не составляетъ предмета стремленій Россіи и это сдѣлать въ то самое время, когда наглости и подлости Германіи, во всѣхъ смыслахъ, достигли своего апогея.

Удивительно также, что собраніе встрѣтило гробовымъ молчаніемъ слова господина Бородаевскаго. При подлежащихъ словахъ въ собраніяхъ нашихъ союзниковъ, такое лицо встрѣтили бы свистками и предложили бы ему покинуть собраніе.

Еще задолго до войны много и много разъ петроградскому обывателю приходилось выслушивать усиленныя жалобы на то, что въ одномъ учрежденіи иностраннымъ предпріятіямъ отдаютъ предпочтеніе передъ русскими.

Вотъ какъ описывается гибель цеппелина во Франції 8 февраля с. г.: „въ понедѣльникъ¹⁾ вечеромъ автомобильный взводъ въ долинѣ Ревиньи былъ насторожѣ. Фельдфебель Г., командовавшій имъ въ отсутствіи офицера, обратилъ вниманіе на сильную канонаду, доносившуюся съ фронта; онъ замѣтилъ, что шрапнели рвались преимущественно въ конусахъ свѣтовыхъ лучей, бросаемыхъ прожекторами, и изъ этого заключилъ, что стрѣляли по аэростату, открытому прожекторами; тотчасъ же имъ были прияты соотвѣтствующія мѣры: оба орудія, подъ значительнымъ угломъ возвышенія, были наведены въ томъ направлениі, въ которомъ, повидимому, двигался воздушный аппаратъ (еще не было известно—какой); глаза всѣхъ были направлены въ небо въ лихорадочномъ ожиданіи; всѣ старались проникнуть въ темень и туманъ. Вдругъ канонирамъ показалось, что они среди облаковъ увидали темную массу, фельдфебель самъ навелъ орудіе и первый снарядъ—ракета, былъ выпущенъ. Онъ близко прошелъ отъ цеппелина и ярко освѣтилъ его. Тотчасъ всѣ люди взвода были на своихъ мѣстахъ, и закипѣла работа. Цеппелинъ былъ захваченъ въ тѣсную „вилку“, которая постепенно еще суживалась. Одинъ изъ снарядовъ зажегъ хвостовую часть дирижабля, но пожаръ почти тотчасъ потухъ. Наконецъ, хорошо направленный выстрѣль 75 мм. автомобильного орудія попалъ въ цѣль. Ясно было видно, какъ снарядъ снизу проникъ въ середину дирижабля и вышелъ на верхней поверхности его. Огонь тотчасъ распространился, и зрителямъ представилась фантастическая картина: языки пламени, выбивавшагося изъ дирижабля, стали лизать гондолу, поджигая масло и взрывая резервы съ бензиномъ. Легкое бѣлое пламя горя; щаго газа смѣшивалось съ тяжелымъ цвѣтнымъ огнемъ отъ масла и бензина; съ гондолы текли небольшие ручейки пламени. Издали аэростатъ производилъ впечатлѣніе громаднаго огненнаго шара со всѣми свѣтовыми оттенками адскаго пламени. Очевидцы отказываются выразить словами трагической ужасъ этого зрѣлища. Въ этомъ пеклѣ, на высотѣ 2.000 метровъ, копошатся люди; освѣщеніе настолько яркое, что наблюдатели, находящіеся по сторонамъ дирижабля, могутъ различить движенія людей на немъ. Съ цеппелина начинаютъ выбрасывать снаряды, которые падаютъ прибли-

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 54 с. г.

зительно, на одномъ и томъ же мѣстѣ—на томъ же, гдѣ позднѣе упалъ дирижабль—образуемыя снарядами воронки такъ близки одна къ другой, что какъ бы образуютъ одну общую глубокую могилу, готовую принять погибающихъ.

Несмотря на сброшенный балласть, паденіе дирижабля продолжается; однако оно совершается сравнительно медленно, и многіе очевидцы полагали, что паденіе цеппелина продолжалось 5 минутъ. Временами аппаратъ корчится подъ вліяніемъ пламени и, наконецъ, носовою частью устремляется внизъ и падаетъ на полѣ въ 50 метрахъ отъ дуги, образуемой здѣсь желѣзною дорогою изъ Ревинни и въ 100 метрахъ отъ общинны Брабанъ-ле-Руа. Когда цеппелинъ былъ еще въ 500 метрахъ отъ земли, видно было, какъ одинъ человѣкъ изъ гондолы выбросился въ пространство. Аэростать горѣлъ такимъ яркимъ пламенемъ, что, несмотря на туманъ, его видѣли въ 20 километрахъ отъ мѣста катастрофы. Со всѣхъ сторонъ на автомобиляхъ сюда спѣшили офицеры штабовъ; квартировавшій по близости эскадронъ конныхъ егерей карьеромъ прибылъ на мѣсто паденія и тотчасъ оцѣпилъ его, допуская внутрь круга только офицеровъ. Какъ только былъ потушенъ пожаръ, приступили къ осмотру представившаго кучу обломковъ цеппелина. Прежде всего были извлечены трупы экипажа, они были всѣ обожжены, скорчились отъ огня и походили на дѣтскіе трупы; всѣхъ труповъ извлечено 21; въ нѣкоторомъ разстояніи лежало тѣло выбросившагося изъ гондолы фельдфебеля; на немъ не видно было снаружи никакихъ поврежденій и даже на лицѣ и рукахъ ни малѣйшей царапины. На цеппелинѣ, помѣченномъ L. Z. 77, такимъ образомъ, было всего 22 человѣка; возможно, что подъ развалинами остались еще другія тѣла.

Среди чиновъ автомобильного взвода господствовало радостное волненіе; многіе цѣловались; слишкомъ уже много горечи накопилось во французскихъ сердцахъ противъ ночныхъ бандитовъ, набѣги которыхъ вызвали столько жертвъ среди мирнаго населенія, женщинъ и дѣтей въ Парижѣ. Община Ревинни почувствовала гордость при мысли, что на ея территории было уничтожено чудовище, грозившее населенію новыми жертвами; жители брали на память обломки цеппелина, что было имъ разрѣшено, съ твердою „рѣшимостью никому ихъ не уступать“. Это „нашъ цеппелинъ“, съ гордостью говорили они“.

Еще тотчасъ послѣ послѣдняго налета на Парижъ газета „Matin“ пазначила премію въ 25.000 франковъ летчику,

который собьет цеппелинъ, и 10.000 артиллеристамъ, которые подстрѣлять его. Такимъ образомъ, вторая премія нынѣ досталась автомобильному взводу.

Вторая половина февраля на западномъ нашемъ фронтѣ протекла въ столкновеніяхъ партій развѣдчиковъ, артиллерійской и ружейной перестрѣлкахъ, минной войнѣ и дѣйствіяхъ аэроплановъ. У болгарского города Варны погибъ отъ 5 непріятельскихъ подводныхъ лодокъ миноносецъ „Лейтенантъ Пущинъ“.

На кавказскомъ фронтѣ армія генерала Юденича нещадно и неустанно преслѣдовала турокъ во всѣхъ направленіяхъ, при чемъ нами взяты г.г. Битлісъ, Билжаръ, Атине, Риза, Сенә и Кериндъ.

Всѣ операциі, выполненные командующимъ кавказской арміей, генераломъ Юденичемъ, отмѣчены перстомъ дивнаго военного таланта. Трудно сказать, какую изъ нихъ надлежитъ поставить выше, какой отдать преимущество. Дивны саракамышскія дѣянія, дивенъ штурмъ Эрзерума и дивно несравненное преслѣдованіе турокъ послѣ эрзерумскаго погрома.

Во всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ невольно поражаетъ изумительное знаніе театра военныхъ дѣйствій и психологіи турецкихъ войскъ. Всѣ тѣ, повидимому недоступныя тропы, на крайнихъ горныхъ высяхъ, при двухъ саженномъ снѣгѣ были еще въ мирное время тщательно изучены. И вообще подготовка всѣхъ операций была обработана до послѣдняго гвоздя.

Планы всѣхъ трехъ операций кажутся сначала повидимому крайне дерзкими, но, принимая во вниманіе ихъ тщательную подготовку, они являются вполнѣ соотвѣтственными обстановкѣ.

Поражаетъ также необычайная связность дѣйствій всѣхъ отрядовъ кавказской арміи, раскинувшейся на громадномъ пространствѣ.

Награда генералу Юденичу за Эрзерумскую операцию выразилась въ слѣдующей формѣ:

Государь Императоръ, въ 15-й день сего февраля, Все-милостивѣйше соизволилъ пожаловать Командующему Кавказскою арміей, Генералу-отъ-Инфантеріи Николаю Юденичу орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени въ воздаяніе отличного выполненія при исключи-

тельной обстановкѣ, блестящей боевой операциі, завершившейся взятиемъ штурмомъ Деве-Бойнскай позиціи и крѣпости Эрзерума¹⁾.

Побѣда генерала Юденича сбила съ толку всю германскую стратегію и заставила ее повторить у Вердена тѣ же самыя отчаянныя массовыя лобовые атаки, которыя предпринимали нѣмцы на Бзурѣ поздней осенью и зимой 1914 года.

Вотъ какъ, по свѣдѣніямъ нейтральной печати, это происходило въ Германии. На счетъ умѣстности въ настоящее время наступательныхъ дѣйствій происходили крупныя недоразумѣнія не только между высшими начальствующими лицами, но даже и между главными квартирами германской и австрійской армій.

Фельдмаршалы Гинденбургъ и Макензенъ также стоять на разныхъ точкахъ зреінія. Въ то время какъ Гинденбургъ настаиваетъ на оборонительныхъ дѣйствіяхъ на всѣхъ фронтахъ, считая наступленіе опаснымъ и рискованнымъ, Макензенъ предлагаетъ рѣшительное наступленіе. Эрзерумскія события привели эти разногласія къ опредѣленной формѣ. Недавно въ Берлинѣ состоялся верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ самого кайзера.

На этомъ засѣданіи присутствовали кронпринцы германской и баварской (съ англо-французского фронта), Гинденбургъ и Макензенъ (съ русского фронта) и другіе высшіе чины германской арміи. Австрійцевъ, венгерцевъ, болгарь и турокъ на это совѣщаніе не пригласили. На этомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, какъ сгладить впечатлѣніе, произведенное потерей Эрзерума.

Болѣе всѣхъ кипятился германский кронпринцъ, утверждая, что надо взять Верденъ и тѣмъ компенсировать Эрзерумъ. Гинденбургъ и Макензенъ были противъ. Они говорили, что осада Вердена потребуетъ еще войскъ, что на русскомъ фронтѣ, гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, такъ какъ тамъ на пути имѣть крѣпостей, и что скорое достижениe цѣли у Вердена гораздо слабѣе, чѣмъ на восточномъ фронтѣ и что неуспѣхъ у Вердена лишить армію этого морального подъема, который необходимъ при борьбѣ съ русскими. Несмотря на это кайзеръ согласился съ кронпринцемъ, и немедленная атака Вердена была рѣшена.

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 51 с. г.

Отъ прибывшаго недавно изъ Франціи я слышалъ слѣдующее о началѣ операций у Вердена.

Французское высшее командование уже давно получало свѣдѣнія о перевозкѣ германцами войскъ, тяжелой артиллерией и боевыхъ запасовъ къ французскому фронту. Для парирования готовящагося наступленія была сосредоточена за фронтомъ армія генерала Петена. Съ начала февраля германцы по всему французскому фронту вели частныя наступленія и открывали усиленный огонь.

Тихо было только на Верденскомъ фронтѣ, который обороняли терроріальная и африканскія войска. Мнѣнія чиновъ французского генерального штаба раздѣлились: одни полагали, что германцы атакуютъ англичанъ, другие, полагали, что пунктомъ атаки будетъ Верденъ.

Мнѣніе послѣднихъ основывалось на томъ, что на развѣдкахъ выяснялось, что къ Верденскому участку германцы подвозили массу войскъ и громадное количество тяжелой артиллерией и боевыхъ запасовъ. Въ резервъ къ Верденскому участку былъ назначенъ XX корпусъ, который былъ расположенъ въ 100 километрахъ къ ю.-з. отъ Вердена. Армія Петена могла быть перевезена только черезъ нѣсколько дней къ Вердену, и одна только желѣзодорожная линія питала Верденъ.

8-го февраля германцы открыли ураганный огонь по Вердену и повели яростныя атаки массами войскъ, тройными и четверными силами. Полтора сутокъ длился бой; французы были принуждены отступать съ передовыхъ позицій. Къ этому времени у мѣстнаго начальства сложилось мнѣніе, что надо очистить правый берегъ Мааса и отступать къ Вердену. Дали зятьть въ штабъ Жоффра. Тотъ послалъ къ Вердену своего начальника штаба генерала Кастельно, который, осмотрѣвъ ночью позицію, отдалъ приказаніе удержаться во что бы то ни стало на Дуомонскомъ плато. Онъ приказалъ перевезти къ Вердену армію генерала Петена и поручилъ ему защиту Вердена. Были сосредоточены 4.700 грузовиковъ. На нихъ перевезъ Петенъ свою армію, свои боевые запасы и отстоялъ Верденъ.

1—го марта. Намъ, русскимъ, надлежитъ основательно усвоить себѣ, что главный фронтъ міровой войны есть русской фронтъ. И что сокрушеніе врага, сокрушеніе неприступности его позицій должно послѣдовать съ русскаго фронта.

Возможность овладѣнія, якобы неприступными германскими позиціями, при надлежащей артиллерийской подготовкѣ, и безъ особыхъ потерь, уже доказалъ еще въ концѣ октября прошлаго года на рижскихъ позиціяхъ Радко-Дмитріевъ, какъ это и было у насъ выяснено въ февральскихъ замѣткахъ. Извѣшнихъ иллюзій и упованій ни на кого намъ возлагать не слѣдуетъ.

Окончательное политическое положеніе должно слагаться только при полномъ сокрушеніи боевого, политическаго и экономического состоянія Германіи. Иныхъ условій быть не можетъ.

Проливы и 100 верстная полоса по обѣ стороны отъ нихъ должны быть русскими владѣніями.

Греція, руководимая королевой Софіей, всегда будетъ намъ пакостить и никогда не выступить на нашей сторонѣ, пока Софія у власти.

Слѣдуетъ усвоить то положеніе, что Румынія выступить лишь только тогда, когда обнаружится наша полная побѣда и намъ ея содѣйствія будетъ не нужно.

Одинъ знакомый, извѣстный оперный артистъ предполагаетъ организовать артистическое турнѣ, съ исполненіемъ русскихъ музыкальныхъ произведеній для завоеванія симпатій къ Россіи въ Швеціи, Норвегіи и Данії.

Шлемъ искренняя пожеланія къ осуществленію этого прекраснаго намѣренія.

Въ Новомъ Времени за № 14,366 напечатано описание мытарствъ въ Болгаріи М. И. Стребулаевой, жены нашего консула въ Скопліе.

Вотъ наиболѣе поучительныя для русскихъ мѣста этого описанія: „Болгары хвастались, что нѣмцы дадутъ Болгаріи всю Македонію, которую Россія ее лишила“.

Черезъ три дня послѣ ужасной дороги, ночевокъ въ

разоренныхъ деревняхъ и существованія впроголодь, мы прибыли на станцію Гюмеджи, откуда шелъ поѣздъ.

Пришелъ коменданть станціи, высокій, черный, озлобленный.

— Это вы русскій консулъ? Вотъ вамъ,—и онъ кинулъ почти въ лицо моему мужу документъ.—Вы спрашивали, когда идеть поѣздъ? Вы знаете, что я могу арестовать васъ, какъ шпиона. Не разговаривать, а то я поговорю съ вами...

Онъ размахивалъ хлыстомъ, брашился съ пѣной у рта.

— Вы, русскіе, злодѣи, наши худшіе враги. Вы грязная сволочь! Можете Ѳхать, но въ третьемъ классѣ, говорю вамъ, а бытъ бы четвертый, такъ поѣхали бы въ четвертомъ...

Онъ подошелъ къ австрійцамъ, возмущенно смотрѣвшимъ на эту диковинную сцену, и поклонялъ имъ по плечу:

— Вотъ наши друзья. Вотъ молодцы. Мы любимъ ихъ. Вы, друзья мои, поѣдете въ первомъ классѣ.

Однако австрійцы преподали ему урокъ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ въ русскимъ консуломъ и его женой въ третьемъ классѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ твердо,—какъ Ѳхали до сихъ поръ, и отказываемся отъ льготъ.

Бѣсоватый болгаринъ растерялся, закусилъ губы и вышелъ.

Состоявшій при насъ адъютантъ коменданта, Сикуновъ, не пропускалъ случая показываться надъ нашимъ положеніемъ.

Пользуясь тѣмъ, что мы пѣши, онъ высказывалъ самыя необоснованныя и ужасныя обвиненія относительно самыхъ дорогихъ русскому сердцу лицъ. Онъ бранилъ русскихъ, насмѣхался надъ неудачами и цинично говорилъ: Русскіе не хотѣли намъ дать Македонію, теперь русскіе военно-плѣниые построятъ за насъ дорогу въ Царьградъ.

— Русскіе никогда не побѣдятъ,—говорилъ онъ въ другой разъ,—пока у васъ будутъ нѣмцы всюду. Вы говорите: они высланы въ Сибирь. Пустяки, у васъ воздѣхъ хозяйничаютъ нѣмцы: и будетъ то, что они захотятъ. Россія грозитъ наказать насъ за измѣну. Нѣмцы заключать миръ, а мы съ русскими помиримся: они до глупости неизлобивы.

Нашъ адъютантъ, вступавшій иногда со мной въ политической бесѣды, кричалъ:

— Мы побѣдимъ, мы и нѣмцы разобъемъ Россію. Она въ лицѣ Александра II и спасала-то насъ, потому что мечтала увеличить свою территорію. Россія всегда была и близорука, и глупа, всегда была подъ нѣмеckимъ вліяніемъ, и ей ли

сладить съ нѣмцами. Они—знаютъ, какъ заставить ее про-
сить мира.

Знаменитый германскій адмиралъ Тирпицъ, создатель германскаго флота, уволенъ въ отставку.

Тирпицъ предъявилъ ультиматумъ Бетманнъ-Гольвегу: „разрѣшить подводнымъ лодкамъ топить безъ разбора всѣ суда нейтральныхъ странъ, или онъ уходить въ отставку“.

На это канцлеръ заявилъ, что принятіе условій Тирпица равносильно объявлению войны всему свѣту.

Созванъ былъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера.

Бетманнъ-Гольвега поддержали престарѣлый фельдмаршаль Гезелеръ и Фалькенгайнъ. Кайзеръ тщетно пытался уговорить Тирпица отказаться отъ рискованной затѣи. Тирпицъ упорно стоялъ на своемъ.

Кайзеру не оставалось выбора, и пришлось принять отставку Тирпица.

„Новое Время“ приводитъ замѣтку, насколь яростно относится къ законопроекту о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ лидеръ кадетской партіи Милюковъ¹⁾:

„Прекрасно вѣль себя г. Милюковъ въ комиссіи по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Запросъ, выработанный подкомиссіей правительству о маріенбургскомъ госпиталѣ, Милюковъ совѣтовалъ предать забвенію, такъ какъ административныя лица, виновныя въ нѣмецкомъ попустительствѣ, уволены. Этимъ г. Милюковъ вводить прекрасный прецедентъ для будущаго: смѣняется должностное лицо,— и все значить въ порядкѣ: запросовъ никакихъ быть не можетъ. Въ вопросѣ, какъ быть съ торгово-промышленной подкомиссіей, предсѣдателемъ которой былъ Хвостовъ, который теперь отвлечень своими служебными дѣлами, г. Милюковъ предложилъ тоже простой выходъ: закрыть подкомиссію. По вопросу же о ликвидациіи нѣмецкаго землевладѣнія, внесенному въ Гос. Думу въ августѣ мѣсяцѣ, Милюковъ поступилъ еще проще: во время голосованія первого пункта законодательного предположенія демонстративно вышелъ изъ засѣданія подкомиссіи. При голосованіи же вопроса: распространять ли ликвидацио земельныхъ владѣній нѣмцевъ на всю Имперію или нѣтъ, онъ голосовалъ вмѣстѣ съ депутатомъ Масленниковымъ противъ

¹⁾ 6 марта с. г.

этого распространенія. Вотъ истинный другъ русскихъ нѣмцевъ, и жизнеописаніе г. Милюкова и всѣхъ присныхъ его, надо полагать, войдетъ во всѣ нѣмецкія хрестоматіи, будетъ переведено на русскій языкъ, и съ Божіей помощью, какъ это не разъ бывало, будетъ одобрено ученымъ комитетомъ для нашихъ гимназій".

Петроградскій обыватель убѣжденъ, что мы разгромимъ сначала австрійцевъ, а затѣмъ и германцевъ, но никакъ не увѣренъ въ успѣхѣ борьбы противъ нѣмецкаго засилья и въ какой бы то ни было побѣдѣ надъ прибалтійцами. Вопросъ этотъ остается на мертвой точкѣ, и его сдвинуть съ мѣста не придется. И вотъ почему. Заполненные прибалтійцами вліятельные посты разныхъ министерствъ, торговыхъ и акціонерныхъ предпріятій, а также россійские нѣмцелюбы неизмѣнно вставляли палки въ ту колесницу, на которой значится надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Нынѣ имъ явился надежнымъ союзникомъ нашъ прогрессивный блокъ.

Ни для кого не тайна, что въ Государственной Думѣ кадетская партія и ея лидеръ Милюковъ играетъ вліятельную роль и ихъ усиленіями былъ сформированъ прогрессивный блокъ, на платформѣ коего не значилась надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Лейбъ-мотивомъ къ этому послужило то обстоятельство, что не надо восстановлять одну народность противъ другой, умышленно забывая, что мы воюемъ теперь съ нѣмцемъ и нѣмецъ яшь настоящій врагъ, а по мнѣнію блокистовъ это засилье устранится само собою. Въ свое время, въ своихъ замѣткахъ, мы уже указывали на это явленіе, которое по достоинству будетъ оцѣнено патицеріантнымъ судомъ исторіи. Нынѣ же, чувствуя за собой такую могущественную поддержку, прибалтійцы и россійские нѣмцелюбы полѣзли на каѳедры Государственной Думы и Государственного Совѣта и начали поучать оттуда легковѣрныхъ россіянъ, какъ поступать съ вопросомъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Главными іезуитскими напѣвами всѣхъ этихъ рѣчей было то, что нѣкоторые печатные органы все преувеличиваютъ, что не надо натравлять одну народность на другую, что проступокъ одного лица не есть проступокъ цѣлой народности, и прочая и прочая.

При чёмъ гг. прибалтійцы, упоминая постоянно о своей лояльности, о службѣ, раненіи и смерти въ войскахъ россійскихъ, ни единаго слова не сказали въ опроверженіе того, что братья, племянники и дѣти прибалтійцевъ служатъ въ германскихъ войскахъ, получаютъ тамъ раненіе и смерть отъ русскихъ пуль, снарядовъ, русскихъ штыковъ и сабель.

Это обстоятельство будетъ правильнымъ приговоромъ исторіи надъ всѣмъ прибалтійскимъ вопросомъ.

Особенно поражаетъ петроградского обывателя въ настоящей сессіи Государственной Думы, когда прогрессивный блокъ достигъ апогея своего вліянія, это отношеніе къ извѣстному борцу противъ нѣмецкаго засилья князю Мансыреву. Послѣ его рѣчи послѣдовали по отчетамъ „Нового Времени“ 2 марта аплодисменты на отдѣльныхъ скамьяхъ, а по отчетамъ „Русскаго Слова“ 2 марта—апплодисменты справа. Налѣво гробовое молчаніе. Вотъ какъ большинство Государственной Думы относится къ вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Въ то же самое время рѣчь барона Мейндорфа по этому вопросу заканчивается рукоплесканіями слѣва. („Нов. Вр.“ отъ 9 марта).

Особаго сочувствія въ Г. Думѣ не встрѣчаетъ также рѣчь извѣстнаго борца противъ нѣмецкаго засилья Гольдмана, извѣстнаго организатора латышскихъ баталіоновъ, такъ блестательно сражающихся на рижскомъ фронтѣ.

Отсюда происходитъ чудовищное явленіе: князь Мансыревъ, не встрѣчая сочувствія въ Г. Думѣ,ѣздитъ по Россіи и читаетъ лекціи противъ нѣмецкаго засилья, разумѣется, встрѣчая неизмѣнныя препоны отъ предержащихъ прибалтійцевъ.

Изъ всѣхъ рѣчей въ Государственной Думѣ наиболѣе характерной была рѣчь кадета, барона Мейндорфа въ защиту прибалтійцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ, и его отвѣты князю Мансыреву и Гольдману.

Основная мысль барона была та же, какъ и всѣхъ кадетовъ и всего прогрессивнаго блока, что разъ существуетъ въ странѣ острая антипатія, острая вражда и острая подозрительность, то не слѣдуетъ натравлять одну народность

на другую, и что всѣ партіи въ взаимныхъ отношеніяхъ должны дѣлать взаимныя уступки ¹⁾.

Общую часть рѣчи съ указаніемъ, какъ надо поступать Россіи въ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, баронъ Мейендорфъ заканчиваетъ такъ:

„Вопросъ въ настоящую минуту заключается въ томъ, что если широкіе слои русского общества проникнуты чувствомъ недовѣрія, то всѣ ли способы борьбы допустимы безъ исключенія. Каковы должны быть средства борьбы съ этимъ засильемъ, которыя могутъ быть совмѣщены съ понятіемъ государства, съ другой стороны—съ понятіемъ христіанского государства и, наконецъ, съ задачами цѣлесообразности. Переставая бросать другъ другу упреки въ тайномъ германофильствѣ, вы, господа, дойдете до болѣе удовлетворительного выхода, если будете ограничивать свои споры, какимъ способомъ надлежитъ бороться“.

Значить, по мнѣнію барона, въ то самое время, когда въ войнѣ съ нами германцы проявляютъ всевозможныя, неслыханныя доселѣ по своему адскому злодѣянію, средства, Россія, внутри у себя, для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ: а) не можетъ допускать всѣхъ безъ исключенія способовъ борьбы, б) допускать для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ только тѣ средства, которыя могутъ быть совмѣстны съ понятіемъ христіанского государства; в) перестать бросать другъ другу упреки въ германофильствѣ и ограничить свои споры.

Въ общемъ мы не должны и не имѣемъ права внутри Россіи бороться противъ нѣмецкаго засилья всѣми средствами.

Относительно ликвидациіи колонистскаго движенія баронъ Мейендорфъ полагаетъ: „что тѣ два указа, съ которыми у насъ подошли къ разрѣшенію этого вопроса“, „не заключаютъ въ себѣ такие элементы, которые не могутъ украшать гражданъ нашего русскаго законодательства“.

Относительно провинившихся колонистовъ Мейендорфъ полагаетъ, что они заслуживаютъ строгой кары, затѣмъ баронъ обращается къ Государственной Думѣ съ просьбой о колонистахъ-нѣмцахъ: „моя просьба заключается въ томъ, чтобы эти колонисты, куда бы они ни были высланы, пользовались тѣми же выгодами и пособіями, которыя даются эвакуируемымъ жителямъ другихъ мѣстностей, т.-е. чтобы они включались въ списки лицъ, получающихъ по-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 3 марта с. г.

собіе¹⁾». Это надо дѣлать для тѣхъ колонистовъ, которые, по нашему мнѣнію, считаютъ своимъ фатерландомъ Германію.

Князь Мансыревъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ, что депутатъ Государственной Думы отъ Лифляндской губ. былъ оштрафованъ губернаторомъ за демонстративный разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, а когда князя спросили, кто это, онъ отвѣтилъ—баронъ Энгельгардъ.

Обмѣнъ мнѣній по этому поводу принялъ нѣсколько юмористической характеръ, который пришлось занести въ свои замѣтки обывателю.

Возражая князю Мансыреву по этому поводу, баронъ Мейендорфъ сказалъ:

— Баронъ Энгельгардъ во время войны былъ оштрафованъ за разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ въ публичномъ мѣстѣ. Это вѣрно, но разговоръ этотъ происходилъ съ охотничьей собакой, которая была воспитана до войны и перемѣны клички для нея еще не было. Какъ вамъ извѣстно, охотники часто говорятъ съ своими собаками на иностранныхъ языкахъ²⁾.

На это разъясненіе барона латышскій депутатъ И. П. Залить въ засѣданіи 8 марта отвѣтилъ такимъ образомъ:

— Заявленіе барона Мейендорфа собакѣ,—заявляетъ Залить,—напомнило мнѣ старое изреченіе Фридриха Великаго: „Я разговариваю съ Богомъ на латинскомъ, съ дамами—на французскомъ, а съ лошадью и съ собакой—на нѣмецкомъ языкѣ“.

Вообще, по словамъ латышского депутата, собаки въ Прибалтійскомъ краѣ съ самаго начала войны играютъ какую-то странную роль.

— Мнѣ вспоминается,—говорить Залить,—другая собака, которая въ 1914 году, по объявленіи нынѣшней войны, въ той же Лифляндской губерніи поднялась на заднія лапы и сорвала расклейенный экземпляръ официальнаго объявленія властей. Сначала думали, что это сдѣлалъ собственникъ животнаго, но, какъ потомъ оказалось, объявление не понравилось самой собакѣ³⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

³⁾ „Русское Слово“ 9 марта.

Интересенъ былъ также, между прочимъ, обмѣнъ мнѣній барона Мейендорфа съ княземъ Мансыревымъ по поводу барона Георга фонъ-Мантейфеля, а также съ Я. И. Гольдманомъ.

Князь Мансыревъ сказалъ слѣдующее:

„Въ январѣ мѣсяцѣ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ появилась корреспонденція изъ Курляндіи, въ которой авторъ высмѣивалъ житье-бытье освобожденныхъ отъ русскаго варварства бароновъ. Эта корреспонденція возмутила столпа прибалтійскаго дворянства бар. Георга фонъ-Мантейфеля, и въ отвѣтной корреспонденціи онъ пишетъ: „Берлинская газета издѣвается надъ курляндцами, забывая услуги ихъ нѣмецкому дѣлу, а между тѣмъ эти курляндцы еще во время революціи въ 1905 г. приступили къ заселенію нѣмецкими колонистами и рабочими изъ Германіи своихъ земель. Не ихъ вина, что это колонизаціонное движение простоянно. Тѣ же самые курляндцы, которые живутъ будто бы только интересами желудка, учредили сѣть нѣмецкихъ обществъ, въ которыхъ было 10 тыс. членовъ, которые устраивали школы, спасшія не одного курляндца отъ измѣны своему нѣмецкому народу. Наши женщины собирали сотни тысячъ рублей для колонистовъ и для распределенія ихъ между жертвами русскаго фанатизма и варварства. Многія изъ этихъ женщинъ со сланы за такое рвеніе служенія нѣмецкому дѣлу въ отдаленные края, въ восточную Россію и даже въ Сибирь. Всѣ сословія были объединены однимъ идеаломъ—сохраненіемъ нѣмечества въ прибалтійскихъ земляхъ. Можетъ быть, курляндцамъ жилось привольнѣе, чѣмъ нѣмцамъ жилось въ Германіи, но это потому, что борьба за существованіе въ Прибалтійскомъ краѣ была легка — балты не такъ требовательны въ смыслѣ роскоши и излишества. Остзейскіе нѣмцы меныше работали, но столько же зарабатывали, если они задерживали реформы въ городскомъ и земскомъ самоуправленіяхъ края, то только потому, что всякая реформа могла способствовать обрусьнію“¹⁾.

На это баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ:

„Наибольшее ваше вниманіе останавливало, вѣроятно, цитированное, правда, съ нѣкоторыми неточностями, письмо

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 мар. с. г.

барона Мантефеля, появившееся въ германскомъ органѣ „Берлинъ Тагеблаттъ“. Этю цитатою, которая содержитъ въ себѣ, я скажу, почти убийственное осужденіе настроенія прибалтийскихъ нѣмецкихъ дворянъ, онъ долженъ быть конечно поколебать въ васъ всякое чувство довѣрія къ нѣмецкому элементу. И въ газетахъ было подчеркнуто, когда это письмо въ русскомъ переводѣ появилось, что его слѣдуетъ преподнести барону Мейендорфу на веленевой бумагѣ, дабы онъ могъ убѣдиться, каковы дѣйствительно чувства тѣхъ лицъ, которыхъ онъ изображаетъ совершенно иначе.

По поводу этого письма даже въ той формѣ, въ которой оно, дѣйствительно, появилось, и безъ тѣхъ все-таки характерныхъ измѣненій въ русскомъ переводѣ, я долженъ сказать, что возлагать за это письмо отвѣтственность на все сословіе прибалтийскихъ дворянъ невозможно. Минѣ известно, что авторъ этого письма—человѣкъ молодой, приблизительно 26 лѣтъ, учившійся въ германскомъ университѣтѣ, даже среди своихъ товарищей-земляковъ вызывалъ уже стокновенія въ самой Митавѣ до войны, высказывая свои взгляды. Едва ли можно взгляды этого человѣка, не занимавшаго никакого общественнаго положенія, считать компрометирующими для всего сословія¹⁾.

Петроградскій обыватель можетъ къ этому прибавить, что изліянія подобныя письму барона Мантефеля о настроеніи прибалтийцевъ были выражены еще въ болѣе сильной формѣ въ лекціяхъ прибалтийца Сильвіо Бредрика въ Берлинѣ и другихъ городахъ и воспроизведены во многихъ нѣмецкихъ газетахъ и брошюрахъ, а также въ книгѣ барона Энгельгарда: *Die deutschen Ostseeprovinzen Russlands*

Я не буду приводить всей рѣчи известнаго знатока прибалтийскихъ порядковъ, известнаго латышскаго патріота Я. И. Гольдмана. Онъ между прочимъ охарактеризовалъ патріотическое настроеніе латышей, отстаивающихъ свою родину противъ германцевъ, однимъ словомъ „латышскіе баталіоны“ и затѣмъ сказалъ о борьбѣ противъ Германіи въ Россіи и Прибалтийскомъ краѣ такъ: „о дѣятельности земствъ мы все знаемъ, а о дѣятельности нашихъ гордыхъ прибалтийскихъ ландтаговъ ничего не слышно“.

Мы не будемъ приводить подробности рѣчи барона Мейендорфа противъ Гольдмана и укажемъ только ся

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

конецъ, который, по нашему мнѣнію, имѣть характеръ угрозы:

— Я прошу, — замѣчаетъ Мейendorfъ, — члена Думы Гольдмана не столь уже усердствовать въ своихъ нападкахъ, ибо онъ слишкомъ натягиваетъ струны. Онъ не долженъ забывать, что въ русскомъ обществѣ есть элементы, которые не выдержатъ долго этого напора ненависти. И если въ началѣ войны могло казаться, что наибольшимъ патріотомъ является тотъ, кто сильнѣе всѣхъ ненавидитъ пѣмцевъ, то, можетъ-быть, въ настоящее время у многихъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли ненависть къ пѣмцамъ является единственнымъ и безусловнымъ мѣриломъ любви къ Россіи? Нужно уважать русское общественное мнѣніе¹⁾.“

Вотъ что значитъ сознавать силу прогрессивнаго блока.

Развѣ послѣ всего выше приведенного о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ нельзѧ считать поставленной надъ этимъ вопросомъ мертвую точку.

11 марта. Въ то самое время, когда бои у Вердена развиваются въ грандіозную операцию, нѣмецкая печать, для отвода глазъ, печатаетъ такія утки:

Въ среднихъ числахъ марта ожидается прїездъ въ Вильну Вильгельма, который прибудеть, какъ усиленно распускаютъ слухи нѣмцы, для руководства какими-то серьезными операциами на виленскомъ фронтѣ. Къ прїѣзу кайзера берлинской тайной полиціей производится усердная „чистка“ города отъ „подозрительныхъ“ элементовъ. Ежедневно изъ Вильны выселяется по иѣсколько сотъ обывателей. Изгнанникамъ предложено селиться въ Радомской и Ломжинской губерніяхъ²⁾.

Видимо, что комиссія Государственной Думы весьма заботится о материальныхъ интересахъ пѣмскихъ колонистовъ, какъ это видно изъ прилагаемой статьи „Нового Времени“:

¹⁾ „Русск. Сл.“, 9 марта.

²⁾ „Нов. Вр.“ 11 марта.

Согласно правиламъ 13 декабря 1915 года, Крестьянскій банкъ, расплачиваясь съ нѣмцами за пріобрѣтеныя отъ нихъ земельныя имущества, долженъ быть выдавать имъ 4½-процентныя именныя обязательства, съ уплатою по имъ капитала не позднѣе 25 лѣть со дня выдачи. Комиссія же Гос. Думы постановила, во-первыхъ, сократить предѣльный срокъ уплаты капитала, и во-вторыхъ,—что болѣе всего странно,—увеличить доходность именныхъ обязательствъ до 5½ процентовъ, приравнивъ ее такимъ образомъ къ доходности билетовъ послѣднихъ внутреннихъ военныхъ займовъ.

Для того, чтобы понять, какіе отсюда произойдутъ результаты, необходимо имѣть въ виду, что заемщики Крестьянского банка, которымъ будутъ впослѣдствіи предоставлены пріобрѣтеныя имъ нѣмецкія имущества, будутъ вносить, по общему правилу, всего 4½ проц., и, следовательно, для уплаты нѣмцамъ дохода по именнымъ обязательствамъ, банкъ долженъ будетъ ежегодно приплачивать одинъ процентъ, чѣмъ, при общей миллиардной суммѣ обязательствъ, составить около 10 миллионовъ ежегоднаго оброка, который русское государство обязуется платить пѣмецкимъ колонистамъ за то, что, въ свою очередь, заставило ихъ продать захваченные ими русскія земли.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько вообще справедливо предоставлять нѣмцамъ доходъ, одинаковый съ тѣмъ, какой былъ опредѣленъ въ цѣляхъ успѣха нашихъ военныхъ займовъ, и который находитъ оправданіе въ томъ, что имъ воспользуются люди, принесшіе свои сбереженія на общество-государственное дѣло, можно было бы еще обратить вниманіе лишь на то, что этотъ доходъ оказывается чрезмѣрнымъ, даже если судить о немъ съ чисто житейской точки зрѣнія. Именно, въ связи съ войною, и, главнымъ образомъ, съ той же ликвидаціей нѣмецкаго землевладѣнія, во многихъ южныхъ губерніяхъ наблюдается въ настоящее время значительное паденіе арендныхъ цѣнъ, которая доходятъ порою до размѣра вчетверо меньшаго, нежели было передъ наступленіемъ войны. Но окончаніи ея онѣ поднимутся вновь не скоро и не сразу, такъ какъ для арендаторовъ изъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ откроется широкая возможность устроиться на бывшихъ колонистскихъ земляхъ черезъ посредство Крестьянскаго банка.—а земли эти, нужно замѣтить, въ пѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Одесскомъ

уѣздѣ, Херсонской губерніи, составляютъ почти три четверти всей площади частнаго владѣнія. Доходность земли окажется, такимъ образомъ, весьма низкой, и ее понизить еще, въ свою очередь, какъ установление общаго подоходнаго налога, такъ и постоянно увеличивающееся своимъ порядкомъ земельное обложеніе. Въ итогѣ русскіе владельцы едва-ли будутъ пользоваться болѣе чѣмъ 4½-процентной доходностью своихъ земель, и, пожалуй, съ зависи-
стю станутъ взирать на бывшихъ колонистовъ, которые окажутся въ гораздо болѣе выгодномъ материальномъ положеніи!

Вотъ къ чему могутъ иногда привести чрезмѣрно отвлеченные разсужденія на тему о „справедливомъ“ вознагражденіи и „справедливыхъ“ оцѣнкахъ.

„Вечернее Время“ устами своего сотрудника г-на Хаваза приводитъ интересное стихотвореніе „Думскій баронъ¹⁾“:

Какъ нынѣ собирается думскій баронъ
Помочь родовитымъ баронамъ,
И съ думской трибуны, отвѣсивъ поклонъ,
Довѣрчивымъ думцамъ нотацію онъ
Читаетъ внушительныйнмъ тономъ...
Стремителенъ духомъ, но вѣжливъ и тихъ,
Коварную тему затронувъ,
Баронъ превозносить собратьевъ своихъ,
Курляндскихъ, лифляндскихъ и всякихъ другихъ
Остзейского края бароновъ.
—Какая ошибка,—старается онъ,—
Считать ихъ врагами Россіи!
Въ славянскомъ народѣ остзейскій баронъ—
Какъ въ жгучей крапивѣ махровый ліонъ,
Какъ разумъ въ бездушной стихіи!
Въ остзейскомъ баронѣ Россіи оплотъ;
Его лишь умомъ и талантомъ
Для блага бароновъ она расцвѣтеть,
Въ нѣмецкой культурѣ спасенье найдеть
И станетъ вторымъ фатерландомъ!
Но если бароны, встрѣчая вражду,
Покинуть предѣлы Россіи,

¹⁾ „Веч. Вр.“ 11 марта 1916 г.

Она затрепещетъ, какъ грѣшникъ въ адѣ;
Для русской культуры, попавшей въ бѣду,
Наступятъ часы роковые!..—
Такъ съ думской трибуны текутъ, какъ рѣка,
Обильная рѣчи барона.
Задача барона, увы, не легка,
Но добрые думцы, зѣвая слегка,
Киваютъ ему благосклонно.
Ихъ мягкая душа растрогалъ баронъ;
Имъ сдѣлалось жалко бѣднагу;
И взоръ Милюкова слезой увлажненъ,
И съ жаромъ клянется содѣйствовать онъ
Остзейско-баронскому благу!..
Но въ этомъ, читатель, мудренаго нѣтъ:
Почтеніе къ нѣмцамъ питая,
И имъ подражая съ младенческихъ лѣтъ,
Мы видимъ лекарство отъ всяческихъ бѣдъ
Въ баронахъ Остзейского края!
Вотъ если бы русскій, полякъ иль латышъ
Явился въ нѣмецкомъ рейхстагѣ
И вѣдумалъ, нарушивъ цензурную тишину
И дерзко колебля нѣмецкій престижъ,
О русскомъ заботиться благѣ,—
Тогда бы скандалъ разразился кругомъ;
Рейхстагъ запыталъ бы, какъ кратеръ,
И дерзкій смѣльчакъ подъ всеобщій содомъ
Едва-ли съ трибуны сошелъ бы орломъ,
Какъ думскій остзейскій ораторъ!

Одна француженка рассказывала, что герой Вердена, генераль Петенъ, потому такъ слабо подвигался въ чинахъ, что былъ въ фаворѣ при правительстве Комба, считавшаго его ревностнымъ католикомъ. Петенъ началъ войну въ чинѣ полковника. Нынѣ, этотъ храбрѣйший изъ храбрыхъ генераль отличается особой религіозностью. Когда у него бываетъ свободное отъ службы время, то онъ посвящаетъ его молитвѣ и очень часто пріобщается. Подчиненные его обожаютъ.

12—15 марта. Въ „Вечернемъ Времени“ напечатано поучительное сообщеніе г. А. О.¹⁾ о томъ, какъ нѣмцы точно знаютъ, какъ у нась во время войны развивается химическая промышленность. Вотъ эти замѣчательныя строки:

Проф. Погодинъ въ одной изъ московскихъ газетъ изумляется.

Кто-то изъ его товарищей по университету, профессоръ химіи, рассказалъ, что онъ прочелъ въ нѣмецкой химической газетѣ подробное сообщеніе о развитіи нашей химіи во время войны и обѣ участіи въ этомъ дѣлѣ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Газета эта — „Chemiker Zeitung“, популярная, назойливая, юркая, повсюду проникающая газета. Въ этой газетѣ не только приводится сообщеніе о развитіи нашей химической промышленности, но и свѣдѣнія, зачастую изумительно подробныя о различныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ той или иной области химіи, металлургіи и примѣненіи электричества къ химической и металлической промышленности.

Этимъ занимается, впрочемъ, не одна „Chemiker Zeitung“, но и солидный журналъ „Berichte der Deutsch-Chem. Gesellschaft“. Къ августовскому и сентябрьскому выпускамъ этого журнала были приложены „французское“ и „англійское“ приложенія, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о новыхъ работахъ Тюрпена, Готтэрса и другихъ ученыхъ и практиковъ.

Кто могъ сообщить врагу такія свѣдѣнія? Зачѣмъ? — задается тревожнымъ вопросомъ проф. Погодинъ.

Сообщаютъ нѣмцы, количество которыхъ не уменьшилось, особенно у нась. Всѣ эти „дельбрюковскіе пруссаки“, двуподданные нѣмцы, носящіе русскіе чины и титулы и въ то же время заботящіеся о своихъ братьяхъ и сыновьяхъ, сражаются въ рядахъ германской арміи, свое дѣло дѣлаютъ, какъ дѣлали его и до войны. Пангерманскій союзъ, по сообщенію Андре Барра, имѣетъ въ 24 крупныхъ русскихъ городахъ свои отдѣленія, состоящія подъ предсѣдательствомъ влиятельныхъ лицъ, пользующихся кредитомъ и при берлинскомъ дворѣ.

1) „Веч. Вр.“ 12 марта с. г.

Кто разоблачилъ въ Россіи этихъ лицъ? Не пожимали ли мы имъ руку еще сегодня? Не сидѣли ли они рядомъ съ нами, когда мы обсуждали дѣятельность нашей химической промышленности, оцѣнивали новое изобрѣтеніе?

Приходится очень часто встрѣчать въ Петроградѣ мальчиковъ добровольцевъ, крошечнаго роста, въ возрастѣ, по ихъ словамъ, 13—15 лѣтъ, украшенныхъ георгіевскими крестами; мальчики бойко рассказывали о своихъ подвигахъ, но провѣрки правильности ихъ показаній не удалось сдѣлать.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ г. Филатовъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе имѣлъ ген. Радко-Дмитріевъ для обороны Риги.

Рижскій районъ, лѣвый флангъ восточнаго нѣмецкаго фронта, является опаснымъ мѣстомъ для германцевъ.

Чтобы укрѣпить свое положеніе, они все время пытались взять Ригу, но ея оборона была такъ организована генераломъ Радко Дмитріевымъ, что всѣ ихъ попытки оказались напрасными.

Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму общеземскаго съѣзда Государь Императоръ осчастливилъ кн. Г. Е. Львова слѣдующей телеграммой²⁾.

„Передайте собранію уполномоченныхъ всероссійскаго земскаго союза, что Я глубоко цѣню ихъ самоотверженный трудъ, одухотворенный вѣрою въ неминуемое торжество нашего праваго дѣла на пользу нашей дорогой арміи. Искренно благодарю всѣхъ дѣятелей земскаго союза за помощь, оказываемую имъ нашимъ воинамъ, въ размѣрахъ которой Я могъ лично убѣдиться при моихъ посѣщеніяхъ фронта.

„НИКОЛАЙ“.

---

¹⁾ „Рус. Сл.“ 15 марта с. г.

²⁾ „Новое Время“ 15 марта с. г.

Слова Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго ярко подчеркиваютъ ту помощь и тотъ самоотверженный трудъ, который оказывали арміи всѣ дѣятели земскаго союза.

По Петрограду часто мчится моторъ съ надписью „München“. Если онъ конфискованъ у здѣшнихъ нѣмцевъ, то почему владѣльцу его не пришло въ голову замазать краской сю нѣмецкую надпись?

Въ засѣданіи Государственной Думы отъ 14 марта¹⁾ октябрьстъ Милютинъ произнесъ поучительную и интересную рѣчь о подборѣ представителей нашей дипломатіи. Начавъ съ разбора промаховъ нашей дипломатіи, г. Милютинъ ведетъ свою рѣчь такъ:

— До войны,—мы не разъ тутъ слышали о русскихъ агентахъ за границей, почти не говорящихъ по-русски, грубо обращающихся съ тѣми, кто прибѣгалъ къ ихъ помощи, незнакомыхъ и не интересующихъ экономическими интересами Россіи. Такие же разсказы приходится слышать и во время войны. Изъ объяснительной записки вѣдомства видно, насколько измѣнился этотъ составъ. Я не знаю, многіе ли изъ этихъ лицъ носятъ нѣмецкія фамиліи, но всѣ эти неудачники, и русскіе, и нѣмцы, должны быть замѣнены подходящими людьми, знающими и любящими Россію. Что же касается такихъ отвѣтственныхъ постовъ, какъ директоръ канцеляріи, вѣдающей назначеніями пословъ и посланниковъ, какъ директоръ личнаго состава, какъ совѣтники политическихъ отдѣловъ, непремѣнныя члены совѣта ministra и сами послы и посланники, то при всемъ уваженіи къ лицамъ, замѣщающимъ сейчасъ эти должности, надо сказать, что они должны быть замѣнены людьми, носящими русскія фамиліи (Одобрительные возгласы) и извѣстными въ Россіи своею дѣятельностью. (Одобрительные возгласы и аплодисменты).

— Хотѣлось бы, какъ говорить бар. Мейендорфъ, чтобы на такихъ постахъ стояли лица, пользующіяся если не

---

1) „Новое Время“ 14 марта с. г.

всеобщимъ довѣріемъ, то хотя бы общимъ уваженіемъ, чтобы у власти не стояли люди, находящіеся подъ подозрѣніемъ явнаго или скрытаго германофильства.

Но принадлежа къ нѣмцеѣдамъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что тяжесть сдѣланнаго нашей дипломатіей ошибокъ одинаково ложится и на людей съ русскими фамиліями, но въ то же время должно засвидѣтельствовать, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ много лицъ съ нѣмецкими фамиліями, думающихъ по-нѣмецки и переводящихъ съ трудомъ на русскій языкъ свои нѣмецкія мысли. Такіе люди не могутъ быть хорошими русскими дѣятелями, хотя они и занимаютъ сейчасъ отвѣтственные посты.

И потому правы были тѣ русскіе чиновники дипломатического вѣдомства, которые отказались дать подпись, что они считаютъ всѣхъ носящихъ нѣмецкія фамиліи дипломатическихъ агентовъ вполнѣ заслуживающими оказываемаго имъ вѣдомствомъ довѣрія. Такой подпиской они взяли бы на себя всю отвѣтственность передъ страной.

Вотъ почему хотѣлось бы побольше русскихъ фамилій въ этомъ вѣдомствѣ, хотѣлось, чтобы поскорѣй были удалены съ соотвѣтствующихъ постовъ такія лица, какъ напримѣръ дипломатъ при одной нейтральной державѣ, о которомъ говорятъ, что онъ по дряхлости своей и во время войны продолжаетъ самыя дружественные отношенія съ дипломатическими представителями нашихъ враговъ.

— Вотъ почему мы радуемся,—продолжаетъ Милютинъ,— назначенію всякаго лица съ русской фамиліей и, привѣтствуя назначеніе посломъ въ Японію брата нашего уважаемаго докладчика, не можемъ отказаться отъ непріятнаго чувства, что обѣ этомъ назначеніи уже за два мѣсяца до самаго факта было извѣстно нѣмцамъ.

Теперь говорятъ, что въ нейтральную съ Германіей Швейцарію, гдѣ происходитъ особенно сильная агитация и гдѣ остро стоитъ вопросъ о контролѣ надъ ввозомъ и вывозомъ къ нашимъ врагамъ—назначается новое лицо опять иностранного происхожденія. Врядъ ли оно сумѣетъ справиться со своими задачами.

Напомнивъ отзывъ гр. Игнатьева о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, о томъ, что наши дипломаты гордятся своей индифферентностью и безпристрастiemъ къ русскимъ инте-

ресамъ, и отзывъ Бисмарка, который говорилъ, что онъ „не можетъ быть болѣе русскимъ, чѣмъ эти господа“— депутатъ замѣчаетъ:

— Близится время окончательной побѣды Россіи. Она вся изошла кровью, но бодрость и вѣра въ побѣду остались въ ней. Безстрашно съ раскрытої грудью стоять она передъ вѣроломнымъ безчеловѣчнымъ врагомъ и одного лишь боится въ душѣ: будущаго мирнаго конгресса. Что, если и на этотъ разъ Россія будетъ предана?

Самое сильное мѣсто этой рѣчи, обращеніе къ русскимъ нѣмцамъ, мы позволяемъ себѣ для наглядности воспроизвести отдельно:

— Мы знаемъ,—говорилъ Милютинъ,—что далеко не всѣ русско-подданные нѣмцы оказались предателями, но не имѣемъ возможности безошибочно рѣшить, кто изъ носящихъ нѣмецкую фамилію явится предателемъ и кто останется вѣрнымъ своему русскому отечеству.

— И вы, господа, русскіе нѣмцы, не судите насъ строго въ эту минуту за недовѣrie къ вамъ, къ вашимъ фамиліямъ. Слишкомъ долго и много мы вѣрили всѣмъ вамъ. Вы пользовались у насъ такими преимуществами, что и самъ Суворовъ просился въ нѣмцы. Мы любили васъ, вѣрили вамъ, учились у васъ, ставили васъ въ примѣръ себѣ, и потому намъ такъ неожиданно горько и тяжко, что между вами оказались предатели, о которыхъ насъ никто не предупреждалъ во-время. И если теперь своимъ, можетъ быть, неправильнымъ подозрѣніемъ мы обижаемъ васъ, поймите, что трудно намъ удержаться отъ этого, когда по вашей винѣ вся Россія одѣта въ трауръ и русской кровью залиты поля и лѣса, по которымъ въ сердце нашей родины проникла германская армія. (Продолжительные аплодисменты и одобрительные возгласы въ центрѣ).

Вы, оставшіеся вѣрными Россіи, можетъ быть, страдаете не меныше насъ. Но мы всѣ, у которыхъ сожжены дома и усадьбы, у которыхъ отъ разрывныхъ германскихъ шуль, отъ удушливыхъ газовъ, отъ голода и издѣвательствъ въ плѣну погибли отцы, сыновья и братья,— мы также страдаемъ молча, безъ жалобъ, не предъявляя никакихъ счетовъ и прося лишь объ одномъ: отойдите на время отъ отвѣтственныхъ постовъ, отъ власти, дайте намъ спокойно окончить войну, не опасаясь новаго удара въ спину. Нельзя требо-

вать отъ насть сохранить за всѣми вами довѣріе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается явной новая измѣна кого-нибудь изъ васъ!

Въ первую половину марта военные дѣйствія складывались слѣдующимъ образомъ: до 7-го марта развѣдки и артиллерійская и ружейная перестрѣлка. 7-го марта мы перешли въ наступленіе на лѣвомъ берегу Двины къ сѣверу и югу отъ Якобштадта, къ югу отъ Двинска, а также у озеръ Дрисвяты, у Видзъ, Поставы, у озеръ Нарочъ и Вишневскаго. Во всѣхъ этихъ районахъ мы брали окопы противника, отбивали его яростныя контръ - атаки и понемногу продвигались впередъ. Такъ продолжалось до половины марта. Въ Галиціи были небольшие бои па нижней Стырѣ и на Днѣстрѣ. На Кавказѣ продолжали тѣснить противника, взяли Исфаганъ, Махматулъ и Оффъ.

Въ „Развѣдчикѣ“ г. Логадинъ приводитъ интересный рассказъ добровольца дѣвушки о ея былой службѣ солдатомъ:

— Вы не знаете, дорогая, моей мамы... Она страшно строгая и серьезная... И папа также, да и вся наша семья получила особенно хорошее направление. Я окончила гимназію и поступила на высшіе курсы, выбравъ математическій факультетъ. Работала очень много, такъ что послѣ экзаменовъ чувствовала себя очень утомленной, и поэтому поѣхала къ своимъ въ деревню съ цѣлью отдохнуть. А тамъ, вдругъ, читаю, объявлена война и что ни день, то встрѣчаю сообщенія о поступленіи въ армію добровольцами родныхъ и знакомыхъ. Страшно повліяло на меня настроеніе, пробудившееся у общества, а потомъ захватило совершенно. Трудно вамъ описать все, что я перечувствовала и пережила въ это время.

— Это я понимаю,—задумчиво проговорила другая сестра,—я тоже испытала нѣчто подобное.

— Да, да. Это было особое напряженіе всѣхъ силъ, душевный подъемъ, требовавшій совершенія какого-либо необычайного подвига. Хотѣлось не труда во имя идеи, а именно отдать свою жизнь за эту идею. Вотъ почему у меня не появилась мысль идти въ сестры милосердія, а явилось желаніе поступить въ армію солдатомъ...

Страшная ненависть, злоба и, если хотите, кровожадность охватили меня цѣликомъ съ головой. Когда я сказала объ этомъ своимъ подругамъ, опѣ посмотрѣли на меня

какъ на сумасшедшую. Но мысль моя созрѣла и вылилась въ опредѣленное рѣшеніе поступить въ полкъ добровольцемъ, чтобы рука объ руку со всѣми идти въ битву на этихъ звѣрей-нѣмцевъ, которыхъ мнѣ хотѣлось уничтожить всѣхъ собственными руками...

Рѣшивъ, я сейчасъ же и приступила къ исполненію, уѣхавъ въ Петроградъ и сообщивъ дома всѣмъ, что поступаю въ армію... Проводили меня, какъ погибшую, заранѣе оплакавъ...

Перебирая своихъ знакомыхъ, я вспомнила одного дальнѣаго родственника, получившаго въ это время пѣхотный полкъ и выступавшаго съ нимъ на театръ военныхъ дѣйствій. И сейчасъ же выѣхала въ городъ, гдѣ мобилизоввался полкъ. Само собою, для командира полка моя просьба опредѣлить меня добровольцемъ (а я прїѣхала, купивъ себѣ все солдатское обмундированіе и переодѣвшись въ него) была не особенно пріятна. Но вѣдь ничего не подѣлаешь, родственныя отношенія заставили его ее исполнить...

Осмотрѣль онъ меня съ головы до ногъ и предупредилъ: „Смотри, Вѣра, тебѣ будетъ страшно тяжело въ полку среди солдатъ, лучше откажись отъ этой мысли“.

Я и сама понимала трудность своего положенія, но отказаться не хотѣла.

Принявъ добровольно на себя роль мужчины, бодро, хотя страшно робѣя, направилась я въ казармы, гдѣ и явилась въ качествѣ добровольца Ивана Марьина... Никто въ полку кромѣ командира полка не зналъ, что я дѣвушка... И тутъ-то началась тяжелая для меня жизнь.

Я все время боялась, что солдаты замѣтятъ мою грудь, и поэтому крѣпко забинтовала ее подъ рубашкой особымъ бинтомъ. Коротко остриженная голова дѣлала меня похожей на мальчика, и въ общемъ ничего не бросалось въ глаза, кромѣ рукъ. Но и руки я постаралась перепачкать при чисткѣ винтовки, саломъ и ржавчиною, а поэтому онѣ сдѣлялись также мало отличающимися отъ всѣхъ. Умывалась я, чтобы не смыть эту грязь, безъ мыла...

Все было ничего, пока полкъ двигался по желѣзной дорогѣ, муки настоящія начались въ походѣ, а еще хуже, когда назначили на позиціи. Какъ-то удивительно скоро появились на рубашкѣ насѣкомыя. Мыться я не могла, и они меня буквально съѣдали. Иногда плакать хотѣлось, но я выдерживала, скрипѣла зубами отъ страшнаго суда и не знала, куда дѣваться ночью... Бывало уйдешь, куда-нибудь

въ лѣсокъ, снимешь бинтъ и давай чесать все тѣло ногами... До крови расчешешь... Какъ я завидовала всѣмъ солдатамъ, имѣвшимъ возможность, снявъ свое бѣлье, заняться поисками въ немъ этихъ кровожадныхъ звѣрей.

Никто ни разу мнѣ ничего не сказалъ, и всѣ относились, какъ къ обыкновенному солдату, но мнѣ все время казалось, что каждое мое движеніе вызываетъ подозрѣніе. Солдаты вѣдь постоянно чертыхаются и ругаются ужасными словами. Первое время я краснѣла, а они меня звали барченкомъ... И въ этомъ я отъ нихъ отличалась, а меня это мутило, и я боялась ужасно, что у нихъ явится подозрѣніе...

И вотъ однажды я скрѣпя сердце во весь голосъ выругалась, хотя не совсѣмъ такъ, какъ они ругаются, а все-таки скверно выругалась. Затѣмъ чувствую, что готова провалиться сквозь землю, прямо дурно сдѣлалось, не могу ни на кого посмотреть, и мнѣ такъ стыдно, что я вся загорѣлась какъ въ огнѣ...

Мучительно, до боли стыдно.

— И неужели вы ругались какъ солдатъ? — съ сомнѣніемъ спросила слушательница.

— Ну, разумѣется... Но теперь вспомнить стыдно и непріятно.

Все это я перетерпѣла, лишь бы быть въ боевой обстановкѣ. Выстрѣлы, свистъ пули меня не страшили, и я къ нимъ относилась спокойно, но бывало лежишь въ цѣпи, а сзади кто-либо близко подползетъ, и мнѣ тогда начинаетъ казаться, что онъ разматриваетъ мою фигуру и видитъ, что я женщина.

Ходила наша рота не разъ въ штыки. Я видѣла убитыхъ, раненыхъ, кровь вокругъ, и это меня не смущало, напротивъ, я также кричала, размахивала прикладомъ, пробовала колоть штыкомъ и чувствовала, что во мнѣ пробуждается желаніе уничтожить врага и еще большее желаніе самой быть раненой, пролить свою кровь на защиту родины.

Но вотъ какая странность... Весь ужасъ войны не производилъ на меня почти никакого впечатлѣнія, а однажды, когда мы вошли въ мѣстечко, взятое нами послѣ кровопролитнаго боя, я увидѣла на одномъ дворѣ ребенка, лѣтъ двухъ—трехъ, убитаго шальюю ружейною пулею, тутъ мои первы не выдержали, и я, вѣжавъ въ сарай, упала на землю и зарыдала, оплакивая эту погибшую безъ всякой надобности жизнь.

День за днемъ промелькнули три мѣсяца, и настала осенняя непогода, а съ нею сдѣлалось еще тяжелѣе. Шинель, рубаха, шаровары намокали подъ дождемъ, но я сушила шинель, а рубаху боялась снять и она высыхала на мнѣ.

И несмотря на эти ужасныя условія мнѣ хотѣлось еще большихъ мученій. Я ни въ чемъ не хотѣла отличаться отъ остальныхъ солдатъ. Я испытывала невыразимо сладостное чувство, что защищаю родину и отдаю свою жизнь для ея благополучія и величія.

— Но, дорогая, я прямо изумляюсь вашему характеру... Вѣдь такая жизнь,—одинъ сплошной ужасъ... Какъ хватило у васъ силъ?

— Теперь, когда все это осталось въ прошломъ, я сама удивляюсь и мнѣ иногда кажется, что это былъ страшный, кошмарный сонъ.

— Ну, а почему же все-таки вы ушли?

— Видите ли я терпѣла, когда меня ъли насѣкомыя, крѣпилась, когда все тѣло покрылось струпьями и появилась вереда... Но постоянная носка мокраго платья не могла не отразиться на моемъ здоровѣ и у меня начались флюсы, заболѣли зубы, а потомъ появилась опухоль шеи, доставлявшая мнѣ ужасныя мученія... Держалась я недѣли двѣ, и возможно, что можетъ быть перемоглась, но тутъ уже вмѣшался ротный командръ. Увидѣла меня, а въ этотъ день я и говорить не могла, сидѣла закутанная и зубами щелкала.

Отправить въ госпиталь приказалъ и, не слушая никакихъ моихъ просьбъ, меня повезли въ околотокъ, а оттуда въ лазареть... Тамъ надо было раздѣтися, и волей, неволей пришлось признаться, кто я такая... Ну, разумѣется, сейчасъ же мнѣ дано было разрѣшеніе ъхать домой, и я въ тотъ же день направилась въ Москву, гдѣ въ это время жили мои.

Вы не можете себѣ представить ужасъ мамы и всѣхъ нашихъ, когда я ввалилась такая грязная, страшная къ нимъ въ домъ... Надо мною плакали, меня мыли, приводили въ порядокъ чуть не цѣлый день...

Когда же я переодѣлась въ женское платье, мнѣ показалось, что я воскресла, что я совершенно другой человѣкъ... Долго пришлось пролежать потомъ въ постели, перенести операцию, такъ какъ у меня осложнилась опухоль на шеѣ, и лишь черезъ мѣсяцъ я почувствовала возвращеніе силъ и энергіи.

— И въсѣ снова послѣ всего этого потянуло въ армію?

— Да еще какъ потянуло. Мѣста себѣ найти не могла. Прямо тоска, но только я сдалась на просьбу мамы и рѣшила поступить на курсы, а затѣмъ, прослушавъ ихъ шесть недѣль, была зачислена сестрой милосердія въ нашъ лазаретъ.

Но и здѣсь мнѣ хочется тяжелой, особенно тяжелой работы. Видя страданія раненыхъ, я хочу сама чувствовать эти страданія и сознавать, что я приношу имъ пользу и что я работаю для родины...

Рассказывали, что германцы не оставляютъ своимъ попеченіемъ наши магазины игрушекъ, куда они давнимъ давно поставляютъ свои товары. Теперь прїѣхали изъ Нюренберга оловянные солдатики наши и германскіе, всѣ въ походныхъ формахъ и на коробкахъ по-русски надписи „сраженіе при Ивангородѣ“, „Сраженіе подъ Осовцомъ“. Цѣна только иная: прежде коробка стоила 1 р. 50 к., а теперь 6 рублей.

Приводимъ произнесенную до войны рѣчъ Кайзера въ секретномъ засѣданіи Совѣта высшихъ чиновъ¹⁾.

Такъ озаглавлена одна изъ главъ книги William'a Le Queux подъ названіемъ „Германскіе шпіоны въ Англіи“. Авторъ известный англійскій политическій дѣятель, въ своемъ трудѣ, выдержавшемъ, кстати сказать, четыре изданія въ теченіе одного лишь мѣсяца, приводить массу интересныхъ фактическихъ данныхъ, доказывающихъ съ несомнѣнной очевидностью, какъ упорно и систематично готовилась къ войнѣ Германія, пользуясь, для этой дѣли, между прочимъ, услугами своихъ многочисленныхъ агентовъ, которые цѣлой сѣтью шпіонажа окутали почти весь міръ. Упомянутая глава, частичный переводъ которой мы даемъ ниже, интересна тѣмъ, что лишній разъ подтверждаетъ то, о чёмъ вспоминаемъ теперь даже камни, а именно: что главнымъ вдохновителемъ настоящей міровой войны надо считать, несомнѣнно, того, кто съ лживымъ словомъ

1) „Русское Зн.“ 9 мая 1915 г. и „Русский Инвалидъ“ № 88 с. г.

миролюбія на устахъ хотѣлъ умыть свои руки въ крови мирно настроенныхъ народовъ.

Авторъ приводить содеряніе того секретнаго документа, который ему удалось добыть во время своихъ путешествій по континенту. Документъ этотъ, въ видѣ рапорта, былъ представленъ британскому правительству и хранился въ архивахъ его секретной канцеляріи.

„Приводимыя ниже свѣдѣнія,--пишетъ William Le Queux,— я получилъ въ болѣе полномъ видѣ отъ одного моего близкаго друга, должностнаго лица германскаго правительства, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ кайзеру.

Вскорѣ послѣ пробы цеппелиновскаго дирижабля и признанія его вполнѣ пригоднымъ для военныхъ цѣлей было создано въ 1908 г., въ Потсдамѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Вильгельма, тайное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе: принцъ Генрихъ Прускій, представители руководящихъ государствъ германской имперіи, главные начальники арміи и флота, а также мой близкій знакомый, который доставилъ мнѣ эти свѣдѣнія.

Вильгельмъ появился на этомъ совѣщаніи, одѣтый въ морскую форму, съ блѣднымъ, рѣшительнымъ и нѣсколько нервнымъ лицомъ. Болѣе двухъ часовъ говорилъ онъ передъ собраніемъ о тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностяхъ, передъ лицомъ которыхъ стоитъ германская имперія, иллюстрируя свою рѣчь многочисленными географическими картами и диаграммами, а также нѣкоторыми прекрасно исполненными моделями воздушного корабля, предназначеннаго для предстоящей войны¹⁾. Сначала голосъ кайзера былъ почти не слышенъ, онъ выгляделъ угрюмымъ и измученнымъ.

¹⁾ Интересно отмѣтить слѣдующее. Германское правительство, несомнѣнно, узнало какими-то способами, что у меня имѣется полный текстъ этой рѣчи Вильгельма. И вотъ что затѣмъ произошло. Въ сентябрѣ 1908 г. я намѣревался напечатать книгу, доказывающую, что Германія замышляетъ войну. Въ связи съ этимъ я далъ для прочтенія моему другу, Eveleigh Nash, извѣстному издателю въ Англіи, нѣкоторыя законченныя уже главы моего труда вмѣстѣ съ рѣчью Вильгельма. Издатель въ моемъ присутствіи заперъ рукопись въ ящикѣ письменного стола въ своей частной квартирѣ, а не въ конторѣ. Каково же было его изумленіе, когда два дня спустя онъ открылъ столъ и увидѣлъ, что рукопись украдена. Несомнѣнно, что это дѣло германскихъ шпіоновъ, такъ какъ вслѣдствіе я достовѣрно узналъ, что мой манускриптъ находится въ архивахъ Берлинской тайной полиціи. Одно это обстоятельство доказываетъ, какъ сильно хотѣлось кайзеру скрыть свои милитаристические планы. Къ счастью, у меня остался второй экземпляръ его рѣчи.

„Господа,—началъ опъ слабымъ, хриплымъ голосомъ,— созывая васть сегодня вечеромъ на этотъ совѣтъ, я слѣдовълъ божественному предуказанію. Всемогущій Богъ всегда былъ великимъ и вѣрнымъ союзникомъ дома Гогенцоллерновъ, и въ Немъ, подобно моимъ августейшимъ предковъ, я ишу предуказаній и руководительства въ часъ нужды и опасности. Послѣ долгихъ часовъ пламенной и усердной молитвы свѣтъ, наконецъ, снизошелъ на меня. Вы, мои совѣтники, которымъ я вполнѣ довѣряю, и мои друзья, передъ которыми у меня нѣть никакихъ тайнъ, можете за свидѣтельствовать, что съ момента вступленія моего на прародительскій престолъ, моимъ самимъ пылкимъ желаніемъ было поддержаніе мира среди всѣхъ народовъ и культивированіе, на основахъ взаимнаго уваженія и довѣрія, дружбы и благорасположенія ко всѣмъ націямъ земного шара. Я знаю, что принятый мною способъ дѣйствій не всегда встрѣчалъ ваше одобрение и что во многихъ случаяхъ вамъ было бы пріятнѣе видѣть при моихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными націями примѣненіе кулака, забронированаго желѣзомъ, а не шелковой перчаткой, какъ это я дѣлалъ. И для меня было всегда источникомъ глубокой горести видѣть непонятными мои лучшія памѣренія, но тѣмъ не менѣе, стойкій и неуязвимый для нападокъ и воздействиія общественной цензуры и критики, и отвѣтственный только передъ Небеснымъ Владыкою за свои поступки, я спокойно продолжалъ дѣлать то, что считалъ своей священной обязанностью передъ отечествомъ. Вѣрный прусскимъ традиціямъ и дому Гогенцоллерновъ, я считалъ необходимымъ содержать великую армію и столь же великий флотъ, какъ самую лучшую гарантію мира. Въ нашемъ рвениі сохранить миръ, мы вынуждены были поэтому не отставать отъ нашихъ сосѣдей, которые все время увеличивали свои вооруженія; но теперь, повидимому, наступилъ предѣлъ нашему миролюбію.

Мы находимся нынѣ лицомъ къ лицу съ чрезвычайно серьезнымъ кризисомъ въ историческомъ развитіи нашей молодой имперіи. Благодаря тяжести налогового бремени и чрезмѣрному увеличенію издержекъ на жизнь, недовольство массъ приняло угрожающіе размѣры и заразило даже средніе и высшіе классы, которые до сихъ поръ всегда были самой вѣрной и надежной опорой монархіи. Но хуже всего то, что замѣтны уже несомнѣнныя признаки распространенія такого же недовольства и броженія и среди

войскъ и что въ полномъ ходу находится тайное, прекрасно организованное антимилитаристическое движение, рассчитывавшее на понижение и разстройство дисциплины въ государствѣ вообще и на возбужденіе открытаго неповиновенія и даже революціи среди моей арміи и флота. Судя по доносеніямъ агентовъ моей тайной полиціи, подобное же движение замѣтно и даеть себя чувствовать почти во всѣхъ государствахъ Европы; все указываетъ на тотъ фактъ, не допускающей теперь уже какихъ-либо сомнѣній, что мы имѣемъ дѣло съ международной революціонной организацией, поставившей конечной цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе троновъ и алтарей и установленіе повсюду республиканскихъ правительствъ.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ пріуменьшать серьезность настоящаго положенія. Въ послѣднюю сессію рейхстага было открыто признано за несомнѣнный фактъ, что среди германского населенія никогда еще раньше не существовало такъ много друзей республиканской формы правленія, какъ теперь, и что идея эта нашла себѣ почву и распространилась не только среди бѣдныхъ народныхъ массъ, но и среди зажиточныхъ классовъ, несмотря на мои строжайшія предписанія правительству подавить это движение въ самомъ его зародышѣ. Но фактъ все-таки остается, и я не могу игнорировать его.

Подобно рулевому военного корабля, который по бурнымъ на гребняхъ волнъ видить съ своего сторожевого поста приближеніе бури и предупреждаетъ объ этомъ своимъ крикомъ судовую команду, такъ и я зорко наблюдалъ за этими предвестниками грядущихъ государственныхъ потрясеній. Вопросъ о томъ, какъ найти почетное и удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы, былъ той задачей, которой я посвятилъ самое глубокое вниманіе въ теченіе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Я допускаю, что горизонтъ мраченъ, но мы не должны отчаяваться, ибо Богъ, нашъ великий союзникъ, далъ намъ въ руки средства спасти нашу имперію отъ опасностей, угрожающихъ ея счастію и благополучію. Вы знаете, что я хочу этимъ сказать. Я имѣю въ виду удивительное изобрѣтеніе графа Цеппелина, которое, съ помощью Бога, послужить для насъ надежнымъ средствомъ для самосохраненія и славы нашего возлюбленного отечества. Этимъ изобрѣтеніемъ Небесный Владыка далъ мнѣ въ руки вѣрное средство вывести Германію съ триумфомъ изъ настоящихъ затрудненій и

разъ навсегда осуществить на дѣлѣ слова поэта: „Deutschland, Deutschland über alles“. Да, господа, Германія выше и прежде всего на свѣтѣ, Германія—первая держава на землѣ, первая какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ; вотъ какое мѣсто, съ Божьяго соизволенія, я долженъ завоевать ей и завоюю съ помощью Всемогущаго.

Это—мое непреклонное рѣшеніе. Въ настоящее время, благодаря нашимъ воздушнымъ кораблямъ, мы непобѣдимы и можемъ вести войну, при желаніи, на вражеской территорії. Нѣть необходимости говорить, что если мы желаемъ поддержать наше превосходство и использовать его съ наибольшими для насъ преимуществами, мы не должны откладывать долѣе то, что необходимо сдѣлать. Вѣдь чрезъ нѣсколько лѣтъ нашъ добрый другъ, нашъ врагъ, можетъ обладать такимъ же, какъ нашъ, если не болѣе превосходнымъ флотомъ, спрашивается, что же мнѣ тогда дѣлать. Великобританія бросила намъ вызовъ. Теперь наступило наше время. Нападеніе всегда было наилучшей защитой, и тотъ, кто наносить ударъ первымъ, обыкновенно выходитъ торжествующимъ изъ борьбы. Найти выходъ для народнаго недовольства, заглушить растущія въ немъ республиканская симпатіи въ самомъ ихъ зародышѣ, пополнить нашу казну, уменьшить тяжесть налогового бремени—пріобрѣсти новыя колоніи и съ ними новые рынки для нашей заморской торговли...—всего этого и многаго еще другого мы можемъ добиться однимъ лишь нападеніемъ на Англію.

Вы не удивлены, господа, и по той радости, которая сіяеть на вашихъ лицахъ, я вижу, что мои слова нашли откликъ въ вашихъ сердцахъ. Наконецъ-то эта идея, которая пользуется такой популярностью среди большей части моего народа и пропагандой которой я такъ много обязанъ моимъ профессорамъ, учителямъ и другимъ вѣрноподданнымъ патріотамъ, должна стать фактъ,—фактъ, кото-раго, конечно, не предвидѣли эти англійскіе спекулянты на панику, когда они впервые начали запугивать весь міръ германскимъ нашествіемъ. Всѣ планы самыми заботливыми образомъ обдуманы и заготовлены нашимъ генеральнымъ штабомъ.

Другой Мольтке, достойный имени своего предка, покажетъ всему міру, что мы не почили на лаврахъ 1870 и 1873 г.г., а въ качествѣ первого условія мирнаго преуспѣянія неустанно готовились все это время къ войнѣ. Слав-

ныя дѣянія нашихъ побѣдоносныхъ армій, я это знаю и не боюсь сказать, снова повторятся и превзойдутъ себя на поляхъ Великобританіи и Франціи, обезпечивъ Германіи въ конечномъ реaultatѣ подобающее ей мѣсто во главѣ народовъ. Въ настоящій моментъ мнѣ нѣтъ необходимости входить въ подробности. Достаточно сказать, что сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія, чтобы, по одному слову, переправить въ Англію германскую экспедиціонную армію, способную покрыть своей численностью любую и даже всѣ вооруженныя сухопутныя силы, которая можетъ собрать и противопоставить намъ Великобританія. Для перевозки этой арміи мы должны разсчитывать, въ значительной степени, на флотилію быстроходныхъ кораблей Гамбургъ - Американской линіи и пароходства сѣверо-германскаго Ллойда,— этихъ двухъ преданныхъ отечеству компаний, многочисленные служащіе и агенты которыхъ, разсѣянныя по всему свѣту, доказали уже свое ревностное усердіе и преданность дѣлу имперіи и не разъ во многихъ затруднительныхъ случаяхъ помогали моему правительству своимъ тактомъ и разсудительной осторожностью. Г. Баллинъ, главный директоръ распорядитель Гамбургъ - Американской линіи, котораго я только-что нѣсколько дней тому назадъ принималъ въ Свинемунде на борту моей яхты „Гогенцоллернъ“, дѣйствительно великий человѣкъ и поистинѣ заслуживаетъ большаго, чѣмъ прозвища „Наполеонъ германского пароходства“, которымъ его окрестили энтузіасты-патріоты. Его энергичная дѣятельность и умъ способны на самыя трудныя дѣла, и, когда наступитъ день и часъ начать военные дѣйствія, онъ раскроетъ свои планы.

Само собой разумѣется, еще слишкомъ рано точно фиксировать то время, когда надо нанести ударъ противнику. Но я подамъ въ свое время необходимый сигналъ для нападенія, когда въ моемъ распоряженіи будетъ находиться достаточный флотъ изъ цеппелиновъ. Я отдалъ уже приказъ о сооруженіи въ наикратчайшій срокъ большого числа дирижаблей Цеппелина улучшенного типа, и, когда они будутъ готовы, мы разрушимъ и истребимъ англійскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ, Каналѣ и Атлантическомъ океанѣ, послѣ чего уже никакая сила не будетъ въ состояніи воспрепятствовать высадкѣ нашей арміи на Великобританскомъ берегу и ея триумфальному шествію въ Лондонъ. Вы помните, господа генералы, что восклинуль нашъ неизбѣженный фельдмаршалъ Гебгардъ Либкнехтъ фонъ-Блюхеръ,

смотря съ вершины собора Св. Павла на разстилавшуюся передъ его взорами панораму огромнаго города. Его возгласъ былъ кратокъ и мѣтокъ: „Что за великолѣпный городъ для разгрома”,—были его слова.

Вы пожелаете знать, какъ же разразится начало военныхъ дѣйствій. Я могу успокоить васъ на этотъ счетъ. Само собой разумѣется, намъ не надо будетъ ходить далеко, чтобы найти справедливый предлогъ для войны. Армія моихъ штатовъ, разсѣянная по Великобританіи и Франціи, Сѣверной и Южной Америкѣ, также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ германскіе интересы могутъ столкнуться съ чужеземными, позаботится обѣ этомъ. Я издалъ уже въ этомъ направленіи нѣсколько времени тому назадъ секретный приказъ, который въ надлежащій моментъ сдѣлаетъ то, что намъ нужно. Вамъ всѣмъ хорошо известно, что и въ настоящее время между нашимъ государствомъ, съ одной стороны, и Великобританіей и Франціей, съ другой, происходитъ борьба не офиціального характера, которая, стоитъ мнѣ сказать лишь одно слово, превратится въ офиціальную. Борьба эта станетъ для будущихъ поколѣй отправной точкой новой эры въ міровой исторіи, эры пангерманизма. Я ручался когда-то моимъ императорскимъ словомъ, что всякий германецъ, въ какой бы части земного шара онъ ни жилъ, имѣть неоспоримое право на мою защиту и покровительство. И въ настоящій торжественный моментъ я повторяю это обѣщаніе передъ вами, присовокупляя, что я не успокоюсь и не буду чувствовать себя удовлетвореннымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ страны и территоріи, которыхъ нѣкогда были германскими, или гдѣ теперь живетъ большинство моихъ бывшихъ подданныхъ, не станутъ снова частью великой страны-матери, признавъ меня своимъ высшимъ владыкой въ войнѣ и мирѣ.

Даже и теперь я являюсь высшимъ повелителемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ почти половина народонаселенія состоитъ изъ германцевъ по своему рожденію или происхожденію и гдѣ три миллиона германскихъ выборщиковъ творять мою волю на президентскихъ выборахъ. Никакая американская администрація не можетъ оставаться у власти, вопреки германскимъ избирателямъ, которые, благодаря известной удивительной организаціи Германо-Американской лиги С.-А. С. Ш., держать въ своихъ рукахъ контроль надъ судьбами обширной заокеанской республики. Если существовалъ когда-либо человѣкъ, достойный быть

увѣнчаннымъ высшими почестями изъ моихъ рукъ, то это—д-ръ Гекзамеръ, президентъ Германо-Американской лиги, который истинно можетъ быть названъ, съ моего соизволенія, дѣйствительнымъ повелителемъ всѣхъ германцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кто можетъ утверждать, что Германія когда-либо признавала доктрину Монроэ. Отвѣтъ на это былъ уже данъ ревомъ германскихъ пушекъ при бомбардировкѣ Санть-Карлоса, форта въ Венецуэлѣ. Близокъ тотъ день, когда мои германцы въ южныхъ штатахъ Бразиліи разорвутъ узы, связывающія ихъ пока съ республикой, и снова станутъ вѣрноподданными своего прежняго владыки. Въ Аргентинѣ, также какъ и въ другихъ южноамериканскихъ республикахъ, распространяется движение, носящее название Германского союза, то же положеніе вѣцей и въ южной Африкѣ, гдѣ, благодаря содѣйствію нашихъ колоній, развязка подготавляется сама собой въ полномъ согласіи съ послѣдними требованиями имперской политики. Съ помощью моего союзника, монарха Австро-Венгріи, я закрѣплю за Германіей твердое положеніе на Ближнемъ Востокѣ и, замѣтите, г-да, мои слова,—когда наступить день дѣлека турецкаго трона, Малая Азія, Сирія и Палестина, короче говоря, сухопутный путь въ Индію, станетъ нашей собственностью и германскій флагъ будетъ развѣваться надъ храмами Іерусалима.

Но, чтобы пріобрѣсти все это, мы должны раньше сокрушить Англію и Францію. Война будетъ непродолжительна, сурова и рѣшительна. Послѣ того какъ наши цеппелины приведутъ въ разстройство англійскій флотъ, мы не встрѣтимъ серьезного сопротивленія на британскихъ островахъ и будемъ въ состояніи, слѣдовательно, обрушиться почти со всѣми своими силами на Францію. Должны ли мы уважать нейтралитетъ Бельгіи? Въ царствованіе славнаго императора Карла V обѣ Голландіи и Бельгія составляли часть Германской имперіи, и наступить опять то время, когда онѣ снова окажутся въ томъ же положеніи. Намъ надо будетъ дать два-три дня рѣшительного сраженія на поляхъ Франціи, послѣ чего французское правительство, признавъ невозможность справиться съ помощью своихъ дезорганизованныхъ и мятежныхъ полковъ съ моими „звѣрьми“, вынуждено будетъ согласиться на продиктованныя мною условія мира. Послѣ этого карта Европы будетъ выглядѣть иѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Въ то время, какъ

будуть развиваться указанныя событія въ Англіи и Франції, наша союзница Австро-Венгрія будетъ держать на уздѣ Россію.

Имперія Царя все еще страдаетъ отъ послѣдствій своей несчастной войны съ Японіей и, слѣдовательно, не пожелаетъ еще разъ ожечь свои пальцы, тѣмъ болѣе, что она прекрасно сознаетъ, что принятіе ею противъ Германіи мѣръ, сколько - нибудь похожихъ на войну, сейчасъ же поведетъ къ новому взрыву революціи, результаты котораго чреваты непредвидѣмыми послѣдствіями. Такимъ образомъ, вы согласитесь со мною, у насъ нѣть причинъ бояться Россіи. Послѣ войны наступить время, когда намъ можно будетъ устроить надлежащимъ образомъ наши дѣла въ Америкѣ и показать нашимъ друзьямъ въ заокеанской республикѣ, что я не забылъ того урока, который адмиралъ Дэвей вадумалъ преподать мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу моего съ нимъ препирательства о Кастро. Если Господь Богъ пожелаетъ помочь намъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я вѣрю, что въ концѣ наступающаго года имперская казна будетъ съ избыткомъ переполнена золотомъ, которое вынуждены будутъ заплатить Великобританія и Франція въ видѣ вознагражденія за наши военные издержки, что недовольство нашего народа прекратится, что, благодаря приобрѣтенію нами новыхъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта, наша промышленность и торговля станутъ процвѣтать, какъ никогда, и что республиканскоe движение среди моихъ подданныхъ, столь противное моей душѣ, исчезнетъ навсегда.

Тогда, но не раньше, наступить время, когда можно будетъ говорить о разоруженіи и международномъ третейскомъ трибуналѣ. Вмѣстѣ съ Великобританіею и Франціею, поверженными въ прахъ, вмѣстѣ съ Россіей и Соединенными Штатами, находящимися въ моей власти, я установлю новый курсъ міровой исторіи,—курсъ, который разъ навсегда обеспечить за Германіей руководящую роль среди націй земного шара. Выполнивъ эту задачу, я сплочу затѣмъ всѣ народы бѣлыхъ націй въ могучій союзъ для борьбы, подъ руководствомъ Германіи, съ желтой опасностью, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Тогда, какъ и теперь, раздастся мой кличъ: „Германцы, впередъ“!

Таково содержаніе рѣчи Вильгельма. Замѣтки, которыя

лежать передо мной, описывают въ живыхъ краскахъ тотъ эффеќтъ, который произвела рѣчь кайзера на его слушателей.

Старый сѣдовласый генералъ фонъ-К. упалъ даже на колѣни передъ императоромъ, чтобы поцѣлововать руку, которую тотъ милостиво протянулъ ему.

„Воистину гласъ Божій говорилъ устами вашего величества“, воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи, „Господь Богъ избралъ ваше императорское величество своимъ достойнымъ оружіемъ разсѣять этотъ британскій кошмаръ на морѣ, отъ которого такъ долго страдала Германія, и Божья воля исполнится“. Какое богохульство!

Въ резулѣтатѣ этого совѣщанія, которое продолжалось около пяти часовъ до поздней ночи, кайзеръ пришелъ къ полному соглашенію и взаимному пониманію со своими совѣтниками на счетъ тѣхъ наилучшихъ путей и средствъ, при помощи которыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ возможно осуществить намѣченный планъ внезапнаго тайного открытия военныхъ дѣйствій“.

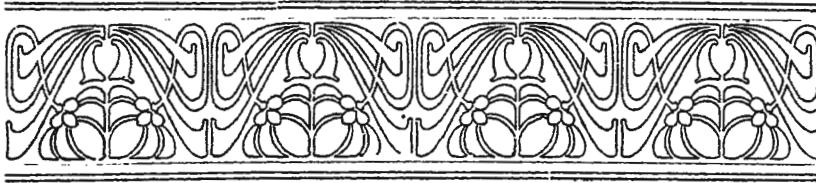
Для того чтобы передать потомству всѣ необычайныя злодѣянія, каковыми запятнали себя германскія войска во время настоящей войны была, Высочайше учреждена чрезвычайная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Кривцова.

Комиссія эта уже выпустила нѣсколько выпусковъ, гдѣ подлыя дѣянія германцевъ запротоколены показаніями свидѣтелей, съ приложеніемъ снятыхъ фотографій.

Чтеніе и разсмотрѣніе выпусковъ производить такое сильное впечатлѣніе, что снится ночью.

Вотъ посредствомъ какихъ раненій разрывными пулями кровавый кайзеръ мечталъ завоевать весь міръ.

П. В.

Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ.

Мои воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ относятся къ 1858—57 годамъ, когда онъ былъ профессоромъ педагогики, а я студентомъ Главнаго педагогического института. Педагогика не только считалась у насъ главнымъ предметомъ, но и была имъ на дѣлѣ, потому что читалъ ее самый талантливый изъ всѣхъ профессоровъ. Обладая необыкновеннымъ даромъ слова, Николай Алексѣевичъ до такой степени приковывалъ вниманіе слушателей, что мы, боясь проронить хоть одно слово, бросали перья и переставали записывать его лекціи, когда онъ намъ излагалъ цѣли воспитанія и важность ожидающихъ насть обязанностей.

Нужно замѣтить, что въ педагогической институтѣ, помѣщавшейся въ одномъ зданіи съ Петербургскимъ университетомъ, поступали только бѣдные студенты. Казна насть кормила и одѣвала, обязавъ насъ предварительно подпискою прослужить не менѣе 8-ми лѣтъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.—Мы знали, что насть ожидаетъ тяжелый, почти непосильный трудъ, двадцать четыре 1½ часовъыхъ лекцій въ недѣлю, ежедневное составленіе записанныхъ лекцій, частыя репетиціи, строжайшіе экзамены; знали, что неуспѣвшимъ въ наукахъ угрожаетъ ссылка въ уѣздные учителя, а кончившіе курсъ не имѣютъ права выбирать себѣ мѣсто и родъ занятій. Словомъ: мы были готовы къ труду и къ борьбѣ съ житейскими препятствіями; но о какомъ-либо призваніи къ педагогической дѣятельности у насъ, юношей 18—20 лѣтъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

И вотъ выходитъ молодой цвѣтущій здоровьемъ профессоръ, питомецъ нашего же института, и въ блестящей рѣчи, согрѣтой любовью къ своему предмету, излагаетъ намъ громадное значеніе воспитанія вообще и обученія въ частности; затѣмъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ ту страшную нравственную отвѣтственность, которая ожидаетъ насъ въ жизни. Послѣ первыхъ же лекцій Николая Алексѣевича мы выросли въ собственныхъ глазахъ и стали свысока смотрѣть на нашихъ университетскихъ сверстниковъ, которыхъ прежде завидовали.

Теперь, по прошествіи почти сорока лѣтъ, когда содержаніе его лекцій почти изгладились изъ моей памяти, я еще не забылъ того ободряющаго, живительного впечатлѣнія, которое мы выносили изъ этихъ лекцій. Независимо отъ блестящей формы изложенія, Николай Алексѣевичъ умѣлъ приковывать наше вниманіе интереснымъ содержаніемъ своихъ лекцій. Къ сожалѣнію, основанія педагогики, логику и психологію, преподавалъ не онъ, а протоіерей Солярскій, добрѣйший и почтеннѣйший человѣкъ, но философъ весьма слабый.

Но Николай Алексѣевичъ, излагая общія дидактическія правила и примѣненія ихъ къ частной методикѣ отдѣльныхъ предметовъ, постоянно останавливался на разъясненіяхъ тѣсной связи этихъ правилъ съ неизмѣнными психологическими законами. Благодаря ему, мы впервые ознакомились съ Коменскимъ и Песталоцци, дѣдомъ и отцомъ педагогики, а излюбленный имъ „Путеводитель“ Дистервега сдѣлялся моей настольной книгой на много лѣтъ.

Помню, съ какимъ увлеченіемъ Николай Алексѣевичъ возвратившись изъ ученой командировки, разсказывалъ намъ о состояніи учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ. Помню, съ какимъ энтузіазмомъ говорилъ онъ о предстоящей у насъ реформѣ женского образованія.—По окончаніи курса я уже ни разу не встрѣчался съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Его самого уже давно нѣтъ на свѣтѣ, но его дѣтище, женская гимназія, живы и понынѣ, а старые его ученики, знавшіе его лично, никогда его не забудутъ.

Н. Авенаріусъ.

Александръ I въ Архангельскъ.

Архангельскъ 31 іюля 1819 года.

Госпожа Екатерина Яковлевна писма¹⁾ ваши и Гаврилово получиль ежели станете отправлять Гаврила не забудьте отправить лисицы и песцы бѣлые и голубые всѣ. Буди у васъ Дмитрій овчинникъ не согласится потдѣлать вы съ нимъ можете поговорить или послать к нему. Здѣсь просятъ по 50 к. с лисицы потдѣлать; правда годъ самый неторговой нелучшили ихъ оставите до зимы для выручки денегъ: кажется и вы нерезонно занели деньги, и купили муку у васъ осталось до новой съпроемъ довольно: мука лишняя не принесеть выгодъ при хорошем урожае хлеба, а лутчебы купили дешевой смолы деньги надобно силно биречь потому что капиталъ остается въ доскахъ. а доски в продажу не идутъ останутся на рукахъ. Гаврило чтобы взялъ атtestатъ винопродавца на имя Михаила Князева. Князеву скажите чтобы взялъ ежели же Гаврило упыны атtestатъ на винопродавца Михаила Князева пошлите соказией атtestатъ должно взять на 1820 годъ.

Государь суда пріѣхалъ 28 числа в понеделникъ вечеромъ въ 12-мъ часу выходитъ. На границѣ выгона велено встрѣтить Полицеместера, у заставы коменданту, военному губернатору и прочимъ всѣмъ военнымъ, морскимъ, граж-

¹⁾ Ореографія подлинника.

данскимъ чиновникамъ и всему гражданству. У собору. Государь прибыль къ аргангельскому выгону на границу полицеместеръ доложилъ у Бранта на заводѣ приготовленъ домъ для вечерняго чаю. Государю угодно было заѣхать въ домъ и перенадется и выпить чашку чаю. Въ соборѣ въ тотъ часъ начался благовѣсть. Государь пріѣхалъ къ заставѣ въ Монастырѣ и у Благовѣщенія начался звонъ потомъ и въ соборѣ. Городъ быль и кругомъ собору люменованъ Стеченіе народу было многочисленно. Государь ѿѣхавши въ открытой коляскѣ съ княземъ Волхонскимъ, военнай губернаторъ и всѣ чиновники стоеvши въ рядахъ по обѣ стороны у воротъ ограды по мосту втретели Государя съ приветствiemъ изъ благополучнаго цути. Государь шелъ впереди и кланялся. У церковнаго крылца встреченъ Архимандритомъ со крестомъ и духовенствомъ поцеловавши крестъ и шелъ въ церковь. За здравіе Государя и его фамилію протодіяконъ прочиталъ ектенію и послѣ пѣви пѣли задостойникъ Архимандритъ сказа отпускъ протодіяконъ выкличку пѣви многая лѣта. Поцѣловавши крестъ и шедши изъ церкви чиновники на мосту становились въ реды напередъ шелъ Полицеместеръ учреждалъ дорогу и за нимъ военный губернаторъ въ небольшомъ разстояніи Государь за Государемъ его свита изъ трехъ особъ Волхонской, Меньшиковъ и Соломка гражданской и вицъ губернаторъ и чиновники. Народъ кричалъ ура. Государь безпрестанно кланялся и быль веселъ. Ростомъ немногого военнаго нашего губернатора поменьше но всѣмъ тѣломъ полонъ, мундиръ нетакъ сщеголеватой поношеной кавалерія 4 степени георгія и обыкновенная медаль серебреная всевидящее око. Более не имелъ ничево и звезды очень проста надеть волосы припудрены. Сель въ коляску и поехалъ въ Брантовской домъ народъ весь за нимъ, которой быль домъ весма хорошо освещенъ. Государь сверхъ чаянія на то пріятность выходилъ три раза на балконъ народъ кричалъ ура. онъ кланялся и благодарили за усердной нарада пріемъ и такъ 28 числа день кончился. 29 поутру восемь часовъ Государь пріѣхалъ на парадное место и разводъ начался съ полной музыкой. Государь сказалъ люди хороши научены худо и прежде Государя Меншиковъ Шульцу сказалъ что Государю вашъ полкъ непондравился. При разводѣ были выбраны люди однако ничево..... одново баталіонново командинра приказалъ арестовать и подъ караулъ послать на гаварахту за двухъ пьяныхъ солдатъ. После быль въ военной

гошпитале и в .... сиротскомъ военномъ оделеніи. Былъ в соборной церкви в гимназіи поехалъ в шлюпкѣ на кеостровъ на кеострове осматривалъ то мѣсто гдѣ Петръ Первый полаткой стоялъ былъ в томъ доме у наследниковъ гдѣ Петра 1-го квартира была дома уже нетъ того но наследники сохранили строенія Петра I-го деревянный немалой крестъ и ковшикъ серебренной Жалованной Петромъ дѣду ихному. Мужикъ налиль ковшикъ своимъ пивомъ и поднесъ Государю извенялся что онъ кроме пива нечево не имѣеть. Государь пива выпилъ из ковщика стоканъ и хвалиль крестьянъ и женщинъ о нарядахъ называлъ наоцныальнымъ русскимъ. Со многими говорилъ и обратился вечеромъ въ свою квартиру 29 числа день темъ кончился. 30 числа Середа по утру въ 9 часовъ былъ у взвода морскимъ матросамъ ихъ офицерамъ объявилъ благодарность за исправность. После выехалъ в оспитательной домъ в приказъ опшественного призренія осмотрѣль заведеніе въ гарнизонной лазаретъ и мастерскіе осмотрѣвши. Отобедалъ у себя въ шлюпке. Поехалъ въ гавань гдѣ комерческие корабли выстроены были въ двѣ линіи многихъ державъ разноцветные выпущены флаги матросы были верху по реямъ и по вантамъ кричали ура. Народъ по берегу бежали до моей биржи. Въ семь часов учрежденъ от общества у Олденопа в доме балъ. Государь пріехалъ исправности в 11-ть часовъ вечера и былъ на балѣ 1 $\frac{1}{2}$ часа.

30 число окончено.

31 числа Четвертокъ утро опшество собралось к дому въ 8 часовъ и благодарили. Государь былъ весель и доволенъ Селгину капитану над портомъ и Лухониву оне равные чины имѣютъ вицъ адмирала пожаловалъ кавалерами Анны 1 степени Шамарину Владимира 4 степени Любушину Анны 4 степени Сказываютъ всехъ роздано 20 разныхъ ковалеріевъ но непомню сказать и не знаю обрубы противъ Архангельска приказалъ на казенный счетъ отдать. Мосеевъ островъ быками обставить чтобы его сохранить от ледовой воды. С мещанъ Архангельскихъ 20 годовъ подати не брать с мелкихъ судовъ и съ дровъ именно будетъ сказано водяныхъ не взыскивать. Для полку сколько поступило опшественныхъ казармъ и последние приказалъ выстроить отъ казны и полкъ постоеемъ будетъ содержатсе на казенной счетъ. Государь въ 12 часовъ прибылъ в Одмиралтеиство к спуску одною корабля и второво фрегата. Оба были спущены в одинъ часъ скатились очень хорошо

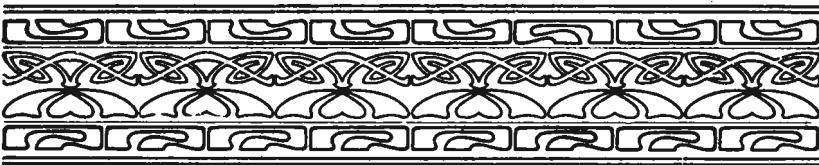
После Государь заложилъ одинъ фрегатъ и пошолъ по мастерскимъ разнымъ в адмиралтействе и в домъ военнаго губернатора отобѣдать. Вечеромъ велено собраться всемъ в соборъ и Государь прибудетъ в соборъ и сбору в обратной путь по Петербургской дороге только привернетъ в Ширшу осмотрѣть казенные заведенія. 31-е число окончено.

1-е Августа Государь будетъ обѣдать въ Холмогорахъ. Оставить Архангельскъ однако хотели опшество или дѣпутаты просить остатся до Воскресенья, но не думая чтобы Государь на пустую прозбу согласится и даромъ время терять. Сие я разсказываю не вамъ однимъ а и темъ кто хочетъ знать но все по скорости после будеть пояснене.

Еще потверждая вамъ Гаврила Подосенова отправите ежели получите у господина исправника деревцо и другое свое а нето одно свое отправите чтобы в дороге ветромъ не сломилось здѣлать утвердительне. и подвезать веревочками сверху оправить лучки сверхъ вершины чтобы в холодное время не озноить также за однемъ попутьемъ отправите лисицы все и песцы всякаго разбору хотя дѣтемъ будеть маленкимъ шубка есть черные бархатные мои воротники и новой лоску

П. Едемскій.

Дневникъ И. И. Шамшина

Въ бумагахъ скончавшагося въ 1912 году члена Государственного Совѣта, сенатора И. И. Шамшина сохранился дневникъ, веденный имъ въ десятилетнѣмъ возрастѣ, когда онъ былъ ученикомъ 1 класса гимназіи. Дневникъ этотъ—тетрадка въ $1/16$ долю листа сърой бумаги, не совсѣмъ грамотно написанный дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ; начальные и послѣдніе листы дневника частью не существуютъ, частью истлѣли отъ времени.

Сохранившійся отрывокъ изъ дневника ученика перваго класса С.-Петербургской первой гимназіи Ивана Ивановича Шамшина¹⁾.

1848 года.

Пятница 5 марта.

Утромъ опять ходили гулять на дворъ. Первую репетицію я повторялъ уроки. Въ первый часъ Шифнеръ поставилъ 4; второй часъ я началъ у Павла Петровича 2-кой

¹⁾ Членъ Государственного Совѣта И. И. Шамшинъ родился 21-го августа 1837 г., образованіе получилъ въ 1-й С.-Петербургской гимназіи и Императорскомъ Александровскомъ лицѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 г. Въ должности оберъ-секретаря Правительствующаго Сената участвовалъ въ 1864 г. въ ревизіи сенатора Жданова, затѣмъ послѣдовательно занималъ должность товарища предсѣдателя и предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, предсѣдателя департамента С.-Петербургской судебнай палаты, статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, а съ 1 ноября 1879 г. сенатора. Въ 1880 г. ревизовалъ Саратовскую и Самарскую губерніи, затѣмъ исполнялъ обязанности почетнаго опекуна, былъ управляющимъ межевою частью, а въ 1896 году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался 4 января 1912 года.

батюшка меня не вызывалъ. Въ рекреацію я повторялъ нѣмецкое. Шуманъ поставилъ мнѣ 3. Вторую репетицію я дѣлалъ русское и французское. Во время рекреаціи я игралъ. Послѣднюю рекреацію я дѣлалъ географію. Въ рекреацію я писалъ свой дневникъ. Послѣ молитвы, видѣвшись съ братомъ, я легъ спать.

Суббота 6 марта.

Во время репетиціи я занимался какъ обыкновенно. Первый часъ Лючъ меня спрашивалъ, но не знаю, сколько онъ мнѣ поставилъ. Второй часъ Мосягинъ поставилъ мнѣ 5. Третій часъ у насъ было рисование. Во время рекреаціи я связывалъ мои книги. Слѣдующій часъ я получилъ отъ Lampoin 5. Послѣ я поѣхалъ домой.

Воскресеніе 7 марта.

Я былъ дома, провелъ время очень весело и въ половинѣ девятаго поѣхалъ въ гимназію. У насъ сегодня дежурили Бугъ и Крейцеръ.

Понедѣльникъ 8 марта.

Этотъ день я провелъ, какъ всѣ другіе дни; ничего замѣчательнаго не случилось. Вторую рекреацію приходилъ ко мнѣ братъ. Это время, въ которое мы съ нимъ говорили, было для меня пріятнѣйшее время изъ этого дня. Во время рекреаціи я говорилъ съ нѣкоторыми изъ нашего класса. Они мнѣ рассказывали, какъ проводили время на каникулахъ и проч. Послѣднюю рекреацію мы опять говорили. Послѣ молитвы я видѣлся съ братомъ и легъ спать. Эту ночь я провелъ очень хорошо. Руское—4, Латинское—4.

Вторникъ 9 марта.

Нынче началась весна. Этотъ день у меня болѣль жизнь. Это было мнѣ очень непріятно потому, что не могъ ни говорить, ни играть съ товарищами. Весь этотъ день у насъ ждали Государя, но онъ не пріѣхалъ. Къ вечеру мнѣ стало легче. У кого-то изъ 3-го класса мы достали Пушкина сочиненіе и читали его. Мы читали о Дмитріѣ Самозванцѣ, какъ онъ сзывалъ поляковъ, чтобы они шли на Россію и остановились на томъ, какъ онъ открылся Маринѣ, дочери одного поляка, который принялъ его въ свой домъ потому, что онъ самозванецъ.

Послѣ молитвы я легъ спать и провелъ очень спокойно эту ночь. Географія—4, французское—5.

Среда 10 марта.

У меня прошелъ животъ. Я былъ этому очень радъ потому, что могъ играть съ товарищами. Я очень весело провелъ этотъ день. Все было какъ всегда. Французское—5, латинское—4.

Четвергъ 11 марта.

Нынче мы ходили на дворъ. Но къ 8 часамъ нашли тучи и все испортилось. Нынѣшній день я былъ очень веселъ. Вечеромъ ко мнѣ присылали и я былъ очень радъ, когда узналъ, что дома всѣ здоровы. Ничего замѣчательнаго не случилось. Французское—5, русское—5, латинское—4.

Пятница 12 марта.

Мы опять ходили на дворъ. Нынче было очень холодно. Этотъ день былъ для меня лучше всѣхъ въ недѣлѣ. Классы были самые пріятные. Я получилъ хорошія отмѣтки. Во вторые часы былъ самый лучшій классъ. Я съ нѣкотораго времени теперь очень люблю рисовать. Потомъ былъ въ первые часы Законъ Божій. Мнѣ очень пріятно, какъ батюшка намъ разсказываетъ. Приготовленіе уроковъ на слѣдующій день такъ легко. Я сдѣлалъ ихъ въ полторы репетиціи. Послѣ молитвы я видѣлся съ братомъ и легъ спать. Нѣмецкое—4.

Суббота 13 марта.

Мы опять ходили на дворъ. Ничего замѣчательнаго не случилось, кромѣ того, что былъ почетный и остался доволенъ. Послѣ 4-хъ часовъ поѣхалъ домой. Русское—4, французское—5.

Воскресеніе 14 марта.

Я былъ дома и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 15 марта.

Весь этотъ день мнѣ было чрѣзвычайно скучно. Мы ходили на дворъ утромъ, послѣ обѣда и послѣ чаю. Мы ожидали Государя, но онъ не прїхалъ. Я нынѣшній день получилъ довольно хорошія отмѣтки, чemu я былъ очень радъ. Русское—4, латинское—4, нѣмецкое—4, математика—4.

Вторникъ 16 марта.

Я этотъ день провелъ очень весело. Мы опять какъ и вчера ходили на дворъ. Погода была превосходная. Ничего такого не случилось. Географія—4, французское—5.

Среда 17 марта.

Нынѣшній день случилось происшествіе очень приятное для всѣхъ настъ. Послѣ рекреакціи мы пошли въ классы. У насъ долженъ бы быть Lampoin. Вдругъ онъ прибѣгаешь и говоритъ, что пріѣхалъ Государь. Онъ тотчасъ вызвалъ Гернгроса и меня къ доскѣ. Мы писали анекдотъ о Эзопѣ. Онъ (Государь) вошелъ къ намъ въ классъ, а за нимъ все старшее отдѣленіе. Третій и второй классъ стояли въ коридорѣ. Онъ меня спросилъ: „Эзопъ ли я?“—я ему отвѣчалъ: „нѣтъ“ и потомъ Онъ спросилъ: „въ спинѣ у тебя пусто или много?“ Я ему сказалъ: „пусто“. Онъ меня ударилъ по плечу и пошелъ въ залу. Тамъ онъ спросилъ Захарова: „Эзопъ ли онъ?“.—Тотъ также отвѣчалъ: „нѣтъ“. Потомъ спросилъ, какъ его фамилія. Наконецъ, какъ Онъ уѣзжалъ, Ему одѣли шинель, отворили коляску и посадили Его туда. Послѣ я пошелъ въ пріемную. Инспекторъ¹⁾ началъ разсказывать директору²⁾, какъ пріѣзжалъ Государь. Онъ говорилъ: я стоялъ здѣсь. Вдругъ закричали: „Государь, Государь!“. Я тотчасъ застегнулся и пошелъ къ Нему. Потомъ Онъ пошелъ въ шестой классъ, спросилъ „который это классъ?“ Я Ему отвѣчалъ, что это шестой классъ. Потомъ Онъ подошелъ къ пятому классу и спросилъ: „чему здѣсь теперь учать?“ Инспекторъ сказалъ: „Нѣмецкому языку“. Тогда Государь сказалъ: „нашему русскому брату не свойственъ нѣмецкій языкъ“. Наконецъ, Онъ пошелъ въ больницу. Тамъ разспрашивалъ больныхъ. До этихъ поръ директора здѣсь не было, но онъ въ это время подошелъ и инспекторъ пересталъ разсказывать и директоръ поѣхалъ къ попечителю спросить, до какихъ поръ настъ распустить. Послѣ 4 часовъ, когда онъ пріѣхалъ, настъ распустили до 18 числа вечера. Латинское—4.

Четвергъ 18 марта.

Весь этотъ день я провелъ очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

¹⁾ Бардовскій.

²⁾ Калмыковъ.

Пятница 19 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Меня никто не вызывалъ потому, что только и было два класса. Одинъ изъ нихъ, а именно законъ Божій, мы были въ церкви, а второй классъ у насъ не было Шумана. Весь этотъ день погода была хорошая; мы ходили послѣ обѣда и чаю на дворъ. Послѣ обѣда я ходилъ смотрѣть отмѣтки. Мнѣ было очень пріятно, когда я узналъ, что мнѣ отъ всѣхъ гувернеровъ 5. Ничего такого не случилось. Я легъ спать съ желаніемъ, чтобы пришли завтра скорѣй четвертые часы, чтобъ выхать домой.

Суббота 20 марта.

Погода была весь этотъ день очень хорошая. Утромъ и послѣ обѣда ходили на дворъ, но я ни тотъ, ни другой разъ тамъ не былъ. Въ рекреаціи я ходилъ съ Lampoin и собирая мои книги. Эта рекреація прошла для меня очень скоро. Я сосчиталъ, что уже прошло семь мѣсяцевъ и тринацдцать дней, какъ я поступилъ сюда. Наконецъ прошли четвертые часы и я поѣхалъ домой съ большою радостью. Географія—4, русское—4, французское—5.

Воскресенье 21 марта.

Весь этотъ день я былъ дома, провелъ очень весело. время и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 22 марта.

Этотъ день мнѣ было вовсе не скучно, какъ всѣ другіе дни. Мнѣ казалось, что теперь четвергъ. Я получилъ этотъ день довольно хорошія отмѣтки и когда ложился спать то задремалъ и мнѣ казалось, какъ будто я дома. Эту ночь я провелъ очень хорошо и пріятно и притомъ я приготовилъ всѣ уроки къ завтрашнему дню. Русское—4, нѣмецкое—4, англійское—4.

Вторникъ 23 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Ничего такого не случилось. Во время рекреаціи я ходилъ на дворъ играть съ Храповицкимъ въ стѣнку. Однимъ словомъ провелъ очень хорошо. Географія—4, французское—5.

Среда 24 марта.

Я провелъ очень весело этотъ день, получилъ очень хорошия отмѣтки и въ 5½ часовъ поѣхалъ домой. Въ это время дома у меня родилась сестра. Ее называли Еленою. Математика и латинское—4, нѣмецкое и французское—5.

Четвергъ 25 марта.

Я былъ дома, провелъ время очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Пятница 26 марта.

Этотъ день мнѣ было очень скучно. Уроки къ завтрашнему дню были трудные, но я ихъ сдѣлалъ всѣ. Погода этотъ день была порядочная. Ничего такого не случилось. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашихъ четвертыхъ часовъ, чтобыѣхать домой. Латинское—4, Законъ Божій—5.

Суббота 27 марта.

Я весь этотъ день провелъ очень весело. Ходили на дворъ, но я не ходилъ. Въ 4 часа я поѣхалъ домой. Ничего такого не случилось.

Воскресенье 28 марта.

Весь этотъ день я былъ дома, провелъ очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 29 марта.

Вотъ уже и вербная недѣля. Еще 14 дней и Свѣтлое Христово Воскресеніе. Я весь этотъ день провелъ очень весело. Я только и ждалъ и думалъ весь этотъ день, какъ бы пришли скорѣе апрѣль и съ нимъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Такжѳ этотъ день строилъ воздушные замки и въ такихъ занятіяхъ и думахъ время прошло очень скоро и я не замѣтилъ какъ скоро прошелъ день.—Русское—4, математика—5.

Вторникъ 30 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Погода была очень хорошая. Этотъ день меня вызывалъ Лоховъ, но онъ не ставилъ отмѣтокъ, а Lampoin спрашивалъ насъ глаголъ, и переводы и нѣкоторые читали. Вторую репетицію мы обыкновенно читаемъ у Крейцера, но этотъ день не читали потому, что у него болѣла голова. Намъ передъ обѣдомъ показывали различные опыты электричества. Сначала стрѣляли изъ воздушного пистолета; но я не видаль, какъ это дѣлали. Потомъ насъ поставили въ кругъ и мы держались руками. Талызинъ вынесъ какую-то банку, сдѣлалъ что-то съ нею и у насъ жили какъ будто стянулись. Вечеромъ я смотрѣлъ у Фука отмѣтки. Этотъ день прошелъ у меня также незамѣтно, какъ и вчерашній.

Среда 31 марта.

Это послѣдній день въ этомъ мѣсяцѣ. Я нынче вспомнилъ, что хотѣлъ привезти сюда всѣ мои книжки, но забылъ. Я также позабылъ привезти Робинсона для Захарова. Этотъ день Шуманъ поставилъ мнѣ 2, а Lampoin поставилъ 5. Этотъ день въ послѣднюю репетицію послѣ ужина, шестой классъ былъ въ физическомъ кабинетѣ передъ ужиномъ, а послѣ ужина вертѣли круглое стеклянное колесо и оттуда высакивали искры. Этотъ день я легъ въ половинѣ девятаго потому, что я ожидалъ брата, а они не были на молитвѣ и вышли изъ физического кабинета въ $\frac{1}{2}$ 10 ч. Я, ложась спать, строилъ воздушные замки.

Четвергъ 1 апреля.

Этотъ день обыкновенно обманываютъ. У насъ обманули Шифнера и Мосягина. Мосягину сказали, что на доскѣ написано 1 апрѣля, онъ взглянулъ, а тамъ ничего не было. Шифнеру сказали, что послѣ третьихъ часовъ роспускъ. Я обдувалъ многихъ. Я разъ сказалъ Захарьину, что Порой-Котецъ пишеть что-то на бумажкѣ въ стихахъ, а когда онъ пришелъ посмотретьть, то я ему сказалъ: „1 апрѣля“. Такимъ образомъ прошелъ день очень весело и незамѣтно. Я получилъ хорошія отмѣтки. Нынѣшній день должно быть рожденіе моей покойной сестрицы Маріи; но ея теперѣ нѣтъ; она уже въ Царствіи небесномъ. Помяни ее Господь Богъ!

Мои отмѣтки нынѣшній день: изъ французскаго—5, изъ русскаго—4. Если вывести результатъ— $4\frac{1}{2}$.

Изъ Робинзона Крузе.

Блаженъ стократъ, кто въ дни страданья
 Былъ твердъ и духомъ не упалъ,
 Не думалъ, чтобы свое созданье
 Творецъ когда позабывалъ.
 Молись Ему Молитвы сладость
 И горе превращасть въ радость.
 Кто вѣрить въ милосердье Бога,
 Чья мысль Ему посвящена,
 Тому житейская дорога
 Не будетъ никогда страшна.
 Кто съ упованьемъ Бога просить,
 Легко тотъ крестъ житейскій поситъ.
 Кто горюетъ въ горѣ
 Терпнть горе вдвое.

Пятница 2 апреля.

Этотъ день я провелъ очень весело. Я послалъ домой письмо и узналъ, что все здоровы. Нынѣшній день я видѣлся три раза съ братомъ. Онъ мнѣ далъ въ послѣдній разъ, какъ я съ нимъ видѣлся, веревки. Я нарисовалъ картинку;—землю поправилъ Алексѣевъ и прибавилъ, а остальное поправилъ Лабунскій и сдѣлалъ дерево...

Книги, вышедшие по истории и истории литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 года.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собрание сочинений. Подъ ред. В. Ф. Саводника. Вып. 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (Пименовская, с. д.), 8° (15×22) VI+81 стр. Ц. 30 к. Весь 10 л. 2.050 экз.

Гурвичъ, Георгій. „Правда воли монаршій“ Теофана Прокоповича и ея западно-европейские источники. Подъ ред. проф. В. Ф. Тарановского. (Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевскаго унів.“). Юрьевъ 1915. Тип. Маттисенъ. 8° (16×24). IX+111 стр. Ц. 70 к. Весь 12 л. 300 экз.

Егоровъ, Д. Н. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизация Мекленбурга въ XIII в. Т. П. Процессъ колонизаціи. М. 1915. Тип. Московская худож. печатня (Трехпрудный пер., 9) 8° (17×24) XXVII+614 стр.+2 карты. Ц. 5 р. Весь 3 ф. 600 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 58-й. ПГ. 1915. Тип. Главнаго Управліенія Удѣловъ (Моковая, 40). 4° (20×29) 152 стр. съ 9 табл. и 78 рис. Весь 1 ф. 10 л. 900 экз.

Лилюевъ, М. Изъ истории поповщинского раскола (Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Киевской духовной Академіи“). Киевъ 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 112 стр. Ц. 70 к. Весь 10 л. 100 экз.

Очеркъ Исторіи Чехіи. Пер. съ чешскаго ПГ. 1915. Изд. 2-е, Славянск. благотвор. общества. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій, кан., 45). 8° (15×23). 14 стр.+2 карты. Ц. 1 р. Весь 23 л. 1.200 экз.

Таубе, И. А., проф. Исторические корни теперешней войны въ эпоху императоровъ Александра I и Николая I. Новая библиотека. М. 1916. Изд. изд. из-ва Наша Жизнь (Б. Дмитровка, 17). Тип. Москов. Художественная Печатня (Трехпрудн. пер., 9) 16° (9×14). 64 стр. Ц. 10 к. Весь 2 л. 8.000 экз.

Бемъ, А. Л. Къ исторіи изученія Толстого. 1. Толстовскія общества и ихъ издательская дѣятельность. 2. Обзоръ библиографическихъ работъ о Толстомъ. (Библиографический сборникъ. Т. 1, вып. 3) ПГ. 1916. Изд. Русского Библіологич. общества. Тип. Государственная, 8° (18×26). 112—167 стр. Ц. 1 р. Весь 7 л. 600 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Стихотворенія. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. М. 1915. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославль). 16° (14×19). XL+615 стр. Съ 1 портр. Ц. 3 р. 0 к. Весь 1 ф. 15 л. 1.500 экз.

Любимовъ, С. Опытъ историческихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе. Зотовы и Остерманы. ПГ. 1915. Тип. Андерсона и Лойянскаго (Вознесенскій пр., 53). 8° (16×24) 108 стр. Весь 14 л. 100 экз.

Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзальскаго. ПГ. 1915, Изд. И. М. Раевского. Тип. М. А. Александрова, (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×26). XXV+776 стр. съ рис. Вѣсъ 6 ф. 15 л. 600 экз.

Котляревскій, Несторъ. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроений въ радикальныхъ кругахъ того времени. ПГ. 1916. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8⁰ (16×25). XI+560 стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 5.000 экз.

Русскіе литографированные портреты неизвѣстныхъ лицъ. ПГ. 1915. Тип. тов. Р. Голике и А. Вильборгъ. 16⁰ (11×15). 2 нен. стр.+ 24 портрета Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Сборникъ къ 80-лѣтію рожденія Григорія Николаевича Потанина. Избранные статьи и біографический очеркъ. Томскъ. 1915 Тип. Сибирскаго Товарищества Печатнаго Дѣла (Уг. Дворян. и Ямск. пер., с. д.). 8⁰ (18×27). XXXI+113 стр. съ 1 портр. Вѣсъ 3 с. 20.000 экз.

Толстовская бібліографія за 1913 г. (Обзоръ русскихъ книгъ и современныхъ изданій). Подъ ред. А. Л. Бема. ПГ. 1915. Изд. Толстовск. музея въ Петроградѣ (В. О., Большой пр., 6). Тип. Научное дѣло (Загородный, 74). 8⁰ (17×24) X+54 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Арсеньевъ, В. С. Письма: Императрицы Александры Феодоровны, гр. Каподистрій, гр. Поццо ди Борго, гр. Алопеуса и кн. Коаловскаго, (Русскій Архивъ 1915 г.). М. 1915. Тип. Синодальная. 8⁰ (18+26) 385—393 стр. Вѣсъ 2 л. 70 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вып. 18-й ПГ. 1915 Изд. Шиповникъ. Тип. Сиріусъ. 4⁰ (23×30). 90—168 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 5.200 экз.

Бертенсонъ, Левъ. Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣковѣ. (Отд. оттискъ изъ журнала „Русская Мысль“, октябрь 1915 г.). М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнаревъ и К° (Пименовская с. д.). 8⁰ (16×25). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Извѣстія отдѣла русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ 1915 г. Тома ХХ-го книжка 3-я. Содержаніе: I. Б. В. Варнеке. Замѣтки о народной драмѣ. II. Н. П. Шоповъ. Нѣсколько разъясненій къ слову о чудѣ св. Клиmenta надъ отрокомъ. III. Н. Ванъ Дейкъ. Къ интонаціи праславянскихъ падежей на IV. Г. Плакисъ. Къ исторіи литво-латышскихъ интонацій, V. Г. А. Ильинскій. Звукъ ch въ славянскихъ языкахъ. VI. Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу объ изученіи соціальной стороны жизни языка. VII. И. Квачала. Первый философскія занятія Я. Гуса и новое критическое изданіе сочиненій Виклифа. (Wyclif Society). VIII. П. М. Копко. Иаслѣдованіе о языке Пандектовъ Антіоха XI в. I—IX. IX. В. П. Адріанова, Къ исторіи легенды о странствующемъ жидѣ въ старинной русской литературѣ. X. Н. Столпянскій. Старый Петербургъ. Августъ Вицманъ—одинъ изъ былыхъ петербургскихъ педагоговъ конца XVIII вѣка. ПГ. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8⁰ (17×25). 358 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 815 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія и словарь. М. 1916. Изд. 8-е, кн-ва Школа (Спирidonовка, 14) Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. (Крестовоздв. и. с. д.). 8⁰ (18×26). VIII+466 стр. Ц. 1 р. 65 к. Вѣсъ 25 л. 10.000 экз.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНИЙ
„ДЕКА“
бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К°.

Правлениe и Заводъ въ Петроградъ, Аптекарскій Островъ,
 Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.
 Société Française Radio-Electrique, Paris.
 J. Cocard, constructeur, Lille.
 Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.
 Электрические насосы, вентиляторы и лебедки.
 Распределительные устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радіотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудование радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланныхъ и кавалерийскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 периодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожекторы стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К°, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.
 Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.
 Керосино и бензино-динамо.
 Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авиационныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудования воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конные, паровые и моторные лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военного воздухоплавательного дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи. Подъ ред. А. С. Сивявскаго. Вып. X. Екатеринославъ. 1915 г. Тип. Губ. Земства. 8⁰ (17×25). XXXII+385+96+2 стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 6 л. 400 экз.

Любимовъ, С. В. Князя Назаровы. Отчетъ поколѣнной росписи. (Отд. оттиски изъ „Трудовъ Тульской губ. ученой Архив. комиссіи“). Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 16⁰ (17×25). 13 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣшаго Правительствующаго Сената. Т. XVIII (1738 г.). ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 5⁰ (21×31). V+2628 стр. Вѣсь 5 ф. 9 л. 900 экз.

Опись выставленныхъ въ цользу лазарета школы народнаго искусства Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны памятниковъ русскаго театра изъ собранія Л. И. Жевержеева съ предисловіемъ Н. Н. Евренинова, вступ. ст. И. Н. Божерянова, П. П. Гнѣдича, С. М. Надеждина, Н. К. Рериха и приложеніемъ опыта словаря декораторовъ, состав. В. Я. Степановы. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ. 8¹ (17×24). XXII+102 стр. Вѣсь 22 л. 1.000 экз.

Нападимитріу, С. Д. Еще о мѣстоположеніи древней Одессы. (Отд. оттиски изъ „Записокъ Имп. Одесского об-ва исторіи и древ.“). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (Херсонская, 15). (20×27). 8 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Закаспійскаго кружка любителей Археологіи и исторіи Востока. Вып. I. (1914—1915 г.). Асхабадъ. 1915 г. Тип. И. И. Александрова. 8⁰ (16×25). 53 стр. Вѣсть 10 к.

Пятидесятілѣтие Высочайше утвержденной комиссіи по разбору и описанію Архива Святѣшаго Синода 1865 — 1915 г. Историческая записка ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×27). VI+454 стр. съ портр. Вѣсь 2 ф. 2 л. 500 экз.

Скабаллановичъ, Е. И. Къ біографії М. Е. Салтыкова-Щедрива. (Отд. оттиски изъ II книги „Трудовъ Тульской губ. Ученой Архивной комиссіи“) Тула. 1915 Тип. Е. И. Дружининой (Кievская, 18). 8⁰ (17×25). 8 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Уходящая Русь. Въ цвѣтныхъ гравюрахъ на линолеумѣ И. Н. Павлова. М. 1914. Изд. Кніг-ства Печатничь Ю. И. Лепковскаго (М. Бронная, 4). Тип. Рисунки, тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.) клише и печать Шереръ, Набгольцъ и К^о № (39×53). 6 гравюръ. Вѣсь 1 ф. 5 л. 500 экз.

Черепининъ, Н. П. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Исторический очеркъ 1764—1914 г. Т. II и III. ПГ. 1915. Тип. Государственная. 4⁰ (20×29). 671+III+754 стр. Съ рис. и портр. Вѣсь 12 ф. 20 л. 1.200 экз.

440 засѣданіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 3 октября 1915 г. Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса. 4⁰ (20×29) 12 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢ-НДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подпіска принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подпіска привимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подпісчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подпісавшимися въ редакції.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подпісчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присыпать въ редакцію заявление о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подпісчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ девегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т.-е. пересылку по почтѣ и надлежащей гербовой сбортъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдовавія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкій.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; призванныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1916 г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подьяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

АВГУСТЪ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. За пятьдесят лѣтъ (воспом. Глѣбовой)	VII. Земская реформа 1864 года и ея послѣ- дующія измѣненія. В. Смирнова . . . . .
Сообщ. П. Скуратовъ	209—245
II. Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ В. Гайдукова	VIII. Тому сто лѣтъ. В. Ключаревъ . . . . .
171—174	243
III. Авантуристъ начала XVIII вѣка. (Изъ исто- рии приема иностран- цевъ на рус. службу) К. Н. Арнольди	XIII. Казанская старина. Павель I въ г. Козмо- демьянскѣ. В. П. Грузинцева . . . . .
175—191	244—246
IV. Старинное слово о живомъ словѣ. Н. П. Сентюрионой	X. Замѣтки Петроград- скаго обывателя во время русско-нѣмец- кой войны. П. В. . . . .
192—202	247—260
V. Изъ размышленій историка. (Литера- тура о П. П. Сумаро- ковѣ). С. В. Разу- мовскаго	XI. Къ портрету рядового Турабаева . . . . .
203—208	319
	XII. Библиограф. листокъ на обложкѣ . . . . .

Приложение: Портретъ рядового Турабаева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1916 года.

К. А. Военскій. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Петроградъ. 1915 г.

Прежде чѣмъ приступить къ изложению письма, К. А. Военскій съ особымъ, свойственнымъ ему искусствомъ, излагаетъ знаменательный пріѣздъ Лористона въ Тарутинскій лагерь такъ прекрасно и отчетливо, что по этому описанію можно было бы написать картину. Тутъ же приводится письмо Наполеона къ Кутузову слѣдующаго содержанія: Князь Кутузовъ Я посылаю къ Вамъ одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ для переговоровъ по важнымъ предметамъ. Я желалъ, чтобы Ваша Свѣтлость повѣрили ему, что онъ Вамъ скажетъ, особенно же когда онъ выразитъ Вамъ чувство моего особеннаго уваженія къ особѣ Вашей. При чемъ молю Бога, дабы Онъ сохранилъ Вашу Свѣтлость подъ своимъ Святымъ покровомъ. Наполеонъ. Москва. 3 октября 1812.

Лористонъ не сразу былъ допущенъ въ Тарутинскій лагерь. Послѣ значительного промежутка времени, онъ и отправленный навстрѣчу къ Лористону Волконскій прибылъ въ Тарутинскій лагерь къ Кутузову, который имѣлъ съ вимъ наединѣ разговоръ. Послѣ этого Лористонъ возвратился обратно, а кн. Волконскій повезъ Александру I известное письмо Кутузова, съ описаніемъ переговоровъ съ Лористономъ.

Послѣ этого авторъ излагаетъ содержаніе самого письма очевидца событія. Онъ рисуетъ событія и обстановку пріѣзда Лористона схоже съ дѣйствительностью, передаетъ положеніе нашихъ войскъ, ихъ настроеніе, разговоры военачальниковъ, свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ и предположенія о грядущемъ миѳѣ. Небольшая книжка эта читается съ большимъ интересомъ.

Вѣнокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старинны. Петроградъ. 1916 г.

Въ статьяхъ А. Ф. Кони, И. П. Вейнера, С. Л. Бертенсона, В. А. Верещагина, А. Н. Бенуа, С. Ф. Ольденбурга,

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редакція журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.

Книгопродающимъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

Рядовой Стрелкового полка Бирхмань Турабаевъ.

За пятьдесят пять.

(Воспоминания г. Глебовой).

Глава 4¹.

Начались правильные уроки танцевъ. Позиціи и первые пріемы я усвоила очень скоро. Дядя былъ очень доволенъ мною, и я очень скоро начала разучивать характерныя па. Особенно хорошо мнѣ удавался чардашъ. Преподаваніе обыкновенно начиналось послѣ обѣда, по возвращеніи его съ занятій. Утро и день мы были предоставлены самимъ себѣ. Свои познанія я передавала сестрѣ. Не знаю, была ли я плохимъ педагогомъ или у сестры не было способностей, но она воспринимала все очень туго, чтоб меня весьма огорчало. Когда мое преподаваніе заканчивалось, мы съ сестрой отправлялись до обѣда гулять. Тутъ я входила въ роль нянѣки, одѣвала сестру, осматривала, оправляла ее, и мы, какъ взрослые, но вяявшихись за руки, гуляли по улицамъ. Разъ даже заблудились и съ трудомъ нашли свой домъ.

За обѣдомъ я ухаживала за сестрой, кормила ее, вытирала ей губы, носъ и подкладывала кушанья. Первое время мнѣ было пожирительно дико не слышать руготни, не ощущать побоевъ. Я все это считала неотъемлемымъ, необходимымъ въ моей жизни; мнѣ казалось, что всѣ папаши на свѣтѣ такъ обращаются со своими дѣтьми и что иного обращенія, иной жизни быть не должно. Всѣ люди должны учиться, а стало быть и мой папаша училъ меня и поступалъ такъ, какъ поступать надлежитъ. И только по прошествіи нѣкотораго времени я поняла, что

¹⁾ См. „Русскую Старину“ юль 1916 г.

значить свободы, ласковое обращеніе, и жизнь май стала казаться пригляднѣй, пріятной, и въ головѣ зародились съ новой силой мысли о томъ, что я буду артисткой, но теперь я себя представляла танцующей чардашъ, если и не блондинкой, все-таки съ голубыми глазами. Къ дядѣ приходили знакомые, и онъ иногда просилъ меня пропанцевать что-либо въ ихъ присутствіи; всегда просилъ и никогда не заставлялъ угрозами или приказаниемъ. Такимъ образомъ я привыкла къ танцамъ при постороннихъ и, слыша постоянно похвалы, съ удовольствіемъ исполняла желаніе дяди. Я танцевала съ увлечениемъ и видимо увлекала и зрителей. Во мнѣ, что называется, разгорался артистической огонекъ, меня влекло къ сценѣ. Я была и старателъна, и внимательна, и послушна. Какъ-то дядя получилъ извѣщеніе, что мы съ сестрой должны пробыть у него нѣсколько мѣсяцевъ, что Леличка (мужъ) устраиваетъ какія-то дѣла, очень важныя, устраивающія его, но требующія продолжительныхъ хлопотъ.

Для дяди, вѣроятно, это былъ сюрпризъ; но онъ былъ удивительно добрый человѣкъ и продолжалъ быть съ нами ласковымъ и привѣтливымъ.

Я сдѣлалась въ родѣ хозяйки у него въ домѣ и кой-что начинала понимать въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь однажды со службы, дядя почувствовалъ себя нездоровымъ. Лицо страшно измѣнилось, осунулось, и носъ заострился. Это я хорошо помню. Глаза были воспалены и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Силы разомъ оставили его, и онъ обратился въ неподвижный пластъ. Жаръ у него былъ такой, что, стоя около него, я чувствовала этотъ жаръ. Я была его сидѣлкой, давала ему пить, давала куриный бульонъ, переворачивала его, помогала встать съ кровати, словомъ, исполняла старателъно роль сидѣлки. Временами онъ совершенно терялъ сознаніе, все тѣло покрывалось сыпью. Прислуга его, простая, деревенская баба предложила дядѣ послать за докторомъ, но тотъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, все равно... чувствую, конецъ будетъ одинъ...

Попросила и я его: онъ ласково посмотрѣлъ на меня, на его глазахъ навернулись слезы, бѣлые губы, запекшіяся, сиплились улыбнуться; руки не шевелились, и только пальцы странно перебирались.

— Маруся, не надо... милая, бѣдная дѣвочка... напиши матери, чтобы... прїѣхала... Въ верхнемъ ящикѣ въ комодѣ:

въ правомъ углу, возьмите деньги... истратить... на что по-
надобится... и...

Дядя не докончилъ, смолкъ. Онъ видимо лишился со-
знанія.

Я начала понимать, что происходит что-то страшное, и
въ слезахъ бросилась на колѣни у кровати и стала цѣло-
вать руку больного. Сестра смотрѣла широко открытыми
глазами, а затѣмъ стала тоже плакать, за компанию со
мной...

Дядя уснулъ или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что
онъ уснуль. Я тихонько на пальцахъ вышла изъ комнаты
и сѣла у окна. Сестра помѣстилась на подоконникѣ.
Мнѣ стало грустно до ужаса, квартира показалась какою-то
пустой, люди, идущіе по улицѣ, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе, и
какіе-то тоже страшные, холодные, безучастные къ моему
горю. Такъ сидѣли мы съ сестрой довольно долго. Дядя
спаль, и мы боялись его разбудить. До насъ доносилось
его короткое, прерывистое дыханіе, и какой-то легкій, ши-
пящій звукъ вырывался вмѣстѣ съ дыханьемъ изъ груди
и горла.

— Маруся, раздался внезапно окрикъ дяди. Звукъ голоса
мнѣ показался какимъ-то необыкновеннымъ, надорваннымъ,
не то испуганнымъ, не то удивленнымъ.

Я опрометью бросилась въ его комнату. Дядя полусидѣлъ
на кровати и пристально смотрѣль, широко открыты-
мыми, воспаленными глазами.

— Маруся, обратился онъ ко мнѣ, указывая дрожащей
рукой на занавѣсь, которой было закрыто его окно. Скажи
мнѣ, ты видишь что-нибудь... Видишь...

Я посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ.
Сквозь пеструю занавѣску ярко свѣтило солнце и узоры
причудливо вырисовывались. Кромѣ ихъ я ничего не
видала.

— Я, дядя, ничего не вижу, ничего...

— Не видишь, а лицо... лицо Спасителя... Онъ же смо-
трить на меня и улыбается...

Черты больного озарились необыкновеннымъ счастьемъ.
Я дрожала и вперила свой взглядъ на занавѣсь. Въ это
время солнце зашло за тучу, и занавѣска потемнѣла.

— Ну вотъ... теперь никого нѣтъ... странно...

Дядя откинулся на кровать, закрылъ глаза и ускоренно
дышалъ. Я снова вышла въ залъ и снова помѣстилась у
окна. Сердце мое билось, руки и ноги дрожали, и должно

быть на лицѣ отразилось мое волненіе, потому что сестра спросила:

— Что съ тобой, Машенька, тебѣ больно?

Я успокоила сестру. За спиной раздался шорохъ. Я повернула голову, въ дверяхъ стояла прислуга. Она обратилась ко мнѣ:

— Барышня, пожалуйте ключи отъ комода, мнѣ надо достать чистую скатерть покрыть столъ...

Я дала ей ключи, и она тихонько отправилась въ комнату дяди. Черезъ двѣ, три минуты она вернулась, держа скатерть и отдавая ключи, и затѣмъ скрылась въ кухню.

Часы пробили два. Накрылся столъ. Я покормила сестру, заглянула затѣмъ къ дядѣ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами... Я спросила его:

— Хочешь бульону?

Онъ кивнулъ слегка головой въ знакъ согласія. Я налила въ тарелку, понесла ему, хотѣла кормить.

— Принеси еще ложку... я хочу, чтобы ты ъла вмѣсть со мной, прошептала больной. Я поставила тарелку на стулъ и пошла за ложкой, чтобы исполнить его желаніе. Дядя ждалъ. Я давала ему ложку супу, а затѣмъ брала себѣ. Дядя довольно улыбался, и когда кончилъ ъесть, особенно ласково произнесъ:

— Милая дѣвочка... да сохранить тебя Христосъ... иди... я буду дремать. Я, захватя тарелку и ложки, вышла. Только успѣла я поставить тарелку, какъ въ комнатѣ дяди раздался крикъ. Бросившись туда, я увидѣла его сидѣвшимъ, спустя худыя ноги. Глаза его блѣгали...

— Маша... я умираю... Маша, смотри же, въ комодѣ двѣсти рублей... похорони... остальные тебѣ... передай привѣтъ матери...

Онъ быстро всталъ на ноги и черезъ мгновеніе упалъ на постель. Грудь тяжело подымалась, въ горлѣ что-то клокотало. Я рванулась къ нему и, приподнявъ его, поддерживала голову. Безграничной благодарностью свѣтились его глаза. Онъ становился очень тяжелымъ; руки мои затекали, дрожали, и я боялась его уронить. Вдругъ онъ разомъ вытянулся. Глаза широко открылись, все тѣло перебрнуло, и онъ, выпавъ изъ моихъ рукъ, неподвижно лежалъ на кровати... Я только взвизгнула, не понимая еще вполнѣ случившагося. Крикъ мой услыхала кухарка. Она вѣжала въ комнату и, взглянувъ въ лицо дядѣ, произнесла:

— Прикончился...

Я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Дядя померъ Вашъ... царство ему небесное. Хорошить надо.

Кухарка вышла. Я стояла окаменѣвшая. Слезъ не было... Горе мое было выше слезъ. Я потеряла душу доброго, честного человѣка, душу, которая первая приласкала, приволубила меня. Я ни разу не видала даже недовольства во взглядѣ, не то рѣзкаго, грубаго слова. Первый разъ я увидала смерть лицомъ къ лицу, въ первый разъ я ощущала ея холодъ, величие и какую-то своеобразную тишину...

— Барышня, васъ человѣкъ спрашиваетъ, раздался голосъ кухарки. Я оглянулась и увидѣла мужчину. Это былъ черный воронъ-гробовщикъ. Не говоря ни слова, онъ снялъ мѣрку и вышелъ. Я слыхала, какъ кухарка шептала:

— Попроще, подешевле...

Г л а в а 5.

Я и кухарка собственноручно обмыли тѣло, одѣли его и вмѣстѣ положили на столъ. Мнѣ было очень тяжело и трудно. Затѣмъ кухарка отправилась и откупила землю для могилы. Вообще она оказывала какія-то особенные старанія и я невольно замѣтила, что она избѣгала смотрѣть мнѣ въ глаза. Къ вечеру принесли гробъ. Тѣло положили въ него, и гробовщикъ заявилъ, чтобы я уплатила десять рублей, что завтра онъ явится съ людьми, и они отнесутъ покойника на кладбище. Я взяла ключи и пошла за деньгами въ комодъ, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто двухсотъ рублей я нашла въ немъ только двадцать пять. Не понимая, въ чемъ дѣло, я отправилась на кухню заявить объ этомъ кухаркѣ, но, увы, она собрала вещи и скрылась. Тогда мнѣ не пришло въ голову, что прислуга въ то время, когда брала у меня ключи, украла деньги, оставивъ незначительную сумму. Я расплатилась съ гробовщикомъ, и мы остались съ сестрой одинъ

Насталъ вечеръ. Намъ не приходило въ голову зажечь свѣтъ, и мы сидѣли въ потемкахъ. Кругомъ было тихо, но страха я не ощущала. Но вотъ выплыла луна и полосами раскинулась по полу. Мнѣ стало очень грустно

по дядѣ, и я безъ боязни отправилась въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Лунный свѣтъ ударилъ въ лицо покойника, и я остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла въ его лицо. Онъ лежалъ, какъ живой, и легкая улыбка озаряла его лицо...

— Дядя, милый дядя, шептала я, и мнѣ казалось, что онъ меня слышитъ. Помолись за насть, помолись!—и слезы прямо потоками лились изъ моихъ глазъ. Я подошла ближе и хотѣла его поцѣловать, но не смогла достать. Гробъ былъ широкій и бока мнѣ мѣшали. Тогда я пододвинула скамью, встала на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловала дорогое существо. Прикосновеніе къ холодному остывшему трупу заставило меня вздрогнуть. Тутъ только я поняла вполнѣ, что такое случилось, и громко зарыдала. Сестра услышала и босикомъ въ одной рубашенкѣ прибѣжала ко мнѣ и удивленно смотрѣла. Я взяла ее на руки и помогла приложитьсь. Она заплакала и, чего-то испугавшись, не пожелала цѣловать дядю. Я не настаивала, и вотъ мы, одинокія дѣвченки, крѣпко взявшись за руки, стояли почти всю ночь у гроба. Сила сна наконецъ поборола насть, и мы пошли спать. Сестра пожелала лечь со мной. Я согласилась, и вотъ мы заснули. Утромъ явился врачъ, кажется городской полиції, осмотрѣлъ покойнаго, и я ясно услыхала слова: у него былъ сыпной тифъ. Надо отдать дѣвочекъ и послѣ похоронъ дезенфектировать квартиру и на нѣкоторое время забить ее. Они ушли.

Я только нѣсколько лѣтъ спустя поняла, какой опасности мы съ сестрой подвергались; особенно я, соприкасаясь и кушая изъ одной тарелки куриный бульонъ. Могу сказать, не судьба мнѣ была умирать.

Я смотрѣла въ окно въ ожиданіи похоронъ и видѣла, какъ у вротъ стоять полицейскій, какъ подходили вѣроятно знакомые дяди и какъ спѣшно уходили, боязливо поглядывая на окна. Появились нищіе, но тоже ушли, а мы съ сестрой, не подозрѣвая опасности, сидѣли и ждали дальнѣйшихъ событий.

Наконецъ увидѣли пятерыхъ человѣкъ: гробовщика и четырехъ мужчинъ, въ черныхъ сюртукахъ, на головахъ были надѣты взѣрошенные цилинды, обшиты старымъ серебрянымъ галуномъ. Вся эта компанія вошла въ квартиру, взяла крышку отъ гроба, забила ее гвоздями, вынесла гробъ, положила на носилки, и траурное шествіе тронулось.

Впереди несли гробъ, съ боку шелъ гробовщикъ, а мы съ сестрой плелись сзади. Гробовщикъ взялъ у меня послѣдніе пятнадцать рублей за могилу и на другіе расходы, и я осталась съ двумя или тремя копейками.

Кладбище было далеко за городомъ. Мы такъ устали, что едва волочили ноги. Лицо, платье, ботинки были сѣры отъ пыли. Мнѣ временами казалось, что я упаду, а сестра теряла силы, и мнѣ пришлось ее на руки взять и нести нѣсколько времени, пока она немного отдохнула. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на оригинальное шествіе. Большинство снимало шапки и крестилось. Усталость наша дошла до крайнихъ предѣловъ, когда я наконецъ впереди себя увидала много деревянныхъ и другихъ крестовъ. Мы вошли въ границу вѣчнаго успокоенія и долго брели, поворачивая то вправо, то влѣво, по кладбищу, и наконецъ очутились у самаго его конца. Тамъ ожидала вырытая могила и священникъ. Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей, священникъ отслужилъ панихиду, гробовщикъ что-то сунулъ ему въ руку, и тотъ удалился; затѣмъ гробовщикъ сунулъ и мнѣ что-то въ руку и, сказавши: „будьте здоровы, барышни“, ушелъ. Я посмотрѣла, что онъ мнѣ далъ, и увидѣла серебряную монету, это были пятнадцать копѣекъ. Всѣ разошлись, и у свѣжаго холмика земли стояли мы съ сестрой. Затѣмъ опустились и сѣли на траву. Усталость охватила насъ еще болѣе, и кости мои ныли и трещали. Сестра положила голову мнѣ на колѣна и уснула, я дремала клюя носомъ... На деревьяхъ каркали стан грачей, и въ травѣ трещали стрекозы.

Время было подыматься. Я и сестра встали. Мы еще немного побыли у скромной могилы и пошли. Кругомъ насъ высились кресты новые, старые, очень старые, покрывшіеся плѣсенью и готовые упасть. Лавируя среди нихъ, мы добрались до выхода; сообразили, куда надо двигаться, въ какую сторону, и пустились въ путь-дорогу. Сестрѣ захотѣлось пить и Ѳсть. Я ее утѣшала, говоря, что дома покупаемъ, а что теперь надо терпѣть. Вначалѣ она молчала, а потомъ стала плакать, а затѣмъ оять смолкла. Шли мы долго и медленно. Я запомнила дорогу и правильно подвигались къ дому. Начали мелькать домики предмѣстья, затѣмъ потянулись улицы, а тамъ показалось и наше жилище.

— Ну вотъ,— обратилась я къ сестрѣ,— мы будемъ скоро

дома, и я дамъ тебѣ ъсть. На сестру страшно было смотрѣть. Поть проложилъ дорожки по запыленному лицу, сбившіеся отъ вѣтра и пота волосенки были въ беспорядкѣ, глаза ввалились и губы запеклись. Я была конечно не лучше. Близость дома придала намъ энергіи, и мы невольно пошли бодрѣ. Вотъ знакомая вывѣска мелочной лавки, вотъ золотой крендель булочной, вотъ сапогъ, нарисованный на жести сосѣда-сапожника, а вотъ и нашъ домикъ. Мы подошли и не вѣрили глазамъ. Мнѣ казалось, не сбились ли мы и не попали ли въ другое мѣсто. Нашъ особнячекъ былъ наглухо забитъ досками, и попасть въ него не было никакой возможности. Какъ я ни была молода, глупа и неопытна, но у меня зашевелились волосы на головѣ, и я потерянными глазами смотрѣла на доски, которыми были забиты окна и калитка во дворѣ. Онъ былъ пустъ, какъ была пуста наша квартира. Я безпомощно смотрѣла на сестру, потомъ опять на домъ, опять на нее и вдругъ горько, горько заплакала. Сестра опять начала просить ъсть и пить. Я повела ее въ лавочку, купила хлѣба, колбасы, мы поѣли и, напившись воды, вышли на улицу. Гриневинъ былъ истраченъ, и нашъ капиталъ состоялъ изъ семи или восьми копѣекъ. Я сѣла на тумбу, сестра около

Прохожихъ не было. Улица вообще была пустынная, а въ этотъ моментъ точно всѣ вымерли, и только въ пыли валялась чья-то свинья. Я положительно не знала, что дѣлать, какъ поступить, къ кому обратиться, и не было сильь двинуться съ мѣста. Написать къ матери, но я не знала адреса. Писалъ ей дядя и адресъ былъ записанъ въ книжечку, что лежала у дяди въ его письменномъ столѣ. Да, наконецъ, если бы адресъ былъ найденъ, письмо шло долго и обернуться оно могло дней въ пять, шесть. И такъ, что же было дѣлать? Мысли въ моей головѣ прыгали, путались; я старалась собрать ихъ, чтобы имѣть возможность придумать что-либо, но... напрасно. Обратиться въ поліцію мнѣ почему-то не приходило въ голову, вѣдь это она же забила домъ, вѣдь это ей же предписалъ докторъ такъ поступить. Тамъ въ домѣ остались наши пожитки, бѣлье, пальтишки и все прочее. Мнѣ и въ голову не приходило, что вещей уже не было, что ихъ успѣли куда-то спровадить. Быть можетъ, для сожженія, быть можетъ, для дезинфекції, а быть можетъ, онѣ были проданы тряпичнику для распространенія заразы. Все это я соображаю теперь, но тогда, тогда я была увѣрена, что имущество мое цѣло и

охраняется сосновыми досками. Время летѣло, солнце уже почти закатилось, начало дѣлаться прохладно. Сестра уже дрожала. Я прижала ее къ себѣ, обнимая, старалась согрѣть.

Все это произошло въ теченіе недѣли, начиная съ болѣзни дяди и закончившись его смертью и похоронами. Пока Богъ хранилъ насть, мы не заразились какимъ-то чудомъ: мы обѣ были здоровы; какъ распорядится судьба далѣе, это было покрыто мракомъ неизвѣстности. Гдѣ же мы будемъ спать, думалось мнѣ. О ъдѣ я пока не думала, вѣдь было еще на семь копѣекъ мѣди. Я осматривалась кругомъ и увидала у одного изъ домиковъ, съ боку воротъ, углубленіе и въ немъ скамеечку и рѣшила переночевать тамъ. Не долго думая, я взяла за руку сестру, и мы направились къ намѣченному мѣсту. Я посадила сестру, сѣла и сама. Сестра полулежа почти сейчасъ заснула, а я бодрствовала. Промелькнуло нѣсколько прохожихъ, но они, не замѣчая, проходили въ разныя стороны. Думается мнѣ, что если бъ они и увидали насъ, то пропшли бы мимо, не обративъ вниманія: какое лѣло имъ до двухъ грязныхъ, маленькихъ, чужихъ имъ дѣвченокъ. На дворѣ стало темнѣть. На небѣ показалась первая звѣздочка, а тамъ вторая, третья, и наконецъ весь сводъ небесный засверкалъ звѣздами. Я прямо тряслась и зубы мои стучали. Наша сторона осталась вся въ тѣни, а луной освѣщалась противоположная, по ней-то и ходилъ сторожъ, постукивая въ колотушку. Походилъ, постучалъ и куда-то ушелъ. Стукъ колотушки доносился издалека, а тамъ и смолкъ.

Я боролась со сномъ, побаиваясь темноты, и прижималась къ сестрѣ, согрѣвала ее. Затѣмъ стала соображать все меньше и меньше. Событія дня какъ-то испарились изъ усталой головы, и я стала дремать... Я уже не соображала, гдѣ я. Послѣдними потерялись отъ моего вниманія мигающія звѣзды, а тамъ я уже и окончательно не видѣла ничего изъ окружающего меня. Одинъ только разъ меня заставила пріоткрыть глаза это метнувшаяся мимо, съ сильнымъ хрюканьемъ свинья, необходимая принадлежность всѣхъ небольшихъ городовъ. Грязи много, а слѣдовательно и удовольствія свиньямъ достаточно.

И такъ мы заснули... Свѣжесть зорьки разбудила насъ. Яркая, красно-матовая полоска блистала на во-

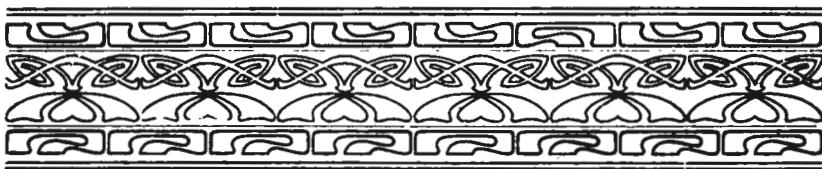
стокъ. Мы обѣ тряслись; платье было мокро оть росы, кости ныли.

Воть мальчикъ погналъ штукъ пять коровъ; чирикали воробыи, ворковали голуби; словомъ, начался новый день нашей жизни...

Сообщилъ П. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ разсказовъ объ архіерѣ Смарагдѣ.

Была въ Рязанской губерніи служилая семья нѣкоихъ Сп—хъ.

Происходили они, какъ тогда говорилось, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Отецъ былъ лекаремъ, дѣдъ священникомъ. Не имѣя ничего наслѣдственнаго, должны были весь вѣкъ свой жить службою. Члены этой многочисленной семьи занимали должности становыхъ, исправниковъ, почтмейстеровъ, слѣдователей. Не въ примѣръ служакамъ стараго закала всѣ они отличались добродушiemъ, беззлобиемъ; не были взяточниками, вымогателями, насильниками. Служебное дѣло свое вели просто и честно. До большихъ чиновъ не доходили, выходя въ отставку самое большее съ чиномъ статского совѣтника, и доживали вѣкъ свой на ничтожную по прежнимъ окладамъ чиновничью пенсію. Память о себѣ въ народѣ оставили они хорошую. Кореннымъ свойствомъ этой семьи кровныхъ великороссовъ была крайняя чудаковатость ея представителей. У всѣхъ были свои особенности: кто былъ охотникъ до боевыхъ гусаковъ и пѣтуховъ; кто любилъ въ хорошій лѣтній день, выйдя на дворъ въ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ, погонять голубей турмановъ. Гдѣ можно было, занимались они садоводствомъ, разводили породистыхъ куръ, утокъ, гусей. Развлечениія ихъ всегда были самого мирнаго и безвреднаго характера для окружающихъ. Отличались они рѣдкою сообщительностью и ко всѣмъ встрѣчавшимся на ихъ жизненномъ пути людямъ относились въ высшей степени доброжелательно. Были они хлѣбосолы, любили провести время въ пріятельской бесѣдѣ, перекидываться въ картишки, выпить, закусить. До глубокой старости сохраняли они

способность къ шуткамъ и балагурству. Разсказы ихъ больше касались старины, которую они, не будучи враньями, умѣли живо и вѣрно представить съ ея своеобразными особенностями.

Одинъ изъ братьевъ П. В., долгое время прослужившій судебнѣмъ слѣдователемъ, былъ человѣкъ такого неисчерпаемаго добродушія и хлѣбосольства, что приводимыхъ къ нему на квартиру подслѣдственныхъ арестантовъ прежде всего спрашивалъ—съты ли они? Если узнавалъ, что голодны, то приказывалъ накормить ихъ на кухнѣ и поставить для нихъ самоварчикъ. Мужчины, какими бы звѣрскими, безобразными, отталкивающими физіономіями они ни обладали, П. В. всегда звалъ „красавецъ“. Женщинъ, хотя бы дряхлыхъ старухъ—„красавица“.

Справившись, покормили ли арестанта, онъ приказывалъ привести его къ себѣ въ кабинетъ. Тотъ первымъ долгомъ благодарилъ хозяина за хлѣбъ соль; потомъ начинался дѣловoy разговоръ.

— Ну, красавецъ, какъ дѣла? спрашивалъ П. В. и начиналъ умѣло, тонко, съ огромнымъ знаніемъ дѣла и психологіи преступнаго люда вести слѣдствіе. „Красавцу“ оставалось только удивляться, какъ такой душевный обходительный баринъ и такъ ловко его поддѣваетъ. Все шло у П. В. по-любезному—безъ окриковъ, безъ угрозъ.

— „Ну вотъ, красавецъ, все у насъ пойдетъ по-хорошему. Потолкуемъ по душѣ. Малыи ты, я вижу, хороший, ходовой малый. Не дѣлай ты этого и прекрасно—молодецъ! Хвалю! Только вотъ что, братецъ, вѣдь Иванъ-то Петровъ говорить, что видѣлъ на тебѣ рубашку въ крови. Тетка Дарья видѣла, какъ ты рубашку замывалъ. Вѣдь и имъ тоже нужно вѣрить. Люди они не плохіе. Хоть Ивана Петрова взять; еще при господахъ бурмистромъ былъ да послѣ воли сколько годовъ въ старостахъ выходилъ. Ни въ чемъ не замѣченъ—старикъ законный, правильный старикъ. Опять же и тетка Дарья тоже женщина степенная; и про нее грѣхъ худо-то молвить! Вотъ, красавецъ ты мой, ты намъ полегоньку да помаленьку и разскажи, откуда кровь взялась у тебя на рубашкѣ, а мы послушаемъ.

Приготавляясь слушать П. В. вынималъ табакерку и, съ аппетитомъ понюхавъ табачку, щелкалъ пальцемъ по носу генерала, изображенаго на крышкѣ табакерки.

Арестантъ начиналъ врать и путать.

— Эхъ, красавецъ, чего уже тутъ?! Не такъ дѣло было. Похожа свинья на быка да шерстка не така! У вѣсть вѣдь у всѣхъ такая повадка:— клади часы въ карманъ, а купца бери на обманъ. Ну это, другъ ты мой сладкій, еще какъ придется! И мы тоже не лѣвой ногой сморкаемся,—знаемъ, гдѣ у попады родинка!..

Несравненный мастеръ толковать съ народомъ, умѣль и любилъ П. В. въ компаніи пріятныхъ для него людей разсказать изъ своего богатаго служебнымъ опытомъ прошлаго про разные случаи, свидѣтелемъ которыхъ довелось ему быть. Въ противоположность большинству россійскихъ разсказчиковъ его собственная личность на первый планъ у него въ разсказахъ никогда не выступала.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II былъ П. В. окружнымъ начальникомъ окружныхъ крестьянъ въ Рязанскомъ уѣздѣ. По обязанностямъ службы долженъ онъ былъ сопровождать архиереевъ во время объѣзда ими церквей въ селахъ, населенныхъ государственными крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи П. В., какъ старинное село Льговъ или Ольговъ при древнемъ Ольговомъ монастырѣ, Казарь, и другія села. Сопровождалъ П. В. и преосвященнаго Смарагда. Приходилось ему, какъ разсказывалъ онъ много лѣтъ спустя, видать, какъ производились расправы надъ священно-и церковнослужителями грозный архиерей. „Ухватить, бывало, попа или дьякона въ алтарѣ за волоса, уже онъ его возить, возить по алтарю-то, всю пыль имъ на полу подотреть. Никого не миловалъ: твердо держался правила—дуракамъ и въ алтарѣ не спускаются. За то подъ судъ никого не отдавалъ. Духовенство его за это любило: вадуетъ и дѣлу конецъ! Сердитый былъ. Подъ горячую руку лучше и на глаза ему не попадайся! Щадитьшибко любилъ. У него ямщикъ на козлахъ не зѣвай! Возьми глаза въ зубы и дѣйствуй на законномъ основаніи. По-фельдъ-егерски Ѣздишь!

По должности окружного начальника пришлось мнѣ провожать егс изъ села Льгова въ городъ Спасскъ. За архиерейской каретой шестерней еле поспѣвала моя тройка въ тарантасѣ. Коренникъ шель во всю рысь. Пристяжныя едва поспѣвали уносить постромки. Такъ шло, пока Ѣхали лугами по твердой накатанной дорогѣ. Подъ Ярцевскими слободками, какъ только выѣхали на пески, шесте-

рикъ стала сдавать. Трудно было тащить по песку грузную на стоячихъ рессорахъ карету, позади кузова которой были мѣста для архіерейской прислуги. Скоро лошади и совсѣмъ стали. Дверца кареты отворилась. Показалась до половины высунувшаяся фигура архіерея съ посохомъ въ рукъ, принявшимъ самое угрожающее положеніе по отношенію къ ямщику, сидѣвшему на козлахъ. Послышались раскаты гнѣвнаго голоса владыки. Что онъ кричалъ, разслышать было нельзя; но голосъ былъ свирѣпый. Форейторъ, соскочивъ съ сѣдла, живо отпрягъ подсѣдельную и поскакалъ на ней въ село за свѣжими лошадьми.

Населеніе окрестныхъ сель и деревень знало о проѣздѣ архіерея. Народъ выходилъ навстрѣчу и стоялъ по дорогѣ. Видя, что карета остановилась, мужики, бабы, ребята,—все двинулось за архіерейскимъ благословеніемъ. Изъ стариковъ и старухъ, кто понабожнѣе,—тѣ даже на колѣни встали и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Уже и получили же они архицастырское благословеніе.

Такъ ихъ благословили—крѣпче и не придумаешь!

Должно быть, въ это утро владыка всталъ съ постели лѣвою ногой. Яростно преподаль онъ своей богоспасаемой паствѣ благословеніе самаго непечатнаго свойства, снабжая его донельзя крѣпкими россійскими выраженіями, отъ которыхъ паства, какъ стадо испуганныхъ овецъ, такъ и шарахнулась въ стороны.

Долго бушевалъ Смарагдъ, пока не привели и не заложили свѣжихъ лошадей. Здорово влетѣло и священнику въ ближайшемъ селѣ, котораго архіерей, не разбирая, правъ онъ или виновать, сразу сгребъ за волосы и началъ таскать.

Покойный преосвященный былъ человѣкъ строгій и серьезный. По пустякамъ беспокоить себя не любиль. Случилось такъ, что во время пребыванія его на рязанской каѳедрѣ изъ Касимовскаго женскаго монастыря убѣжали двѣ монашки. Игуменья побѣхала въ Рязань, чтобы лично доложить объ этомъ ужасномъ съ ея точки зрѣнія происшествіи. Въ трепетѣ повергшись предъ архіереемъ на колѣни, она возопила:

— Владыко! у насъ бѣда!!!

— Какая же, мать моя, у васъ тамъ бѣда? въ высшей степени хладнокровно спросилъ преосвященный.

— Владыко! у насъ двѣ монашки убѣжали!..

— Если бы и вѣтъ-то вы убѣжали, никакой бѣды бы не было! спокойно замѣтилъ Смарагдъ.

В. Гайдуковъ.

Авантюристъ начала XVIII вѣка.

Къ исторіи пріема иностранцевъ на русскую слуїнбу.

(Изъ семейнаго архива).

1.

Покрытые вѣковой пылью старые документы похожи на заглохшій костеръ, тлѣющій у дороги. Невнимательный путникъ бросить разсвѣянный взглядъ на сѣрую кучку золы и пройдетъ мимо. Но путешественникъ, привыкшій наблюдать, остановится и подумаетъ: кто-то прошелъ здѣсь раньше меня. И концомъ своей палки расшевелитъ забытый огонь. И вдругъ ярко вспыхнетъ дремавшее пламя, согрѣеть его и освѣтитъ ему дальнѣйшій путь.

Скучны и непривлекательны на видъ мертвыя страницы стариннаго архива. И кажется, что не стоитъ тратить на знакомство съ ними времени, такъ дорого цѣннаго въ нашъ стремителльный вѣкъ. Но стоитъ любопытнымъ рукамъ прикоснуться къ нимъ, какъ потеря времени вознаградится сторицею. Съ полуистлѣвшихъ листовъ глянетъ на насъ оживающее далекое прошлое, давно угасшіе образы воскреснутъ и одѣнутся плотью, давно забытые люди станутъ двигаться и говорить. И мы увидимъ ту же комедію жизни, что разыгрываемъ сами, ту же борьбу страстей и интересовъ, тѣ же чаянія и тѣ же разочарованія. И часто извлечемъ много утѣшительного и примиряющаго съ жизнью.

2.

„Въ нынѣшнемъ, 1701 году, Декабря въ 31-й день, писалъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея великия и малыя и бѣлые Россіи Самодержцу изъ Смоленска бояринъ и воевода Петръ Самойловичъ Салтыковъ, съ жильцомъ Аврамомъ Радищевымъ.

„Что Декабря въ 8-й день пріѣхали въ Смоленскъ изъ Польши, съ письмомъ князя Григорія Долгорукова, французовъ офицеровъ 16 человѣкъ. А въ томъ письмѣ написано: отпустилъ онъ изъ Варшавы призванныхъ офицеровъ въ его Великаго Государя службу: генераль-инженера Бертрана ¹⁾, маиора пѣхотнаго, полковника коннаго, полуපолковника, капитановъ 11 человѣкъ, да поручика, давъ имъ карету и нарявъ лошадей фурманскихъ. А офицерамъ, по ихъ прошенію при отпускѣ ихъ изъ Смоленска, на харчъ, чѣмъ доѣхать до Москвы, дано изъ артиллерійской казны 82 рубли съ полтиной.

Для того, что, говорили они ему, боярину и воеводѣ, что имъ до Москвы въ дорогѣ удовольствоваться съѣстнымъ харчемъ нечѣмъ; которые-де у нихъ были ефимки и тѣ-де ефимки они въ дорогѣ искарачили. И буде имъ въ Смоленскѣ на харчъ денегъ не дадутъ и имъ-де доѣхать до Москвы нечѣмъ. Для того та дача имъ и дана“.

Такъ появляется на горизонте возрождающейся Россіи герой нашего очерка. Въ глухую зимнюю пору, въ компаніи съ такими же смѣлыми и голодными искателями счастья, онъ пробирается по первобытнымъ дорогамъ неизвѣстной полудикой страны и, послѣ тяжелаго путешествія, вѣзжаетъ въ кривые, узкие, занесенные снѣгомъ переулки ея столицы.

„И тѣ иноземцы на Москвѣ въ государственномъ посольскомъ приказѣ явились и распрашиваны, и о службѣ ихъ взяты у нихъ свидѣтельствованія пасы и переведены“.

Впрочемъ, генераль-инженеръ Бертранъ никакихъ документовъ не предъявилъ.

„А о службахъ пасовъ не явилъ. А сказалъ, что у генераловъ пасовъ не бываетъ“.

¹⁾ Фамилія измѣнена.

Свѣдѣнія, которые далъ о своемъ прошломъ французской выходецъ, страдали излишней краткостью. Родился въ Дофинѣ, служилъ въ Королевской французской арміи „въ разныхъ чинѣхъ и генераломъ“. Участвовалъ „во многихъ бояхъ“ противъ англичанъ и голландцевъ во Фландріи и другихъ мѣстахъ. Потомъ (неизвѣстно по какой причинѣ) перешелъ на службу къ польскому королю и служилъ въ Варшавѣ „у пѣхоты генераломъ“ годъ и 4 мѣсяца. „И нынѣ призванъ къ великому Государю на службу“.

Чѣмъ руководствовался князь Долгорукій (русскій посолъ при польскомъ дворѣ), нанимая на русскую службу неизвѣстнаго ему человѣка—сказать трудно. Изъ договорнаго письма видно, что Бертранъ присвоилъ себѣ какою-то необыкновенный титулъ: „крайняго художества инженерскаго и архитейсковики воинской президента“ и въ качествѣ такового долженъ былъ получать, по условію, „корму по 130 ефимковъ на мѣсяцъ и подарокъ“.

Хотя старыя бумаги даютъ довольно скучныя свѣдѣнія о дѣятельности генералъ-инженера Бертрана въ Россіи, однако является безспорнымъ, что ему удалось занять сразу довольно высокое положеніе и вращаться въ сферахъ, непосредственно близкихъ къ Великому Преобразователю. Имѣлъ ли онъ право на тотъ чинъ, которымъ онъ подписывался, или нѣтъ, но въ военно-инженерномъ дѣлѣ онъ очевидно кое-что смыслилъ, а потому явился несомнѣнно полезнымъ человѣкомъ, о чемъ и свидѣтельствуютъ неоднократные его письма какъ къ Федору Алексѣевичу Головину, такъ и къ самому Государю.

Въ 1702 году Бертранъ подаетъ черезъ Головина Царю записку обѣ организаціи инженерной части въ русской арміи.

„Его Имперіальское Величество укажетъ генералу Бертрану все, что изволить крѣпить, приступать, оборонять мѣста, содѣлованіе пристанищъ морскихъ, стѣнъ, которыя противъ морскихъ волнъ, прокопы, и никому воздаетъ отвѣтъ о его дѣяніи, токмо Его Величествю и Вамъ, мой Государь“.

Другими словами, Бертранъ добивался полной „автономіи инженернаго управлѣнія“.

Далѣе онъ требуетъ „чтобы генералы конницы и пѣхоты сходились съ генераломъ инженеромъ во время единныхъ осады, освѣдомиться отъ него, егда будетъ время конницѣ работать фасины, а пѣхотѣ туры и рыть землю. И дать ему

ихъ батальоны, которые онъ прошать будетъ остереганія ради работающихъ и отпора ради непріятеля”.

Въ отношеніи артиллеріи Бертранъ идетъ далѣе и находитъ необходимымъ поставить ее въ подчиненное отношеніе инженерамъ.

„Яко такожде комиссары артиллерии и иные офицеры сего дѣла должны будуть покоряться инженерамъ въ единой осадѣ, токмо единомысленно, работаютъ они въ ихъ мѣстахъ воинскихъ батеріи пушекъ, батеріи мортіровъ и онуя малыхъ пушечекъ и тако и проч. яко во Франції”.

Это „яко во Франції“ повторяется нѣсколько разъ въ запискѣ и служить, въ глазахъ составителя, повидимому, рѣшающимъ, безапелляціоннымъ аргументомъ.

Въ заключеніе Бертранъ просить себѣ чина лейтенанта-генерала „сіе есть мѣстодержащаго генерала”.

Неизвѣстно, была ли принята записка Бертрана къ руководству, но „мѣстодержащаго“ онъ не получилъ.

Такъ или иначе, безвѣстный выходецъ изъ Франціи пріобрѣаетъ значеніе, вращается въ кругу приближенныхъ Петра и не разъ удостаивался личныхъ отъ него порученій. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ считаетъ себя въ правѣ писать Государю: „никоторый изъ иностранцевъ такъ фамильярно не приближался, какъ я, къ Вашему Величеству”.

3.

Россія жила колоссально ускореннымъ темпомъ. Десятилѣтіями наростиавшія стремленія къ свѣту и новымъ формамъ жизни осуществлялись теперь почти съ молниеносной быстротой. Старыя подпорки рушились одна за другую, и нужно было только поспѣвать ставить новые, для чего требовалась масса умѣлыхъ и расторопныхъ рукъ. Некогда было разбирать, насколько онѣ чисты. Вотъ почему на-ряду съ тѣми, имена которыхъ съуваженiemъ сохранитъ наша исторія, на-ряду съ Брюсами, Чемберсами, Огильви, Баурами и пр. Москва была наводнена разношерстной массой жадныхъ искателей счастья, главное достоинство которыхъ заключалось въ прекрасномъ аппетитѣ, а главное горе въ невозможности удовлетворить его у себя дома.

Ясно, что въ общемъ стремленіи къ одной цѣли — государевой казнѣ — всѣ сбились въ кучу, въ которой, въ концѣ

концовъ, стало тѣсновато. Создалась, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, атмосфера постоянной интриги, свары, недоброжелательства, атмосфера „подножки“. И не замедлили появиться пикантныя разоблаченія.

„Полуполковникъ“ де-Гверенъ чего-то не подѣлилъ съ генераломъ Берtranомъ. Слѣдствіемъ явилось письмо (по-французски) къ Головину, въ которомъ доблестный полуполковникъ отдѣлываетъ своего соотечественника, что называется, подъ орѣхъ.

„Я узналъ, пишетъ онъ, что нѣкій Берtranъ, выдающій себя въ Московіи за генерала и который во Франціи и въ Польшѣ снискивалъ себѣ пропитаніе черченіемъ и рисованіемъ, имѣеть наглость клеветать на меня и на всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ въ Москву французскихъ офицеровъ“.

Де-Гверенъ ручается честнымъ словомъ, что изъ всей ихъ компаніи нѣтъ ни одного, который не стоялъ бы неизмѣримо выше этого провансальского хвастуна (*de ce mauvais fanfaron provençal*), все хваленое знаніе котораго зиждется на неисчерпаемомъ нахальствѣ“.

Наполнивъ цѣлыхъ двѣ страницы бранью по адресу своего врага, почтенный полуполковникъ выдаетъ ему въ концѣ концовъ печальную аттестацію, какъ „удивительному трусишку“ (*admirable poltron*), которому нѣкоторые изъ нашей компаніи неоднократно указывали его мѣсто, на чтѣ Берtranъ отвѣчалъ лишь на подобіе тѣхъ великолѣпныхъ англійскихъ договъ, которые довольствуются ворчаніемъ и лаемъ, но не рѣшаются укусить“.

Но этого мало: разсерженный де-Гверенъ утверждаетъ, что Берtranъ обманулъ Царя: онъ вовсе не состоялъ на службѣ короля польскаго. Обвинитель ссылается на свидѣтелей, которые могутъ подтвердить это (и нужно сознаться, что таинственное отсутствіе „паса“ также подтверждаетъ это обвиненіе).

Былъ ли де-Гверенъ самъ лицомъ, мало заслуживающимъ довѣріе, или просто на его письмо не обратили должнаго вниманія, полагая, что не все ли равно, каково было прошлое Берtrана, разъ онъ теперь дѣлаетъ свое, полезное для государства, дѣло, но, повидимому, доносъ послѣдствій не имѣлъ. Наоборотъ, Берtranъ не только продолжалъ свою службу въ Москвѣ, но и получилъ прибавку содержанія. Вмѣсто 130-ти, ему стали платить 150 ефимковъ въ мѣсяцъ.

4.

Великія событія шли свсімъ путемъ, а на ихъ фонѣ, какъ мелкія, быстро бѣгущія облака на фонѣ грозовой тучи, сплетались и сталкивались личные интересы и шла борьба самолюбія, тщеславія и алчныхъ вожделѣній.

Къ лѣту 1702 года пошли слухи о томъ, что шведы намѣреваются напасть на Архангельскъ. Немедленно же Петръ отправляется навстрѣчу опасности, взявъ съ собою большую часть своихъ сотрудниковъ. Генераль-инженеръ Берtranъ находится въ ихъ числѣ.

Незамѣтно проходили лѣтніе дни. Синѣло сѣверное небо, шумѣли сосновые лѣса, бѣлые паруса носились надъ зелеными волнами. Царь сходилъ съ кораблей на берегъ, потомъ опять садился на корабли и плылъ въ другое мѣсто. Не хватало часовъ въ суткахъ. Сегодня въ Архангельскѣ, завтра въ Повѣнцѣ, послѣ завтра опять на берегу Студенаго моря. Палатки то и дѣло складывались и снова разставлялись—все на новыхъ мѣстахъ.

Можно было видѣть воочію, какъ геній человѣка подчиняетъ себѣ природу. Какъ, взявъ ее, словно кусокъ глины, онъ лѣпить изъ нея то, что ему нужно, заставлять ее служить своимъ человѣческимъ цѣлямъ. И дикіе лѣса и море подчинялись родившемся въ головѣ человѣка идеѣ: тутъ возникала земляная звѣзда укрѣпленія, тамъ каменное жало мола вливалось въ самую гущу сердитыхъ волнъ. Лѣсныя чащи уступали мѣсто безконечнымъ просѣкамъ, пустынныя берега рѣкъ обросли складами и магазинами.

16 августа подпоручикъ Лефортъ сказалъ генералу Берtranу, что „Царское Величество съ транспорта перешель на сухой путь“. И Берtranъ пошелъ „свой должной поклонъ отдать и получилъ Царскаго Величества очи видѣти въ палаткѣ у г-на генерала Ивана Ивановича Чамберса“.

Государь пробылъ въ палаткѣ недолго, принялъ угощеніе и уѣхалъ. Берtranъ подошелъ къ вице-адмиралу ¹⁾), и они „пріятно поступали и другъ другу старую имѣющую межъ собою недружбу простили“, послѣ чего вице-адмиралъ уѣхалъ на свой корабль.

¹⁾ Фамилія неизвѣстна.

Не успѣлъ онъ скрыться, какъ Памбургъ, капитанъ корабля, успѣвшій уже хватить изрядную порцію голландской водки, началъ ни съ того, ни съ сего ругаться.

„Для чего ты съ такимъ гунифотомъ помирился? Знатно, такой же и ты гунифотъ“, приставалъ онъ къ Берtranу.

Лекарь Постниковъ тоже изрядно нагрузился по случаю прїѣзда Царя. Онъ раскачивался на походномъ стулѣ, держась за палаточную палку, и смѣялся всему, что говорилось.

Берtranъ не смущился замѣчаніемъ Памбурга.

„Я ссориться съ тобой не хочу,—возразилъ онъ спокойно, всякъ знаетъ, что я не гунифотъ“.

„Молчи, ты и ротъ свой держи! продолжалъ сердиться Памбургъ. Въ моей волѣ, что я тебя въ карманъ мой всуну“.

„Мой любезный голландецъ, отпучивался Берtranъ.—Я есмь зѣло великъ, что ты хочешь въ карманъ меня всунуть. Будемъ лучше по-прежнему добрыми друзьями пребывать“.

И опять Постниковъ засмѣялся назойливымъ смѣхомъ пьяного человѣка.

Памбургъ накинулся на него.

— Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагахъ биться!

И, присоединяя къ словамъ дѣло, онъ схватилъ бѣднаго эскулапа за рукавъ каftана и вытащилъ вонъ изъ палатки, въ намѣреніи драться съ нимъ на дуэли.

Берtranъ, Чамберсъ и Кенигсекъ бросились за нимъ. Берtranъ обнялъ расходившагося голландца и отвелъ въ сторону, говоря:

— Другъ мой, покинь сіе: ты вѣдаешь повелѣніе нашего Государя. И, сверхъ того, немнogo себѣ чести получишь, что съ пьянымъ докторомъ биться станешь.

Остальные увили Постникова, и такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Но беспокойному капитану не хотѣлось идти въ палатку, куда его звалъ Берtranъ; его тянуло на волю. Берtranъ, уступая его желанію, отдалъ епанчу мальчику, и пріятели пошли къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу.

Наступалъ вечеръ. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась близость моря и сосноваго бора. Лагерный шумъ постепенно утихалъ, и

душой Бертрана овладѣлъ давно не испытанный покой. Онъ снялъ треуголку. Вѣтеръ слегка шевелилъ пряди его легкаго лѣтнаго парика и пріятно обдувалъ голову. Вокругъ разстился мирный ландшафтъ; деревушка виднѣлась на пригоркѣ; слышалось мычаніе стада, возвращавшагося домой. Бертранъ думалъ о своей беспокойной, бездомной жизни, и чувства, похожія на зависть, шевелились въ его душѣ при взглядѣ на бѣдныя крыши деревенскихъ домиковъ. Будеть ли когда-нибудь и у него свой кровъ и свой очагъ?

Такъ вошли они въ лѣсъ, и вѣковыя сосны обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили отъ вѣнчанаго міра. Тогда Памбургъ, молчавшій всю дорогу, внезапно обнажилъ свою шпагу и, глядя тяжелымъ взглядомъ на спутника, сказалъ:

— Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отвѣтай голландца, каковъ голландецъ.

Очиувшійся Бертранъ невольно попятился назадъ, но, сохранивъ спокойствіе духа, отвѣтилъ:

— Ты опять за свое. Покинь сіе, и пойдемъ лучше обратно въ палатку. Тамъ взвеселимъ себя виномъ.

Но Памбургъ съ злобнымъ упрямствомъ пьяного дурака повторялъ:

— Вынимай шпагу или я тебя заколю!

— Вспомни Государевъ указъ, Памбургъ, уймись,—просилъ Бертранъ.

Но голландецъ уже наскѣдалъ на него. Отступая, Бертранъ наткнулся, въ своихъ большихъ нѣмецкихъ сапогахъ, на корень и упалъ, но вѣремя ухватился за дерево и поднялся. Кровь бросилась ему въ голову отъ сознанія опасности. Быстро выхвативъ оружіе, онъ остановился.

— Памбургъ, пожалуй, покинь сей обычай. А я себя заколоть не дамъ и по нуждѣ буду дѣлать, какъ надлежитъ.

— Боронись, сколько можешь! — крикнулъ въ отвѣтъ голландецъ и яростно кинулся впередъ.

Все кончилось во мгновеніе ока. Шпага Бертрана пробила кафтанъ, грудь, сердце Памбурга, и бѣдный капитанъ грязнулся на землю, не издавъ ни звука...

Генераль Чамберсъ сидѣлъ еще за столомъ, куря трубку и бесѣдуя съ Керхеномъ, Кенигсекомъ и Лефортомъ, когда входъ въ палатку распахнулся и вошелъ Бертранъ. Не отвѣчая на веселыя привѣтствія, онъ остановился передъ Чамберсомъ.

— Я закололъ Памбурга. На поединкѣ.

Съ минуту длилось молчаніе. Потомъ Чамберсъ всталъ.

— Отдайте, государь мой, вашу шпагу.

Безпрекословно генералъ-инженеръ исполнилъ приказаніе. Точно также не протестовалъ, когда Керхенъ отвелъ его въ палатку и приставилъ къ ней караулъ. Только громко, такъ что слышали всѣ собравшіеся вокругъ, воскликнулъ:

— Предаюсь въ волю Государеву!

А Чамберсъ съ Кенигсекомъ пошли въ лѣсъ, на указанное Берtranомъ мѣсто, осмотрѣть тѣло убитаго.

„И нашли успяща на спинѣ, а шпага у него въ рукѣ на голо“...

5.

„И ево, Памбурга, погреbъ, а животы его послалъ переписать Керхена, да съ нимъ полкового писаря Григорія Рубцова“.

Такъ писалъ Чамберсъ Федору Алексѣевичу Головину.

Не лишенъ интереса списокъ вещей, оставшихся послѣ погибшаго Памбурга. Изъ него можно усмотрѣть, что иностранцы, состоявшіе на службѣ Царя, были довольно зажиточные люди.

Въ первомъ сундуке:

„Персона Государева золотая. И положена та персона во французскомъ красномъ каftанѣ.

Шпага, у ней черенъ серебряной.

Каftанъ французской и камзоль суконные дикого цвѣту, подбиты чернымъ сукномъ.

Каftанъ французской лазоревой. Около ево всего петли, золото съ серебромъ, подбитъ сукномъ лазоревымъ. Пуговицы обшивныя, золотомъ и серебромъ. Камзоль и штаны атласъ бѣлой, травы золотныя; подбитъ камзолъ бѣлою тафтою.

Подпояска турецкая красная“ и т. д.

Въ другомъ сундуке:

„Мѣшокъ атласной, щитъ золотомъ и серебромъ. А въ немъ 6 золотыхъ двойныхъ, да одинакихъ 140 золотыхъ, да $\frac{1}{4}$ ефимка серебряного.

348 рублей, 7 алтынъ, 2 деньги.

14 книгъ морскихъ, 11 тетрадей съ листовымъ золотомъ

7 скатертей столовыхъ, 20 полотенецъ ручныхъ столовыхъ, 3 простины, 5 платковъ нѣмецкаго полотна, шестойшелковой, 8 паръ манжетъ" и т. д.

Вся роспись занимаетъ 8 страницъ.

"Такова подлинная роспись за закрѣпленіемъ стольника двинскаго воеводы Василія Ржевскаго".

6.

Убийство Памбурга не имѣло печальныхъ послѣдствій для нашего героя. Повидимому, Петръ, разобравъ дѣла, избавилъ его отъ тяжелой кары, которой подвергались нарушители его указа о дуэляхъ. На это указываютъ и нѣкоторыя письма Бертрана, въ которыхъ онъ напоминаетъ, что жизнь его принадлежитъ Царю, такъ какъ Царь даровалъ ему эту жизнь.

Кампанія въ Ингерманландіи 1703 года была имъ про-дѣлана вмѣстѣ съ Государемъ. Если вѣрить самому Бертрану, онъ обнаружилъ въ этой кампаніи все свое искусство и всю свою науку и сдѣлалъ столько, сколько самъ „бывшій господинъ маршаль де-Вобанъ“ прежде сего съ тридцатью и сорока человѣками чинилъ". Особенно онъ отличился при взятіи Нотебурга, за что, по его словамъ, былъ награжденъ орденомъ „въ присутствіи пословъ Европскихъ".

Послѣ взятія Ніеншанца, опять таки если вѣрить тому что написано въ письмѣ Бертрана къ Петру I, на него было возложено порученіе осмотрѣть, вмѣстѣ съ Гавр. Ив. Головкинымъ, то мѣсто, на которомъ впослѣдствіи возникъ Петербургъ.

Звѣзда французскаго выходца горѣла ярко до середины 1704 года, но затѣмъ свѣтъ ея стала быстро меркнуть. Что послужило причиной этого? Документы на этотъ счетъ хранятъ молчаніе.

Бертранъ принималъ участіе въ осадѣ Нарвы и, послѣ взятія этого города, жилъ въ немъ довольно широко, если принять, напримѣръ, во вниманіе, что у него на конюшнѣ стояло 8 лошадей и что онъ бывалъ запросто у кн. М. М. Голицына и Г. И. Головкина.

Но затѣмъ что-то случилось. Оправдались ли слухи о его самозванствѣ, удалось ли просто завистникамъ и врагамъ восстановить противъ него власть имущихъ, но въ

октябрѣ 1704 года Бертрану приходится писать жалобу Государю на притѣсненія со стороны фельдмаршала Огильви.

„Такую досаду мнѣ учинили, жалуется онъ, о достоинствѣ чина моего споруютъ. И самъ г-нъ фельдмаршалъ Огильви сказалъ, что мнѣ достоинства въ чинѣ нѣть. И караулъ мой при квартирѣ моей въ Нарвѣ отняли. И къ тому пришло, что онъ мѣсто или скамейку, гдѣ я въ Киркѣ нашей всегда сидѣлъ, замкнуть велѣлъ“.

Въ 1705 году судьба бросаетъ генераль-инженера въ Гродно, вмѣстѣ съ отрядомъ, посланнымъ на помощь польскому королю Августу II-му. Что дѣлалъ онъ тамъ—неизвѣстно, но, когда Карлъ XII подошелъ къ Гродно и осадилъ этотъ городъ, Бертранъ исчезъ. Какъ опытный пловецъ, чующи приближеніе опасности, онъ скрылся подъ поверхностью житейского моря и вынырнуль только въ Копенгагенѣ, откуда имѣется его письмо къ Головкину отъ 25 июля 1706 года.

Свое исчезновеніе Бертранъ объясняетъ тѣмъ, что король Августъ на четвертый день обложенія шведами Гродно (съ одной лишь стороны) уѣхалъ изъ этого города въ Варшаву, и онъ, Бертранъ, послѣдовалъ за нимъ, какъ за своимъ господиномъ, который лишь на время „одолжилъ“ его Царю.

Русскіе источники (переписка барона Литца, русскаго чрезвычайного посла въ Берлинѣ) смотрѣть на этотъ поступокъ нѣсколько иначе, называя его просто побѣгомъ со службы. И если принять во вниманіе, что Бертранъ сопровождалъ Августа II только до Варшавы, а затѣмъ очутился въ Германіи, между тѣмъ какъ король поѣхалъ въ Krakowъ, то придется пожалуй согласиться съ офиціальной версіей.

7.

Не успѣваетъ, однако, герой нашего разсказа очутиться за границей, какъ его начинаетъ неудержимо тянуть обратно въ Россію. Письмо къ Головкину, о которомъ я упоминалъ выше, было лишь началомъ цѣлой серіи писемъ къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ Бертранъ извиняется, оправдывается, объясняетъ свой поступокъ на разные лады, просить разрѣшенія вернуться, предлагаетъ Царю набрать искусствныхъ инженеровъ во Франціи, а также пытается

вернуть себѣ расположеніе различными „дипломатическими“ ходами.

Такъ, онъ доноситъ Государю, что русскій посолъ въ Копенгагенъ А. П. Измайлова ведеть образъ жизни, не соотвѣтствующій своему званію, и компрометтируетъ себя въ глазахъ иностранцевъ: „не дѣлаетъ чести своему чину бѣднымъ житіемъ своимъ“; что голландская королева пожелала его, Бертрана, видѣть, и онъ восхвалялъ передъ ней „нравы Величества Вашего и правительства Московскіи“, „что послѣдняя побѣда надъ шведами, которыхъ половину Вы искоренили (Лѣсная?) и корабельный бой чинить въ Европѣ дьявольской шумъ“; что „во Франціи болѣе не сумнѣваются, что Москва весьма въ иное состояніе превратилась, какъ и не чаяли“ и т. п. И, наконецъ, усиленно просить денегъ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Россію и „умереть на службѣ Его Величества“.

Ни на одно изъ этихъ писемъ Бертранъ отвѣта не получилъ и въ 1708 году, окончательно, какъ кажется, потерялъ надежду возвратиться въ Россію.

Съ этого времени до 1711 года мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

8.

Въ страстную субботу, 4-го апрѣля 1711 года, „маіоръ дю-журъ“ фонъ-Хеннингенъ, пользуясь хорошей погодой, рѣшилъ уѣхать изъ Берлина на всю Пасхальную недѣлю и передалъ на это время исполненіе своихъ обязанностей капитану фонъ-Зондерслебену.

Какъ разъ въ первый день праздника получилось приказаніе коменданта немедленно арестовать нѣкоего француза Бертрана, приставивъ ефрейторскій караулъ къ его квартирѣ.

Приказаніе объ арестѣ явилось слѣдствіемъ требованія русскаго правительства, переданного черезъ барона Литца. Бывшій генералъ-инженеръ обвинялся: 1) въ побѣгѣ со службы въ военное время; 2) въ печатаніи пасквилей противъ Петра I и князя Меншикова и 3) въ ношеніи неприсвоеннаго ему россійскаго ордена.

Бертранъ въ это время жилъ въ Берлинѣ, въ домѣ аптекаря Ламбле въ Соборномъ переулкѣ и находился въ весьма плачевномъ материальномъ положеніи. Онъ вель

переговоры съ правительствомъ Венецианской республики о принятіи его на службу въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ, и дѣло это, повидимому, налаживалось. Но въ ожиданіи будущихъ благъ ему сильно приходилось бѣдствовать.

Караулу у арестованного была дана инструкція: одному изъ его состава безотлучно находиться въ комнатѣ Бертрана и слѣдить за нимъ. Караульному начальнику на главной гауптвахтѣ и рунду было вмѣнено въ обязанность тщательно провѣрять новый караулъ.

Дѣло было праздничное, и мысли капитана Зондерслебена безъ должнаго вниманія останавливались на служебныхъ дѣлахъ. Поэтому, при раздачѣ пароля фельдфебелямъ тѣхъ ротъ, которыхъ должны были заступить въ караулы, онъ сообщилъ о существованіи новаго караула, а обѣ инструкціи упомянуть забылъ. Правда, караульные начальники на главной гауптвахтѣ, по самому существу своихъ обязанностей, должны были, какъ при главной, такъ и при дневной рондѣ, повѣрять службу новаго караула, но они, вѣроятно тоже по случаю праздника, а можетъ быть потому, что это такъ уже и велось въ берлинскомъ гарнизонѣ, дѣлали это достаточно небрежно. Фельдфебеля же караульныхъ ротъ, при утреннемъ рапортѣ, доносили капитану Зондерслебену, что все обстоитъ благополучно.

Ефрейторъ и 3 рядовыхъ, караулившіе Бертрана, не снабженные точными указаніями, не знали собственно, что имъ дѣлать. Поставивъ ружья въ уголокъ полутемной прихожей, они потихоньку разговаривали, выходили на улицу, курили, зубоскали съ черноглазой Софьей, служанкой м-ре Бергранъ, спали на деревянномъ диванѣ у входной двери. Иэрѣдка заглядывали въ комнату къ арестованному. Тотъ неизмѣнно сидѣлъ за столомъ, среди груды бумагъ и писалъ.

Бертранъ писалъ много и упорно: писалъ барону Литцу, повѣренному Царя, писалъ самому Царю, писалъ Головкину, писалъ секретарю Венецианской республики, составилъ прошеніе королю прусскому объ освобожденіи его изъ-подъ ареста.

Положеніе его дѣйствительно было печально. Со дня на день онъ могъ ожидать выдачи русскимъ властямъ и отправки въ Россію. Образъ несчастнаго Паткуля, выданаго Августомъ Карлу XII и казненнаго ужасной казнью, не выходилъ у него изъ головы, ежечасно напоминая, какъ опасно ссориться съ могущественными монархами.

Бертранъ уже не настаиваетъ, какъ прежде, на своемъ званіи генераль-инженера, не утверждаетъ съ гордостью, что весь свѣтъ видѣлъ его «всего въ брилльянтахъ», заслуженныхъ имъ, подвергаясь „100 миллионовъ разъ опасности быть убитымъ“. Онъ готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ чиновъ и отъ ордена и снова „довольствоваться лишь именемъ Бертрана“, только бы его оставили въ покоѣ и сняли бы приставленный къ нему караулъ.

Ко всѣмъ несчастьямъ присоединилось безденежье. Въ карманѣ Бертрана оставалось всего 8 талеровъ, и черезъ нѣсколько дней ему съ женой грозилъ голодъ.

Положеніе становилось отчаяннымъ.

9.

Въ 10 час. вечера, 14-го апрѣля, поручикъ фонъ-Ширштедтъ, съ тремя солдатами, обходилъ главной рондой ввѣренные ему посты. Ночь была темная, безлунная. Все спало мирнымъ сномъ. Весеннія звѣзды теплились надъ острыми черепичными крышами домовъ.

Поручикъ Ширштедтъ, со свойственнымъ его 23-хъ лѣтнему возрасту легкомысліемъ, думалъ, что хорошо было бы, если бы чортъ побралъ всѣхъ арестованныхъ на свѣтѣ, изъ-за которыхъ приходится не спать по ночамъ и ломать ноги по далеко не безупречнымъ берлинскимъ мостовымъ. Доставалось отъ него коменданту за то, что онъ учредилъ этотъ глупый постъ въ какомъ-то Соборномъ переулкѣ, вместо того, чтобы просто посадить француза на гауптвахту. Вообще служба стала черезчуръ тяжела. За послѣдніе 10 дней ему пришлось дважды быть караульнымъ начальникомъ и одинъ разъ начальникомъ главнаго патруля. Если такъ пойдетъ дальше, то прямо хоть подавай въ отставку.

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи дошелъ поручикъ до дома аптекаря, трехъэтажной постройки, съ единственнымъ выходомъ на улицу. На стукъ въ дверь, въ верхнемъ этажѣ открылось окно и выглянула взъерошенная голова заспанного солдата.

„Wer da?“

„Lieutenant Schierstedt nebст patrolle. Ist alles richtig?“.

„Alles ist richtig, mein Lieutenant“.

Собственно слѣдовало бы подняться наверхъ и провѣрить службу караула. Старый фельдфебель Бусе, который, за свои

64 года, собаку съѣлъ на всякой службѣ, совѣтовалъ обратить вниманіе именно на этотъ караулъ. Но впереди еще три „визитаци“ и смертельно хочется поскорѣе кончить эту канитель и вернуться на гауптвахту.

„Ничего не случится. Не убѣжитъ. Какъ ему убѣжать когда единственный выходъ охраняется?“.

Поручикъ Ширштедтъ не угадалъ. Именно въ эту ночь съ 14-го на 15-ое апрѣля 1711 года, бывшій московскій генераль-инженеръ Бертранъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, спустившись изъ окна 3-го этажа по веревкѣ.

Возникло дѣло. Къ суду была привлечена масса лицъ: маіоръ Хеннингенъ, капитанъ ф. Зондерслебенъ, 8 поручиковъ и прапорщиковъ, нѣсколько фельдфебелей,unter-офицеровъ и рядовыхъ, жена Бергтрана, хозяинъ дома и нѣсколько лицъ, способствовавшихъ побѣгу.

Изъ лежащаго передо мной объемистаго дѣла (*Acta Inquisitionalia*) явствуетъ, что въ началѣ XVIII вѣка караульная служба въ королевской резиденціи Берлинѣ неслась весьма неудовлетворительно. Распоряженія по гарнизону отдавались большою частью не въ приказахъ, а устно, во время раздачи пароля маіоромъ „дю-журъ“, что конечно не могло не вести къ недоразумѣніямъ. Въ данномъ случаѣ изъ 8-ми караульныхъ начальниковъ нѣкоторые знали о распоряженіи тщательно провѣрять службу караула, другіе не знали. Одинъ слышалъ это распоряженіе изъ устъ ротнаго командира; другой—фельдфебеля. Обязанности караульнаго начальника и начальника главнаго патруля не были, повидимому, ясно разграничены. Такъ, одинъ изъ первыхъ объяснилъ на судѣ, что онъ полагалъ, что повѣрять караулъ у арестованного долженъ не онъ, а начальникъ патруля.

Судъ закончился печально для виновниковъ служебной небрежности. Маіоръ Хеннингенъ и капитанъ Зондерслебенъ были приговорены къ „реприманду“ и къ вычету мѣсячнаго содержанія; ефрейторы: Сембке—къ 1 мѣсяцу и Шаде къ 6-ти мѣсяцамъ каторжныхъ работъ; фельдфебель Бусе къ воспрещенію исполненія адъютантскихъ обязанностей и т. д.

Между прочимъ изъ дѣла видно, что тогдашній официальный военный нѣмецкій языкъ былъ положительно наводненъ исковерканными французскими словами: „echappieren“, „arrivieren“, „visitiren“, „repondieren“, „confrontieren“, „passaten“ (прохожie), „evasion“, „ronde“, „negligence“, „diverter“ (различныи), такъ и пестрять на каждой страницѣ.

Видно также и то, что допросъ велся съ пристрастиемъ и если обвиняемый артачился и не хотѣлъ показывать, что отъ него требовалось, то ему надѣвали на шею какой-то стальной воротникъ. Впрочемъ, одной угрозы прибѣгнуть къ этому средству было обыкновено достаточно, чтобы развязать языкъ.

10.

Берtranъ бѣжалъ въ Дрезденъ, имѣя фальшивый паспортъ на имя Антонія Шилони. Но долго въ этомъ городѣ не оставался, опасаясь, что и тамъ достанутъ его руки сѣверного колосса, становившіяся все длиннѣе съ каждымъ годомъ. Онъ продолжалъ свое бѣгство на югъ и скрылся окончательно изъ вида гдѣ-то въ Италіи.

Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ лишь одно письмо Бертрана, а именно Петру I-му, написанное въ Ливорно 6 іюня 1715 года и полученное въ Петербургѣ 11 іюля того же года.

Старый авантюристъ, повидимому, съ сожалѣніемъ, съ тоской вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ состоялъ на службѣ Царя и былъ очевидцемъ и даже участникомъ чудеснаго созиданія великой сѣверной державы. Быть можетъ, дѣйствительно въ его жизни, полной лишеній и ожесточеній вѣчной борьбы за существованіе, это былъ единственный періодъ, когда онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и материально и нравственно: быть обеспеченымъ хорошимъ содержаніемъ, стояль на равной ногѣ съ людьми знаменитыми своими дѣлами и своими именами, дѣлалъ дѣйствительно нужную и полезную работу, не имѣя надобности прибѣгать къ средствамъ темнымъ и сомнительнымъ. Быть можетъ, Московія явилась для него второй родиной, родиной сердца и духа. Его вѣчное стремленіе въ эту суровую страну изъ богатыхъ и ласковыхъ западныхъ странъ какъ будто подтверждаетъ это.

Берtranъ просить Царя простить его за внезапное бѣгство изъ Россіи, которое онъ объясняетъ интригами своихъ враговъ.

„Чаю—пишетъ онъ—что время все Вамъ открыло и я дерзаю уповать, что Ваше Величество милость свою покажете и свѣту окажете, что Вы тѣхъ не оставляете, которые Вамъ какой пользы были“.

Изгнаникъ вспоминаетъ свою службу въ Ингерманландскомъ походѣ и при взятіи Нарвы и умоляетъ разрѣшить ему вернуться въ Россію и свое „подданство возобновить“.

Онъ пишеть, что изъ уваженія къ своему званію русскаго генераль-инженера онъ никуда не поступилъ на службу (про переписку съ Венецианской республикой умалчиваєтъ), „чего ради истощалъ и такъ бѣдна себя нахожу, какъ Іовъ“. И просить поскорѣе выслать ему извѣстную сумму денегъ „чѣмъ бы персонально мою покорность объявить прѣѣхать могъ“.

Письмо заканчивается увѣреніями въ вѣчной преданности Царю и въ готовности за него умереть.

11.

На этомъ кончается исторія генераль-инженера Бертрана, и судьбу его снова окутываетъ мракъ неизвѣстности, изъ которого, 14 лѣтъ назадъ, онъ вышелъ на границѣ двухъ странъ и двухъ эпохъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ людей, которыхъ водоворотъ великихъ событий всегда достаетъ изъ темныхъ глубинъ жизни и выбрасываетъ на поверхность, съ тѣмъ, чтобы, черезъ короткое время, спаса похоронить въ вѣчной тьмѣ. Исторія не создается этими людьми, но ища личныхъ выгодъ, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, они приспособливаются къ ея великимъ теченіямъ, и дѣятельность ихъ нерѣдко бываетъ полезна для человѣчества, быть можетъ, даже необходима.

Великій мыслитель Колумбъ открылъ Америку. Но могла ли бы она получить такое быстрое и блестящее развитіе безъ искателей приключений: Кортеца, Пизарро и многихъ другихъ?

Великій Императоръ Петръ двинулъ Россію по пути прогресса. Но легко ли было бы ему сдѣлать въ такой короткій срокъ такую страшную работу безъ массы авантюристовъ,—крупныхъ и мелкихъ,—хлынувшихъ въ Москву въ чаяніи наживы?

А въ наше время—положа руку на сердце—развѣ мы мало встрѣчаемъ среди передовыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни авантюристовъ—большихъ и малыхъ?

К. Арнольди.

Старинное слово о живомъ словѣ.

„О великий, могучий, правдивый и свободный русский языкъ!“ постоянно звучитъ съ каѳедры, неоднократно пишется въ статьяхъ, въ подкрайпленіе разсужденій о значеніи, силѣ, красотѣ родного языка. Эти слова Тургенева о родномъ языке, съ такою силою и страстью вырвавшіяся изъ глубины души его въ минуту раздумья, только потому такъ часто повторяются, что наиболѣе общеизвѣстны; но они не единственны въ своемъ родѣ на страницахъ русской литературы. Во многихъ и многихъ твореніяхъ великановъ русской словесности, какъ перлы жемчуга, разсыпаны мысли о человѣческой рѣчи, о родномъ языке, о живомъ словѣ. Всѣ эти мысли, собранныя во-едино, могли бы составить объемистую, въ высшей степени интересную, книгу и открыть новый источникъ знанія и вдохновенія.

Назовемъ хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ: „И всякий народъ, носящий въ себѣ залогъ силы, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственного характера“, говоритъ Гоголь. „Искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества, даже больше, чѣмъ наука,

именно потому, что она—звукящая, человѣческая, мыслящая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа”, указываетъ Тургеневъ. „Родное слово, рѣчь народа! языкъ срѣдь жизненнаго хода, стоишь ковчегомъ ты святымъ и служишь сводомъ сопряженья, завѣтомъ вѣчнаго ближенья!” восклицаетъ Мицкевичъ. „Нѣтъ слова, которое бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово” (Гоголь). „Мы находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условия живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ” (Тургеневъ). Пушкинъ вѣрилъ, что силою могучаго русскаго языка онъ „Памятникъ зводвигъ себѣ нерукотворный”; и что ему назначено свыше: „Глаголомъ жги сердца людей”. Ал. Толстой называетъ дары, приносимые свѣтлыми Духами на землю: „Жатвы всѣ благословить, принести живое слово”... „Есть сила благодатная въ созвучии словъ живыхъ”, восторгается Лермонтовъ.

Внимательно слѣдя за подобными, болѣе или менѣе однородными, мыслями творцовъ русскаго литературнаго языка, читающій проникается ихъ взглядами на обликъ ихъ собственнаго творчества и невольно начинаетъ раздѣлять ихъ высокія воззрѣнія на человѣческую рѣчь вообще и на родной языкъ, въ частности. Однако, при чтеніи такихъ откровеній въ умѣ читающаго пробуждается размышеніе: выработаны ли писателями эти идеи самостоятельно—силою личнаго таланта, творческимъ дарованіемъ? или же они, являясь мельчайшими единицами великой семьи资料 своего народа, лишь отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, его мысли, его идеи о собственномъ языкѣ; и, какъ истые сыны своей родины, они несутъ въ своихъ произведеніяхъ залогъ историческихъ переживаний, печать вѣковой мудрости всего русскаго народа?

Языкъ народа, это — многовѣковой, „нерукотворный памятникъ” исторической жизни его. Онъ подобенъ безбрежному морю съ его отливами и приливами, съ его яркими красками при свѣтѣ просвѣщенія, и его непроглядною тьмою среди мрака невѣжества. Произведенія народнаго творчества, подобно волнамъ, передаютъ колыханіе этого безграничнаго океана: нѣкоторыя изъ нихъ при столкновеніи съ новыми вѣяніями разлетаются въ дребезги,

другія, напротивъ того, упорно противостоять натиску чуждыхъ идей; одни запечатлѣваютъ въ себѣ цѣликомъ свѣжія впечатлѣнія, другія окутываютъ постороннія вліянія такою густою дымкою своеобразности, что нѣтъ возможности найти ихъ истинный слѣдъ...

Раскинувшаяся на огромныя пространства, покрытая непроходимыми болотами и дремучими лѣсами, древняя Русь—какъ показываетъ исторія—медленно перерабатывала въ себѣ начала государственности и подчинялась вліянію новой религіи. Однако же, христіанство, какъ и государственное строительство, хотя съ трудомъ, но все же неуклонно растекались по лицу земли древне-русской, проникали въ глубь народной жизни и налагали на нее свой отпечатокъ. Они послужили къ смягченію нравовъ, къ поднятію міровоззрѣнія народнаго, создали новые идеалы, новые условия быта и, безъ сомнѣнія, отразились и на внѣшнемъ проявленіи внутренняго міросозерцанія народа — на его живомъ словѣ, устной рѣчи. Ближайшія свидѣтельницы жизни народа, русскія пословицы, запечатлѣваютъ въ себѣ эти великия переживанія и несутъ память о нихъ въ послѣдующія поколѣнія. Такъ, нѣкоторыя изъ пословицъ складно и образно выражаютъ его мысли о рѣчи человѣческой, о родномъ языкѣ и чутко передаютъ его наблюденія за этой способностью въ теченіе столѣтій: въ нихъ чувствуется и высокое воззрѣніе народа русскаго на этотъ даръ Божій, и строгое къ нему отношеніе—порой одобряющее, порой порицающее, но всегда глубоко психологическое; иногда въ нихъ скрыты такія глубокія, свѣжія мысли о живомъ словѣ, которыхъ, пожалуй, не придутъ и въ голову иному широко-образованному человѣку..

Въ тайникахъ народной души вѣками укрѣплялось со-
зпаніе о значеніи и силѣ способности человѣка къ рѣчи,
какъ для общественной жизни, такъ и для отдѣльной лич-
ности, и подъ вліяніемъ развитія гражданственности уста
народныхъ завѣщаютъ потомству: „Языкъ царствами воро-
чаетъ“¹⁾; „Языкъ—стягъ, дружину водить“; въ назиданіе
народная мудрость добавляется: „Языкъ малъ, великимъ
человѣкомъ ворочаетъ“, „Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ
владеетъ“. Невольно нападаетъ раздумье — выработано
ли народнымъ сознаніемъ послѣднее воззрѣніе самостоя-
тельно, или же оно сложилось подъ воздействиемъ ду-

¹⁾ Пословицы заимствованы изъ книги: „Пословицы русского народа“, В. Даля.

ховнаго просвѣщенія? При сопоставленіи упомянутыхъ пословицъ съ текстомъ Св. Писанія—„Языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ“ (Посл. Ап. Іак. 3, 5)—это колебание еще болѣе усиливается, такъ какъ оба теченія не только по мысли, но и по формѣ, чрезвычайно близко под-ходятъ другъ къ другу! Однако, можно съ увѣренностью сказать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изреченія о словѣ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ обладающія глубокимъ психологическимъ смысломъ, нашли откликъ въ психикѣ русскаго народа, пришлись ему по душѣ и вошли во всеобщее употребленіе, принявъ оборотъ рѣчи народныхъ пословицъ: „Покорное слово гнѣвъ укрощаетъ“, „Ласковое слово и кость ломить“, „Отъ избытка уста глаголять“, „Лучше божбы: ей, ей; ни, ни!“. Народъ, принявший христіанство, силою проповѣдей и поученій своихъ просвѣтителей, присутствовавшій въ храмахъ на богослуженіяхъ, долженъ былъ оцѣнить все великое значеніе устной рѣчи, какъ средства познанія истиннаго Бога и какъ способа общенія съ нимъ, . и потому завѣты старины передаютъ въ послѣдующія поколѣнія: „Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ“, „Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ“, „Изъ твоихъ усть, да Богу въ уши“.

Являясь народу высокимъ даромъ Божіимъ, живое слово, по его убѣжденію, обладаетъ большимъ запасомъ нравственной силы и воздѣйствуетъ на окружающихъ: „Гласъ народа—гласъ Божій“, „Родительское слово мимо не идетъ“, „Честное слово и буйную голову смиряеть“, „Слово не стрѣла, а сердце сквозить“. Въ нѣдрахъ жизни народной столѣтіями складывалось воззрѣніе о необходимости внимательнаго отношенія къ этому нравственно-сильному слову—что возвышаетъ и самую рѣчь и благотворно вліяетъ на усерднаго слушателя съ крѣпкою думою. „Красную рѣчь красно и слушать“, „Поменьше говори, побольше услышишь“, „Красна рѣчь слушаньемъ“, „У него на эту рѣчь ухо заложено“, „Не ухо слышитъ, а душа“.

Особенное вниманіе читающаго привлекаетъ къ себѣ послѣдняя пословица. Ея содержаніе можно передать слѣдующимъ образомъ: бываютъ минуты, когда ухо, слушая чужую рѣчь, какъ бы уступаетъ свои права внутренней жизни человѣка для болѣе глубокаго пониманія и усвое-нія слышаннаго; другими словами, въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ, ухо—физическое чувство для воспріятія слуховыхъ ощущеній—внимаетъ не вѣшней звуковой рѣчи, то-есть

звуку голоса, словамъ и т. д., а стремится при содѣйствіи психики человѣка проникнуть въ тайники слушаемой мысли. Какимъ образомъ эта пословица—Богъ вѣсть, когда и кѣмъ сложенная—предвосхитила мысли, которыхъ мы встрѣчаемъ въ книгахъ современныхъ ученыхъ? Или... быть можетъ... этого совпаденія не существуетъ... однако, дѣйствительность убѣждаетъ въ противномъ: при сопоставленіи содерянія этой пословицы съ нѣкоторыми положеніями изъ книги нѣмецкаго психолога, сомнѣніе постепенно смѣняется увѣренностью, что совпаденіе дѣйствительно. Нѣмецкий ученый Э. Мейманъ въ своей прекрасной книгѣ „Экономія и техника памяти¹⁾“, говоря о функціяхъ памяти, указываетъ разнаго рода способы закрѣпленія въ памяти слышаннаго—начиная отъ простого наблюденія ухомъ за произносимою рѣчью и кончая запечатлѣніемъ „при помощи мыслительного процесса“. Разбирая послѣдній случай, онъ замѣчаетъ: „При этого рода запечатлѣніи вниманіе направлено, слѣдовательно, на логическую связь мыслей, по не на средства и форму, въ которыхъ она проявляется.... Единственно, къ чему мы стремимся—это лишь запечатлѣть и впослѣдствіи воспроизвести связь мыслей и представлений; слѣдовательно, мы относимся безразлично къ той формѣ, въ которой выражена въ подлинникѣ эта связь мыслей“²⁾...

Итакъ, когда мы стремимся логичнѣе, глубже проникнуть въ слышанное, у насъ „не ухо слышить“,—такъ какъ въ этомъ случаѣ мы упускаемъ изъ вниманія слуховую рѣчь,—а „душа“, которая „при помощи мыслительного процесса“ овладѣваетъ всѣмъ глубокимъ содержаніемъ познаваемаго.

Невольно въ умѣ поднимаются вопросы: откуда взялся у мало-образованнаго, вѣрнѣе, невѣжественнаго народа этотъ тонкій анализъ психическихъ процессовъ человѣка? навѣяно ли это многовѣковою жизнью народа? свѣтлымъ ли здравымъ умомъ его? тонкою ли наблюдательностью?.. На эти вопросы, полные колебанія и сомнѣнія, слышится величавый отвѣтъ исторического голоса: „Каковы свойства,

1) Эрнстъ Мейманъ. Экономія и техника памяти. Экспериментальная изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Переводъ Н. Самсонова. Москва. 1913 г.

2) То-есть къ значенію словъ, къ ихъ послѣдовательности, къ своеобразному выбору словъ для передачи мыслей, то-есть къ слуховой формѣ рѣчи.

таковы и рѣчи“. Но какъ постигнуть свойства народа, когда тотъ же голосъ вѣщаетъ: „Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ и не слышимъ“. Итакъ, поистинѣ, „Чужая душа—потемки!“ Однако, какъ ни глубока тьма чужой души, многовѣковая мудрость народная, наблюдая психику человѣка, выносить строгій приговоръ тому, у кого нравственный обликъ не соответствуетъ словамъ, выходящимъ изъ этихъ потемокъ на свѣтъ Божій: „Говорить прямо, а дѣлаетъ криво“, „Рѣчи королевскія, да дѣла нищенскія“.

Какъ слѣдствіе этого наблюденія, достойная рѣчь, основанная на нравственныхъ качествахъ, обращается въ глазахъ парода въ прочный устой, въ твердыню несокрушимую: „Слово сказалъ, такъ на него хоть теремъ клади“, „Слово законъ; держись за него, какъ за коль“, „Честь чести и на слово вѣритъ“. Какимъ образомъ такое высокое возарѣніе на непоколебимое „Слово—олово“, сложившееся путемъ долгаго наблюденія, могло совмѣщаться въ сознаніи народа съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ силою „заговоровъ“ и „наговоровъ“?

Уже словопроизводство этихъ понятій указываетъ, что это былъ говоръ, живая рѣчь, эмоциональное же значеніе этихъ словъ окутало ихъ густою дымкою таинственности¹⁾. Самые тексты заговоровъ и наговоровъ, часто оживляемые дыханіемъ поэзіи, являются собою видъ заклинаній силой слова человѣческаго: „А будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота“... „Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской“... „Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко“... „Слово мое не прейдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ“...²⁾. Очевидно, кудесники, знахари слагали свои заговоры и наговоры, беря въ основу вѣру народа въ силу „крѣпкаго“ слова. Было ли это простое мороченіе людей, или же они и сами вѣрили въ эту сверхъестественную силу?...

Между тѣмъ, прибѣгая къ заговорамъ и наговорамъ какъ къ средствамъ для избавленія отъ различныхъ болѣстей, всевозможныхъ напастей, люди сѣйдѣи старины слав-

¹⁾ Подъ эмоциональнымъ значеніемъ слова подразумѣвается то настроеніе, то чувствованіе, которое мы испытываемъ, слыша какое-нибудь слово. Напр., при словѣ „весна“ у насъ является радостное чувство, при словѣ „осень“—тоскливоѣ настроеніе и т. д.

²⁾ Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

гають пословицы, по смыслу какъ-бы противорѣчивыя этому источнику спасенія: „Отъ слова не станется“. „Словомъ человѣка не убьешь“. Не противорѣчія къ бытовому укладу жизни слѣдуетъ искать въ сихъ реченіяхъ, а скрѣе подтвержденія его: можно думать, что этими памятниками словесности русскій человѣкъ чурается отъ силы злого слова и увѣщеваетъ дѣтей своихъ не бояться его, такъ какъ „Словомъ и комара не убьешь“; но памятая въ то же время о великому значеніи живого слова, онъ присовокупляетъ: „Слово не обухъ, а отъ него люди гибнутъ“...

Общепзвѣстно, всегда и вездѣ повседневная жизнь, обыденная обстановка, окружающая человѣка, захватываетъ его сильнѣе, глубже, чѣмъ психическія наблюденія и отвлеченные вопросы. Это вліяніе сказывается и на изреченіяхъ народныхъ о рѣчи человѣческой: только незначительная часть ихъ касается мыслей высшаго порядка; большинство же изъ нихъ затрагиваетъ вопросъ съ точки зрѣнія общественно-нравственного уклада жизни и, при томъ въ такомъ количествѣ, что нѣтъ возможности говорить о всѣхъ подробно.

Забота о хлѣбѣ насущномъ, постоянно тревожащая обывателя, даетъ ему поводъ высказать свои мысли о языке, проведя равнодѣйствующую между этими двумя видами домашняго обихода: „Блюди хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ“. „Языкъ голову кормить“. „Языкъ хлѣбомъ кормить, и дѣло портить“. Народная молва не обошла молчаниемъ и то значеніе живого слова, которое оно имѣеть при взаимоотношеніи людей: „На сердитое слово не осержайся, а на ласковое не надѣйся“, „Кто говоритъ, что хочетъ, самъ услышить, что не хочетъ“. „Прямикое слово, что рогатина“. „Отъ языка не уйдешь“. Привычка русскаго человѣка къ бранной рѣчи привлекала къ себѣ вниманіе старинныхъ людей и наводила ихъ на мысль о поученіяхъ, слышанныхъ ими ранѣе: „Не бранись, что исходить изъ человѣка, то его поганить“. „Не сквернить въ уста, сквернить изъ усть“. „Не бранись: нечисто во рту будетъ“. Пустомѣльство, болтливость вызываетъ неудовольствіе здравомыслящихъ людей, и они пытаются усовѣщевать неугомонныхъ болтуновъ: „Въ многословіи не безъ пустословія“. „Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!“ „Пустая мельница и безъ вѣтра мелетъ“. Краснобайство—красивая форма безъ внутренняго содержанія—заслуживаетъ неменьшаго осужденія: „Краснѣ говоритъ, а послу-

шать нечего". „И красно и пестро, да пустоцвѣтомъ“. „Складно байтъ, да дѣла не знаетъ“...

Уста народныя, порицающія пустословіе, краснобайство, всегда высказывали желаніе слышать отъ оратора и складную и, въ то же время, дѣльную рѣчь. Это желаніе передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошло и до нашего времени и звучить въ формѣ пословицъ: „Хорошую рѣчь хорошо и слушать“. „Что молвилъ, то рублемъ подарилъ“. „Не пройми копьемъ, пройми языкомъ“. Народное остроуміе не щадить плохого оратора: „У него слово слову костыль подаетъ“. „Кланяться гораздъ, а говорить не умѣетъ“. „За тобой и на перемѣнныхъ не посыпѣшь“.

Но русскій народъ останавливалъ свое вниманіе не только на ораторской рѣчи; но и чутко прислушивался къ своему родному языку и ловилъ ухомъ тѣ слова, которые особенно приходились ему по душѣ, такъ какъ соответствовали его настроенію, его психикѣ: „Авось — великое слово“. „Есть“ словцо, какъ медъ, сладко; „нѣтъ“ словцо, какъ полынь, горько“. „Русское¹⁾ словцо“ „виновать“. Соответствуя психикѣ народа, являясь отзовками исторической жизни его, живое слово въками сохраняло слѣдъ нравственныхъ идеаловъ народа, если оно слагалось въ тѣ времена, когда онъ разрывалъ оковы повседневной, будничной жизни, и душа его переносилась въ міръ возвышенныхъ мыслей: „Велико слово—спасибо“, „Право — великое слово“. Ненавидя кривду, стремясь всей душой къ правдѣ, родная старина съ высокимъ подъемомъ увѣщиваетъ послѣдующія поколѣнія: „За правое дѣло говори смѣло“. „На правду словъ мало: „либо да, либо нѣтъ“. „На правду нѣтъ словъ“. Но въ минуты вдохновенія тотъ же неизмѣнныи глаголъ вѣковъ облекаетъ въ русскія слова высокія мысли и завѣщаетъ потомству: „На великое дѣло—великое слово!“.

Герои народнаго эпоса, былинные богатыри²⁾—вершители великаго дѣла „освобожденія земли русской отъ враговъ вѣнчанихъ, внутреннихъ и духовныхъ“ были, въ то же время, и носителями великаго слова. Видя въ нихъ свои идеалы, и потому надѣляя ихъ многоразличными качествами и свойствами, народное воображеніе влагаетъ

¹⁾ Правописаніе по книгѣ „Пословицы русского народа“.

²⁾ Текстъ и ударенія заимствованы изъ книги В. П. Авенариуса: „Книга былинъ“. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. С. Петербургъ. 1885 г.

въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ чудодѣйственный зычный голосъ, при звукѣ котораго все трепещеть и преклоняется.

Любимецъ народа русскаго, матерой богатырь Илья Муромецъ обладаль и мощью превеликою и чудесной силой голоса могучаго: „Отъ того-ли да отъ крику богатырскаго бѣлокаменны палаты зашаталися, изъ оконницъ стеклышики посыпались, на столахъ вапитки расплескалися, за столомъ князья да бояре припадали“... А по слову Ильи Муромца чудеса свершались дивныя: „Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ, каленую стрѣлочку накладывалъ, самъ стрѣлъ да приговаривалъ: „Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ, поснимай-ка золочены маковки!“ Пали на земь золочены маковки“.

Про великаго богатыря, про Дуная свѣтль Ивановича русскія былины сказываютъ: „Тихій-то Дунай и говорить гораздъ“, а Владиміръ стольно-кіевскій, зная этотъ даръ богатыря, посыдалъ его въ Литву „посвататься за него за князя за Владиміра“.

Повслительное слово молода Добрынюшки Никитича наказало землѣ матушкѣ порастрескаться и поглотить всю кровь змѣиную: „Браль опять Добрыня плѣтюшку шелковую, билъ той плѣтюшкой сыру землю, самъ землѣ да приговаривалъ: „Разступись-ка, мать-сыра земля, на четыре разступись на четверти, всю пожри-ка кровь змѣиную“. Разступилась мать-сыра земля на четыре да на четверти, всю пожрала кровь змѣиную“.

По народному сказанію, святорусскіе богатыри, сами обладающіе зычнымъ голосомъ, повстрѣчали и у супротивніковъ своихъ страшный голосъ съ силой лютою, отъ которой гибло все вокругъ: „Какъ засвищеть онъ (Соловей-разбойникъ) по-соловьиному, зашипѣть, разбойникъ, по-змѣиному, закричить, собака, по-звѣриному. Всѣ-то травушки-муравушки уплетаются, всѣ лазуревы дѣточки отсыпаются, темны лѣсушки къ землѣ всѣ преклоняются; а что есть людей-то всѣ мертвы лежать“. „Заревѣль самъ (Сокольникъ), будто лютый звѣрь: отъ того отъ реву молодецкаго всколыбалася сыра земля, выливалася изъ рѣкъ вода“.

Воображеніе народное, создавая для испытанія своихъ героевъ всевозможныя препятствія и ужасы, считало однимъ изъ тяжелѣйшихъ подвиговъ—устоять въ первыя минуты единоборства противъ всесокрушающей силы голоса своего противника.

И потому, побѣдоносные поединки, въ которыхъ неустранимъ защитникамъ отчизны удавалось преодолѣть и посвистъ Соловья - разбойника, и ревъ Сокольника, пробуждали въ народѣ чувство гордости за своихъ любимыхъ богатырей и наполняли радостью его сердце, такъ какъ эти побѣды были изъ труднѣйшихъ... „Коли самъ я свистомъ не сразилъ его (Ильи Муромца)“ откровенно сознаетъ Соловей-разбойникъ свое без силіе.

Тяжело, нестерпимо тяжело было народной душѣ разставаться со своими воююющими героями, такъ какъ они были плоть отъ плоти и кость отъ кости его; но неумолимая исторія требовала ихъ исчезновенія, и стouстая молва сложила былину: „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“. Вѣками привыкнувъ выражать радость и горе въ живомъ словѣ, русскій народъ въ заключительномъ произведеніи своего эпоса знаменательно связываетъ гибель борцовъ за землю русскую со значеніемъ живого слова въ жизни человѣка. Алеша Поповичъ забылъ страхъ Божій, забылъ завѣты старины — „Бойся Всевышняго, не говори лишняго“ — и вызвалъ на бой силу небесную: „Подавай намъ силу хоть небесную; мы и съ тою силой, братцы, справимся!“ И слово его заносчивое погубило непобѣдимыхъ охранителей святой Руси. Но они не умерли! онѣтъ! Этого не вынесла душа народная! Но въ наказаніе за неразумное слово Алеши Поповича, послѣ страшной битвы съ невидимою силою, они всѣ „окаменѣли“ близъ высокой горы.... и чувство народное смиряется передъ справедливой карой Божіей...

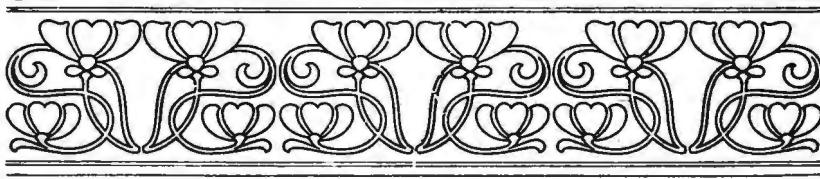
Познакомившись черезъ своихъ грамотеевъ съ новымъ видомъ живого слова — чтеніемъ вслушъ книжной рѣчи, русскій народъ перерабатываетъ въ своемъ сознаніи это новое явленіе жизни и, самъ не будучи грамотенъ, жаждетъ слышать отъ чтеца правильное, толковое чтеніе: „По выучкѣ мастера знать“; „Кто по толкамъ, а кто по складамъ“. „Не на пользу читать, коль только вершки хватать“. Природная склонность народа къ шуткѣ заставляетъ его подтрунить надъ плохимъ чтеніемъ, и неумѣлый чтецъ подвергается насмѣшкѣ: „Гдѣ чихнуть пришлось — запятая; гдѣ икнулось — двоеточіе; а гдѣ табаку понюхать — точка“; и ему указывается въ наказаніе: „Не всякий, кто читаетъ, въ чтеніи силу знаетъ“. Признавая силу въ чтеніи, почерпая изъ письменной рѣчи много новыхъ мыслей и знаній, старинные люди приглядываются и прислушиваются одно-

временно къ книжному и устному слову и сопоставляютъ ихъ между собою: „Говоритьъ, какъ книга“. „Живая грамота“. И свои психологическія наблюденія надъ разно-видною человѣческой рѣчью они оставляютъ исторіи въ складной и образной формѣ: „Слово—пухъ, а буква—пудъ“. „Живое слово дороже мертвыхъ буквы“.

И такъ, переживая въ своей долгой жизни многоразличныя политическія событія, великія духовно-религіозныя исканія, вырабатывая и общественный строй, и нравственные устои и семейно-бытовой укладъ, наблюдала въ этихъ переживаніяхъ и исканіяхъ рѣчь человѣческую, какъ силу могучую, чувствуя живое слово близкимъ и дорогимъ своей душѣ, русскій народъ шлетъ изъ сумрака вѣковъ современнымъ писателямъ свой исторический завѣтъ: „Старинныя пословицы — „Малъ языкъ — горами качаетъ“. „Живымъ словомъ побѣдить“—не мимо молвятся!“

Н. Сентюрина.

Изъ размышленій историка.

(Литература о П. И. Сумароковѣ).

Въ майской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ (1914 г., № 5) была напечатана замѣтка К. В. Сивкова „Провинціальная администрація въ 1812 г.“¹⁾. Изучая дѣятельность Аракчеева, мнѣ пришлось столкнуться и съ „героемъ“ указанной статьи, П. И. Сумароковымъ: это столкновеніе вызвало у меня нѣсколько печальныхъ мыслей, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

I. О существованіи П. И. Сумарокова я впервые узналъ изъ статьи А. Кизеветтера „Аракчеевъ“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за 1910 г. (пп. XI и XII, откуда и цитирую), которая потомъ вошла въ „Историч. очерки“.

Здѣсь я прочиталъ. „Передъ окончательнымъ укрѣпле-
ніемъ фавора Аракчеева при Александрѣ въ Новгородѣ

¹⁾ На требование гражд. губернатора П. И. Сумарокова, представить дополнительно 40 ратниковъ, новгородское мѣщанское общество отвѣтило отказомъ и 22 X даже составило всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ оправдывалось и просило освободить его отъ притѣсненій Сумарокова. За мѣщанское общество вступился потомъ губернскій прокуроръ Бѣляевскій; постепенно разрослась переписка (помѣщена у В. Н. Строева въ его „Документахъ къ ист. Отечественной войны“, „Сборн. историч. докум. изъ канцел. Е. В.“, 2 ч. XIV в.), которая послужила поводомъ къ особому „дѣлу“ въ министерствѣ (см. въ статьѣ Сивкова), и которая вызвала ревизію сенатора Миклашевскаго (дѣло № 17, 1815 года по Д. Г. и Д. дѣлъ изъ Архива Госуд. Совѣта).

губернаторствовалъ Павель Ивановичъ Сумароковъ, отличавшійся строгой честностью. При подрядахъ и рекрутскихъ наборахъ онъ относился ко всѣмъ помѣщикамъ губерніи съ полнымъ безпристрастіемъ. На этой-то почвѣ между нимъ и грузинскимъ владѣльцемъ и не замедлили возникнуть непріятности, ибо Аракчеевъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его трактуютъ совершенно такъ же, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, не дѣлая ему никакихъ поноровокъ. Тогда Аракчеевъ началъ совершенно ложно обвинять Сумарокова передъ Государемъ въ пьянствѣ, и Сумароковъ былъ отставленъ отъ службы и впалъ въ болыщую бѣдность.”¹⁾.

Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Русскій Архивъ“, 1880 г., кн. III, „Изъ записокъ Шенига“. Въ 1825 г. Аракчеевъ, однако, доставилъ Сумарокову аренду. Повидимому, Кизаеветтеръ всецѣло положился на свидѣтельство Шенига, а, между тѣмъ, „записки Шенига“ (какъ и большинство другихъ!) требуютъ къ себѣ очень осторожнаго отношенія. Кизаеветтеръ, видимо, даже не подозрѣвалъ о существованіи тѣхъ документовъ, которые послужили основой статьи Сивкова. (Ихъ можно было бы пополнить указаниемъ на дѣло № 17, 1815 г. по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, изъ архива Государственного Совѣта, въ которомъ находятся документы ревизіи сенатора Миклашевскаго)²⁾.

1) Кн. XII, 29—30 стр.

2) „О ревизіи сенаторомъ тайн. сов. Миклашевскимъ Новгородск. губ. и о непорядкахъ по управлению гражданского губернатора Павла Сумарокова“, Н. 16 III; К. 5 VI; лл. 17.

Въ своемъ заключеніи сенаторъ Миклашевскій подтверждаетъ всѣ тѣ непорядки, которое выясняются и изъ переписки Сумарокова съ Аракчеевымъ (см. въ „Членіяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1862 г., II. гдѣ она полѣте, нежели въ „Русской Старинѣ“, въ XI кн. 1900 г.). Миклашевскій указываетъ и на непорядки при наборѣ рекрутъ, и на неправильность распределенія земскихъ повинностей, и на беспорядки при допросахъ и арестахъ исправниками, и на неисправности въ производствѣ дѣлъ...

Интересно, что Сумароковъ почти все объясняетъ „личностями“ Вступивъ въ должность въ апрѣль 1812 г., онъ, моль, „нашелъ губернію въ беспорядковъ и запущеніи...“, „между тѣмъ нашелъ личность отъ губернскихъ чиновниковъ...“. 18 же IV 1815 г. онъ писалъ: „меня всѣ мысли, всѣ сословіи всегда хвалили, одинъ только Г. Сенаторъ Миклашевскій вздумалъ по известной его ко мнѣ личности порочить мое управление. Но что же онъ при всей враждѣ своей отыскалъ, написалъ? Десять незначущихъ пунктовъ, ког. ни до чести моей, ни до способности

Такое „довѣріе“ къ различнаго рода „запискамъ“ и „воспоминаніямъ“, мнѣ кажется, не можетъ быть допускаемо въ научныхъ, историческихъ работахъ; тѣмъ болѣе, что оно часто заводить автора слишкомъ далеко: приведенная цитата служить (?) подтверждениемъ къ словамъ Кизеветтера, что „потворствуя близкимъ людямъ и расправляясь съ врагами, Аракчеевъ нерѣдко шелъ на прямую ложь“¹⁾. Между тѣмъ, знакомые со статьей Сивкова (или докумен-тами, приведенными В. Н. Строевымъ въ его „Сборникѣ“, 2 ч., XIV вып.) прямо увидятъ, что Аракчеевъ могъ быть недоволенъ поведеніемъ Сумарокова. (Я не касаюсь теперь вопроса о причастности Аракчеева къ удаленію Сумаро-кова, т. к. не имѣю достаточныхъ данныхъ, хотя, кажется, онъ и долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, если принять во вниманіе письмо Сумарокова къ Аракчееву въ январѣ 1816 г.—см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1862, III, 149 стр.). Для незнакомыхъ съ указанными мате-риалами, я, чтобы не повторяться, приведу только нѣ-сколько словъ изъ рапорта прокурора Бѣлявскаго и изъ всеподданнѣйшаго прошенія мѣщанскаго общества. 2/XI 1812 г. Бѣлявскій доносилъ: „еще со времени существова-ванія Новгородской губерніи никогда не было до такой сте-пени испорчено правленіе оною, до какого довелъ въ ко-роткое время нынѣшній Господинъ Гражданскій Губерна-торъ, разрушившій весь законами установленный порядокъ въ производствѣ дѣлъ“; мѣщане же г. Новгорода такъ заканчивали свое прошеніе отъ 22/X, 1812 г.: „Ваше Импе-раторское Величество сердобольный Государь побоче еди-ныи покровъ и предстательство неповинно утесняемыхъ, удели изврѣмя посвященнаго тобою назащиту подъзвою

управлять не касаются и которые, отдавъ съ моими объясненіями на судъ всѣхъ, заключаютъ въ себѣ одну только досаду...“.

К. В. Сивковъ пишетъ, между прочимъ, что о дополнительномъ наборѣ рекрутъ „было только постановленіе Комитета Ополченія про-тиворѣчившее какъ манифестамъ, изданнымъ по этому поводу, такъ и рѣшенію Комитета Министровъ отъ 6 сентября“, (227 стр.)—безъ даль-нѣйшаго, болѣе точнаго указанія. Очевидно, это постановленіе состоялось между 14 сентября и 18 октября, т. к. еще 14 IX 1812 г. Аракчеевъ писалъ Свѣчину, начальнику Новгородскаго ополченія: „еще, любезный другъ, слышали мы и всѣ Новгородскіе эдѣсь живущіе дворяне, что еще требуютъ ратниковъ, но не видимъ нигдѣ оного приказанія. Всѣмъ известно, что въ Комитетѣ ополченіевъ я старшимъ, но мы и всѣ трое сего приказанія ни откуда не получали“ (см. въ „Чтеніяхъ“, стр. 142—143).

¹⁾ Ка. XII, стр. 29.

милосердою десницею живущихъ и возвози наповергаемыхъ предъ Высочайшимъ престоломъ Вашего Императорского Величества наверно подданныхъ живущихъ подъигомъ неукротимаго тесненія и разсмотря обстоятельства употребите несколько минутъ къразсмотрению всеподданнѣйше представляемыхъ присемъ поступковъ Господина Гражданскаго Губърнатора Сумарокова съ полицемейстеромъ бондыревымъ проникни по сродной склонности сердца своего кчеловеколюбию нагласъ моления верноподданныхъ“... ”).

Отсюда видно, правъ ли Шенигъ, что „Сумароковъ правиль губерніею къ общему всѣхъ сословій удовольствію“¹⁾; а, прочитавъ указанное „дѣло“ изъ архива Государственнаго Совѣта, мнѣ кажется, и Кизеветтеръ вычеркнулъ бы изъ своей статьи приведенныя мною слова. Я не сталъ бы останавливаться на этомъ мелкомъ вопросѣ, если бы не замѣчалось вообще тенденціи къ излишнему довѣрію различнымъ „воспоминаніямъ“ и „запискамъ“ - воспоминаніямъ. Прочитавъ много такихъ „записокъ“ о дѣятельности Аракчеева, я ярко увидѣлъ всю ихъ шаткость, всю ихъ противорѣчивость; поэтому я считаю необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы историки принимали во вниманіе эти записки - воспоминанія только въ своей собственной работѣ, ибо внесеніе ихъ въ „научную“ литературу придаетъ имъ извѣстный вѣсъ, котораго они совершенно не заслуживаютъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Кизеветтеръ опирается на Шенига, онъ могъ бы привести слова Тургенева изъ письма къ Вяземскому отъ 2/V, 1825 г. по поводу суда надъ Поповымъ (книга Госнера): „Вчера въ Сенатѣ судили Попова; графъ Хвостовъ присталъ къ мнѣнію Сумарокова, исчадію невѣжества, глупости, подлости и у насъ неслыханныхъ“²⁾, но при чёмъ здѣсь исторія, при чёмъ здѣсь наука?!

П. Заинтересовавшись П. И. Сумароковымъ, я столкнулся и съ другимъ печальнымъ фактомъ: оказывается, „Русскимъ Біографическимъ Словаремъ“ надо пользоваться только послѣ основательной проверки его данныхъ! Я подчеркиваю то обстоятельство, что даннаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ историческимъ обществомъ, нуж-

¹⁾ „Документы, относящіеся къ ист. 1812 г.“, 2 ч., XIV в. „Сборника“ стр. 94, 123—124.

²⁾ „Русский Архивъ“, 1880 г., III, 308 стр.

³⁾ Остафьевский Архивъ, III, 119—120 стр.

даются не въ *пополненіи*, что неизбѣжно въ исторической работе, а въ *правопрѣкѣ и исправленіи*!

Когда я читалъ дѣло изъ Архива Государственного Совѣта о ревизії Миклашевскаго, мнѣ неизбѣжно понадобились біографическая свѣдѣнія о Сумароковѣ. Обратившись къ Русскому Біографическому Словарю и увидѣвъ, что о П. И. Сумароковѣ написанъ цѣлый столбецъ, я, конечно, обрадовался, но каково же было мое разочарованіе, когда я въ этомъ столбцѣ не нашелъ даже упоминанія о томъ что Сумароковъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ!.

Этому факту было бы единственное оправданіе въ недостаткѣ свѣдѣній, но, принимая во вниманіе, что въ бібліографіи къ очерку указаны переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, записки Шенига,—и это оправданіе составителя біографіи отпадаетъ, т.-к. уже отсюда авторъ долженъ бы былъ узнать и заинтересоваться ролью Сумарокова въ Новгородѣ!..

Надо указать, что и вся-то „бібліографія“ составлена очень небрежно. „Чтенія“ Общ. Ист. и Др. Росс. почему-то названы „Трудами“, вместо III кн. ихъ за 1862 г. указана II; что переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, помѣщенная въ „Чтеніяхъ“, вполнѣ и покрываетъ помѣщенную въ „Рус. Старинѣ“—ничего не сказано; приведены источники, въ кот. нельзя ничего найти о Сумароковѣ (напр., Сборникъ Русск. Историч. Общ.—т. 27); указано „мнѣніе“ Сумарокова „о смертной казни“, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, оно было высказано „по дѣлу Попова и о цензурѣ“!.

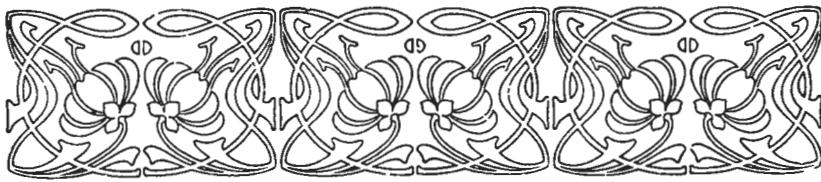
Опять, казалось бы, мелкій вопросъ; почему важна біографія какого-то П. И. Сумарокова, но въ томъ-то и дѣло, что въ погонѣ за скоростью и за обилиемъ выпускаемаго у насъ слишкомъ часто обращаютъ мало вниманія на „доброкачественность“ его. Между тѣмъ, мнѣ кажется, исторический литературный рынокъ (какъ и всѣ другіе?) итакъ уже заваленъ такой громадой написаннаго, что и теперь требуется много времени, чтобы во всемъ этомъ разобраться, когда берешь даже довольно узкій, специальный вопросъ; такъ что, кажется, пора уже подумать и о „разгруженіи“ нашей письменности, ибо „во многоглаголаніи нѣтъ спасенія“! Лучше сказать немного, но вѣрно, нежели исписать цѣлые фоліанты, кот. при ближайшемъ знакомствѣ окажутся никуда не годными.

Поэтому, резюмируя сказанное, я обращаюсь ко всѣмъ историкамъ со слѣдующими пожеланіями:

- 1) пользоваться разнаго рода записками-воспоминаніями только какъ „рабочими гипотезами“ въ своей собственной работе, всегда оговариваясь, откуда берутся свѣдѣнія; и
- 2) составлять историческія работы, и даже мелкія замѣтки, съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ состояніи каждое свое положеніе подтвердить имѣвшимся въ рукахъ матеріаломъ, не опасаясь, что такимъ путемъ сократится „количество“ сдѣланного, ибо, въ такомъ случаѣ, и исторія и сами историки только выигрываютъ: первая въ качествѣ, вторые, какъ это ни казалось бы страннымъ, въ количествѣ работы, въ количествѣ требующейся „провѣрки“ данныхъ научной исторической литературы!..

С. Разумовскій.

Земская реформа 1864 года и ея послѣдующія измѣненія.

19 столѣтіе, въ особенности его вторая половина, въ исторіи современныхъ западно-европейскихъ государствъ было временемъ широкаго развитія въ теоріи и на практикѣ началъ автономіи въ области государственного управлениія. Совершившееся въ это время отмѣненіе крѣпостнаго права, главной коренной основы сословной организаціи нашего общества, открыло и у насъ (на Руси) возможность реформированія управлениія на тѣхъ же началахъ мѣстнаго земскаго, всесословнаго самоуправлениія. Необходимость реформированія этой области давно уже диктовалась самой жизнью. Неудовлетворительность мѣстнаго управлениія и особенно сельскаго хозяйства дoreформенныхъ учрежденій давно сознавало и само правительство, и уже съ начала 19 столѣтія предпринимаетъ рядъ попытокъ къ ихъ улучшенію. Съ цѣлью улучшенія отправленія всевозможныхъ земскихъ повинностей, въ которыхъ оно особенно много было заинтересовано, одна за другой создаются комиссіи, комитеты и т. п. распорядительные органы, но все это не внесло замѣтнаго улучшенія въ мѣстное управлениѣ. Фактически власть по-прежнему продолжала оставаться въ рукахъ полиціи, а земское хозяйство пребывало въ условіяхъ домашняго хозяйства исправника. Роль представителей сословій въ комиссіяхъ и комитетахъ была совершенно ничтожна, и на участіе въ этихъ комиссіяхъ

они смотрѣли какъ на ненужную, непріятную повинность. Едва поэому былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, какъ самъ собою выдвинулся и вопросъ о реформированіи мѣстнаго управлѣнія на основѣ самоуправлѣнія съ предоставлѣніемъ послѣднему надлежащей самостоятельности. Такую связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправлѣніемъ (что осуществлѣніе одного возможно только при отмѣнѣ другого) ясно сознавали лица, работавшія въ подготовительныхъ комиссіяхъ по крестьянской реформѣ¹⁾. Они открыто заявили, что съ отмѣною крѣпостного права необходимо переустройство и мѣстнаго управлѣнія на совершенно новыхъ началахъ, и указывали, что первымъ шагомъ такого преобразованія должно быть установлѣніе мѣстнаго общественнаго самоуправлѣнія. На-ряду съ ними и дворянскія собранія и даже нѣкоторые губернаторы дѣлали представленія о неудовлетворительности земскаго хозяйства дoreформенныхъ учрежденій. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ то время Государю, наряду съ просьбой даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, высказывается пожеланіе образовать хозяйственно-распорядительное управлѣніе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ²⁾. Ко времени же отмѣнѣнія крѣпостного права и вся атмосфера общественной жизни пропиталась этой мыслью, и земская реформа, какъ продолженіе крестьянской, стала предметомъ всеобщаго ожиданія. Правительство сочувственно отнеслось къ предстоящему преобразованію, тѣмъ болѣе, что оно думало найти въ немъ отводный каналъ для возбужденной общественной энергіи. Волна освободительного движенія, охватившая въ первой половинѣ XIX столѣтія Россію, вызвала въ сознаніи общества того времени мысль о необходимости преобразованія существующаго строя общественной жизни на совершенно новыхъ, конституціонныхъ началахъ. Чтобы отвлечь общество отъ столь несбыточныхъ мечтаній и ввести освободительное движеніе въ узкое русло мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ каждой губерніи и уѣадовъ, правительство поспѣшило ввести зем-

¹⁾ Со всемъ ясностью такая связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправлѣніемъ раскроются передъ нами изъ приводимаго нами, нѣсколько ниже, обзора основныхъ моментовъ исторической жизни русскаго государства.

²⁾ Сватиковъ. Общественное движение въ Россіи (1700—1895 г.).

ское самоуправление и уже въ 1859 году при министерстве внутреннихъ дѣлъ образовало особую комиссию для составленія проекта преобразованія губернскихъ уѣздныхъ учрежденій. Плодомъ дѣятельности этой комиссіи и явилось „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, которое 50 лѣтъ тому назадъ, 1-го января 1864 года, получило законодательную санкцію и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ было проведено въ дѣйствіе въ 33-хъ губерніяхъ. Обзоръ этого Положенія и тѣхъ дополненій и видоизмѣненій, которыя къ нему и въ немъ были сдѣланы впослѣдствіи, дасть намъ ясное представленіе о земствѣ, какъ одной изъ единицъ мѣстнаго самоуправленія XIX и XX столѣтій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому обзору, какъ задачѣ нашей работы, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, имѣть ли земская реформа 1864 года связь съ прошлымъ, или же она есть нѣчто новое, дотолѣ неизвѣстное, въ сферѣ мѣстнаго управления русского государства? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо вникнуть въ самое существо учрежденія, которое можетъ принимать самыя разнообразныя формы, но оставаться единымъ среди всѣхъ видоизмѣненій. По своей сущности земская реформа 1864 года есть допущеніе къ участію въ мѣстномъ управлениі общественныхъ силъ, въ видахъ наилучшаго удовлетворенія и защиты мѣстныхъ общественныхъ интересовъ. Какъ таковая, она не была новшествомъ для русской государственной жизни: идея самоуправленія всегда была присуща сознанію русского человѣка, онъ, можно сказать, родился съ нею, а начала ея нашли примѣненіе въ русской государственной жизни съ момента ея возникновенія и жили въ ней во все послѣдующее время, но только сообразно условіямъ, они то усиливались, то ослабѣвали, и иногда, даже, казалось, совсѣмъ исчезали, то вновь появлялись и достигали такой интенсивности, что нормировались и утверждались закономъ. Чтобы видѣть, насколько справедливо это утвержденіе, достаточно заглянуть въ прошлую исторію русского народа. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялось изъ себя русскій народъ въ самомъ началѣ своей исторической жизни? Не что иное, какъ множество отдѣльныхъ разобщенныхъ другъ отъ друга родовъ, во главѣ которыхъ стояли не чуждыя имъ, пришлия лица, но свои, родные всѣмъ и каждому, отцы и дѣды. Правда, въ послѣдующее время отдѣльные роды, соприкасаясь

другъ съ другомъ, стали входить въ тѣсное общеніе, и вскорѣ родовой бытъ смѣнился общиннымъ, вмѣсто отдѣльныхъ родовъ появились общины, обнимающія собою нѣсколько родовъ, но характеръ управлениія не измѣнился. Во главѣ общинъ встали опять свои люди, избранные изъ среды общинъ.

Не измѣнился рѣзко характеръ управлениія даже съ призваніемъ князей. Повидимому, князья должны были бы стать единственными распорядителями и управителями Руси.

Простой народъ, самъ призвавшій ихъ и передавшій въ ихъ руки власть надъ своею землею, не долженъ былъ бы участвовать въ управлениі, но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. Власть князей не устранила отъ участія въ управлениі и самое населеніе. Правда, князья, садясь на столы, для управлениія отдѣльными частями своихъ княжествъ, разсыпали по всѣмъ пригородкамъ своихъ дружинниковъ, но они не были органами бюрократической централизаціи. Какъ самъ князь, такъ и его дружинники, часто тяготившіеся своею службою и всегда готовые покинуть ее, смотрѣли на себя, какъ на временныхъ гостей, а на свою службу, какъ на источникъ дохода, а потому садились первый на княжескій столъ, а вторые на посадничество лишь для того, чтобы за свои правительственные дѣйствія получать кормъ съ населенія. Личные интересы и выгоды всюду ставились ими на первый планъ и предпочитались общественнымъ. Забота объ общихъ нуждахъ не считалась въ это время входящею въ кругъ задачъ правительственной власти. Управлять, по понятіямъ того времени, значило не столько заботиться объ общественномъ благосостояніи и безопасности, сколько „смотрѣть своего прибытка“, т.-е. слѣдить за правильнымъ поступленіемъ налоговыхъ на населеніе поборовъ, поступающихъ въ пользу кормленщика¹⁾). Къ этому „кормленію отъ дѣлъ“ обычно и сводилась вся дѣятельность князей и ихъ кормленщиковъ. Между тѣмъ общественная жизнь нуждалась въ благоустройствѣ. Потребность эта была столь велика, что давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Не имѣя нужныхъ благоустроителей, простой народъ *volens nolens* начинаетъ самъ, своими собственными силами, наводить порядки и разрѣшать разныя дѣла по изстаринному обычаяу. И вотъ, по словамъ лѣтописца, „изначала народъ на вѣче, какъ на

¹⁾ Кизеветтеръ. Мѣстноесамоуправлениевъ Россіи. Историческій очеркъ.

на думу, стала сходиться и на честь старшіе города положать, на томъ и пригороды стануть¹⁾). Наряду съ княземъ во главѣ управления княжествомъ становится вѣчевая сходка столнаго города, къ которой отъ первого переходитъ и значительная доля полномочій въ области управления. Въ какія отношенія всталъ этотъ органъ мѣстнаго самоуправления къ князю, представителю тогдашней бурократіи, сказать трудно. Одно только несомнѣнно, что и постановленія вѣча имѣли обязательную силу. Оба эти органа управления существовали одинъ подлѣ другого во весь періодъ приднѣпровской Руси. Съ перенесенiemъ центра исторической жизни Руси съ приднѣпровья на сѣверо-востокъ въ области управления происходятъ значительныя измѣненія. Тѣ усилія и затраты, которыя пришлось положить при колонизаціи новаго края, гдѣ каждый шагъ приходилось пріобрѣтать большою цѣною собственныхъ силъ, научили князей дорожить пріобрѣтенными участками земли и смотрѣть на нихъ, не какъ на мѣста временнаго своего пребыванія, а какъ на собственность, свой удѣль, а на себя, какъ на единственныхъ управителей и распорядителей. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о княжеской власти органы самоуправления должны были утратить свое прежнее значеніе. И, дѣйствительно, съ возникновенiemъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ вѣче отживаestъ свой вѣкъ и идея самоуправления, не имѣя благопріятной почвы, на время скрывается за порогомъ общественнаго сознанія. Правда, и сѣверо-восточнымъ князьямъ, особенно имѣющимъ большиe удѣлы, для благоустройства послѣднихъ пришлось привлечь къ управлению стороннія силы, но все онѣ, какъ намѣстники, волостели и тіуны—княжеские чиновники, такъ и бояре нужные, управляющіе дворцовыми помѣстьями, были проводниками и насадителями бурократизма, а не самоуправления. Только уже къ концу объединенія всей Руси подъ властью московскихъ князей снова проявляется сознаніе необходимости привлеченія къ самодѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ, сознаніе, вызванное различными нестроеніями въ существующемъ въ то время строѣ общественной жизни. Однимъ изъ главныхъ нестроеній было господство произвола въ мѣстномъ управлениі. Стоявшіе во главѣ его кормленщики, пользуясь полной свободою взиманія кормовъ и пошлинь, въ

¹⁾ Ibid.

вадахъ собственного обогащенія облагали непосильными поборами и безъ того истощенное населеніе. Послѣднее, не имѣя другихъ средствъ для борьбы съ произволомъ правительственныхъ чиновниковъ, кромѣ обращенія къ верховной власти, засыпало московскіе приказы челобитными. Въ нихъ во всемъ видѣ раскрывались всѣ язвы существующаго строя общественной жизни и указывался тотъ новый порядокъ, которымъ можно было замѣнить устарѣвшую систему кормленій. Внимая голосу земли, московскіе князья предприняли рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію своеволія служилыхъ людей, но, когда и онѣ не привели къ желаемымъ результатамъ, приступили къ коренному реформированію мѣстного самоуправлениія. Одна за другой отрасли мѣстного управлениія стали отбираться изъ рукъ служилыхъ людей и передаваться въ руки самого населенія. Такъ, въ 15 столѣтіи сборъ кормовъ и пошлинь былъ переданъ въ руки сборщиковъ—„сотскихъ“ избираемыхъ самимъ населеніемъ.. Въ томъ же столѣтіи появилась и другая выборная должность—цѣловальниковъ. Хотя она существовала и раньше, но до этого функціи цѣловальниковъ сводились лишь къ наблюденію за составленіемъ судебнаго протокола, теперь же имѣ была представлена и иѣкоторая распорядительная власть, направленная къ ограниченію компетенціи кормленщиковъ. Послѣдніе безъ сношенія съ цѣловальниками не могли ни на кого налагать ареста и этимъ самимъ были поставлены въ иѣкоторую зависимость отъ нихъ. Но болѣе полное примѣненіе въ жизни Московскаго государства начала самоуправлениія получили въ XVI столѣтіи. Московское правительство въ этомъ столѣтіи еще дальше пошло въ своей реформаціонной дѣятельности. Въ тѣхъ же видахъ, защиты населенія отъ своеволія кормленщиковъ, оно дѣлить Московское государство на особые округа—„губы“, въ которыхъ наряду съ намѣстниками ставить выборныхъ лицъ—„старостъ“ (губ.ныхъ), избираемыхъ всѣмъ населеніемъ изъ среды мѣстныхъ боярскихъ дѣтей, и имѣ передаетъ часть компетенціи намѣстниковъ, именно уголовная (по суду) и полицейскія дѣла. Остальная же обязанности по управлению и суду продолжали лежать на намѣстникахъ и волостеляхъ, но въ 1555 году и онѣ вошли въ компетенцію мірскихъ выборныхъ органовъ. Въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ отмѣнилъ кормленія и замѣнилъ ихъ выборными земскими органами—„земскими старостами и цѣловальниками“. Съ

этого времени земская самодѣятельность, проявлявшаяся и раньше въ области мѣстнаго управлениія, но только теперь регламентированная и санкционированная вышею властью, получила права гражданства, а ея органы встали въ рядъ государственныхъ учрежденій. Но мы глубоко ошиблись бы, если бы стали въ послѣдующей исторіи Московскаго государства искать дальнѣйшаго развитія началъ самоуправлениія. Какъ ни странно, но XVI вѣкъ былъ, какъ временемъ расцвѣта, такъ и погибели началъ самоуправлениія, а самая реформа, призвавшая къ управлению мѣстнаго общественныя силы, явилась лишь подготовительнымъ шагомъ къ дальнѣйшей бюрократизаціи этого управлениія. Начала самоуправлениія только въ томъ случаѣ могли бы пустить глубокіе корни въ организмѣ Московскаго государства, если бы отдѣльныя самоуправляющіяся его единицы находились между собою въ органической связи и объединялись бы въ крупныя единицы, а отдѣльныя сословія его не знали бы розни. Между тѣмъ земскія учрежденія XVI столѣтія съ самаго начала были поставлены въ совершенно иные условія. Объединеніе сословій на почвѣ мѣстнаго самоуправлениія не могло входить въ задачи правительства Московскаго государства, которое стремилось не къ расширению общественной самодѣятельности, а къ бюрократической централизаціи. Дробленіе крупныхъ административныхъ единицъ на большое число мелкихъ и ихъ сословная и территоріальная обособленность—вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ строилось зданіе Московскаго государства, и тѣ условія, въ которыхъ были поставлены органы самоуправлениія. Какъ противныя самой природѣ идеи самоуправлениія, эти условія не только не способствовали развитію изъ учрежденныхъ въ XVI столѣтіи органовъ мѣстнаго управлениія истиннаго самоуправлениія, но и были причиной того, что органы мѣстнаго самоуправлениія выродились въ органы бюрократіи. Къ этому собственно и стремилось московское правительство. Ему нужны были не сплоченные самодѣющи земскія единицы, а новые органы коронной администраціи взамѣнъ старыхъ, оказавшихся непригодными для его цѣлей. Поэтому-то земскія учрежденія съ самаго начала и получили несоответствующее ихъ природѣ назначеніе, чѣмъ и вызвало непонятную на первый взглядъ метаморфозу. Преобразованіе органовъ самоуправлениія въ органы бюрократической централизаціи началось вскорѣ же по ихъ учрежденіи, и началось съ того,

что они были лишены своей, такъ сказать, специфической особенности—выборности. Губные старости, а за ними земскіе въ первой половинѣ XVII вѣка изъ выборныхъ блюстителей мѣстныхъ интересовъ превратились въ назначаемыхъ самой центральной администрацией исполнителей различныхъ ея поручений.

Дальнѣйшою мѣрою, предпринятою московскимъ правительствомъ XVII вѣка для насажденія бюрократизма въ сферѣ мѣстнаго управлениія, было учрежденіе „городового воеводы“. Какъ бы не довѣряя земскимъ властямъ, центральная власть на мѣстахъ ихъ учрежденія ставить своихъ представителей. Являясь проводниками центральной власти, воеводы начинаютъ давить на мѣстные органы, которые, теряя одно за другимъ свои права, въ концѣ концовъ превращаются въ агентовъ воеводъ. Вся административная и судебная власть снова переходитъ въ руки правительственныйыхъ чиновниковъ, а отъ общественной самодѣятельности остается одна тѣнь. Совершившееся въ это время окончательное закрѣпощеніе крестьянъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и закрѣпощеніемъ бюрократіи въ мѣстномъ управлениі. Но особенно крупные шаги въ своемъ развитіи бюрократизація въ мѣстномъ управлениі сдѣлала во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ. Это время было временемъ цитепсивнаго сближенія русскаго государства съ Западной Европой. Рядъ реформъ, произведенныхъ за это время, служитъ наиболѣшимъ подтвержденіемъ. Весь прежній строй общественной жизни подвергся ломкѣ. Реформировано было и управлениe. Въ области управления западноевропейскія государства въ это время переживали періодъ такъ называемаго „полицейскаго государства“, характерными особенностями котораго является наивысшее развитіе бюрократизма и стремленіе административной власти регламентировать всѣ стороны не только общественной, но и индивидуальной жизни. На началахъ этого полицейскаго государства въ 1719 году имп. Петръ I и реформировалъ управлениe. Введенныя имъ въ 1708 году губерніи были раздѣлены на провинціи и дистрикты, во главѣ которыхъ были поставлены назначенные отъ центра и подчиненные центру чиновники, на которыхъ было возложено попеченіе не только о правосудіи и безопасности гражданъ, но и объ образованіи, благотворительности и т. д. Понятно, что задача, поставленная бюрократіи, была невыполнима. Если раньше, когда компетенція ея ограничивалась административ-

ными и судебными обязанностями, она не могла выполнить своихъ задачъ и приходилось обращаться къ мѣстнымъ силамъ, то тѣмъ болѣе она не могла выполнить ту невыполнимую задачу, которая на нее была возложена теперь. Какъ ни прекрасна и заманчива была по своей идѣи бюрократическая система, однако непригодность ея для жизни была несомнѣнна. И вотъ, какъ ни странно, Петръ, насаждавшій полицейское государство на Руси и восхвалявшій всемогущество бюрократіи, призываетъ къ участію въ управлении и общественные силы. Правда, всѣ учрежденные имъ органы самоуправленія, какъ - то: ландраты, комиссары, городскія ратуши и магистраты, за отсутствиемъ необходимыхъ для ихъ существованія условій, не обнаружили жизнеспособности и вскорѣ бюрократизировались, но для нась важень и тотъ фактъ, что начала самоуправленія не исчезали въ сферѣ мѣстнаго управления даже въ моменты наивысшаго развитія въ немъ бюрократизма. Что не удалось сдѣлать императору Петру I, то въ нѣкоторой степени было сдѣлано императрицей Екатериной II-й. Ею снова на-ряду съ бюрократическими органами были привлечены къ управлению и общественные силы, но на новомъ для того времени началѣ—всесословности. Наиболѣе полное примѣненіе это начало получило въ городовомъ положеніи 1785 года, установившемъ впервые въ русскомъ городѣ всесословное градское общество. Какъ широки были стремленія Екатерины II-й къ децентрализаціи и самоуправленію, особенно ясно видно изъ ея попытки создать совѣтный судъ по намѣстничествамъ. Кромѣ совѣтного судьи, въ судѣ полагались два члена отъ дворянства, два члена по выбору отъ города и два члена, выборные селеніями. Но къ сожалѣнію условія, въ которыхъ были поставлены новые органы самоуправленія, не могли содѣйствовать ихъ развитію. Стоявшія бокъ-о-бокъ съ ними бюрократическія учрежденія съ одной стороны, коѣпостная зависимость съ другой—парализовали ихъ дѣятельность и обрекли на чахлое и жалкое существованіе. Только могучая рука великаго преобразователя, императора Александра II-го, разбившая рабства цѣпь, открыла широкій просторъ для общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управления, покрывъ Великую Русскую землю сѣтью земскихъ учрежденій. Изъ представленнаго нами краткаго обзора главныхъ моментовъ исторической жизни русского государства видно, что земскія учрежденія XIX столѣтія по самому своему существу не

18 ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА 1864 Г. И ЕЯ ПОСЛѢДУЮЩІЯ ИЗМѢНЕНІЯ.

были новшествомъ въ русской государственной жизни. Земская самодѣятельность въ области мѣстнаго управлениія съ самыхъ начальныхъ моментовъ государственной жизни Россіи составляла необходимую часть ея административнаго быта, и ничто, ни тяжесть всевластной приказной централизаціи, ни жестокіе удары и вотчина помѣщичьей власти, не могли заглушить зачатки земскаго самоуправлениія. Если же при такой жизнеспособности они до половины XIX столѣтія не могли развиться въ настоящіе органы самоуправлениія, то причиною этого были условія, среди которыхъ они возникли. Сословность, бюрократическая централизація, закрѣпощеніе крестьянъ,—все это давило зачатки земскаго самоуправлениія и не давало имъ развиваться. Съмѣна самоуправлениія, изначала посѣянныя на русской землѣ, лежали въ ней и ждали, пока не наступитъ благопріятное для ихъ произростанія время. Такое время наступило только во второй половинѣ XIX вѣка, когда 19 февраля 1861 года „Magna charta libertatum“ была дарована 20 миллионной массѣ свободы. Почти черезъ три года послѣ этого было реформировано на началахъ безсosловнаго самоуправлениія и мѣстное управлениe.

По самому „Положенію“ земская реформа 1864 года рисуется въ такомъ видѣ. Въ каждой губерніи вводятся земскія учрежденія, которые по району ихъ дѣятельности раздѣляются на уѣздныя и губернскія¹⁾. Тѣ и другія состоять изъ земскихъ собраній,—органовъ распорядительныхъ и контролирующихъ²⁾, и управъ, органовъ исполнительныхъ³⁾. Земскія собранія составляются изъ гласныхъ: уѣздныя изъ гласныхъ, избираемыхъ всѣмъ населеніемъ уѣзда⁴⁾, а губернскія—изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями изъ числа ихъ гласныхъ⁵⁾. Для избранія уѣздныхъ гласныхъ все населеніе уѣзда дѣлится на три части или куріи: землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, горожанъ и сельскихъ обществъ⁶⁾. Въ основу такого дѣленія положенъ принципъ имущественнаго ценза.

¹⁾ Положеніе о губ. и уѣздн. земск. учрежденіяхъ. Сводъ Законовъ, II т., ч. 1, ст. 1.

²⁾ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. (Сводъ законовъ, II т., 1 ч.) ст. 13, 5¹.

³⁾ Ibid., ст. 65.

⁴⁾ Ibid., ст. 14.

⁵⁾ Ibid., ст. 51.

⁶⁾ Ibid., ст. 14.

Въ курію землевладѣльцевъ входять лица, владѣющія въ уѣздѣ опредѣленнымъ пространствомъ земли (не менѣе 200 десятинъ); владѣльцы другого недвижимаго имущества стоимостью не менѣе 15.000 рублей; владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній, стоящихъ не менѣе 15.000, или имѣющія общій годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей; уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ цензомъ $\frac{1}{20}$ полнаго ценза, и отъ священнослужителей, владѣющихъ церковною землею¹⁾. Въ курію городскихъ избирателей входять лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; владѣльцы находящихся въ городѣ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ которыхъ не менѣе 6.000 рублей; владѣльцы городской недвижимой собственности (не менѣе 500 рублей) и повѣренные отъ всѣхъ названныхъ лицъ и учрежденій²⁾. Въ послѣднюю курію входили всѣ крестьяне. Въ выборахъ уѣздныхъ гласныхъ могутъ участвовать всѣ лица мужскаго пола, достигшія 25 лѣтъ. Не допускаются къ участію въ выборахъ только лица женскаго пола, а изъ мужскаго— лица, недостигшія 25 лѣтняго возраста; подвергшіяся суду за преступленія и проступки, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или же исключеніе изъ службы; отрѣшенія отъ должности; состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ; подвергшіяся несостоятельности до опредѣленія ся степени; исключенные изъ духовнаго вѣдомства за пороки и изъ среды другихъ сословій по приговорамъ самихъ сословій и, наконецъ, иностранцы³⁾. За малолѣтнихъ и недостигшихъ 25 лѣтняго возраста къ выборамъ допускаются ихъ опекуны и попечители, а за лицъ женскаго пола ихъ довѣреные, каковыми могутъ быть ихъ отцы, мужья, сыновья, зятья и родные братья⁴⁾. Черезъ повѣренныхъ могутъ участвовать въ выборахъ и богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и друг. учрежденія, общества, компаніи и товарищества, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающими право на участіе въ земскихъ выборахъ⁵⁾. Къ выборамъ допускаются также сыновья вмѣсто отцовъ, если они живутъ вмѣстѣ съ ними⁶⁾, и арендаторы, вмѣсто земле-

¹⁾ Ibid., ст. 23.²⁾ Ibid., ст. 28.³⁾ Ibid., ст. 17.⁴⁾ Ibid., ст. 18.⁵⁾ Ibid., ст. 19.⁶⁾ Ibid., ст. 20.

владѣльцевъ, у которыхъ они арендуютъ землю, но лишь по довѣрности отъ нихъ¹⁾). Самые выборы уѣздныхъ гласныхъ производятся на съѣздахъ отдельно каждой куріей. Выборы для землевладѣльцевъ съ полнымъ имущественнымъ цензомъ—прямые, а для мелкихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ избирателей—двухстепенные. Послѣдніе предварительно избираютъ (мелкіе землевладѣльцы на особыхъ съѣздахъ, а крестьяне на волостныхъ сходахъ) уполномоченныхъ, черезъ которыхъ потомъ участвуютъ въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ, первые вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами²⁾, а вторые на особыхъ съѣздахъ сельскихъ избирателей³⁾. При этомъ съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ и городскіе избираютъ гласныхъ только изъ своихъ членовъ, а сельскіе, какъ изъ своихъ, такъ и изъ членовъ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ и священнослужителей⁴⁾. Къ баллотировкѣ въ гласные допускаются всѣ, имѣющіе на то право⁵⁾, за исключеніемъ мѣстного губернатора, вице - губернатора, членовъ губернскихъ правленій, губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и чиновъ мѣстной полиціи. Перечисленныя лица не могутъ быть избираемы въ гласные⁶⁾. Мѣсяца за три и болѣе до начала съѣздовъ по выбору уѣздныхъ гласныхъ особой уѣздной комиссией по всѣмъ тремъ куріямъ составляются списки лицъ, имѣющихъ право на участіе въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ⁷⁾. Составленные списки для ознакомленія съ ними населенія вывѣшиваются въ мѣстѣ присутствія комиссіи и отпечатываются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ⁸⁾. Лица, имѣющія право на участіе въ выборахъ, но почему-либо не внесенные въ избирательные списки, могутъ заявить о томъ комиссіи, и она обязана внести ихъ въ списки, если только заявленіе поступить до утвержденія списковъ губернскимъ комитетомъ⁹⁾. Равнымъ образомъ по заявлению избирателей изъ списковъ можетъ быть исключенъ всякий, неправильно въ нихъ внесенный¹⁰⁾. По истеченіи мѣсяца со дnia соста-

¹⁾ Ibid., ст. 21.

²⁾ Ibid., ст. 23.

³⁾ Ibid., ст. 30, 31.

⁴⁾ Ibid., ст. 35.

⁵⁾ Ibid., ст. 44.

⁶⁾ Ibid., ст. 36.

⁷⁾ Приложеніе къ ст. 1 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, ст. 8.

⁸⁾ Ibid., ст. 18.

⁹⁾

¹⁰⁾ Ibid., ст.

вленія списковъ уѣздная комиссія пересыпаетъ ихъ вмѣстѣ съ своими соображеніями о мѣстѣ и времени съѣзда избирателей ¹⁾ губернатору ²⁾. Послѣдній передаетъ ихъ въ состоящій подъ его предсѣдательствомъ комитетъ ³⁾, который, разсмотрѣвъ и провѣривъ списки, утверждаетъ ихъ ⁴⁾ и опредѣляетъ мѣста и сроки съѣзда для всѣхъ курій ⁵⁾. Опредѣленія и заключенія губернского комитета—окончательныя, аппеляцій на нихъ не допускается ⁶⁾. О своихъ постановленіяхъ губернскій комитетъ увѣдомляетъ уѣздную комиссию, которая въ свою очередь увѣдомляетъ о срокахъ избирательныхъ съѣзовъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского голову и мировой съѣздъ. Послѣдніе же о томъ же оповѣщаютъ населеніе ⁷⁾. Въ опредѣленные для избирательныхъ съѣзовъ сроки избиратели собираются въ назначенные мѣста и открываются съѣзы: землевладѣльческій — уѣзднымъ предводителемъ дворянства, городской—городскимъ головою и сельскіе—мировыми посредниками ⁸⁾. Собравшись, выборщики избираютъ уѣздныхъ гласныхъ ⁹⁾, число которыхъ для каждого съѣзда строго опредѣлено. Къ гласнымъ избираются нѣсколько кандидатовъ ¹⁰⁾. Тѣ и другіе избираются срокомъ на три года ¹¹⁾. Никакими служебными преимуществами гласные не пользуются и содержанія не получаютъ ¹²⁾. Результаты выборовъ заносятся въ особый выборный листъ, который по прочтеніи скрѣпляется подписями всѣхъ участниковъ съѣзда ¹³⁾, а черезъ сутки уѣздной комиссией отсыпается въ губернскій комитетъ. Послѣдній, провѣривъ списки, утверждаетъ ихъ и назначаетъ сроки созыва уѣздныхъ земскихъ собраний ¹⁴⁾. О чемъ губернаторъ черезъ напеч-

¹⁾ Ibid., ст. 19.

²⁾ Ibid., ст. 24.

³⁾ Ibid., ст. 25.

⁴⁾ Ibid., ст. 28.

⁵⁾ Ibid., ст. 25.

⁶⁾ Ibid., ст. 29.

⁷⁾ Ibid., ст. 31.

⁸⁾ Ibid., ст. 37.

⁹⁾ Ibid., ст. 18.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 46.

¹¹⁾ Ibid., ст. 38.

¹²⁾ Ibid., ст. 39.

¹³⁾ Ibid., ст. 48.

¹⁴⁾ Ibid., ст. 52.

таніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ доводить до свѣдѣнія всего населенія¹⁾.

Земскія собранія собираются ежегодно по одному разу, уѣздныя не позже октября, а губернскія—не позже декабря²⁾). Для засѣданій уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ—двадцатидневный³⁾). Продолженіе сроковъ для засѣданій зависитъ для губернскихъ собраній отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а уѣздныхъ—отъ губернатора⁴⁾). Кромѣ очередныхъ собраній, по мѣрѣ надобности созываются съ разрѣшенія ministra внутреннихъ дѣлъ чрезвычайныя⁵⁾). Земскія собранія открываются и закрываются: губернское—губернаторомъ лично, уѣздныя—уѣздными предводителями⁶⁾). Предсѣдательствуютъ въ губернскомъ собраніи—губернскій предводитель дворянства, если для этого не будетъ назначено верховною властью особое лицо⁷⁾, а въ уѣздномъ—уѣздный предводитель, а гдѣ нѣть дворянскихъ выборовъ—предсѣдатель уѣздного съѣзда⁸⁾). Собраніе считается законнымъ и постановленія его могутъ имѣть законную силу только при наличности одной трети числа гласныхъ, составляющихъ собраніе, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти⁹⁾.

Кромѣ временныхъ земскихъ учрежденій—уѣздныхъ и губернскихъ собраній, Положеніемъ устанавливаются еще постоянныя—уѣздныя и губернскія земскія управы. Первые формируются уѣздными земскими собраніями, а вторые губернскими, которые однажды въ три года избираются для нихъ изъ своей среды отъ трехъ до шести членовъ и предсѣдателя¹⁰⁾). Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ утверждаются въ должности губернаторомъ¹¹⁾, а губернскихъ управъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ¹²⁾. Члены же управъ вступаютъ въ должность безъ всякаго утвержденія¹³⁾.

¹⁾ Ibid., ст. 54.

²⁾ Полож. о губ. и уѣзд. зем. учрежденіяхъ (Св. зак. т. II ч. I), ст. 76.

³⁾ Ibid., ст. 77.

⁴⁾ Ibid., ст. 78.

⁵⁾ Ibid., ст. 79.

⁶⁾ Ibid., ст. 81.

⁷⁾ Ibid., ст. 53.

⁸⁾ Ibid., ст. 43.

⁹⁾ Ibid., ст. 42, 85.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 46, 56.

¹¹⁾ Ibid., ст. 48.

¹²⁾ Ibid., ст. 56.

¹³⁾ Ibid., ст. 56.

Земскія управы засѣдають въ продолженіе всего года ¹⁾). Дѣла, не требующія коллегіального обсужденія, члены управъ могутъ отправлять единолично по очереди; остальныя же дѣла рѣшаются полнымъ составомъ управы большинствомъ голосовъ ²⁾). Ближайшій надзоръ за дѣятельностью земскихъ управъ принадлежитъ губернскому собранію, которое съ утвержденіемъ губернатора можетъ временно устраниТЬ отъ должности каждого изъ ихъ членовъ ³⁾).

Компетенціи всѣхъ губернскихъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій подлежать дѣла, относящіяся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждого уѣзда ⁴⁾). Частнѣе въ компетенцію ихъ входитъ: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства; мѣры обеспеченія народнаго продовольствія; завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства; попеченіе о построеніи церквей; управлѣніе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ; попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, равно какъ о лучшемъ устройствѣ селеній; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи и народномъ здравіи; содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также къ охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и др. вредными насѣкомыми и животными; исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управлений и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности; раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніямъ и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія; назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; представление черезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по симъ предметамъ черезъ гу-

¹⁾ Ibid.; ст. 99.

²⁾ Ibid., ст. 99.

³⁾ Ibid., ст. 117.

⁴⁾ Ibid., ст. 1.

бернское начальство; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и губернаторовъ, свѣдѣній о земскомъ хозяйствѣ; производство въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій и, наконецъ, дѣла, ввѣренныя земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій ¹⁾). Во всѣхъ этихъ дѣлахъ земскимъ собраніямъ принадлежитъ распорядительная власть и общій надзоръ за ходомъ дѣлъ, а земскимъ управамъ власть исполнительная и ближайшее закѣданіе земскими дѣлами ²⁾.

Въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостотельно ³⁾, но подъ нѣкоторымъ надзоромъ административной власти. Всѣ постановленія земскихъ собраній безъ замедленія сообщаются губернатору ⁴⁾. Его утвержденію подлежать слѣдующія постановленія: о приведеніи въ дѣйствіе земскихъ сметъ и раскладокъ; о раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскіе и уѣздные; объ отнесеніи уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; объ измѣненіи направлениія земскихъ дорогъ; объ утвержденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній; о временному устраниеніи отъ должности членовъ земскихъ управъ; о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ и объ измѣненіи сроковъ и закрытіи существующихъ торговъ и базаровъ ⁵⁾. Онъ же имѣеть право остановить исполненіе всякаго постановленія, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ ⁶⁾. Въ случаѣ возраженія губернатора противъ постановленія, земское собраніе рассматриваетъ вторично дѣло и постановляетъ свое окончательное заключеніе, копія съ котораго сообщается губернатору. Вторичное постановленіе входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, губернаторъ имѣеть право, подъ личною своею отвѣтственностью, остановить исполненіе.

¹⁾ Ibid., ст. 2. Подробныя указанія о существѣ и порядкѣ дѣйствій земскихъ учрежденій въ сферѣ каждого изъ перечисленныхъ предметовъ, входящихъ въ ихъ компетенцію, содержатся въ особыхъ положеніяхъ: о земскихъ повинностяхъ, общественномъ продовольствіи, по дѣламъ путей сообщенія, строительному, пожарному, общественнаго призрѣнія и вѣщебному.

²⁾ Ibid., ст. 68, 69.

³⁾ Ibid., ст. 6.

⁴⁾ Ibid., ст. 93.

⁵⁾ Ibid., ст. 90.

⁶⁾ Ibid., ст. 95, 96.

увѣдомивъ объ этомъ собраніе или управу въ теченіе семи дней отъ полученія копіи, а затѣмъ представить дѣло на разрѣшеніе Правительствующаго Сената¹⁾). Кромѣ того, вѣкоторыя изъ постановленій земскихъ собраній (перечисленныя въ 92 ст.) подлежатъ утвержденію ministra внутреннихъ дѣлъ. Высшая же власть и надзоръ за земскими учрежденіями принадлежитъ Правительствующему Сенату, который разбираетъ и всѣ споры и пререканія земскихъ учрежденій съ бюрократическими,—и даже съ самыми высшими ихъ органами²⁾). Въ такомъ видѣ рисуется составъ, организація, компетенція и отношенія къ органамъ государственной администраціи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій по Положенію 1864 года.

Нельзя не видѣть, что земская реформа 1864 года значительно расширила рамки общественной самодѣятельности въ области мѣстного управлѣнія. Тѣ начала самоуправлѣнія, которая и раньше проявлялись въ русской государственной жизни, теперь были регламентированы и санкционированы высшою властью. Проведеніе ихъ въ жизнь должно было обновить русскую провинцію и насадить въ ней такія блага, о которыхъ тамъ и не мечтали. Достаточно указать на народную школу, больницу и т. д. Но какъ бы многое ни давала и ни обѣщала земская реформа 1864 года, однако ей многаго еще не доставало. Уже самое понятіе о земскихъ учрежденіяхъ, какое было дано въ самомъ положеніи, говорило о значительной ихъ ограниченности и несовершенствѣ. Какъ органы, преслѣдующіе мѣстные хозяйственныя интересы, а не интересы правительственные, земскія учрежденія разсматривались закономъ, какъ отдѣльныя общества и частныя лица, а потому не входили въ рядъ правительственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ инстанцій и не были надѣлены соотвѣтствующими прерогативами административной власти. Это, по выраженію Градовскаго, „учрежденія съ компетенціей, но безъ власти“. Болѣе того, какъ завѣдующія лишь хозяйствомъ той или другой мѣстности, земскія учрежденія были не болѣе, какъ „хозяйственныя“ кооперативныя общества. Такая ограниченность и тенденціозность характера земскихъ учрежденій сказывались всюду. Возьмемъ для примѣра хотя бы земскіе финансы. Первое, что останавливаетъ на себѣ наше вниманіе при

¹⁾ Ibid., ст. 9.

²⁾ Ibid., ст. 9, 11, 96, 97, 117, 118.

обозрѣніи этой области земской самодѣятельности, это почти полное безправіе и, какъ необходимо его слѣдствіе, жалкое состояніе земскихъ ресурсовъ. Повидимому, можно было бы ожидать большей продуктивности отъ земской самодѣятельности въ такихъ областяхъ ея компетенціи, какъ народное образованіе, охраненіе народнаго здравія и т. д., но здѣсь она не получила должной свободы для своего полнаго развитія. Тенденціозная окраска, приданная земскимъ учрежденіямъ, свела ихъ дѣятельность и въ этихъ областяхъ, можно сказать, къ нулю. Земскія учрежденія могли лишь ассигновывать извѣстныя суммы на народное образованіе и врачебную часть, но распоряжаться этими суммами они не могли. Но и помимо ограниченія дѣятельности земскихъ учрежденій такими узкими предѣлами, даже въ очерченномъ кругѣ полномочій они не пользовались свободой. Съ одной стороны губернаторъ, съ другой—министръ внутреннихъ дѣлъ сильно стѣсняли свободу дѣятельности земскихъ учрежденій. Понятно, какъ былъ чувствителенъ для нихъ такой правительственный контроль, когда каждое постановленіе могло быть опротестовано. Такая же неполнота раскрытия началь самоуправленія въ земскихъ учрежденіяхъ 1864 года обнаружилась и въ ихъ организаціи. Въ основу организаціи земскихъ учрежденій былъ положенъ принципъ имущественного ценза. Повидимому, этотъ новый принципъ, раздѣлившій избирателей на три куріи частныхъ землевладѣльцевъ, городскія общества и общества сельскія, въ корнѣ уничижая прежній сословный принципъ, но на самомъ дѣлѣ была допущена не болѣе какъ только подтасовка понятій, не измѣнившихъ сущности дѣла. Въ новомъ дѣленіи по избирательнымъ куріямъ нельзя не видѣть прежнее дѣленіе по сословіямъ: дворянъ, купцовъ и городскихъ промышленниковъ и крестьянъ. Однимъ словомъ, обособленность земскихъ учрежденій, выдѣленіе ихъ изъ государственного зданія, какъ какой-то чуждой ему пристройки, съ одной стороны, ихъ ограниченность съ другой стороны, ясно показываютъ, что начала самоуправленія не получили еще полнаго примѣненія въ земской реформѣ 1864 года.

Половинчатость ея была вскорѣ же отмѣчена лучшими людьми того времени. Такъ, напр. Головачевъ въ своей книгѣ „Десять лѣтъ реформъ“ заявляетъ, что права мѣстныхъ обществъ, если и были расширены съ одной стороны—предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе мѣстныхъ интересовъ,

то съ другой стороны въ смыслѣ ихъ политического значенія въ общей системѣ государственного управлениія они были значительно ограничены. Онъ сожалѣлъ, что земскія собранія не получили тѣхъ политическихъ правъ, которыя гораздо раньше были предоставлены дворянамъ. Академикъ же В. П. Безобразовъ находилъ, что земскія учрежденія еще не настоящіе органы мѣстнаго самоуправлениія, а только мѣстныя общественные вольности, могущія развиться въ такие органы¹⁾. Ихъ главнымъ недостаткомъ онъ считалъ то, что они не введены въ общую систему государственного управлениія и поставлены подлѣ ея, какъ отдѣльныя государственно-общественные тѣла, не имѣющія никакой органической связи съ ней. Даже самъ Валуевъ, какъ бы извиняясь за половинчатость реформы, заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что первый шагъ не долженъ считаться послѣднимъ, что утвержденіе земства есть лишь созданіе формы, которая за тѣмъ, по указанію опыта, будетъ наполняться соотвѣтствующимъ содержаніемъ²⁾. Но въ общей своей массѣ русское общество того времени не могло дать правильной оцѣнки новымъ учрежденіямъ. Напряженіе, съ которымъ оно ожидало появленія земской реформы съ одной стороны, новизна виѣшней оболочки новыхъ органовъ самоуправлениія съ другой—мѣнили этому и были причиною того, что земская реформа была встрѣчена съ большими восторгомъ и ликованіями. Общее настроеніе, созданное проведенной реформой, отразилось и въ литературѣ этого времени. Въ ней мы находимъ цѣлый рядъ панегириковъ, воспѣтыхъ земству. „Мы, писалъ напр. кн. Васильчиковъ, со смѣлостью, безпримѣрно въ лѣтописяхъ міра, выступили на поприще общественной жизни, такъ какъ ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого широкаго участія во внутреннемъ управлениі, какъ русскому“³⁾. Другой современникъ земской реформы, К. Д. Кавелинъ, заявлялъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія—цѣлое огромное событие и многозначительное явленіе въ ряду нашихъ преобразованій; они образованы въ духѣ полнаго беспристрастія, достойнаго правительства великаго народа. Правда, были и лица оппо-

¹⁾ Безобразовъ. Земскія учрежденія и самоуправлениіе.

²⁾ Сватиковъ. Общественное движение въ Россіи (1700—1895 г.).

³⁾ Васильчиковъ. О самоуправлениі.

зиціонного напрямлення, заявившія себе ще при виробленні Положення, найкращимъ представителемъ и выражателемъ кото-
рыхъ бувъ гр. М. А. Корфъ. Въ своїхъ замѣчаніяхъ на проекти земскаго положенія онъ въ такихъ словахъ высказа-
валъ взгляды на земское самоуправление возглавляемой имъ партіи: „цѣль земской реформы, писалъ онъ, заклю-
чается не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ правительствен-
ныхъ мѣстъ учредить другія, хотя бы и въ лучшемъ и пра-
вильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣ-
неніи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго
управления; въ разрушеніи ея старыхъ основъ и построеніи
ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—децентра-
лизаціи и самоуправлениія“¹⁾). Но опасеніе потерять только-
что дарованную реформу, опасеніе, вызванное усиленіемъ
реакціи, симптомы которой проявились еще при составленіи
положенія о земскихъ учрежденіяхъ, побудило оппозиціон-
ную партію не касаться вопроса о расширеніи обществен-
ной самодѣятельности.

Несмотря на свою половинчатость, земская реформа все же внесла большое оживленіе въ сѣрую провинціаль-
ную жизнь. Земскіе дѣятели съ большою энергию приня-
лись за введенное имъ дѣло и, можетъ быть, своею дѣя-
тельностью вскорѣ обновили бы различныя стороны про-
винціальной жизни, если бы не два обстоятельства: недовѣ-
ріе и противодѣйствие коронной власти и индифферен-
тизмъ и абсентеизмъ земскихъ дѣятелей не парализовали
ее. Земскія учрежденія, какъ мы выше отмѣтили, были тѣмъ
компромиссомъ, на который пошло правительство второй
половины XIX столѣтія, чтобы подавить начавшееся
въ то время политическое броженіе. Въ объяснительной
запискѣ къ проекту земскаго положенія оно прямо заявило,
что имѣеть въ виду своей реформой положить предѣль
возбужденнымъ, по поводу образованія земскихъ учреж-
деній, несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремле-
ніямъ разныхъ сословій. Но, вводя земскія учрежденія
вмѣсто кореннай государственной реформы, правительство
отлично сознавало, что оно уже выступило на путь этой ре-
формы и на земскія учрежденія смотрѣло, какъ на знаменіе
приближенія конституції. Понятно, что при такомъ условіи
земство съ первыхъ же дній своего существованія оказа-

¹⁾) Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 года. „Русская Мысль“, 1904 г. 2 ч.

лось бѣльмомъ на глазу бюрократіи и борьба съ земствомъ началась немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и само земство, вращаясь въ ограниченной сферѣ отмежеванныхъ ему интересовъ, буквально каждымъ своимъ шагомъ и движениемъ должно было volens nolens задѣвать столь ревниво охраняемые властью государственные интересы. Молодое земство сразу почувствовало всю ненормальность своего положенія, какъ какой-то странной пристройки къ чужому зданію, и инстинктивно стремилось стать органическою частью русского государства. Въ томъ же положеніи, въ которомъ оно находилось, оно какъ-то неловко чувствовало себя, какъ и государственная власть, которая никакъ не могла ужиться съ этимъ инороднымъ придаткомъ, постоянно напоминающимъ ей о призракѣ конституціи. Послѣдняя, вмѣсто того, чтобы развивать основы земской реформы, все свое вниманіе обратила на подавленіе ихъ. Всѣ 50 лѣтъ, протекшіе со времени введенія земскихъ учрежденій до нашихъ дней, были временемъ непрерывнаго, систематического стремленія бюрократіи ограничить и подавить земскую самостоятельность. На путь стѣсненій государственная власть выступила съ первыхъ же дней по введеніи земскихъ учрежденій. Подъ разными предлогами она начала издавать циркуляры и законы, идущіе въ разрѣзъ съ земскими интересами. Первый такой циркуляр былъ изданъ въ 1866 году. Имъ, по просьбѣ лѣсовладѣльцевъ одной изъ сѣверныхъ губерній, было ограничено право обложенія земствами сплавныхъ лѣсовъ. Въ томъ же году 17 мая былъ изданъ другой циркуляръ, которымъ разъяснялось, что земства не имѣютъ права облагать сборами самыя издѣлія и продукты, выдѣлываемые или продаваемые на фабрикахъ и заводахъ, а равно и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, оплачиваемыхъ акцизомъ въ пользу казны¹⁾. А 21 ноября того же года былъ изданъ законъ, существенно ограничившій права земского самообложенія. Въ виду неоднократно поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрныя обложенія земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ заведеній, этимъ закономъ право земского самообложенія было ограничено только недвижимыми имуществами въ городахъ и уѣздахъ. Съ свидѣтельствомъ же на право торговли и промысловъ, съ билетомъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патен-

¹⁾ Пажитновъ. Городское и земское самоуправление.

тovъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку ни стоимость находящихся въ нихъ предметовъ, ни торговыхъ оборотовъ, и притомъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ винокуренныхъ заводовъ не превышалъ 25%, а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 10% налоговъ, платимыхъ въ казну¹). Этимъ закономъ, по мнѣнію Головачева, была парализована всякая полезная дѣятельность земскихъ собраній. Въ слѣдующемъ же году (1867) 13 іюня былъ изданъ другой законъ, еще болѣе стѣснившій земскую дѣятельность. Имъ была введена цензура для земскихъ изданій, всѣ земскіе журналы, доклады могли печататься не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, и расширина власть предсѣдателя. Онъ получилъ право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, право снимать съ очереди предложеніе, если оно не согласно съ законами или выходитъ за предѣлы компетенціи земства. Онъ же отвѣчалъ за допущеніе въ собраніи политическихъ рѣчей и вопросовъ. Кромѣ того, этимъ закономъ запрещались сношенія отдѣльныхъ земствъ между собою. Всѣ эти и подобныя имъ распоряженія, въ корне разрушавшія земскія права и идущія въ разрѣзъ мѣстнымъ интересамъ, вызвали сильныя неудовольствія многихъ земствъ и рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ отменѣ ихъ. Такъ, напр. Петербургское земство въ своемъ губернскомъ засѣданіи два раза постановляло не примѣнять къ раскладкѣ на 1867 годъ правиль 21 ноября, за что и было закрыто. Правительство, и безъ того настроенное противъ земствъ, на которыхъ оно смотрѣло, какъ на государство въ государствѣ, сочло подобныя выступленія революціонными, вызванными дѣйствиемъ подпольныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ земствъ имѣли неосторожность высказатьсь за измѣненіе существующаго строя общественной жизни на конституціонныхъ началахъ. На самыя земскія учрежденія стало смотрѣть, какъ на совершенно лицемѣя, неоправдывающія своего назначенія. Земскія собранія, писалъ Катковъ²), это говорильни, дѣломъ не занимаются, а являются только очагами оппозиціи, вступая въ безплодныя пререканія съ администрацией, они только

¹) Сватиковъ. Общественное движение въ Россіи.

²) Пажитновъ. Городское и земское самоуправление.

тормозять дѣло управлениія. Всѣ эти обвиненія, выдвинутыя противъ земствъ, въ значительной степени были сгущены различными нестроеніями и злоупотребленіями въ ввѣренной имъ области мѣстнаго хозяйства. Реакція, поразившая правительство, коснулась и земствъ. Энергія, проявленная первыми земскими дѣятелями, отъ постояннаго давленія сверху стала замѣтно ослабѣвать. Для крупныхъ землевладѣльцевъ, платившихъ довольно большие налоги, работа въ земствѣ была непріятнымъ бременемъ. Не манили ихъ, какъ людей обеспеченыхъ, и земская мѣста, а потому они довольно равнодушно относились къ земской само-дѣятельности. Не меньшее равнодушіе проявили къ земской работѣ и городскіе избиратели. Большие налоги, которые приходилось уплачивать городскимъ жителямъ съ одной стороны, перевѣсь въ земскихъ учрежденіяхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ съ другой—подавили и въ городскомъ населеніи интересъ къ земской работѣ. Даже крестьяне и тѣ стали охладѣвать къ земской работѣ. Неподготовленность къ новому дѣлу, лишніе расходы на поѣздки, новые налоги—все это подавляло и въ нихъ рвение. Результаты такого общаго индифферентизма къ земской работѣ были печальные. Земскія учрежденія стали наполняться лицами, или совершенно неинтересующимися дѣломъ, или мало подготовленными къ нему, а это въ свою очередь повело къ деморализаціи земскихъ учрежденій. Предсказаніе Каткова, что многіе ждутъ не дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хороший доходъ, и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденіями, исполнилось. Хищенія и растраты земскихъ суммъ стали явленіемъ распространеннымъ. Все это еще болѣе очернило въ глазахъ правительства земство и сгостило тучи, нависшія надъ нимъ. Но до восьмидесятыхъ годовъ реакція не такъ сильно заявляла о себѣ. Съ этого же времени она все болѣе и болѣе стала усиливаться и къ концу восьмидесятыхъ годовъ достигла полнаго развитія. Всѣ мѣропріятія этого времени направлены къ охраненію государственнаго принципа—централизаціи. Таковы: манифестъ 29 апр. 1881 года о неуклонномъ охраненіи самодержавія; положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 14 ав. 1881 г.; временные правила о евреяхъ, устанавливавшія ихъ черту осѣдлости, 1882 г.; временные правила о печати 1882 г., создавшія современное ея положеніе, и мн. другія. Какъ глубоки были корни, пущенные реакціей, можно видѣть

изъ тѣхъ предложеній для улучшенія земскихъ учрежденій, которая въ это время высказывались. Такъ, напр. П. Л. Корфъ для улучшенія земскихъ учрежденій предлагалъ включить въ составъ земскихъ собраний уѣздныхъ предводителей дворянства, ихъ кандидатовъ, депутатовъ дворянъ и дворянъ потомственныхъ; установить фиксацію земскаго обложенія; соединить должность вице-губернатора съ предсѣдателемъ губернской управы и должность исправника съ должностю члена уѣздной управы. А извѣстный земской публицистъ, опредѣленного оппозиціоннаго направленія, К. К. Арсеньевъ считалъ необходимымъ опредѣлить напр. максимумъ обложенія для земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ и установить особыя нормы для ихъ оцѣнки и регламентировать натуральныя повинности. Онъ же проектировалъ установить для земствъ обязательнымъ разсмотрѣніе всѣхъ ихъ предложеній губернаторомъ и допущеніе послѣдняго къ участію съ совѣщательнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ идея централизаціи и бирократического самовладѣнія снова была выдвинута на политическую арену. Такова въ общихъ чертахъ атмосфера общественной жизни на протяженіи времени отъ введенія реформы 1864 года до конца восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Вполнѣ понятно, чѣмъ должна была она разрядиться. Оппозиціонное направленіе земскихъ учрежденій, хищенія и растраты, происходившія въ нихъ, ясно говорили правительству о ихъ непригодности и необходимости реорганизаціи ихъ. Но самъ собою возникъ вопросъ, на какихъ же началахъ реорганизовать земскія учрежденія? Само правительство стояло на сторонѣ старины и считало необходимымъ реорганизовать земство на прежнихъ началахъ сословности и централизаціи. На сторонѣ послѣднихъ къ этому времени оказалось и общественное самосознаніе. Въ этомъ направленіи и начались работы комиссій гр. Д. А. Толстого министра внутреннихъ дѣлъ, и его ближайшаго сотрудника Пазухина, по пересмотру земскаго положенія 1864 года. Причину оппозиціи и конституціонализма земцевъ Толстой видѣлъ не въ неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ самоуправленія, противорѣчившей основному государственному принципу. А потому онъ предлагалъ совершенно уничтожить исполнительные земскіе органы (губернскія и уѣздныя управы) и замѣнить ихъ губернскими и уѣздными земскими присутствіями, подчиненными

губернатору и пополняемыми по назначению. Земская собрания должны были стать совещательными учреждениями, постановления которыхъ подлежали бы утверждению губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Земская собрания должны были пополняться на основѣ сословного представительства, имѣющаго притомъ характеръ повинности. Смерть Толстого не дала ему провести проекты въ жизнь. Разработанныя имъ основы новаго Положенія были вслѣдствіи нѣсколько измѣнены его преемникомъ—Дурново. Нѣкоторыя измѣненія внесъ Государственный Совѣтъ, гдѣ новый законопроектъ вызвалъ особо внимательное отношеніе. Выработанное въ такомъ порядкѣ Положеніе было утверждено 12 июня 1890 года и съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствуетъ и донынѣ.

Измѣненія, внесенные „Положеніемъ 1890 года“, прежде всего коснулись основного принципа „Положенія 1864 г.“. Вмѣсто бессословнаго, основаннаго на имущественномъ цензѣ, представительства введено сословное, именно одно избирательное собраніе для дворянъ личныхъ и потомственныхъ, и другое для прочихъ избирателей, кроме лицъ крестьянскаго сословія¹⁾. Представительство же отъ крестьянъ сведено къ фракціи. Сельскіе избирательные съезды упразднены, избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ. При чёмъ списки избранныхъ ими лицъ отсылаются губернатору, который по своему усмотрѣнію утверждаетъ земскихъ гласныхъ и кандидатовъ къ нимъ²⁾. Затѣмъ, значительная измѣненія внесены новымъ Положеніемъ въ организацію земскихъ учрежденій. Участіе въ выборахъ гласныхъ предоставлено только лицамъ, физически и юридически владѣющимъ не менѣе года, на правѣ собственности, землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ³⁾. Этимъ введеніемъ отъ выборовъ были устранины всѣ имѣющіе купеческія свидѣтельства и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предприятій⁴⁾. Отъ выборовъ устранины и священно-и церковно-служителя и евреи⁵⁾. Вмѣсто этого епархиальнымъ учрежденіямъ предоставлено право назначать въ земскія учре-

¹⁾ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ т. II и I, ст. 14, 28.

²⁾ Ibid., ст. 51.

³⁾ Ibid., ст. 16, 24.

⁴⁾ Ibid., ст. 24.

⁵⁾ Ibid., ст. 26.

жденія своихъ представителей¹⁾. Право участія въ избраніи уполномоченныхъ обусловлено не $\frac{1}{20}$, а $\frac{1}{10}$ избирательного ценза, но взамънъ этого значительно понижены размѣръ земельного ценза и расширенъ кругъ лицъ, имѣющихъ право на представительство черезъ уполномоченныхъ. Это право получили не только владѣтели земельныхъ, но и прочихъ имуществъ, оцѣненныхъ не ниже $\frac{1}{10}$ полнаго ценза (т. е. 1500 р.)²⁾. Право выдачи довѣренности на участіе въ выборахъ, прежде принадлежавшее всѣмъ избирателямъ, теперь оставлено только за мужчинами совершенолѣтними, но не достигшими 25 лѣтняго возраста, и за женщинами, но зато расширенъ кругъ лицъ, которыхъ могутъ быть повѣренными женщинъ. Въ число послѣднихъ включены еще родные племянники и внуки³⁾. Установлены особые способы пополненія комплекта гласныхъ для тѣхъ случаевъ, когда за неприбытіемъ достаточнаго числа избирателей или по другимъ причинамъ, число избранныхъ гласныхъ окажется менѣе двухъ третей числа, положеннаго для уѣзда. Въ такихъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ продолжать на новое трехлѣтіе срокъ полномочій прежнихъ гласныхъ⁴⁾. Самое число гласныхъ сокращено: въ уѣздномъ земскомъ собраніи почти на $\frac{1}{4}$, а въ губернскомъ на $\frac{1}{6}$. Существенное нововведеніе, касающееся земскихъ собраній, то, что въ составъ губернскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства, а гдѣ ихъ нѣть—предсѣдатели уѣздныхъ сѣльзовъ, а въ составъ уѣздныхъ собраній—городскіе головы уѣздныхъ городовъ⁵⁾. Присутствіе на собраніяхъ обязательно для всѣхъ гласныхъ, уклоняющіеся безъ уважительныхъ причинъ, по усмотрѣнію собраній, могутъ подвергаться взысканіямъ, начиная съ замѣчанія и кончая штрафомъ въ размѣрѣ 75 рублей⁶⁾. Далѣе, значительныя измѣненія были произведены въ организаціи исполнительныхъ органовъ—управъ.

По новому Положенію не только предсѣдатели уѣздныхъ управъ, но и члены, какъ губернской, такъ и уѣздныхъ управъ, утверждаются въ своей должности губернаторомъ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., ст. 57.

²⁾ Ibid., ст. 24.

³⁾ Ibid., ст. 18, 21.

⁴⁾ Ibid., ст. 53.

⁵⁾ Ibid., ст. 56.

⁶⁾ Ibid., ст. 59, 60.

⁷⁾ Ibid., ст. 118.

Въ случаѣ неутвержденія избранныхъ лицъ, вакантныя должности замѣщаются по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ лицами правоспособными¹⁾). Отъ предсѣдателя управы требуется обладаніе правомъ вступленія на государственную службу²⁾). Всѣмъ членамъ и предсѣдателю управы предоставлены права государственной службы³⁾. За проступки по своей должности они могутъ подлежать дисциплинарнымъ взысканіямъ⁴⁾. Право налагать взысканія на членовъ уѣздной управы принадлежитъ особому учрежденію—губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, а на предсѣдателей управы и членовъ губернской управы—совѣту ministra внутреннихъ дѣлъ. Ему же принадлежитъ и право устраниенія отъ должности членовъ и предсѣдателей управы⁵⁾). Кромѣ того, расширенъ кругъ лицъ, подлежащихъ избранию въ предсѣдатели и члены управъ; на эти должности могутъ избираться не только гласные, но и всѣ лица, обладающія полнымъ цензомъ⁶⁾). Значительно расширены права предсѣдателей управъ. Они получили право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, снимать съ очереди предложенія, если тѣ не согласны съ законами или выходятъ за предѣлы компетенціи земства⁷⁾. Наконецъ, новое Положеніе коснулось и предѣловъ власти земскихъ учрежденій и значительно ограничило ихъ. Оно предоставило губернатору право останавливать постановленія собраній не только въ случаяхъ формальныхъ нарушеній закона, но и тогда, когда онъ усмотритъ, что данное постановленіе не соответствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или нарушаетъ интересы мѣстного населенія⁸⁾). Предоставляя губернатору право надзора не только за закономѣрностью, но и цѣлесообразностью дѣйствій земскихъ учрежденій, новое Положеніе для разрешенія возможныхъ конфликтовъ между земскими собраніями и губернаторомъ, относительно степени правильности и законности постановленій и распоряженій первыхъ, устанавливается особыя губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія,

¹⁾ Ibid., ст. 119.

²⁾ Ibid., ст. 117.

³⁾ Ibid., ст. 123.

⁴⁾ Ibid., ст. 132, 134.

⁵⁾ Ibid., ст. 133.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid., ст. 101, 102.

⁸⁾ Ibid., ст. 5, 87

которыя вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляетъ дисциплинарною властью въ отношеніи къ земскимъ управамъ¹⁾. Въ составѣ присутствій, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ: губернскій предводитель дворянства, вице - губернаторъ, управляющій казенною палатой, прокуроръ окружного суда, городской голова губернского города, предсѣдатель губернской управы и одинъ членъ, избранный губернскимъ земскимъ собраніемъ²⁾). Дѣла въ присутствіи рѣшаются большинствомъ голосовъ, но губернатору предоставлено право пріостанавливать исполненіе рѣшений и переносить дѣла министру внутреннихъ дѣлъ³⁾). Таковы въ общихъ чертахъ тѣ измѣненія, или, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, улучшенія, которыя произведены въ Положеніи 1864 года Положеніемъ 1890 года.

Знакомясь съ ними, мы не можемъ не замѣтить, что новое Положеніе не ослабило, но еще болѣе усилило реакціонные элементы, вкравшіеся въ земское устройство. Снова земскія учрежденія получили сословный характеръ, а организація земскаго представительства была искажена въ угоду дворянству. Увеличивъ число гласныхъ отъ дворянъ, новое Положеніе представительство отъ другихъ сословій свело къ нулю. Къ тому же была сведена и свобода дѣйствій всѣхъ земскихъ учрежденій, особенно управъ. Статья (6 Положенія 1864 года), гласящая: „въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостотельно“, была исключена изъ закона. Правда, новое Положеніе устранило взглядъ на земскія учрежденія, какъ частные хозяйственныя союзы, и поставило ихъ въ ряду правительственныхъ учрежденій, но надѣлило ихъ не необходимыми прерогативами правительственной власти, а бюрократическимъ надзоромъ и руководствомъ. Власть губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ съ одной стороны, и губернскаго присутствія съ другой парализовали въ земствѣ всякую самодѣятельность. Стѣснительный надзоръ администраціи съ закономѣрности перенесенъ уже и на цѣлесообразность земскихъ постановлений. Но противники земскаго самоуправленія не удовлетворились и такой реакціонной реформой, и въ послѣдующее время издается рядъ положеній, направленныхъ къ дальнѣйшему ограниченію земской само-

¹⁾ Ibid., ст. 8.

²⁾ Ibid., ст. 8.

³⁾ Ibid., ст. 11.

дѣятельности. Такъ, въ 1900 году, высказываемая раньше мысль о необходимости фиксации земского обложенія получила законодательную санкцію. Выработанный министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягінымъ и министромъ финансовъ Витте, проектъ, по которому всѣ земскія сметы, требующія увеличенія сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, должны представляться на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, хотя и встрѣтилъ сильную оппозицію, какъ въ Совѣтѣ министровъ (гдѣ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что увеличеніе оклада предшествующаго года допускалось въ размѣрѣ 2,5%, а съ Высочайшаго разрешенія эта норма могла быть повышена до 5%), такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ большинство рѣшиительно выказалось противъ, однако былъ Высочайше утвержденъ. Одновременно съ этимъ изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій были изъяты дѣла по общественному продовольству.

Можетъ быть, послѣдовали бы и новые ограниченія земской самодѣятельности, если бы не 1904—5 годы общественного движения, когда вмѣстѣ съ вопросомъ о переустройствѣ всего государственного строя на конституціонныхъ началахъ былъ выдвинутъ, какъ его предикать, и вопросъ о мѣстномъ самоуправлѣніи. 5 декабря 1906 года былъ уже изданъ законъ, значительно измѣнивший организацію крестьянскаго представительства въ земскихъ учрежденіяхъ. Крестьяне были освобождены отъ административной опеки. Выборнымъ сельскихъ обществъ предоставлено было самимъ, безъ вмѣшательства губернатора, избирать изъ своей среды уѣздныхъ гласныхъ. Гласные отъ крестьянъ получили вмѣстѣ съ тѣмъ право на государственную службу и занятіе должности члена и предсѣдателя управы. Кроме того, тѣ изъ крестьянъ, которые, помимо надѣльной земли, обладали еще установленнымъ имущественнымъ цензомъ, получили право, помимо участія въ выборахъ гласныхъ отъ своихъ обществъ, участвовать во вторыхъ избирательныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ томъ же году правительство для улучшенія состоянія земскихъ финансовъ выступило на путь субсидированія земствамъ и ихъ дѣятельность получила возможность сильнѣе развернуться. Позднѣе (5 декабря 1912 г.) послѣдовало изданіе закона объ улучшеніи земскихъ финансовъ, благодаря которому земство получаетъ до 8 миллионовъ рублей. Другихъ измѣненій, кроме указанныхъ, въ Положеніе 1890 г.

до настоящаго времени не внесено. Правда, за время работы Государственной Думы не разъ затрагивались отдельные вопросы мѣстнаго самоуправлениія, но всѣ они не вышли изъ стадіи составленія проектовъ и ихъ обсужденія. Впервые вопросъ о реформированіи земскаго самоуправлениія былъ затронутъ во второй Государственной Думѣ, когда въ нее внесены были два проекта конституціонной демократической партіи о выборѣ земскихъ гласныхъ и правительствомъ—о поселковомъ и волостномъ управлениі. Сущность первого проекта сводится къ слѣдующему. Сельское общество, какъ самоуправляющійся союзъ, упраздняется. Вместо него, въ помощь существующему земству, создается другое, организованное на тѣхъ же самыхъ началахъ, но охватывающее меньшую территорію.

Каждое селеніе можетъ быть выдѣлено въ отдельную земскую единицу—поселковую организацію (сходъ, староста и управа). Нѣсколько такихъ мелкихъ земскихъ единицъ—объединяются въ крупныя—„участки“. Во главѣ участка стоять органы его: участковое земское собраніе и участковая управа. Участковое земство подчинено уѣздному. Участвовать въ выборахъ и быть избраннымъ въ поселковое и участковое и уѣздное земства могъ всякий мѣстный житель, достигшій 21 года безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, прожившій въ предѣлахъ уѣзда не менѣе 6 мѣсяцевъ, хотя бы и въ разное время. Проектъ же, внесенный правительствомъ, не уничтожая прежняго устройства сельскихъ обществъ, для селеній не земледѣльческаго типа и селеній, составъ жителей которыхъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$ не совпадаетъ съ составомъ земельныхъ обществъ, между тѣмъ мѣстная потребности благоустройства отличаются точностью, вводить поселковое устройство. Въ составъ поселковыхъ обществъ, кроме указанныхъ селеній, могли входить и владѣльцы усадебъ, хуторовъ и т. п., расположенныхъ въ чертѣ усадебной осѣдлости селенія. Всѣ общественные дѣла въ поселковыхъ селеніяхъ решаются общимъ собраніемъ или сходомъ. Въ крупныхъ же селеніяхъ поселковые сходы замѣняются поселковыми собраніями (непосредственное участіе замѣняется представительствомъ). Для рѣшенія вопросовъ: объ учрежденіи и закрытии поселковыхъ обществъ, объ установлениі и измѣненіи ихъ границъ, для провѣрки поселковыхъ оцѣнокъ учреждаются уѣздныя земскія собранія (вместо уѣздныхъ съѣздовъ). Поселковыя общества наравнѣ съ

земскими участвуют въ волостномъ управлениі. Волостные собрания составляются изъ гласныхъ, избираемыхъ тѣми и другими, при этомъ количество гласныхъ съ каждой стороны опредѣляется размѣромъ суммы оплачиваемыхъ сборовъ. Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ вторая Дума, въ виду скораго распуска, не успѣла разсмотрѣть. Послѣ распуска второй Думы правительство поспѣшило взять обратно свой проектъ и, переработавъ его въ реакціонномъ духѣ, внесло въ 1908 году въ третью Думу. Въ концѣ своихъ полномочій третья Дума разсмотрѣла его, но не во всемъ составѣ, а лишь проектъ волостного управления, и послѣ значительныхъ измѣненій одобрила. Проектъ поселковаго управления такъ и остался въ комиссіи, не поступивъ на обсужденіе Думы. По проекту правительства вся реформа волостного управления сводилась лишь къ привлечению къ участію въ волостномъ управлениі лицъ всѣхъ сословій и расширению компетенціи волости въ сферѣ хозяйственной дѣятельности. Волость же по-прежнему должна была оставаться единицей управления. Между тѣмъ Государственная Дума стремилась создать изъ волости новую земскую единицу въ помощь существующему земству. По проекту, принятому Государственной Думой, волостное земское управление строилось по образцу уѣзднаго. Органами волостного управления являются волостные собрания (съ распорядительной властью) и управы (органы исполнительные). Въ волостныхъ избирательныхъ собранияхъ могли участвовать только лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ земскими сборами. Ни размѣръ имущественного ценза, ни размѣръ земскихъ сборовъ, дающихъ право на участіе въ выборахъ, Дума не установила, а потому предоставила избирательные права и владѣльцамъ нѣсколькихъ сажень земли, если только земля ихъ была обложена земскими сборами. Право участія въ выборахъ въ волостные гласные было предоставлено и женщинамъ. Для избрания волостныхъ земскихъ гласныхъ Государственная Дума признала необходимымъ установить куріальную систему, по размѣрамъ имущественного ценза и съ выдѣленіемъ въ особую курію общественниковъ. Компетенція волостного земского собрания опредѣлена соответственно компетенціи уѣздныхъ земскихъ собраний. Исполнительный органъ волости—волостная управа составляется изъ предсѣдателя и двухъ или нѣсколькихъ членовъ. Обязанности волостной управы раздѣляются—на земско-хозяйственная и административная.

Для взимания местныхъ сбороў въ помощь волостной управѣ учреждается должность сборщика. Каждой волости предоставлено право самой составлять смету по обложению имуществъ, которая затѣмъ поступаетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго земскаго собранія. Въ своей дѣятельности волостная земская учрежденія поставлены подъ надзоръ съ одной стороны правительственной власти, которая надзираетъ за законностью ихъ дѣствій, не касаясь цѣлесообразности, а съ другой—подъ надзоръ особаго присутствія уѣзднаго съѣзда, состоящаго изъ правительственныхъ чиновъ и местныхъ общественныхъ дѣятелей. Ближайшій же надзоръ и ревизія волостныхъ земскихъ учрежденій возложены на особое лицо, избираемое уѣзднымъ присутствіемъ изъ своей среды. Земское волостное управление вводится, по возможности, въ предѣлахъ существующихъ волостей. Вновь же открываемыя волости должны быть съ населеніемъ не менѣе 3.000 душъ обоего пола. Разработанный въ такомъ видѣ законопроектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ и лежитъ безъ разсмотрѣнія до сихъ поръ. Въ 1908 году было внесено въ Государственную Думу еще одно законодательное предположеніе объ измѣненіи земскаго Положенія 1890 года въ части, касающейся выборовъ. Необходимость измѣненія избирательного закона въ земскія собранія давно уже диктуется самою жизнью. Земское Положеніе 1890 года съ его исключительно сословнымъ характеромъ признано устарѣвшимъ всѣми серьезными земскими дѣятелями. Достаточно привести слѣдующій любопытный фактъ, указанный въ Государственной Думѣ депутатомъ Шингаревымъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, уже нѣсколько лѣтъ фактически исчезло изъ жизни земство. Дѣло въ томъ, что въ этомъ уѣздаѣ имѣется лишь 6 человѣкъ изъ дворянъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, но ихъ нѣть на-лицо: двое умерли, двое продали землю, остальные попали подъ судъ. Земская управа существуетъ по назначению и, конечно, ежегодно представляеть земскому собранію (несуществующему) разнаго рода доклады, которые потомъ, въ виду отсутствія земскаго собранія, представляются на утвержденіе губернатору¹⁾.

Это—яркій примѣръ вырожденія земства, основаннаго на сословномъ началѣ. Въ внесенномъ предположеніи

¹⁾ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданія 21, 8, 11, 1913 г.

(подписанномъ видными представителями фракціи октябристовъ), вопросъ о расширениі избирательныхъ правъ былъ разработанъ не только въ смыслѣ уменьшенія имущественаго ценза, но и съ предоставлениемъ пассивныхъ избирательныхъ правъ женщинамъ. Но оно пролежало въ третьей Думѣ болѣе 4 съ половиной лѣтъ безъ всякаго движенія и къ концу окончанія полномочій третьей Думы осталось неразсмотрѣннымъ. Въ четвертой Думѣ аналогичное законодательное предположеніе было внесено октябристами въ началѣ февраля 1913 года и тогда же передано въ комиссію по мѣстному самоуправлению для разработки. Данное предположеніе чрезвычайно скромно и въ строгомъ смыслѣ вовсе не является реформой. Вся задача его заключается лишь въ нѣкоторомъ расширеніи рамокъ избирательного закона и въ допущеніи къ земскимъ выборамъ болѣе значительного круга лицъ. Проектъ, правда, уничтожаетъ сословное начало, на которомъ построено Земское Положеніе 1890 года; онъ строить избирательные права на другомъ началѣ—имущественномъ, но, уничтожая сословныя перегородки, онъ далекъ отъ демократизаціи земскаго избирательного закона. Проектъ понижаетъ земельный цензъ на половину противъ существующаго и устанавливаетъ для выборовъ пять курій: двѣ куріи уѣздныхъ собственниковъ, двѣ для горожанъ и одну для сельскихъ собственниковъ и домохозяевъ общинниковъ. Главная роль въ земствѣ отводится крупнымъ земельнымъ собственникамъ. Въ этомъ отношеніи проектъ октябристовъ нѣсколько приближается къ земскому избирательному закону 1864 года. Проектъ настолько скроменъ, что противъ него возражалъ въ Государственной Думѣ одинъ только Марковъ 2-й, который высказалъ, что земство обязательно должно быть перестроено на сословныхъ началахъ. Но даже Марковъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ его рѣчи, подъ сословнымъ земствомъ подразумѣвалъ не преобладаніе въ немъ дворянства, а настаивалъ на необходимости зафиксировать опредѣленное число гласныхъ отъ крестьянъ, чтобы загородить наплывъ въ бессословное земство сельской интеллигенції¹⁾. Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ. Въ 1910 году предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ внесъ

1) Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданіе 21.

въ Государственную Думу проектъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ по закону 1890 года съ рядомъ большихъ измѣненій. Главное изъ нихъ то, что, вмѣсто дѣленія избирателей по сословіямъ, введено дѣленіе на національныя куріи. При этомъ землевладѣльцамъ русскаго происхожденія предоставлены нѣкоторыя преимущества, какъ въ выборѣ гласныхъ, такъ и при замѣщеніи должностей. Государственная Дума съ нѣкоторыми измѣненіями приняла этотъ проектъ, но Государственный Совѣтъ отклонилъ его. Тогда сессія законодательныхъ учрежденій была на три дня прервана и проектъ былъ проведенъ въ порядкѣ 87-ї статьи основныхъ законовъ.

Такова исторія земства (со стороны законоположеній) со дня его введенія и до нашихъ дней. Подводя итоги полу-вѣкового существованія земства, нельзя не отмѣтить, что русское земское самоуправлѣніе находится еще въ началь-ной стадіи своего развитія, что исполнившіеся въ нынѣшнемъ году 50 лѣтъ его существованія есть только минута въ его будущей исторіи. Не мало реформъ и измѣненій должно увидѣть земство прежде, чѣмъ стать совершеннымъ аппаратомъ. Вся атмосфера общественной жизни склады-вается такъ, что обѣщаетъ дальнѣйшее развитіе началь-самоуправлѣнія. Тотъ антагонизмъ между земствомъ и пра-вительствомъ, которымъ наполнены первые годы существо-ванія земства, съ начала 90 годовъ прошлаго столѣтія начинаетъ исчезать, и отношенія между ними съ тѣхъ поръ, какъ государственные задачи и потребности стали открыто обсуждатсся мѣстными людьми въ законодатель-ныхъ палатахъ, начали принимать опредѣленныя формы. Центральная власть заявила себя не только какъ носитель-ница управлѣнія и государственности, но и какъ примири-тельница мѣстныхъ интересовъ съ государственными. Можно надѣяться, что и многія другія печальные явленія, до сихъ поръ задерживающія развитіе началь мѣстнаго самоупра-влѣнія, какъ напр. индифферентізмъ и абсентеизмъ насе-ленія къ общественной самодѣятельности, будутъ исчезать по мѣрѣ умственного и государственного развитія мѣст-наго населенія. Могущественный толчокъ этому развитію уже данъ устройствомъ мелкаго единоличнаго землевла-дѣнія, которое, безъ сомнѣнія, создастъ множество лицъ, заинтересованныхъ въ добромъ веденіи мѣстнаго хозяйства.

В. Смирновъ.

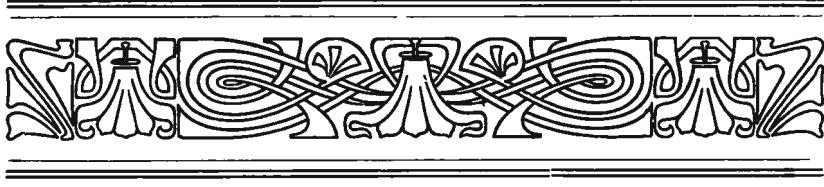

Тому сто пять.

Императоръ Александръ I, во время своего пребыванія въ 1814 г. въ Брюсселѣ, одѣвался съ чрезвычайной простотой, такъ что никто не подозрѣвалъ въ немъ Монарха Россіи. Однажды, проливной дождь заставилъ его искать убѣжища; не вдалекъ онъ увидѣлъ магазинъ портного, дверь которого стояла открытой. Онъ взошелъ туда, и вступивши въ бесѣду съ хозяиномъ, сталъ его разспрашивать объ его семье, и какимъ образомъ онъ сводить свои концы съ концами. Портной, слова которого заставили въ немъ предполагать человѣка честнаго и благочестиваго, откровенно высказался о своихъ затрудненіяхъ въ денежныхъ дѣлахъ, и заботу, что у него не хватить денегъ на уплату своего помѣщенія. Императоръ скоро покинулъ его, сохранивъ свое инкогнито. Однако жъ нѣсколько дней спустя портной неожиданно получилъ бумагу—актъ покупки дома въ свою полную собственность. И только нѣкоторое время спустя, ему пришлось узнать, что его мимолетный гость и Императоръ Россіи были одно и то же лицо.

В. Ключарева.

Казанская старина.

Павелъ I въ г. Козмодемьянскъ.

Павелъ, какъ поклонникъ иѣмецкаго милитаризма, всю армию раздѣлилъ на 4 инспекціи, и Казанская губ. причислена къ Оренбургской инспекціи. Онъ вздумалъ въ 1798 г. сдѣлать смотръ 3 полкамъ, стоящимъ въ г. Оренбургѣ, которые, обученные, вызывались въ г. Казань, куда и Императоръ къ 25 мая рѣшилъ прибыть. Для такого дальняго путешествія Павелъ приказалъ сдѣлать, какъ онъ называлъ, дорожную колясочку на 4-хъ ліздъ, и тутъ же, чтобы можно было принимать съ докладомъ. И вотъ 5 мая 1798 г. онъ выѣхалъ изъ г. Павловска черезъ Москву, Нижній и Казань по большой московской дорогѣ въ сопровожденіи свиты—графа Кутайсова и генераловъ Нелединскаго, Обрѣзкова и Кушелева, и съ нимъ поѣхали два сына, князья Александръ и Константинъ. Подъ царскій поѣздъ запрягалось до 400 лошадей. Для встречи Императора, изъ г. Казани прибыли въ г. Козмодемьянскъ, какъ лежащей на границѣ Нижегородской губ., депутаты отъ дворянства во главѣ съ военнымъ губернаторомъ де-Ласси, отъ купечества во главѣ съ Хворовымъ и Евреиновымъ, и вотъ съ утра 22 мая отъ Троицкаго Собора и до вѣздныхъ воротъ у тыновой ограды по обѣ стороны были поставлены инородцы (чуваши и черемисы) въ ихъ национальныхъ костюмахъ; тутъ же стояли и жители г. Козмодемьянска въ русскихъ костюмахъ, инвалидная команда во главѣ съ первымъ городничимъ

съ 1794 г. секундъ-мајоромъ Будимличемъ, ученики 2-хъ-класснаго малаго народнаго училища въ числѣ 28 воспитанниковъ, только-что открытаго въ 1791 году во главѣ съ учителемъ Пичугинымъ. А городское все духовенство во главѣ съ настоятелемъ о. протоіереемъ Листовымъ стояло у самаго собора съ св. водою и крестомъ въ самыхъ лучшихъ пасхальныхъ облаченіяхъ, и картина всей встрѣчи при солнечномъ свѣтѣ и тихой и теплой майской погодѣ получилась умилительная. Для наблюденія за поѣздомъ, на колокольнѣ собора былъ поставленъ сторожъ Парфенычъ, который обязанъ былъ, какъ только изъ-подъ горы покажется поѣздъ, ударить въ колоколъ, и ровно въ 5 ч. вечера Парфенычъ ударилъ въ колоколъ, и на всѣхъ колокольняхъ начали звонить, и народъ пришелъ въ оживленіе, а городничій вышелъ за шлагбаумъ навстрѣчу Императору, а городской голова М. А. Ермолаевъ съ 6-ю гласными думы, при выходѣ Павла I изъ коляски у шлагбаума, поднесъ хлѣбъ-солъ на серебряномъ блюдѣ отъ жителей города. Затѣмъ Императоръ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ соборъ между тѣсно стоявшихъ съ обѣихъ сторонъ инородцевъ и жителей, которые кричали „ура“. У собора принялъ крестъ и окрошеніе св. водою, потомъ вошелъ въ соборъ для его осмотра и выслушанія краткаго молебна. Послѣ чего поѣздъ спустился въ нижнюю часть города, гдѣ въ д. Колесникова была приготовлена квартира для Императора, а для свиты 8 домовъ тутъ же на площади. Домъ былъ 2-хъ этажный, самый лучшій въ городѣ, и видъ изъ него на Волгу чудный. За Императоромъ явились всѣ депутаты для представленія, а Императоръ больше всѣхъ обратилъ вниманіе на великана красавца купца Загороднаго, котораго и разспрашивалъ о Волгѣ, занятіяхъ жителей, о караванахъ, плывущихъ мимо города, и Волга въ это время была въполномъ разливѣ, и Императоръ залюбовался съ сыновьями красавицей Волгой. Затѣмъ Императоръ вздумалъ узнать вкусъ воды Волги и сравнить ее съ невской, для чего на лодкѣ посрединѣ Волги взяли пробу, и она понравилась Императору.

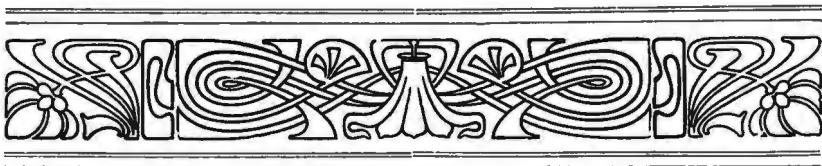
Послѣ представленія депутаты были распущены, а протоіерею Листову приказано на утро служить обѣдни въ Никольской церкви, которая стояла почти рядомъ съ дачей Колесникова. Народъ не расходился до обѣдни, и всѣ расположились вокругъ дома ночевать, чтобы быть съ Императоромъ у обѣдни и проводить его. О. Листовъ совмѣстно

съ священниками городскими Бузановскимъ и Муратовскимъ служили обѣдни, а пѣли причетники, знавшіе пѣніе, какъ города, такъ равно изъ близъ лежащихъ селъ. Въ церкви были всѣ депутаты,—и народъ кто могъ помѣститься. Послѣ обѣдни, принявши курьеровъ и лицъ съ докладами, Императоръ, позавтракавши, въ сопровожденіи всѣхъ депутатовъ, поѣхалъ далѣе, и Будимличъ ѿхалъ впереди съ казаками, и на границѣ уѣзда сдалъ свою обязанность чебоксарскому городничему, который и дожидался Царскаго поѣзда. Почти у самой границы Коамодемьянскаго уѣзда на большой дорогѣ среди березъ, которыми была въ 4 ряда обсажена московская большая дорога, оказался дубъ, вышиною около 10 саженъ, и до самаго верху ни одного сучка, а на верху въ видѣ кроны были сучки, и Императоръ заинтересовался такимъ дубомъ, что вышелъ изъ коляски, снялъ съ себя серебряный шарфъ и надѣль на дубъ, который и сталъ называться Царскимъ.

За пребываніе свое въ домѣ Колесникова, Императоръ подарилъ ему золотые часы съ брилліантами, а народъ въ память пребыванія Императора въ домѣ Колесникова, назвалъ этотъ домъ „Царскимъ Дворцомъ“ и подъ этимъ именемъ онъ такъ и существовалъ до тѣхъ поръ, пока не скончался и не свалился, и его пришлось купившимъ у наследниковъ новый выстроить.

В. П. Грузинцевъ.

Казанскіе лашманы.

Лашманство исчезло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Народъ уже забылъ о его существованіи; лишь немногіе старцы изъ простолюдиновъ знаютъ—что такое лашманы, для остальныхъ же имя „лашманъ“ представляетъ собою „крылатое слово“, обозначающее здоровяка, богатыря.

Лашманъ—терминъ нѣмецкій, происходит отъ нижненѣмецкаго *laschen* обрубать, обтесывать, обдѣлывать—и *Mann*. Лашманы, въ дословномъ переводѣ, значить будуть „тесальщики“.

Такъ назывались инородцы, приписанные къ Казанской Адмиралтейской конторѣ и обязанные заготовлять лѣсные материалы для надобностей флота.

Первый русскій корабль былъ „Орель“, построенный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ предназначался для Каспійскаго моря, былъ сведенъ по Волгѣ въ Астрахань и тамъ, во время бунта Стеньки Разина, сгорѣлъ ¹⁾.

Петръ Великій началъ строить флотъ въ 1696 году въ Воронежѣ. Морское управлѣніе этого времени сосредоточивалось въ Воронежѣ и, по имени царскаго жилища, называлось „Государевъ шатеръ на Воронежѣ“ ²⁾.

Центральнымъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ всѣми дѣлами кораблестроенія, былъ въ это время Володимірскій судный приказъ.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ XII, стр. 282, 285, 286.

²⁾ В. Чубинскій, Историческое обозрѣніе устройства управлениія морскимъ вѣдомствомъ въ Россіи. СПБ. 1869, стр. 4.

Для заготовки строительныхъ матеріаловъ для флота были назначены лѣса къ сѣверу отъ Воронежа по обѣимъ сторонамъ рѣки Воронежа и ея притоковъ ¹⁾). Выработка и доставка лѣсныхъ матеріаловъ возложены были на особыя, образованныя изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, „кумпанства“.

Въ 1700 году часть Володимирскаго суднаго приказа, завѣдывавшая кораблестроенiemъ, была выдѣлена въ самостоятельное учрежденіе подъ именемъ „Приказа адмиралтейскихъ дѣль“ ²⁾.

На сѣверѣ кораблестроеніе началось въ 1702 году на рѣкѣ Сясь, впадающей въ Ладожское озеро. Съ 1703 года стали строить суда на Свири на Олонецкой верфи, въ Лодейномъ полѣ, въ Новой Ладогѣ и на рѣкѣ Лугѣ; съ 1706 года—въ Петербургѣ ³⁾.

Лѣсные матеріалы первоначально употреблялись мѣстные. Но съ 1710 года стали въ Петербургъ доставляться лѣсные матеріалы для постройки флота—изъ Казани, гдѣ образовалось „портовое управление“ ⁴⁾.

Послѣ учрежденія въ 1718 году Адмиралтействъ-коллегіи морское управление въ Казани стало называться „Лѣсною конторою“; когда въ 1722 году въ Казани учреждено было адмиралтейство, то Казанское морское управление стало называться „Адмиралтейскою конторою“, но иногда употреблялось старое пазваніе—„Лѣсная контора“ ⁵⁾.

Эта двойственность наименованія объясняется двойственностью функций—Казанское управление вѣдало и постройкою судовъ въ Казани, въ *Адмиралтейской слободѣ*, до сихъ поръ сохранившей это название; и заготовкой лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

Число людей, состоявшихъ при Казанской конторѣ, достигало, говорить Чубинскій, до 800 и свыше; одни назначались собственно для изготавленія лѣсовъ, другіе къ кораблестроенію, иные къ магазинамъ” ⁶⁾.

Описапія—какъ происходила заготовка лѣсовъ для Казанского и Петербургскаго адмиралтейства—до сихъ поръ, насколько мнѣ известно, въ русской исторической литературѣ не имѣется.

¹⁾ О. с., стр. 6.

²⁾ О. с., стр. 8.

³⁾ О. с., стр. 11.

⁴⁾ О. с., стр. 30, 29.

⁵⁾ О. с., стр. 32, 76.

⁶⁾ О. с., стр. 76.

Въ указателѣ Межова упомянута лишь книга Чубинскаго, которой я между прочимъ воспользовался для составленія настоящаго очерка, но у Чубинскаго нѣть описанія способа заготовки лѣсныхъ матеріаловъ.

Затѣмъ, такъ какъ указатель Межова составленъ въ 1886 году, я просмотрѣлъ, начиная съ этого года, журналы — „Морской Сборникъ“, „Русский Архивъ“, „Русскую Старину“ и „Исторический Вѣстникъ“ и въ просмотрѣнныхъ мною нѣсколькихъ сотняхъ книгъ этихъ журналовъ ни одной статьи о Казанскомъ адмиралтействѣ не нашелъ¹⁾.

И вотъ, совершенно неожиданно, весною 1911 года мнѣ посчастливилось найти въ коллекціи старинныхъ рукописей преосвященнѣйшаго епископа Алексія одинъ очень интересный документъ, относящийся до Казанского адмиралтейства.

Означенная рукопись представляетъ собою „Инструкцію корабельному подмастерью Ефимову и Коммиссару Афанасьеву“ и относится къ 1760 году. Въ этой инструкціи содержатся подробныя наставленія о заготовкѣ лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

До 1712 года, т. е. въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, заготовка и отправка корабельныхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи производилась „нарядомъ мѣстныхъ жителей“²⁾. Съ 1712 года работы эти стали производиться наймомъ³⁾. Указомъ 15 мая 1712 года⁴⁾ повелѣно изъ Казани „отпускать тѣ лѣса по вешней полой водѣ до Твери, а рубить и спровоживать тѣ лѣса наймомъ“, производя уплату „изъ доходовъ Казанской губерніи“.

„... а во Твери тѣ лѣса принимать изъ С.-Петербургской губерніи и, принявъ, въ С.-Петербургъ спроводить противъ того-же наймомъ изъ доходовъ С.-Петербургской губерніи“...

При этомъ указывается даже специальный источникъ для этихъ расходовъ.—„Деньги сбирать съ тѣхъ людей, что у готовленія тѣхъ лѣсовъ въ работѣ были, по чѣму за человѣка положить можно, чтобы безъ тягости было“...

¹⁾ Къ сожалѣнію, нѣкоторыя книги послѣднихъ трехъ журналовъ (кромѣ „Морского Сборника“) въ библіотекѣ Университета оказались взятыми для прочтевія, нѣкоторыя утрачены, „Исторического же Вѣстника“ за нѣкоторые годы совсѣмъ нѣть. Съ этой неполнотою пришлось помириться.

²⁾ Чубинскій, о. с., стр. 30.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Полное собраніе законовъ, томъ IV, № 2522.

Тъ же правила, вкратцѣ, повторяются въ указѣ 27 февраля 1718 года ¹⁾.

Въ 1718 году система заготовки корабельныхъ лѣсовъ измѣнена—вмѣсто найма стала производиться нарядомъ инородцевъ, которыхъ для этой цѣли приписали къ адмиралтейству и стали называть лашманами.

Указомъ 31 января 1718 года ²⁾ повелѣно на работы по заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ „брать Казанской, Нижегородской и Воронежской губерніи и Симбирского уѣзда служилыхъ мурзъ, татаръ, мордву и чувашъ безъ заплаты“, т.-е. безъ вознагражденія, въ видѣ повинности. Съ живущихъ далеко отъ лѣсовъ предписано взимать взамѣнъ этой повинности—денежный сборъ.

Указами 31 іюля 1722 года и 17 марта 1724 года ³⁾ велѣно этихъ приписанныхъ къ адмиралтейству служилыхъ инородцевъ обложить подушной податью—„расположить съ прочими въ подушную подать“, но денегъ съ нихъ не взимать впредь до особаго распоряженія—денегъ „до указа не имать“. Въ указѣ 27 апрѣля 1724 года ⁴⁾ подтверждается то же распоряженіе—„въ подушный сборъ не писать, а быть имъ у тѣхъ работъ и у отправленія лѣсовъ по-прежнему“.

Съ 1729 (указѣ 12 марта) ⁵⁾ съ лашмановъ уже взимается подушная подать, а за работу по заготовкѣ лѣсовъ полагается имъ плата, которая зачитается въ подушную подать по разсчету 6 копеекъ въ день конному работнику, 4 копейки пѣшему. Излишній сверхъ суммы подушной подати заработка выдается деньгами.

Указомъ 9 ноября 1730 года подтверждено—„а имъ мурзамъ и татарамъ у заготовки корабельныхъ и прочихъ лѣсовъ быть по-прежнему, а ту работу зачтать имъ въ платежъ положенныхъ на нихъ подушныхъ денегъ“, съ уплатой излишне-заработанныхъ денегъ наличными.

Когда именно повелѣно взимать съ лашмановъ подушные деньги и былъ ли обѣ этомъ особый указъ, помимо вышеназванныхъ — мнѣ неизвѣстно; между прочимъ въ

¹⁾ П. с. з., т. V, № 2647.

²⁾ П. с. з., т. V, № 3149.

³⁾ П. с. з., т. VI, № 4065 и томъ VII, № 4485.

⁴⁾ П. с. з., томъ VII, № 4495.

⁵⁾ П. с. з., томъ VIII, №№ 5379 и 5643; см. еще Чубинскій, о. с., стр. 77.

указъ 2 декабря 1747 года ¹⁾ говорится, что подушныя деньги съ казанскихъ инородцевъ опредѣлены въ 1725 году и обозначена сумма, но въ полномъ собраніи законовъ за 1725 годъ я такого указа не нашелъ. Вѣроятно, это было административное распоряженіе.

Въ 1732 году, іюля 3 ²⁾, изданъ указъ „О способѣ узнавать гнилости и поврежденія, скрывающіяся въ привозимыхъ для корабельного строенія лѣсахъ, при заготовленіи оныхъ“. Въ этомъ указѣ чрезвычайно подробно излагаются правила, какимъ способомъ и въ какихъ мѣстахъ нужно просверливать подозрительные деревья, дѣлать на нихъ пробные надрубы и т. д., чтобы найти—неѣть ли въ деревѣ гнилости и другихъ недостатковъ и поврежденій, и какъ глубоко проникаютъ эти поврежденія въ древесину.

До 1740 года не только заготовка корабельныхъ лѣсовъ, но и сплавъ ихъ производился лашманами; въ 1740 году, указомъ 7 мая ³⁾, предписано сплавлять корабельные лѣса „наймомъ и подрядомъ“. Въ 1745 году, 24 сентября ⁴⁾, добавлено: если наемныхъ людей для надобностей сплава не хватить—командировать къ этой работе солдатъ изъ полковъ, расположенныхъ по близости производства сплавныхъ работъ.

Для сбора людей къ производству работъ и для надзора за работами назначались особые комиссары изъ мѣстныхъ дворянъ; въ качествѣ низшихъ служителей по тому же надзору и для карауловъ при лѣсахъ и на верфи—полагалось назначать солдатъ изъ особо содержавшейся для того роты.

Технической стороной работъ руководили корабельные мастера и подмастерья ⁵⁾.

Найденный мною документъ и представляетъ собою, какъ сказано, инструкцію корабельному подмастерью и комиссару, данную 30 сентября 1760 года и озаглавленную такъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества изъ Казанской адмиралтейской конторы инструкція г-ну корабельному подмастерью Ееимову и камисару аенонасьеву“.

Начинается эта инструкція такъ:

По указамъ Ея Императорскаго Величества, „а по по-

¹⁾ П. с. з., томъ XII, № 9455.

²⁾ П. с. з., томъ VIII, № 6114.

³⁾ П. с. з., томъ XI, № 8097.

⁴⁾ П. с. з., томъ XII, № 9209.

⁵⁾ См. Чубинскій, о. с., стр. 77.

даннымъ отъ команд ведомостямъ отъ г-дна карабелнаго мастера тучкова і отъ протчихъ надлежитъ въ нынѣшнемъ 760 году осени и зиме догоотовит требуемыхъ напочинку ёлotta карабѣлныхъ деревъ пятсотъ восемдесять одно, досокъ тысячу семсотъ шездесять одну. к блоковому делу дубу молодаго наконопатные молоты пятнадцать. к блоковому же делу въ санктъ питербурхъ досокъ восемь тысячъ шесть сотъ девяноста две, бриковъ тысячу шесть сотъ одинъ, кряжей сто двадцать одинъ, мачтовыхъ деревъ сто четырнадцать, досокъ дѣсеть, камелныхъ деревъ сто дватцать одно, досокъ триста сорокъ три. галерныхъ шеснатцать, досокъ двести восемдесять четыре, ботовыхъ деревъ двести дватцет, досокъ четыреста сорокъ восемь кряжей на роспиловку шлубочныхъ досокъ два въ кронштатъ, х каменному Петра Перваго великаго каналу ветренымъ водянымъ мелницамъ на валы дубовыхъ восемь штукъ всего деревъ и досокъ четырнадцать тысячъ триста тридцет семь для которой заготовности лѣсовъ оной гднъ карабелный мастеръ тучков поданнымъ своимъ доношениемъ требовалъ чтоб нарядит нынѣ с приписныхъ кадмиралтейству служилыхъ мурзъ и татарь въ нынѣшней осени и будущей зиме пешихъ тысячу пятдесят да для вывоски прошлозимней і вновь заготовляемыхъ карабелныхъ и протчихъ дубовыхъ лѣсовъ конныхъ тысячу пятдесят же“.

Далѣе указывается, на какія пристани сколько выслать рабочихъ; къ сурскимъ пристанямъ

къ верхней іелманской		пѣшихъ 300 конныхъ 300
” чирковской		
” сабаевской		
” кунѣевской		
” алаторской		
” Сыресевской		
” порецкой		

Сибирского уезду

въ ясашное село Тазино		пѣшихъ 300 конныхъ 300
къ пристанямъ Евлейской		
языковской		
курмышской		

Цывилского уезду

в новокрещеную чувашскую деревню Буртасы къ пристанямъ—Казанской адми- ралтейской камской полянской	}	пѣших 150 конных 150
--	---	-----------------------------

Казанского уезду

арской дороги в ясашную татар- скую деревню Ямашерму к свияжскимъ волскимъ і цывил- скимъ алашевской пристанямъ	}	пѣших 300 конных 300
--	---	-----------------------------

Свияжского уезду

въ новокрещенские чувашскіе де-
ревни
въ дер. Кичкѣеву — пѣшихъ (не указано)
" " темерову — конныхъ (не указано)

Для производства этихъ работъ предписано быть „на-
сурскихъ пристаняхъ на ілмацкой чирковской сабаев-
ской кунѣевской алаторской сырѣсевской порецкой Евлей-
ской языковской курмышской івановской рангу капитан-
ского корабельному подмастерью Улеову и при немъ кора-
белному ученику куломзину камѣльному подмастерью тю-
нину на свияжскихъ волскихъ цивилской алашевской вам
на казанской адмиралтейской камской полянской галерному
подмастерью апухтину а ему самому гдну карабелному ма-
стеру Тучкову на всехъ оныхъ пристаняхъ падь вами всеми
определенными къ тои заготовности показанныхъ лѣсовъ под-
мастерьями такожъ и прочими мастеровыми и работными
людми иметь въ той заготовности въ распиловке и вывоске
лѣсовъ крепкое и все прилежное смотрение...“

При этомъ предписывается „галерные и ботовые и шлю-
бочные лѣса выбирать . . . . . изъ оставшихъ за кара-
белнюю і камелнюю поделками покидныхъ штукъ,“ а „чего
изоставшихъ откарабѣлныхъ и камелныхъ члѣновъ набратся
не можетъ то заготовлять і вновь безупущения первого

кому удобного времени отискивая леса из молодых а не старых і не ис трупореховатых выбирая ниши и не толстые деревья а большихъ на малое употребление отнюдь не портит . . . ; “деревья „заготовлят годные и здоровые с надлежащею пробою и бракомъ и kleимом и при той заготовности и присрубке скорени дерев велеть быть Ѹорштмейстеру Селиванову і команды ево ундеръ Ѹорштмейстеру і Ѹорштмейстерским учеником для лутчего по должности ихъ Ѹорштмейстерской знания стоячих на кореню годныхъ деревъ.“

Рабочіе высылаются на эти работы изъ „приписныхъ кадмиралтейству казанской і нижегородской губерніи по близости к вышеписаннымъ пристанямъ пензенского, саранского сибирского петровского алаторского курмышского свияжского да казанского уездовъ горной и закамской сторонъ і по сю сторону камы реки пяти дорогъ—всего сорока пяти тысячъ шести сотъ душъ по расположению с тридцети осми душъ по два человека пешего да коннаго“ всего пѣшихъ 1.050 и конныхъ 1.050, а всѣхъ 2.100 человѣкъ.

При этомъ прилагается расписаніе—сь какихъ деревень, сколько человѣкъ высылать „а с новокрещенъ никого по силе присланныхъ Ея Імператорскаго Величества указовъ в тое работу к заготовности лесовъ отнюдь не нарежать і не высылат понеже всех оных новокрещен для восприятия ими святаго крещения істой адмиралтейской работы велено выключить і ни в какие работы не нарежать а оставить на платеже подушныхъ денегъ“....

Высланнымъ на заготовку корабельного лѣса рабочимъ заработка плата засчитывается въ подушину подать: „со вступления ихъ в тое работу по окончания как та работа можетъ окончаться в зачетъ по плакату и по силе состоявшаго въ прошлом 757 году в правительствуем сенате указу взборъ сихъ татарь подушныхъ денегъ на предбудущий 761 год“.

Высылаются рабочіе по извѣщеніи о томъ нарочными—пѣшихъ немедленно высылаютъ сами нарочные при себѣ, а конныхъ высылаютъ сотники, старосты и выборные „на добрых лошадях на каких они свои работы работаютъ и вотъезды ездят по первому зимнему пути как санной путь утвердитца по повѣсткам с пристаней от подмастерьевъ и камисаров и прочих немедленно“...

Далѣе слѣдуютъ техническія правила.

1) . . . . .

„...срубать дубовые деревья скорени в силу присланного из государственной адмиралтейской колъги прошлого 751 году апреля 29 дня указу не оставляя большого пенья сколько возможность допустит ниже и для того в зимнѣе время снегъ около дубовъ рощищат до земли дабы те заготовленные леса были длинные и напрасно в пеньяхъ дубового дерева на кореню не оставалось і в вывоске на пристани негодныхъ отнюдь не было.

2) . . . . .

наблюдать, чтобы „на каждой пристани кладены были какъ потребные на строение новыхъ кораблей і прочих судов так и починочные порознь порангам и по сортом не мешая водно место“... „и чтоб на пристанях как карабелных камелных и галерных такъ и прочихъ деревъ двойныхъ ни одного дерева не было“...

3) . . . . .

по силѣ указа адмиралтействъ коллегіи 1759 года февраля 21 „еслико возможно будетъ өауты усматривать на корени дабы тѣ леса рублены не были а ежели в котором деревъ до срубки тех өаутов всеконечно познать будетъ невозможно а по срубке оные өауты явятся и затѣм втакие сорты будутъ негодны те обтесывать и по лекалом производит в другие в какиегоды быть могутъ а въ лесах ихъ неоставлять дабы отъ имеющихся в них өаутахъ и здоровымъ местам не было напрасного повреждения ібо хотя из такихъ өаутныхъ при заготовности лѣсовъ против наряду на другие ранги несколкоб было заготовлено излишнихъ те могутъ употреблены быть в починочные в которыхъ всегдашняя бываетъ нужда“.

4) . . . . .

„и чтоб однихъ деревъ в заготовности вдвое а другихъ въ недостатке отнюдь не было и с камисарами быв и ученики і мастеровые также і между собою імѣли втом частое сношение и содержали верные журналы“ ..

6) И посыпят вам камисаром и учеником репорты по прошествии каждого мѣсяца как в казанскую адмиралтейскую кантору так и корабелному мастеру тучкову за руками своими одни общие противъ прежняго стягостию по-

месечно ж для репортования в государственную адмиралтейскую коллегию і для сообщения ко определенным для забрания лесовъ азицеромъ".

7) . . . . .

рубить лѣса при вальдмейстерахъ „и для того у срубленных деревъ пни клеймит адмиралтейскими клеймами в то же время безъ упощения чего ради дано камисаромъ по два клейма“.

8) „Работниковъ пешихъ какъ нынѣ по первымъ высылкамъ такъ и на месячную имъ перемѣну¹⁾ другихъ принимать годныхъ и дородныхъ и не малолетнихъ“...

Когда наступитъ время вывозки деревьевъ и досокъ изъ лѣсовъ, то слѣдуетъ послать нарочныхъ за конными рабочими „и приниматъ техъ конныхъ работниковъ потому же годныхъ и здоровыхъ и немалолетныхъ на добрыхъ лошадяхъ на какихъ они свои работы работаютъ и вотъезды ездятъ а негодныхъ работниковъ и на худыхъ лошадяхъ отвѣдь не принимать чтобъ отъ того вынтересе Ея Императорскаго Величества траты не было“.

„9) А ежели из тех работников будут нетчики и бѣглецы то по них нео(т)писывая в кантору посыпать вам же от себя и за прогульные дни работников іматъ с них вдвое чтоб от того не последовало в тои заготовности остановки и продолжения токмо тем высылщиком солдатом накрепко подтверждать чтоб они обидъ и налогъ вуезде ім іноверцам отнюдь не чинили и взяткамъ не касались“.

„10) Да вамъ же при вывоске смотрит и салдатом приказывают накрепко чтоб накладывали на сабаны деревья и впрягали подних лошадей с разсмотрением по исчислению тягости а імянно считая под принцыпальне от десѧти до пятнадцети пудъ на каждую лошадь а под лѣжки сколько можно и нарятчиком солдатам с квартир в леса и із лесов до пристаней ездит на тех же сабанахъ а особливыхъ подводъ отнюдь не давать“.

11) Солдатамъ при пѣшихъ рабочихъ и плотникахъ— подводъ также не полагается.

Самому корабельному подмастерью Афанасьеву и ученику „если случится ехать для приему лъсовъ і осмотру

¹⁾ Очевидно, у служилыхъ мурзъ и татаръ была установлена между собою очередь отбыванія лашманной повинности, съ мѣсячными сроками.

работо то іматъ каждому по одной подводе іс тех же конныхъ работниковъ только въ то время когда необходимо случится для осмотру лесовъ и работъ ехать или лекала куды вести а излишнихъ не брать и завсегда тѣхъ подводъ у себя на квартирах отнюдь не держать і смотрит накрепко: і напрасно для приходей своихъ никому отнюдь не давать и причислять те взятые подводы къ той же вывоске“.

12) . ; . . . .

„а для писма рапортовъ і прочих ведомостей дано вамъ комисаром бумаги пять дестей“.

13) Работы инородцевъ въ лѣсахъ засчитываются имъ въ подушную подать по слѣдующему разсчету: „взимнѣе время октября съ 1 апреля по 1 число конным по плакату по шести да кним прибавочных за излишнюю их въ ночныхъ часахъ работу по две итого по осми копѣекъ на сутки пешим по плакату по четыре к ним прибавочных за излишнюю въ ночныхъ часахъ работу по одной ітого по пяти копѣекъ на сутки каждому человѣку а въ летнѣе время то есть апреля съ 1 октября по 1-е число онои зачеть за те работы иметъ токмо по плакату конным по десяти пешим по пяти копѣекъ каждому на день безъ прибавки за ночные часы въ зборъ снихъ подушныхъ денегъ на будущей 761 год и вноситъ пешихъ и конныхъ работниковъ во особые записные книги съ которыхъ дѣлать одному тебѣ камисару для зачету работникомъ месечные квитанцы сросписками“.

14) . . . Всѣ записи и счета должны вестись пра-
вильно и подробно „чтоб во исчислени за лѣса ценъ по-
мешательства и излишняго затрудненія отнюд не было“...

15) Для счетоводства выданы шнуровые книги, которые вмѣняется въ обязанность „содержать вамъ во всякой чистоте и вносит въ те книги и въ прописяхъ писать что у кого иноверцовъ заработано дней и зачтено денегъ складомъ а не цыерою подопасенiemъ за неисполнение неупускаемаго по указомъ штрафа і истязания“...

18) Квартиры чинамъ, состоящимъ при лѣсныхъ рабо-
тахъ, отводятся у обывателей въ ближайшихъ къ мѣсту
работъ деревняхъ.

„і когда вывоска лесам начнется и где случится через реки и ручьи і прочие неспособные места мосты мостит дабы обыватели заблаговременно мосты мостили і ни в чем бы не отговаривались чтоб за не мещение мостов вывоске лѣсов остановки неучинилось и обоном писано в

Казанскую и нижегородскую губернские канцелярии поташнаго правления в контору промемориями и требовано дабы определенным при той заготовности и вывоске карабельных и прочих лесов какъ вамъ такъ и комисаром и учеником даны были отоныхъ канцелярии и отпоташной конторы противъ прежняго послушные указы которыхъ вамъ чрезъ посланныхъ отоныхъ командъ требовать“.

19) „По окончани той заготовности и вывоски лѣсовъ засисные и журналную и квитанція книги и учиня изъ них по уездамъ и деревнямъ перечневую ведомость и во что со всею заготовностию и вывоскою и со взятыми для розездовъ подвѣды и материалы и сприложениемъ вашего и прочихъ служителей денежного и хлебного жалованья те заготовленные леса ценою станут обстоятельную ведомость подать въ адмиралтейскую контору немедленно“.

20-ї пунктъ содержитъ въ себѣ упреки за медленность представлія отчетовъ и угрозы наказаніемъ.

Указомъ Ея Імператорскаго Величества иѣ адмиралтейскій коллегіи отъ 5 іюня 1760 года предписано, вслѣдствіе запозданій въ представлениі Казанскою Адмиралтейскою Конторою счетовъ въ Адмиралтейскую Коллегію— „что присылаются въ колегию ісказанской адмиралтейской конторы не науказные сроки и со многим продолженіемъ времени“—на членовъ конторы наложить штрафъ: „для положенія на присутствующихъ той конторы и на секретаря за продолжительную присылку такихъ щетовъ надлежащаго по указомъ штраfa“....

Контора, въ свою очередь, угрожаетъ подвѣдомственнымъ ей чинамъ, за медленность представлія отчетовъ, штрафами и взысканіями: если вы отчетовъ в апреле или по крайней мере мая в первых числахъ подавать не будете то вы камисары не токмо надлежащаго за ту вашу бытность при смотрѣніи работъ заслуженаго жалованья лишены, но и сверхъ того не малымъ штрафомъ штрафованы будете а имѣющимся при васъ камисарахъ писарямъ учинено будетъ за то жестокое наказание“...

Туть же немедленно контора однако смягчается и добавляетъ— „а ежели паче чаяния вамъ камисарам сочинениемъ оныхъ книгъ за многими и разными для осмотру работъ розездами каждому однимъ писаремъ исправится невозможно то въ такомъ случае по необходимости требоватъ вамъ по другому писарю кои вамъ изобученыхъ школниковъ и даны быть имѣть“.

Въ пунктѣ 21-мъ предписывается вообще по службѣ „поступать правило и чинить всесущественную правду по самой истинне іща вынтересе Ея Імператорскаго Величества ползы и прибыли и все исполнять по присяжной своей должности какъ надлежитъ честному аєицеру і верному Ея Імператорскаго Величества рабу а обид и приметокъ никому никакихъ отнюдь нечинить и взяткамъ не-касатся чего и за подкомандными смотрит накрепко и ни до какихъ своевольствъ и обидъ не допущать“...

Въ пунктѣ 22-мъ обращается особое вниманіе, чтобы подвѣдомственные Ефимову и Афанасьеву „адмиралтей-скіе служители і мастеровые люди и работники при заготовностях і въвоскѣ карабельныхъ галерныхъ и прочихъ лѣсовъ солянымъ подрятчиком и іхъ прикащиком и работникомъ никому отнюдь обидъ и помѣшательства никакихъ притесненій нечили под жестокимъ штраѳом и істязанием понеже по указомъ правительствующаго сената онымъ подрятчикомъ никакихъ обидъ чинит невелено но показывать всякое благодѣяніе“...

Въ пунктѣ 23-мъ содержатся указанія о порядкѣ сношеній по дѣламъ „подлежащимъ тайности“.

„У подлинной инструкцы писано тако Федоръ Игнатьевъ“

„По пунктамъ коллежской регистраторъ Никита Ивановъ“ „по листамъ канцеляристъ Григорій Толчѣевъ“.

„Такова подлинная инструкцыя имѣется при нась корабельной подмастерья Лука Ееимовъ“.

Указаннымъ въ этой инструкціи порядкомъ, можетъ быть лишь съ измѣненіями въ нѣкоторыхъ частностяхъ, произвѣдилась заготовка корабельныхъ лѣсовъ лашманами до 1859 года, когда корабельные лѣса были переданы изъ Морскаго вѣдомства въ Министерство государственныхъ имуществъ и лашманы переведены въ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе я дополню мой очеркъ краткими свѣдѣніями изъ воспоминаній казанскаго купца Василія Ивановича Гудочкина, происходящаго изъ села Ошняка Лайшевскаго уѣзда Казанской губерніи и помнящаго, какъ лѣть 50—55 тому назадъ лашманы возили корабельные лѣса.

„По зимамъ, разсказываетъ В. И. Гудочкинъ, проѣзжали черезъ наше село лашманы. Они ъздили цѣлыми обозами и возили огромнѣйшія бревна—до $1\frac{1}{2}$ и до 2-хъ аршинъ толщиной; бревна лежали на особыхъ полозьяхъ и подъ каждое бревно запрягалось отъ 30 до 50 лошадей. Пріѣзжая

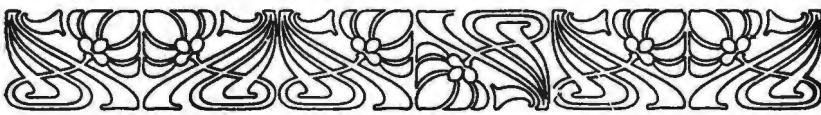
къ намъ въ Ошнякъ, лашманы останавливались на ночлегъ; бревна оставляли за околицей, лошадей ставили во дворахъ, сами почевали по избамъ.

Раннимъ утромъ, задолго до свѣта, раздавался крикъ лашманскихъ старость— „кувала киты лашманъ!“ что значитъ по-татарски „гони въ отъездъ, лашманы!“ и лашманскій обозъ трогался въ путь“.

Дѣтскому воображенію крестьянскихъ мальчиковъ лашманы представлялись какими-то сказочными богатырями, везущими изъ далекихъ дремучихъ лѣсовъ гигантскія бревна къ Царю на постройку кораблей..

В. Залѣсскій.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны¹⁾.

16 марта депутатъ Чхеидзе произнесъ въ Государственной Думѣ рѣчь, которая очень понравилась германцамъ, ее цитировалъ въ прусскомъ ландтагѣ съ особымъ смакомъ депутатъ Штребель, а „Франкфуртская газета“, „Берлинъ“, „Тагеблатъ“ и „Форвертсъ“ перепечатали ее цѣликомъ, а послѣдняя газета посвятила этой замѣткѣ передовую статью. Желая поддержать своего коллегу и сгладить его антипатріотической поступокъ, депутатъ Чхенкели имѣлъ смѣлость, если не сказать болѣе, утверждать съ думской каѳедры, что въ Германіи рѣчь Чхеидзе запрещена къ печати. Вотъ каковы наши демократы.

Рассказываютъ, что въ февралѣ на торгахъ при продажѣ нѣмецкихъ земель въ Екатеринославѣ крестьянскій банкъ не принималъ никакого участія, а землю скупали спекулянты.

„Русск. Инвал.“ передаетъ со словъ „Daily Chronicle“: Во французскихъ бюллетеняхъ, разсылаемыхъ по беспроволочному телеграфу, было помѣщено извѣстіе, что по свѣдѣніямъ миланскаго корреспондента газеты „Petit Parisien“, во время послѣдняго налета австрійскихъ аэроплановъ на итальянскую территорію въ районѣ Ферарры и Равенны съ нихъ разбрасывались пакеты съ отправленными сластями,

1) См. „Русскую Старину“ юль 1916 г.

которые должны были распространить заразительные и кончающиеся смертельным исходом болѣзни.

При изслѣдованіи этихъ пакетовъ въ лабораторіи было выяснено, что содержимое ихъ состоитъ изъ сахарина и ядовитыхъ бациллъ.

17 марта. Торговцы возвышаютъ цѣны на картофель по непонятнымъ причинамъ; послѣдніе 5 мѣсяцевъ картофеля подвозилось втрое больше. Мародеры начинаютъ прятать картофель.

Вернувшаяся изъ Австро-Венгрии послѣ осмотра лагерей русскихъ военноплѣнныхъ сестра милосердія А. В. Романова доложила Главному управлению Краснаго Креста, что въ Вѣнѣ русскія сестры были приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, при чемъ приемъ длился нѣсколько минутъ и носилъ характеръ любезной формальности.

Сестра Романова посѣтила въ Верхней Австріи, Тиролѣ и юго-западной части Венгрии 9 концентраціонныхъ лагерей для нижнихъ чиновъ, 11 офицерскихъ лагерей и станцій, 2 лагеря для задержанныхъ военно-обязанныхъ и около 40 рабочихъ мѣстъ.

По приѣздѣ въ лагеря чувствовалось, что къ посѣщенію делегаций готовились: производилась усиленная чистка, улучшалась пища. Въ числѣ районовъ, намѣченныхъ къ осмотру, не былъ указанъ восточный районъ, тѣдѣ, по слухамъ, существуетъ рядъ карантинныхъ лазаретовъ и крупныхъ рабочихъ мѣстъ. Районъ этотъ былъ исключенъ, въ виду будто бы близости его къ фронту, но по тѣмъ же слухамъ плѣнныя находятся тамъ въ незавидныхъ условіяхъ.

Большинство злоупотребленій въ отношеніи плѣнныхъ совершаютъ низшіе чины на мѣстахъ.

Всѣ военноплѣнныя нижніе чины въ Австро-Венгрии расписаны по 30 концентраціоннымъ лагерямъ, откуда до 70% отправляются на работы. Обстановка жизни военноплѣнныхъ на работахъ чрезвычайно разнообразна, лагери же построены по одному плану, и обстановка жизни въ различныхъ лагеряхъ почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличается.

Ближайший надзоръ за плѣнными поручается заводнымъ унтеръ-офицерамъ, которые фактически играютъ главную

роль для плѣнныхъ, т. к. отъ унтеръ-офицера, какъ докладчика о малѣйшихъ беспорядкахъ лагерному офицеру, зависитъ какъ самое наказаніе плѣнного, такъ степень налагаемаго взысканія.

Нѣкоторые лагеря напоминаютъ городъ. Напримѣръ, въ лагерѣ Клейнмюнхенъ устроена электрическая колбасная фабрика, ведется свиноводство для утилизации отбросовъ и птицеводство. Во многихъ лагеляхъ имѣются огороды, въ которыхъ работаютъ плѣнные, при чемъ въ нѣкоторыхъ, подъ руководствомъ нашихъ специалистовъ огородниковъ, выращиваются великолѣпные овощи для продажи. Несмотря, однако, на присутствие въ лагеряхъ этихъ учрежденій, пища военноплѣнныхъ ничуть не улучшена, такъ какъ колбаса, овощи и другіе производимые въ лагеряхъ продукты идутъ въ продажу для жителей страны.

Очень большое число плѣнныхъ дѣлало попытки къ побѣгу, но побѣги удавались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Несмотря на постоянное недоѣданіе, заболѣваемость среди плѣнныхъ не велика, и свирѣпствовавшая въ прошломъ году эпидемія холеры, тифа, дезинтеріи почти прекращены. Сейчасъ встречаются лишь единичные случаи брюшного тифа и довольно значительное число туберкулезныхъ заболеваній, особенно среди татаръ и кавказцевъ. Въ лагерныхъ аптекахъ гораздо больше пустыхъ банокъ, чѣмъ лѣкарствъ. Въ большинствѣ госпиталей раздаются общія жалобы на недостаточность пищи. Больныхъ выписываютъ изъ госпиталей слишкомъ рано и часто совершенно неправильно посылаютъ на непосильныя работы. Плѣнныи врачи обыкновенно живутъ въ офицерскихъ лагеряхъ, подчиняясь правиламъ жизни военноплѣнныхъ офицеровъ, что не соответствуетъ правиламъ Женевской конвенціи, которая предоставляетъ врачамъ право работать въ госпиталяхъ.

Внѣшность лагерей—весьма благоустроенные клѣтки, въ которыхъ томятся наши плѣнныи, поставленные въ условія, отличающіяся отъ тюремныхъ тѣмъ, что они имѣютъ неограниченное право дышать свѣжимъ воздухомъ. Этотъ тюремный режимъ связывается решительно со всѣмъ.

Все питаніе нашихъ военноплѣнныхъ можно характеризовать такъ: они получаютъ ровно столько невкусной пищи, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не черезчуръ быстро истощаться. Всѣ калоріи исчислены научно, и

плѣнныя съ голоду пока дѣйствительно не умираютъ, но ощущеніе голода у нихъ не проходитъ.

Въ одномъ рабочемъ мѣстѣ сестра нашла 860 человѣкъ одѣжда и обувь которыхъ была въ ужасномъ видѣ, многіе были босы, не у всѣхъ были шинели или куртки.

Въ лагерѣ Кисситке, хотя его и называли переходящимъ, сестра нашла плѣнныхъ, живущихъ въ ужасныхъ условіяхъ съ августа 1915 года, при чёмъ имъ постоянно обѣщаютъ отправить ихъ изъ лагеря на работы. Жилымъ помѣщеніемъ служатъ землянки-бараки, построенные по типу кирпичныхъ сараевъ, низкія земляные стѣны подъ длинной шатровой досчатой крышей. Только по серединѣ помѣщенія можно стоять во весь ростъ. Оконъ нѣтъ, для вентиляціи отдушины въ крышѣ, въ нихъ заливается дождь; полъ земляной, нарь нѣтъ, несмотря на пріѣздъ миссіи, на полу для спанья лишь немнога гнилой соломы. Одѣяль у нихъ нѣтъ. Воды въ лагерѣ нѣтъ; она привозится въ бочкахъ, которыя плѣнныя ташатъ по скверной дорогѣ болѣе трехъ километровъ. Не только для умыванія, но и для питья, воду экономятъ—около бочки дежурить часовой. Ваны нѣтъ. Хлѣбъ въ лагерѣ не выпекается, опять доставляется весьма нерегулярно изъ сосѣдняго; бываютъ дни, когда плѣнныя остаются безъ хлѣба. Карцеръ — яма, глубиной около $1\frac{1}{2}$ аршина съ нарами, подъ досчатой крышей, безъ оконъ для свѣта отверстіе въ двери, которая плохо закрывается. Отопленія нѣтъ.

Режимъ, которому, какъ общее правило, подвергаются наши плѣнныя, за исключеніемъ живущихъ на частныхъ баракахъ, близокъ къ тюремному.

На вопросъ сестры относительно подвѣшиванія и сковыванія, толпа неизмѣнно гудѣла въ отвѣтѣ: „подвѣшиваютъ, сестрица, какъ Христа распинаютъ“.

Особнякомъ отъ вопроса дисциплины и наказаній стоитъ вопросъ о побояхъ. Здѣсь нужно отмѣтить большую разницу между Австріей и Венгріей.

Въ Австріи больше бывать за непослушаніе и нарушеніе правилъ. Офицерскій составъ битью не потворствуетъ. Въ Венгріи, гдѣ офицерскій составъ въ администраціи лагеря значительно хуже, и гдѣ народъ по природѣ болѣе жестокъ, жалобъ на побои въ видѣ наказаній, а также по произволу, значительно больше, и вообще побои въ Венгріи явление общее. Установлены также случаи битья палками и хлыстами.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ австрійцами устроены классы для обученія нѣмецкому языку плѣнныхъ, однако эти классы мало посѣщаются плѣнными, которые гораздо охотнѣе занимаются въ устроенныхъ по инициативѣ нашихъ вольноопредѣляющихся и интеллигентныхъ нижнихъ чиновъ классахъ обученія грамотѣ, ариѳметикѣ.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ печатаются специальные лагерные деньги, которая выдаются плѣннымъ на руки.

Почта, по мнѣнию Романовой, въ Австріи дѣйствуетъ хуже нашей, по крайней мѣрѣ семьи военноплѣнныхъ австрійцевъ получаютъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ письма гораздо скорѣе, чѣмъ наши плѣнныя въ Австріи.

Почти всѣ наши плѣнныя нижніе чины работаютъ съ утра до поздняго времени. Кромѣ внутренней работы въ лагеряхъ, плѣнныя командируются на виѣшнія работы.

Источникомъ нравственныхъ страданій нашихъ военно-плѣнныхъ является примѣненіе ихъ труда для чисто военныхъ цѣлей, что можетъ во-истину считаться наиболѣе ужасною стороною плѣна. Плѣнныхъ заставляютъ рыть окопы, подносить пищу сражающимся или работать на заводахъ и мастерскихъ, обслуживающихъ армію.

Въ лагерь Гредиѣ сестра Романова видѣла солдатъ, бывшихъ старшинами надъ группой плѣнныхъ на окопныхъ работахъ въ Галиції у Черновицъ.

Въ лагерь Мархтренкъ сестрѣ рассказывали, что за отказъ отъ работы на итальянскомъ фронтѣ на проволочныхъ загражденіяхъ подъ артиллерійскимъ огнемъ изъ партии въ 400 человѣкъ были назначены десять человѣкъ къ разстрѣлу, четверо были разстрѣлены на глазахъ товарищей, послѣ чего остальные смирились.

Всѣхъ видѣнныхъ офицеровъ сестра нашла въ очень тяжеломъ удрученномъ нравственномъ состояніи. Главнымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ удрученность ихъ духа, является абсолютное лишеніе свободы, которому они подвергнуты. Они почти никогда не выходятъ изъ мѣстъ своего заключенія, никогда изъ-подъ охраны часовыхъ, и если присоединить къ этому обиднѣя детали, какъ, напримѣръ, ограниченіе права имѣть при себѣ деньги, то станетъ понятнымъ, что они сравниваютъ режимъ ихъ жизни съ тюремнымъ и горько на него жалуются, хотя виѣшнія условія ихъ жизни нужно признать въ настоящее время вполнѣ удовлетворительными.

За предѣлы лагеря офицеры выходятъ не болѣе одного

раза въ недѣлю и непремѣнно въ сопровождениі австрійскаго офицера и вооруженнаго конвоя. Всякая возможность общенія плѣнныхъ офицеровъ съ населеніемъ совершенно исключена принимаемыми строгими мѣрами. Офицеры должны одѣваться на свой счетъ. Главнымъ интересомъ жизни плѣнныхъ офицеровъ является устройство побѣговъ. Бѣжать хочетъ каждый, бѣгутъ сотни, удалось же бѣжать единичными лицами.

Пріѣздъ миссіи сестеръ имѣлъ громадное значеніе для плѣнныхъ. Бесѣда съ пріѣхавшими съ родины людьми внесла въ ихъ души живую струю и подѣйствовала на нихъ благотворно.

Отрадно было видѣть, что, несмотря на все свое тяжелое положеніе, единственная мечта и мысль каждого плѣннаго— это дожить до побѣды Россіи: „о насъ же, сестрица, не беспокойтесь, лишь бы въ Россіи было хорошо“.

Участіе, проявленное въ ихъ судьбѣ посыпкой миссіи, было горячо ими оцѣнено. Сестры видѣли не мало слезъ радости и умиленія, и въ каждомъ лагерѣ ихъ провожали единодушными словами: „сестрица, передайте привѣтъ дорогой родинѣ, скажите спасибо тѣмъ, что васъ послали“.

Удивительно, почему подобного доклада не сдѣлали тѣ наши сестры милосердія, которыхъ были въ Германії. У насъ былъ приведенъ разсказъ одного плѣннаго о посѣщеніи ихъ лагеря г. Самсоновой.

Генералъ-отъ-инфanterіи Поливановъ оставилъ постъ военнаго министра, и его мѣсто заступилъ генералъ-отъ-инфanterіи Шуваевъ.

18—19 марта. Вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ германская подводная лодка потопила въ Черномъ морѣ наше госпитальное судно „Португаль“, стоявшее на мѣстѣ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Трудно назвать надлежащимъ образомъ это новое злодѣяніе культурныхъ германцевъ.

Приводимъ поучительный разсказъ бѣжавшей изъ плѣна¹⁾.

Мы остались за нѣмцами съ того дня, какъ взяли Вильну, остались совсѣмъ неожиданно: подлѣ нашей деревни были окопы—съ одной стороны наши, съ другой—ихъ. Когда во время боя, часовъ въ 6 утра, они заняли наши окопы, мы сразу оказались отрѣзанными. Пришли они въ деревню, пошли по избамъ, гонять всѣхъ вонъ. Выгнали на улицу, погнали за деревню, дальше, и заперли въ сараѣ у послѣдняго дома. Приставили часовыхъ. Набили сарай такъ тѣсно, что нельзя было дышать: плечо къ плечу стояли. Стояли такъ сутки, до слѣдующаго утра, безъ хлѣба и безъ воды, и выйти не давали и дальше не гнали. Они еще не знали хорошенъко, можетъ, придется самимъ отступать. Душно было, тяжело. Дѣти плачутъ... А по деревнѣ бродить оставленная скотина, послѣднія курицы... Стрѣльба кругомъ, зарево... Утромъ вывели насъ изъ сарая и погнали по дорогѣ въ мѣстечко К., верстахъ въ десяти. Гнали шибко, безъ остановки. Вещей брать не давали. Всѣхъ обыскивали, нѣть ли у кого денегъ: находили—отнимали. Отецъ мой и другіе старики не могли ходить шибко: ихъ били прикладами въ спину... Они падали, вставали и черезъ силу шли дальше.

Пригнали въ мѣстечко... Всѣ жилые дома заняты ими ужъ раньше. Жителей изъ домовъ выгнали; тѣ собрали себѣ кое-какія халупы изъ бревенъ и досокъ, покрыли ихъ лапами, уставили прямо на землѣ какія-то печки и жили какъ авѣри въ берлогахъ. Топили по-черному, безъ трубъ. Какъ затопятъ—наберется дыму, и дѣваться некуда...

Вотъ по такимъ халупамъ размѣстили и насъ. Каравульныхъ не ставили, ходили мы вольно, но уйти никуда было нельзя.

Ни одежды, ни ъды не было,—неоткуда взять. Ходили побираться по домамъ. Жалѣли люди, давали, что могли...

Молодежь всю отобрали въ отдѣльное помѣщеніе, стали обучать ихъ по-солдатски и угнали въ Германію,—куда потомъ—не знаю...

Женщинамъ и дѣвушкамъ житья не было.

Придетъ почъ. Спить гдѣ-нибудь мужъ и жена и ребенокъ посрединѣ. Входятъ нѣмцы: сейчасъ мужика съ постели долой, ребенка долой, и давай озорничать надъ

1) „Нов. Вр.“ № 14379.

бабой. Не выдержалъ мужикъ, заступился,—такъ они его такъ избили, что почернѣлъ весь, а на другой день умеръ. Я знаю его: онъ изъ нашей деревни.

Дѣвочекъ-подростковъ хватали и насиловали тутъ же на глазахъ у всѣхъ... Крикъ, бывало, стоитъ: хватять дѣвушку, та отбивается, кричитъ; дѣти смотрятъ, пугаются. Моя дѣвочка такъ, бывало, и затрясется вся: „Мама, мама, уйдемъ!“,—а куда уйдешь... непускаютъ.

Расхворалась она у меня, и помочь не могу. „Домой бы мама, домой!“. А какъ домой? Куда? Раздѣты, разуты: всю одеженку нѣмцы обозные отобрали...

Маялась моя дочурка, маялась, не выдержала—умерла. И еще много дѣтей умерли: сидятъ день безъ ъды, два сидятъ, поблѣднѣютъ, распухнутъ: сидятъ, какъ мертвые, а тамъ и душу Богу отдадутъ. Такъ вѣдь что еще: зарывать не даютъ. Другая мать ночью зароетъ, а они отроютъ,—думаютъ, не вещи ли прячутъ. Ну, а видятъ покойникъ—и бросяютъ опять въ землю какъ-нибудь. Еще пока дочка жива была, я всѣ муки ради нея терпѣла, а какъ умерла она,—не стало мнѣ силъ. Не могла ихъ больше мучителей видѣть... Рѣшила бѣжать. Пусть убываютъ на дорогѣ—уйду. Отецъ съ матерью плакали, не пускали: умремъ такъ, говорятъ, вмѣстѣ: не могу, изныла душа... Слыши, собрались бѣжать отъ нихъ трое нашихъ солдатъ. И рады бѣжать, а дороги не знаютъ. Доведите, говорятъ, кто-нибудь.

Я говорю: доведу. Я здѣсь всѣ кусточки знаю.

А мѣсто у насъ опасное: озера, лѣса, ни за что чужому не выйти.

Уговорились: я впереди пойду, они сзади, чтобы чуть меня видно.

Пошли часовъ въ шесть подъ вечеръ. А по небу проекторы: все нѣмцы смотрятъ, не идетъ ли кто. Какъ покажется свѣтъ, такъ ложись лучше на землю, а то все равно убываютъ.

Ужъ я па все рѣшилась, а солдатамъ обидно было пропасть: они изъ-подъ караула ушли: рады вырваться, а тутъ на каждомъ шагу нѣмецкіе караулы и биваки.

Пришли мы къ озеру: большое, большое, и островъ посрединѣ. А я дорогу краемъ знаю, краемъ и привела, и какъ разъ къ нашимъ. И хорошо, что мы вправо пошли, а то на островѣ-то были нѣмцы.

Пришли къ нашимъ, и не вѣрятъ, какъ мы выбрались. Рассказали имъ все... Провѣрили наши слова.

— Слава Богу, дома... И рѣчъ наша родная, и люди наши... А я ужъ и не ждала живой быть...

Рассказчица, крестьянка Виленской губ., выведшая изъ плѣна трехъ русскихъ солдатъ, получила денежную награду и представлена къ георгиевской медали 4 степени.

20 марта. „Journal des Balkans“ сообщаетъ изъ вполнѣ достовѣрного источника, что въ Германіи въ послѣднее время цѣлые поѣзда съ мертвѣцами направляются къ пунктамъ, гдѣ сооружены особые крематоріи, въ которыхъ специальнымъ способомъ жарятся тѣла для добыванія изъ нихъ предварительно жира для выработки глицерина, являющагося необходимой составной частью взрывчатыхъ веществъ¹⁾.

Удивительныя данныя обнаружила городская петроградская комиссія по обслѣдованію мяса, заготовленнаго г. Полферовымъ для столичнаго населенія. На городскихъ бойняхъ, въ оптовомъ складѣ мяса для городскихъ больницъ и лазаретовъ, а также въ складахъ Сиферта и Баранова комиссія нашла совершенно гнилое мясо. При входѣ въ ходильникъ всѣхъ членовъ комиссіи одурманилъ зловонный запахъ разлагающагося мяса.

Мясные туши ослизли и начали разваливаться. Мѣстные рабочіе заявляли: это еще что! Вотъ посмотрите, что лежитъ вниау. Когда мы носили нижнія туши, даже насы, привыкшихъ ко всякимъ запахамъ, тошнило.

По словамъ „Вечернаго Времени“²⁾ г. Полферовъ получаетъ 12 тысячъ жалованья и 6 тысячъ за вечернія занятія. Г. Полферовъ былъ горячимъ сторонникомъ снабженія мясомъ нѣмцевъ чуть ли не наканунѣ войны.

Петроградскій обыватель полагаетъ, что для нѣмцевъ мясо было бы иное, нежели то, которое осматривала комиссія.

Неужели въ этомъ вопросѣ безсильны предержащіе?

Въ то самое время, когда на нашихъ страницахъ помѣщено описаніе быта нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи

1) „Нов. Вр.“ № 14381.

2) „Веч. Вр.“ 20 марта.

и Австрії по отчегу нашихъ сестеръ милосердія и бѣжавшихъ изъ плѣна, именитыи купецъ изъ г. Любима Ярославской губерніи передаетъ, какъ живется германцамъ и австрійцамъ въ этомъ городѣ:

Военноплѣнныи шляются по городу почти безъ охраны, пристаютъ къ дѣвицамъ и дамамъ на улицахъ и безобразничаютъ. Дошло до того, что мимо дома, куда водворены военноплѣнныи, не стало возможности пройти ни одной женщинѣ; немцы, въ томъ числѣ и офицеры, бывало, подойдутъ къ окнамъ и начинаютъ производить всякия безстыдныя дѣйствія. Это возмутило даже добродушныхъ любимичей. Они потребовали, чтобы городъ принялъ какія-либо мѣры, и городской голова, послѣ долгихъ разговоровъ приказалъ замазать на половину окна у военноплѣнныхъ.

Жили военноплѣнныи въ двухъ домахъ. Кому-то показалось это неудобнымъ. Нашли нужнымъ перевести ихъ въ какой-либо большой домъ. Стали искать помѣщеніе и нашли. Спрашивается гдѣ? Городъ только-что успѣль выстроить новое городское женское училище, и его, конечно, предоставили военноплѣннымъ. Педагогическій персоналъ пробовалъ протестовать, увы, напрасно. Дѣвушки прогнали отсюда въ мужское городское училище, гдѣ онѣ занимаются въ двѣ смыны. А въ просторныхъ комнатахъ начальницы сейчасъ блаженствуютъ нѣмецкіе офицеры.

Кормятъ нѣмцевъ великолѣпно. Они получаютъ пищу утромъ, днемъ и вечеромъ. Утромъ къ чаю полагается сбитый, обѣдаютъ они въ казармахъ у солдатъ.

Офицеры вообще чувствуютъ себя отлично. Ихъ развлекаютъ мѣстныи дамы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ они даже имѣютъ успѣхъ. Мѣстный уѣздный казначай такъ тотъ, повидимому, весьма доволенъ новыми гостями, такъ какъ изъ его дома нѣмецкіе офицеры не выходятъ, играютъ на рояль, флиртуютъ съ дѣвицами-подростками и, кажется, собираются обучать ихъ нѣмецкому языку¹⁾.

Привольное житѣе...

Таково житѣе германцевъ и австрійцевъ у насъ.

Докторъ Волуйскій, недавній германскій плѣнныи, приводитъ сказаніе²⁾), какъ наши плѣнныи живутъ въ Германіи. Попавъ въ плѣнъ во время боя, при перевязкѣ раненаго

1) „Веч. Вр.“ № 1426.

2) „Нов. Вр.“ № 14381.

солдата, докторъ Волуйскій полагалъ, что онъ, какъ врачъ, неприкосновенъ: онъ опирался на постановленія женевской конвенціи, подписанной и нѣмцами, гласящія, что лица медицинскаго персонала, взятыхъ непріятелемъ, не есть военноплѣнныe: находясь временно въ станѣ непріятелей, они могутъ занимать тѣ же врачебныe должности и получать такой же окладъ жалованья, а по минованіи въ нихъ надобности немедленно возвращаться на родину, при чёмъ всѣ ихъ вещи имъ должны быть возвращены.

Докторъ Волуйскій, однако, на себѣ немедленно испыталъ, что для нѣмцевъ всѣ договоры конференцій есть пустой клочокъ бумаги. Волуйскаго тутъ же обобрали до нитки, отнявъ лошадь, медицинскіе инструменты, часы, деньги, лишь ключи вернули—ключи отъ чемодановъ, не находящихся при врачѣ. Сейчасъ же нашего доктора увезли въ Вилленбергъ, и тамъ... тамъ началось „выполненіе женевской конвенціи“: 20 русскихъ солдатъ, ветеринара и врача Волуйскаго приказано было разстрѣлять. Русскіе солдаты стали на колѣни и молились. Нѣмцы принялись нагло хохотать.

— У меня этотъ смѣхъ стоить и сейчасъ въ ушахъ!— добавилъ Волуйскій.

Нѣмцы объявили, что разстрѣливать не будутъ, но генералъ, допрашивая Волуйскаго, вынулъ часы и сказалъ:

— Если черезъ 10 минутъ вы не укажете мнѣ, где скрыта городская касса, я велю вѣсть разстрѣлять!

Дѣло въ томъ, что городъ Вилленбергъ раньше занимали русскія войска (это было въ августѣ 1914 г.).

Волуйскій отвѣчалъ:

— Я—врачъ, где касса, не знаю, потрудитесь, не теряя ни минуты, убить меня. Я ничего не скажу.

Генералъ спряталъ часы и далъ понять, что казнь не будетъ приведена въ исполненіе.

Выполненіе женевской конвенціи продолжалось: плѣнныхъ заставляли спать на голомъ полу, на мерзлой землѣ, часовые стрѣляли въ нихъ за малѣшшу оплошность (такъ, былъ смертельно раненъ старенький подполковникъ, не понявший окрика часоваго), кормили мерзостями и тухлятиной. Русскихъ врачей отправили въ тифозные бараки, и тамъ наши врачи всѣ до одного заразились и переболѣли тифомъ. Гадко, трудно, какъ въ тюрьмѣ жилось врачамъ и офицерамъ, но что терпѣли русскіе солдаты,—это безъ волненія и слезъ въ голосѣ не могъ передать докладчикъ.

Солдаты жили въ землянкахъ. Ихъ донималъ холодъ, голодъ и паразиты. Лежали въ шовалку на землѣ. Иногда умершіе долго валялись среди больныхъ. Это былъ адъ и смерть. Умирали массами. Солдатъ били, терзали. Даже прививка оспы совершилась, какъ пытка: студентъ-нѣмецъ, невѣжда въ медицинѣ, саблей *профорубалъ* въ рукѣ солдата длинную рану-царапину и на нее накладывалъ оспенный детритъ.

Однажды русскіе врачи заявили, что грязное содержаніе нашихъ солдатъ служить распространеніемъ инфекціонныхъ болѣаній, что надо устроить дезинфекцию и выдать чистое бѣлье: всѣ солдаты были въ черныхъ лохмотьяхъ.

Окружный нѣмецкій врачъ сказалъ:

— Хорошо, я выдамъ бѣлье, но вы сначала желаете дезинфекціи? Извольте, вамъ дезинфекція будетъ!

Что же онъ сдѣлалъ? Вывелъ всѣхъ русскихъ солдатъ въ морозъ и вѣтеръ и всѣмъ имъ, здоровымъ и больнымъ, велѣлъ раздѣться догола.

— Это, говорить, и есть для васъ дезинфекція.

Тутъ же на морозѣ наши солдаты и надѣли чистое бѣлье. Увы! Эта „нѣмецкая дезинфекція“ уложила массу здоровыхъ и унесла много жизней.

До 3.000 человѣкъ русскихъ умерло отъ тифа, не получая помощи.

Нѣмецкіе врачи также якобы лѣчили русскихъ солдатъ. Но у нихъ въ рукахъ были палки, и ими они колотили нашихъ солдатъ за малѣйшее неповиновеніе. Эти врачи-истязатели, очевидно, глубоко павшіе нравственно, предложили имѣть палки и русскимъ врачамъ. Тѣ отвѣтили:

— Это настѣнко унизить. Стыдно такъ, вообще, вести себя врачу!

За это Волуйского и его товарищѣ лишили прогулокъ.

Такъ-то 15 долгихъ мѣсяцевъ томился врачъ Волуйскій. Подъ конецъ его плѣна пріѣзжала русская сестра милосердія (я не разобралъ фамилію), для обзора лагеря плѣнныхъ русскихъ. За три дня плѣнниковъ одѣли въ новое, въ землянки поставили кровати. Но все это не помогло: солдаты, рыдая, рассказывали плачущей сестрѣ о своихъ мукахъ. Послѣ этого посѣщенія стало жить нѣсколько легче. Нѣмецкіе доктора палками уже не дрались. Скоро Волуйскій, уже пожилой человѣкъ, заболѣлъ, и его, наконецъ, согласились отправить въ Россію, въ обмѣнъ за кого-то.

Г. Тупинъ, въ отвѣтъ на заявленіе барона Мейендорфа въ Государственной Думѣ о напрасныхъ навѣтахъ на нѣмцевъ, приводить подлинныя сказанія германцевъ объ истинныхъ настроеніяхъ г.г. прибалтійцевъ¹⁾. Сравненіе это слагается такъ:

„Быть можетъ, исторія выяснитъ, что всѣ вины, которыя возлагались на нѣмецкій элементъ, окажутся недостаточно обоснованными“. (Изъ рѣчи бар. Мейендорфа въ Гос. Думѣ 8 марта).

Професору Эндзелину посчастливилось получить одинъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Прусскаго Ежегодника“, выпущенного 162 томомъ. Это одинъ изъ серьеznѣйшихъ германскихъ журналовъ, и въ немъ мы находимъ три статьи, посвященные прибалтійскому вопросу.

Матеріалъ этотъ настолько интересенъ, что я приведу нѣкоторыя буквальныя выдержки. При этомъ необходимо отмѣтить, что статьи написаны такими знатоками прибалтійского вопроса, какъ Гецъ, Фридрихъ и пасторъ Берневицъ.

Бр. Гецъ пишетъ:

„Прибалтійскіе нѣмцы всѣмъ своимъ инстинктомъ ничего такъ не презираютъ, какъ культурную принадлежность къ русскому народу: они являются такими же распорядителями Россіи, какъ были когда-то для Германіи римскіе императоры... Въ особенности такое положеніе занимаютъ прибалтійскіе помѣщики, считавши русскаго Царя только своимъ сюзереномъ (Lehnherren), до русскаго народа имъ не было никакого дѣла, еще менѣе до Русскаго государства. Только передъ особой Царя они считали себя обязанными, но отнюдь не передъ Россіей. Судьба государства ихъ интересовала постольку, поскольку ихъ сюзеренъ, между прочимъ, являлся и русскимъ Царемъ (86 стр.). Чувства прибалтійскихъ нѣмцевъ, покинувшихъ Остзейскій край и переселившихся въ центральныя губерніи, были антируссскія, всѣ культурныя обязанности и задачи они исполняли не какъ русскіе граждане въ пользу своихъ же согражданъ, но только исполняли волю Государя: они были и оставались... чужими господами... Благосостояніе Россіи никогда не являлось цѣлью ихъ работы, рус-

„Нов. Вр.“, № 14380.

„Русская Старина“, т. CLXVII, Августъ 1916 г.

скій народъ быль для нихъ только будущимъ матеріаломъ (87 стр.).

„Наступила война. Германская армія заняла Курляндію. Исполняются ли тайныя вожделѣнія тѣхъ, что ждали съ такою вѣрою“? (Стр. 96).

К. Фридрихсъ пишеть:

„Помѣщики и пасторы, интеллигенція и торговцы добровольно бы приняли какіе угодно налоги, вздорожаніе продуктовъ и всякія ограниченія, все, что ни принесло бы имъ соединеніе съ Германіей, если бы только можно было навсегда освободиться отъ ненавистнаго русскаго рабства“. (311 стр.).

„Можетъ быть, есть люди, которые упрекаютъ нѣмцевъ въ томъ, что они съ восторгомъ встрѣчаютъ наши войска, что они всею душою желаютъ русской арміи неудачь и позорного мира“.

„Только въ рѣдкихъ случаяхъ члены балтійскаго дворянства вступали въ русскую армію офицерами“ (312 стр.).

„...прибалтійскіе нѣмцы, несмотря на самыя горячія желанія присоединиться къ своей великой истинной нѣмецкой родинѣ“... (313 стр.).

„Можно заплатить за это даже цѣлый миллионъ.—сказалъ одинъ изъ либавскихъ гласныхъ, когда на Либаву была наложена контрибуція въ одинъ миллионъ. Это, по его мнѣнію, за присоединеніе къ Германіи.—Мы переживемъ, если только захотимъ, даже то, что прибалтійскіе нѣмцы за это же присоединеніе съ удовольствіемъ заплатятъ не одинъ миллионъ, но много, много миллионовъ“ (316 стр.).

„Въ ту ночь, когда былъ взятъ Гольдингенъ, одинъ изъ германскихъ офицеровъ-кавалеристовъ постучался въ двери одного изъ домиковъ... Дама-нѣмка, высунувъ голову въ окно и, полагая, что это ея племянникъ (Neffe), служившій въ германской арміи, закричала: „Вильгельмъ, это ты“? Дѣло въ томъ, что эта дама обѣщала первого германского офицера, вошедшаго въ Гольдингенъ, встрѣтить дорогимъ виномъ въ старинномъ наслѣдственномъ бокалѣ. Объ этомъ случайно узналъ въ одномъ изъ курляндскихъ имѣній германскій офицеръ... И былъ бы великий праздникъ не только для Курляндіи и прибалтійскихъ провинцій, но и для всѣхъ нѣмецкихъ земель, если бы когда-

нибудь раздался зовъ отъ Балтийского моря до озера Пейпусъ и отъ Двины до Финского залива: „Вильгельмъ, это ты?“ (333 стр.).

Какъ сообщаетъ „J. Wahrds“, 7 марта было получено распоряженіе, согласно которому нѣмецкому пастору Гроссу съ женой и свояченицей Киглеръ, врачу Лимоніусу съ женой и дочерью, г-жѣ Шпоръ и управляющему имѣніемъ Стамбенъ, Финкенштейну, приказано безотлагательно выѣхать изъ Роопа. У нихъ недавно былъ произведенъ обыскъ, найдены компрометирующія письма и другія вещи; у свояченицы пастора г-жи Киглеръ нѣсколько ружей, револьверъ и пр.

Задолго до войны германцы готовились къ подводной войнѣ въ Средиземномъ морѣ.

Нѣмцы думали объ этомъ уже въ 1913 году. Офицеры, которые затѣмъ должны были командовать подводными лодками, плавали въ западной части Средиземнаго моря, изучали мѣста и входили въ сношенія съ населеніемъ раскинутыхъ по морю острововъ. Осенью 1913 года два учебныхъ судна германского флота, — „Викторія-Луїза“ и „Ганза“, — имѣя на борту двухъ контр-адмираловъ, шесть капитановъ, всѣхъ профессоровъ морской школы, одного адъютанта фонъ-Тирпица, нѣсколько германскихъ принцевъ и 250 учениковъ и гардемариновъ, обошли берега Испаніи и Марокко и особенно долго останавливались въ Алжезираѣ и въ Пальмѣ, на Майоркѣ. Нѣмецкіе моряки устраивали на своихъ судахъ балы, на которые приглашалось мѣстное избранное общество, и каждый день часть экипажа сходила на землю и завязывала сношенія съ портовыми жителями. Особую симпатію молодые кадеты питали къ мѣстнымъ контрабандистамъ. Во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря ремесло контрабандиста не внушаетъ себѣ презрѣнія, — наоборотъ, но считается весьма почтеннымъ и выгоднымъ. Германскіе морскіе офицеры, въ сопровожденіи этихъ своихъ новыхъ друзей, часто совершали прогулки по морю въ моторныхъ лодкахъ и на рыбачьихъ судахъ въ разные пункты Балеарскихъ острововъ, между Сольеромъ и Пальмой. Нѣмцы пользовались особымъ гостепріимствомъ уэрцгерцога австрійскаго Людовика Сальватора, племян-

ника австрійскаго императора. Людовикъ Сальваторъ лучше чѣмъ кто-либо знакомъ съ Средиземнымъ моремъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ въ своей яхтѣ совершаєтъ поѣздки между своими двумя помѣстьями: Мирамаре, около Сольера, и Санъ-Стѣфano, въ Рамле, въ Египтѣ. Его въ этихъ поѣздкахъ всегда сопровождали инженеры, гидрографы. Въ библіотекѣ әрцгерцога имѣлись неизданныя карты.

Наконецъ, наканунѣ объявленія войны изъ Бремена на рейдъ Пальмы пришло судно съ 100.000 ящиками бензина и 10.000 ящиками керосина. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это были припасы для германскихъ лодокъ, но, благодаря энергичнѣйшимъ протестамъ англійскаго и французскаго консуловъ, топливо это было задержано и продано съ публичныхъ торговъ.

21—22 марта. Передаютъ, что 10 марта въ Херсонскомъ губернскомъ правленіи отмѣнены торги на недвижимыя имущества германскихъ подданныхъ Карла, Эмиля и др. Фаатцовъ и Геновъ, постановленіемъ этого правленія исключены изъ списковъ имуществъ, подлежащихъ ликвидациі, земли нѣмецкихъ выходцевъ Якова, Петра, Генриха и Карла Гуссовъ въ Тирасп. уѣздѣ.

Вѣроятно, вины этихъ господъ оказались недостаточно обоснованными (рѣчь бар. Мейендорфа 8 марта.) предержащими властями

Вотъ какъ г. Логофетъ¹⁾ характеризуетъ историческую работу въ Ставкѣ.

Приведя себя въ порядокъ, направляюсь по Большой улицѣ къ Ставкѣ.

Главная такъ называемая Большая улица въ самомъ концѣ выходитъ на площадь, превращенную въ скверъ, по сторонамъ которой расположены съ одной стороны зданія окружнаго суда, губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ глубинѣ домикъ губернатора, а съ другой городская управа съ высокою надъ нею башней, пожарной каланчей. Всѣ эти двухъэтажные дома и служатъ для размѣщенія ставки штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

1) „Развѣдчикъ“ № 1324.

Движеніе по улицѣ черезъ ея часть, прилегающую къ площади-скверу, прекращено, и поэтому весь этотъ уголокъ поражаетъ своею тишиною.

Часовые въ разныхъ мѣстахъ и особые пропускные посты оберегаютъ покой Верховнаго Вождя русскихъ войскъ, живущаго въ небольшомъ домикѣ губернатора, гдѣ Повелитель почти двухсотмилліоннаго населенія занимаетъ три скромныхъ комнаты, изъ которыхъ одна является столовой, а двѣ для его личной жизни.

И какъ-то особенно глубоко трогаетъ эта простота и полное отсутствіе какихъ-либо привычныхъ удобствъ у того, кто, добровольно отъ нихъ отказавшись, несеть вмѣстѣ со своими войсками всѣ невзгоды войны, ограничивъ себя въ одѣждѣ, столѣ и всѣхъ условіяхъ жизни.

— Историческій домикъ будетъ впослѣдствіи,—указываетъ мнѣ комендантскій адъютантъ капитанъ Т., въ то время какъ я изъ окна разсматриваю скверъ съ окружающими его домами.

— Впослѣдствіи комнаты необходимо сохранить со всею въ нихъ обстановкою, среди которой жилъ въ это время нашъ Верховный Вождь,—подтверждаетъ ту же мысль ожидающей отмѣтки на документахъ и разрѣшенія на пропускъ внутрь сквера гусарскій ротмистръ.

— Мы, свидѣтели этой жизни, поражаемся ея простотою,—поясняетъ сейчасъ же Т.

За рѣшеткою, отдѣляющей скверъ отъ улицы, размѣщенъ штабъ и его отдѣлы: генераль-квартермистрская часть и управление дежурнаго генерала.

Въ домѣ штаба помѣщается также и его душа—начальникъ штаба.

Средняго роста съ проницательными, все видящими глазами, небольшими усами и сѣдыми волосами надъ высокимъ лбомъ, генералъ Алексѣевъ представляеть собою такого исключительного работника, особенная сверхчеловѣческая выносливость котораго поражаетъ всѣхъ, видящихъ его, чудовищную по размѣрамъ, работу.

— Прямо не знаю, спить ли онъ вообще когда-нибудь,—въ раздумъи говорить полковникъ Б., которому я задаю рядъ интересующихъ меня вопросовъ.

Онъ всегда за дѣломъ, всегда неутомимъ, всегда бодръ и всегда все дѣлаетъ лично самъ.

Вѣдь только просмотрѣвъ дѣла штаба, можно уяснить всю колоссальность этой работы. Проекты, распоряженія,

резолюціі—все это, могущее образовать десятки томовъ, написаны его четкимъ бисернымъ почеркомъ. У него все отдано для службы, для дѣла. Личной жизни и какихъ-либо постороннихъ интересовъ не существуетъ.

— Рѣдкая настойчивость, удивительная познанія, огромная сила воли и суровая внѣшность,—даетъ характеристику подошедшій къ намъ генералъ, прислушавшись къ разговору.

А сердце мягкое, отзывчивое!!.

Представитель Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Жилинскій посѣтилъ бельгійскій и британскій фронты.

24 марта онъ прибылъ въ британскую главную квартиру, гдѣ сдѣлалъ визитъ генералу Дугласу Хэгу.

Затѣмъ генералъ Жилинскій посѣтилъ бельгійскій фронтъ. 22 марта онъ былъ приглашенъ къ завтраку ихъ величествами королемъ и королевой бельгійскими и посѣтилъ днемъ позиціи первой линіи бельгійского фронта.

23 марта генералъ Жилинскій въ сопровожденіи принца Текскаго направился къ британскому фронту и посѣтилъ Ипръ, послѣ сего произвелъ смотръ двумъ полкамъ, особенно отличившимся въ различныхъ дѣлахъ.

Тупинъ въ своей корреспонденціі съ Рижскаго фронта ¹⁾ описываетъ одно изъ изумительныхъ событий современной войны.

Бой въ полдень достигъ наивысшаго напряженія, вокругъ все дышало пламенемъ битвы... Въ короткое время съ нашей стороны было выпущено болѣе 15.000 снарядовъ, ураганный огонь не утихалъ, въ воздухѣ стоялъ безпрерывный гулъ, содрогалась земля. Непріятельскія батареи замолкали одна за другой, люди глохли, безумство охватывало слабыхъ.

По дорогамъ, по лощинамъ и извилинамъ потянулись въ одиночку или поддерживаемые товарищами раненые солдаты, другіе въ изнеможеніи опускались у края дороги на землю, ожидая прихода санитаровъ. И точно разсерженные шмелизыкали острыя пули, справа, слѣва, сверху, сбоку.

¹⁾ „Нов. Бр.“, № 14384.

Страшная, незабываемая картина... Слѣва снова часть бросается въ атаку, тысячи душъ рвутся впередь, храбрость и злоба подобно дикой волнѣ движутъ ихъ навстрѣчу сопнямъ несокрушимыхъ орудій истребленія, бросая имъ въ лицо раскаленную сталь и желѣзо...

У дороги, замаскированной ельникомъ, расположился первый перевязочный пунктъ; сюда ползутъ и идутъ страдальцы.

И точно въ насмѣшку жестокой судьбы надъ перевязочнымъ пунктомъ разрывается непріятельская шрапнель. Справо бодро и весело идеть въ атаку новый батальонъ земгальскихъ стрѣлковъ...

Скрытый отъ глазъ непріятеля блиндажъ; въ немъ сконцентрированы всѣ нервы жестокаго отчаяннаго боя. Онъ такъ близокъ отъ непріятеля, и если на полѣ браны идеть горячая безумная битва, то здѣсь холодная сосредоточенная работа; нервы однако напряжены до послѣдней степени... тутъ известно, что творится впереди. Чтобы добраться изъ нашей тыловой линіи до этого блиндажа, надо пройти тысячи опасностей, перешагнуть черезъ грань жизни и смерти.

Въ блиндажѣ темно, кишитъ работа... страшная, ответственная, лихорадочная работа, ее можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто ее испыталъ. Тѣсное помѣщеніе, шаговъ шесть, семь въ ширину, такой же длины, съ низкимъ потолкомъ, оконъ никакихъ нѣть. На стѣнѣ четыре телефонныхъ аппарата, ежеминутно раздаются рѣзкие звонки и на каждый отвѣчаетъ человѣческій голосъ, раздающійся изъ глубины того ада, который разыгрывается тамъ, на верху... Вотъ стоитъ командиръ полка, рядомъ съ нимъ начальникъ службы связи, здѣсь торопятся вѣстовые, пришедшіе съ приказаніями, вотъ ординарцы съ распоряженіями... И все это подъ ежеминутной угрозой смерти: достаточно тяжелаго снаряда въ своды блиндажа, и сердце—центръ всей артеріи, душа всей отчаянной битвы, будетъ уничтожена... Но никто не обращаетъ вниманія. Никого не трогаетъ даже явленіе боевой стихіи: на скамейкѣ, прислонясь къ стѣнѣ, сидитъ молодой офицеръ; онъ дико шепчетъ о мести проклятымъ нѣмцамъ; рядомъ съ нимъ полулежитъ другой, съ закрытыми глазами, со слабыми признаками жизни.

Отворяется дверь, и вмѣстѣ со струей весенніяго свѣжаго воздуха и яркаго солнца въ блиндажѣ врываются радосніе веселые клики, привѣтствія, слышатся отдѣльные бодрящіе голоса раненыхъ, кличъ ширится и растетъ, вызванный появлениемъ высшаго начальника. Онъ такъ ярко напоминаетъ въ эти минуты: „*Morituri te salutant, Caesar*“.. Встрѣчные раненые привѣтствуютъ своего корпуснаго командира, любимаго боевого генерала... Появленіе въ блиндажѣ не производить ни переполоха, ни суеты, хотя оно внезапно и нежданно. Хочется крикнуть: „Умирающіе тебя привѣтствуютъ, Цезарь!“ Радостное свѣтлое чувство наполняетъ героевъ, въ душѣ шевельнулись забытыя далекія струны. Хочется смыться и плакать. Защитники чувствуютъ, что имъ на помощь подходитъ ихъ нравственный резервъ: этотъ суроватый небольшой человѣкъ—кудесникъ, на всѣхъ онъ производитъ въ минуту опасности чарующее впечатлѣніе, видѣть его незабываемое рѣдкое счастье, онъ все видѣть, все понимаетъ... И его понимаютъ и любятъ, и едина мысль у всѣхъ, чтобы смертный жребій пролѣтѣлъ какъ можно дальше отъ его увѣнчанной сѣдинами головы...

Генералъ себя не бережетъ, видимо рука Провидѣнія направляетъ въ сторону и угломѣръ и глазъ непріятельскаго наблюдателя, и напрасны всѣ ухищренія тевтоновъ вывести изъ строя лучшаго человѣка и начальника... Вотъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ударился снарядъ въ землю, и сотни осколковъ брызнули во всѣ стороны, генералъ продолжаетъ свой путь, не обращая вниманія... Вотъ онъ остановился, дѣлится съ младшими командирами своими впечатлѣніями, выслушиваетъ доклады, отдаетъ приказанія. Въ пяти шагахъ отъ него стоитъ чей-то ординарецъ съ лошадью; генералъ идетъ дальше, а сзади него разрывается тяжелый снарядъ, отъ лошади и ординарца остается одно воспоминаніе... свита только набожно крестится... Шинель его пространлена въ двухъ мѣстахъ, а онъ, улыбаясь, говорить: „Ну, что же, убить, похоронить...“ Все кругомъ дышитъ пламенемъ битвы, вдали гремитъ радостное „ура“, въ тѣло вливается нѣбывалая бодрость, войска привѣтствуютъ своего генерала.

Повсюду оргія грабежа мирныхъ гражданъ. Спекулируютъ всѣмъ, и припасами, и товарами. Хищные скупщики шныряютъ и по городамъ и по деревнямъ, скупая все, что можно, для наглой перепродажи по страшнымъ цѣнамъ.

Торговцы и скупщики говорятъ, что такого времени, какъ теперь, невозможно найти. Надо пользоваться не только часами, но даже и минутами, чтобы заработать деньги.

До какого омерзительного озвѣренія дошли якобы культурные германцы, свидѣтельствуетъ яркая картина изъ описанія г. Петрова.

На краю одного латышского селенія нашъ разъѣздъ, прогнавъ германцевъ, услышалъ стоны изъ заколоченного спаружи дома. Открыли дверь, вошли. Тамъ двѣ молодыя женщины, обезображенныя цѣлымъ разъѣздомъ, обесиленныя стонали на полу. Когда къ дому подъѣхалъ начальникъ нашего разъѣзда, знающій нѣмецкій языкъ, онъ не безъ содроганія прочелъ „остроумное“ предупрежденіе бывшими здѣсь германцами ихъ товарищей, которые могли явиться послѣ. На двери мѣломъ крупно было написано:

Вы опоздали, товарищи! Здѣсь реквизировано уже!

23—31 марта. Отъ прѣхавшихъ съ фронта слышалъ неизмѣнныя разсказы, что обиліе снарядовъ съ нашей стороны при артиллерійскихъ перестрѣлкахъ производить самое ободряющее дѣйствие на нашихъ солдатъ. Мѣткость стрѣльбы нашей артиллеріи сравнительно съ германской не заставляетъ желать лучшаго. Зачастую наши батареи подбиваютъ и совершенно уничтожаютъ германскія¹⁾.

Вотъ какъ спекулируетъ кайзеръ въ своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ.

Въ мартовской книгѣ „The London Magazine“ помѣщена любопытная статья „Семь лѣтъ при германскомъ дворѣ“.

1) „Русское Слово“ 22 марта.

Авторъ записокъ, г-жа Кинъ, недавно возвратилась въ Англію изъ Потсдама, гдѣ она служила камеръ-юнгферой у сестры императора Вильгельма, жены принца Леопольда Пруссакаго.

При объявлениіи войны миссъ Кинъ нѣкоторое время оставалась въ потсдамскомъ дворцѣ, при своей хозяйкѣ, и только съ большими трудомъ ей удалось вырваться изъ Германіи. Принцесса ей говорила: „Не думай, чтобы вы могли вернуться въ Англію, вы знаете слишкомъ многое“. Судя по разоблаченіямъ камеристки, принцесса въ послѣднемъ не ошибалась.

Англичанка останавливается особенно подробно на денежнѣхъ затрудненіяхъ Вильгельма. Начались они давно, задолго еще до войны, и были вызваны главнымъ образомъ непомѣрною расточительностью германскаго императора. Денежный вопросъ постоянно мучилъ Вильгельма. Нѣсколько лѣтъ назадъ разорился и покончилъ съ собою одинъ изъ его близкихъ друзей, фонъ-Эллендорфъ. Кайзеръ очень горевалъ, но не о несчастіи и смерти друга; дѣло объяснялось проще. Въ предпріятія Эллендорфа Вильгельмомъ было вложено около 200.000 рублей на русскія деньги, и эта сумма погибла безвозвратно.

Дѣло особенно обострилось осенью 1908 года. Счета по содержанію двора оставались неоплаченными нѣсколько лѣтъ. Многимъ торговымъ домамъ, не только въ Берлинѣ, но и въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ германскій дворъ долженъ былъ крупныя суммы.

Кромѣ того, Вильгельмъ лично сильно задолжалъ своимъ банкирамъ и двумъ членамъ императорской фамиліи. Принцъ Леопольдъ Пруссій, человѣкъ чрезвычайно богатый, у котораго Вильгельмъ тоже хотѣлъ занять нѣкоторую сумму, наотрѣзъ отказалъ своему шурину. Въ концѣ концовъ Вильгельмъ вышелъ изъ затрудненія, продавъ часть королевскихъ имѣній у Потсдама и добившись у рейхстага увеличенія цивильнаго листа на 250.000 руб. въ годъ.

Вся эта передряга оставила у Вильгельма непріятное воспоминаніе, и впередъ берлинскій дворъ рѣшилъ быть умнѣе, перейдя на весьма практическій путь. Нѣмки, которые жаждали фигурировать при дворѣ, но не могли похвалиться бѣлою костью, теперь получили возможность осуществить свою мечту: званіе фрейлины и статсь-дамы стало продаваться за деньги. Въ 1910 году германская им-

ператрица сдѣлала четыре новыхъ назначенія и заработала такимъ образомъ около 350.000 руб.

Когда кайзеръ со своей супругой отправлялись съ визитомъ къ иностранному двору, то удовольствие сопровождать ихъ тоже расцѣнивалось на деньги, и иногда на очень крупную сумму. Одна дама, по свидѣтельству супруги Леопольда Пруссакаго, заплатила сто тысячъ на наши дѣпты за право посѣтить Виндзорскій самокъ вмѣстѣ съ германской императорской семьей.

Наконецъ придумана была еще и такая комбинація: въ парадномъ обѣденномъ залѣ Новаго дворца имѣются съ обоихъ концовъ хоры, гдѣ можетъ промѣститься до пятидесяти человѣкъ. Эти мѣста продаются желающимъ посмотреть на блестящее зрѣлище, точно билеты въ театръ, за 10—50 руб., такъ что за каждый парадный обѣдъ Вильгельмъ получаетъ около десяти тысячъ.

Въ запискахъ г-жи Кинѣ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе одной придворной дамы, баронессы Кнебекъ:

„Самая выдающаяся черта германцевъ—патріотизмъ. Множество нѣмцевъ разсѣяно по чужимъ странамъ, иные изъ нихъ давно приняли иностранное подданство, но, повѣрьте мнѣ,—сказала баронесса г-жѣ Кинѣ,—все равно, въ душѣ они остаются нѣмцами и считаютъ своей родиной Германію. И не только они, но и дѣти ихъ вырастутъ нѣмцами“.

Истина, давно очевидная для всѣхъ, кто лично не заинтересованъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ! ¹⁾.

Слова эти должно имѣть въ виду нашимъ нѣмцелюбамъ и прибалтикамъ.

Для борьбы съ дорогоизнаной необходимо возможно большее учрежденіе въ уѣздахъ и городахъ потребительскихъ обществъ (кооперативовъ), тѣсное объединеніе по закупкамъ отъ оптовиковъ всѣхъ потребительскихъ обществъ городовъ и уѣздовъ и самое тѣсное единеніе ихъ съ земствами. Это единственный правильный экономическій путь. У насъ въ Петроградѣ тоже начинаютъ возникать потребительныя общества, но пока очень и очень въ скромныхъ размѣрахъ. Организованныя общества работаютъ прекрасно.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 27 марта.

Необходимо только, чтобы предержащія власти не ставили препонъ.

Самымъ страшнымъ бичемъ всѣхъ армій во время войны является сыпной тифъ и главные распространители его вши. Слѣдовательно, трудно соблюдааемая въ военное время чистота составляетъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ предупрежденію эпидемій.

Недавно докторъ института Пастера, профессоръ Ру, сдѣлалъ докладъ объ открытой въ его институтѣ вакцинѣ, смягчающей проявленіе сыпного тифа. Одновременно сообщаютъ, что консультантъ Краснаго Креста профессоръ Недригайловъ и женщина-врачъ Бурова получили чистую культуру бактерій сыпного тифа.

Передаютъ, что управляющій Отдѣленіемъ Волжско-Камскаго банка въ Вяткѣ г. Цимерманъ и комиссіонеръ этого банка Вагнеръ отнеслись крайне пассивно, если не сказать болѣе, къ подписанію на военный заемъ. Почему это такъ?

Бѣлыя воронь. Изъ Гааги сообщаютъ о необыкновенномъ явленіи природы. Въ Голландіи въ большомъ изобиліи появились бѣлыя воронь. Уже прошлою зимою замѣчали воронъ съ черными головами и хвостомъ, но съ бѣлыми крыльями. Нынѣшнею зимою въ Гаагѣ и въ другихъ городахъ Голландіи появились кроме совсѣмъ сѣрыхъ даже бѣлыя воронь. Одну изъ такихъ воронъ поймали, и голландскіе зоологи заняты въ настоящее время изученіемъ происхожденія необычайной породы воронъ. Высказываются догадки, что кормленіе человѣческимъ мясомъ па поляхъ сраженій въ Бельгіи вызвало измѣненіе окраски въ опереніи этихъ пернатыхъ¹⁾.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 23 марта.

Г. Ольховскій въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ даетъ картиное описание морскихъ развѣдокъ и боя на морѣ:

Тroe слѣдующихъ сутокъ прошли спокойно.

Непріятель хоть и приближался, такъ какъ работа телеграфа слышалась отчетливѣе, но туманъ ничего не позволялъ разглядѣть...

Несмотря на малые хода, уголь подходилъ къ концу. Свѣжая провизія давно уже была съѣдена, и теперь пошли въ ходъ макароны съ вѣчной „общефлотской“ солониной...

Шутка сказать,—недѣля въ морѣ!..

Непосредственная близость къ врагу требуетъ особенной осторожности. Каждую минуту можно ожидать съ его стороны подвоха, и поэтому все время приходится быть на-чеку...

Въ завѣсѣ—это самое скверное.

Нравственная усталость, являющаяся слѣдствіемъ этой бдительности, влечетъ за собою усталость физическую: люди подъ конецъ своихъ вахтъ буквально сваливаются съ ногъ...

Въ это утро получена была радио, что Н. дивизіонъ вышелъ на сѣйну.

Всѣ пріободрились...

Мичмана предвкушали уже удовольствіе какъ слѣдуетъ отоспаться и вознаградить себя за скучный „постный“ столь, а команда, расположившись на бакѣ, весело покуривала, кто не прочь „освѣжиться“ въ тихомъ и шикарномъ порту...

Послѣ полудня прояснилось.

Мгла хоть и оставалась по-прежнему, но туманъ значительно порѣдѣлъ. Теперь уже версты на двѣ можно было различить любой предметъ.

— Дымы видать!..

Сигнальщикъ, доложившій это, схватился за трубу, чтобы получше разсмотрѣть.

На этотъ разъ онъ оказался правъ: впереди ползъ черный дымъ, принадлежавшій несомнѣнно нѣсколькимъ судамъ...

Свои или враги?

Но странно... Дымы шли отъ веста...²⁾.

1) „Веч. Вр.“ № 1427 с. г.

2) Весть—западъ.

— Вы не находите страннымъ, что смѣна идетъ къ намъ съ запада?..

— Гм...

Командиръ пожимаетъ плечами.

— Этого не должно быть... Впрочемъ, я допускаю, что наши въ туманѣ нѣсколько разошлись...

Командиръ слегка нервничаетъ, но, зная, что сейчасъ вниманіе всего миноносца обращено на него, старается взять себя въ руки...

— А все же...

Начальникъ дивизіона круто поворачивается...

— Орудія зарядить!..

На миноносцахъ бѣготня...

Команда выскакиваетъ изъ помѣщеній и бросается къ пушкамъ. Въ какія-нибудь нѣсколько мгновеній сняты чехлы и поданы снаряды.

Рѣзко щелкаетъ замокъ...

— Товсъ!..

Къ бою все готово...

Въ торжественной тишинѣ подымается на стеньгѣ боевой Андреевскій флагъ—такой близкій и родной сердцу каждого моряка...

Гордо рѣтеть онъ въ вышинѣ, словно благословляя на подвигъ, и въ эту минуту онъ—эмблема нравственной поддержки, образъ Всемогущаго Судьи.

Весь ужасъ предстоящаго отходить куда-то вдалъ и оставляетъ въ душѣ сознаніе долга и счастья умереть за родину...

Невольно все существо охватываетъ умиленіе и спокойствіе, и вѣра горячитъ кровь...

И хочется... Ахъ, какъ неудержимо хотѣлось бы поднять завѣсу, за которой неразгаданный вопросъ:

— Что будетъ?..

Конецъ ли—такой дикій и такой нелѣпый въ то время, когда такъ неудержимо тянеть къ себѣ жизнь...

Или побѣда—красивая и громкая, при видѣ гибнущаго корабля, идущаго ко дну подъ радостные крики побѣдителей..

И мысленно проносится въ головѣ молитва...

Ея простыя, глубокія слова ярко врѣзаются въ сознаніе.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“...

При оторванности отъ родныхъ береговъ, отъ семьи, при той полной отчужденности отъ всего міра, въ которой

бывають одни лишь моряки, такъ много пламенной вѣры
въ этомъ всѣхъ равняющемъ:

„Да будетъ воля Твоя“...

Два — три послѣднихъ крестныхъ знаменія, пожатіе
руки,—и все...

Туманъ расходился...

Послѣдняя его пелена, сквозь которую проникаль дымъ,
растаяла, и передъ сотнями напряженно смотрѣвшихъ глазъ
вдругъ появились два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ..

„Нѣмцы!“

Одинъ общій крикъ, казалось, вырвался изъ всѣхъ
грудей... На мгновеніе сердца будто бы остановились, и
люди замерли въ какомъ-то столбнякѣ...

Такъ близако—лицомъ къ лицу!..

Да нѣтъ... Не можетъ быть...

Почему-то въ головѣ не могла уложитьсь мысль, что
это врагъ.

Сравнительная ли продолжительность ожиданія, необы-
чайность ли той обстановки, въ которой произошла встрѣча...
но все это сковало всѣхъ: кажется, никто не посмѣль даже
вздохнуть...

Но вотъ.

Съ мостика громко прозвучала команда...

Привычное ухо различило: „Открыть огонь“, и гулко,
тяжелымъ ревомъ потрясая воздухъ, раздался первый
залпъ...

Окрашенные въ черный цвѣтъ, съ высокими надстрой-
ками и низенькими, словно отпилленными передними мач-
тами—это были типичные нѣмецкіе миноносцы большого
тоннажа.

Туманъ заставилъ ихъ, что называется, напороться, и
теперь разстояніе было не болѣе трехъ верстъ...

Врагъ опѣшилъ.

Казалось, тамъ меныше всего ожидали столкновенія,
ибо всѣ пушки были въ чехлахъ.

Передній миноносецъ началъ что-то семафорить зад-
нему и круто повернулъ, разсчитывая, очевидно, на свой
ходъ.

Но, увы!.. Было поздно...

— Живо!.. Подымите-ка: „Жестокому“ занять фарва-
теръ...

Сигналъ немедленно разобранъ, и третій концевой миноносецъ бросился къ только-что протраленному самими же нѣмцами проходу...

Отступленіе отрѣзано.

И теперь, взятый въ два огня, имѣя впереди себя минное поле, противникъ окончательно растерялся.

Оба миноносца застопорили машины, почему-то дали малый ходъ, и задній сталъ усиленно выпускать парь.

Видно было, какая паника охватила вражескія суда, гдѣ долго не могли зарядить пушекъ и отвѣтить на огонь.

И только послѣ нѣсколькихъ попаданій, оттуда открылась безпорядочная стрѣльба.

— Четверть больше, одинъ право!..—все время неслась по рупору съ мостика корректировка, и установщики прицѣловъ спокойно и быстро мѣняли данныя съ такою же точностью, какъ во время учебной стрѣльбы.

Прислуга у орудій уже окончательно оправилась.

Горящіе глаза и одухотворенные лица, проворство, съ какимъ каждый выполнялъ свое дѣло,—были болѣе чѣмъ краснорѣчивой иллюстраціей того, что каждый испытывалъ въ этотъ мигъ.

А молоденький мичманъ, недавно лишь изъ корпуса и впервые попавшій въ настоящій бой, уже почувствовалъ себя старымъ и обстрѣляннымъ морскимъ волкомъ, который можетъ осипшимъ баскомъ кричать матросамъ:

— Вали ребята... Живо!.. Не обалдѣвать!..

Сначала было „коряво“, но сейчасъ...

Что-то большое и сильное всколыхнуло душу и заставило сердце громко застучать.

• Теперь онъ вьется у пушки, перебѣгаешь отъ прицѣла къ замку и на неудачномъ залпѣ готовъ всѣхъ и вся предать анаемъ, и заплакать отъ досады...

Но „матросъ не выдастъ“...

Какъ черти, они извиваются у орудій...

Непрерывно щелкаетъ замокъ, и въ рѣзкій оглушительный вой сливаются залпы всѣхъ миноносцевъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсъ...

Ни одного лишняго звука...

Въ ушахъ страшная боль.

Вѣтромъ относится огонь въ сторону и опаляетъ лица..

Становится жарко и адски хочется пить...

— Ура!.. раздается гдѣ-то на бакъ¹⁾.

— Нѣмецъ горитъ!..

— Ура!..—подхватывается на миноносцѣ и дружнымъ раскатистымъ эхомъ несется по судамъ...

— Горитъ!.. Ура!..

И еще чаще хлопаетъ замокъ, и еще громче, кажется, воюютъ залпы...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Урра!

— Головной миноносецъ оказался поврежденнымъ...
Уже отчетливо, невооруженнымъ глазомъ видны были пробоины и сбитая на половину передняя труба...

Онъ очень замѣтно зарылся носомъ, такъ что работавшіе винты на половину вылѣзли наружу...

— Горитъ...

Стало уже значительно темнѣть.

Неоднократно пытавшійся прорваться, врагъ каждый разъ отгонялся огнемъ.

Дивизіону предстояло совершить головокружительный трюкъ: взять крѣпость, не понеся никакихъ потерь!...

.Опять загрохотали пушки, и вновь, массы раскален-наго металла полетѣли въ врага...

Вотъ нѣсколько снарядовъ врѣзались въ бортъ...

Видно было, съ какимъ отчаяніемъ врагъ рѣшилъ драться.

— Мина идетъ!..

Какъ длинный острый мечъ, блеснули ея очертанія...

Разъ, другой нырнула она подъ воду, затѣмъ выплыла на поверхность... И, опустившись на заданную глубину, разсѣкая корпусомъ воду, полетѣла впередъ...

— Право!.. Больше право!.. Право на бортъ!..

Вѣ-время произнесенная команда, и катастрофа из-бѣгнута.

Мимо!..

¹⁾ Бакъ носовая часть верхней палубы.

«Русская Старина», т. CLXVII. Августъ. 1916 г.

Въ какихъ-нибудь полутора футахъ отъ борта, едва не касаясь бокового киля...

По миноносцамъ прошелъ облегченный вздохъ...

Вспотѣвшіе и разгоряченные, матросы снова заработали, и опять-такъ какою ужъ это разъ?..—защелкаль замокъ, и заревѣли и загрохотали залпы дивизіона...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсъ...

Хотѣлось бы перекреститься, вспомнить два слова молитвы... Но память не повиновалась, а рука была тяжела...

И только сознаніе продолжало работать и въ трепетѣ учащенно бившагося сердца пронзило молнией:

— *Нобъда!..*

...Такъ вотъ гдѣ она наконецъ!..

Эффектъ прощальна гожеста—стихійное могучее русское ура, такъ бурно ее встрѣтившее, такъ радостно прокатившееся по необъятному морскому простору...

И кто не пойметъ, почему въ этотъ мигъ что-то похожее на спазму схватываетъ горло, и почему глаза, горящіе такимъ вдохновеннымъ свѣтомъ, вдругъ застилаетъ туманъ...

А наступившая ночь была дивно хороша, и нѣжную, и сладкую истому навѣвала ея призрачная даль...

Вашедшій молодой мѣсяцъ слалъ свой привѣтъ успокоившемуся морю, переливаясь тысячами серебряныхъ огней въ верхушкахъ тихо рокотавшихъ волнъ...

Съ легкимъ шумомъ разбивались онѣ о борта, баюкая своею вѣчною пѣснью, и въ гимнѣ томъ, еле уловимымъ диссонансомъ чувствовалось присутствіе какой-то жуткой, какой-то нераагаданной тайны...

Въ корреспонденціи г. Петрова въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ приводятся яркія картины самой наглой германской фальсификаціи по содержанію нашихъ военнопленныхъ:

„Германцами выпущены и постепенно выпускаются въ видѣ почтовыхъ открытокъ новые и новые фотографические

¹⁾) „Русск. Сл.“, 31 марта с. г.

снимки, рисующіе виѣшнюю обстановку и внутренній бытъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германії. Снимки эти сдѣланы и дѣлаются, главнымъ образомъ, для иностранцевъ невоюющихъ государствъ—датчанъ, шведовъ, американцевъ. Германскія власти охотно раздаютъ эти снимки интересующимся судбою военноплѣнныхъ въ Германії и увѣренно добавляютъ:

— Подъ каждымъ снимкомъ подпись съ указаніемъ мѣстонахожденія лагеря военноплѣнныхъ. Если у васъ есть какое-либо сомнѣніе въ достовѣрности снимка, благоволите провѣрить на мѣстѣ,—и вы убѣдитесь, что снимки вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности.

Многочисленные снимки даютъ довольно полную картину жизни нашихъ плѣнныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи и рисуютъ эту жизнь мягкими, иногда чуть ли не идиллическими, чертами и красками. Вы видите, напримѣръ, на одномъ снимкѣ уютную помѣщичью или большую дачную усадьбу. Рядъ изящныхъ, красиво разбросанныхъ домиковъ. Впереди нихъ—большая лужайка. Очевидно, на ней можно играть и въ теннисъ, и въ футболъ. Все это, конечно, обнесено рѣшеткою изъ колючей проволоки, но въ общемъ видъ безспорно милый. Это—одинъ изъ лагерей для нашихъ плѣнныхъ офицеровъ.

Снимки изъ жизни въ солдатскихъ лагеряхъ для нашихъ плѣнныхъ также не вызываютъ ни малѣйшей скорбной тѣни за горькую долю нашихъ подневольныхъ узниковъ. Напротивъ, судя по этимъ снимкамъ, наши плѣнны солдаты въ Германіи обставлены такъ, что, кажется, имъ и дома на службѣ, въ обычной казарменной обстановкѣ, не было лучше. Вотъ снимокъ: „Кухня русскихъ военноплѣнныхъ“. Не будь приведенной подписи, можно было бы по снимку подумать, что передъ вами кухня какого-нибудь большого первокласснаго столичнаго ресторана. Десятка полтора, два поваровъ въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ, фартукахъ, съ такими же колпаками на головѣ. Больше, видимо, ярко начищенные, блестящіе котлы, противни и кастрюли. Лица поваровъ искренно довольныя. Сытныя, даже упитанныя. Веселыя, съ улыбками почти у всѣхъ.

Второй снимокъ: „Баня для плѣнныхъ солдатъ“. Большое помѣщеніе, съ электрическими лампами по стѣнамъ. Съ потолка въ нѣсколько рядовъ свисаютъ трубки-проводы съ

теплою водою. Винагу, вдоль стѣнъ идутъ широкія приступки сидѣнья. Полъ асфальтовый съ полуаршиннымъ углубленіемъ. Здѣсь, въ углубленіи, наши плѣнныя солдаты моютъ ноги, а душъ съ теплою водою сверху даетъ возможность обмыть тѣло съ головы до ногъ.

Третій снимокъ показываетъ раздѣваніе плѣнныхъ, такъ-сказать, въ предбанникѣ. Бѣлье, одежда, обувь,—всѣ вещи плѣнныхъ до послѣдней мелочи отбираются и сдаются въ дезинфекцію. Пока плѣнныя моются, вещи ихъ дезинфицируются, самимъ тщательнымъ образомъ очищаются отъ какихъ бы то ни было болѣзнетворныхъ микробовъ. Германцы не столько даже въ интересахъ плѣнныхъ, сколько изъ боязни черезъ нихъ допустить появленіе какой-либо эпидеміи въ странѣ, строго слѣдятъ за чистотою плѣнныхъ и за дезинфекцией ихъ обуви, бѣлья, одежды, вещей. Дезинфекція поставлена образцово. Особыя камеры для тканей, особыя—для кожи, особыя—для металлическихъ предметовъ: часовъ, пряжекъ, колецъ и тому подобнаго.

Другіе снимки показываютъ плѣнныхъ въ библіотекахъ за чтеніемъ книгъ, въ своихъ—при лагеряхъ для плѣнныхъ—солдатскихъ театрахъ. Есть снимки съ оркестровъ, устроенныхыхъ самими плѣнными, съ солдатскихъ игръ, съ работъ плаѣнныхъ на поляхъ, по выгрузкѣ вагоновъ, на полотна желѣзныхъ дорогъ, и такъ далѣе.

Смотришь на эти снимки и чувствуешь, что, судя по нимъ, было бы грѣхомъ жаловаться на Германію за положеніе нашихъ плѣнныхъ въ ней. Помилуйте: прекрасныя бани, чистыя кухни, свои театры, оркестры, игры, электрическое освѣщеніе, библіотеки, школы грамоты, даже особые курсы для плѣнныхъ разныхъ народностей Россіи. Чего еще можно требовать или даже только желать? И замѣтьте: все это—живая дѣйствительность, а не показная, театральная поддѣлка на случай осмотра прѣважими иностранцами изъ Швеціи, Давіи, Испаніи, Америки или Китая. Всѣ снимки несомнѣнной подлинности, но... За каждымъ почти красивымъ, наряднымъ и такимъ выигрышнымъ для германцевъ снимкомъ есть свое большое, подрывающее цѣнность снимка, иногда скверное, а то и гляусное „но“.

Начнемте съ кухни. Общій видъ выставленныхъ поваровъ, плѣнныхъ, несомнѣнно, говоритъ объ ихъ благополучіи, но благополучіе поваровъ въ данномъ случаѣ—никакъ не доказательство благополучія въ смыслѣ питанія нашихъ плѣнныхъ. Какъ правило, въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ установлено, что преобладающее большинство обслуживающихъ кухню нашихъ плѣнныхъ набирается изъ попавшихъ въ плѣнъ нѣмцевъ, уроженцевъ Курляндіи, изъ вѣмецкихъ колонистовъ и вообще людей онѣмченныхъ. Эти привилегированные плѣнныe въ формѣ русскихъ солдатъ, но съ нѣмецкою душою и приставлены германцами къ кухнѣ для нашихъ плѣнныхъ. Они-де знаютъ нѣмецкій языкъ, съ ними легче объясняться германскому начальству. Они же являются и посредниками для остальной массы нашихъ плѣнныхъ при покупкѣ ъды на сторонѣ, при чемъ постоянно нагло обираютъ покупающихъ солдатъ. Неудивительно, что они и нарядно одѣты, и имѣютъ сытый, довольный видъ. Интересно бы видѣть германскіе снимки съ ъды, предлагаемой русскимъ плѣннымъ, указанія количества и качества этой ъды, сколько разъ выдаютъ ее, но... подобныхъ снимковъ германцы не дѣлаютъ. Придется въ своемъ мѣстѣ восполнить этотъ пробѣлъ точными устными свѣдѣніями. Картина кухоннаго благополучія тогда рѣзко мѣняется. Тутъ пришлось бы снимать, какъ паппи плѣнныe въ иныхъ (къ счастью, не во всѣхъ) лагеряхъ рылись въ ямахъ и кучахъ съ отбросами, ища хотя бы выкинутыхъ костей. Пришлось бы снимать нѣкоторыя сцены, не только недопустимыя, но и невообразимыя. Извиняюсь напередъ, если дальнѣйшія мои строки вызовутъ, можетъ-быть, въ иныхъ даже невольную тошноту. Но я все-таки настойчиво прошу прочесть и просмаковать картину. Намъ тошно читать,—а каково нашимъ страдальцамъ испытывать то, одно упоминаніе о чёмъ вызываетъ чуть не рвоту?!. Называя вещи своимъ именемъ, нужно сказать, что постоянное недоѣданіе доводило въ нѣкоторыхъ (повторяю: не во всѣхъ) лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ до такой степени голода, что, позабывъ и заглушивъ въ себѣ всякие слѣды брезгливости, они выбирали уцѣлѣвшіе куски пищи въ рвотѣ больныхъ. Приготовьтесь къ худшему: бывали случаи, когда, измученные долгимъ голоданіемъ, несчастные выбирали непереваренныя еще зерна бобовъ въ желудочныхъ изверженіяхъ. И только, когда въ этихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ вспыхнулъ тифъ, порція несчастныхъ была нѣсколько

увеличена. Снимковъ отхожаго питанія нашихъ плѣнныхъ, помимо кухонъ, германцы, къ сожалѣнію, не дѣлали и не дѣлаютъ.

Цѣлый рядъ своихъ „но“ и за другими показными германскими снимками съ картинъ быта нашихъ плѣнныхъ въ Германиі. Снимки бани, напримѣръ, показываютъ нашихъ плѣнныхъ въ предбанникахъ и въ баняхъ, но они ничего не говорятъ о томъ, что бываетъ въ послѣбанныхъ помѣщеніяхъ. А тамъ творится вотъ что. Въ иныхъ лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ собрано до сорока тысячъ солдатъ вмѣстѣ. Понятно, что въ банию съ дезинфекцией ихъ обуви и одежды водятъ партіями по восемьсотъ и болѣе человѣкъ. Въ предбанникахъ ихъ раздѣваютъ и всѣ вещи ихъ, сортируя ткани, кожу, металль отдельно въ особыхъ мѣшкахъ направляютъ въ дезинфекціонныя камеры. Когда солдаты подъ горячимъ душемъ въ натопленной бани всласть вымоются, ихъ выводятъ въ третью комнату одѣваться, а тѣмъ временемъ на ихъ мѣсто въ мыльную комнату вводятъ новую партію. Въ первой же комнатѣ, въ раздѣвалнѣ, готовится къ мытью третья партія. Такъ, полнымъ ходомъ, въ три смѣны и идетъ мытье. Повидимому, все хорошо, по... Это проклятое „но“. Будь это „но“ у кого другого, а не у германцевъ, можно было бы объяснить случайнымъ недосмотромъ, но у германцевъ, которые тщательно продумываютъ каждую мелочь, дѣло смахиваетъ на явный злой умыселъ. Распаренныхъ въ теплѣ вымытыхъ солдатъ выводятъ въ одѣвальную, а она холодная. Со сквозняками. И пока германцы разбираютъ принесенные изъ дезинфекціи мѣшки съ бѣльемъ, одеждой, обувью и вещами, проходитъ часъ, а то и полтора. Распаренные люди стоять голыми и жестоко простужаются... Бронхиты, пневмиты, воспаленія легкихъ — постоянные спутники бани. Плѣнныхъ держать въ чистотѣ, эпидемій среди нихъ нѣть, но по всѣмъ лагерямъ военноплѣнныхъ десятки тысячъ людей отчаянно кашляютъ. Постоянно болѣютъ простудами. Приносятъ обильныя жертвы чахоткѣ. Туберкулезъ — обильный поставщикъ гробовъ на германскія кладбища. При этомъ, пока туберкулезные больные еще въ началѣ болѣзни, германскія власти ихъ никоимъ образомъ не отпустятъ на родину, въ Россію. Тамъ могли бы захватить болѣзнь вѣремя и вылечить больного. Во время войны онъ не го-

дился бы вновь въ строй, но у Россіи уцѣлѣлъ бы лишній человѣкъ. Очевидно, это не въ интересахъ Германіи, и германцы держать больныхъ плѣнныхъ такъ, чтобы они лучше попали на германское кладбище, нежели домой, въ Россію, въ родную больницу.

Та же исторія и съ библіотеками, со школами грамоты, съ курсами для грамотныхъ уже. Библіотеки обязательны при всѣхъ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ, но всѣ эти библіотеки „странного“ однороднаго образца. Всѣ онѣ, прежде всего, набиты тѣмъ мусоромъ заграничнаго изданія, которымъ всегда былъ полонъ Берлинъ, выдавая бездарное маранье неизвѣстныхъ анонимовъ за революціонныя, якобы, изданія. Подобнымъ подборомъ книгъ германцы, конечно, отнюдь не думаютъ помочь выработкѣ свободомыслящихъ убѣжденій въ массѣ большинства нашихъ малограмотныхъ плѣнныхъ. Они разсчитываютъ только создать горючій матеріалъ для костра желанныхъ имъ внутреннихъ осложненій внутри Россіи и на послѣ войны. Положительныхъ идей для фундамента желательнаго гражданскаго воспитанія не дается никакихъ. Силятся лишь привить внутреннее взаимное озлобленіе, усиленно съюзть зерна острой внутренней вражды. На курсахъ для грамотныхъ дѣло обстоитъ еще откровеннѣе. Особо ведутся курсы для малороссовъ, особо—для латышей, особо—для уроженцевъ Кавказа, — отдельно для грузинъ, отдельно для армянъ,— особо — для мусульманъ, особо — для инородцевъ Сибири. Для каждой народности многоплеменной Россіи свои особые курсы. Со своею исторіею. Со своею литературою. Дразнятся большиe аппетиты каждого маленькаго племени. Льстять самолюбію каждой народности. Малороссамъ силится привить мазепинство, мысль объ Украинѣ, обособленной отъ остальной Россіи. Грузинъ манятъ мечтою о Великой Грузіи. Армянамъ сулять Великую Арменію. Бурятамъ и киргизамъ внушаютъ мысль объ ихъ правахъ на Сибирь. Мусульманамъ твердятъ, что Россія и Англія равно и Франція—заклятые враги мусульманъ, и что одинъ Вильгельмъ II—преданный и безкорыстный другъ султана, а за нимъ и всего мусульманства.

Снимковъ съ программъ подобныхъ курсовъ германцы не дѣлаютъ и отчетовъ не печатаютъ. Это все—тайная заблаговременная подготовка уже мирной войны „на послѣ“

внутри самой Россіи. Мы сейчасъ дряблыми руками съ грошовымъ кускомъ мыла пытаемся кое-какъ отмыться отъ заѣвшей насъ внутренней нѣмечини, а германцы уже и теперь готовятъ памъ новое, нѣмецкое удушье, упорно строятъ провода для своихъ разъѣдающихъ русскую жизнь дьявольскихъ шупалъцевъ. Тѣло плѣнныхъ морять голodomъ, ухитряются валить здоровыхъ простудными болѣзнями, а духъ ихъ силятся отравить, замутить озлобленіемъ противъ единства и цѣлостности общей родины—многоцелменной Россіи.

Вотъ вамъ и кухни, и бани, и библіотеки, и курсы. Въ общемъ все какая-то одна кухня дьявола-отравителя. А это—еще лучшее въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ: снимки, дѣйствительно, достойные показа. Выигрышные козыри германского обращенія съ плѣнными. Козыри, оказывается, густо крапленые. Что же кроется за показными фасадами, снимковъ съ чего германцы сами не дѣлаютъ, но снимки съ чего имѣются, сдѣланы тайно русскими плѣнными“.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть роскошное германское изданіе фотографическихъ снимковъ того Эдемскаго рая, въ которомъ, по пѣмѣцкимъ фотографіямъ, содержатся наши военноплѣнныес. Разумѣется, нѣмецкаго фотографированія той микроскопической пищи, которую получаютъ наши плѣнныес, и вида этой пищи въ сборникѣ не имѣется. Нѣть также фотографій плѣнныхъ, которыхъ, послѣ бани, на сквознякѣ голыми держать отъ часу до полутора

Нѣть фотографій пытокъ.

Намъ кажется, что слѣдственная комиссія сенатора Кривцова должна дать разслѣдованіе на это наглое издѣвательство германцевъ.

Недавно германскій канцлеръ произнесъ крайне лживую, хвастливую и деракую рѣчъ, которую онъ состряпалъ при участіи кайзера для успокоенія Германіи и для того, чтобы предать забвенію уходъ Тирпица, а также и для того, чтобы показать всему миру, какъ еще могуча Германія, и этимъ поднять духъ германского народа и успокоить его.

Въ его рѣчи проходятъ красной нитью всѣ наглыя основанія міровой политики Германіи. Онъ утверждаетъ, что

германская цивилизација не только лучше всякой другой, но и является такимъ благодѣяніемъ, которое нужно навязать силою оружія другимъ народамъ; что уже неоспоримо, что вооруженная Германія неодолима, что она должна обезоружить всякаго, кто можетъ ей угрожать, что законы и договоры должны подчиняться ея интересамъ, что миръ можно сохранить при соблюдении ея условій, что она должна имѣть право veto на всѣ союзы и взаимные обязательства ея сосѣдей, что всякій, кто какимъ бы то ни было путемъ будетъ возражать ей или будетъ стремиться сохранить свою независимость, виновенъ въ страшномъ нападеніи и даетъ тѣмъ самымъ Германіи право нападать на него ради самообороны.

Далѣе канцлеръ то требуетъ для Германіи, изголодавшейся и преслѣдуемой, права возвратить Европу къ мирному труду, то раскрываетъ широкіе замыслы нѣмцевъ по отношенію Бельгіи, Польши, Литвы и балтійскихъ провинцій.

Это онъ предлагаетъ въ угоду той партіи, которая настаиваетъ, чтобы нынѣшній военный фронтъ между Балтийскимъ моремъ и болотами Волыни сдѣлать постоянной границей. По адресу Россіи Бетманнъ-Гольвегъ заявляетъ еще другую наглую угрозу:

„Нашъ долгъ заставить русское правительство дать удовлетвореніе нѣмцамъ германского и русского подданства за учрежденія надъ ними несправедливости, за ихъ ограбленіе и выселеніе; мы должны открыть нашимъ соотечественникамъ путь избавленія отъ русского рабства“.

Вотъ какую поддержку обѣщаетъ прибалтійцамъ и колонистамъ господинъ германскій канцлеръ. Какая наглость: Россія не разбита, чтобы предъявлять ей подобныя требования. Не за горами уже пораженіе германцевъ. Господинъ кайзеръ и канцлеръ для публики произносятъ такія наглые рѣчи, а за кулисами дѣлаютъ другое.

За кулисами, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло происходило такъ: за нѣсколько дней до своего выступленія канцлеръ предложилъ правительству одной изъ скандинавскихъ державъ взять на себя посредничество по веденію мирныхъ переговоровъ, при условіи сохраненія *status quo ante bellum*.

Эта лживая рѣчь является особенно характеристичной для руководителей Германіи, которые при посредствѣ обмана дурачили свой народъ.

Частицу правды о положеніи Германіи знаетъ бюджетная комиссія, и недаромъ Либкнехтъ, превосходно освѣдомленный о происходящемъ въ комиссіи, кричалъ канцлеру:

— Вадоръ, самоослѣпленіе. Ваша рѣчь — новый обманъ.

Бетманнъ-Гольвегъ не рискнулъ вступить въ препирательства съ Либкнехтомъ, очевидно, опасаясь, что мужественный фанатикъ разоблачитъ нѣчто большее.

При такихъ условіяхъ рѣчь канцлера является смѣхоторнымъ блефомъ.

Съ половины подъ конецъ марта на всемъ западномъ фронтѣ военныхъ дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ.

Болѣе энергичные боевые дѣйствія происходили въ Якобштадтскомъ направлениі и къ югу отъ Даинска у оз. Нароча, Видзъ и Близниковъ, а также на Волынскомъ фронтѣ у Колокъ и Олыки.

На всѣхъ остальныхъ участкахъ западнаго фронта перестрѣлка, столкновенія развѣдоочныхъ партій, минная война и налеты аэроплановъ.

Наступило половодье. Ледоходъ, болота оттали; дороги грязны и тяжелы для движенія.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжается наступленіе, и отбиваются контрѣ-атаки на слѣдующихъ направленияхъ: на Приморскомъ, на Верхнемъ Чорохѣ, на Байбуртскомъ, на Мушъ-Битлисскомъ, къ западу отъ Эрзрума и на Багдадскомъ.

4 апреля. Настоящія приготовленія къ Пасхѣ знаменуются сильнымъ спекулятивнымъ повышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы, совершенно несоответствующимъ дѣйствительнымъ цѣнамъ на продукты. Говорятъ, что градоначальникъ объявилъ таксу на яйца и передъ Пасхой яйца не окажутся для продажи. Неужели нельзя обуздять этихъ грабителей?

Послѣ рѣчи Бетманнъ-Гольвега выступилъ одинъ депутатъ и вотъ какъ, по словамъ „Нового Времени“, это было: въ концѣ засѣданія херсонскій депутатъ Люцъ выступилъ съ заявлениемъ отъ имени русскихъ нѣмцевъ по поводу требованія Бетманнъ-Гольвега объ удовлетвореніи

нѣмцевъ германского и русского подданства. Въ обрисовкѣ депутата Люца нѣмцы вышли весьма угнетенными, а русскіе неожиданно оказались въ роли угнетателей и гонителей. Такого открытия не дѣлалъ съ думской трибуны до сихъ поръ даже ни одинъ баронъ. Отвѣтная попутно на извѣстную рѣчь Миллютина, Люцъ угрожалъ тѣмъ, что русскіе нѣмцы откажутся отъ обычнаго труда и пойдутъ „по бѣлу свѣту“. Кромѣ полиціи, вѣроятно, имъ никто препятствовать въ этомъ не будетъ.

Г. Крестовниковъ, извѣстный московскій приверженецъ торговли съ нѣмцами, произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣчь о предстоящей мирной конференціи. Въ этой рѣчи онъ предлагаетъ нашимъ представителямъ отстаивать наши интересы не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Рѣчь эта назидательная, и вполнѣ ясно, куда ораторъ клонитъ свое вниманіе.

Наши противники и союзники являются на конференцію вполнѣ подготовленными, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ сознаніемъ того, чего они хотятъ и чего они должны добиваться. Я боюсь, что мы не только не готовы къ этой конференціи, но и не готовимся къ ней достаточно интенсивно. Наши представители на конференціи должны быть вполнѣ освѣдомлены въ экономическихъ вопросахъ и не только съ принципіальной стороны, но и во всѣхъ подробностяхъ, иначе мы, и будучи побѣдителями, окажемся въ плачевномъ состояніи. Наши прѣдставители на конференціи будутъ находиться въ совершенно особомъ положеніи, они будутъ представлять страну, составляющую громадный, едва ли не самый большой въ мірѣ рынокъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности. Россія представить на этой конференціи тотъ заманчивый кусокъ, къ которому несомнѣнно будутъ тянуться всѣ руки, и наши враги, и наши друзья несомнѣнно будутъ добиваться тѣхъ условій, которыхъ были бы имъ выгодны, и нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Не для того мы проливали кровь, чтобы, избавившись войной отъ экономической зависимости Германіи, попасть въ такую же зависимость отъ какихъ-либо другихъ странъ. Германскій торговый договоръ представлялъ изъ себя зло, которое запрещало, такъ сказать, Россіи развивать свои производительные силы, но вѣдь и договоры со всѣми другими странами шли тѣмъ же путемъ, они только подбирали

остатки того, что осталось отъ германского договора. Для примѣра укажу, что по договору съ Франціей мы лишены возможности развить свою автомобильную промышленность и вслѣдствіе этого въ теченіе войны должны были однихъ автомобилей заказать за границей на болѣе, чѣмъ на 250 миллионовъ рублей. Но, кромѣ того, внезапная война остановила всѣ международныя сношенія, масса товаровъ, шедшихъ въ Россію или изъ Россіи, не дошла по назначению, застряла въ разныхъ портахъ. Остались нереализованными многочисленныя денежнныя отношенія между нами и воюющими странами. Послѣ войны всѣ эти явленія потребуютъ ликвидаций. Частныя лица могутъ понести большие убытки. По моему мнѣнію, какой-то судъ долженъ будетъ разобрать, кто несетъ убытки, и эти убытки вознаградить. Я думаю, что для этого должна быть образована международная конференція, въ которой русское правительство приняло бы на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ. Безъ того мы понесемъ такую контрибуцію, будучи побѣдителями, которой совершенно не ожидаемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ наши враги разъединяютъ по национальностямъ, ведутъ самую ужасную пропаганду по разнымъ национальностямъ, стараясь ихъ пропитать ненавистью къ единству Россіи, дабы сдѣлать въ будущемъ изъ Россіи лоскутную монархію. Особенно энергично ведется пропаганда украинская и бѣлорусская въ южныхъ областяхъ Россіи. Тутъ основываются и газеты, и открывается масса школъ. Когда области эти отберутъ у нѣмцевъ обратно, то съ этими мѣрами придется очень и очень считаться.

Вчера въ одномъ изъ специальныхъ учрежденій, некоторые уральские заводы демонстрировали отличное трансформаторское желѣзо, различные сорта мѣди, желѣзо и сталь для косъ, серповъ и ножей, была показана электросталь различныхъ составовъ. Это новое дѣло пойдетъ прекрасно и побѣдоносно, если не вмѣшаются россійские нѣмцы.

Когда приходилось нашимъ войскамъ дѣйствовать на маневрахъ въ прибалтийскомъ краѣ, то приходилось поражаться нахальству и полнѣйшей непріязни прибалтийцевъ

къ войскамъ. „Вечернее Время“¹⁾ приводить фактъ такого же отношенія къ войскамъ дѣйствующей арміи.

Былъ здѣсь недавно одинъ офицеръ изъ арміи и рассказывалъ между прочимъ, какія приходится переносить непріятности въ оставшихъ городахъ при отводѣ имъ квартиръ. Случилось ему вмѣстѣ съ другими офицерами штаба дивизіи на нѣкоторое время остановиться въ Юрьевѣ. Квартиры имъ долженъ былъ отвести городъ. Отправляются они въ городскую управу, состоящую, какъ оказалось, сплошь изъ нѣмцевъ, едва говорившихъ по-русски. Направили ихъ къ одному изъ членовъ этой управы, герръ Андерсону, специальнно вѣдающему отводомъ квартиры. Встрѣтиль онъ офицеровъ сидя, не всталъ для привѣтствія, сѣсть ихъ не пригласилъ, а прямо съ мѣста продиктовалъ требуемое число адресовъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ заинтигались было обѣ отводѣ имъ квартиръ съ кухнями, но въ отвѣтъ получили категорическое:

— Съ кухнями нѣтъ и не будетъ.

Отправились офицеры смотрѣть отведенныя имъ помѣщенія—всѣ они оказались изъ рукъ вонъ плохи, гдѣ-то на задворкахъ, не въ домахъ, а въ службахъ, просто чуланы, приспособленные для отбытія квартирной повинности. А между тѣмъ отъ мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ офицеры уже знали, что въ городѣ имѣется много совершенноличныхъ комнатъ, приготовленныхъ подъ офицерскій постой. Поэтому они снова пошли въ управу и заявили герръ Андерсону, что они не находятъ возможнымъ жить въ тѣхъ чуланахъ, которые онъ имъ указалъ. На это послѣдовалъ категорический отказъ.

Тогда офицеры начали сами промышлять для себя помѣщенія, и мой знакомый очень скоро нашелъ вполнѣ приличную комнату въ домѣ Фолька. При этомъ какъ прислуга, такъ и одна изъ сосѣдокъ, русская, заявили ему, что эта комната приготовлена хоаяйко дома специальнно для офицеровъ.

Пошелъ мой знакомый въ третій разъ въ городскую управу, но герръ Андерсонъ и на этотъ разъ не подался.

— Господинъ адвокатъ Фолькъ недавно высланъ въ Иркутскъ, и я пе имѣю отъ него письменнаго согласія на

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 апр.

принятіе къ себѣ офицера, а поэтому не могу отвести вамъ эту комнату.

Другой офицеръ изъ этой же группы узналъ стороною, что хорошая комната для офицера приготовлена у баронессы Кнорингъ. Отправляется онъ въ ея домъ. Встрѣчаетъ его очень привѣтливо, повидимому, мужъ хозяйки, проводить черезъ длинную анфиладу комнатъ, выводить на задворки и показывать конурку въ какомъ то-сараѣ, несомнѣнное помѣщеніе для какого-то подкучеренка.

Подобныя же издѣвательства потерпѣли и другіе искатели комнатъ. Окончилось же все это, однако, для нѣмцевъ совершенно не такъ, какъ они предполагали. Начальникъ дивизіи вступилъ за своихъ офицеровъ и произвелъ соотвѣтствующій нажимъ на отцовъ города. Тогда сразу нашлись комнаты и у господина адвоката Фолька, и у баронессы Кнорингъ, и у другихъ, имъ подобныхъ. Интересно, однако, знать, для какихъ же это офицеровъ были у нихъ приготовлены хорошия комнаты, которыхъ они такъ тщательно скрывали отъ русскихъ офицеровъ? Уже не для нѣмецкихъ ли?

2—4 апрѣля. Въ Государственномъ Совѣтѣ¹⁾ баронъ Шиллингъ между прочимъ сказаль слѣдующее:

Давно уже я совѣтовалъ нашимъ сыновьямъ и братьямъ, находящимся въ рядахъ арміи, если имъ разрѣшается отпускъ, не прѣѣзжать на родину въ Прибалтійскій край. Русскому офицеру лучше не знать, какъ обходятся съ его родными, какова судьба близкихъ его. Я спрашиваю, что можемъ мы сказать тѣмъ изъ нашихъ сыновей, которымъ суждено вернуться къ намъ послѣ войны. Вникните, господа, хоть на одну минуту въ наше положеніе и скажите мнѣ: неужели вы находите правильнымъ, чтобы мы были вынуждены сказать имъ: „Въ то время, когда вы сражались, въ это время правительство допустило, чтобы васъ и вашихъ близкихъ лишили чести довѣрія и правъ русскихъ подданныхъ, оставляя за вами одно только право умереть за Россію, и только тѣхъ изъ вашихъ товарищей признаютъ полноправными сынами Россіи, которые изувѣченные лежать тамъ, въ окопахъ, положившіе жизнь за Царя“.

Эти прекрасныя, патріотическія слова имѣли бы глубокій смыслъ и преисполнили бы населеніе Россіи полнаго довѣрія къ г. прибалтійцамъ, если бы они имѣли право

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 апр.

сказать со всѣхъ трибунъ, что нѣкоторые изъ ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ не сражаются въ рядахъ германской арміи, не заслуживаются тамъ желѣзныхъ крестовъ, не получаютъ тамъ раненій отъ русскихъ пулю и снарядовъ и не кладутъ свою жизнь за германскаго императора.

Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ сообщаетъ:

Въ гамбургскомъ „Börsen-Courrier“ и въ „Rheinische-Westfälische Zeitung“ помѣщены совершенно однородныя статьи. Обѣ говорятъ о необходимости пріобрѣсти для нуждъ внутренняго рынка необходимое количество льна. Газеты сознаются, что запасы хлопка, доставляемаго изъ Египта и Индіи, исчерпаны и потребность въ волокнѣ необходимо пополнить льномъ. Англія не дастъ волокна, но изъ сосѣдней Россіи возможно добыть ленъ.

Россія вывозить почти 17 мил. пудовъ льна, въ томъ числѣ въ Германію и Австрію—около 8 мил. пудовъ. Германцы учредили особый синдикатъ въ Швеціи, дѣйствующій, конечно, подъ шведскимъ флагомъ, но получившій изъ Германіи порученіе скупить ленъ для вывоза официально въ Швецію. Цѣлый рядъ германскихъ агентовъ ждетъ результата начатыхъ уже синдикатомъ съ нашими льноводами переговоровъ, и, по мѣрѣ того, какъ въ Швецію будутъ приходить вагоны съ русскимъ льномъ, они будутъ немедленно отправляться въ Германію. По крайней мѣрѣ 100 вагоновъ льна уже готовы къ отправкѣ. Называютъ имена и сроки сдѣлокъ.

Передаютъ, что германцами убито 30.000 дѣтей.

Германцы организовали восстаніе въ Дублинѣ. Толпа вооруженныхъ людей заняла одинъ изъ городскихъ парковъ и силою завладѣла почтовымъ отдѣленіемъ; были перерѣзаны телефонные и телеграфные провода и занято нѣсколько прилегающихъ къ набережной домовъ. Конечно, англичане вскорѣ прикончать эту тевтонскую авантюру.

5—8 апрѣля. Въ 1915 году оштрафовано въ Петроградѣ 54.467 торговцевъ, взыскано съ нихъ штрафу 2.770.626 руб.

---

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 апр.

лей. Посажено подъ арестъ 7.127 человѣкъ. Лучше было бы, если бы сажали подъ арестъ безъ штрафа.

Письма изъ арміи отличаются удивительно бодрымъ настроениемъ; всѣмъ довольны, отлично кормятъ, тепло и хорошо одѣты.

Въ Петроградѣ появилась нѣмцелюбивая газета „День“, которая изо всѣхъ силъ отстаиваетъ нѣмецкое засилье.

Ничные торговцы держатъ неразгруженными на товарныхъ станціяхъ значительные запасы яицъ.

Сенатору Кузьмину поручено производить предварительное слѣдствіе по обвиненіямъ на бывшаго военнаго министра, отставнаго генерала-отъ-кавалеріи Сухомлинова.

Особенно интересна корреспонденція ¹⁾ Ратманова объ оригинальномъ побѣгѣ изъ плѣна русскаго офицера:

Съ особымъ интересомъ слушается разсказъ о бѣгствѣ изъ австрійскаго плѣна корнета Алдатова, находящагося сейчасъ на излѣченіи въ одномъ изъ мѣстныхъ военныхъ лазаретовъ. Надо удивляться той исключительной настойчивости, которая была проявлена имъ при осуществленіи столь сложнаго и рискованнаго плана бѣгства.

— Тяжело въ плѣну!—началь свой разсказъ офицеръ.— И не даромъ многіе изъ плѣнныхъ только и мечтаютъ о побѣгѣ.

Къ мысли о побѣгѣ пришелъ и я, когда лежалъ въ вѣнскомъ госпиталѣ. Но осуществить тогда эту мысль я еще не могъ; слишкомъ ужъ строгъ былъ за мной надзоръ, да и незалѣченная рана на груди давала сильно себя чувствовать.

Съ трудомъ добылъ карту и сталъ намѣчать пути бѣгства. Сначала хотѣлъ бѣжать въ Италію, потомъ въ Румынію. Долго работалъ надъ составленіемъ плана, изучалъ все,

1) „Нов. Вр.“ 7 апрѣля с. г.

волновался. Какъ вдругъ слѣдующій фактъ меня неожиданно натолкнулъ на счастливую мысль.

Какъ разъ въ то время Турція объявила намъ войну.

Имѣя вѣнчаность восточного типа, я, какъ уроженецъ Кавказа, хорошо къ тому же говорю по-татарски и турецки и знаю всѣ обычаи мусульманъ. И вотъ, рѣшивъ предложить свои услуги турецкому правительству, я выдалъ себя за мусульманина и заявилъ о желаніи принять участіе въ священной войнѣ.

— Вѣдь если меня отправятъ въ турецкую армію,—разсуджалъ я,—то не иначе, какъ черезъ Румынію, такъ какъ другого пути не было: у Дарданеллъ—англичане и французы, черезъ Сербію—тоже нельзя; ну а изъ Румыніи уже не трудно будетъ бѣжать въ Россію.

Скрывая отъ всѣхъ свой планъ, подалъ въ Австрійскій Красный Крестъ соотвѣтствующее заявленіе, добавивъ къ своей фамиліи „Алибековъ“, для большаго сходства съ магометанской.

Началось мучительное ожиданіе отвѣта. Отвѣта не было. А черезъ мѣсяцъ я былъ отправленъ отсюда въ лагерь военнопленныхъ, въ Зоннагербергъ.

Огромный замокъ, расположенный въ живописной мѣстности, служилъ убѣжищемъ для заточенныхъ узниковъ. Познакомился съ новыми товарищами по несчастью. Всѣхъ видимо угнетала эта убогая жизнь плѣнника, и многіе мечтали о побѣгѣ. О своемъ планѣ бѣгства я и здѣсь также умолчалъ, вполнѣ сознавая, что одно неосторожное слово могло бы сразу все разстроить.

Однако время шло, а резултата нѣть.

— Ужъ не оставили ли мою просьбу безъ послѣдствій?.. Надо какъ-нибудь напомнить о себѣ...

Въ то время комендантомъ нашего лагеря былъ австрійскій майоръ. Обращеніе его съ нами было довольно таки вѣжливое. Выбравъ однажды удобный моментъ, я посвятилъ коменданта въ свои тайны. Онъ выслушалъ меня внимательно и тотчасъ же послалъ въ Красный Крестъ письмо. Съ этихъ поръ его отношенія ко мнѣ измѣнились замѣтно къ лучшему.

Началась новая, казалось бы, вполнѣ сносная для меня жизнь. Но это только казалось, въ дѣйствительности же я ни минуты не имѣлъ покоя. Зная, что за мной слѣдить, я постоянно былъ на чеку. А это не такъ-то легко. Вѣдь

съ одной стороны я не могъ портить добрыхъ отношеній съ товарищами, съ другой же—малѣйшее проявленіе интимности и дружбы съ ними могло бросить тѣнь подозрѣнія и испортить мнѣ все дѣло.

И вотъ, гдѣ бы я ни былъ, сидѣлъ ли съ товарищами въ ресторанѣ замка за обѣдомъ или гулялъ вокругъ костела—обычное мѣсто нашей прогулки—я всегда старался быть задумчивымъ и держался въ сторонѣ. Этимъ я какъ бы хотѣлъ показать наблюдающимъ австрійскимъ лейтенантамъ, что теперь уже я ихъ союзникъ.

Наконецъ насталъ счастливый день. Къ намъ въ Зоннагергъ прѣѣхалъ генералъ изъ австрійскаго военнаго министерства. Этотъ его прїездъ, какъ потомъ оказалось, былъ въ связи съ поданнымъ мною заявлениемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ онъ вызывалъ къ себѣ по очереди и разспрашивалъ, какъ и при какихъ именно обстоятельствахъ каждый попалъ въ плѣнъ.

Дошла и до меня очередь.

— Вотъ онъ, лейтенантъ Алибековъ! — почтительно заявилъ генералу комендантъ и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, кромѣ меня и генерала, никого больше не было...

Я чувствовалъ, какъ сердце забило тревогу, какъ росло волненіе.

— Выдержу ли это первое испытаніе? Не выдамъ ли чѣмъ-нибудь себя?..

Генералъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и затѣмъ обратился на чисто русскомъ языкѣ:

— Правда ли, что вы желаете поступить на службу въ турецкую армію?..

— Такъ точно!— отвѣтилъ я, самъ въ душѣ удивляясь спокойному и увѣренному тону своего голоса.

Далѣе шли разспросы, откуда я родомъ, кто были мои родители и пр. Потомъ генералъ всталъ, привѣтливо улыбнулся и, пожавъ на прощанье руку, добавилъ:

— На дняхъ комендантъ получить увѣдомленіе изъ военнаго министерства, и вы отправитесь тогда въ Вѣну для представленія турецкому посланнику...

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого меня потребовалъ комендантъ.

— Получено приказаніе васъ отправить въ Вѣну. Во вторникъ вы должны будете выѣхать... .

Затѣмъ началось совмѣстное съ нимъ обсужденіе моего отѣзда, которое надо было чѣмъ-либо обосновать, чтобы отвлечь возможное подозрѣніе русскихъ офицеровъ.

— Когда будете на прогулкѣ,—совѣтовалъ комендантъ,— вы зайдите въ костель и тамъ спрячьтесь, какъ бы съ цѣлью побѣга. Часовые найдутъ вѣсть, послѣ чего вы будете отправлены на городскую гауптвахту въ Вѣну.

— Нѣть!—вразбрѣлъ я.—Отъ этой комедіи я отказываюсь. Ужь пусть лучше меня, яко бы, отправлять за „тихое“ поведеніе въ другой, лучшій по условіямъ жизни лагерь около Вѣны.

Комендантъ согласился. О предстоявшемъ перемѣщеніи я разсказалъ всѣмъ товарищамъ, чemu никто собственно не удивился, такъ какъ случаи подобныхъ перемѣщеній бывали нерѣдко.

Насталъ день отѣзда. Въ 5 час. утра меня разбудилъ капраль. Быстро вскочилъ, смотрю въ окно: снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на землю. Спустился въ ресторанъ. Комендантъ уже тамъ, меня поджидаетъ. Наскоро выпили кофе, встали, а въ это время неожиданно подходитъ ко мнѣ дочь хозяеки ресторана, Рези, и подаетъ большую коробку конфектъ, съ трогательной надписью: „Vom Herzen Liebe!“... Рези была ко мнѣ неравнодушна и провожая плакала.

Еще всѣ спали, когда я съ комендантомъ отѣзжалъ на вокзалъ. 4 часа, проведенные въ вагонѣ, пролетѣли какъ-то незамѣтно. Я смотрѣлъ разсѣянно въ окно, весь охваченный своими переживаніями. Предстоящая встрѣча съ турецкимъ посланникомъ меня порядочно-таки волновала.

Пріѣхали въ Вѣну. Съ вокзала тотчасъ же направились къ посланнику. Казалось, никого я по пути не видѣлъ, не слышалъ ни шума трамваевъ, ни гудковъ автомобилей. Тогда я былъ во власти особыхъ думъ, только онѣ мною владѣли. Вѣдь отъ этого визита зависѣлъ весь дальнѣйшій успѣхъ плана.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я перешагнулъ черезъ порогъ роскошнаго кабинета. Здѣсь былъ секретарь и другие

члены турецкой миссии. Тотчасъ же вошелъ и самъ посланникъ. Худенький, небольшого роста, съ типичнымъ лицомъ турка, онъ былъ одѣтъ въ темный штатскій костюмъ съ красной феской на головѣ.

— Салама-лейкумъ!—промолвилъ я, отвѣшивъ поклонъ.

— Ой, Алекумъ-исаламъ!—отвѣтилъ посланникъ, одобрительно взглянувъ на меня.

Сѣли. Начались разспросы, все время по-турецки. Мнѣ вскорѣ же удалось овладѣть ихъ вниманіемъ, и я началъ передавать о себѣ все, что заранѣе было мною выдумано.

— Я осетинъ изъ Моздока. Родителей въ живыхъ неѣть, изъ родственниковъ же у меня остался лишь дядя, закончившій образованіе въ Константинополѣ въ медресѣ (высшее учебное заведеніе). Самъ я учился въ русскомъ реальному училищѣ, гдѣ преподаваніе арабскаго языка и моленіе преслѣдовалось правителѣствомъ. И немудрено поэтому, что главныя основы магометанскаго богослуженія во мнѣ заглохли и я теперь не знаю Корана...

Послѣднее умышленно было мною добавлено изъ боязни услышать вопросъ посланника изъ Корана.

— Тѣмъ не менѣе,—продолжалъ я,—въ душѣ я все же ревностный магометанинъ. И такихъ магометанъ, не умѣющихъ дѣлать намазъ (моленіе), на Кавказѣ много.

— Да, да!—воскликнулъ посланникъ.—Вы правы. Русские издавна насъ не любятъ. Они гяуры!..

Съ дѣланно грустнымъ видомъ я вслушивался затѣмъ въ дальняѣшую рѣчу посланника, горячо трактовавшаго о крайне печальному положеніи мусульманъ на Кавказѣ.

— Ничего, не горюйте!—закончилъ онъ.—Теперь скоро будете вы нашимъ офицеромъ. Я напишу о васъ въ Стамбуль военному министру, и, по полученіи отвѣта, вы поѣдете туда.

Затѣмъ онъ обратилъся къ сидѣвшему рядомъ со мной коменданту.

— Лейтенантъ Али-бей пусть погоститъ у васъ до тѣхъ поръ, пока я не получу указанія изъ Стамбула...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ майоръ и привѣтливо улыбнулся. Улыбнулись и всѣ остальные, а я скромно сидѣлъ, едва сдерживая вдругъ нахлынувшую радость....

Вскорѣ вошли лакеи и подали кофѣ. Затѣмъ посланникъ пригласилъ насъ къ обѣду. Мы вошли въ огромный свѣтлый залъ съ позолоченными лѣпными украшеніями, съ большими портретами султана, выдающихся турецкихъ

дѣятелей и прежнихъ вѣнскихъ посланниковъ. Посреди стоялъ великолѣпно сервированный столъ. Сюда же вошли два маленькихъ турченка. Это дѣти посланника. Познакомились.

— Вотъ этотъ дядя скоро поѣдетъ на войну бить гауровъ! — шутливо сказалъ дѣтямъ посланникъ, указывая на меня.

Обѣдь былъ вкусный. Было очень оживленно.

— Алла, Алла, бисмиллахи Рохманрахимъ!¹⁾ — воскликнулъ посланникъ, высоко поднявъ бокаль, послѣ чего вскорѣ все встали изъ-за стола и, поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина, попрощались.

Поданный автомобиль быстро доставилъ меня и коменданта въ австрійское военное министерство. Тамъ мы пробыли недолго и тотчасъ же поѣхали въ сопровожденіи штабнаго лейтенанта въ одну изъ первоклассныхъ гостиницъ въ самомъ центрѣ Вѣны, недалеко отъ Ринкштрассе. Въ гостиницѣ мнѣ отвели роскошную комнату, а въ денщики назначили австрійскаго солдата.

Съ этого времени я предоставленъ былъ самому себѣ, и для меня началась сказочная, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ, жизнь.

Здѣсь часто меня посѣщали австрійскіе офицеры. Чувствуя во мнѣ доброго товарища, какимъ я умѣло прикидывался, они всячески старались познакомиться возможно ближе.

Я самъ порою не вѣрилъ тому, какъ удачно я могъ вести эту тонкую игру лжи и обмана, какъ легко мнѣ удавалось разгонять набѣгающія иногда тѣни подозрѣній.. И чѣмъ тѣснѣ становилась дружба съ этими офицерами, тѣмъ свободнѣе и легче мнѣ было справляться со своей ролью.

Какъ-то, помню, прїѣхалъ ко мнѣ коменданть и вручилъ пакетъ отъ военнаго министерства съ 600 кронами,—это на мелкіе расходы. На экипировку же были особо отпущены деньги.

¹⁾ Да!, Боже, дай, Боже—во имя Создателя вселенной.

Форма русского офицера меня страшно смущала: слишкомъ неудобно было выходить на улицу, особенно днемъ. И вотъ вмѣстѣ съ комендантомъ я поѣхалъ въ универсальный магазинъ, гдѣ и купилъ себѣ лучшій штатскій костюмъ, нѣсколько паръ ботинокъ и другія вещи, до серебряной палочки включительно.

На другой день я уже былъ вѣнскимъ франтомъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ. Ко мнѣ прїѣхали на автомобиль знакомые австрійские лейтенанты, гусары фонъ-Р. и фонъ-Ф. со своими симпатіями, и мы отправились кутить. Послѣ этого часто мы бывали другъ у друга, посѣщали вмѣстѣ театры, кинематографы и рестораны.

Однажды эти новые друзья пригласили менѣ къ себѣ на семейный балъ. Среди приглашенныхъ было много офицеровъ и дамъ. Много танцевали, играли въ летучую почту, фанты и пр. Наконецъ сѣли ужинать. Смѣхъ, разговоры, звонъ бокаловъ, все слилось въ какой-то своеобразный шумъ. Царило полное оживленіе. Въ это самое время вошелъ денщикъ и передалъ лейтенанту фонъ-Р. газету.

— Господа! вдругъ громко воскликнулъ лейтенантъ.— Ужасные слухи оправдались!. Перемышль паль!..

Наступила мертвая тишина. У всѣхъ, даже у дамъ, лица сдѣлались серьезными, когда читалось это первое официальное сообщеніе австрійского генерального штаба.

Настроеніе пало. Вечеръ былъ окончательно отравленъ печальнымъ сообщеніемъ, и гости вскорѣ же начали разѣзжаться.

На слѣдующій день я нарочно вышелъ на улицу, желая понаблюдать, какъ отразится на всѣхъ вѣсть о паденіи крѣпости. Правда, слухи обѣ этомъ уже ходили по городу и ранѣе, но все же многіе сомнѣвались и не вѣрили, тѣмъ болѣе, что до самаго послѣдняго момента генеральный штабъ старался всячески поддержать въ народѣ вѣру въ силу Перемышля, въ то время, какъ въ дѣйствительности въ этой крѣпости уже давно царилъ голодъ, эпидемія и полное разложеніе военной дисциплины.

Почти всюду тогда на улицахъ Вѣны собирались толпы народа, раздавались отдѣльные голоса возмущенія, росло негодованіе на правительство, ведущее страну къ вѣрной гибели. Батальоны пѣхоты, подъ командой офицеровъ, шли

понуря голову, безъ музыки и пѣсень. Шли лѣниво, какъ будто отпала охота къ занятіямъ.

И долго еще потомъ наблюдалось впечатлѣніе общей растерянности, угнетеннаго настроенія и полнаго упадка.

Однако этой шумной и беспечной для меня жизни вскорѣ наступилъ конецъ. Меня вызвали къ турецкому посланнику.

— О, Алибековъ! — сказали восторженно посланникъ — вы приняты въ нашу армію!.. Въ Стамбуль всѣ въ восторгѣ отъ такого небывалаго перехода офицера русской службы...

И въ доказательство искренняго расположенія онъ тутъ же вручилъ мнѣ союзническій серебряный знакъ и, подаривъ феску, лично надѣлъ ее мнѣ на голову.

Наканунѣ моего отѣзда въ Стамбуль у посланника былъ устроенъ прощальный балъ, гдѣ и познакомился я съ турецкимъ капитаномъ генерального штаба, назначеннымъ сопровождать меня въ Турцію. Веселились до 5 час. утра, а въ 10 час. утра уже были всѣ на вокзалѣ. Провожать меня прїѣхали нѣсколько знакомыхъ австрійскихъ офицеровъ и дамъ. Они просили не забывать о нихъ, писать имъ съ пути и по прїѣздѣ въ Стамбуль.

Ровно въ 11 час. утра поѣздъ тронулся. Я долго еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ навсегда уже скрылись изъ виду знакомыя лица. Передъ глазами поползли рѣденѣкіе лѣса, поля и отдѣльныя селенія...

Черезъ 6 час. мы приближались къ Будапешту. Подъѣзжая къ станціи, я замѣтилъ на перонѣ отдѣльную группу людей, — кто въ котелкахъ, кто въ фескахъ.

Это, какъ оказалось, была будапештская турецкая миссія съ посланникомъ во главѣ. Они прїѣхали встрѣтить меня, какъ почетнаго гостя, получивъ предварительную телеграмму отъ вѣнскаго посланника. Сопровождавшій меня капитанъ познакомилъ со всѣми, послѣ чего посланникъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать.

Не устраивала меня эта новая встрѣча. Все казалось, что и здѣсь еще продолжаютъ меня испытывать и провѣрять.

— Какой же вы тогда магометанинъ, разъ памазъ

дѣлать забыли!.. — шутливо бросилъ посланникъ въ разговоръ за ужиномъ... Всѣ засмѣялись...

И на сей разъ испытаніе блестящее было выдержано.

Въ Будапештѣ я пробылъ 3 дня и притомъ почти исключительно въ обществѣ турокъ. Съ ними посѣщалъ театры, кинематографы, тонко ведя все время свою игру.

На четвертый день былъ назначенъ нашъ отъездъ. На вокзалѣ мнѣ неожиданно привелось встрѣтиться съ фонъ-деръ-Гольцъ-пашой. Онъ направлялся въ Константинополь со своимъ адъютантомъ, турецкимъ офицеромъ, и оберстомъ, германскимъ штабъ-офицеромъ. Меня представили, сообщивъ подробно о моемъ намѣреніи участвовать въ священной войнѣ.

— Это хорошо,—сказалъ онъ.—Нужно бы всѣмъ чинамъ русской службы магометанскаго вѣроисповѣданія перейти на сторону турокъ...

Къ поѣзду былъ прицѣпленъ императорскій-султанскій вагонъ, въ которомъ и помѣстился фонъ-деръ-Гольцъ-паша со своими спутниками.

Черезъ нѣсколько времени, въ пути, я былъ удостоенъ милостиваго вниманія фонъ-деръ-Гольцъ-пashi, который пригласилъ меня въ свое купѣ побесѣдовать. Разговоръ нашъ носилъ совершенно частный характеръ.

Отвѣчая на его вопросы, я рассказалъ, гдѣ получиль общее и военное образованіе. Затѣмъ, желая польстить его самолюбію, умышленно добавилъ, будто бы юнкера Виленскаго военнаго училища, которое окончилъ и я, очень интересовалась его личностью, изучая его талантливую книгу „Нѣмецкій солдатъ въ бою“.

— Пріятно слышать,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Теперь мы часто будемъ съ вами встрѣчаться...

Затѣмъ пригласилъ меня къ обѣду въ вагонъ-ресторанъ, и здѣсь надолго еще затянулась наша бесѣда.

Наконецъ поѣздъ сталъ приближаться къ Румыніи—къ странѣ моихъ мечтаній, гдѣ должно было свершиться великое въ моей жизни.

Къ моему счастью нашъ путь проходилъ черезъ Бухарестъ.

— Вѣдь тамъ нашъ посланникъ!—радовался я.—Это обстоятельство можетъ въ значительной степени облегчить осуществленіе моего побѣга въ Россію.

Мозгъ усиленно работалъ, изобрѣтая всевозможные способы обмана бдительности моихъ спутниковъ и особенно турецкаго капитана. За время пути мнѣ все же удалось пріучить ихъ къ времененному моему отсутствію изъ вагона, для чего я часто уходилъ одинъ то на площадку, то въсосѣдній вагонъ, или въ вагонъ-ресторанъ, стараясь всегда самъ каждый разъ возвращаться въ свое купѣ, не ожидая ихъ вызова. На остановкахъ нарочно гулялъ по платформѣ до самаго послѣдняго момента, послѣ чего на ходу вскачивалъ въ ближайшій вагонъ и затѣмъ, не спѣша, приходилъ уже въ свой. Такимъ образомъ мое временное отсутствіе послѣ отхода поѣзда уже не должно было вызывать никакихъ подозрѣній.

Стоило большихъ усилий, чтобы скрыть нароставшее волненіе при нашемъ приближеніи къ Бухаресту. Вотъ, наконецъ, и вокзалъ, такъ памятный теперь для меня. На платформѣ большое оживленіе,—масса публики. Мои спутники подошли къ окну и беззаботно стали разсматривать снующую взадъ и впередъ толпу.

Я воспользовался этимъ моментомъ и, захвативъ маленький чемоданъ, незамѣтно вышелъ на площадку вагона.

Сердце было тревогу. Это былъ рѣшительный и послѣдній моментъ...

И вотъ, какъ только тронулся поѣздъ, я быстро перешелъ въ противоположный движенію конецъ черезъ нѣсколько вагоновъ и, соскочивъ на тихомъ еще ходу, слился съ толпой, хлынувшей къ выходу...

Сѣль на извозчика и побѣжалъ къ русскому посланнику. Здѣсь ко мнѣ отнеслись сперва съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что въ удостовѣреніи личности, кроме турецкаго паспорта, гдѣ я звачился подъ фамиліей Али-Бей, у меня ничего больше на рукахъ не имѣлось. Однако, рассказанная мною исторія побѣга заставила измѣнить обо мнѣ мнѣніе, послѣ чего и было мнѣ выдано надлежащее проходное свидѣтельство.

Не могу передать словами охватившаго меня радостнаго чувства, когда попалъ въ поѣздъ, отправляющійся въ Россію! До этого момента я все же тревожился еще за свою участъ, видя буквально въ каждомъ человѣкѣ шпиона. Теперь же сразу отпала волна крови отъ сердца. Мысль о страхѣ

стала почему-то смѣшной, ее смѣнила дѣтская безудержная радость.

— Но что только было, когда я снова попалъ въ родной полкъ! Эту восторженную и теплую встрѣчу боевыхъ товарищевъ я до конца дней не забуду.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ утверждаетъ: до несомнѣнной и мельчайшей точности отмѣчаю, что за времея войны германцы похоронили у себя внутри страны ровнымъ счетомъ четвертую часть нашихъ плѣнныхъ тамъ. Другими словами, германскій плѣнъ отправляетъ на кладбище каждого четвертаго несчастнаго, попавшаго туда.

Объявлена такса на яйца передъ Пасхой. Лишь только таксу объявили, какъ торговцы убрали всѣ яйца. Петроградскому обывателю пришлось купить нѣсколько яицъ и совершенно случайно ему прислали нѣсколько десятковъ яицъ. Если бы не было этой присылки, то пришлось бы сидѣть безъ краснаго яичка на Свѣтлый День.

Въ большихъ магазинахъ на Невскомъ за поросенка просятъ отъ 20—25 рублей, и яблоки отъ 8—20 рублей за штуку.

Вотъ каковы благочестивые, россійские торговцы.

9 апрѣля. Высадка русскихъ войскъ въ Марсели произвела большое впечатлѣніе на общественное мнѣніе всей Европы. Нейтральная печать сообщаетъ, что во Францію посланы отборные полки, составленные изъ закаленныхъ въ бояхъ офицеровъ и солдатъ.

Г. Арс. Вознесенскій въ „Новомъ Времени“²⁾ сообщаетъ по поводу рѣчи барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ о родѣ бароновъ Шиллинговъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 8 апрѣля с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 9 апрѣля

I.

Рѣчь барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ обратила заслуженное вниманіе. Шутка ли, въ теченіе болѣе часа, съ совершенно несвойственнымъ тяжелой германской крови энтузіазомъ говорить о своемъ русскомъ патріотизмѣ, клясься въ лояльности Государю, кивать на „суворинскую“ печать и перечислять всѣхъ своихъ хотя бы и отдаленныхъ родственниковъ, которые такъ или иначе сражаются противъ Германіи!

Но баронъ не закончилъ списка своей именитой и знатной родни. Онъ позабылъ о тѣхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ Шиллингахъ, которые дерутся противъ Россіи въ рядахъ нашихъ враговъ, пруссаковъ. И вотъ о нихъ мнѣ случайно напомнилъ все тотъ же „Готскій Альманахъ“.

II.

Въ небольшомъ томикѣ альманаха столбового германского дворянства подъ заглавіемъ „Готская карманная книжка баронскихъ родовъ“, изд. 1916 г. (Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen HÄUSER“) на стр. 727 и послѣдующихъ читаемъ:

Бароны Шиллинги.

- 1) Баронъ (Freiherr) Эрнестъ - Вильгельмъ - Августъ-Францъ-Викторъ—prusскій поручикъ въ отставкѣ.
- 2) Баронъ Вильгельмъ-Августъ-Александръ—капитанъ, ротный командиръ въ 1-мъ прусскомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку.
- 3) Баронъ Людвигъ - Карлъ — прусскій поручикъ въ отставкѣ.
- 4) Баронъ Фридрихъ—prusскій майоръ, командиръ эскадрона въ 7-мъ гусарскомъ прусскомъ полку.
- 5) Баронъ Леопольдъ-Адольфъ—короля вюртембергскаго полка ротмистръ въ отставкѣ.
- 6) Баронъ Евгейй—prusскій майоръ л.-гв. гусарскаго полка въ Потсдамѣ.
- 7) Баронъ Александръ-Августъ—prusскій ротмистръ, эскадронный командиръ 7-го гусарскаго полка.

- 8) Баронъ Феодоръ-Фердинандъ-Эдуардъ-Викторъ—короля баварского полка, капитанъ въ отставкѣ.
- 9) Баронъ Вальтеръ—старшій поручикъ (оберъ-лейтенантъ) и адъютантъ 1-го полевого артиллериjsкаго прусского полка.
- 10) Баронъ Германъ—прусскій капитанъ въ отставкѣ.
- 11) Баронъ Губертъ—прусскій майоръ въ отставкѣ.
- 12) Баронъ Вильгельмъ—прусскій оберъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

У б и т ы:

- 13) Баронъ Карль Шиллингъ, майоръ, батальонный командиръ прусского 116 пѣхотнаго полка—† 2 ноября 1914 г.
- 14) Баронъ Рудольфъ Шиллингъ—прусскій оберъ-лейтенантъ лейбъ-grenадерскаго полка № 109—† 20 августа 1914 года.
- 15) Баронъ Германъ Шиллингъ—прусскій поручикъ лейбъ-grenадерскаго полка № 109—† 11 мая 1915 года.

Съ 1-го по 10-е апрѣля боевые дѣйствія протекали такимъ образомъ: на западномъ фронѣ—продолжались столкновенія развѣдывательныхъ партій, ружейная и артиллерійская перестрѣлка, полеты аэроплановъ и минная борьба. Нѣкоторыя особенности на участкахъ этого фронта происходили у предмостнаго укрѣпленія Икскуля на Рижскомъ фронѣ. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нѣмцы тщетно долбятъ это вынесенное на лѣвый берегъ укрѣпленіе своей тяжелой артиллерией и производятъ неизмѣнно неудачныя атаки.

Къ югу отъ Двинскаго фронта у д.д. Свинцянъ и Сморгони атаки нѣмцевъ были отбиты, а въ районѣ Горбуновки мы захватили 4 ряда проволочныхъ загражденій.

На Волынскомъ фронѣ происходили бои у Олыка, а на Галиційскомъ у дер. Попова Гора наступленіе сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ.

На Кавказскомъ фронѣ. Генералъ Юденичъ и его кавказскіе орлы вершатъ чудеса храбрости и искусства. У Битлиса разбита нами вновь прибывшая дивизія. У Ашкомы, къ западу отъ Эрзерума, мы овладѣли укрѣпленной позиціей, которую обороняли прибывшія съ Галипольскаго полуострова турецкія войска; мы овладѣли сильно укрѣпленной позиціей на лѣвомъ берегу Кара-Дере, при энергичномъ

содѣйствіи полевой артиллериі и черноморского флота. Наконецъ войсками генерала Ляхова взять Трапезонть.

Относительно позорного потопленія госпитального судна „Португалія“ турецкое правительство привело мальчишескія и не менѣе позорныя оправданія, которые мы здѣсь приводимъ съ разъясненіемъ нашего морского генерального штаба.

Турецкое правительство нашло наконецъ возможнымъ отозваться по поводу потопленія госпитального судна „Португалія“, приведя въ своеи сообщеніи нижеслѣдующія указанія: 1) Судно было замѣчено подводной лодкою еще ночью, когда оно шло къ берегу, неся топовый огонь. 2) Съ разсвѣтомъ было установлено, что русское судно имѣло на буксирѣ нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ солдатами. 3) Командиръ подводной лодки передъ взрывомъ убѣдился, что имѣеть передъ собою выкрашенный въ сѣрий цвѣтъ съ красной полосой военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ припасовъ. 4) на суднѣ не имѣлось никакихъ опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“. 5) Атакуя „Португалію“, лодкѣ удалось попасть въ нее второй миною, взорвавшейся подъ мостикомъ и вызвавшей взрывъ большого количества взрывчатыхъ веществъ, несомнѣнно находившихся на суднѣ. 6) Если при этомъ дѣйствительно погибли люди, принадлежащіе къ личному составу „Краснаго Креста“, то турецкое правительство изъявляетъ глубокое сожалѣніе, указывая однако, что вина въ этомъ падаетъ на русскихъ, допустившихъ присутствіе личнаго состава „Краснаго Креста“ на суднѣ, которое служило военнымъ цѣлямъ и имѣло назначеніе нанести вредъ турецкому правительству.

По этому поводу морской генеральный штабъ напоминаетъ, что атака „Португаліи“ была произведена въ ясное свѣтлое утро и на разстояніи всего лишь 25 саж., послѣ того какъ лодка обошла судно кругомъ подъ кормою съ одного борта на другой вилотную. При такомъ условіи командиръ подводной лодки не могъ ошибиться, не могъ не увидѣть опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“ съ бѣлою окраскою судна, не могъ принять боты, предназначенные для перевозки раненыхъ, за шлюпки, наполненные солдатами, не могъ предположить, что имѣеть передъ собою военный транспортъ, занятый выгрузкой боевыхъ запасовъ,

и не могъ принять эффеќтъ взрыва своей мины за детонацію какихъ-то взрывчатыхъ веществъ, якобы находившихся на „Португалії“.

Кромѣ того, само же турецкое сообщеніе указываетъ, что лодка еще ночью увидѣла топовый огонь госпиталь-наго судна, идущаго совершенно открыто и безъ какой бы то ни было защиты. Между тѣмъ всѣмъ военнымъ морякамъ извѣстно, что во время войны войсковые транспорты, идя въ сферѣ вѣроятнаго воздействиа непріятеля, огней ночью не несутъ и идутъ въ сопровождениі необходимой защиты, отнюдь не останавливаясь открыто въ непріятельскихъ водахъ.

Такимъ образомъ, редакція непріятельского сообщенія, разсчитанная, повидимому, на то, чтобы внушить обществу предположеніе объ ошибкѣ командира подводной лодки, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни въ чемъ не мѣняетъ нашего мнѣнія о безнравственныхъ методахъ, примѣняемыхъ непріятелемъ во время настоящей войны, и не уменьшаетъ отвѣтственности турецкаго правительства за противозаконное потопленіе признанного имъ госпиталь-наго судна „Португалія“.

В. П.

Къ портрету рядового Бирахманъ Турабаева

(Нѣмецкія звѣрства).

Въ прошлой книгѣ „Русской Старины“ въ „Замѣткахъ петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны“ (стр. 143) было указано, какое значеніе для надлежащаго освѣщенія германскихъ звѣрствъ настоящей войны имѣть слѣдственная комиссія сенатора Кривцова.

Предлагаемъ вниманію читателей (протоколъ этой комиссіи № 6) фотографію рядового стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаева, раненаго германской разрывной пулей 30-го мая 1915 года въ районѣ С., при чемъ при медицинскомъ освидѣтельствованіи у Турабаева, раненаго въ лѣвую щеку, выходное отверстіе пулевого канала представляло „громадную рваную размежеванную рану, занимающую всю правую щеку“. Языкъ Турабаева, обѣ щеки и скелетовая кость правой половины были размежеваны, на нѣбѣ, оторванномъ отъ своего основанія, имѣлось отверстіе, ведшее въ полость носа и въ основаніе мозга.

Надлежало бы этой фотографіей украсить столъ у постели кроваваго кайзера,

---

Въ виду предположеннаго Императорскою Академіею Наукъ изданія собранія трудовъ М. М. Сперанскаго, Академія просить лицъ, имѣющихъ какія-либо письма, писанныя имъ или къ нему адресованныя, а также бумаги, касающіяся его дѣятельности, или же располагающихъ какими-либо свѣдѣніями о таковыхъ, сообщить Академіи точныя указанія о мѣстѣ ихъ храненія и предоставить ей возможность снять надлежащія съ нихъ копіи.

Всѣ сообщенія просятъ адресовать: Императорская Академія наукъ. Канцелярія Конференціи. Петроградъ.

Примѣчаніе. Письма и посылки до одного пуда, адресованныя въ Императорскую Академію Наукъ, не подлежать оплатѣ марками.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНИЙ
„ДЕКА“
 бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К°.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскій Островъ,
 Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 128-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣль электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрические насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительные устройства.

II. Отдѣль судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радіотелеграфный отдѣль.

Полное оборудование радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнныхъ и кавалерийскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 периодовъ въ секунду).

IV. Отдѣль прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К°, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣль тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинѣ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣль магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авиационныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣль измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣль.

Предметы оборудования воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конные, паровые и моторные лебедки для привязныхъ шаровъ и вѣсъ принадлежности для военного воздухоплавательного дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

Кн. С. М. Волконского въ память Врангеля прекрасно и отчетливо выяснена высоко выдающаяся личность почившаго и тѣ несомнѣнныя заслуги, которыя онъ оказалъ исторіи родного искусства. Въ концѣ книги приложены печатные труды барона Н. Н. Врангеля.

Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Петроградъ. 1915 г.

Книга эта, снабженная искусно составленнымъ предисловіемъ, содержитъ описание 139 интересныхъ сказокъ, записанныхъ разными лицами, съ обозначеніемъ областныхъ словъ и интереснейшими примѣчаніями къ сказкамъ.

С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской арміи. Петроградъ. 1915 г.

Авторъ излагаетъ интересную страницу въ русской исторіи первой четверти 18-го столѣтія, когда подъ вліяніемъ политическихъ брачныхъ интригъ литовскій гетманъ Янъ Казимиръ Сапѣга 10 марта 1726 года императрицей Екатериной I былъ назначенъ генералъ-фельдмаршаломъ русской арміи. Это произошло потому, что Меншиковъ, желая породниться со знатнымъ родомъ, сосваталъ свою лоچь, княжну Марию Александровну, съ сыномъ гетмана Сапѣги, Петромъ. Молодой Петръ Сапѣга понравился Екатеринѣ I, и она черезъ нѣкоторое время, въ свою очередь, тайно отъ Меншикова, просватала свою племянницу, графиню Софию Скавронскую, за красавца Петра Сапѣгу. Меншиковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и уговорилъ императрицу Екатерину I замѣнить прежняго жениха своей дочери цесаревичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (Петромъ II). Таковы причины появленія малоизвѣстнаго российскаго фельдмаршала.

Разсказъ составленъ интересно и въ немъ приведены фотографические портреты дѣйствующихъ лицъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕСЯТЬ руб. съ пересылкою. За границу ДВѢ НАДЦАТЬ руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочая мѣста за границу подпіска принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подпіска принимается, какъ для городскихъ, такъ и ивогородніхъ подпісчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Российской Имперіи.

Редакція отвѣтствуетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подпісавшимися въ редакції.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подпісчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присыпать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущаго. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ. т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. ивогородніе подпісчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписаній ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской истории преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и матеріали къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; признанные неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція маѣтъ счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакції „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей. 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подьяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Замѣтки Петроград- скаго обывателя во время русско-нѣмец- кой войны. П. В.	321—363	VII. Къ исторіи Ферапон- това Бѣлоозерскаго монастыря (1679 г.). Сообщ. И. Суви- ровъ	399—400
II. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бу- товскихъ) А. Д. Бу- товскаго	364—373	VIII. Къ исторіи рода Чай- ковскихъ. (Завѣща- ніе И. Чайковскаго 1688 г.). Сообщ. И. Су- вировъ	401—403
III. Копія съ собствен- норучной записки Императора Алек- сандра I. Сообщ. С. Н. Митусовъ	374	IX. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Начальницы инсти- тутовъ	404
IV. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ	375—382	X. Императорская фа- милія въ Крыму.	405—440
V. Форма для священ- никовъ. Сообщ. В. П. Федоровъ	383	XI. Записки В. Н. Вино- градскаго	441—474
VI. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго	384—398	XII. Къ рисунку: Русская подводная лодка	475
		XIII. Библіограф. листокъ на обложкѣ	

Приложение: Фотографія русской подводной лодки.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1916 года.

Бібліографіческій листокъ

Записки Е. Метаксы. Съ предисловіемъ и примѣ-
чаніями **В. Ильинскаго.** Пгр. 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

„Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы, заключающія въ себѣ повѣстованія о военныхъ подвигахъ Российской Эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Федора Федоровича Ушакова, Іонические острова, при содѣйствіи Порты Оттоманской, въ 1798 и 1799 годахъ“, не совсѣмъ незнакомы читателямъ „Русской Старинѣ“, помѣ-
стившей въ прошедшемъ году (февраль и мартъ) сообщен-
ное г. Ильинскимъ интересное изложеніе ихъ и нѣсколько
отрывковъ, Метакса—по всей вѣроятности тотъ самый, о кото-
ромъ (догадка М. О. Гершенона, „Грибоѣдовская Москва“).
вспоминаетъ Чацкій въ „Горе отъ ума“:

А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенький, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься, тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ..

„Прекрасно образованный, начитанный, вдумчивый
человѣкъ“, характеризуетъ его издатель; „искренно пре-
данный новому своему отечеству, высоко ставившій до-
стоинство Россіи, стремившійся оставить потомству и со-
служивцамъ полезное наиданіе и воодушевляющіе при-
мѣры... Вдумываясь вмѣстѣ съ авторомъ „Записокъ“ въ
положеніе Ушакова, въ картиенно-изображенную обстановку,
при какой русскимъ приходилось дѣйствовать, вполнѣ при-
соединившись къ его мнѣнію, что экспедиція Черномор-
ского флота въ Средиземное море въ 1798—1800 г.г. „по-
двигъ важный и многотрудный“, что его славные резуль-
ты получились прежде всего благодаря практическимъ
талантамъ знаменитаго Черноморскаго флотоводца“. Увле-
кателльно интересная книга эта тѣмъ цѣннѣе, что предста-
вляетъ собою до сихъ порть неиспользованный материалъ
для исторіи нашей войны съ Франціей въ Средиземномъ
морѣ и для біографії адмирала Ушакова.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сбор-
никъ, посвященный памяти **Г. К. Градовскаго.** Издание
Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пт. 1916. Цѣна
2 руб.

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редакція журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.

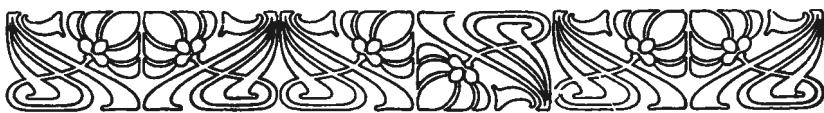
Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.

Книгопродацамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

Русская подводная лодка вернувшаяся въ обледенѣломъ видѣ
послѣ зимнаго плаванія.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-немецкой войны¹⁾.

Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ во время объѣзда войскъ на фронтѣ подвергается личной опасности. Это выражено особенно рельефно въ „Русскомъ Инвалидѣ“²⁾.

„30 марта утромъ Государь Императоръ отбылъ въ автомобиль для посѣщенія войскъ одной изъ пѣхотныхъ дивизій. По окончаніи смотра, Государь Императоръ въ тѣхъ же милостивыхъ выраженіяхъ благодарили войска за молодецкую службу, желая имъ полнаго успѣха. Генералъ-адютантъ Брусиловъ передъ фронтомъ войскъ провозгласилъ „ура“ Государю Императору. Хоры музыки заиграли гимнъ, и мощное „ура“ далеко раскатилось по полю. Государь Императоръ, отдавая честь войскамъ, медленно прослѣдовалъ къ автомобилю.

Во время объѣзда Государемъ Императоромъ войскъ, съ непріятельской стороны показались два аэроплана, направлявшіеся къ мѣсту смотра. Немедленно наша артиллерія открыла по нимъ огонь и заставила ихъ повернуть обратно; погода была солнечная, и въ воздухѣ ясно были видны разрывы шрапнелей“.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, августъ 1916 г.

²⁾ „Рус. Инв.“ № 39 № 90 с. г.

„На лѣвомъ флангѣ у Хотина, около 11 часовъ утра 30-го марта, непріятельскій аэропланъ, прилетѣвшій со стороны Бояна, былъ встрѣченъ нашими аэропланами и вынужденъ вернуться обратно.

Въ это же время другому непріятельскому аэроплану удалось долетѣть до Жванца, на Днѣстрѣ, противъ Хотина и сбросить здѣсь 5 бомбъ. Осколками одной изъ нихъ былъ раненъ стоявшій на посту рядовой Анатолій Поставневъ. Освѣдомившись о семъ, Государь Императоръ, объѣзжавшій въ это время войска въ 6 верстахъ съвериѣ Жванца, повелѣлъ наградить раненаго Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени“.

10—15 апрѣля. 24 октября 1914 года на позиції у Бакаларжева 3-я горная батарея 2 финляндской стрѣлковой артиллерійской бригады, съ большимъ отличиемъ со-стязаясь съ большихъ дистанцій съ превосходной артил-леріей противника, понесла значительныя потери. Отходя назадъ, нижніе чины примѣтили на одной изъ полянокъ небольшой плоскій мѣшечекъ. Батарея пріостановилась. Шодняли мѣшечекъ и осмотрѣли, что тамъ находится. Ока-залась икона Святителя Николая Чудотворца. Всѣ чины батареи сочли это за знаменіе свыше и положили считать Св. Угодника Николая покровителемъ батареи. Въ дѣйстви-тельности оказалось, что съ этихъ поръ, по день разсказа (10 апрѣля 1916 г.), несмотря на то, что батарея прини-мала участіе въ самыхъ жестокихъ бояхъ, въ ней не было ни одного убитаго и раненаго въ бою. Чины батареи были такъ увѣрены въ заступничествѣ Святого Угодника, что зачастую пренебрегали самыми необходимыми мѣрами пре-досторожности. Когда же, по распоряженію свыше, нижніе чины переводились въ другія части, то убѣгали изъ нихъ въ свою родную батарею, подъ покровъ св. угодника Николая.

15 апрѣля. Нашъ военный агентъ въ Италии предста-вилъ въ Главное Управлениe Генеральнаго Штаба свѣдѣнія

о возмутительномъ обращеніи австрійцевъ съ нашими военно-плѣнными¹⁾.

Дисциплина все время была желѣзная, чисто австрійская. Малѣйшія нарушенія установленного порядка или просто ошибки, часто являвшіяся послѣдствіемъ непониманія требованія конвойныхъ, вслѣдствіе незнанія языка, жестоко карались карцеромъ, сковываніемъ вмѣстѣ руки съ ногой, подвѣшиваніемъ къ столбу, лишеніемъ пищи и побоями. Во второй половинѣ мая 1:000 нашихъ нижнихъ чиновъ были переведены къ перевалу Бретсеръ въ Тиролѣ, гдѣ ихъ намѣревались использовать для укрѣпленія позиціи, избранной для обороны на случай наступленія итальянцевъ.

Вечеромъ первого же дня плѣнные черезъunter-офицеровъ обратились къ австрійскому офицеру—начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно принятой ими присягѣ. Представители партіи присовокупили, что послѣдняя безпрекословно становится на любую иную работу, какъ бы она ни была тяжела, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Италии, союзницы Россіи.

Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено, что партія будетъ разстрѣляна, если не подчинится предъявленному ей требованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы. Ходатайство это было уважено, и 28 мая 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ начальствомъ капитана Пильца, прибыли въ Бреннисбромъ.

Въ теченіе предшествовавшихъ этому числу трехъ дней наши нижніе чины единодушно отказывались приступить къ работамъ. Въ наказаніе австрійцы подвергли ихъ голодовкѣ, вслѣдствіе чего къ моменту прибытія учениковъ сила физическаго и морального сопротивленія ихъ была уже нѣсколько надломлена.

Австрійскій офицеръ, окруживъ ихъ учениками и приказавъ послѣднимъ зарядить винтовки, спросилъ плѣнныхъ, будутъ ли они работать. Послѣдовалъ дружный отказъ, а за нимъ—команда офицера, по которой ученики приложились. Плѣнные одно мгновеніе, казалось, хотѣли бро-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 апр.

ситься на своихъ мучителей, но тотчасъ же успокоились и начали готовиться къ смерти, творя молитву, крестясь и кладя земные поклоны.

Въ этотъ моментъ начальникъ партіи, поручикъ пѣхоты Урбинъ изъ Вѣны, докторъ правъ, вновь обратился къ партіи съ вопросомъ, предпочитають ли они смерть повиновенію. 600 человѣкъ отвѣтили согласиемъ работать, но остальные 400 гордо заявили, что умрутъ, но не измѣнятъ присягѣ. Первыхъ немедленно увели на работу, вторыхъ же заключили въ помѣщеніе, настолько тѣсное, что ни сѣсть, а тѣмъ болѣе растянуться, эти несчастные, голодавшіе уже четверо сутокъ, въ немъ не могли. Для отправленія естественныхъ надобностей ихъ выводили подъ конвоемъ не болѣе одного за разъ, и послѣдствія этой мѣры въ выясненіи не нуждаются.

При такихъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицеры, передъ тѣмъ руководившіе людьми, отказались далѣе вліять на нихъ, предоставляя имъ самостоятельно распорядиться своею жизнью, вслѣдствіе чего къ утру слѣдующаго дня число несоглашавшихся работать уменьшилось до 200 человѣкъ.

Чтобы подорвать нравственное сопротивленіе и этой кучки, австрійцы прежде всего отдѣлили отъ нея унтеръ-офицеровъ, которыхъ увели въ другое помѣщеніе, и здѣсь, въ теченіе двухъ сутокъ, поочередно подвѣшивали ихъ на два часа къ столбу. Несчастные, физически окончательно разбитые этой пыткой, падали на землю, плакали и просили смерти, но палачи ихъ—будущіе офицеры австро-венгерской арміи—хладнокровно продолжали свое дѣло. Многіе изъ нихъ смыялись при видѣ мученій плѣнныхъ. Наконецъ, вечеромъ второго дня унтеръ-офицеровъ куда-то увели.

Исчерпавъ всѣ средства понужденія въ отношеніи остальныхъ нижнихъ чиновъ, вѣрность долгу которыхъ оставалась непоколебимой, австрійцы утромъ 1 июня рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Изъ числа плѣнныхъ были избраны 6 человѣкъ, а первому былъ вновь поставленъ обычный вопросъ, на который онъ громкимъ и твердымъ голосомъ отвѣтилъ отрицательно. Когда были окончены приготовленія къ его разстрѣлѣнію, онъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и затѣмъ, вытянувъ руки по швамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ.

и въ сердце тѣ пули, которыми четверо добровольно вызвавшихся разстрѣлять его въ разстояніи всего лишь въ 20 сантиметровъ совершили свое гнусное дѣло. Изъ этихъ четырехъ будущихъ офицеровъ авторъ показанія назвалъ трехъ: Шпранца и Редлиха изъ Инсбрука и Феррари изъ Босена.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, столь же словно принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ, согласился работать и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Пятый послѣдовалъ примѣру первыхъ трехъ. Настала очередь шестого, который, стоя уже съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на вопросы австрійцевъ осыпалъ ихъ бранью. Знакъ саблею австрійскаго поручика, и онъ послѣдовалъ бы за товарищами, но въ этотъ моментъ присутствовавшіе плѣнныне не выдержали нравственной пытки и въ большинствѣ заявили о своемъ согласіи работать. Разстрѣляніе шестого нижняго чина было отмѣнено къ великому неудовольствію послѣдняго, кричавшаго, что онъ работать не будетъ, и требовавшаго смерти.

Послѣ этого плѣнныхъ увѣли на работу, за исключеніемъ девяти человѣкъ и среди нихъ вышеупомянутаго нижняго чина, категорически отказавшихся слѣдоватъ за другими и заявившихъ, что предпочитаютъ смерть. Ихъ не разстрѣляли, но заставили рыть могилу для убитыхъ товарищѣй; дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

Въ настоящее время въ Бреннербадѣ въ 100 шагахъ передъ лучшей въ мѣстечкѣ гостиницей стоитъ деревянный крестъ, на которомъ по-русски сдѣлана анилиновой краской слѣдующая надпись: „1 июня 1915 года здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой“.

Начинается повышеніе домовладѣльцами платы за квартиры. Главный поводъ повышенія это дрова. Обыкновенное явленіе, это фиктивное якобы не повышеніе платы—отнятіе дровъ. Цѣна прежняя: дрова отняты и на прислугу прибавлено. Справедливость соблюдена.

Германія постоянно тормозила въ прежнее время нашу желѣзную дорогу на Мурманъ всѣми силами, черезъ подставныхъ русскихъ подданныхъ препятствуетъ проведенію этой дороги и теперь въ проектѣ о Бѣломорской желѣзной дорогѣ. Она готовить здѣсь новые горы золота и бумаги.

Пламенно желаютъ строить Обь-Бѣломорскую и Обь-Мурманскую дорогу г.г. Вельтманъ, Цейблеръ, Верть, Богословское общество и коммѣрческій Азовско-Донской банкъ¹⁾

Съ 10 по 15 апрѣля на западномъ нашемъ фронтѣ происходили незначительныя боевые столкновенія нашихъ разведчиковъ, налеты воздушныхъ кораблей и минная война.

На Кавказскомъ фронтѣ отбиты атаки турокъ въ Ашкалинскомъ, Трапезондскомъ и Эрдзинжанскихъ направленияхъ.

Верховный Главнокомандующій провелъ дни Страстной Недѣли и встрѣтилъ Великій Христіанскій Праздникъ въ единеніи со всѣми чинами Своего штаба²⁾.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерального штаба, генералъ-отъ-инфanterіи Алексѣевъ назначается генераль-адютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности³⁾.

Слышалъ разсказъ одного поручика, три раза раненаго и страшно изувѣченаго. Онъ признанъ негоднымъ къ строевой службѣ и занимаетъ одну изъ должностей на военныхъ сообщеніяхъ.

1) „Русское Слово“ 15 апрѣля.

2) „Рус. Инв.“ № 97.

3) Тамъ же.

Онъ удивлялся отношенію предержащихъ къ прибалтийскимъ баронамъ. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ точно известно, что они совершили измѣны, а между тѣмъ никто изъ нихъ не повѣщенъ и не преданъ суду, а лишь только высланы изъ края. Даже тогда, когда бароновъ коснулось обвиненіе въ особой государственной измѣнѣ, то баронъ Гротгусъ и Фрейманъ подверглись только каторжной тюрьмѣ. Совершенно иначе обстояло дѣло, когда баронъ былъ захваченъ нашими войсками на службѣ у германцевъ. Такъ было въ Млавѣ въ 1914 году, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ германскій офицеръ, который былъ опознанъ солдатами полка за лично имъ известнаго уроженца Прибалтийского края. Этотъ баронъ и шпіонъ евреи были немедленно повѣшены на одной и той же висѣлицѣ.

Прибалтийские помѣщики частью высланы, частью сидѣть въ усадьбахъ, частью бѣжали въ Германію. Латыши масками идутъ въ добровольцы и зорко слѣдятъ за помѣщиками.

Бѣжавшіе изъ плѣна и пробывшіе нѣкоторое время въ занятыхъ германцами нашихъ земляхъ рассказываютъ о томъ обращеніи, которому подвергаютъ нѣмцы занятыхъ ими губерніи. Наложеніе огромныхъ контрибуцій на населеніе, захватъ всѣхъ жатвъ, захватъ материальнаго имущества страны, вырубка всѣхъ лѣсовъ, вывозъ въ Германію фабрикъ и заводовъ. Только въ видѣ исключенія, по мѣстнымъ условіямъ, приспособляются на мѣстѣ къ работе фабрики и заводы.

Поэтому и намъ, при подлежащемъ занятіи германскихъ областей, надо поставить неуклонной цѣлью послѣ ихъ занятія исполнять то же самое: жатву снимать, лѣса вырубать, желѣзнодорожный составъ и рельсы вывозить, фабрики и заводы эвакуировать въ Россію, а стѣны разрушать.

Военные заводы подвергать самому детальному уничтоженію.

16 апрѣля. Сотрудникъ „Нового Времени“ Тупинъ передаетъ поразительныя данныя относительно ликвидациі

50 крупныхъ нѣмецкихъ торгово-промышленныхъ предприятий въ Ригѣ. Ликвидациѣ поручена почти только нѣмцамъ. Даже составъ чиновниковъ въ Петроградѣ, которые вѣдали ликвидациѣ, состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ. Когда же Господь избавитъ отъ этой народной напасти. Не даромъ же г.г. кадеты для созданія и усиленія власти прогрессивнаго блока яростно утверждаютъ, что русскіе не имѣютъ законнаго права преслѣдоватъ въ Россіи нѣмецкую національность. Она-де одна изъ національностей Россіи, а не врагъ Россіи и травить-де ее русскіе не имѣютъ никакого права.

Вотъ какими типами представляются теперь плѣнныи нѣмцы ¹⁾.

Раньше, бывало, спросишь какого-нибудь плѣннаго нѣмца: откуда, какого полка?—Уставится въ землю и молчать. Слова не выжмешь. Теперь картина перемѣнилась: плѣнныи нѣмцы первые обращаются къ нашимъ солдатамъ съ разными вопросами. Но нѣмецъ—всегда и вездѣ нѣмецъ. Наглость не покидаетъ его даже и въ плѣну...

— У васъ въ плѣну хорошо, вы вѣдь будете кормить насъ такъ, какъ у насъ не кормятъ даже солдатъ,—откровенно заявилъ мнѣ одинъ изъ Фрицей.

— А какъ живутъ наши у васъ въ плѣну? — спросилъ я его.

— Вашимъ живется у насъ хуже... О, много хуже.

И какъ бы въ оправданіе, нѣмецъ тотчасъ же пояснилъ:

— Это потому, что у насъ мало хлѣба, а Россія можетъ прокормить своимъ хлѣбомъ три Германіи...

По крайней мѣрѣ—откровенно. Но, разсчитывая отъѣсться послѣ отечественной голодовки на русскомъ хлѣбѣ, нѣмцы простираютъ свою наглость еще дальше. При допросахъ плѣнныхъ, часто приходится слышать заявленія нѣмцевъ о ихъ желаніи отбывать плѣнъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, при чемъ приводятся такія причины:

— Тамъ у меня братъ, тоже плѣнныи...

— Тамъ содержится мой дядя...

А одинъ такъ прямо заявилъ:

— Въ этомъ городѣ я жилъ до войны, тамъ у меня много знакомыхъ...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 16 апрѣля.

Плѣнъ, какъ видно, мало удручаetъ Карлушей. Они скорѣй склонны смотрѣть на него какъ на отдыхъ послѣ понесенныхъ ими трудовъ на благо своего фатерланда.

Хорошій урокъ получила нѣмецкая наглость отъ одного нашего новобранца. На одной изъ станцій стоялъ поѣздъ съ нашими солдатами. На ту же станцію пришелъ поѣздъ съ плѣнными нѣмцами. Въ этомъ поѣздѣ одинъ вагонъ былъ съ нѣмеckими офицерами.

Поѣздъ съ плѣнными остановился противъ поѣзда, въ которомъ были наши солдаты.

Тѣ, конечно, тотчасъ же повысыпали изъ вагоновъ взглянуть на „нѣмца“.

Одинъ изъ солдатъ, недавно только призванный и еще не бывавший на войнѣ, особенно заинтересовался плѣнными. Подойдя къ вагону, въ которомъ были нѣмеckie офицеры, онъ принялъ разсматривать выглядывавшаго изъ окна нѣмеckаго лейтенанта. Разсматривалъ долго, сосредоточенно, почти изучая. Нѣмцу это, вѣроятно, не понравилось.

— Ты чего смотришь?—вдругъ грубо по-русски, спросилъ лейтенантъ.

Новобранецъ, услышавъ отъ нѣмца русскую рѣчъ, сначала какъ будто удивился. Потомъ спокойно сказалъ:

— А развѣ на тебя и смотрѣть-то нельзя?

— Мужикъ...—перекосившись, пробормоталъ нѣмецъ.—

▲ куда ты ёдешь?—снова спросилъ онъ.

— Далече, нѣмчура...

— Куда именно?

— Ишь любопытны!.. Въ Берлинъ...

Нужно было видѣть ту невозмутимость, съ которой были сказаны эти слова, и ту ярость, которая овладѣла лейтенантомъ, получившимъ такой отвѣтъ...

17 априля. Пріѣхалъ въ Петроградъ представитель Совѣта Министровъ Сербіи Никола Цашичъ. Заслуга его, великаго политического дѣятеля Сербіи и славянъ, громадна. Его выдающаяся политическая дѣятельность, какъ главы правительства началась съ новой сербской династіи. Король Миланъ оставилъ Сербію подъ ужасающимъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ Австріи. Пашичъ достигъ сначала экономической независимости Сербіи отъ Австріи, заключивъ торговые договоры съ другими странами въ Австріи и

Германії. Также точно были заключены займы и поставки вооруженія и боевыхъ запасовъ не въ Австріи и не въ Германії.

Особенно онъ былъ друженъ съ нашимъ посланникомъ въ Болгаріи Гартвигомъ, и съ нимъ вмѣстъ они ковали неслыханный доселъ союзъ балканскихъ народовъ и войну этого союза съ Турцией.

События политической недавняго прошлага у всѣхъ въ памяти.

Съ истиннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этого великаго славянскаго дѣятеля въ Петроградѣ.

Въ Англіи къ 12 февраля, а во Франціи къ 1 марта 1915 г. не было ни одного австрійского или германского предпріятія. Всѣ были секвестрованы и обращены на нужды государства.

У насъ, въ Россіи, гдѣ нѣтъ уголка, свободнаго отъ вѣмецкаго промышленника, купца и землемѣльца, съ большой и непонятной осторожностью отдаются подъ надзоръ правительственныхъ инспекторовъ предпріятія нашихъ враговъ.

Дѣло это у насъ стоитъ совершенно на мертвой точкѣ.

18 апрѣля. Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что генералъ Тауншендъ, осажденный турками въ Кутѣ, принужденъ былъ сдаться въ виду недостатка сѣвѣстныхъ припасовъ.

Изъ циркуляра, обнаруженного при убитомъ германцѣ¹⁾, усматривается, что Германія вовсе не склонна къ разоруженію и теперь уже заботится о будущемъ. Она предчувствує крушеніе своего черезчуръ смѣлаго плана владычества надъ міромъ, но эта неудача знаменуетъ для нея только временную отсрочку, которой слѣдуетъ воспользоваться въ цѣляхъ подготовленія будущихъ поколѣній къ возобновленію прерванной борьбы. Этотъ циркуляръ изданъ высшими властями Франкfurта-на-Одерѣ и разосланъ во всѣ школы. Онъ начинается ласмѣшкой надъ наивностью

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 апрѣля с. г.

легковѣрныхъ людей, считающихъ возможнымъ даже теперь, послѣ настоящей войны, какое-то братство народовъ. „Одной изъ главныхъ заботъ педагогического персонала школъ,— говорится дальше,— должно быть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы страшные уроки только-что пережитаго нами прошлого и настоящаго запечатлѣлись на всю жизнь въ умахъ подростающаго поколѣнія. Необходимо прежде всего внушить всему нашему народу убѣжденіе, что, только благодаря своимъ грознымъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ, Германія можетъ обеспечить себѣ миръ и процвѣтаніе, и въ силу этого никакія постороннія попытки склонить ее къ братанію съ иностранными соцѣдями не должны заставить ее хоть сколько-нибудь сократить дальнѣйшее вооруженіе“.

Такимъ образомъ, благодаря ознакомленію съ означенными циркуляромъ, для насы не остается сомнѣній, что происходящая въ настоящее время борьба имѣть цѣлью не только удержаніе настоящей Германіи въ необходимыхъ границахъ, но и воспрепятствованіе дальнѣйшему ея росту въ будущемъ, которое она подготавляетъ уже въ настоящее время, заранѣе устранивъ съ своего пути всѣ „сказки“ о братствѣ народовъ и всеобщемъ разоруженіи.

---

19 априля. Рассказываютъ, что за наемъ баржъ для перевозки дровъ стоимостью въ 500 рублей грабители мародеры просятъ теперь 3.600 рублей. Быть можетъ, это происходитъ оттого, что водные пути не подчинены военному вѣдомству и баржи не реквизируются.

„Koelnische Zeitung“, „Frankfurter Zeitung“ и „Kreuz-Zeitung“ посвящаютъ не мало мѣста вопросу о борьбѣ съ нѣмеckимъ засильемъ и конечно грозятъ намъ за это:

„Послѣ заключенія мира виновные (?), разумѣется, подвергнутся заслуженной карѣ“. „Прибалтійскіе нѣмцы уже не вернутся подъ господство Россіи для дикой травли всего нѣмеckаго“.

Газеты находятъ, что несомнѣнно правильно решеніе (?) Германіи „поставить освобожденіе Прибалтійского края непремѣннымъ условіемъ при заключеніи мира“.

Г. Филатовъ въ „Русскомъ Словѣ“ передалъ, какъ эта Пасхальная ночь была проведена тамъ, на позиціяхъ.

„Тихая весенняя ночь. Воздухъ прозрачный и теплый. До церкви идти версты двѣ назадъ,—она расположена у штаба дивизіи,—и даже фонаря не надо: хотя звѣзды свѣтятъ слабо, но вся атмосфера проникнута слабымъ сіяніемъ весеннихъ ночей.

Идетъ весь нашъ отрядъ: уполномоченный, оба доктора, три сестры и студенты; завѣдующій обозомъ построилъ санитаровъ въ колонну, и они гулко отбиваютъ ногу.

— Такъ приличнѣе,—объяснилъ онъ,—а то пруть, какъ барабаны,—и самъ сталъ маршировать во главѣ.

Эта стройность должна была утѣшить генерала, который вотъ уже цѣлую зиму не можетъ привыкнуть къ санитарамъ:

— Ни пройти, ни козырнуть не умѣютъ.

Чѣмъ ближе къ церкви, тѣмъ больше попадаются отдѣльные люди и колонны: идутъ изъ парковъ, батарей, обозовъ. Только самые необходимые люди остаются,—одна бѣдная пѣхота сидитъ, прикованная къ окопамъ. Въ церковь могутъ пойти только резервный полкъ, да по три человѣка отъ завода, чтобы святить куличи.

Издалека сіяеть свѣчами зеленая церковь. Она была построена еще осенью изъ хвои, но теперь подновлена и расширена. Алтарь въ видѣ зеленаго шатра не только съ Царскими, но и съ боковыми вратами. Передъ нимъ построенъ открытый навѣсъ, служащій какъ бы солеей, подъ нимъ впереди всѣхъ стоять штабъ и сестры,—имъ заранѣе было назначено почетное мѣсто; здѣсь же стоять еще четыре дамы: это жены офицеровъ, пріѣхавшія на Пасху. Съ одной стоить дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она гостить вмѣстѣ съ матерью уже третій день и на все смотритъ удивленными, расширенными глазами. Эта поѣздка, вѣроятно, наложитъ отпечатокъ на всю ея жизнь.

Самая церковь—просто четырехугольная площадка, огороженная хвоей; теперь ея западная стѣна разобрана, и толпа молящихся далеко выходитъ за ея предѣлы. Я нарочно отошелъ въ сторону. Несмотря на тишину, огоньки свѣчей все-таки колебались, сливались въ одинъ сплошной свѣтлый столбъ, который поднимался высоко къ небу. Подходишь ближе,—мелькаютъ солдатскія лица, сосредоточенные, спокойныя: на нихъ не видно праздничнаго на-

⁴⁾ „Рус. Сл.“ 16 апр. с. г.

строенія. Вѣроятно, у большинства мысли далеко отсюда; въ деревенскихъ церковкахъ, гдѣ съ дѣтства привыкли они встрѣчать Свѣтлый праздникъ. Теперь на фронтѣ, какую бы ни дали обстановку, изъ всѣхъ пасхальныхъ пѣспопѣній дѣйствительно близокъ и соотвѣтствуетъ настроенію лишь одинъ стихъ: ... „и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“, ибо большинство присутствующихъ, проникнутые торжественными словами, чувствуетъ себя оторванными отъ міра и накрытыми тяжелой крышкой войны, которая давить не хуже гробовой.

Торжественно обходитъ крестный ходъ вокругъ елочекъ, богослуженіе проходить чинно подъ звуки очень недурного солдатскаго хора.

Послѣ заутрени всѣ христосуются, поднимается гулъ и шумъ. Святять куличи,—именно куличи,—ибо пасокъ и яицъ почти нѣть.

Сейчасъ же послѣ заутрени, не дожидаясь обѣдни, юду съ однимъ изъ офицеровъ къ окопамъ, гдѣ тоже, вѣдь, празднуютъ Пасху. Тамъ, гдѣ можно было пріютиться въ лѣсочкахъ, полковые священники отправляли богослуженіе совсѣмъ вблизи фронта, а по части окоповъ прошелъ крестный ходъ. Онъ могъ бы пройти по всѣмъ окопамъ, такъ какъ стрѣльбы въ эту ночь совсѣмъ не было.

Въ этомъ году наша и западно-европейская Пасхи совпали. Этимъ въ большой степени и объясняется спокойствіе нѣмцевъ, которые вообще съ нашими праздниками не считаются.

Въ окопахъ холодно, надъ рѣкой виситъ предутренній туманъ, который заползаетъ холодной слизью, но здѣсь у солдатъ нѣть того гнетущаго чувства, какъ въ дивизіонной церкви,—здѣсь все-таки всѣ напряжены, насторожѣ. Первое, что мы услыхали:

— Ваше благородіе, а германецъ-то не стрѣляетъ?
— Да у нихъ тоже праздникъ.

— Вотъ мы такъ и полагали. Многіе, не дожидаясь разговѣнія, благо нѣмецъ молчитъ,—спять, свернувшись клубочкомъ, на соломѣ окопа, нѣкоторые даже въ землянки залѣзли.

Прошли по окопамъ, засѣли въ землянку погрѣться у печки. Шумъ слышенъ: выпелъ полковой командиръ, обходитъ, здоровается со старыми солдатами,—немного ихъ,—христосуется; раздаютъ подарки,—полковые дамы прислали кисеты.

Вотъ это сразу оживило.

Громадное удовольствіе солдатамъ подарки оттуда, „изъ Рассеи“, а кисеты являются чѣмъ-то въ родѣ сюрпризовъ,— сколько ожиданія, пока раскроетъ.

Обходъ полка затягивается. Уже солнце поднимается надъ горизонтомъ, когда мы вылѣзаемъ изъ послѣдней роты. Всѣ ноги посили, устали и идемъ разговаривать въ штабъ полка.

— Гдѣ будемъ встрѣчать слѣдующую Пасху? — вотъ всѣхъ занимающій вопросъ.

— Должно быть въ окопахъ, — говорить почти всѣ.— Гдѣ только будутъ окопы?

На эту тему гадаютъ разно, но утвержденіе Вильгельма о лаврахъ на головахъ нѣмцевъ-побѣдителей вызываетъ только улыбку. Будутъ ли нѣмцы разбиты черезъ годъ, это — вопросъ, но что они не будутъ побѣдителями, это ясно для всѣхъ: такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ 1915 году, они уже не будутъ имѣть.

20 апѣнля. Слышалъ разсказъ унтеръ-офицера Онежскаго полка Сибрика. Онъ былъ старшимъ команды разведчиковъ и уволенъ въ отставку, т. к. имѣть 37 раненій и ослѣпъ на оба глаза. За свои выдающіеся боевые подвиги онъ награжденъ 4 медалями и георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней. И за большія заслуги пожалованы ему эти кресты. То онъ съ четырьмя человѣками, пользуясь туманомъ, заставляетъ бросить оружіе 37 челов. и береть два пулемета. Когда же, при выяснившейся обстановкѣ, непріятель замѣтилъ незначительное число побѣдителей, то онъ оказался уже безъ оружія. То онъ съ 2 человѣками уничтожаетъ большой разъездъ противника съ захватомъ части его въ пленъ. То онъ подъ самымъ Краковомъ въ ноябрѣ 1914 г., находясь въ арміи Радко Дмитрева, захватываетъ донесеніе высшаго штаба, громадной важности.

Въ „Новомъ Времени“¹⁾ приводится интересное сообщеніе подъ названіемъ „Кресть спасъ“.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 апр. с. г.

„Тяжелая бомба угодила какъ разъ въ блиндажъ, и отъ солиднаго сооруженія не осталось ничего. Сердце радуется, что люди успѣли перейти въ ровики. Опоздай на пару минутъ, и изъ восьми жителей блиндажа не осталось бы ни одного. Еще очередь: рвется почти на самой батареѣ, съ пѣниемъ на разные тоны, несутся осколки и, какъ бы сердясь, что жертвы скрылись отъ нихъ въ ровики, съ сердцемъ ударяются въ землю, въ насыпи. Слѣдующая очередь уже дальше. Очевидно, нѣмцы обстрѣливаютъ площади и батарею уже прошли. Слава Богу, потерпѣть нѣтъ. Однако изъ ровиковъ выходить еще рано. Но людямъ сидѣть въ нихъ надоѣло. Молодчага съ Георгіемъ на груди, бомбардиръ Будьзововенко выскакиваетъ изъ ровика, почти въ тотъ же моментъ раздается взрывъ, онъ не успѣваетъ застывать обратно и падаетъ, ухватившись руками за грудь. Порядочный осколокъ угодилъ ему въ самое сердце. Обстрѣлъ кончился или ушелъ куда-то далеко.

На груди у Будьзововенка сломанный крестъ, рваная одежда, много крови. Но онъ, хотя и безъ сознанія, но еще живъ. Наскоро перевязали, уложили на носилки, унесли.

— Ишь, ты, въ самое сердце, конченъ онъ,—грустно говорили солдаты.

— И кусокъ креста, внутрь осколокъ упалъ. И до лазарета не дотянутъ, кончится по дорогѣ.

Но Будьзововенко не кончился. Тотъ самый крестъ, который онъ получилъ за подвигъ, связанный съ сознательной жертвой жизнью, тотъ самый крестъ спасъ, отстояль ему жизнь.

Направленіе осколка прямо въ сердце,—говорилъ врачъ,— сила болѣе, чѣмъ достаточная, чтобы пробить сердце, и, если бы не крестъ, Будьзововенко былъ бы уже трупомъ. Но осколокъ, сломавъ крестъ, измѣнилъ направленіе. Онъ пошелъ вдоль груди и вырвалъ только куски мяса. Никакихъ поврежденій нѣть, и несомнѣнно, онъ поправится.

Батарея ждетъ Будьзововенка, и когда онъ вернется, мы будемъ гордиться его трехграннымъ крестомъ“.

Позорными дѣлами занимаются нѣкоторые россияне: въ такое тяжелое время, какъ настоящая страшная война, они поступаютъ на содержаніе нѣмцамъ и прикрываютъ своимъ русскимъ именемъ торгово-промышленное предпріятіе. Закона Бріана о преслѣдованіи тюрьмой лицъ, прикрывающихъ вражескія предпріятія, у насъ и въ поминѣ нѣть.

Корреспондентъ Daily Mail побывалъ недавно въ Константинополь и посѣтилъ Энвера-пашу въ зданіи военнаго министерства, которое помѣщается на холмѣ въ самомъ центрѣ турецкаго квартала Стамбула и окружено рѣшеткою въ 2 саж. вышины. Оно совершенно обновлено и кишитъ нѣмцами.

Въ бесѣдѣ съ адьютантомъ-нѣмцемъ авторъ замѣтокъ обратилъ вниманіе на виднѣвшуюся изъ окна большую мачту искровой станціи Османли. „Мы по беспроволочному телеграфу переговариваемся съ Берлиномъ!“ заявилъ адьютанть, „перевезли сюда искровую станцію черезъ Румынію подъ видомъ цирка“.

Энверъ-паша небольшого роста, лѣтъ тридцати пяти, а на видъ еще моложе, красивой наружности, съ черными глазами и усами, очень тщательно одѣтый, самодовольный и самоувѣренный; хорошо говорить по-нѣмецки (онъ былъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ), носить орденъ желѣзного креста. Онъ предложилъ посѣтителю напироску и развалился въ креслахъ, ожидая вопросовъ. Тотъ въ видѣ вступленія спросилъ, правда ли, что Англія хочетъ заключить съ Турцией сепаратный миръ?

— „Слишкомъ поздно“, съ улыбкою отвѣчалъ Энверъ, „можеть быть она этого желала и можетъ быть достигла бы, но мы слышали, что державы согласія (или, какъ онъ выразился, „mal Entente“), рѣшили отдать Константинополь Россіи, и это принуждаетъ насъ оставаться на сторонѣ центральныхъ державъ“. По поводу Галлиполи Энверъ-паша заявилъ: „Если бы англичане имѣли мужество бросить еще нѣсколько судовъ въ Дарданеллы, то они дошли бы до Константинополя, но ихъ заминка дала намъ возможность укрѣпить полуостровъ Галлиполи и въ 6 недѣль свезти туда свыше 200 орудій съ австрійскаго завода Шкода. Но если бы они даже заняли столицу, то этимъ дѣло не кончилось бы; мы рѣшили отойти на окружные высоты и въ М. Азію, а городъ предоставить имъ; они его бы не разрушили и тамъ бы застряли. При помощи германцевъ мы можемъ нанести англичанамъ ударъ черезъ Суэцкій каналъ, нашъ девизъ—въ Египетъ!“.

---

21 априля. Гибель „Португаліи“ не нашла отклика въ финляндской печати. Помѣстивъ лишь официальный сообщенія о потопленіи госпитального судна, ни одна

финляндская газета не сочла нужнымъ высказаться самостоятельно по поводу этого нѣмецкаго звѣрства.

Вообще въ Финляндіи замѣчается тенденція не замѣтить о безчисленныхъ звѣрскихъ дѣяніяхъ германцевъ. Очень мало шлютъ оттуда благотворительной помощи страдающей Россіи. Это не мѣшаетъ нашимъ думскимъ финно-любамъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ съ думской каѳедры дѣлать выпады за Финляндию.

Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ приводитъ поучительные разъясненія по поводу надзора надъ вражескими предприятиями.

Правительство опубликовало наконецъ наказъ правительеннымъ инспекторамъ по надзору за дѣятельностью торгово - промышленныхъ предпріятій, владѣльцами или участниками которыхъ являются непріятельскіе подданные. Можно, конечно, лишь удивляться, что только къ 15 апрѣля 1916 г. министерство торговли и промышленности придало силу закона правительенному надзору за враждебными и опасными для Россіи предпріятіями, связанными въ той или иной степени съ подданными воюющихъ съ нами странъ.

Наказъ, однако, наводить на рядъ размышленій.

Задачи правительенныхъ инспекторовъ крайне сложны и, если требовать точнаго выполненія, крайне отвѣтственны. Инспектору принадлежитъ не только надзоръ за движениемъ суммъ предпріятія, но и общее наблюденіе за дѣятельностью торгово-промышленного предпріятія и забота о томъ, чтобы предпріятіе было использовано для нуждъ обороны; правительенному инспектору вмѣняется при этомъ въ обязанность принимать къ тому мѣры. Вся корреспонденція фирмы, всѣ кассовые книги, списки акционеровъ и пайщиковъ, кассы и безопасныя помѣщенія въ банкахъ, гдѣ хранятся документы и капиталы предпріятія,— все подлежитъ надзору инспектора.

Такимъ образомъ добросовѣстный инспекторъ долженъ отдать все свое служебное время на надзоръ за вражескимъ предпріятіемъ, чтобы не дать ему возможности обслуживать интересы нѣмцевъ и Германіи и чтобы оно послужило дѣлу обороны нашего отечества.

1) „Веч. Вр.“ 21 апр.

Такой чиновникъ фактически не существуетъ для работы по своему вѣдомству. Итакъ, или онъ останется на своемъ посту, и тогда не будетъ достаточно внимательно относиться къ надзору за вражескими предпріятіями, или же, слѣдя за своимъ поднадзорнымъ, будетъ манкировать служебными занятіями.

Выводъ одинъ.. Чиновникъ долженъ быть перечисленъ на время войны въ распоряженіе особаго дѣлопроизводства по правительльному надзору и всецѣло отдаваться изученію и наблюденію за порученнымъ ему предпріятіемъ. Это должно быть служебной командировкой, не связанной, однако, съ повышеніемъ получаемаго чиновникомъ по своей непосредственной должности оклада. Пусть за ревностное отношеніе къ дѣлу они получать служебныя преимущества, но ставить правительеннаго инспектора, въ смыслѣ высокаго вознагражденія, въ полную зависимость отъ того же поднадзорнаго предпріятія—и соблазнительно, и нецѣлесообразно.

Едва-ли государство, при указываемомъ порядкѣ, потеряетъ на время войны много чиновниковъ, прикомандированныхъ къ особому дѣлопроизводству по надзору. Надо думать, что въ концѣ концовъ же у насъ совсѣмъ не останется нѣмецкихъ фирмъ, а число подозрительныхъ, при условіи удаленія подставныхъ русскихъ директоровъ, значительно сократится.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на наказѣ потому, что никакъ не могу понять, какимъ образомъ три или десять инспекторовъ могутъ, служа въ своихъ канцелярияхъ, въ то же время слѣдить за планомѣрною дѣятельностью поднадзорнаго вражескаго предпріятія и изучать его нѣмецкую структуру съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

По этому поводу я получилъ много писемъ съ разныхъ мѣстъ, и, между прочимъ, мнѣ сообщаютъ о неосуществимости надзора за такой явно германской фирмой, какъ „Кунстъ и Альберсъ“ на Дальнемъ Востокѣ. Фирма раскинула цѣлую сеть отдѣлений, изъ которыхъ каждое можетъ продолжать вдали отъ надзора прежнюю торговую политику, преподанную, скажемъ, изъ Гамбурга, гдѣ находится главная контора этого торгового дома, руководимаго бывшимъ германскимъ консуломъ.

У фирмы закупочные конторы въ Москвѣ, Ригѣ и агентъ въ Петроградѣ. Кто слѣдить и какъ слѣдить за этими без-

численными отдельениями пресловутаго Кунста, разбросанными по городамъ и селамъ Приамурья и Уссурійскаго края, за этими агентами, шныряющими по Россіи? Эти агенты—Штенгель и Скрибановичъ—посѣщають сосланнаго въ Нарымъ главу т. д. „Кунстъ и Альберсъ“, бывшаго германскаго консула Даттана.

При такихъ условіяхъ едва-ли возможно точное соблюдение ст. 14 наказа не только по отношенію къ Даттану, но даже и къ его женѣ, германской подданной, проживающей въ Берлинѣ при сынѣ, сражающемся въ рядахъ германской арміи. Это можно предполагать хотя бы потому, что между сосланнымъ Даттаномъ и его женой въ Берлинѣ былъ контактъ, такъ какъ служащая Даттана г-жа Стефанова совершила въ разгарь войны поѣзdkу изъ Берлина въ Нарымъ.

Что думаютъ правительственные инспектора о ликвидациіи принадлежащей Даттану земли у Никольска-Уссурійскаго и о роли его довѣренного, швейцарскаго подданнаго Штауфахера, живущаго на Сахалинѣ и получающаго за это 10.000 руб., хотя всѣ каменноугольныя заявки Даттана реквизированы? Вникли ли инспектора во взаимоотношенія между Даттаномъ и владѣльцами каменноугольныхъ площадей на Сахалинѣ, гг. Хитрово и Ренкевичемъ, а если вникли, то сообщили ли они свои наблюденія горному департаменту? Я знаю, что при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, они фактически лишены возможности точно выполнять наказъ министерства торговли и промышленности по надзору. А сколько такихъ же фирмъ и такихъ же ненормальныхъ положеній!

Интересно было бы знать, сколько протестовъ правительенныхъ инспекторовъ противъ дѣятельности поднадзорныхъ предприятий поступило въ особое дѣлопроизводство по правительенному надзору за вражескими и подозрительными „по Германии“ (какъ „по чумѣ“) торгово-промышленными предприятиями?*

22 априля. Предсѣдатель Совѣта министровъ, въ бытность въ Москвѣ, подвергалъ обсужденію вопросъ о ликвидациіи общества 1886 года, которое еще по сіе время, несмотря на всѣ усиленія московскаго городскаго управлениія, никакъ не могутъ вырвать изъ цѣпкихъ нѣмецкихъ рукъ.

Вотъ эта замѣчательная корреспонденція по словамъ „Русскаго Слова“¹⁾.

„Предсѣдатель совѣта министровъ Б. В. Штурмеръ, прибывшій въ Москву, между прочимъ, пожелалъ на мѣстѣ подвергнуть обсужденію вопросъ о ликвидациіи общества 1886 г.

Вчера специальное собраніе для этого совѣщенія состоялось, подъ предсѣдательствомъ Б. В. Штурмера, въ квартирѣ градоначальника. Въ совѣщеніи приняли участіе: градоначальникъ В. Н. Шебеко, губернаторъ гр. Н. Л. Муравьевъ, завѣдующій технической частью московскаго градоначальства инженеръ Анохинъ, городской голова М. В. Челноковъ, товарищъ городского головы В. Д. Брянскій и гласные: Л. Л. Катуаръ и Н. И. Гучковъ — отъ города, гг. Грузиновъ и Нарожницкій — отъ губернскаго земства, и друзья общества 1886 г., члены временнаго управлениія гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ, памятный московскому городскому управлению по настойчивой защищѣ интересовъ общества 1886 г. еще въ междудомственной комиссіи Ильяшенко.

Открывая собраніе, Б. В. Штурмеръ указалъ на то, что вопросъ о ликвидациіи общества 1886 года представляется ему слишкомъ всѣмъ извѣстнымъ для того, чтобы нужно было что-нибудь говорить о немъ.

Извѣстно,—сказалъ Б. В. Штурмеръ,—всѣмъ и представляется вполнѣ определенно установленнымъ, что общество 1886 года является ядромъ нынѣцкихъ предпріятій въ Москвѣ. Минь думается, что никто противъ этого и возражать не станетъ...

Это основное положеніе, высказанное предсѣдателемъ совѣта министровъ, встрѣтило, конечно, единодушную поддержку всего собранія. Даже гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ со своимъ помощникомъ Бетелькахеромъ,—отъ того же министерства,—не обмолвились ни единымъ словомъ.

— Такимъ образомъ, мнѣ представляется,—продолжалъ Б. В. Штурмеръ,—что намъ нечего касаться вопроса о состояніи общества, а необходимо намѣтить программу выясненія другихъ важныхъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ.

Б. В. Штурмеръ объяснилъ совѣщенію, какіе вопросы въ этомъ сложномъ дѣлѣ представляются ему наиболѣе важными и интересными.

1) „Русск. Сл.“ 20 апр. 1916 г.

Необходимо выяснить, какъ поступить въ дальнѣйшемъ съ предпріятіемъ общества 1886 г., кому можетъ быть передано предпріятіе этого общества для эксплоатациі и не представится ли какихъ-либо техническихъ и хозяйственныхъ препятствій, если бы предпріятіе оказалось переданнымъ московскому городскому управлению.

М. В. Челноковъ высказалъ пожеланія города. Онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что эти пожеланія не идутъ дальше того, что было признано необходимымъ предпринять противъ общества 1886 года въ комиссіи сенатора Ильяшенко, т. е. дальше ликвидациі общества черезъ особую ликвидационную комиссию и выкупа предпріятія городскимъ управлениемъ. Для опредѣленія стоимости предпріятія,—путемъ ли балансовыхъ расчетовъ, или производствомъ фактической оцѣнки,—понадобится незначительное время: все это можно будетъ выполнить въ мѣсячный срокъ.

По вопросу о томъ, кому должно быть передано для эксплоатациі предпріятіе общества, представители города объяснили, что передача предпріятія общества Москвѣ никакихъ финансовыхъ затрудненій представить не можетъ: будетъ ли городъ вынужденъ уплатить обществу единовременно за выкупаемое имъ предпріятіе, или же допущена будетъ разсрочка,—московское городское управление одинаково просто съ этими расплатами справится.

Это мнѣніе было энергично высказано представителями финансовой комиссіи Л. Л. Катуаромъ и Н. И. Гучковымъ.

Далѣе представители города, ссылаясь на практику другихъ своихъ грандіозныхъ предпріятій, указывали, что техническихъ препятствій у города быть не можетъ. Городъ отлично справляется со своими предпріятіями. Другой вопросъ—препятствія хозяйственного характера.

Общество фабрикантовъ боялось повышенія цѣнъ на энергию, а особенно забастовокъ въ электрическомъ предпріятії, особенно часто, будто бы, происходящихъ въ городскихъ предпріятіяхъ.

М. В. Челноковъ и другіе представители города указали, что препятствій этихъ городское управление не боится.

Въ подтвержденіе они ссылались на практику своего водопровода, канализаціи, наконецъ, собственной электрической станціи.

Представители временнаго управлениія общества 1886 г., которымъ, конечно, передача общества городу не улыбается,

съ трудомъ нашли приличный поводъ для возраженій. Они говорили о томъ, что при огромномъ значеніи станціи, обслуживающей многія предпріятія, работающія на оборону, было бы неосторожно производить передачу предпріятія общества изъ однѣхъ рукъ въ другія. На это горожане твердо заявили, что „оборона“ страны будетъ болѣе обеспечена, когда предпріятіе будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ рукахъ.

Засѣданіе закончилось краткимъ резюме, которое было сдѣлано предсѣдателемъ совѣта министровъ Б. В. Штурмеромъ.

Въ концѣ-концовъ, Б. В. Штурмеръ заявилъ, что вопросъ о ликвидациіи общества 1886 года въ настоящее время выдвигается на очередь для обсужденія въ совѣтѣ министровъ. Совѣту министровъ придется решить вопросъ о томъ, кому передать предпріятіе общества 1886 года,— одному ли городу, или городу совмѣстно съ правительствомъ, или же уступить его побѣдителю на специальныхъ торгахъ конкурентовъ.

На этомъ совѣщаніе и кончилось.

Отмѣтимъ лишь выступленіе представителей земства, которые заявили, что вопросъ о ликвидациіи общества „Электропередача“ не можетъ рассматриваться отдѣльно отъ ликвидациіи общества 1886 года, такъ какъ судьба этихъ обоихъ вопросовъ одинакова и одинаково же должно быть и разрѣшеніе ихъ“.

Несмотря на то, что по словамъ Б. В. Штурмера: общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ, представители временнаго управлениія гг. Свенторжецкій, Кюхельбекеръ и Бетелькахеръ имѣли смѣлость доказывать неосторожность передачи общества 1886 г. въ другія руки. Пламенныя рѣчи отцовъ города Москвы нисколько не убѣдили гг. Свенторжецкаго, Кюхельбекера и Бетелькахера.

Фамиліи Кюхельбекеръ и Бетелькахера ясно показываютъ, почему они были противъ ликвидациіи. Является вопросомъ, какое общественное россійское положеніе занимаетъ г. Свенторжецкій. Весь Петроградъ дастъ на это слѣдующій отвѣтъ: Людоміръ Вацлавовичъ, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ.

Былъ у Пашича. Очаровался его высокимъ умомъ, образованіемъ, его необычайной энергіей, пламенной вѣрой

въ свѣтлоѣ будущее. Мне раньше передавали, что Пашичу слишкомъ за 60 лѣтъ, а мнѣ при встрѣчѣ показалось, что это бодрый человѣкъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, но когда онъ начиналъ говорить про Сербію, про ихъ страданія, про сербскую армію, его глаза загорались, онъ воодушевлялся и становился молодымъ человѣкомъ. Превращеніе это было настолько поразительно, что невольно возникъ вопросъ—его ли видѣлъ нѣсколькими минутами раньше. Разговоръ переходилъ на другую тему, взоръ потухалъ, и опять Пашичъ становился прежнимъ. Сербскій посланникъ Спалайковичъ увѣрялъ меня, что Пашичу въ исходѣ 60 лѣтъ, а въ дѣйствительности ему было подъ 80 лѣтъ.

Сегодня въ 4 часа дня, по распоряженію сенатора Кузьмина, арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость бывшій военный министръ, отставной генералъ-отъ-кавалеріи В. А. Сухомлиновъ.

---

22 апрѣля. Въ Англіи произошло событие великой государственной важности, имѣющее громадное значение для войны: англійскій парламентъ принялъ въ первомъ чтеніи билль о всеобщей военной службѣ. Такимъ образомъ великая война сдѣлала то, что казалось совершенно невозможнымъ для Англіи.

Петроградскому обывателю совершенно ясна одна изъ подпольныхъ причинъ, которая понижаетъ курсъ нашего рубля въ Финляндіи. Въ только-что опубликованномъ отчетѣ финляндскаго банка имѣются на $32^{1/2}$ миллионовъ марокъ корреспонденты въ Берлинѣ, Любекѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Вѣнѣ. Г.г. финляндцы высасываютъ денежки съ Россіи всѣми приличными и неприличными способами, не неся надлежащихъ общеперскихъ расходовъ.

Г. Сибирскій въ „Русскомъ Словѣ“ описываетъ такъ состояніе Трапезунда передъ сдачей¹⁾:

„Нѣмцевъ въ Трапезундѣ было немного, но одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ фонъ-Унгернъ, являясь

¹⁾ „Русск. Сл.“ 21 апр. с. г.

только командиромъ полка, въ то же время имѣлъ громадное вліяніе на всѣ дѣла въ городѣ, какъ на военное, такъ и на гражданское управлениe. Онъ былъ на позиціяхъ вмѣстѣ съ недавно прибывшимъ въ Трапезундъ Вехтиб-пашой и Хаджи-Хаиди-беемъ. Задолго до паденія Трапезунда сюда временно пріѣжалъ наладить и устроить разбитый отрядъ человѣкъ высокой энергіи и организаторскаго таланта Халитъ-паша, командующій байбуртскимъ отрядомъ. Командующіе отрядомъ употребляли все вліяніе, чтобы заставить войска драться до послѣдней капли крови. Войскамъ, занимавшимъ позиціи на Ахудагъ и Келимъ-Кая, были отданы категорические приказы умереть, но не сдаваться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ заявили о томъ, что надняхъ должна притти на помощь тринадцатая дивизія. Когда же выяснилось, что никакіе приказы, никакія подкрепленія не въ силахъ остановить движение побѣдоносныхъ русскихъ войскъ, то городъ рѣшено было бросить. Былъ призванъ греческій митрополитъ, комендантъ на словахъ передалъ ему власть надъ городомъ, и немедленно послѣ лихорадочно-торопливой свалки въ море казеннаго имущества войска двинулись на западъ".

„Журналь де Балканъ“ сообщаетъ, что изъ пограничнаго съ Австріей румынскаго округа Доробова вывезена въ Австрію большая партія копекъ и собакъ, мясо которыхъ пойдетъ на изготавленіе колбасъ для арміи.

---

23 априля. Въ Петроградъ пріѣхали французскіе министры Вивіани и Тома. Тома министръ снабженій.

Тома и англійскій министръ Ллойдъ Джорджъ это чудотворцы по снабженію армій Англіи и Франціи вооружениемъ и боевыми припасами.

---

24 априля. Для военнопленныхъ и нашихъ рабочихъ на лѣсныхъ дачахъ отдѣль по заготовкѣ топлива поставилъ сапоги въ количествѣ до 4.000 паръ, которые обошлись до 50.000 р. Весь подрядъ этотъ былъ исполненъ въ разныхъ мѣстахъ незначительными партіями и по разнымъ цѣнамъ. Въ результате сапоги оказались съ бумажными подметками, обшитыми кожей. Гласный Елизаровъ, обращая на этотъ заказъ вниманіе, просить разслѣдованія ревизіонной комиссіи, при

чемъ указываетъ, что заказъ не прошелъ ни чөрезъ дўму, ни чөрезъ управу ¹⁾).

24 априля. „Сдача оружія мятежниками въ Ирландіи протекаетъ вполнѣ успешно. Вчера 39 мятежникамъ вынесены приговоры военнымъ судомъ. До настоящаго времени утверждены три приговора, притомъ всѣ къ смертной казни. Однако приговоръ приведенъ въ исполненіе только въ отношеніи одного осужденнаго, двумъ же другимъ смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами. 19-го апрѣля военный судъ приговорилъ трехъ мятежниковъ къ 3 годамъ каторжныхъ работъ“.

Новая германскаяnota Америкѣ представляетъ обычную двуличность и наглость Германіи: она указываетъ, что германскимъ правительствомъ предписано командующимъ морскими силами соблюдать общепризнанныя нормы международного права, о задержаніи, обыскѣ и уничтоженіи комерческихъ судовъ и не топить ихъ безъ предварительного предупрежденія и принятія мѣръ къ спасенію находящихся на нихъ людей, поскольку суда эти не будутъ пытаться спастись бѣгствомъ или оказывать сопротивленіе.

Далѣе выясняется желательная цѣль Германіи, что Соединенные Штаты добьются отъ Англіи уничтоженія всѣхъ препядствий къ возстановленію безпрепятственного морского судоходства.

„Если правительство Соединенныхъ Штатовъ не добьется желаемаго результата, то Германія будетъ поставлена лицомъ къ лицу передъ новымъ положеніемъ вещей, относительно котораго она сохраняетъ за собой полную свободу рѣшеній“.

Ну, можетъ ли быть что-либо нахальнѣе: мы, нѣмцы, можемъ дѣлать то, что хотимъ мы, и противники наши должны дѣлать то же, а если не будутъ дѣлать, то для насъ нѣть никакихъ обязательствъ.

25 априля. Съ плѣнными у насъ обращаются сверху-манно: одинъ нашъ унтеръ-офицеръ разсказывалъ, что не

1) „Нов. Вр.“ 24 апрѣля.

только толкнуть плѣнного не позволяютъ, но даже воспрещаютъ ему сказать какую бы то ни было угрозу.

Наказаніе ему одинъ только слабый арестъ. Свобода для плѣнныхъ большая.

По другимъ даннымъ плѣнные плохо работаютъ у сельскихъ хозяевъ, портятъ имъ скотъ и убѣгаютъ съ работы, а иногда забастовываютъ, когда считаютъ, что имъ недостаточно даютъ мяса.

26 апрѣля. „Омскій Вѣстникъ“ передаетъ: по возбужденному омскимъ епархіальнымъ братствомъ вопросу о возможности разрѣшенія военноплѣннымъ вступать въ бракъ, главное управление генерального штаба разъяснило, что разрѣшеніе вопроса о вступленіи въ бракъ военноплѣнныхъ признано соотвѣтственнымъ отложить до окончанія войны¹⁾.

Ну можно ли представить себѣ болѣе дикую фантазію, какъ ходатайство омскаго епархіального братства о бракахъ военноплѣнныхъ.

27 апрѣля. „Новое Время“²⁾ сообщаетъ о саратовскомъ королѣ мукомоловъ Фридрихѣ Шмидтѣ:

Мукомолъ Фридрихъ Шмидтъ увѣдомилъ городской продовольственный отдѣлъ, что перемалывать городское зерно онъ болѣе не будетъ.

Свой отказъ Фридрихъ Шмидтъ мотивируетъ тѣмъ, что опредѣленное количество помола, причитающагося на его долю, закончено.

Странно: вѣдь недавно герръ Шмидтъ вмѣстѣ съ „Саратовскимъ Вѣстникомъ“ заявилъ, что у него зерна нѣть. Герръ Шмидту, стало быть, выгоднѣе перемалывать чужое зерно по 18 коп. съ пуда, чѣмъ оставить мельницы въ бездѣлѣ.

Всѣмъ ясно, къ чему стремится Фридрихъ Шмидтъ. Когда же, однако, это станетъ ясно и „саратовской“ администрації?

Сегодня миновало 10 лѣтъ со дня установленія у насъ народнаго представительства.

1) „Нов. Вр.“ 26 апрѣля.

2) „Нов. Вр.“ 27 апрѣля.

28 апрѣля. Интересное показаніе плѣннаго приводить корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾.

— Мы вашихъ пушекъ не боимся,— говорилъ недавно одинъ плѣнній турецкій офицеръ,— на Галлиполи мы видали и не такія, какъ ваши, а вотъ аскеръ вашъ очень страшенъ для насъ. Они идутъ въ атаку и ихъ ничѣмъ не остановишь. Сколько мы стрѣляемъ въ нихъ, а они все идутъ... И не падаютъ! И при этомъ непремѣнно норовятъ дойти, чтобы штыкомъ проткнуть.... Вотъ это для насъ самое страшное...

В. М. Дорошевичъ разсказываетъ о томъ, какъ нынѣ такъ много намъ противодѣйствующіе, курдскіе беки ѿхали въ Константинополь на поклонъ къ Абдулъ-Гамиду.

„Курдскіе беки, вожди были приглашены въ Константинополь.

Здѣсь они должны были увидѣть:

— Своего падишаха во всемъ его блескѣ и великолѣпіи.

Здѣсь ихъ осыпали подарками.

Здѣсь самъ халифъ долженъ былъ:

— Зажечь ихъ святымъ огнемъ.

Чтобъ они горѣли, какъ костры на границѣ.

Подъ нихъ былъ зафрахтованъ тотъ самый пароходъ Австрійскаго Ллойда „Далматія“, на которомъ шелъ теперь я.

„Курдскіе беки явились во всемъ великолѣпіи, съ безчисленной прислугой.

Съ запасомъ провизіи.

Со своими поварами.

— Чтобъ не кормили чѣмъ нечистымъ.

И въ тотъ же день помощникъ прибѣжалъ къ капитану въ ужасѣ.

— Капитанъ! Они ѡдѣять... нельзя сказать, изъ чего они ѡдѣять!

Усѣвшиесь на палубѣ, курдскіе беки важно и величественно ѡли изъ посуды, предназначеннай... предназначеннай вовсе не для ѡды.

Они были очень довольны, найдя посуду въ ночныхъ столикахъ.

— „Франки“ молодцы! Каждому поставлена своя миска, чтобъ ѡесть!

1) „Нов. Вр.“ 28 апрѣля с. г.

Капитанъ,—рассказывалъ онъ мнѣ,—схватился за голову.

Что дѣлать?

Сказать?

Курды сочтутъ за насмѣшку.

И всѣхъ перерѣжутъ:

— За такое оскверненіе.

Онъ созвалъ помощниковъ и команду и строго-настрого приказалъ:

— Не обращать вниманія.

Избави Боже, не смѣяться и какъ-нибудь не дать понять ошибку.

Курдскіе беки такъ до самаго Константиноополя питались изъ вазъ, не созданныхъ для такой чести“.

29—30 апРѣля. 28 апРѣля въ особомъ присутствіи Петроградской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло пастора Глезера, который обвинялся въ томъ, что призывалъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, сдаваться въ плѣнъ германцамъ. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, приговоръ же объявленъ публично. Обвиненіе къ Глезеру было предъявлено по 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила подсудимаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Г. Курмояровъ сообщаетъ о новыхъ подлостяхъ германцевъ¹⁾:

Нѣмецкіе аэропланы бросаютъ не только бомбы. Звѣрская „подлость“ Германіи изощряется на такія выдумки, которыя не могутъ прийти въ голову честному человѣку даже по отношенію врага. Летчики кидаютъ сверху... коробки съ конфетами. Можно подумать, какая любезность, какіе милые подарки войскамъ и населенію! Но конфеты эти отравлены и не просто какимъ-нибудь ядомъ, а бациллами самыхъ тяжелыхъ заразныхъ болѣзней. Исследованіе одной изъ такихъ „бомбоньерокъ“ показало, что въ ней заключены холерный, тифозный и другія болѣзни. Бросаютъ коньякъ, спиртъ, съ гнуснымъ разсчетомъ на то, что трезвый солдатикъ или мужикъ обрадуется счастливой на-

1) „Нов. Вр.“ 29 апРѣля с. г.

ходкѣ и не преминеть ею воспользоваться. Но, слава Богу, мнѣ не пришлось слышать, чтобы солдаты поддались обману: подозрительные бутылки сдавали по начальству, и онѣ тутъ же уничтожались.

Знаменитаго творца германскаго закона о двуподданствѣ Дельбрюка заставили выйти въ отставку.

Въ послѣднее время у насъ въ образованномъ обществѣ нѣкоторыя лица стали носить лапти.

Съ 16-го по конецъ апрѣля военные дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ: на западномъ нашемъ фронтѣ обычна ружейная и артиллерійская перестрѣлка, нападенія аэроплановъ, столкновенія развѣдывательныхъ партій.

За это время непріятель практиковалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбитыя нами контрѣ-атаки; такъ было на Рижскомъ фронтѣ у Рогацема, на Двинскомъ у Епукны, у о. Медмузскаго, къ югу отъ Двинска до Нароча, у Видзъ у Поставъ, на Волыни у Олыка и Колки и въ Галиціи у Яловицъ.

25 апрѣля „Бреслау“ бомбардировалъ Евпаторію.

На Кавказскомъ фронтѣ мы сначала продвигались впередъ на Эрзерумскомъ, Эрзинджанскомъ и Діарбекирскомъ направленияхъ, а затѣмъ турки, получивъ подкрѣпленія, стали переходить въ наступленіе въ Байбуртскомъ, Битлісскомъ, Эрзинджанскомъ и Мамахатунскомъ направленияхъ, но всѣ атаки были отражены.

На Багдадскомъ направленіи сначала мы потѣсили турокъ, а затѣмъ турки перешли въ наступленіе.

Въ № 104 „Рус. Изв.“ помѣщено слѣдующее оповѣщеніе Морскаго Генеральнаго Штаба:

На дніяхъ въ Черномъ морѣ нашими флотомъ были затрахены и подняты германскія мины загражденія. Морской Генеральный Штабъ съ чувствомъ глубокаго негодованія сообщаетъ, что, ставя эти мины на Святой недѣлѣ, непріятель счелъ для себя позволительнымъ совершить дерзкую богохульственную насмѣшку надъ православнымъ обычаемъ поздравленія со Свѣтлымъ Праздникомъ и помѣстиль на

всѣхъ минахъ сверху бѣлой краской слѣдующую надпись въ болгарской ореографіи: „Христово Воскресеніе!“.

Какъ сообщаютъ новѣйшія телеграммы изъ Стокгольма, въ серединѣ апрѣля въ Берлинѣ состоялся большой военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера. На совѣтѣ присутствовали, кроме кронпринца и баварскаго престолонаслѣдника, наследный австрійскій эрцгерцогъ, баварскій принцъ Рудольфъ, маршалъ Гинденбургъ, фельдмаршалъ Макензенъ, генералы фонъ-Эмерихъ и фонъ-Белловъ и Сандерсъ и даже адмиралъ султана Сушонъ. Кромѣ того, сюда же съѣхались начальники штабовъ германскаго, австрійскаго, болгарскаго и турецкаго.

Одинъ англійскій корреспондентъ¹⁾, побывавшій въ Константинополѣ, такъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ:

Константинополь наполненъ ранеными и больными солдатами; всѣ большія зданія обращены въ лазареты, изъ коихъ наиболѣшій въ Лицеѣ; на всѣхъ домахъ богатыхъ французскихъ и англійскихъ коммерсантовъ развѣвается флагъ „Краснаго Полумѣсяца“; раненые перевозятся городскими извозчиками, экипажи которыхъ послѣ того по распоряженію нѣмцевъ тщательно дезинфицируются.

Султанъ является только безвластною фигурую; онъ по пятницамъ ходить въ ближайшую мечеть, боясь посѣщать Айю-Софію изъ опасенія покушенія; на улицѣ толпа его привѣтствуетъ только, когда съ нимъ Энверъ-паша. Его полная, тяжелая фигура имѣть жалкій видъ, и нельзя удивляться, что турки отняли у него власть. Султанъ предоставляетъ свободу распоряжаться Талаатъ-бею и Энверъ-пашѣ. Послѣдній считаетъ себя главною силою въ имперіи, но на дѣлѣ Турцію управляетъ ловкій государственный человѣкъ Талаатъ. Хотя онъ и германофилъ, но, по слухамъ, онъ вѣрить въ конечную победу державъ Согласія, и возможно, что онъ не противникъ заключенія съ ними сепаратнаго мира.

Когда было объявлено въ Турціи объ эвакуаціи союзниками полуострова Галлиполи, въ столицѣ было ликованіе; на всѣхъ углахъ прибиты были афиши съ возвѣщеніемъ:

1) „Рус. Изв.“ № 106.

ниемъ побѣды на турецкомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Турки рассказывали, что союзникамъ было нанесено рѣшительное пораженіе и они были сброшены въ море.

Авторъ замѣтокъ, однако, не особенно смущался этими рассказами, плохо довѣряя турецкимъ сообщеніямъ и тѣмъ болѣе, что не видать было плѣнныхъ, которыхъ нѣмцы и турки не замедлили бы показывать въ столицѣ.

Зато три дня спустя онъ видѣлъ прохожденіе по улицамъ около 10.000 турецкихъ войскъ съ Галлиполи; никогда не случалось ему видѣть такого жалкаго войска—исхудалые, тощіе солдаты еле плелись, многихъ тащили товарищи; ни ружей, ни снаряженія они не несли—все возилось за ними на повозкахъ, но на каждого турецкаго офицера приходилось 2 германскихъ; эти войска нуждались несомнѣнно въ нѣсколькоихъ недѣляхъ полнаго отдыха (они, повидимому, въ началѣ февраля были отправлены въ Малую Азію). Если принять во вниманіе выносливость турецкаго солдата, то можно представить себѣ, какое напряженіе и какія лишенія испытывали турецкія войска на Галлиполи.

Проходя по мосту черезъ Золотой Рогъ, нашъ авторъ обратилъ вниманіе на ту особенность, что съ нѣмцевъ не берутъ установленную плату въ одинъ пени. Объясняется это тѣмъ, что когда британская подводная лодка миною повредила мостъ, турецкіе инженеры не могли его исправить и обратились по обыкновенію за помощью нѣмцевъ, которые быстро выполнили работу; но когда изъ Берлина прислали счетъ за нее, турки развели руками и въ отчаяніи заявили, что они не въ состояніи заплатить. Счетъ остался неуплаченнымъ, но зато всѣмъ германскимъ подданнымъ разрѣшено было бесплатно проходить по мосту; корреспондентъ уѣхалъ въ этомъ простѣйшемъ способомъ—онъ съ контролеромъ заговорилъ по-нѣмецки и тотчасъ былъ пропущенъ даромъ.

Всѣмъ известна малая достовѣрность турецкихъ сообщеній, и нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить тому, что читаешь въ турецкой газетѣ. Въ Хасѣ Кейулѣ на Золотомъ Рогѣ произошелъ странный взрывъ на пороховомъ заводѣ; газеты объявили, что убито 3 человѣка и ранено 6; а зданій, кроме самого завода, разрушено 2. Корреспондентъ пожелалъ проверить это извѣстіе и отправился на мѣсто взрыва въ еврейскій кварталъ—вся окрестность оказалась въ развалинахъ, погибло не менѣе 2.000 человѣкъ.

и еще 2 недѣли послѣ варыга рабочія партіи отрывали трупы изъ подъ развалинъ.

Въ Стени на Босфорѣ авторъ видѣлъ оба знаменитыхъ судна „Гебенъ“ и „Бреслау“. „Гебенъ“ въ очень дурномъ состояніи и поддерживается на водѣ только при помощи искусственныхъ приспособленій (это было въ январѣ 1916 г.); пробоины отъ снарядовъ въ немъ задѣланы цементомъ; его, видимо, не считаютъ болѣе годнымъ къ дѣйствіямъ, ибо нѣсколько изъ его крупныхъ орудій были свезены на берегъ. Зато „Бреслау“ былъ въ полномъ порядкѣ и, завово выкрашенный въ сѣрий цветъ, казался готовымъ къ выходу въ море. Въ городѣ слышно много различныхъ версій о томъ, какъ этимъ двумъ судамъ удалось спастись въ Дарданеллы въ началѣ войны; одинъ изъ турецкихъ депутатовъ рассказывалъ, что оба судна нашли себѣ убежище въ Мессинѣ и въ разстояніи 3-хъ-мильной нейтральной зоны ихъ поджидали 24 союзныхъ судна. Уйти казалось немыслимымъ, и командръ „Бреслау“ предлагалъ интернироваться въ нейтральномъ порту, но командръ „Гебена“ стоять за прорывъ, и его мнѣніе, какъ старшаго, восторжествовало. Оба судна ночью вышли изъ порта и, держась возможно ближе къ берегу, благополучно ушли и достигли Дарданеллъ. Прибытие ихъ, по мнѣнію депутата, повліяло на рѣшеніе Турціи участвовать въ войнѣ; турки полагали, что съ придачею этихъ двухъ крейсеровъ ихъ флотъ въ состояніи будетъ справиться съ русскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

Ко дню отѣзда корреспондента изъ Константинополя стали приходить первые слухи о русскомъ наступлении на Кавказской границѣ. Они еще успѣлъ увидѣть, какъ были отправлены въ Арmenію 5 отлично снаряженныхъ турецкихъ баталіоновъ съ новыми ружьями. Авторъ настаиваетъ на серьезномъ намѣреніи турокъ и германцевъ организовать походъ въ Египетъ.

Нѣмцы обучили 4.000 солдатъ ѿздѣ на верблюдахъ (обучались они въ Гамбургѣ въ циркѣ Гагенбека), а такой отрядъ можетъ имѣть большое значеніе въ пустынѣ. Экспедиція должна была выступить изъ Алеппо. Съ турками еще приходится серьезно считаться; хотя они и понесли большія потери, но людей у нихъ еще много и нѣмцы хорошо ихъ натаскиваютъ.

Сводя знакомство съ германскими офицерами, скучавшими за отсутствиемъ развлечений, ибо всѣ увеселитель-

ныя мѣста въ Константинополѣ были закрыты, а также съ другими нѣмцами, корреспондентъ узнавалъ много интереснаго. Типичный нѣмецъ, старшій конструкторъ подводныхъ лодокъ съ завода „Германія“ въ Килѣ, за угощеніе пивомъ и лестные отзывы о нѣмцахъ, посвятилъ его въ тайны проникновенія германскихъ подводныхъ лодокъ въ Турцию; изъ малаго типа ихъ въ то время было не болѣе четырехъ (№ 4, 18 и 25 и еще одна); на всѣхъ на боевой рубкѣ былъ намалеванъ большой „желѣзный крестъ“.

База ихъ 2 (15) января находилась въ Золотомъ Рогѣ, между двумя большими германскими коммерческими судами. Позднѣе прибыли еще 2 лодки. Онѣ въ разобранномъ видѣ были перевезены по желѣзной дорогѣ въ Триестъ, тамъ собраны и отправились въ море. На лодкахъ нѣмцы одѣты въ свою форму, тогда какъ на крейсерахъ носятъ фески. Турецкихъ подводныхъ лодокъ не существуетъ, также какъ и аэроплановъ у турокъ только нѣсколько штукъ. Большая германская подводная лодка U 51, пришла моремъ изъ Киля въ 1915 г. черезъ Гибралтаръ; она имѣла очень значительные размѣры и крупное орудіе въ носовой части. Ею были потоплены британскіе броненосцы „Триумфъ“ и „Маджестикъ“. Командиръ ея, капитанъ ф. Херсингъ, рассказывалъ автору о своемъ путешествіи изъ Киля; какъ онъ въ надводномъ плаваніи прошелъ черезъ Гибралтаръ, какъ у о-ва Лемноса попалъ въ британскую заградительную сѣтку и съ трудомъ высвободился съ поврежденнымъ винтомъ и какъ онъ въ началѣ мая 1915 года прибылъ въ Константинополь. Этотъ офицеръ производитъ впечатлѣніе скромнаго и порядочнаго человѣка; онъ категорически отрицалъ, что „Лузитанія“ была потоплена его лодкою. Вообще, по мнѣнію корреспондента, хотя среди германскихъ морскихъ офицеровъ, вѣроятно, имѣются тоже варвары, но тѣ, съ которыми онъ встрѣчался въ Паласъ Отель въ Перѣ, очень отличаются отъ офицеровъ сухопутныхъ войскъ—надменныхъ и грубыхъ. Большинство морскихъ офицеровъ, которые не питаютъ симпатій къ своимъ сухопутнымъ товарищамъ, сильно огорчены службою, которую имъ приходится нести по приказанію свыше. Потопленіе „Лузитаніи“ сильно критикуется въ германскомъ флотѣ.

Подводныя лодки въ Константинополѣ, помимо своего прямого назначенія, служать нѣмцамъ для держанія въ повиновеніи турокъ, такъ какъ даже малыя лодки имѣютъ въ носовой части орудіе, хотя и небольшого калибра, но

достаточное для внушенія страха. Иногда происходятъ инциденты между нѣмцами и турками. Такъ, однажды корреспондентъ „Берлинъ Тагеблатъ“, докторъ Ледера, сообщилъ своей газетѣ, что въ виду недостатка въ артиллериі у турокъ, пришлось съ „Гебена“ снять 2 крупныхъ орудія и установить ихъ на Галлиполи. Турки обидѣлись на такое разоблаченіе тайны, арестовали Ледера и послали его въ концентраціонный лагерь. Барону Вангенгейму съ трудомъ удалось освободить Ледера послѣ 6 недѣльного ареста; корреспондентъ былъ высланъ изъ Турціи.

Авторъ замѣтокъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ въ пути съ австрійскимъ шпіономъ, побывавшимъ 2 раза въ Англіи и открывшимъ ему уловки нѣмецкихъ шпіоновъ. Чтобы попасть въ Англію, шпіонъ долженъ заручиться паспортомъ въ нейтральной державѣ и рекомендаціей какой-либо торговой фирмы, въ качествѣ эгента которой онъ предполагаетъ путешествовать. Для полученія паспорта нужно фальшивое метрическое свидѣтельство; такие документы въ началѣ войны въ нейтральныхъ странахъ можно было купить за 100—120 рублей. По полученіи паспорта, нужно визировать его у британского консула; многие изъ консуловъ—мѣстные жители, другие хотя и англичане, но не могутъ провѣрить подлинности метрики—при нихъ надлежало бы для этой цѣли имѣть специальныхъ сыщиковъ-англичанъ. Заручившись „визой“, шпіонъ свободно проникаетъ въ Англію и осторожно входитъ въ сношенія съ живущими тамъ нѣмецкими шпіонами.

Далѣе этотъ же корреспондентъ „Daily Mail“ въ №№ 108 и 111 „Русскаго Инвалида“ описываетъ о своемъ пребываніи въ Болгаріи.

Въ путевыхъ замѣткахъ корреспондента далѣе описывается, какъ онъ попалъ на историческій обѣдъ съ кайзеромъ въ Нишѣ 5-го (18-го) января 1916 г. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ замѣтать, что кто-то въ его отсутствіи въ отелѣ интересуется его бумагами и, опасаясь наблюденія со стороны полиціи, рѣшилъ уѣхать изъ Константинополя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ турецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что императоръ Вильгельмъ ёдетъ въ Бѣлградъ. Это всѣхъ очень удивило, такъ какъ и здѣсь много говорили о болѣзни кайзера. Нашъ журналистъ воспыпалъ непреодолимымъ желаніемъ видѣть Вильгельма и въ то же время не-

смотрѣть Бѣлградъ. Онъ отправился вновь къ Халиль-бею. Халиль-бей принялъ его любезно и, выслушавъ цѣлый рядъ комплиментовъ и страстное желаніе просителя видѣть „Бога Войны“, далъ ему свою карточку и письмо къ начальнику полиціи въ Стамбулѣ. Съ нѣкоторой опаской корреспондентъ отправился на другой день въ полицейское управление, гдѣ ему объявили, что балканскій экспрессъ пойдетъ только черезъ нѣсколько дней, а пока можноѣхать только на германскомъ воинскомъ поѣздѣ. Авторъ замѣтокъ упомянулъ о своей аудіенціи у Энвера-паши и просилъ выхлопотать у военнаго министра разрѣшеніеѣхать на воинскомъ поѣздѣ. Обѣщали похлопотать и оставили у себя его паспортъ. На другой день паспортъ былъ ему возвращенъ съ турецкимъ клеймомъ и надписью о разрѣшеніиѣхать въ Бѣлградъ, и, такимъ образомъ, онъ очутился на воинскомъ поѣздѣ среди чиновъ германскаго „Краснаго Креста“ и германскихъ офицеровъ и солдатъ.

По пути въ Сербію онъ могъ убѣдиться, съ какою быстротою нѣмцы возстановили разрушенные сербами при отступленіи путь, мосты и тоннели; по сторонамъ всюду лежали слѣды недавней борьбы—поломанныя повозки, трупы лошадей, съ которыхъ нѣмцы предусмотрѣтельно содрали кожу, и предметы снаряженія всякаго рода. Ему рассказали, что нѣмцы на греческой границѣ переодѣли болгарскія войска въ прусскіе мундиры въ виду того, что греки ненавидятъ болгаръ и въ случаѣ похода на Салоники были бы очень озлоблены появлениемъ на ихъ территоії болгарскихъ войскъ. Дѣйствительно, корреспондентъ въ Нишѣ видѣлъ большие запасы прусского обмундированія, а потомъ въ печати сообщалось, что болгарскія дивизіи у Дойрана были одѣты въ прусскіе мундиры. Впрочемъ, онъ плохо вѣрилъ въ осуществленіе экспедиціи противъ Салоникъ, такъ какъ нѣмцамъ внушаетъ сильное опасеніе генералъ Сарайль, съ которымъ имъ пришлось познакомиться подъ Верденомъ (въ періодъ большого сраженія на Марнѣ въ 1914 г.). Турки также съ опаской поглядываютъ на Салоники, боясь, какъ бы союзники не атаковали Константинополя съ сѣверо-запада.

Когда поѣздъ подходилъ къ Нишу, германскійunter-officerъ, выглянувъ въ окно, вскричалъ: „Нашъ кайзеръ здѣсь!“. Всѣ бросились къ окнамъ и увидали станцію, расцвѣченную германскими и болгарскими флагами. Корреспондентъ почуялъ близость исполненія своихъ желаній,

тотчасъ рѣшилъ оставаться въ Нишѣ и, накорю собравъ свои пожитки, выскочилъ на платформу. Императорскій поѣздъ только-что прибылъ съ сѣвера, и вдалекѣ на платформѣ, охраняемой германскимъ карауломъ, рука обь руку прогуливались кайзеръ и Фердинандъ. Корреспондентъ по-дошелъ насколько возможно близко къ нимъ; онъ видѣлъ императора 8 лѣтъ тому назадъ, а Фердинанда никогда не видалъ. Въ наружности кайзера произошла разительная перемѣна: онъ небольшого роста, а рядомъ съ грузной фигурой Фердинанда, съ его большимъ крючковатымъ носомъ и утиною походкою въ развалку, казался еще меньше. Одѣтъ онъ былъ въ длинный сѣрий плащъ съ сѣроватымъ мѣховымъ воротникомъ и въ каскѣ, крытой матеріей защитнаго цвѣта. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка разбитаго, крайне усталаго—отъ войны или болѣзни, сказать трудно; волоса его совершенно побѣлѣли, но усы подозрительно темные, лицо вытянутое и морщинистое. Въ его движеніяхъ поражало отсутствіе прежней порывистости и живости; онъ держалъ въ рукахъ большой красный платокъ, съ мѣткою турецкаго полумѣсяца, и безпрестанно подносилъ его ко рту. Тѣмъ не менѣе, Вильгельмъ старался быть любезнымъ, милостиво бесѣдовалъ съ окружающими, рассматривалъ медали у болгарскихъ солдатъ.

Наблюденія корреспондента были прерваны подходомъ къ нему двухъ болгарскихъ чиновниковъ съ нѣсколькими солдатами. Принимая его за нѣмца, одинъ изъ нихъ на ломанномъ нѣмецкомъ языке спросилъ его о цѣли прибытія въ Нишъ, когда же тотъ объявилъ свою національность (нейтральную), то чиновникъ освѣдомился, не говорить ли онъ по-французски и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, съ видимымъ облегченіемъ заговорилъ на этомъ языке.

Авторъ замѣтокъ объяснилъ свои желанія и разсыпался въ похвалахъ болгарской арміи и горячему патріотизму болгаръ. Его рѣчи, видимо, понравились, чиновники съ нимъ разговорились и тутъ же представили его начальнику болгарскаго бюро печати Ромакову. Послѣ общаго разговора чиновники стали болтать съ Ромаковымъ на своемъ родномъ языке, и въ результатѣ послѣдній предложилъ корреспонденту присутствовать на банкетѣ въ честь императора въ качествѣ представителя нейтральной прессы, обѣщаю, что обѣдъ будетъ простымъ, но историческимъ.

Съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе, журналистъ радостно изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ авторъ провелъ время до обѣда въ прогулкѣ по городу съ двумя болгарскими журналистами, съ которыми его познакомилъ Ромаковъ. Нишъ находился подъ снѣжнымъ покровомъ, погода была ясная, солнечная. Въ городѣ квартировалъ штабъ германской балканской арміи. Нишъ представлялъ собою настоящій арсеналъ, заваленный орудіями и боевыми припасами и особенно складами снарядовъ для тяжелой артиллеріи. Въ немъ было множество плѣнныхъ сербовъ, которые свободно бродили по улицамъ и, повидимому, сравнительно были довольны своею судьбою. Городъ очень мало пострадалъ отъ обстрѣливанія; дѣловая жизнь была очень оживленною; германскіе солдаты свободно расходовали деньги; всѣ большія зданія были превращены въ лазареты, которые получали предметы снабженія изъ окрестностей.

Когда на вокзалѣ съ главнаго пути убрали императорскій поѣздъ, къ платформѣ съ сѣвера подошелъ другой—съ боевыми припасами и монопланами Фокера; послѣдніе, отличавшіеся большими размѣрами, занимали по длини каждый двѣ платформы; крылья были сложены назадъ и моторы тщательно прикрыты.

Банкетъ въ честь императора состоялся въ городской ратушѣ, столовая была обильно разукрашена флагами, въ томъ числѣ германскими и австрійскими, хотя австрійцы имѣютъ мало представителей въ Нишѣ и ихъ штабъ-квартира, повидимому, находилась въ Бѣлградѣ. Приглашенныхъ было немного; столъ, установленный покоемъ, имѣлъ только 50 приборовъ и нѣсколько мѣсть оставались пустыми, а фактически на обѣдѣ присутствовало не болѣе 40 лицъ. Столъ былъ украшенъ розами и ранними полевыми цветами, среди которыхъ преобладалъ желтый цвѣтъ. Скрытый за пальмами гвардейскій оркестръ исполнялъ музыкальную программу, въ которую входили пьесы Мендельсона, Вагнера, Шопена, Атанасова („Волшебный источникъ“) и др. и „Балканский маршъ“ Скордева. Простота была главною отличительной чертою этой трапезы; прислуживали болгарскіе солдаты—вѣстовые. Меню, отпечатанное на нѣмецкомъ языкѣ и украшенное сверху королевскимъ гербомъ Фердинанда, заключало въ себѣ семь блюдъ: куриный супъ, форели изъ озера Охриды, пилавъ, шеврель по-кумберландски, страссбургскій пирогъ, салатъ цикорій съ укропомъ изъ

Варны и болгарское мороженое; затѣмъ слѣдовали батоны съ сыромъ и десертъ.

Для представителей печати были отведены удобныя мѣста, съ которыхъ можно было хорошо слышать рѣчи. Обѣдъ носилъ отпечатокъ обычной официальной натянутости. Императоръ сидѣлъ по правую руку Фердинанда, а по лѣвую сторону послѣдняго—генералъ ф.-Фалькенхайнъ; правымъ сосѣдомъ Вильгельма былъ, повидимому, Радославовъ.

Авторъ замѣтокъ, сосредоточивъ свое вниманіе на кайзерѣ, не меныше былъ заинтересованъ генераломъ Фалькенхайномъ, начальникомъ германского генерального штаба, руководителемъ гигантской германской военной машины. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе тонкими и красивыми чертами лица; хотя ему далеко за 50 лѣтъ, но выглядитъ онъ моложе. Въ немъ мало нѣмецкаго, если не считать его аккуратности. Онъ носить коротко остриженные сѣрые волосы, движенія его быстрыя, и онъ является олицетворенiemъ силы, мужества и живости и, повидимому, выносить тягости войны и громадную отвѣтственность ея замѣчательно легко. При видѣ его, корреспондентъ получилъ отчетливое впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ вполнѣ подходящій для возложенной на него задачи. Онъ свободно бесѣдовалъ съ кайзеромъ и Фердинандомъ съ видомъ непринужденности и увѣренности.

Наблюдая за Вильгельмомъ, который безпрестанно кашлялъ и имѣлъ страшно утомленный видъ, корреспондентъ удивлялся, что могло побудить этого, очевидно больного человѣка, покинуть свой дворецъ въ Берлинѣ иѣхать двое сутокъ въ маленькой сербскій городокъ, чтобы присутствовать на обѣдѣ въ 40 кувертовъ, при свѣтѣ кerosиновыхъ лампъ? Несмотря на состояніе своего здоровья, Вильгельмъ старался быть любезнымъ насколько возможно. Получалось впечатлѣніе, что онъ желаетъ чего-нибудь добиться отъ Фердинанда и отъ болгаръ вообще, иначе онъ едва ли сталъ выносить фамиліарную манеру, съ которой къ нему обращался Кобургскій. Императоръ Вильгельмъ вообще не терпитъ такого обращенія съ собою даже со стороны равныхъ съ нимъ по положенію лицъ, если онъ не преслѣдуется особой цѣли. Онъ, видимо, долженъ былъ дѣлать надъ собою большія усилия, когда, временами задыхаясь отъ кашля, съ улыбкою выслушивалъ Фердинанда, наклонявшагося къ нему и что-то нашептывающаго ему въ ухо.

Авторъ замѣтокъ дивился, какія мысли рождаются въ головѣ Вильгельма при видѣ этого желтаго лица съ узкими въ щелку глазами—типичными глазами ростовщика—своего зазнавшагося сосѣда. Какъ бы ни старался Фердинандъ, онъ не въ состояніи сгладить выраженія скрытаго лукавства, составляющаго отличительную черту его физіономії. Эти крошечные глаза являются зеркаломъ очень темной души и за этой желтой маской, съ крючковатымъ носомъ, обрамленной бородкой съ просѣдью, скрывается очень лукавый мозгъ. Кайзеръ ничего не ъѣлъ и не пилъ за обѣдомъ, быть можетъ въ виду того, что, по слухамъ, онъ обыкновенно ъѣсть раньше, а потомъ является на офиціальные банкеты, а можетъ быть вслѣдствіе состоянія его горла. Зато Фердинандъ ъѣлъ каждого блюда съ аппетитомъ и съ видимымъ удовольствіемъ тянулъ какое-то особенное бѣлое вино. Онъ имѣлъ видъ крайне самодовольный и, видимо, гордился тѣмъ, что большой кайзеръ пропутешествовалъ двое сутокъ, чтобы присутствовать на „его“ банкетѣ.

Когда встали изъ-за стола, еще больше бросилась въ глаза разница между двумя правителями. Хотя Вильгельмъ рядомъ съ большимъ и грузнымъ Фердинандомъ казался маленькаго роста, хоть онъ выглядѣлъ старымъ, сѣдымъ, морщинистымъ, больнымъ и усталымъ, все же онъ держался прямо, какъ на смотру своей гвардіи, и въ немъ виденъ былъ императоръ, ярко отличаясь отъ тяжеловѣсной, неуклюжей фигуры болгарскаго правителя.

Среди приглашенныхъ находились оба болгарскихъ королевича. Наслѣдный королевичъ Борисъ является должно быть страшнымъ разочарованіемъ для своего отца; тощий, съ округленными плечами, тупымъ выраженіемъ лица, онъ выглядывалъ усталымъ и значительно старше своихъ лѣтъ; если бы не мундиръ, его можно было бы принять за прислугу. Королевичъ Кириллъ выглядитъ нѣсколько лучше своего брата, но и имъ отецъ не имѣеть основанія гордиться; оба принца сидѣли между германскими офицерами и совершенно стушевались своею ничтожностью.

Очень забавенъ отзывъ корреспондента одной изъ германскихъ газетъ объ историческомъ банкетѣ въ Нишѣ. Онъ увѣряетъ, что кайзеръ былъ въ веселомъ и даже игривомъ настроеніи духа, что онъ поднялъ принца Кирилла и подбрасывалъ его въ воздухъ; наконецъ посадилъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ. Нѣмецкій корреспондентъ, очевидно, позабылъ о сухой рукѣ Вильгельма; онъ

не можетъ „подбрасывать“ даже ребенка, Кирилль же—взрослый молодой человѣкъ, а наружность его настолько непривлекательна, что даже при всей „дипломатіи“ кайзеру едва-ли пришло бы въ голову поцѣловать его. Нѣмецкій журналистъ не въ мѣру перестарался.

Рѣчи во время банкета были политического характера и хвастливаго содержанія; онъ извѣстны изъ печати, и авторъ замѣтокъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы записывать ихъ, а заимствовалъ содержаніе ихъ изъ газеты „Times“. Фердинандъ говорилъ по-нѣмецки, за исключеніемъ послѣдней фразы, произнесенной по-латыни. Когда былъ поданъ кофе и „бисмарковскія“ сигары, поднялся Фердинандъ, и тотчасъ воцарилось молчаніе. Онъ говорилъ плавно на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ помощи замѣтокъ.

Въ началѣ рѣчи онъ упомянулъ, что въ этотъ день исполнилось 250 лѣтъ со дня коронованія первого прусскаго короля Фридриха I-го и учрежденія имъ ордена Краснаго Орла.

Теперь императоръ, послѣ славныхъ побѣдъ своихъ войскъ, можетъ въ безопасности пребывать въ прежней римской крѣпости Нишъ. Ораторъ благодарили кайзера за посвѣщеніе, закрѣпляющее союзъ между обѣими странами. Миръ, продолжалъ онъ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ оцѣниваетъ мощь Германіи и ея союзниковъ и вѣрить въ непобѣдимость германской арміи подъ руководствомъ ея кайзера. Ораторъ выразилъ надежду, что 1916 годъ принесетъ прочный миръ—священный плодъ „нашихъ“ побѣдъ, который дастъ возможность болгарскому народу впредь содѣйствовать культурной работѣ. Но если по волѣ судьбы придется продолжать войну, то болгарскій вооруженный народъ до конца будетъ готовъ исполнить свой долгъ. Тутъ Фердинанду, вѣроятно, показалось, что нѣмецкій языкъ недостаточенъ для выраженія полноты его чувствъ, а для этого нуженъ языкъ классической, и онъ произнесъ по-латыни: „слава тебѣ, императоръ, цезарь и король, побѣдоносный и славный. Въ древнемъ Нишѣ тебя привѣтствуютъ народы Востока, тебя, искупителя, приносящаго угнетеннымъ преуспѣяніе и благость“. Все это было сказано человѣку, который съ видимымъ напряженіемъ выносилъ тягость положенія и безпрестанно кашлялъ въ свой турецкій платокъ.

Отвѣтная рѣчь императора никогда не была произнесена, а „разослана“ по распоряженію властей, по той простой причинѣ, что кайзеръ, вслѣдствіе душившаго его кашля, не могъ произнести ее.

Въ текстѣ своей рѣчи Вильгельмъ отмѣчаетъ, что онъ уже второй разъ въ теченіе войны празднуетъ годовщину учрежденія ордена Краснаго Орла и на этотъ разъ въ исторической прекрасной мѣстности, завоеванной храбростью болгаръ, принятый королемъ среди его доблестныхъ войскъ и удостоенный высокимъ орденомъ и назначениемъ шефомъ 12-го болгарскаго пѣхотнаго полка.

„Наши враги, изъ зависти къ мирному и цвѣтущему благосостоянію Германіи и Австро-Венгрии“, говорится далѣе въ рѣчи, — „бросили намъ вызовъ и съ легкимъ сердцемъ подвергли опасности развитіе культуры всей Европы съ цѣлью нанести намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ ударъ въ самомъ корнѣ нашей моціи. Мы прошли черезъ тяжелую борьбу, которая вскорѣ получитъ дальнѣйшее развитіе. Когда тѣ же враги стали грозить Турціи, она присоединилась къ намъ и въ упорной борьбѣ обеспечила свое міровое положеніе.“

Осторожность убѣдила ваше величество, что для Болгаріи и для васъ насталъ часъ выступить съ давними и справедливыми требованіями для открытия вашей мужественной странѣ дороги къ славной будущности. Въ истинномъ товариществѣ славное триумфальное шествіе вооруженного народа вашего величества подъ руководствомъ я военнаго вождя одинъ за другимъ вплело божественные лавры славы въ исторію Болгаріи. Желая выразить мои чувства по поводу такихъ дѣяній, я просилъ ваше величество принять званіе прусскаго фельдмаршала и вмѣстѣ съ моей арміею я счастливъ, что вы, принявъ его, и въ этомъ отношеніи стали однимъ изъ нашихъ.

Съ Божьей помощью великія дѣла были совершены здѣсь и на всѣхъ другихъ фронтахъ. Я испытываю чувства глубокой благодарности Всевышнему за то, что мнѣ довелось сегодня въ этомъ историческомъ мѣстѣ, вновь освященномъ геройскою кровью, среди нашихъ доблестныхъ войскъ, пожать руку вашего величества и внимать вашимъ словамъ, въ которыхъ вы выразили твердое рѣшеніе сражаться за успешный и прочный миръ и продолжить вѣрность и дружбу, запечатленную въ ураганѣ войны, въ вѣрной, общей работѣ къ достиженію высокой цѣли, воз-

ложенной на насъ заботою о благѣ нашихъ народовъ. Съ полной увѣренностью также и я преслѣду є эти цѣли и подымаю бокаль за благополучіе вашего величества и вашаго дома, за побѣду славной болгарской арміи и за будущность Болгаріи!». Далѣе въ рѣчи слѣдуетъ цѣлый рядъ высокопарныхъ, банальныхъ фразъ, пересыпанныхъ безмѣрною лестью по отношенію къ болгарской арміи и Фердинанду съ упоминаніемъ о дарованіи ему званія прусскаго фельдмаршала. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вильгельмъ подчеркиваетъ данное Фердинандомъ въ своей рѣчи обѣщаніе продолжать борьбу до конца. Рѣчь кайзера, несмотря на свою кажущуюся банальность, имѣетъ глубокій внутренній смыслъ; между строкъ она читается такъ: „Столѣтъ тому назадъ, при помощи Россіи, изъ праха возродилась Пруссія, превратившаяся затѣмъ въ объединенную Германію, благодаря генію Бисмарка, котораго, вступивъ на престоль, я прогналъ. Окрѣпнувъ съ помощью экономического гнета, развитія колоній и военнаго могущества, мы возмечтали о міровомъ господствѣ. Къ осуществленію этой идеи мы готовились 40 лѣтъ. Искalѣченную нами въ 1866 г. нашу нѣмецкую сестру Австрію мы страхомъ принудили къ союзу со специальною цѣлью задушить славянскую расу и „поговорить“ отблагодарить Россію.

Когда назрѣло время, я, оставаясь въ тѣни, побудилъ Австрію подать поводъ къ европейской войнѣ и раздавилъ Бельгію, охраняемую гарантированнымъ мною и другими державами нейтралитетомъ.

Однако дерзкіе враги собрали противъ насъ такую коалицію и оказали такое сопротивленіе, что на первыхъ же порахъ мы потерпѣли неудачу въ своихъ молніеносныхъ планахъ и, безпощадно массами послыая людей на убой, уложили большую часть своихъ лучшихъ войскъ. Потребовался новый человѣческій матеріалъ, и мы, за сравнительно невысокую плату, сторговались съ младотурками и тобою, дорогой Фердинандъ. Ты хорошо исполнилъ свою роль нѣмецкаго правителя, подаявъ на измѣну историческимъ традиціямъ и предательство славянству и Россіи: довѣрившій тебѣ управлениe страною свой славянскій народъ. За это я тебѣ и ему наговорилъ здѣсь кучу любезностей и сдѣлалъ тебя фельдмаршаломъ. Вѣрю, что ты и впредь, согласно выраженного здѣсь обѣщанія, когда останешься одинъ, съ нашими друзьями турками, а я буду занятъ на главныхъ фронтахъ, будешь продолжать обильно

проливать болгарскую кровь во имя моихъ нѣмецкихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ да здравствуетъ твоя армія и онѣмеченная Болгарія!“. Единственнымъ ораторомъ на банкетѣ, кромѣ Фердинанда, фактически выступалъ генералъ Фалькенхайнъ, коротко благодарившій Фердинанда за обращенные къ нему лестныя слова.

Собрание закончилось подъ звуки национальныхъ гимновъ обѣихъ странъ; послѣднее впечатлѣніе отъ него было, что Фердинандъ, съ многозначительнымъ взглядомъ въ своихъ маленькихъ лисьихъ глазахъ, обѣими руками пожималъ правую руку кайзера, какъ бы подчеркивая этимъ важное соглашеніе.

Тотчасъ послѣ банкета присутствовавшіе на немъ журналисты бросились въ телеграфное бюро, но они очевидно позабыли о германской цензурѣ, которая распорядилась своевременно закрыть бюро, дабы не было распространено никакихъ извѣстій о банкетѣ до появленія офиціального сообщенія.

Авторъ съ трепетомъ вспоминаетъ о своемъ волненіи во время этой трапезы и грозившей ему опасности, если бы кто-либо изъ присутствующихъ узналъ его—корреспондента ненавистной нѣмцамъ британской газеты. Онъ не припомнить, Ѳль ли онъ что-нибудь за обѣдомъ, и отмѣчаетъ, что вѣроятно даже Вильгельмъ не чувствовалъ себя хуже его самого. Онъ понялъ, что это былъ кульминаціонный пунктъ его поѣздки, и рѣшилъ, воспользовавшись балканскимъ экспрессомъ, возможно скорѣе вернуться въсвойси.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. В.

Въ родномъ гнѣздѣ.

(Лѣтопись рода Бутовскихъ).

I.

Я родился въ Пятигорцахъ ¹⁾, но дѣтство свое я провелъ въ деревнѣ Пелеховщинѣ, Кременчугскаго уѣзда. Это было родовое имѣніе моего отца. Тутъ не было того, что мнѣ такъ нравилось въ Пятигорцахъ, и особенно въ Поставмукахъ. Это была гладкая, безводная степь. Ближайшія рѣки протекали верстахъ въ двѣнадцати отъ насъ; тутъ Сула впадала въ Днѣпръ, образуя безчисленные рукава. У устья Сулы раскинулось большое село или мѣстечко Чигринъ-Дуброва, хорошо известное намъ потому, что тутъ же по сосѣдству были наши заливные луга, или какъ ихъ называютъ по-малорусски „плавни“. Въ старину Чигринъ-Дуброва была мѣстомъ расположенія казачьей сотни Лубенскаго полка. Сотня такъ и называлась Чигринъ-Дубровской.

Эта гладкая степь имѣла, однако, свои привлекательныя стороны. То тамъ, то сямъ на ней издали видныются малорусскіе курганы, и когда вы всходите на такой курганъ „или могилу“, передъ вами открывается необъятная перспектива. Эта головокружительная даль мѣняетъ свой характеръ, свою окраску, свою ясность не только по временамъ года, но и по часамъ дня. Весною, въ то далекое время, это было зеленое царство, испещренное яркими полевыми цветами; а тамъ далеко на горизонтѣ, въ весенней мглѣ, вы замѣчали какое-то волненіе, какъ будто двигались какія-то большія стада.—„Это святой Петръ овецъ гонитъ“, поясняли вамъ старые люди.—„Придеть Петровъ день и не будетъ больше. Петровыхъ овецъ до слѣдующей весны...“

¹⁾ См. „Прекратившійся родъ“.

Осенью степь окрашивалась яркими тонами скошенныхъ полей и сжатыхъ нивъ. Ёдете вы въ теплый осенний день, и вдругъ вамъ видится вдали, обыкновенно гдѣ-нибудь подъ группою деревъ, большое водное пространство; вода ярко блеститъ, какъ бы отражая солнечные лучи.. Приближаетесь, и все это вдругъ исчезаетъ: это былъ миражъ.

Но и въ теченіе дня степь нѣсколько разъ мѣняетъ свой обликъ. Выйдя раннимъ утромъ, съ восходомъ солнца, и повернувшись на западъ, вы съ изумленіемъ замѣчаете, что передъ вами открывается нѣчто такое, чего вы не видите въ другіе часы дня. Вонъ тамъ, за Сулою, тянется высокій нагорный берегъ; онъ постепенно удаляется, но глазъ вашъ можетъ далеко слѣдить за нимъ и различать стоящія на горѣ церкви, цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, иногда даже сады и избы, спускающіеся по берегу. Днемъ ничего этого не видно, а теперь вы различаете все это въ ясныхъ очертааніяхъ и въ яркой окраскѣ... Вечеромъ, когда солнце склоняется уже къ закату, повернитесь на востокъ, и передъ вами въ чудномъ освѣщеніи выступить панорама хуторовъ и сель съ яркими бѣлыми хатами, рисующимися ча густой зелени вишневыхъ садовъ и развѣсистыхъ украинскихъ вербъ.

Въ степи не только дальше видишь, но и гораздо дальше слышишь. Спускается темная зимняя ночь. Все затихаетъ, наступаетъ царство молчанія во всей далекой темной окрестности. Но вотъ гдѣ-то далеко раздается собачій лай. Опытный человѣкъ сейчасъ уже говоритъ вамъ, что это въ такомъ-то казачьемъ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ насъ; и если спустя немного собаки залаютъ ближе, въ Кирьяковкѣ, то сейчасъ же дѣлается предположеніе, что кто-то ёдетъ къ намъ.—„Некуда больше“,—догадывается Кондратъ, нашъ лакей.—„Должно быть Иванъ Григорьевичъ изъ Пронозовки“.

И дѣйствительно, смотришь—старый дѣдушка Иванъ Григорьевичъ, въ волчьей шубѣ, съ плотно обмотаннымъ шарфомъ и съ заинdevѣвшимъ мѣхомъ на воротникѣ.

Отецъ мой сердечно радъ дорогому гостю въ такое глухое зимнее время..—„Какъ это вы рискнули, дядюшка, такъ поздно, въ такую темноту и въ такой холодъ?...“.

Но Иванъ Григорьевичъ ничего не боится. Его характерная высокая фигура Александровской эпохи показывается въ гостиной, и онъ съ шутливой серьезностью обращается

къ намъ, дѣтямъ:—„А, воть они, мои непримирамые партнеры въ мельника!...“

Страшной становится степная зимняя ночь въ мятель, и не то что въ настоящую мятель, а просто когда начинается зимняя мгла, даже въ лунную ночь. Свѣтло а ничего не видно, все гладко и никакихъ мѣстныхъ признаковъ. У насть рассказывалось много случаевъ, какъ люди сбивались съ дороги въ такое время на очень небольшихъ проѣздахъ. Какъ-то разъ дядя Иванъ Ивановичъ, проведя у насъ вечеръ, выѣхалъ къ себѣ домой въ Вишеньки, всего въ верстѣ отъ насть, часу въ одиннадцатомъ, а прибылъ домой только утромъ, когда уже стало разсвѣтать. Самъ онъ рассказывалъ, что, проплутавъ порядочно, онъ наткнулся на какія-то избы; показалось, что это хуторъ Посьмашновка, лежащій въ сколько въ сторонѣ отъ Пелеховщины и Вишнекъ.—„Ну, теперь дорогу знаемъ, думаемъ себѣ... Поѣхали; казалось рукой подать, а между тѣмъѣздили долго. Теперь, кажется, дома. Справляемся, гдѣ это мы? оказывается опять Посьмашновка... И только на этотъ разъ проѣхали, кажется, не забирая въ стороны....“.

Былъ тоже случай съ новымъ исправникомъ. Онъ знакомился съ дворянами. Просидѣвъ у насть вечеръ, онъ довольно рано выѣхалъ въ Кирьяковку, къ тамошнему владѣльцу Адаму Алексѣевичу Кирьякову. На другой день, отецъ мой, встававшій очень рано, слышитъ дорожный колокольчикъ. Къ крыльцу подѣважаютъ сани, и въ комнату входитъ исправникъ. И онъ и мой отецъ оба въ изумленіи.

— „Я у Адама Алексѣевича?“ спрашиваетъ исправникъ.

— „Нѣть, вы у меня“, отвѣчаетъ отецъ.

Исправникъ проѣздилъ всю ночь. Но тутъ случилось и еще одно недоразумѣніе, направившее его на ложный путь: нашу Пелеховщину въ простонародіи называли „Кирьячинковъ хуторъ“, а Кирьяковку называли „Майданъ“. И вотъ подъ утро исправника вмѣсто Кирьяковки проводили въ Кирьячинковъ хуторъ.

Было разъ, что и родители мои вмѣстѣ со мною, выѣхавъ изъ Петрашовки, въ двухъ верстахъ отъ насть, въ свѣтлую мглистую ночь, проѣздили часа четыре и прїѣхали въ Пелеховщину совсѣмъ съ другой стороны.

Въ этой стени, такой открытой, что вы сразу обнимаете ее всю вашимъ глазомъ, есть однако своя таинственность, своя загадочность. Эти бесконечные горизонты заставляютъ васъ мечтать, и въ этихъ мечтахъ всегда есть отънокъ

какой-то грусти. Это настроение слышится и въ малорусской пѣснѣ.... Все тутъ, кажется, ровно и гладко, а между тѣмъ тутъ есть мѣста, отмѣченныя народными преданіями и разсказнями бывалыхъ людей. Вонъ тамъ къ югу, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины, виднѣется могила; ее называютъ Гайдамацкою, и старые люди рассказывали, что тутъ, въ „тернахъ“, стояла когда-то гайдамацкая шайка и наводила ужасъ на всю окрестность. Когда это было, и на какую окрестность тутъ можно было наводить страхъ, когда не такъ еще давно это была совершенно голая степь,— этого никто не можетъ объяснить:—„Дѣды наши такъ разсказывали, а такъ ли оно было, кто его знаетъ?...“

А вотъ тутъ совсѣмъ недалеко отъ Пелеховщины, къ сѣверу возвышается „Острая могила“. Есть и въ другихъ мѣстахъ Острыя могилы, но эта считается почему-то особенно замѣчательною. Когда случается произнести это название, то вѣсЬ непремѣнно спросятъ:—„Это какая же Острая могила?“, и на вашъ отвѣтъ, что это по дорогѣ изъ Горбовъ въ Мозолѣвку, близъ Пелеховщины, собесѣдникъ вашъ многозначительно протянетъ:—„А!“

Тутъ не задаются разысками, что такое эти могилы, и даже мало различаютъ ихъ отъ другого рода могиль, которыхъ здѣсь называются „раскопанными“. Я не буду много говорить здѣсь обѣ этомъ, но мнѣ такъ много приходилось видѣть этихъ раскопанныхъ могиль, что все-таки хочется сказать о нихъ слова два. Эти могилы не имѣютъ никакого отношенія къ обыкновеннымъ могиламъ—курганамъ. Это стариные укрѣпленные пункты, видимо различной силы и различнаго значенія. Можно различить передовые посты и укрѣпленія второй линіи, обыкновенно болѣе сложныя, состоящія изъ двухъ или трехъ ямъ, обнесенныхъ высокимъ валомъ. Думаютъ, что это казацкія укрѣпленія, и подтверждаютъ это тѣмъ, что они видимо устроены для спѣшнныхъ кавалеристовъ, такъ какъ съ тыльной ихъ стороны всегда есть довольно длинный валъ, укрывавшій привязанныхъ за нимъ лошадей; кромѣ того иногда въ ямахъ попадаются землянныя насыпи для постановки пушки.

Очень вѣроятно, что казаки пользовались такими круглыми ямами, но если разобраться, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ находятся такія укрѣпленія, и какъ они построены, то становится еще болѣе вѣроятнымъ, что это сторожевые посты какого-то очень древняго кочевого народа, мѣнявшаго свои кочевья изъ одной степи въ другую, напримѣръ, отъ бере-

говъ Сулы къ берегамъ Псла, и оканывавшаго мѣсто своего кочевья кругомъ такими сторожевыми постами.

Особенность всякой раскопанной могилы состоять въ томъ, что когда вы всходите на ея валъ, передъ вами въ одну сторону открывается огромное пространство, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ; обыкновенно это видъ на рѣку, на Днѣпръ, на Сулу и на зарѣчное пространство. Посмотрите въ стороны и непремѣнно увидите вдали, и вправо и влево, такую же сторожевую могилу. Очевидно, это было основное правило ихъ расположенія.

Но и кромѣ могиль въ степи всегда есть мѣста, отмѣченныя какими-либо происшествіями или чудесами. Вотъ тутъ около Пелеховщины есть перекрестокъ; когда возвращаешься домой въ ночное время, тамъ непремѣнно увидишь что-нибудь несуразное. Однажды Иванъ Федорина, почтенный мужикъ, возвращался изъ Жовнина, съ ярмарки, и что же? на этомъ перекресткѣ у него выпрягли воловъ и пустили гулять въ поле, а онъ проспалъ себѣ посреди дороги въ незапряженномъ возу, къ стыду своему, чуть не до полудня. Когда онъ рассказывалъ объ этомъ сосѣдямъ, то всѣ единогласно рѣшили, что воловъ выпрягла вѣдьма, и что она не одному ему надѣлала хлопотъ: кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ большую бѣлую лошадь, напугавшую воловъ, которые взяли влево и чуть не вывалили хозяина въ ровъ. А кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ просто вѣдьму: хотѣлъ схватить ее за косу, но она во что-то превратилась, такое маленькое и быстрое, что ее никакъ и схватить нельзя было...

Говаривали у насъ и о кладахъ. Кто-то, когда-то давно, наканунѣ Ивана Купала, проходя мимо калиноваго куста въ господскомъ саду, вдругъ увидѣлъ въ полѣ, какъ разъ по направленію Острой могилы, горящую свѣчу. Отошелъ немного въ сторону—свѣчи нѣть; вернулся къ калинѣ—опять горитъ; попробовалъ было идти къ свѣчкѣ—потухло; искалъ, искалъ того мѣста, гдѣ она горѣла, и найти не могъ... Люди рѣшили, что тамъ непремѣнно зарытъ кладъ, да только парень не умѣлъ приняться за дѣло.

Этотъ разсказъ служилъ обыкновенно какъ бы введеніемъ къ другому, пожалуй болѣе достовѣрному. Проходилъ тутъ у насъ какой-то человѣкъ изъ Молдавіи или Валахіи, вообще откуда-то издалека, съ юга, и услышавъ, что наша могила называется Острою, задумался. Зналь онъ гдѣ-то тамъ одного человѣка, выходца изъ этихъ мѣстъ,

и тотъ человѣкъ говорилъ ему, что въ степи, между Днѣпромъ и Сулою есть Острая могила. Эту могилу нетрудно найти, ее знаютъ всѣ люди; и вотъ если взойти на эту могилу и повернуться лицомъ къ полудню, то такъ, въ разстояніи одного гона отъ могилы будетъ другая низкая могилка, едва замѣтная, не всѣ люди ее и знаютъ, такъ вотъ въ этой-то могилкѣ и зарыть большой кладъ..

Рассказали люди объ этомъ дѣлѣ моему дѣду, Петру Кирьяковичу. Это былъ человѣкъ спокойнаго, добраго и веселаго нрава. Онъ сначала не придалъ значенія этому рассказу; но присмотрѣвшись, что въ указанномъ мѣстѣ есть дѣйствительно чутъ замѣтная могилка, онъ задумалъ было разрыть ее и посмотреть, не найдется ли въ ней и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь цѣннаго. Начали рыть; работали цѣлое утро; послѣ обѣда дѣдъ мой, по обыкновенію, прілегъ отдохнуть, и вотъ снится ему старый человѣкъ страннаго вида; стоить онъ, будто бы, у могилы и говорить ему: — „зачѣмъ ты тревожишь мои старыя кости, такъ долго и спокойно лежавшія въ этой могилѣ? Ты дѣлаешь большой грѣхъ, который не будетъ тебѣ прощенъ ни въ этой, ни въ будущей жизни...“

Проснулся дѣдъ, пошелъ къ рабочимъ, а тамъ ему какъ разъ и докладываютъ, что вырыли какія-то кости и что тутъ, должно быть, похороненъ какой-то человѣкъ. Это встревожило дѣда; онъ велѣлъ бережно положить кости на прежнее мѣсто и засыпать могилу. Съ тѣхъ поръ о кладѣ не было больше и разговоровъ.

Такова моя родная степь. Я записываю здѣсь мои раннія впечатлѣнія. Кто не знаетъ степи, тому едва-ли много скажутъ эти бѣглые наброски. Но тотъ, кому степь родная стихія, пожалуй, пробѣжитъ ихъ съ интересомъ и не поставитъ мнѣ въ упрекъ мои, можетъ быть, нѣсколько длинныя описанія.

II.

Я былъ первенцемъ у моихъ родителей. У насъ въ деревнѣ давно не видѣли господскихъ дѣтей, и потому, вѣроятно, всѣ наши люди, и малые и старые, относились ко мнѣ въ моемъ дѣтствѣ съ большимъ расположeniemъ. Иду, бывало, съ няней по улицѣ, и мальчишки издали провожаютъ меня съ веселыми лицами. Всѣ гладко выстри

женные, точно выбритые, съ чубомъ, оставленнымъ спереди надъ лбомъ и аккуратно обвязаннымъ въ видѣ четырехугольника. Тутъ и гигіена, и педагогика: на головѣ не будетъ паразитовъ, и есть за что схватить, если надо будетъ выдрать за волосы.

Встрѣчающіеся взрослые люди съ длинными усами, бритыми щеками и подбритыми висками и затылкомъ, норовили иногда подхватить меня на руки и ловко подкинуть, чтобы вырѣсъ изъ меня высокій парень. Старики ласково смотрѣли на меня и кивали головою изъ-за своихъ плетней.

Было у насъ въ Пелеховщинѣ въ то время два древнихъ старца: дѣдъ Хома Луброва и дѣдъ Яковъ Позывайло, или, какъ его у насъ называли, Яківецъ. Оба они были сѣдые какъ лунь и носили широчайшіе штаны „съ матнею“, сбиравшіеся у ступни на завязкахъ и больше похожіе на женскую юбку, чѣмъ на штаны; на ногахъ у нихъ были „постолы“, то-есть куски кожи, обертыавшіе ступню и прикрѣпляемые ремешками. Лѣтомъ и тотъ и другой сидѣлъ у себя на завалинкѣ въ сѣрой смушковой шапкѣ и грѣлся на солнцѣ.

Дѣдъ Хома былъ какъ будто немного пониже ростомъ и больше охотникъ до бесѣды; дѣдъ Яковъ былъ покрупнѣе и не такой рѣчистый. Ничѣмъ другимъ впрочемъ они не были особенно замѣтны; просто были очень старые люди, но они передали свои имена потомству. И у того и у другого было по сыну, и каждого изъ этихъ сыновей звали Павломъ. И вотъ, одному Павлу дали, по-уличному, название Павло Хоменко, а другому Павло Яковенко. Такъ съ тѣхъ поръ Хоменки и Яковенки и не выводятся у насъ въ Пелеховщинѣ.

Отъ этихъ двухъ старыхъ людей получилъ я первыя свѣдѣнія изъ исторіи Пелеховщины и изъ исторіи моего рода.

— „Вы, дѣдъ Хома, пожалуй знаете такимъ же маленькимъ и ихъ папеньку?“—спрашиваетъ кто-нибудь.

— „Папеньку?... Дмитрія Петровича?“—встрепенувшись, спрашиваетъ Хома,—„хе—е! да я помню такимъ и его дѣдушку, Петра Кирьяковича; я уже былъ полупарубкомъ, какъ онъ родился.... Мы служили еще тогда покойному нашему барину Кирьяку Александровичу и разумной нашей барынѣ Варварѣ Ивановнѣ.... Эхъ, давно это было“,—вздыхаетъ Хома,—„мы жили еще тогда въ Шушваловкѣ.“

— „И—и, разумная была барыня“,—протягиваетъ какъ бы нехотя Якивецъ.— „Отъ тоже она, послѣ смерти Кирьяка Александровича, и выѣхала съ сыномъ своимъ Петромъ Кирьяковичемъ, жить сюда въ степь. Она часть усадьбы намъ отвела, и господскій домъ построила...“

— „Мы барыню Варвару Ивановну помнимъ“,—говорятъ слушатели, кто постарше.— „Хозяйка была покойница; сидѣть бывало въ креслѣ, на боковомъ крыльцѣ, дѣвушки тутъ около нея работаютъ, а она все видѣть и все знать, что дѣлается на деревнѣ. И всѣмъ она распорядится, и никого она напрасно не обидитъ... Тутъ же она у насъ на кладбищѣ и похоронена...“

Была у насъ тогда въ Пелеховщинѣ и еще одна живая душа, не только помнившая мою пррабабку Варвару Ивановну, но и ближе всѣхъ ее знавшая. Это была старая престарая баба Хотина, бывшая ея горничная. Любопытная это была старуха, совсѣмъ не дряхлая, худая, прямая, подвижная и какъ бы сохранившая еще свою дѣвическую юркость. Не было у нея ни одного зуба, и подбородокъ иногда высоко поднимался къ носу, но это не мѣшало ей быть очень говорливой. Говорила она какъ-то истово, чинно... Въ ея многоглаголаніи не все было достовѣрно и дѣльно, во иногда ея разсказы были очень любопытны. Жила она у насъ въ домѣ, на такомъ же положеніи, какъ жила въ старину при покойной своей барынѣ; никакой работы отъ нея не требовалось, но она съ чрезвычайной охотой дѣлала все, что только было ей подъ силу.

У насъ въ Пелеховщинѣ и до сихъ поръ еще есть своего рода памятникъ бабѣ Хотинѣ. Возвращалась она какъ-то, еще въ молодости, въ вербную субботу изъ Броварокъ, гдѣ мои предки были тогда прихожанами, и не далеко отъ деревни, въ полѣ, воткнула въ сырью землю одинъ изъ прутиковъ освященной вербы. Прутъ разросся въ высокое развесистое дерево еще при жизни бабы Хотинны. И теперь еще стоитъ эта старая верба, лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ смерти старой бабы.... Падали отъ дряхлости ея боковые стволы, но всегда на ихъ мѣстѣ начинали зеленѣть новые побѣги.

Хотина появлялась въ комнатахъ обыкновенно въ то время, когда для нея и для моей милой няни приносили обѣдъ или ужинъ. Набожно перекрестившись, чинно садились обѣ онѣ на полъ, передъ стоящей на полу же, на подстилкѣ мискою, и начинали ъсть. Очень часто приса-

живался и я туда же, ко вкусному борщу съ сухими карасями и къ пшеничной кашѣ на постномъ маслѣ, и слушалъ ихъ разговоры. Няня моя была тихая женщина, и болтала больше Хотина. Она посвящала свою собесѣдницу, поставившую уроженку, въ наши пелеховскіе порядки. Она говорила о своей бывшей барынѣ какъ о какомъ-то верховномъ распорядителѣ всякими дѣлами. У прабабушки было два сына, Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ, у сыновей были дѣти, и все это тяготѣло къ прабабушкѣ, какъ къ центру. Жили они въ селѣ Шушваловкѣ, верстахъ въ десяти отъ теперешней Пелеховщины. Тамъ было наследственное имѣніе моего прадѣда Кирьяка Александровича, мужа Варвары Ивановны.

Въ нашей стели между Острой и Гайдамацкой могилами, стояла одна только хатка, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь долина и большая верба въ господскомъ саду, и жилъ въ ней человѣкъ по имени Пелехъ.

Когда умеръ старый Кирьякъ Александровичъ, а сыновья Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ поженились, выѣхала съ ними Варвара Ивановна на жительство въ степь. Петръ Кирьяковичъ поселился у долины, гдѣ жилъ Пелехъ, отъ этого и теперешнее название деревни Пелеховщина, а Иванъ Кирьяковичъ ближе къ Гайдамацкой могилѣ, недалеко отъ которой были небольшія заросли дикаго терна и дикихъ вишень. Это мѣсто такъ и назвали Вишеньками.

Пробабушка поселилась у младшаго сына въ Пелеховщинѣ; но вишеньковскіе господа чуть не ежедневно прѣѣзжали или приходили на поклонъ къ Варварѣ Ивановнѣ и ничего не предпринимали, не испросивъ ея согласія или совѣта.

Много рассказывала Хотина и о теткѣ Настасіи Петровнѣ, и о моихъ Вишеньковскихъ дядяхъ и тетяхъ, но, кажется, не всѣ ея раз cntы были достовѣрны. Многое она путала. Отъ нея я знаю однако, что дядя Иванъ Ивановичъ былъ въ свое время очень рѣзвымъ мальчикомъ, что тетка моя Настасія Петровна была довольно балованной дѣвушкой, и что отецъ мой былъ любимцемъ своей бабушки.

Въ домѣ у насъ висѣлъ портретъ Варвары Ивановны, масляными красками, погрудной. Она изображена уже старухой съ очень умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Я бережно храню этотъ портретъ и теперь въ Пелеховскомъ домѣ. Баба Хотина рассказывала мнѣ, что писалъ этотъ портретъ бро-

варскій діаконъ, отецъ Демьянъ, и подробно описывала, какъ онъ пріѣзжалъ для этого въ Пелеховщину, и гдѣ и какъ прабабушка садилась въ кресло для сеанса. Должно быть, этотъ дьяконъ Демьянъ былъ очень одаренный художникъ, такъ какъ прабабушка смотритъ съ холста, какъ живая.

Я помню еще и это кресло Варвары Ивановны: какое-то складное изъ многихъ перекрещивающихся фигурныхъ рѣшетинъ, вообще что-то очень стародавнее. Должно быть въ такихъ креслахъ сиживали въ старину казацкіе чиновные люди. Къ сожалѣнію, это кресло куда-то безследно пропало.

Остались у насъ и другія вещественныя воспоминанія о прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ: это—книга „Житіе Варвары великомученицы“, старинной кievской славянской печати, и толстый молитвенникъ, тоже кievского изданія, по которому она ежедневно совершала свои молитвы.

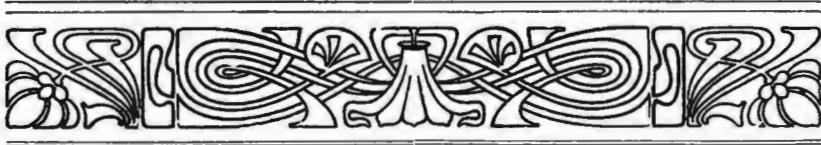
Вотъ то, что доходило до меня о моихъ предкахъ по слухамъ и по случайнымъ воспоминаніямъ. Позднѣе я гораздо основательнѣе ознакомился съ моей родословною. Этимъ вопросомъ очень интересовался мой отецъ, и онъ одинъ, кажется, изъ всѣхъ Бутовскихъ хорошо зналъ исторію нашего рода. Онъ вспомнилъ какъ-то, когда мнѣ было уже лѣтъ 13—14, и когда я учился въ корпусѣ, что въ началѣ столѣтія были собраны материалы о нашемъ родѣ, для утвержденія насъ, гдѣ слѣдуетъ, въ званіи родовитаго потомственнаго дворянства; онъ сталъ дѣятельно ихъ розыскивать и у себя и у другихъ представителей нашей фамиліи.

Документы нашлись. Назывались они „Списокъ, родословная и доказательства на дворянство Хорольского повѣта помѣщиковъ Бутовскихъ. Сочиненъ марта дня 1801 года“. Помню, что, пріѣхавъ лѣтомъ на каникулы въ 1851 году, я съ любопытствомъ ихъ разсмотривалъ вмѣстѣ съ отцомъ.

Я бережно храню теперь эти старыя бумаги, и на основаніи ихъ могу дать нѣсколько несомнѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ предкахъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Копія съ собственноручной записки Императора Александра I.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Новгородскій Гражданскій Губернаторъ Митусовъ. Снисходя на прошеніе Генераль-маіора Седморацкаго, я поручаю вамъ при случаѣ настоящей Его женитьбы заступить вмѣсто мѣня Званіе посаженаго отца. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано Собствѣнно Его Императорскаго Величества рукою тако.

Александръ.

Въ С.-П.рбургѣ
Января 19. 1802-го года.

Сообщилъ С. Н. Митусовъ.

За пятьдесят лѣтъ.

Глава 6.

Раннее утро вступило въ свои права. Мимо насъ шли кухарки на базарь, мастеровые на работы. Моя голова стала какъ-то свѣжѣе, несмотря на беспокойно проведенную ночь. Желудокъ тоже подавалъ жизнь, но купить еще что-нибудь поѣсть было рано; магазины и лавки не были открыты. Я тупо смотрѣла передъ собой въ ожиданіи добыть пропитанья. Затѣмъ образъ дяди всталъ передо мной, и я очень горько заплакала.

— Чего, дѣвочка, плачешь? раздался около меня женскій голосъ. Я подняла голову и увидала передъ собой простую женщину, съ добрымъ пріятнымъ лицомъ. Я хотѣла отвѣтить, но вырвавшіяся рыданія не дали говорить.

— Не плачь, дѣвонька, не плачь, милая, успокаивала женщина, поглаживая корявой, рабочей рукой мои волосы. Это что же, сестрепка твоя, что ли? Я отвѣтала кивкомъ головы.

— Да гдѣ же родители-то, гдѣ фатера-то?

— У насъ теперь никого нѣту, сквозь слезы отвѣтила я.

— Вотъ тебѣ и разъ, а гдѣ же жили-то?

— Вотъ тамъ, гдѣ домъ заколоченъ досками...

— Вотъ оно что... ну, вотъ что, дѣтки, вы идите со мной, ко мнѣ, а тамъ ты все разскажешь. Я васъ чайкомъ напою, съ хлѣбцомъ, обмою, а то вы опаршивите такъ-то... Ну, идите, идите...

Ласковая рѣчъ и внѣшность женщины расположили насъ, и мы пошли за ней. Жила она довольно далеко, на краю города, въ подвальномъ этажѣ. У воротъ была при-

бита самодѣльная вывѣска „стираютъ бѣлье и проч.“, „русская прачечная“ „снѣжинка“. Мы вошли въ низенькую комнату, пахло утюгами и горячимъ бѣльемъ. Двоє женщины гладили крахмальная рубахи, постукивали и валегали на утюги. Проходя черезъ кухню, я замѣтила кипящій самоваръ, довольно основательной величины. Мне ужасно захотѣлось теплого чаю.

Тѣмъ временемъ женщина, подобравшая насъ, рассказала мастерницамъ, въ чёмъ дѣло; тѣ участливо смотрѣли на насъ и покачивали головами. Наконецъ, подали самоваръ и заварили чай, хозяйка отрѣзала всѣмъ присутствующимъ по огромному ломтию чернаго хлѣба, и по небольшому куску малороссійскаго сала. Затѣмъ разлили чай въ большія глиняныя кружки. Я и сестра съ аппетитомъ пили горячую влагу, а черный хлѣбъ казался необыкновеннымъ пирожнымъ. Какъ мы ни проголодались, но одолѣть весь чай и весь хлѣбъ не могли. Когда мы кончили трапезу, хозяйка сказала:

-- Крестите лбы...

Мы перекрестились.

— Ну, дѣвонька, расскажи мнѣ, какъ ты на улицу попала и гдѣ твои родители.

— Я рассказала. Хозяйка покачивала головой. Когда вся исторія была окончена, наша благодѣтельница налила теплой воды въ лохань, стоявшую въ кухнѣ, раздѣла насъ, приказала одной и другой разомъ влѣвать въ лохань и, взявши въ руки кусокъ простого сѣраго мыла, натерла имъ тѣла отъ головы до пяты, а затѣмъ стала поливать водой. Мы послушно стояли. Когда операциѣ была кончена, она одѣла насъ въ какое-то, чье-то чистое бѣлье, а наше приказала выстирать.

Опять потянулась жизнь новая, странная для менѣ. Хозяйка сестру дѣлать ничего не заставляла, а я должна была подметать комнаты, накрывать столъ и все это дѣлала съ большимъ удовольствиемъ. Съ нами она обращалась хорошо и оказалась очень хорошей женщиной...

По вечерамъ, когда работа была окончена, мастерицы пили чай, танцевали, а я имъ танцевала; восторгъ былъ полный, и каждая изъ присутствующихъ старалась отблагодарить насъ, давая то яблоко, то паточныхъ леденцовъ, то пряниковъ. Прошло недѣли три. Намъ сшили простыя ситцевыя платья съ кофточками, и мы съ сестрой стали походить ва простыхъ дѣтей, сотнями бѣгающихъ по улицамъ,

населеннымъ бѣднотой. И у меня и у сестры въ косичкахъ вплетенъ былъ кумачъ, а на ногахъ были одѣты гропшевыя туфли и темные вязанные спицами чулки. Я узнала, что наша покровительница ходила въ полицію съ заявлениемъ. Тамъ записали ея адресъ на случай, если бы поступило какое-либо заявленіе.

Въ одно изъ воскресеній мы по обыкновенію сидѣли на лавочкѣ у воротъ, разматривая прохожихъ и проѣзжающихъ. Мальчики играли въ чехарду и бабки. Въ это время въ концѣ улицы показался извозчикъ. Онъ довольно быстро подвигался къ нашему дому; еще минута, и съ дрожекъ соскочила наша мать. Увидя насъ, она въ истерическихъ рыданіяхъ бросилась къ намъ, обнимала, цѣловала и судорожно прижимала къ себѣ. Я никогда не забуду ея растеряннаго вида. Шляпка сбилась на бокъ, изъ-подъ нея въ беспорядкѣ торчали волосы. Глаза блуждали, губы тряслись. Послѣ первого волненія, мама пошла съ нами домой, да ужъ было время это сдѣлать. Вокругъ насъ собралась ватага мальчишекъ и уличныхъ зѣвакъ. Мама горячо благодарила женщину и дала ей денегъ, но та отъ нихъ отказалась, говоря, что насъ ей Богъ послалъ, и когда наступилъ моментъ прощенія, горе женщины не имѣло границъ. Она прямо выла, хватала то одну, то другую на руки и все бѣгала по комнатѣ. Мы тоже привыкли къ ней, тоже были огорчены, но радость встрѣчи съ мамой уменьшала чувство разлуки съ доброй женщиной. Мать побѣхала въ магазины покупать намъ все необходимое. Тѣмъ временемъ наша временная мать побѣжала въ лавку и накупила разныхъ сластей и сунула намъ ихъ въ руки. Она любовно смотрѣла на насъ, то поглаживая, то сажая по очереди къ себѣ на колѣна.

Приѣхала мать съ вещами, одѣла, насъ и мы снова обратились въ барышень. Когда туалетъ былъ совершенъ, бѣдная женщина со страхомъ и мольбой обратилась къ матери съ просьбой побывать у нея до утра. Мать согласилась, тѣмъ болѣе, что пароходъ отходилъ утромъ. Радости не было границъ. Хозяйка не знала, куда усадить маму, а когда пришло время спать, наложили ей цѣлый ворохъ перинъ и подушекъ.

На утро мы уѣхали на пристань. Хозяйка долго стояла и, провожая насъ, утирала носъ, подъ которымъ собирались слезы.

Изъ глазъ скрылось наконецъ наше мѣстопребываніе, и черезъ полчаса мы были уже на пристани.

Мама взяла билеты, и мы вошли на пароходъ.

Мама рассказала намъ все то, что она пережила: приѣхавъ и увидавъ заколоченный домъ и узнавъ о смерти брата. Прежде всего она кинулась на кладбище, думая, не пригрѣли ли насъ тамъ или сторожъ или священникъ. Побывавъ накороть на могилѣ и поставивъ деревянный крестъ, она стала метаться по городу. Ей почему-то въ голову не пришло обратиться разомъ въ полицейское управление, и кто-то изъ постороннихъ надоумилъ ее. Она поѣхала и тамъ-то узнала, гдѣ мы находились.

Пароходъ отвалилъ. Мы стояли у борта и смотрѣли на всплыны. Онѣ бѣжали, и пароходъ, разрѣзывая ихъ, быстро шелъ впередъ.

Первые моменты встрѣчи прошли, и вотъ въ мою голову прокраилась мысль: опять домой, опять къ „папашѣ“, и меня снова охватило чувство страха, боязни, отъ которыхъ за послѣднее время я отвыкла.

Я задумалась, и должно быть на моемъ лицѣ отразилось мое душевное состояніе; мама спросила:

— О чѣмъ ты, Машенька, задумалась?

Я прижалась къ ней и прошептала:

— Боюсь...

— Кого, глупенькая?

Я не отвѣчала, мать поняла и смолкла.

Съ этой минуты на душѣ у меня легла тоска, точно я ждала какого-то горя, несчастья.

Мама старалась меня развеселить, и чтобы успокоить ее, я улыбалась, старалась быть веселой, но все же это было сделано искусственно...

Мы напились чаю, затѣмъ пообѣдали, и опять напились чаю уже вечеромъ и легли спать.

Часовъ въ восемь, въ девять утра на палубѣ забѣгали, застучали. Мы стали накороть одѣваться и когда были готовы, то пароходъ причалилъ уже къ Одессѣ.

Намъ пришлось ждать; публики было много и насъ могли затолкать... Наконецъ толпа порѣдѣла, и мы двинулись. Вдругъ какой-то приступъ ужаса охватилъ меня, и я стала кричать: „Не пойду, не пойду“.

Мать успокаивала меня, дала воды, и мы затѣмъ сѣли на извозчика. Я была счастлива, что лошаденка нашего

возницы едва волочила ноги и встрѣча съ вотчимомъ отдалась...

Чѣмъ ближе мы приближались, тѣмъ сердце мое билось медленнѣе и замирало, точно его кто-нибудь давилъ и сдерживалъ біеніе...

Въ городѣ пришлось пересѣсть на парнаго извоачика, и мы покатили на хуторъ въ резиденцію „папаши“.

Вотъ показался хуторъ, вотъ домъ, а вотъ и парадный подъѣздъ...

Въ немъ стоялъ „онъ“. Увидя насъ, вотчимъ не двинулся съ мѣста, а когда мы подошли ближе, ухмыляясь, произнесъ:

— А, воловыя кишкы, прїѣхали... Давненько не видались.

Г л а в а 7.

Первые дни прошли довольно спокойно. Мы только были лишены игрушекъ навсегда. Вотчимъ нашелъ, что мы уже взрослѣя барышни и должны заниматься серьезнымъ дѣломъ, особенно я. Игрушки выброшены, а первымъ серьезнымъ для меня дѣломъ было отдано приказаніе прокопать грядки съ арбузами и дынями. Я съ ранняго утра занялась этимъ дѣломъ, а вотчимъ точно плантаторъ, въ широкой соломенной шляпѣ, стоялъ надо мною, держа въ рукѣ хлыстъ, и хотя таковой въ ходѣ не былъ пущенъ, но на душѣ у меня было жутко отъ ожиданія. Работа была прекращена только тогда, когда мои руки распухли, потрескались и показалась кровь. Я была отщущена. Умывшись и одѣвшись, я сѣла отдохнуть. У меня очень болѣла спина, затылокъ, ноги и руки. Послѣ завтрака я была позвана вотчимомъ и получила приказъ танцевать. Онъ взялъ въ руки гитару, игралъ русскую, это единственное, что онъ умѣлъ наигрывать, а я должна была подъ эту музыку танцевать чардашъ. Это меня сбивало, но я рѣшила не обращать вниманія на аккомпанементъ и вела свою линію. Къ моему удивленію, когда танцы были окончены, вотчимъ сказалъ:

— Здорово! Наловчилась, Машка, здорово! Будетъ толкъ, пляши!

Мать, услышавъ похвалу, расцвѣла отъ удовольствія, а сестра вдругъ вздумала было засмѣяться. Я поблагодарила вотчима, сказавъ:

— Благодарю васъ, папаша!

— Только не зазнайся, добавилъ вотчимъ, карьеру можешьъ сдѣлать. Не попадешь въ театръ, въ гостиницахъ въ хорѣ хорошо плясать, рублей тридцать въ мѣсяцъ сможешь получать. А будешь съ бубномъ гостей обходить и шестьдесятъ наковыряешь. Послѣ такого резюме, мать опять стала серьезной и, пожавъ плечами, рѣшилась возражать:

— И что ты только, Леличка, говоришь? Да развѣ возможно дѣвочку въ хорѣ отдавать?

— Ну не отдавай въ хорѣ, пусть поступить на Императорскую сцену, ухмыляясь, отвѣтилъ матери отецъ и пошелъ спать.

Мы пошли въ садъ и стали съ сестрой во что-то играть. Время прошло незамѣтно, и насы позвали къ обѣду. Мы по обыкновенію молчаѣли.

Междуду вотчимомъ и матерью начался разговоръ, окончившійся совершенно неожиданно:

— Такъ ты говорила, Саша, что братъ твой недолго хворалъ и отдалъ Богу душу... Ну что жъ, такъ видно судьбѣ угодно, а чѣмъ онъ хворалъ?

— Тифомъ...

— Какимъ?

— Сыпнымъ...

Эффектъ былъ полный. Вотчимъ не донесъ куска мяса въ ротъ и, широко открывъ глаза, переспросилъ:

— Каки-имъ?

— Сыпнымъ, Леличка...

— Ты съ ума сошла! Отдѣлить! Зараза! Пусть живутъ въ отдѣльномъ флигелѣ.

— Но, Леличка...

— И слушать не хочу...

— Да вѣдь прошло много времени... платьица новыя... сами здоровы.

— Не возражать! Мнѣ еще жизнь дорога...

Словомъ, насы отдѣлили, и мы жили, какъ зачумленныя. Прислуга, которая подавала намъ, не смѣла войти въ комнаты. Мать тоже не должна была видѣться, но приходила украдкой... Намъ очень было скучно. Занятій не было никакихъ, игрушекъ тоже. Тогда отъ ничего дѣлать я изобрѣла игру: собирала мертвыхъ жуковъ, бабочекъ, червей, выкапывала ямки и хоронила ихъ. Изъ щеночекъ устраивала заборы и ставила кресты. Все, что я выучила съ дядей, я повторяла и даже прибавляла новыя „па“. Можетъ

быть, онъ были и не нужны, но мнѣ казались украшениемъ, и я старалась изображать все новыя и новыя. Сочиняла какие-то танцы и этимъ наполняла долгіе дни и вечера. Спать ложились рано, вставали рано, и такъ текли дни однообразные, надоѣдливые, бездѣльные. Наконецъ, въ одинъ изъ дней, приказано было вымыть насъ карболкой и впустить въ домъ. Все-таки было веселѣй. Мы видѣли маму...

Періодъ дѣтства я на этомъ кончаю. Впереди начинается жизнь новая, замужество, рожденіе дочери, разъѣздъ съ мужемъ и поступленіе на сцену. До этого періода разсказывать болѣе вѣчего. Что было прежде, то было потомъ. Родину, отчество называютъ воспоминаніемъ дѣтства, у меня эти воспоминанія самая грустная, тяжелая. Свѣтлымъ пятномъ промелькнули мѣсяцы у дяди, закончившіеся его смертью, и жизнь у прачки, затѣмъ образъ матери, а остальное лучшее было бы не вспоминать; да я и не вспоминала, старалась не вспоминать, и вотъ только теперь, прослуживъ театру пятьдесятъ лѣтъ, я дѣлюсь этими воспоминаніями и образы далекаго прошлаго встаютъ передо мной и вереницей движутся и тянутся длинной, длинной лентой. Вспоминая свое дѣтство, мнѣ хочется иногда и плакать и смеяться; смеяться часто надъ трагическими положеніями, но ужъ очень они теперь кажутся дикими, несуразными и хочется думать, что ихъ не было. Что все это тяжелый сонъ, ушедшій, забытый и случайно вспомянутый. Да, все это такъ, но на закатѣ жизни все-таки вспоминается ея заря, покрытая тучками, и чувствуя, что это невозвратимо... думается, думается обо всемъ, обо всемъ... вы видите, текутъ слезы, слезы двойственная и какого-то умиленія и скорби.

Большинство умерло. Умеръ вотчимъ, умерла мать, умерла сестра... Много превратностей судьбы пришлось пережить и далѣе, но всѣ эти превратности вспоминаются съ удовольствиемъ, онъ вели меня по пути, душой, сердцемъ избранному, вели къ театру, къ сценѣ, а театръ для меня былъ „все“... Небольшое слово „все“, а сколько въ немъ вмѣщается и сколько дорогихъ, свѣтлыхъ моментовъ онъ даваль мнѣ, и вотъ я старуха, я уже оставила священные подмостки, а люблю его, очень люблю, и мнѣ истинное удовольствіе доставляетъ посѣщать его, и я бываю тогда, когда вижу талантливое исполненіе, новое, свѣжее дарованіе, новыя вѣянія, но... обѣ вѣяніяхъ, быть можетъ, поговорю дальше, если пріайдется къ слову. Между

вышеописаннымъ и тѣмъ, о чёмъ я буду говорить, прошло около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прошло пятьдесятъ. Въ этотъ срокъ много нового я увидала; переиспытала и видѣла воочію ходъ театрального искусства на другихъ. Бывали годы, когда я чувствовала, что театръ живеть, гигантскими шагами идетъ впередъ, а бывали такие, когда, наоборотъ, чувствовалось иное, казалось, что онъ замираеть, движенье останавливается, а тамъ снова, точно по мановенію волшебной палочки, все просыпалось и казалось, что весна возвращается, что снова зацвѣли фіалки, и радостно и хорошо становилось на душѣ. Не могу воздержаться, чтобы не забѣжать впередъ и не сказать, что однімъ изъ такихъ свѣтлыхъ періодовъ было управлѣніе театромъ моего покойнаго мужа, незабвенного Николая Николаевича Соловцова. Это воспоминаніе ярко освѣщаетъ мою теперешнюю жизнь и залѣчиваетъ многое въ прошломъ. Грустно, грустно, что онъ такъ безвременно сопель въ могилу, полный силъ, надеждъ, таланта... Такой энергіи, такой киучей дѣятельности, такого стремленія впередъ я мало и встрѣчала. Я смыло это могу сказать теперь, когда пресса, когда страницы исторіи театра занесли его имя на скрижали этой исторіи, когда еще тысячи людей живы и чтуть его. Право, меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я это открыто заявляю. Прошло десять лѣтъ съ его смерти, десять лѣтъ, а его духъ еще живеть, еще витаетъ дорогая мнѣ тѣнь въ стѣнахъ Кіевскаго театра. Душа моя сейчасъ полна гордостью и тоской по миломъ, дорогомъ человѣкѣ...

Но... покончу обѣ этомъ и постараюсь возобновить въ моей памяти рядъ долгихъ лѣтъ...

Съ дѣствомъ, тоже какъ съ воспоминаніемъ, прощаюсь, прощаюсь навсегда...

Ну-съ, приступимъ.

Сообщилъ **Б. Скуратовъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Форма для священниковъ.

(Приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ 3 октября 1820 г. № 132) ¹⁾.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, Священникамъ поселенныхъ войскъ, имѣть рясы темно-зеленаго сукна, съ слѣдующимъ различiemъ на подбоѣ:

По пѣхотѣ.

Въ полкахъ Гренадерскихъ и Карабинерныхъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ желтаго.

Въ полкахъ Пѣхотныхъ и Егерскихъ, старшимъ желтаго цвѣта, а младшимъ по цвѣту полковыхъ плечевыхъ погоновъ.

По кавалеріи.

Въ полкахъ Уланскихъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ синяго.

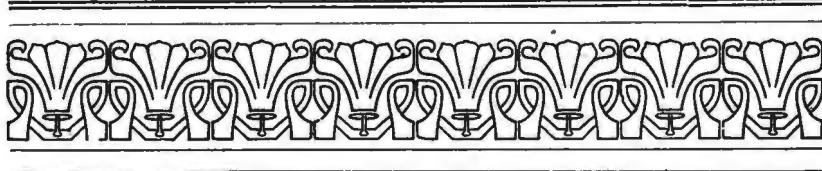
О таковой Монаршей волѣ къ непремѣнному исполненію симъ предписываю.

Подлинный подпись генераль графъ Аракчеевъ.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

---

1) Библ. Мос. О О. А. Г. Ш. № 2873 (печатный экземпляръ).

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству¹⁾.

ГЛАВА VII.

Окружный судъ и его работа по уголовному отдѣленію.

Оканчиваю свои судейскія воспоминанія. Членомъ суда я былъ назначенъ въ сентябрѣ 1897 года и сейчасъ, съ получениемъ приказа, приготовилъ къ сдачѣ свой 2-й мировой участокъ г. Вильны, чтобы скорѣе вступить въ новую должность. Правду говоря, не безъ нѣкоторой душевной тревоги вступилъ я въ среду коллегіи общихъ судебныхъ учрежденій. Привыкшій къ единоличной власти творить судь Именемъ Его Величества и съ сознаніемъ глубины и значенія таковой власти, поступая въ коллегіальное судебное учрежденіе, мнѣ казалось, что мой судейскій обликъ долженъ будеть затушеваться, какъ поглощенный коллегіальнымъ вотумомъ. Кромѣ того, процессуальные законы окружнаго суда были въ большей своей части для меня новостью, такъ какъ предшествующей службой, не будучи ни судебнымъ слѣдователемъ, ни товарищемъ прокурора суда, я мало былъ знакомъ съ техникой уголовной процедуры. Смущало меня также и то, что я—фуксъ—попадаю въ среду многоопытныхъ процессуалистовъ, а потому нѣкоторая опаска за свои способности „пойти въ ногу“ съ этими испытанными работниками на нивѣ правосудія. Составъ же

¹⁾ См. „Русскую Старину“ юль 1916 г.

Виленского суда въ то время былъ блестящій: многихъ изъ нихъ и именно, съ которыми мнѣ пришлось „ходить въ упряжкѣ“, позволю себѣ это выраженіе, уже нѣть на свѣтѣ, а оставшіеся въ живыхъ разбрелись по бѣлу свѣту: кто въ Сенатѣ, кто въ судебной палатѣ, а нѣкоторые предсѣдательствуютъ, и лишь мнѣ волею судьбы приходится встрѣтить юбилейные дни судебныхъ уставовъ 1914 года, какъ старожилу суда. Первый годъ моей службы прошелъ въ уголовномъ отдѣлѣніи, и вотъ тутъ-то для меня начались „муки Тантала“ со строгимъ и требовательнымъ товарищемъ предсѣдателя суда г. Коссаковскимъ. Меня сейчасъ включили въ составы выѣзденыхъ и городскихъ сессій и, конечно, заставили писать приговоры, а чтобы ихъ писать, мнѣ нужно было изучить тѣ печатные трафаретные бланки, которые заготовлялись судомъ на разныя категоріи дѣлъ. Первый мой выѣздъ на уѣздную сессію съ присяжными засѣдателями въ г. Ошмяны произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Отправлять правосудіе приходилось въ помѣщеніи мирового съѣзда, а помѣщеніе это напоминало сарай: холодное, тѣсное при жалкой внѣшней обстановкѣ и, можете себѣ представить, какое настроеніе создавала такая обстановка въ особенности, когда при ней просидишь часовъ 7—10 при испорченномъ воздухѣ. Усталый, прійдя домой, не видишь и здѣсь надлежащихъ условій для отдыха, такъ какъ номеръ, такъ называемой гостиницы, грязный съ душкомъ и обѣдъ отвратительный по своему вкусу и содержимому, и лишь вечерній чай со своими приложеніями нѣсколько облегчалъ несчастную долю Ошмянского сидѣнія. На судебнія засѣданія мы—суды отправлялись до 10 часовъ, чтобы раньше открывать ихъ и раньше оканчивать. Составъ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей большею частью сѣрый, малоинтеллигентный, помѣщики и уѣздные интеллигенты вообще неохотно исполняли эту обязанность, но за то крестьяне свято относились къ своимъ обязанностямъ присяжного судьи и очень этимъ положеніемъ гордились. Отношеніе уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей къ своимъ вердиктамъ не ровное, смотря по категоріи преступлений: такъ, напримѣръ, мошенничество, растраты, покушеніе на убийство на романической почвѣ, правонарушенія по акцизному уставу—большею частью сопровождались оправдательными приговорами; но кражи, а въ особенности лошадей и скота, влекли за собой неумолимо обвинительные приговоры и при самыхъ шаткихъ уликахъ. Такова психо-

логія крестьянской души. На вердикты уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей огромное вліяніе имѣль способъ веденія судебныхъ засѣданій предсѣдательствующимъ въ судѣ и его резюме. Въ этомъ отношеніи покойный г. Коссаковскій былъ замѣчательнымъ предсѣдательствующимъ. Хорошо ознакомившись съ дѣломъ, съ показаніями свидѣтелей, онъ вель засѣданіе, какъ „по-писанному“: предлагалъ ясные вопросы, устранялъ разговоры свидѣтелей, начинаяшіеся „отъ Адама“, и всегда добивался истины, хотя и позволялъ себѣ такие, напримѣръ, вопросы. Вопр. „Вы какого вѣроисповѣданія?“ Отв. „польского“. Вопр. „какой вы вѣры?“ Отв. „польской“. Такой вѣры нѣтъ, не было и не будетъ. Вопр. „гдѣ вы,—свидѣтель, молитесь Богу“. Отв. „въ костелѣ“. Вопр. „значить, какой же вы вѣры?“ Отв. „католикъ“, отвѣчаетъ свидѣтель. Вотъ это такъ, замѣчаетъ предсѣдательствующій. Странно также бравировалъ покойный со своими резюме. Онъ почему-то не долюбливалъ прокуратуры и обвинителямъ при его предсѣдательствованіи было далеко не весело, и вотъ если обвиняетъ не нравящійся предсѣдательствующему тов. прокурора, то Коссаковскій направляетъ свое резюме къ оправдательному вердикту и наоборотъ; такъ при моемъ участіи по одному дѣлу о кражѣ съ крайне шаткими уликами, когда тов. прокурора отказался отъ обвиненія, Коссаковскій произнесъ блестящее обвинительное резюме, и обвиняемымъ присяжные засѣдатели сказали: „да, виновны“. Не то бываетъ, когда ведеть уѣздную сессію съ присяжными засѣдателями предсѣдательствующій недостаточно энергичный и не особенно способный, тогда вердикты присяжныхъ засѣдателей пріобрѣтаютъ характеръ случайности и непослѣдовательности. Такъ одинъ нашъ членъ суда, нынѣ здравствующій предсѣдатель суда г. С—нъ, вель засѣданіе съ открытой книгой Устава уголовнаго судопроизводства, со вставленными въ уставъ его шпаргалками; отнимите отъ него эти шпаргалки— и онъ какъ безъ рукъ. И напутствія присяжнымъ засѣдателямъ, и резюме все онъ говорилъ по шпаргалкамъ. Судите сами, какое впечатлѣніе такой судъ можетъ произвести на присяжныхъ засѣдателей, а вѣдь человѣкъ болѣе десятка лѣтъ занимался этимъ дѣломъ. Въ другомъ родѣ и при иныхъ условіяхъ проходили сессіи въ г. Вильнѣ: здесь и составъ присяжныхъ засѣдателей интеллигентнѣе, наличность адвокатуры и составъ свидѣтелей бойчѣе и толковитѣе. Что касается свидѣтелей, то безграничный ихъ вызовъ къ

суду по просьбѣ сторонъ часто не только не помогаетъ раскрытию истины, но, муссируя дѣло, затемняетъ и тѣ улики, которыя собраны предварительнымъ слѣдствіемъ, а нерѣдко идутъ въ свидѣтели лица, лишь для того только, чтобы получить какой лишилъ рубль „за труды“, а труды сводятся къ тому, что по дѣлу, по которому вызванъ свидѣтель на судъ, онъ ничего не знаетъ, а денежки ему подадутъ. И сколько этикъ казенныхъ денегъ тратится зря по всей Россіи!..

Въ общемъ, въ округѣ Виленскаго суда судъ присяжныхъ засѣдателей функционируетъ вполнѣ удовлетворительно; населеніе съ этимъ судомъ свыклось, дорожить имъ и безропотно несетъ свою „судейскую тяготу“. Тяжелы выездныя сессіи суда для коронныхъ судей, въ виду исполненія ими своихъ обязанностей и въ трудѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для физического и душевнаго покоя, что ведеть къ преждевременному разстройству здоровья на нервной почвѣ и на другихъ основаніяхъ. Не казаясь болѣе другихъ подробностей уголовнаго отдѣленія суда, я не могу не остановиться на сенсационномъ процессѣ еврея Блондеса, парикмахера гор. Вильны, обвинявшагося въ покушеніи на убийство съ ритуальной цѣлью служившей у него молодой лѣвушки-польки. Самъ по себѣ Блондесъ—ничтожная, даже невполнѣ доброкачественная личность, но разъ тутъ замѣшанъ еврейской ритуалъ, то вопросъ пріобрѣтаетъ другое значеніе и дѣло изъ дѣла Блондеса становится дѣломъ національнымъ всего еврейства. И нужно отдать справедливость дружной защитѣ евреями своей національной, скажу, чести. Для защиты Блондеса мобилизированы были лучшія свѣтила нашей адвокатуры, вызваны были лучшіе эксперты (пр. Павловъ, Косоротовъ и Ивановскій) и масса свидѣтелей. Первоначально этотъ процессъ разбирался въ уѣздномъ городѣ Лидѣ, чтобы устранить влияніе виленскаго еврейства на составъ присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей. Въ Лидѣ присяжными засѣдателями былъ вынесенъ Блондесу обвинительный приговоръ, но по кассационной жалобѣ обвиняемаго этотъ приговоръ былъ отмѣненъ и дѣло для новаго разсмотрѣнія назначено было въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ процессъ длился 9 дней при самой торжественной обстановкѣ и при усиленномъ составѣ суда (4 человѣка). Предсѣдательствовалъ нынѣ здравствующій Г. С. Маньковскій, обвиняясь М. И. Зубовскій. Судебное слѣдствіе проведено было образ-

цово, гладко и безъ всякихъ инцидентовъ. Скамью защитниковъ занимали свѣтила адвокатуры: Спасовичъ, Мироновъ и Грузенбергъ, подѣлившіе темы защиты между собою. Обвинялся Блондесъ въ томъ, что въ одинъ прекрасный день, оставаясь глазъ на глазъ со своей прислугой дѣвшкой-полькой, лѣтъ около 20, набросился на нее, схватилъ за глотку и сталъ наносить ей острымъ орудіемъ порѣзы въ области горла, чemu придано было значеніе покушенія на убійство съ ритуальной цѣлью, хотя прямо этотъ признакъ въ обвинительномъ актѣ и не былъ выраженъ. Окружный судъ, выслушавъ свидѣтелей, производилъ на мѣстѣ преступленія осмотръ, для опредѣленія, при какой обстановкѣ имѣло мѣсто преступное дѣяніе, и выслушалъ заключеніе экспертовъ о значеніи порѣзовъ—ранъ у потерпѣвшей. Затѣмъ послѣдовали пренія сторонъ. Горячо обвинялъ обвинитель въ предѣлахъ матеріала, доставленного судебнѣмъ слѣдствіемъ. Но вотъ поднимаются одинъ за другимъ защитники: Грузенбергъ подробно анализируетъ свидѣтельскія показанія и жестоко ихъ, какъ матеріаль для обвиненія, разбиваетъ. Мироновъ съ грудою книгъ подъ руками опровергаетъ цитатами изъ нихъ наличность у евреевъ данного ритуала, наконецъ, Спасовичъ излагаетъ сужденія о значеніи уликъ, разбираетъ улики по данному дѣлу и приходитъ къ выводу о недоказанности обвиненія. Вся эта громкая и громоздкая защита, вся длительность и детальность судебной процедуры хотя и послужило не къ обвиненію, а къ оправданію Блондеса, но суть преступленія, мотивы его такъ и остались не выясненными, и дѣло, казавшееся по началу темнымъ, такимъ и осталось въ концѣ концовъ.

Жалко было въ этомъ процессѣ слушать знаменитаго г. Спасовича; онъ напоминалъ собою знаменитаго пѣвца Тамберлика, появлявшагося на эстрадѣ на 8 десяткѣ жизни.

Какое его было пѣніе?!

ГЛАВА VIII.

Гражданское отдѣленіе и работа судей.

Освоившись съ работой уголовнаго отдѣленія, я чувствовалъ свое положеніе въ коллегіи довольно сноснымъ, какъ въ 1898 г. состоялся мой переходъ въ гражданское

отдѣленіе Виленскаго суда. Конечно, я радъ былъ этой перемѣнѣ въ характерѣ работы уже и потому, что устранились тягостныя поездки на сессіи, но съ другой стороны и здѣсь, какъ и въ уголовномъ отдѣленіи, мнѣ новичку по началу приходилось очень „того“. Хотя служба по мировымъ учрежденіямъ и дала мнѣ общее практическое знакомство съ гражданскимъ процессомъ и Х т. ч. I, но этого знакомства было недостаточно для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ въ окружномъ судѣ. Въ этомъ судѣ по гражданскимъ дѣламъ преобладаетъ строгій формализмъ, какъ точное исполненіе вѣльній процессуального закона; выработана традиціонная техника какъ въ изображеніи резолюцій, такъ и въ изготавленіи рѣшеній въ окончательной формѣ. Дѣла же въ судѣ попадались очень сложныя въ особенности земельныя и по договорамъ. Докладъ дѣлъ требовался самый тщательный, а потому тщательно нужно было ихъ прочитывать, чтобы не былъ упущенъ безъ оцѣнки какой-нибудь документъ или возбужденный той или другой стороной вопросъ. Кромѣ, такъ сказать, фактическаго изученія дѣла необходима была еще и его разработка юридическая: т. е. наведеніе справокъ по кассационной практикѣ, чтеніе соответственныхъ законовъ и т. д. Старому, опытному члену суда эта работа дается легко, но для новичка она очень трудна; но и у старыхъ членовъ суда что ни засѣданіе, то и новый казусъ, имъ еще не попавшійся на практикѣ. Въ мое время гражданское отдѣленіе работало при наличности 5 членовъ суда и предсѣдателя. Порядокъ трудовой недѣли такой. Если моей смѣнѣ очередь въ понедѣльникъ, то въ предшествующую ему пятницу мнѣ присылаются доклады около 25 дѣлъ (по на-казу), а то и больше и въ этомъ числѣ 10 исковыхъ; въ пятницу же вечеромъ я читаю дѣла, въ субботу готовлю резолюціи по дѣламъ, не требующимъ состязательныхъ объясненій, въ воскресеніе подготавляю юридическія справки, а въ понедѣльникъ и вторникъ сижу въ засѣданій (2-й день установленъ для производства повѣрочныхъ дѣйствій: допроса свидѣтелей, экспертизы и пр.), въ среду даю себѣ передышку, если нѣть дежурства, или не попадаютъ въ какое-либо губернское присутствіе, четвергъ цѣликомъ и часто пятницу посвящаешь изготавленію рѣшеній по доложеннымъ въ понедѣльникъ дѣламъ; тамъ опять читай новый докладъ, опять пиши и такъ до безконечности... Не видная, казалось бы, работа членовъ граждан-

скаго отдѣленія въ дѣйствительности требовала много вниманія, усидчивости и ознакомленія съ процессуальными и материальными права законами. Усугублялся трудъ членовъ „гражданъ“ главнымъ образомъ его непрерывностью, однобразіемъ и совершеннымъ отсутствиемъ досуга для чтенія не только современныхъ литературныхъ произведеній, но и новыхъ юридическихъ изслѣдованій по теоріи права и т. п., и лишь одну или двѣ газетки успѣваешь пробѣжать въ день, чтобы знать, что „живы еще „курилки“. Вътъ въ такое тягло пришлось и мнѣ окунуться и очутиться въ положеніи „бѣлки въ колесѣ“. Попалъ я въ смѣну со старыми и многоопытными членами суда г.г. Мартенсомъ и Яковлевымъ. Понятно, что новичекъ въ такой компаніи будетъ себя чувствовать стѣсненнымъ и нерѣшительнымъ, такъ какъ у него, новичка, новостью являются такие вопросы, которые для его коллегантовъ вещь давно извѣстная, и, кромѣ того, старые судьи не особенно считаются съ твоимъ мнѣніемъ, какъ, на ихъ взглядѣ, еще не зрѣлымъ. Пришлось переживать тяжелыя минуты, пока усвоилъ технику гражданскихъ дѣлъ. Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ покойного судью В. В. Яковleva—этотъ справочный архивъ нашего суда, удивительного труженика, мягкаго и доброжелательнаго человѣка, помогавшаго мнѣ въ трудныхъ случаяхъ своими указаніями и советами по дѣламъ. Съ признательностью вспоминаю и достойнѣйшаго нашего предсѣдателя суда М. М. Котляревскаго, завѣдывавшаго гражданскимъ отдѣленіемъ (сенаторъ нынѣ), терпѣливаго, выдержаннаго и очень деликатнаго въ обращеніи съ членами суда. Когда, бывало, спѣшно изготавляешь резолюцію, чтобы не задерживать моихъ членовъ, М. М. Котляревскій всегда, бывало, говорить: „не спѣшите, еще успѣемъ, а то отъ поспѣшности можно впасть и въ ошибку“. Вель засѣданіе М. М. Котляревскій строго и торжественно, повѣренные его боялись, какъ огня, и не потому, чтобы онъ не корректно съ ними обращался; но М. М. часто кому-нибудь изъ нихъ ставилъ такие вопросы и дѣлалъ такія замѣчанія къ ихъ состязательнымъ рѣчамъ, отъ которыхъ не могло поздоровиться, въ особенности, когда дѣло „скверно пахнетъ“.

Разъ зашла рѣчь о М. М. Котляревскомъ, то я продолжу о немъ свои воспоминанія. Въ нѣкоторомъ родѣ это выдающаяся личность по своимъ знаніямъ, трудоспособности, служебному такту и деликатности въ сношеніяхъ съ чле-

нами коллеги. Нѣкоторымъ не нравилась его видимая сущность, „бюрократическая повадка“, но такимъ онъ былъ только на службѣ, а посмотрѣли бы его въ частномъ домѣ, напримѣръ, на вечеринкахъ у гг. Юршевскихъ, гдѣ мы— малороссы (но не мазепинцы) часто и весело проводили время, когда его превосходительство заиграетъ на „скрипичкѣ“ или пустится въ плясъ, когда ведеть остроумные и веселые разговоры съ гостями — это уже совершенно другой Мих. Мих., открывающій свою душу и свой темпераментъ. Какъ на примѣръ его деликатности служебной указу на такой фактъ: будучи, собственно говоря, криминалистомъ и въ свое время извѣстнымъ судебнѣмъ слѣдователемъ по производству слѣдствій по политическимъ дѣламъ въ Кіевѣ, а затѣмъ проходя прокурорскія должности, онъ, вступивъ въ Виленскій окружный судъ, не потребовалъ для себя уголовнаго отдѣленія, гдѣ сидѣлъ г. Коссаковскій, на что имѣлъ законное право, а взялъ гражданское отдѣленіе и въ скоромъ времени сдѣлался заправскимъ цивилистомъ. Вотъ какой Котляревскій! Много ли теперь такихъ предсѣдателей? Нынче здѣсь, въ этихъ должностяхъ преобладаетъ больше „стиль модернъ“, на „карьерныхъ сваяхъ“ и „политической орнаментикѣ“, хотя послѣдняя совершенно не соотвѣтствуетъ разъяснительному указу Правит. Сената. Возвращаясь къ работамъ членовъ суда, укажу здѣсь на выѣзы ихъ по производству осмотровъ и прочее. Изъѣзживъ по такимъ порученіямъ всѣ уѣзды Виленской губерніи, мнѣ приходилось претерпѣвать массу дорожныхъ неудобствъ: ночевать на сѣновалахъ, въ гумнахъ крестьянскихъ и въ помѣщичьихъ хоромахъ; питаться тѣмъ, что взято съ собой, бродить по лѣсамъ и болотамъ, писать и допрашивать свидѣтелей при самой гнетущей обстановкѣ (въ душной и грязной избѣ на скверныхъ столяхъ и т. п.), тѣмъ, не менѣе я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю эти поездки: движеніе на свѣжемъ воздухѣ, въ живописныхъ мѣстахъ, лѣсахъ, поляхъ, близъ очаровательныхъ озеръ, все это оздоровляло и освѣжало физически кабинетнаго работника и, по крайней мѣрѣ, хоть на время сближало его съ окружающей природой, ея красотами, освѣжало психику и вливало въ жизнь струю хорошаго, не испытываемаго за кабинетной работой, настроенія. Кромѣ этого, пріятно было видѣть ту почтительность, уваженіе и радушіе, съ которыми тебя встрѣчали какъ въ крестьянской средѣ, такъ и въ помѣщичьей. Значить, судъ

въ почетѣ, судь въ литовскомъ краѣ уважается, хотя онъ и русскій. Но при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій часто огорчали меня лживые свидѣтели, заранѣе подготовленные какой-либо изъ сторонъ. Помню такой случай: проѣзжаю въ сумерки одну небольшую деревню, за которой въ верстахъ 4-хъ находится другая—цѣль моей поѣздки, и слышу шумъ, говорѣ около одной изъ избъ, пиликанье скрипки и какъ бы танцы. Спрашиваю возницу—это свадьбу справляютъ? Отвѣчаетъ: „нѣть, паночку, тутъ гуляютъ свидѣтели, которыхъ завтра будетъ допрашивать членъ суда: вотъ Якубъ имъ и „фундуется“ (угощается)“. Я, конечно, эту новость принялъ къ свѣдѣнію. Другой случай: въ одной изъ деревень Свенцянскаго уѣзда (не помню какая) мнѣ тоже нужно было допрашивать свидѣтелей по вопросу о захватѣ земли однимъ тяжущимся у другого. Собрались въ избу всѣ свидѣтели, стороны съ адвокатами и приглашенный ксендзъ — почтенный старикъ — типичный литовецъ. Ксендзъ съ мѣста, когда я провѣрялъ наличность свидѣтелей, огоршилъ меня такимъ обращеніемъ: „знайте, судья, что свидѣтели, которыхъ Вы будете допрашивать, самые воры, мошенники и пьяницы; они несчастье моего прихода, я ихъ постоянно пробираю съ амвона, но это мало помогаетъ; позвольте мнѣ на литовскомъ языкѣ разъяснить имъ значеніе присяги, а тогда я ихъ приведу къ ней“. Конечно, я исполнилъ желаніе ксендза. И вотъ началась рѣчь ксендза съ большимъ подъемомъ, съ горячей жестикуляціей и, судя по лицамъ слушателей, съ сильными аргументами. Хотя мнѣ кое-что знакомо изъ литовскаго языка, но я содержанія рѣчи не зналъ, а по опущеннымъ глазамъ свидѣтелей и ихъ поникшимъ головамъ, я убѣдился, что рѣчь ксендза была сильная и произвела свое дѣйствіе. Послѣ рѣчи ксендза повѣренные тяжущихся просили пока свидѣтелей къ присягѣ не приводить, а они посовѣтуются со своими довѣрительями. Я сдѣкалъ антрактъ, стала пить чай, угощая и ксендза, и за чаемъ онъ мнѣ перезевѣлъ свою громоносную рѣчь. Результатомъ разъясненій ксендза было то, что свидѣтели отказались лгать и подготовка доказательствъ падала, а повѣренные сторонѣ заявили о прекращеніи дѣла, чemu я, конечно, былъ радъ и поблагодарилъ ксендза „за рѣшеніе дѣла“. И много другихъ аналогичныхъ случаевъ попадалось при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій. Этотъ фактъ и другіе подобные наглядно доказываютъ силу вліянія у насъ мѣстнаго като-

лическаго духовенства на простой народъ. Въ публикѣ существуетъ мнѣніе, что отправление правосудія по гражданскимъ дѣламъ—скучная вещь, а потому и дни по этимъ дѣламъ мало посѣщаются сторонней публикой. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ гражданскомъ судѣ часто разрѣшаются очень интересныя и сложныя дѣла, интересныя какъ по своей юридической фабулѣ, такъ по своей этической подкладкѣ. Такъ какъ нашъ гражданскій процессъ много отводить мѣстъ словопрѣніямъ тяжущихся на-ряду, правда, съ документальными доказательствами, то въ силу такой конструкціи процесса, пренія тяжущихся бываютъ полны захватывающаго интереса по своей эрудиціи, освѣщенію данныхъ дѣла и интерпретаціи спорныхъ правоотношеній. Все это интересно, конечно, по стольку, по скольку защита по дѣлу находится въ рукахъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ повѣренныхъ, и къ чести виленской присяжной адвокатуры слѣдуетъ сказать, что среди ея имѣются прямо профессора правовыхъ институтовъ (Суморокъ, Змачинскій, Врублевскій, Струмилло и покойные Бернатовичъ, С. Meerовичъ и другіе). Объединенная такъ называемой комиссіей присяжныхъ повѣренныхъ — мѣстная адвокатура представляетъ собой на рѣдкость корректный, лояльный, свѣдущій и тактичный составъ лицъ, съ которыми пріятно вести процессъ и не безполезно выслушивать обоснованныя судебнага пренія; неблагопріятную сторону гражданскаго процесса нужно искать въ самихъ процессуальныхъ законахъ. Съ этой точки зрѣнія очень тормозитъ движение гражданскихъ дѣлъ существующій порядокъ ихъ направленія (общій, сокращенный и упрощенный), тогда какъ все это можно безъ ущерба для процессуального положенія дѣла свести къ одному порядку, чѣмъ сократится время для дальнѣйшаго движенія производства по дѣлу; необходимо сократить сроки для обжалованія решеній суда и устранить поводы для оттяжки решения дѣла по существу разновременнымъ представлениемъ сторонами доказательствъ по дѣлу и предъявленiemъ встрѣчныхъ исковъ. Такіе процессуальные недостатки нашего гражданскаго процесса обратили на себя вниманіе министерства юстиціи, которое и разрабатываетъ уже соотвѣтственные новеллы, что давно пора было сдѣлать.

ГЛАВА IX.

Общія собранія отдѣленій суда.

Общія собранія отдѣленій суда представляютъ собою коллегію для отправленія судебно-административныхъ его функций, такъ какъ къ вѣдѣнію этихъ собраній относятся вопросы по надзору за судебнымъ персоналомъ подчиненныхъ суду лицъ и ихъ дѣятельностью; разсмотрѣніе отчетностей о положеніи у нихъ дѣлъ (у судебныхъ слѣдователей, нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ), вопросы дисциплинарного характера и вопросы, имѣющіе значеніе для внутренняго распорядка, дѣлопроизводства въ судѣ (для наказа), министерскіе циркуляры и т. п. Прохожденіе всѣхъ этихъ вопросовъ въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда не сопровождалось особыми осложненіями; но вопросы, связанные съ дисциплинарными производствами, вызванные неправильными дѣйствіями кого-либо изъ членовъ адвокатуры или судебныхъ слѣдователей, часто возбуждали горячія пренія въ коллегіи. Источникомъ такой горячности были двѣ причины: по отношенію къ адвокатамъ многіе члены коллегіи, недолюбливая этотъ институтъ, старались непремѣнно упечь попавшагося адвоката, а по отношенію къ судебнѣмъ слѣдователямъ коллегія всячески защищала этихъ лицъ отъ прижимокъ прокурорскаго надзора, усвоившаго себѣ почему-то совершенно незаконную точку зрѣнія на слѣдственный институтъ, какъ на нечто, лишенное своей воли, своей иниціативы, а долженствующій пребывать въ безусловномъ его подчиненіи. Быль у насъ, напримѣръ, такой прокуроръ, который заваливалъ судъ своими сообщеніями о неправильныхъ дѣйствіяхъ судебнѣхъ слѣдователей, оканчивавшихся ничѣмъ, доказывавшихъ лишь злобность прокурора и переоцѣнку имъ своего значенія. Всѣ другіе вопросы протекали мирно, скучновато, не внося никакихъ разногласій въ среду коллегіи. Отрадная сторона общихъ собраній отдѣленій суда, на мой взглядъ, заключается въ томъ, что здѣсь, въ общихъ собраніяхъ, члены коллегіи объединяются, выйдя на свѣтъ со своихъ „трудовыхъ норъ“, обмѣниваются взглядами по разнымъ занимающимъ ихъ вопросамъ служебнаго и личнаго характера. Но все тихо, мирно и благодушно идетъ въ судейской кол-

легії, когда она представляетъ собою „лицо суда“, живеть дружно, чуждая интригъ и нажима со стороны предсѣдателя суда. Но разъ предсѣдатель суда особы, стремящаяся къ подавленію самостоятельности суда своимъ „я“, устанавливающая пріоритетъ своей власти, пренебрежительно и съ переоцѣненной властностью относящаяся къ членамъ коллегіи, тогда общія собранія отдѣленій суда представляютъ совершенно иную физіономію, такъ какъ вмѣсто сплоченной дружеской семьи вы видите передъ собою собраніе людей недовольныхъ, измученныхъ, недовѣрчивыхъ и озлобленныхъ дѣйствующимъ режимомъ, въ основѣ котораго произволъ и интрига. Слава Богу, при предсѣдателяхъ суда М. М. Котляревскомъ и Г. С. Маньковскомъ я такого режима не испытывалъ и вспоминаю ихъ и здѣсь съ самымъ теплымъ чувствомъ. Главной функціей общаго собранія отдѣленій, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать его право представлять избранныхъ ими кандидатовъ на открывающіяся судебныя должности членовъ суда, судебныхъ слѣдователей и др. Въ этомъ закономъ установленномъ правѣ суда заключается и маленькая доля его автономіи. И вотъ на почвѣ этой автономіи можно подмѣтить и характеризовать нравъ даннаго предсѣдателя суда. Тотъ изъ нихъ, который идетъ и дѣйствуетъ въ согласіи съ коллегіей, безусловно по даннымъ вопросамъ подчиняется общему приговору коллегіи, а тотъ, у котораго судъ—„это я“, непремѣнно настаиваетъ на представленіи рекомендуемаго имъ кандидата, и если судъ отклонитъ его рекомендациѳ, то все-таки „обходнымими движеніями“ онъ сажаетъ на шею суду нежелательного коллегіанта, но вѣрнаго предсѣдательскаго клеврета.

Право избранія судомъ своихъ кандидатовъ на открывающіяся въ округѣ суда должности—это въ такой степени драгоценное право суда, что къ нему надо относиться очень бережно и оберегать отъ всякихъ узурпаций со стороны предсѣдателей судовъ „стили модернъ“. Большую помошь узурпации права судебныхъ коллегій на избраніе своихъ кандидатовъ на судебныя должности оказываетъ открытая выборная баллотировка. Всѣ мы люди, какъ люди, и не у всѣхъ и судей въ равной мѣрѣ развито чувство гражданскаго мужества, и разъ предсѣдатель суда повелительно ставить на баллотировку своего кандидата, то многіе изъ нежеланія стать съ предсѣдателемъ въ непріятныя отношенія даютъ свой голосъ его кандидату, къ сожалѣнію,

даже съ такимъ поясненіемъ: „какъ угодно вашему превосходительству“... Ничего подобнаго вы не можете встрѣтить при закрытой баллотировкѣ даннаго лица, тайна избирательной urnы даетъ полную свободу избирателю положить бѣлый или черный шаръ данному избраннику, и хотя, какъ напр. на земскихъ или дворянскихъ выборахъ, и бываютъ такие курьезы, что упросяты человѣка баллотироваться, а потомъ навалить ему черняковъ, но вѣдь это только курьезъ, а не норма. Давно бы, казалось, пора и къ судейскимъ коллегіямъ примѣнить общепринятую систему выборовъ въ общественныхъ учрежденіяхъ Россіи; тогда не мыслимы были бы на практикѣ и такие случаи, когда несогласную съ предсѣдателемъ коллегію по вопросу о выборахъ—имъ эта коллегія обвиняется въ подрывѣ предсѣдательской власти и чуть не въ государственномъ преступленіи. Нашъ судъ, по счастью, до самаго послѣдняго времени шелъ по пути выборовъ своихъ кандидатовъ на судебные должности прямой дорогой, предуказанной въ законѣ, и лишь въ послѣднее время на этомъ пути поставлены „новые вѣхи“ и намѣчена другая дорога... Тяжелая работа нашего суда съ постояннымъ увеличеніемъ дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ выдвинула въ 1902 г. въ общемъ собраніи его отдѣленій вопросъ объ увеличеніи наличнаго состава членовъ суда и прибавки двухъ отдѣленій. Образованы были для разработки вопроса двѣ комиссіи по уголовному и гражданскому отдѣленіямъ, на слѣдованіями которыхъ по точному цифровому матеріалу было установлено, что при дѣйствующемъ наличномъ составѣ суда нѣть никакой надежды на ликвидацию постепенно нарстающаго остатка нерѣшенныхъ дѣлъ, грозящаго при томъ въ будущемъ еще большимъ увеличеніемъ. Министерство юстиціи вняло ходатайству суда и увеличило составъ его только въ обрѣзъ, и если кто-нибудь изъ наличнаго состава членовъ суда заболѣть, или будетъ находиться во временному отпуску, то встрѣчается большое затрудненіе при замѣщеніи отсутствующихъ членовъ коллегіи. На мой взглядъ, чтобы не истощать силъ наличнаго состава суда, необходимо хоть на 2 отдѣленія суда имѣть еще по одному резервному члену суда, который выручалъ бы судъ въ экстренныхъ случаяхъ, а при нормальномъ положеніи дѣла несъ другія обязанности: участвовалъ бы въ губернскихъ присутствіяхъ, докладывалъ дѣла, облегчая трудъ своихъ товарищѣй. Прошли и давно прошли золотые дни идеиной—увлека-

тельной работы судей, какъ то было на первыхъ порахъ дѣйствія судебныхъ уставовъ; теперь эта работа усложнилась по существу и количественно, пріобрѣтая значеніе неустаннаго ежедневнаго труда, въ значительной степени и въ скоромъ времени подтачивающаго здоровье работниковъ въ особенности на нервной почвѣ и на почвѣ психоза.

ГЛАВА X.

Служба въ уѣздномъ съѣзду.

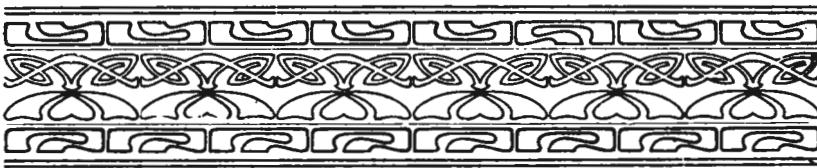
Хотѣлось бы мнѣ еще кое-что сказать и о службѣ въ качествѣ уѣзднаго члена суда; но, къ сожалѣнію, эта служба не оставила у меня особенно хорошихъ воспоминаній, какъ потому, что судебное дѣло въ этомъ судебнно-административномъ учрежденіи не вызывало къ себѣ особой симпатіи, такъ и потому, что положеніе уѣзднаго члена суда въ коллегіи земскихъ начальниковъ—это „сидѣніе на двухъ стульяхъ“ поза далеко неудобная; но она,—поза, бываетъ совершенно невозможной, если вамъ поставятъ стулья не прочные, угрожающіе паденiemъ или, говоря другими словами, если вамъ придется стать въ оппозицію съ земскими начальниками, или съ предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда, какъ это бывало во многихъ съѣздахъ. Мнѣ и здѣсь посчастливились. Предсѣдателемъ Виленского съѣзда состоялъ гр. С. С. Татищевъ, и онъ очень мило разрѣшилъ вопросъ о взаимныхъ компетенціяхъ, предоставивъ мнѣ „carte blanche“ по судебнай части, а самъ занялся чисто административной. Благодаря такому „мировому соглашенію“, за все время моей службы въ уѣздномъ съѣзду у меня не было никакихъ недоразумѣній ни съ предсѣдателями его, ни съ земскими начальниками. Но то былъ гр. Татищевъ—человѣкъ большого такта, удивительной трудоспособности и крайне корректный, хотя и не безъ скрытныхъ „властныхъ стремленій“, чего потомъ и достигъ на разныхъ постахъ административной дѣятельности. Что касается суда земскихъ начальниковъ, то имъ населеніе не удовлетворялось, судя по жалобамъ на ихъ рѣшенія. Тѣмъ болѣе не удовлетворяли мѣстное населеніе рѣшенія волостныхъ судовъ. И въ самомъ дѣлѣ: рѣшенія этихъ судовъ подчасъ поражали то

своей чудовищной нелѣпостью въ изложеніи мотивовъ рѣшеній, то отсутствіемъ этихъ мотивовъ, частымъ несоответствіемъ фактической стороны дѣла резолюціи суда и т. д. Уѣздный членъ положительно былъ заваленъ жалобами на рѣшенія волостныхъ судовъ. Большую часть рѣшеній, очевидно, измышляли волостные писаря, которые поворачивали законъ „какъ дышло“, лишь-бы по-ихнему вышло. При личныхъ объясненіяхъ съ крестьянами они высказывали глубокое сожалѣніе, что нѣть мирового суда, который такъ хорошо у нихъ привился и которымъ они были очень довольны и, главнымъ образомъ, потому, что правосудіе было въ чистыхъ рукахъ, а отъ рѣшеній мировыхъ судей не пахло „spiritus'омъ vini“. Такъ какъ въ настоящее время въ Государственную Думу внесенъ законопроектъ о введеніи положенія о мѣстномъ судѣ и въ Виленской губерніи, то остается только порадоваться за нашихъ селянъ, которымъ снова возвратятъ ихъ излюбленный мировой судъ.

Прослуживъ въ уѣздномъ сѣвѣрѣ $2\frac{1}{2}$ года, я опять потянулся въ мой судъ, за назначеніемъ товарищемъ предсѣдателя его въ 1906 году, и счастливъ ожиданіемъ встрѣтить юбилейные дни судебныхъ уставовъ Императора Александра II въ своей средѣ и въ своей сферѣ.

В. С. Чеважевскій

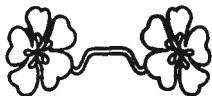

Къ исторії Ферапонтова Бѣлозерскаго монастыря (1679 г.).

Государю преосвященному Симону архиепискому Вологодскому и Бѣлозерскому бывать челомъ богомольцы твои Бѣлозерского уѣзду Рожества Пречистыя Богородицы Ферапонтова монастыря игуменъ Афонасей з-братьею. Въ вынѣшнемъ государь во 187 году биль челомъ великому господину святѣйшему Іоакиму патриарху Московскому и всеа Росії Ферапонтова ж монастыря строитель старецъ Исаия об отставѣ строительскихъ службы и по указу святѣйшаго патріарха, а по его строительскому члобитю, присланы к тебѣ государь преосвященному Симону архиепискому Вологодскому и Бѣлоозерскому грамота, а по той государь грамотѣ, а по его строительскому члобитю, указано ево строителя Исаию от строительскихъ службы отставить. И нынѣ государь у нас въ Ферапонтовѣ монастырѣ строителя нѣт и монастырскихъ служекъ и служебниковъ и вотчинныхъ крестьянъ от стороны оберегать некому. Умилостивися государь преосвященный Симонъ архиепископъ Вологодскій и Белозерскій, пожалуй нас богомолцовъ своихъ, вели государь быть у нас въ Ферапонтовѣ монастырѣ строителемъ Кириллова монастыря соборному старцу Корнилию Затворникову и об томъ государь вели дать свою святительскую грамоту, чтоб ему старцу Корнилию Затворникову у нас въ Ферапонтовѣ монастырѣ промежа служками и служебниками и вотчинными крестьянъ всякая розправа чинить и от стороны оберегать. Государь великии святитель смируйся пожалуй.

На оборотѣ: К сей челобитной ігумен Аѳонасей руку приложилъ. Черной поп Дионисей въмѣсто братии дѣтей своих духовных по ихъ велѣнью руку приложилъ. Черноі поп Парѳеней и вмѣсто детеі своих духовных казначеѧ старца Іева да старца Тарасия руку приложил. Чернец Митрофан руку приложил. Чернѣцъ Александръ руку приложил.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Къ исторіи рода Чайковскихъ.

(Завѣщаніе Ивана Чайковскаго 1688 г.).

Во имя Пресвятых Троицы Отда и Сына и Святаго Духа. Се язъ рабъ Божиі Иванъ Аеонасьевъ сынъ Чайковской пишу себѣ изустную духовную память своими цѣлымъ умомъ и разумомъ бояся часа смертнаго кому что дать и на комъ что взять. Благословляю язъ Иванъ жену свою Мавру Даниловну Божиимъ милосердіемъ домовными образами да приказываю душу свою ей женѣ своей Маврѣ и дѣтямъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру. А что моево пожитку послѣ меня останется, хлѣба и скота и рухледи, и изъ тѣхъ пожитковъ моихъ приказываю женѣ своей и дѣтямъ своимъ дать на поминовеніе души моей сорокоусты отцу моему духовному вдовому попу Еорѣму сорокоустъ говорить псалтырь да Пречистенскому попу Василью, что на Монзѣ, съ крылашены сорокоустъ же да Егорьевскому попу Ивану Семенову, что на Шиленгѣ, съ крылашены сорокоустъ да въ Александрову пустыню попу Никиору Алексѣеву съ крылашены сорокоустъ же да прежнему моему отцу духовному старцу Филарету дать сорокоустъ же говорить псалтырь. А какъ Богъ преселить душу жены моей Мавры послѣ меня, и что останется пожитковъ моихъ, и тѣ пожитки мои послѣдніе отдать на поминовеніе жены моей по душе на сорокоусты же въ тѣ же вышеписанныя мѣста. Да заплатить церковного долга Пресвятых Богородицы, что на Монзѣ, пятнадцать рублей денегъ по заемной кабалѣ на три строки, а въ той кабалѣ писаны крестьяни мои, а окромѣ той кабалы иново долгу никакова въ тое церковь нѣтъ.

Да въ вотчинѣ Ростовскаго митрополита Шейпухоцкой волости у крестьянина у Якова Мингалева какія объявятца заемныя кабалы и памяти на меня Ивана и на дѣтей моихъ и на крестьянъ моихъ, а тѣ кабалы и памяти писаны на имя первого мужа жены ево Яковлевы Ивана Федорова сына Беляя, и по тѣмъ кабаламъ и памятемъ хлѣбной и денежной долгъ плаченъ весь сполна. Да зятьямъ моимъ за дочерми моими Федору Васильеву сыну Бесѣдному, Дмитрею Тимоѳьеву сыну Марину, Василью Матвѣеву сыну Сыпягину и бывшему зятю Якову Брянченинову и зятю Стефану Яковлеву сыну Пылаеву, Ивацу Яковлеву сыну Толбумину противо рядныхъ записей приданое платье и кузнь серебряная и что писано въ отдачу и то имъ все плачено сполна. А дѣти мои Илья и Василей и Петръ подѣлены у меня Ивана до сего числа за многое время и хлѣбомъ и скотомъ и всякими пожитками надѣлены, живутъ особыми домами. А о помѣсьѣ моемъ имъ дѣтимъ моимъ Ильѣ и Василью и Петру послѣ моего живота бить челомъ великимъ государемъ. А жену мою Мавру, а свою матерь дѣтимъ моимъ послѣ меня поить и кормить и всѣмъ покойть и держать чесно по ея смерть. А какъ Богъ преселить душу ея въ вечный покой и тако же бы помянуть, что и мою душу, и пожитки ея отдать на поменовеніе душѣ. А окромъ на мнѣ Иванѣ церковнаго долгу пятнадцети рублевъ денегъ, иныхъ никакихъ долговъ хлѣбного и денежнаго ни у кого нинѣ нѣтъ. А будеть гдѣ у кого въ меня Ивана и на дѣтей моихъ и на крестьянъ моихъ какія крѣости и заемныя кабалы и памяти или росписи въ какомъ взяче и долгѣ и въ хлѣбномъ и денежнномъ вылягутъ, и то все плачено сполна. А исправлять душу свою противъ сей духовной приказываю дѣтимъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру, а имъ дѣтимъ моимъ промежъ себя жить въ братствѣ и въ любви и буди на нихъ милость Божія и наше отчее благословленіе въ семъ свѣтѣ и будущемъ вѣце. А у сея изуснаго моего духовнаго памяти седѣли священники: отецъ мой духовной вдовой попъ Еоремъ Никитинъ да Пречистенской попъ Василей Ивановъ да бывшей мой отецъ духовной что нынѣ Феларетъ старецъ да Пречистыя Богородицы Монѣской церковной староста Никита Павловъ да дѣти мои Василей да Петръ Чайковскіе. А изусную духовную память писалъ Шилегоцкіе волости Георьевской церковной дьячекъ Коземка Иосифовъ по ево Иванову велѣнію Чайковскаго лѣта 7196 году мѣсяца генваря въ 3 день.

На оборотѣ подлинной духовной написаны рукоприкладства: „Къ сей изусной духовной памяти вдовой попъ Ефрѣмъ по велѣнью сына своего духовнаго Ивана Аѳанасьевына Чайковскаго руку приложилъ. Къ сей духовной памяти Пречистенской попъ Василий у сеѧ духовныѧ седѣлъ и по велѣнью церковнаго старосты Никиты Павлова по его велѣнью руку приложилъ“. Далѣе идутъ подписи сыновей Василья и Петра Чайковскихъ и старца Филарета.

Примѣчаніе. Иванъ Аѳанасьевичъ Чайковскій умеръ 5 января 1688 года. Объ утвержденіи духовной билъ челомъ архіепискоцу Вологодскому и Бѣлоозерскому Гаврілу 22 декабря того же года сынь умершаго Василій и по указу архіепископа къ поповскому захащику Николаевскому попу Семену, что на Святой горѣ, въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда были вызваны сидѣльцы и писецъ духовной, и въ январѣ слѣдующаго года духовная была признана неспорною.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

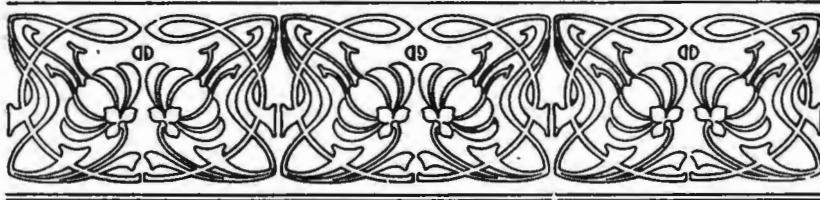
Начальницы институтовъ.

Покойная нынѣ Серафима Матвѣевна Наставина, смолянка, рассказывая однажды объ извѣстной начальнице Смольного института Леонтьевой, упомянула о томъ авторитетѣ, которымъ Леонтьева пользовалась, и подкрѣпила это утвержденіемъ, что тогда всѣхъ вновь назначаемыхъ начальницъ институтовъ возили въ Смольный поучиться у Леонтьевой, какъ надо поставить дѣло.

Одна изъ собесѣдницъ, Николаевская институтка, нынѣ тоже покойная Александра Федоровна Фуксъ, на это возразила:

„Не знаю. Можетъ быть. Но только не нашу Дараганъ. Ее кучеръ Никита привезъ прямо въ Николаевскій институтъ, высадилъ и сказалъ встрѣчавшей челяди: „ну, теперь у меня смотрите—привезъ я вамъ черта!“

Императорская Фамилія въ Крыму.

Всѣмъ извѣстно, что Оріанда, прекрасное прибрежное имѣніе въ 7 верстахъ отъ Ялты, пріобрѣтено было покойнымъ Императоромъ Александромъ I, который можетъ быть мечталъ проводить въ немъ осенне мѣсяцы; но этого не случилось. Доставшись Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, по приказанію которой воздвигнутъ былъ здѣсь прекрасный трехъэтажный дворецъ, имѣніе это въ концѣ концовъ досталось Вел. Кн. Константину Николаевичу, котораго Государыня очень любила и вся Россія считала за геніального и образованнѣйшаго человѣка. Естественно, что Императору Александру II и остальнымъ братьямъ также желательно было имѣть въ этомъ прелестномъ уголку свои дачи, но такъ какъ лучшія изъ нихъ принадлежали уже аристократамъ, не имѣвшимъ надобности продавать ихъ, то пріобрѣтеніе ихъ откладывалось до удобнаго времени. Такое время представилось послѣ смерти графа Потоцкаго, владѣльца Ливадіи, который большинствомъ проводилъ лѣто здѣсь и любилъ Россію настолько, насколько жена его ненавидѣла эту страну. Графиня Потоцкая не замедлила предложить Государынѣ Императрицѣ (въ 1860 г.) имѣніе это и запросила за него 250 тыс. За эту ли сумму или дешевле состоялся договоръ, но Ливадія съ инвентаремъ пріобрѣтена была въ томъ же году. Имѣніе это состояло изъ большого виноградника, который сохраняется до настоящаго времени, изъ дома, который отчасти перестроенъ

и служилъ помѣщеніемъ покойнаго Государя съ супругою и дѣтьми, оранжереи и двухъ, трехъ домиковъ; все остальное пространство составляло сѣнокосы и лѣсныя гущи. Первымъ управляющимъ назначенъ былъ Калбасинъ, а для перестроекъ и новыхъ сооруженій командированъ былъ профессоръ архитектуры Монигетти. По представленіямъ этихъ распорядителей открылись въ Ливадіи безконечные работы и въ то же время приступлено было къ перестройкѣ двухъ домовъ въ Ялтѣ¹⁾). Естественно, что министерство удѣловъ не щадило денегъ и отлично вознаграждало дальновиднаго итальянца, не презиравшаго никакими способами для наживы. Такимъ образомъ въ Ливадіи, поглотившей 2—3 миллиона, не явилось ни одной постройки, которая по архитектурѣ и солидности превосходила барскій домъ Потоцкаго. Не дурно вышла только придворная маленькая церковь съ византійскими орнаментами и живописью.

При всей поспѣшности работъ къ предположенному пріѣзду Царской Фамиліи въ будущемъ году, въ Ливадіи сдѣлано было очень немногое, но, несмотря на это, официально сообщено мѣстнымъ властямъ о рѣшенномъ уже въ Петербургѣ пребываніи Августейшей Семьи на осенний сезонъ въ Ливадію.

7-го августа 1861 г. прибылъ въ Оріанду Вел. Кн. Константинъ. При проѣздѣ его чрезъ Байдарскую долину, обитатели которой враждебно относились къ намъ при занятіи этой мѣстности англо-французами въ Крымскую кампанію, изъ желавія пустить передъ нимъ пыль въ глаза, устроили торжественное молебствіе о здравіи и долгodeствії Царствующей Фамиліи, послѣ чего кланялись и забавляли Его Высочество различными играми. Изъ всѣхъ представлявшихся къ нему обращалъ на себя вниманіе высокій стройный старикъ лѣтъ 85-ти, казакъ, Ваптъ, съ нѣсколькими медалями па шеѣ и значкомъ за отечественную войну. Этотъ татаринъ, искренно преданный Россіи, съ 1812 года участвовалъ во всѣхъ битвахъ нашихъ съ французами при казацкихъ отрядахъ, а во время осады Сева-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ домовъ занять мужской прогимназіею, а другой отдается въ наймы.

стополя служилъ волонтеромъ и указателемъ горныхъ тропинокъ нашимъ войскамъ¹⁾.

Всѣ. Кн. Константинъ, говорящій не дурно по-турецки, выразилъ свое удовольствіе нѣсколькими татарскими фразами и поѣхалъ дальше. У Байдарскихъ воротъ его пригласилъ исправникъ Зофиropуло къ подготовленному заранѣе завтраку, состоящему изъ форели, пойманной у истока Черной рѣчки при разоренной деревнѣ Скеля. Константинъ Николаевичъ пробылъ въ имѣніи своемъ 5 сутокъ и выѣхалъ обратно на Севастополь.

Выѣздъ Государя съ Августѣйшимъ семействомъ изъ Петербурга для тѣхъ, кто слѣдилъ за газетными сообщеніями, представляеть замѣчательное явленіе народной преданности. Всѣмъ известно, что въ то время у насъ не было желѣзныхъ дорогъ и державнымъ путешественникамъ приходилосьѣхать на лошадяхъ и останавливаться на каждой почтовой станціи, куда заблаговременно стекались окрестные крестьяне съ хлѣбомъ-солью, чтобы ударить челомъ властителю, снявшему съ нихъ и дѣтей ихъ невыносимыя оковы рабства. Поднося эти дары съ слезами неизъяснимой радости и разстилая чистыя и лучшія полотенца подъ ноги Освободителю своему, эти бѣдняки сами впряженісь въ царскій экипажъ, и если бы имъ дозволено было, то отъ Москвы до Крыма Его Величество проѣхалъ бы на плечахъ благодарныхъ подданныхъ. Такого народнаго желанія и такой истинной благодарности миллионовъ людей намъ не представляла исторія ни единаго царя, и естественно, что съ этого времени Императоръ Александръ II долженъ былъ запять величайшее положеніе въ спискѣ благотворителей и филантроповъ земли.

Тѣмъ временемъ въ Ялтѣ установлена окончательно телеграфная станція, оконченъ бульварчикъ вдоль набережной, увеличена городская пристань и начата гранитная плотина вдоль дороги, идущей на Ливадію, которую постоянно портили морскіе прибои; прибыли въ почетный караулъ рота Брестского полка съ эскадрономъ казаковъ. Все было готово къ приему Августѣйшей Фамиліи къ 22 му августа. 24-го числа прибыли въ Ялту два военныхъ паро-

¹⁾ Послѣ Крымской войны, казакъ Вапть, какъ бездѣтный, терпѣль ужасную бѣдность. Татары не любили его и всегда совѣтовали съ наемщикою искать пособія у русскаго правительства. Впослѣдствіи, когда онъ ослѣпъ, жена его вынуждена была, показывая регалии мужа, вы- прашивать у христіанъ подаяніе.

хода „Турокъ“ и „Пицуида“ съ царскими вещами, прислужою, фельдъегерями и казаками собственного конвоя Его Величества.

Получено извѣстіе что Государь прибылъ въ Севастополь, откуда, по осмотрѣ Херсонеса, не раньше какъ къ 2-мъ часамъ завтра пожалуетъ въ Ливадію. Естественно, что вѣсть эта подняла на ноги всю полицію и всѣхъ домовладѣльцевъ г. Ялты, начали бѣлить дома, подметать улицы, отдавать приказы лавочникамъ, содержателямъ питейныхъ заведеній и т. п.

Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Его Величество, пожелавъ ознаменовать первый прїездъ свой въ Крымъ основаніемъ важнаго для имперіи памятника въ Херсонесѣ, задуманного еще Императоромъ Александромъ I, 23 августа своеручно положилъ первый камень въ фундаментъ громадной церкви вокругъ развалинъ древняго храма во имя Рожд. Пресв. Богородицы, гдѣ крестился Вс. Кн. Владимирий, озарившій евангелическою истиной Русскую землю. При чёмъ отдалъ приказаніе перенести сюда изъ малой церкви Зимняго Дворца часть мощей Св. Владимира и отпустить 111 пуд. мѣди для отлитія первого колокола.

На слѣдующій день въ сказанное время, несмотря на вѣтреную и дождливую погоду, Государь съ Августѣйшею Супругою Марию Александровною и младшими дѣтьми: Марией Александровною, Павломъ и Сергиемъ Александровичами прибыли въ Ливадію съ небольшою свитою и къ удивленію всѣхъ отлично размѣстились въ небольшомъ домѣ Потоцкаго. Гдѣ и какъ поселились приближенныя трудно было опредѣлить. Распорядителемъ по хозяйственной части былъ какой-то Миллеръ. Лейбъ-медиками Карель и Гартманъ. Въ число послѣднихъ былъ приглашенъ и медикъ, состоявшій при графѣ Потоцкомъ, вѣроятно, въ качествѣ врача, знавшаго мѣстныя климатическія вліянія, и именно описанный мною докторъ Петерсъ.

Въ тотъ же день узнали, что завтра, 26 августа, Его Величество по случаю празднованія коронаціи и неимѣнія въ Ливадіи церкви посѣтить Ялту, гдѣ будетъ слушать божественную литургію. Надо знать, что въ то время Ялтинскій храмъ былъ на половину менѣе и настоятелемъ его былъ протоіерей Василій Сердюковъ. Ни дьякона, ни пѣвчихъ не было.

Къ счастью пѣвчіе находились на пароходѣ „Тигръ“, считавшемся императорскою яхтою¹⁾, и разумѣется, немедленно были приглашены. О. Василію также внушено было, что придворная обѣдня должна продолжаться не должно $\frac{3}{4}$ часа.

26-го съ ранняго утра ялтинскій исправникъ съ единственнымъ помощникомъ своимъ квартальнымъ надзирателемъ и двумя десятниками, составлявшими въ то блаженное время охрану города и уѣзда, ужасно сутились о чистотѣ вокругъ церкви и по дорогѣ, ведущей къ ней.

Въ 8 часовъ раздался первый церковный колоколь, заставившій вздрогнуть сердца мирныхъ жителей, не привыкшихъ къ чрезвычайнымъ новостямъ и ожиданіямъ.

Въ крошечной Ялтѣ началось движеніе, и большинство ея жителей вышли на вновь устроенный прибрежный бульваръ, идущій вдоль улицы, по которой надлежало проѣзжать Государю. Изъ военныхъ, сколько-нибудь способныхъ къ обращенію въ порядочномъ обществѣ, въ Ялтѣ былъ только одинъ инженеръ-капитанъ Шишко, завѣдывающій южно-бережскимъ трактомъ, полякъ, хитрый и лукавый.

Городского головы тогда не полагалась, а былъ мѣщанская староста, вполнѣ зависимый отъ городничаго, глупаго капитанъ-лейтенанта Кондогури, одного изъ защитниковъ Севастополя, украшенного офицерскимъ военнымъ орденомъ. Ни городничій, ни староста не подумали подносить монарху хлѣбъ-соль. Что касается татаръ, то они, предполагая, что Императоръ недоволенъ поведеніемъ ихъ въ военное время и затѣмъ эмиграцію въ враждебную Турцию, всѣ почти закрыли лавки и пошли по домамъ, за исключеніемъ только одного кузнеца изъ деревни Никиты Мустафы, который, подобравъ нѣсколькихъ товарищѣй, поѣхалъ съ ними въ Ливадію, чтобы не только привѣтствовать монарха, когда онъ выйдетъ, но и сопровождать его до Ялтинской церкви. Объ этомъ татаринъ, который впослѣдствіи стоялъ близко къ Императору Александру II, посѣтившему его раза два и который вслѣдствіе такого расположения самодержца прозванъ былъ народомъ княземъ Мустафою. Татаринъ этотъ, къ несчастію семьи своей и къ всеобщему сожалѣнію единовѣрцевъ своихъ, немногого лѣтъ жилъ послѣ пріобрѣтеннаго почета. Онъ былъ простымъ

1) Пароходъ этотъ былъ тотъ, который сѣлъ на мель около Одессы въ Крымскую кампанию и былъ захваченъ вами.

кузнецомъ въ деревнѣ Никитѣ. Надо знать, что у татаръ всякое ремесло считается почетнымъ, въ особенности, если ремесленникъ исполняетъ его добросовѣстно, а такъ какъ Мустафа всегда дѣлалъ хорошія подковы и крѣпкіе гвозди и не требовалъ отъ бѣдныхъ немедленной уплаты денегъ за своеручные труды, то къ нему всѣ относились какъ точному исполнителю заповѣдей Магомета. Правда, нѣкоторымъ изъ строгихъ мусульманъ не нравилось въ немъ необыкновенное стремленіе къ дружбѣ съ христіанами въ предположеніи, что онъ желаетъ господствовать въ деревнѣ и служить глаурамъ шпіономъ. Лишь только выражено было это Мустафѣ, онъ распродалъ свои участки земли въ Никитѣ, бросилъ кузнечное ремесло и переселился въ Дерекой, гдѣ первый построилъ себѣ домъ въ нѣсколько европейскомъ вкусѣ. Чѣмъ онъ промышлялъ для существованія—трудно сказать. По словамъ однихъ, онъ участвовалъ въ откупѣ садовъ, по другимъ свѣдѣніямъ перепродаивъ лошадей, довольствуясь ничтожными выгодами, такъ какъ для татарскаго семейства, состоящаго изъ 5—6 душъ, въ то время предостаточно было 100 руб. Мустафа былъ небольшого роста, черноглазый, чернобровый и черноусый пріятный мужчина съ матовыми оттенками на лицѣ. Въ его походкѣ, тѣлодвиженіи, въ глазахъ и тихой рѣчи такъ было много чего-то вызывающаго полное довѣріе, такъ многого искренней почтительности, кротости и уваженія къ ближнему и въ особенности къ старшему, безъ примѣси униженія и другихъ недостатковъ, свойственныхъ людямъ съ задними идеями, что всѣ, кто однажды заговоривалъ съ нимъ, принималъ его за образецъ честнаго и нужнаго человѣка. Вотъ почему его полюбилъ съ первого взгляда Государь Императоръ и всѣ придворные, которые обыкновенно страшатся людей болтливыхъ и имѣвшихъ на умѣ личныя выгоды. При этомъ Мустафа очень хорошо понялъ, что наши велиможи любятъ блескъ, вслѣдствіе чего онъ приказалъ сдѣлать себѣ куртку съ золотыми галунами, пріобрѣлъ шапку изъ лучшей мерлушкы и ъздилъ на великолѣпномъ иноходцѣ, котораго многія лошади не могли догнать на полномъ скаку. Кто обладаетъ такой лошадью, и теперь пользуется между татарами почетомъ, а тогда это возбуждало зависть даже и у состоятельныхъ помѣщиковъ, потому что хороши иноходцы послѣ эмиграціи татаръ составляли рѣдкость и требовали большой заботливости со стороны владѣльца.

Ровно въ 9 часовъ показалось облако пыли со стороны Ливадіи и раздался трезвонъ колоколовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ къ церковной оградѣ татаринъ и спѣшившись сталь у воротъ. Музыка заиграла царскій маршъ; солдаты вытянулись въ струнку, и всѣ глаза обратились къ воротамъ церковной ограды. Минуту спустя подкатилъ Государь въ легкой открытой коляскѣ съ флигель-адютантомъ, красивымъ на видъ полковникомъ Рыльевымъ, который заботливо снялъ съ Государя шинель. Въ это время музыка заиграла народный гимнъ: Боже, Царя храни, мотивъ котораго такъ хорошо пришелся по чувствамъ русскаго человѣка и действительно вызываетъ въ каждомъ изъ насъ какое-то восторженное умиленіе. Государь подошелъ къ командиру роты, скомандовавшему „на плечо“ и „караулъ“ и принявъ отъ него почетный рапортъ, началъ что-то говорить.

Музыка смолкла по мановенію державной руки, и воцарилось такое молчаніе, какъ-бы вся природа хотѣла слышать голосъ вѣнценосца. Священникъ появился съ крестомъ у дверей храма. Тѣмъ временемъ подъѣхала вторая коляска съ Государынею Императрицею и маленькими: Марию Александровну, Павломъ и Сергиемъ Александровичами, въ средѣ которыхъ находилась княжна Долгорукова, въ качествѣ наставницы великой княжны.

Сойдя изъ экипажа, при помощи Августѣшаго супруга, Государыня приложилась вмѣстѣ съ нимъ и дѣтьми къ кресту и съ видимымъ благоговѣніемъ вступила въ храмъ, кланяясь направо и налево, и заняла то мѣстечко по лѣвой сторонѣ, на которомъ красовался новенький бархатный коверъ и соломенное стуло. Ялтинская церковь тогда не имѣла излишнихъ средствъ на пріобрѣтеніе мягкаго кресла, а у жителей не принята была такая роскошь. Лишь только царствующая чета заняла свое мѣсто, отецъ Василій чистымъ и яснымъ выговоромъ началъ богослуженіе. При первомъ его возгласѣ Императрица опустилась на колѣна и начала горячо молиться; дѣти послѣдовали ея примѣру.

Государь во все время обѣдни ни разу не оглядывался и при всѣхъ важнѣйшихъ возгласахъ становился съ супругою и дѣтьми на колѣна. Литургія длилась ровно 46 минутъ, т.-е. столько времени, сколько опредѣлено было. Въ концѣ ея отъ Василія вынесъ Августѣшімъ прихожанамъ просфоры и по установленію поцѣловалъ имъ руки, получивъ въ отвѣтъ то же самое.

Повернувшись къ выходу, Его Величество подошелъ къ брату графа Потоцкаго, стоявшаго въ камергерскомъ мундирѣ, и съ улыбкою пожалъ ему руку. Потоцкій явился въ Ялту раньше Высочайшаго пріѣзда и не разъ останавливалъ вниманіе многими эксцентричными женообразными выходками: во-первыхъ, онъ былъ старъ и дрожалъ, какъ запоздалый осенний листъ на деревѣ, всегда одѣвался самымъ изысканнымъ образомъ по послѣдней парижской картинкѣ и тщательно прикрывалъ свою плѣщь немногими остатками волосъ съ висковъ и наконецъ до того обливался ароматами, что приближеніе его слышалось за 10 шаговъ. Къ этому прибавьте страсть заглядывать въ глаза каждой молодой женщины и окружать себя собачками рыжей, чунтуковой породы, которыхъ онъ безпрестанно подзывалъ и ласкалъ—и портретъ этого эпикуреца будетъ вполнѣ нарисованъ.

Царское вниманіе оживило Потоцкаго настолько, что глаза его заверглись, какъ у юноши, и онъ, кажется, долго не могъ успокоиться отъ такой чести.

Естественно, что при выходѣ Государя всѣ разступились съ почтительными поклонами и полагали, что дѣло обойдется безъ всякихъ событій, но въ это самое время изъ среды женщинъ рванулась какая-то высокая молодая женщина и, нагнавъ монарха, громко сказала:

— Ваше Величество, соблаговолите выслушать несчастную вдову полковника . . . фамиліи я не разслышалъ.

Идущій за Государемъ министръ двора, графъ Адлербергъ схватилъ дерзкую барыню за мантилью и хотѣлъ остановить, но она рванулись впередъ и вновь заголосила. Императоръ съ неудовольствіемъ оглянулся назадъ и ускорилъ свой шагъ. Это не скрылось отъ остальныхъ придворныхъ, которые вынуждены были пресечь дальнѣйшее движение полковницы и сказать ей, что просьбы и неудовольствія неумѣстно заявлять Императору у дверей храма и что она можетъ во всякое время явиться въ Ливадію въ походную канцелярію, гдѣ ее выслушаютъ и сообщатъ Его Величеству по установленному порядку.

По отъѣздѣ Императорской Фамиліи войско, въ сопровожденіи игравшей музыки, стройнымъ маршемъ возвратилось въ Ливадію въ лагерные палатки, такъ какъ для него не имѣлось отдельного помѣщенія.

Въ палатку собирались всѣ почти офицера, у которыхъ былъ ликующій видъ и кажется большія надежды на награды. Солдаты также бѣгали и рѣзвились, точно дѣти, которые въ концѣ концовъ нашли отца. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ веселили и другія побочныя обстоятельства, какъ-то бивуакъ на возвышенности, откуда представлялся великолѣпный видъ на горы, море, Ялту, дворецъ и виноградники, унизанные созрѣвшими уже кистями винограда. Предъ вечеромъ солдатикамъ этимъ приказано было идти купаться. Стали молодцы въ ряды, затянуль запѣвало, и раздалась въ лѣсахъ Ливадіи чутъ-ли не впервые русская военная пѣснь.

Вечеромъ всѣ городскія улицы по распоряженію полиціи были освѣщены плошками, кое-гдѣ на берегу зажжены были костры, а на военныхъ судахъ „Тигръ“, „Туркъ“ и „Пицундѣ“ устроены были иллюминаціи, фальшфеера, ракеты и т. п. Всльдѣ затѣмъ послышались солдатскія пѣсни и музыка, не прекращавшаяся до полуночи.

Такъ какъ такие вечера не выпадали раньше на долю изолированной Ялты, жители которой никогда дальше Симферополя не выѣзжали и слѣдовательно не имѣли понятія ни о 101 пушечномъ выстрѣлѣ, ни о значеніи царской семьи, ни о иллюминаціяхъ съ фейерверками, то естественно, что массы татаръ и грековъ изъ 4-хъ сосѣднихъ деревень наводнили набережную и удивленіямъ ихъ не было конца. Нѣкоторымъ изъ видѣвшихъ предъ глазами цѣлый суда какъ-бы нарисованныя на темномъ фонѣ неба пылающими огненными точками вдоль всѣхъ мачтъ и канатовъ, казалось это сновидѣніемъ, а звуки музыки пѣньемъ ангеловъ. Въ болѣе изысканной и болѣе торжественной формѣ праздника этого тогда не мыслимо было устроить, во-первыхъ, потому, что въ Ливадіи была большая тѣснота и ничего не было подготовлено къ праздникамъ; во-вторыхъ, здравье Императрицы не позволяло допускать особенныхъ зрѣлищъ, и наконецъ у насъ въ это время не было никакихъ почти военныхъ судовъ, незанятыхъ экстренными служебными обязанностями. Если-бѣ къ намъ въ это время заѣхали бы какіе-нибудь иностранные посланники, не знаящіе образа жизни русскихъ царей въ Петербургѣ и Москвѣ, они составили бы себѣ незавидное понятіе о вкусѣ и потребностяхъ ихъ въ столицы; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой дѣйствительности никогда ни одному царствующему

дому въ Европѣ не приходилось съ такимъ удовольствиемъ и спокойствиемъ проводить свое пребываніе въ провинціи, въ бѣдной сравнительно обстановкѣ, какъ въ этотъ годъ Императору Александру II, послѣ душной и мучительной жизни въ Петербургѣ, гдѣ его тревожили постоянныя дѣла и доклады, официальная представленія, парады, осмотры и т. п. Каждый монархъ такой обширной имперіи, какъ Россія, жаждетъ хоть на короткое время перейти въ положеніе независимаго, даже бѣднаго человѣка, чтобы придать болѣе значенія своему назначенію и набраться свѣжими силами для продолженія своего заманчиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма тяжелаго и отвѣтственнаго предѣлъ исторію суда.

На слѣдующій день изъ Ливадіи проѣхали верхомъ князя Долгорукова съ какимъ-то 'молодымъ' офицеромъ на татарскихъ лошадяхъ, которыя доставлены были въ Ливадію туземцами за установленную мѣсячную плату. Вслѣдъ за ними подѣхалъ прославленный инженер-генералъ Э. И. Тотлебенъ, прибывшій одновременно съ Царскою Фамиліею, но за неимѣніемъ помѣщенія въ Ливадіи, остановившійся въ Оріандѣ. Тотлебенъ въ это время страдалъ послѣдствіемъ раны, полученной имъ въ Севастопольѣ, и узнавъ, что здѣсь живеть докторъ Поспишиль, прибывшій изъ Пруссіи по вызову нашего правительства въ Крымскую кампанію, пожелалъ взять его въ свои мѣдики.

По приходѣ Поспишиля нѣмцы заговорили на своеъ нарѣчіи. Оказалось, что Тотлебенъ зналъ доктора въ Севастополѣ и желалъ ему предоставить маленькое покровительство. Вотъ какъ заботятся нѣмцы въ Россіи о единоплеменникахъ своихъ! И дѣйствительно, впослѣдствіи малоизвѣстный Егоръ Ивановичъ не разъ встрѣчался у Тотлебена съ Государемъ Императоромъ, не разъ говорилъ съ Его Величествомъ и въ заключеніе, кромъ хорошаго денежнаго вознагражденія, получилъ Анну 3-й степени.

27-го августа въ день Севастопольской годовщины у Государя Императора былъ обѣдній столъ, къ которому приглашены были всѣ состоящіе на лицо сановники и офицера. Солдатамъ, стоящимъ въ Ливадіи и матросамъ также приказано было устроить такое же угощеніе. За обѣдомъ Его Величество былъ въ отличномъ расположеніи духа и до-

вольно много говорилъ съ Императрицею и присутствующими за столомъ. Бѣдные и малоразвитые пѣхотинскіе офицера, получивъ приказаніе наканунѣ явиться къ Царскому столу въ вицѣ-мундирахъ, пришли въ изумленіе отъ такой неожиданной чести и, собравшись къ ротному командиру въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ дѣлами репетицій какъ войти во дворецъ, какъ поклониться, какъ сѣсть за столъ, какъ держать ложку, ножъ и вилку, какъ отвѣтить на случай обращенія Государя и т. п. За обѣдомъ этимъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ несчастнаго Севастополя пожалованы были орденами, а участвовавшему на немъ представителю инженернаго вѣдомства Тотлебену дарованъ Владіміръ 2-ой степени со звѣздою. Ялтинскому городничему капитану-лейтенанту Кондогури данъ былъ орденъ Св. Станислава 2-ой степени. Награда эта передана была послѣднему чрезъ посредство бывшаго въ то время въ Новороссійскомъ краѣ генераль-губернатора графа Строганова, человѣка довольно грубаго, разочарованнаго и не придающаго никакого значенія самолюбія ближняго. Такія качества въ этомъ хорошо образованномъ артиллерійскомъ генералѣ говорять зародились съ того времени, когда онъ потерялъ одновременно любимую жену и нѣсколькихъ дѣтей. Чтобы очертить его считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его выходкахъ въ Ялтѣ въ теченіе этого сезона. Такъ напримѣръ, онъ изъявилъ желаніе занять карантинный домъ, потому что въ Ялтѣ не было болѣе приличнаго помѣщенія для генераль-губернатора и пожелалъ осмотрѣть комнаты. Строгоновъ, осмотрѣвъ ихъ, молча вышелъ не сказавъ ни одного слова и помѣстился въ плохомъ зданіи, принадлежащемъ Ливадіи. Въ тотъ-же день къ нему явились по обязанности службы городничій Кондогури и исправникъ Зофиропуло. Съ первымъ онъ не сказалъ ни слова, а къ послѣднему, не смотря на то, что онъ былъ въ полицейскомъ мундирѣ, обратился со слѣдующими отрывочными вопросами:

— Вы музыкантъ?

Илья Ивановичъ, привыкшій пользоваться особыннмъ вниманіемъ князя Воронцова и важнѣйшихъ сановниковъ Россіи, посыпавшихъ Алупку, ужасно сконфузился и не зналъ что отвѣтить.

— Я васъ спрашиваю—повторилъ графъ обыкновеннымъ тономъ—вы не музыкантъ?

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство—проговорилъ изумлениій исправникъ.

-- Странно, что вы не музыкантъ — продолжалъ онъ, какъ-бы припоминая что-то. Затѣмъ, пройдясь по комнатѣ, онъ снова остановился предъ толстымъ исправникомъ съ выразительными свѣтло сѣрыми глазами и большими генеральскими полусѣдыми усами и сказалъ:

— Вы не играете на ваготѣ?

— Никакъ нѣтъ в. с—ство.

— А на скрипкѣ? а на вильеншели? а на гитарѣ?

Послѣ этого онъ безцеремонно повернулся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Во время этихъ допросовъ у Зофиropуло поть лился ручьями и навѣрно, еслибъ эти насмѣшки продолжались еще нѣсколько минутъ, онъ упалъ-бы разбитымъ параличомъ. Къ счастію подоспѣли къ нему молодой адъютантъ графа князь Черкасскій и старшій чиновникъ особыхъ порученій Танскій, которые вывели его на дворъ и увѣрили, что Строгановъ вѣроятно нашелъ въ немъ наружное сходство съ какимъ нибудь когда-либо извѣстнымъ ему музыкантомъ и утѣшили исправника, что графъ все это говорилъ безъ всякой цѣли и вѣроятно сейчасъ-же забылъ. Зофиropуло успокоился, но Строгановъ съ этого времени непріязненно относился къ Ильѣ Ивановичу и не забылъ этой непріязни даже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда губернаторъ Жуковскій представилъ его къ первому ордену Станислава 3-й степени. Генераль-губернаторъ, имѣвшій привычку лично распечатывать конверты и прочитывать всѣ адресованныя на имя его бумаги, при прочтеніи рапорта о Зофиropулѣ оставилъ его безъ резолюціи, что означало „оставить безъ вниманія“. Дзабановскій секретарь Строгонова съумѣлъ дать ходъ этому представленію, увѣнчавшемуся успѣхомъ. Такимъ образомъ Зофиropуло, нынѣ имѣвшій массу орденовъ и Владимира на шеѣ въ чинѣ подпоручика получилъ первый съ моей легкой руки. Но не съ однимъ только исправникомъ Строгановъ такъ странно обошелся: мнѣ рассказывали, что одна барыня, также пострадавшая и обиженная начальствомъ послѣ Крымской войны, знавшая могущество Строганова и то, что сынъ его женатъ на в. княжнѣ Маріи Николаевнѣ, обратилась къ нему съ жалобою по этому поводу и такъ краснорѣчиво описала свое бѣдственное состояніе, что графъ, увлеченный ея дикцію и

даромъ слова, вынуль изъ бумажника 25 рублевый кредитный билетъ и отдалъ его просительницѣ.

Но всего замѣчательнѣе было то, что Строганова боялись всѣ почти придворные и въ присутствіи его соблюдали чрезвычайное почтеніе къ старшимъ. Говорили, что однажды шелъ въ присутствіи Государыни и Царскихъдѣтей веселый разговоръ съ играми, какъ вдругъ камеръ-фрау явилась съ докладомъ о пріѣздѣ Строганова.

— Довольно, довольно, господа—сказала Императрица—Строгановъ терпѣть не можетъ шалостей, уйдите какъ можно подальше.

Въ день празднованія Севастопольской годовщины въ числѣ другихъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и Шмидтъ, командиръ Императорской яхты „Тигръ“, впослѣдствіи долго состоявшій подъ судомъ (въ Кронштадтѣ). Удивительно какъ такой недальновидный человѣкъ достигъ подобного лестнаго званія только за то, что числился въ числѣ защитниковъ Севастополя.

Тѣмъ временемъ въ Ялту и на многія окрестныя дачи начали появляться пріѣзжіе, одни съ цѣлью исходатайствовать повышенія, другіе получить мѣста и покупаться, но всего больше явилось за пособіемъ, разсчитывая на личныя встрѣчи съ Августѣйшою Фамиліею и великія и богатыя милости. Въ числѣ послѣднихъ преобладали севастопольскія жены матросовъ, имѣвшія по нѣсколько медалей и называвшія себя кавалерами. Несмотря на то, что прошло около 6-ти лѣтъ со времени разрушенія злополученаго Севастополя, въ которомъ онѣ предавались пьянству, распутству и другимъ гнуснѣйшимъ порокамъ, эти отважныя женщины не разстались съ своими кое-какъ возобновленными гнѣздами и продолжали хранить свои наклонности и привычки, стараясь заразить своимъ наслѣдіемъ новыхъ поселенцевъ. Въ ожиданіи милостей со стороны правительства за то, что онѣ ради личныхъ выгодъ не разставались съ Севастополемъ чуть-ли не до послѣднихъ дней, обирая солдатъ и офицеровъ и присваивая имущество убитыхъ на бастіонахъ, онѣ и послѣ мира нашли въ Севастополѣ довольно выгодные источники къ существованію, собирая тысячами чугунные и свинцовые снаряды, которые сбывали выгодно правительству и массѣ посѣтителей, нарочно

пріѣзжавшихъ изъ цѣлой Европы посмотретьъ на городъ, который такъ долго и такъ геройски сопротивлялся насильственному натиску и непрестанному огню сильнѣйшихъ государствъ Европы, имѣвшихъ удобныя сообщенія съ его окрестностями. Естественно, что ни одна изъ этихъ женщины не выѣхала изъ Ялты до того времени, пока не получили minimum 25 руб. отъ Миллера, завѣдывающаго казначейскою частію при походной канцеляріи. Ни одна голодающая съ кучею дѣтей вдова солдатка или жена убитаго офицера изъ Балаклавы и другихъ военныхъ греческихъ поселеній не позволила себѣ беспокоить Государя какою-либо просьбою, считая это безчестнымъ, неприличнымъ и деражимъ.

29-го августа прибылъ въ Ялту для представленія Его Величеству генераль-лейтенантъ Ж., этотъ бичъ порядочныхъ людей и тайный другъ инженеровъ и подрядчиковъ, дѣлившихся съ нимъ заработками на счетъ казны. Ж., привыкшій къ раболѣпству предъ старшими, молчаливо перенесъ всѣ замѣчанія генераль-губернатора Строганова и съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ приготовиться самому ѿхать въ Ливадію и лично представиться. Для людей честныхъ и нечувствовавшихъ на совѣсти черныхъ пятенъ представляться монарху составляетъ радость и гордость каждого офицера, но Ж. не особенно пріятно показалось, когда Строгановъ отказался ѿхать съ нимъ. Представление это было обязательное, такъ какъ на другой день, т. е. 30-го августа Россія праздновала тезоименитство Государя Императора и очень многіе представители власти обязаны были пріѣхать въ Ливадію.

Въ этотъ торжественный день маленькая Ялта кое-какъ украсилась флагами, и народъ, одѣвшись въ праздничные наряды, началъ поджидать Его Величество, такъ какъ всѣмъ было известно, что Августѣйшая семья пріѣдетъ слушать обѣдню въ Ялтинскую церковь.

На этотъ разъ войска и музыка прибыли изъ лагеря немногимъ раньше, вслѣдствіе чего и благовѣсть начался въ 8 часовъ. Ровно въ 9-ть прибылъ Государь съ семействомъ, по-прежнему сопровождаемый личнымъ конвоемъ казаковъ съ Мустафою впереди. Его Величество былъ въ Кирасирскомъ мундирѣ при любимыхъ орденахъ: голубомъ на шеѣ и георгіевскомъ въ петлицѣ. Какъ и прежде, послѣ марша и гимна Онъ поздоровался съ солдатами, принялъ почетный рапортъ и послѣдовалъ въ храмъ, гдѣ народъ,

придворные и многіе начальники отдѣльныхъ частей, пріѣхавшіе изъ ближайшихъ губерній съ поздравленіями, стояли во фронтѣ, оставя въ центрѣ проходъ, затянутый краснымъ сукномъ. От. Василій живо отслужилъ обѣдню и молебенъ. Лишь только раздался трезвонъ, послышались пушечные выстрѣлы съ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ и расцвѣтившихся разноцвѣтными флагами. При этихъ выстрѣлахъ Государь, принявъ подъ руку Императрицу и откланиваясь на обѣ стороны, на этотъ разъ вышелъ никѣмъ не встревоженный и сейчасъ же отъѣхалъ. Солдаты двинулись за нимъ подъ звуки музыки, которая при безпрестанныхъ выстрѣлахъ напоминала какую-то торжественную побѣду. У всѣхъ на лицѣ сіяло счастливое настроеніе и на каждомъ шагу слышалось, что сегодня въ Ливадіи имѣть быть роскошный фейерверкъ и свободное гуляніе около дворца.

Ровно въ полдень Государь Императоръ вышелъ изъ дворца для пріема поздравленій отъ различныхъ генераловъ и депутатій, въ числѣ которыхъ находился и нашъ сѣдой, какъ лунь, кирпаносыи Ж. Подошедъ къ каждому изъ этихъ заискивающихъ благоволенія, Государь выражалъ благодарность. Всѣмъ повидимому отлично удалось выполнить свою роль, за исключеніемъ Ж., которому захотѣлось поклониться ниже другихъ, но какъ на бѣду у него слетѣла каска, которую добрый Государь, вѣроятно изъуваженія къ сѣдинамъ, своеручно поднялъ и подалъ ему. Покончивъ съ пріемомъ, Государь что-то сказалъ Мустафѣ, который находился около подъѣзда точно въ качествѣ тѣлохранителя, и вошелъ во дворецъ. Во все это время Царскія дѣти находились на балконѣ бель-этажа подъ наблюденіемъ княжны Долгоруковой и Тютчевой и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что дѣжалось у ногъ ихъ.

Въ этотъ день матросы на судахъ и солдаты въ лагеряхъ вторично получили обѣдъ съ чаркою водки.

Вечеромъ Ялта и военные суда снова иллюминировались; но на этотъ разъ въ городѣ никого почти не оставалось; всѣ, начиная съ 5-ти лѣтнихъ дѣтей, направились въ Ливадію посмотретьъ на небывалый никогда на южномъ берегу фейерверкъ.

Царская семья находилась на балконѣ, откуда Императоръ своеручно пустилъ по проволокѣ искусственаго голубя,

подавшаго сигналъ къ началу фейерверка. При первой взвившейся съ шумомъ ракетѣ народъ съ дикимъ крикомъ и визгами дѣтей такъ рванулся къ стѣнамъ и подъѣзду дворца, что часовые и жандармскій офицеръ заревѣли не своимъ голосомъ и старались отодвинуть его дальше. Съ балкона послышался хохотъ. Дальнѣйшія огненныя картины начали вызывать со стороны простонародія изумленіе и громкія похвалы.

Всѣ почти придворные, окружавшиѳ этого милостиваго Царя,—люди испорченные, не испытавшиѳ нужды и не чувствовавшиѳ ничего ко всѣмъ тѣмъ, которые стояли ниже ихъ по средствамъ и происхождению. Графъ Адлербергъ корчилъ изъ себя китайскаго мандарина первого ранга; онъ терпѣть не могъ говорить даже съ равными себѣ по чину, но не пользовавшимися особеннымъ благоволеніемъ Императора, съ которымъ онъ росъ, учился, игралъ и служилъ вмѣстѣ; этотъ неуклюжій и лѣнивый нѣмецъ считалъ себя незамѣннымъ другомъ и министромъ двора, безпредѣльно пользовался милостями повелителя своего и кромѣ этого дѣлалъ все по личному произволу въ особенности, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, что случалось постоянно благодаря его нежеланія дѣнить большими вознагражденіями за сидячу службу. Изъ остальныхъ состоящихъ при Государѣ выдается честностію и усердіемъ графъ Шуваловъ, Остроградскій, Кузнецovъ, Енохинъ, Сколковъ и Тотлебенъ.

Въ теченіе этого времени прибылъ въ Ялту, чтобы представиться Его Величеству, Де-Вильневъ, завѣдующій Феодосійскимъ музеемъ древностей, который остановилъ вниманіе Государя своимъ наружнымъ видомъ. Его Величеству хотѣлось узнать, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и поступилъ на службу, но Де-Вильневу что-то помѣшало отвѣтить, а такъ какъ онъ пользовался расположениемъ нѣсколькихъ германскихъ принцевъ и состоялъ съ ними въ перепискѣ, то собравъ всѣ эти письма прибылъ съ ними, чтобы просить не оставить его за штатомъ при предстоящей реформѣ въ карантинномъ вѣдомствѣ. Императоръ, выслушавъ его, благосклонно приказалъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы этого ученаго писателя не оставить безъ должности.

Послѣ него представлялся только что переведенный въ Одессу изъ Петербурга греческій архимандритъ, которому давно хотѣлось создать въ Россіи отдѣльную греческую

епархію и самому стать во главѣ ея. Его Величество, выслушавъ его, отвѣтилъ, что желаніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято, потому что у грековъ и русскихъ одна и та же вѣра и что это повело бы къ распрѣ и могло бы заставить простонародіе предполагать о различіи религій.

Послѣ 30-го августа Государь Императоръ ежедневно совершалъ прогулки по окрестностямъ Ливадіи съ семействомъ. Онъ посѣщалъ татарскія свадьбы по приглашенію кузнeca Мустафы, гдѣ пилъ вино и завтракалъ, не оставивъ новобрачныхъ безъ щедрыхъ наградъ; онъ нерѣдко освѣдомлялся о бытѣ простого татарина и узнавъ, въ чемъ онъ нуждается, приказывалъ оказать ему пособіе, приглашалъ къ себѣ во дворецъ молодыхъ татаръ для пляски и вообще дѣлалъ все то, что могло вселить довѣріе и расположеннность недовѣрчиваго, полудикаго народа, который награждалъ подарками не за заслуги, а изъ цѣли убѣдить въ одинаковой расположеннности. Понятно, что такое вниманіе возбудило въ мусульманскомъ народонаселеніи Крыма убѣжденіе, что русскій Государь дѣйствительно не отличаетъ національностей и ко всѣмъ подданнымъ одинаково добръ, снисходителенъ и милостивъ. Такое начало безъ сомнѣнія было поводомъ, что крымскіе татары при всякомъ прїѣздѣ въ Ливадію Государя высыпали депутацію для привѣтствованія Его Величества съ прїѣздомъ и многіе изъ нихъ считали за особенное счастіе доставлять въ Ливадію все лучшее, что могли имѣть.

4-го сентября Государь Императоръ въ сопровожденіи одного казака, чрезъ горы, спустился верхомъ въ греческое селеніе Аутка и пожелалъ проѣхать отсюда въ дер. Дерекой. Казакъ не зналъ дороги. Государь подѣхалъ къ первой хатѣ и началъ спрашивать дорогу. Вышедшая гречанка не знала ни одного слова по-русски; во второй хатѣ также не оказалось мушкии по слухаю рабочаго времени. Въ эту минуту шелъ на службу канцелярскій чиновникъ Иванъ Ланара, служившій въ казначействѣ. Замѣтивъ на немъ чиновничій вицъ-мундиръ, Императоръ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

Ланара снялъ фуражку и предложилъ Его Величеству слѣдовать за нимъ.

— Надѣнь шапку—сказалъ Государь, поровнявшись съ нимъ, и началъ разспрашивать, кто онъ, гдѣ служить, сколько

получаетъ жалованья и можетъ ли существовать на эти деньги.

Ланара, какъ бѣдный человѣкъ, счастливый и тѣмъ, что получалъ какихъ-нибудь 12 руб. въ мѣсяцъ, нашелъ болѣе выгоднымъ высказать полное довольство.

— А надѣешься ли ты на повышеніе должности и жалованья? спросилъ Государь.

— Надѣюсь—отвѣчалъ бывшій юнкер—при чёмъ добавилъ, что онъ состоялъ въ военной службѣ и послѣ смерти отца вынужденъ былъ оставить ее, чтобы присмотрѣть за маленькимъ наслѣдствомъ.

— Ну, теперь мы сами найдемъ дорогу—сказалъ Императоръ, когда Ланара вывелъ ихъ на дерекойскую тропинку и объяснилъ, что она есть единственная къ селенію.

— Однако ты завтра явись въ мою канцелярію—прибавилъ Государь, потому что я не хочу такъ воспользоваться твоими услугами. Я прикажу пожаловать тебя золотыми часами, которые навѣрно тебѣ пригодятся для опредѣленія служебнаго времени. Сказавъ это, Государь пришпорилъ коня и ускакалъ впередъ.

Ланара предполагалъ, что Царское слово останется простымъ словомъ и не ходилъ въ Ливадію до того времени, пока его не потребовали и вручили Царское обѣщаніе.

Съ этого времени Его Величество ежедневно совершалъ небольшія прогулки въ ближайшія окрестности Ливадіи или верхомъ въ сопровожденіи одного казака или въ коляскѣ съ Императрицею и дѣтьми. Всего чаще они посѣщали Тотлебена въ Ореандѣ, доѣзжали до Алупки и катались по масандровскому парку. Купались обыкновенно одинъ разъ на Ливадскомъ берегу, завтракали въ полдень, а обѣдали въ 6 часовъ.

За обѣдомъ и вообще дома Государь всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа и нерѣдко игралъ и забавлялся съ своими дѣтьми. Всего болѣе Августѣйшие родители выказывали нѣжное участіе къ дочери своей, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, отъ которой не отходили почти князья Долгорукова и Тютчева, а придворные считали за особенное счастіе чѣмъ-либо прислужить этой прелестной дѣвочкѣ.

Со дня пріѣзда Государя въ Ливадію мѣстная административная власть, зная, что Его Величество любить лѣсную охоту, начала подготовляться къ этому проложеніемъ или ремонтированіемъ горныхъ тропинокъ въ Массандровскомъ и Ялтинско-Мискорскомъ лѣсахъ, но не знала, кого избрать въ распорядители или руководители охоты. Бывшій въ то время Ялтинскимъ лѣсничимъ кондукторъ Фромъ былъ постоянно пьянъ и не имѣлъ понятія объ этомъ дѣлѣ, другихъ способныхъ и главное знающихъ хорошо мѣстности полиція не могла открыть.

Поселянинъ дер. Дерекой Аметъ Мустафа Оглу, издавна занимающійся звѣроловствомъ, зналъ въ нашихъ лѣсахъ каждое логовище и каждую чащу, где скрывается дичь.. Исправникъ Зофирапуло охотно взялся за этого человѣка, но такъ какъ Аметъ не пользовался расположеннostю волостного головы и въ особенности Фрома, ставшихся заставить его дѣлиться съ ними тѣми выгодами, которыя онъ приобрѣталъ изъ казенныхъ и общественныхъ лѣсовъ, то имъ удалось оттѣснить его. Кондукторъ Фромъ заявилъ, что при надобности онъ самъ съ своими полѣсовщиками поведетъ Государя. Зофирапуло не хотѣлъ спорить, но тайнымъ образомъ переговорилъ съ Аметомъ, узналъ, куда лучше направить Государя, и пригласилъ его въ качествѣ руководителя загонщиковъ.

Въ крупныхъ каменистыхъ лѣсахъ ялтинскихъ отклоновъ невозможно охотиться съ собаками, которая скоро выбиваются изъ силъ и ранять себѣ ноги. Вслѣдствіе чего принято туземцами устраивать загоны людьми, идущими цѣпью съ криками по направленію къ линіи расположенія охотниковъ. Въ загонщики обыкновенно берутъ ловкихъ татаръ, которые прикрѣпляютъ къ чарыкамъ или кожаннымъ сандаліямъ своимъ иглистя подковы и мастерски проходятъ по скользкимъ сосновымъ игламъ, глубокимъ скатамъ и осипавшимся склонамъ. Такой способъ охоты повидимому издревле практиковался въ Крыму въ угоду ханамъ, не любившимъ большого движенія, и принять былъ, кажется, для истребленія волковъ, которыхъ по преданіямъ было чрезвычайно много въ горахъ Крыма.

5-го сентября дѣйствительно Его Величеству захотѣлось поохотиться на ближайшемъ къ Ливадіи ялтинскомъ отклонѣ. Желаніе это въ тотъ же часъ передано было

исправнику, который немедленно потребовалъ отъ волостнаго головы способныхъ загонщиковъ и поручилъ Фрому и Амету явиться завтра къ 7-ми часамъ утра въ Ливадію, гдѣ будеть находиться и онъ самъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ все было готово двинуться въ лѣсъ. Цѣлый рядъ лошадей, навьюченныхъ завтракомъ и другими необходимостями Царскаго стола и комфорта, въ сопровожденіи придворныхъ лакеевъ, потянулись впередъ, чтобы раньше занять свою позицію и подготовиться къ исполненію своихъ обязанностей; вслѣдъ за ними совершенно другимъ путемъ направились загонщики, чтобы начать свое нашестьвіе съ высшей точки и направить его къ центру или точкѣ засады охотниковъ.

Около 9-ти часовъ вышелъ изъ дворца Императоръ и немногіе изъ состоящихъ въ свитѣ. Всѣ они сѣли на подведенныя имъ лошади, изъ которыхъ только царская была изъ императорской конюшни, а всѣ остальные выставлены были туземцами и Коккоскимъ мирзою Али-беемъ Булгаковымъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ предводителемъ въ Ялтинскомъ уѣзда. Исправникъ и казенный лѣсничій выѣхали впередъ. Государь, пославъ воздушный поцѣлуй супругѣ и дѣтямъ, вышедшимъ на балконъ, тронулъ коня, и блестящая кавалькада, сопровождаемая нѣсколькими казаками и празднично одѣтыми проводниками татарами, весело и граціозно тронулись въ путь, сначала по почтовой дорогѣ, а потомъ повернули на лѣво къ тропинкѣ, которая въ настоящее время превращена въ шоссе, ведущее на водопадъ „Учанъ-су“. Всѣ, кто бывалъ на южномъ берегу и проѣзжалъ этою мѣстностью, безспорно согласятся, что видъ отсюда на море и горы, затянутыя какъ бы зеленымъ пушистымъ ковромъ и мѣстами испещренныя гигантскими сѣрыми выступами, изрѣзанными точно складками или морщинами, до того восхитителенъ, что Императоръ безпрестанно обращалъ вниманіе слѣдовавшихъ за нимъ на эти предметы. Когда же онъ очутился въ группѣ первыхъ величественныхъ корявыхъ приморскихъ сосенъ (*pinus taurica*), подобныхъ исполинскимъ зонтикамъ и обвитыхъ чуть ли не до кроны вѣчно зеленымъ плющемъ, и въ то же время у подножія его вытянулась во всю длину свою Аутинская долина, пересѣченная бѣлѣющимъ русломъ рѣки съ садовыми окраинами и миниатюрными домиками грековъ и татарь, Его Величество остановился и послѣ минутнаго созерцанія сказалъ:

„здѣсь такъ хорошо, что не хочется разставаться съ такимъ зрѣлищемъ“. Въ половинѣ 12-го часа Государь достигъ избраннаго для него мѣста охоты и расположился за удобнымъ камнемъ. Ровно въ 11 часовъ долженъ былъ начаться загонъ. Благодаря распорядительности и безошибочному расчету Амета все началось въ время и обѣщало успѣхъ. До линіи охотниковъ порою долетали крики загонщиковъ и свидѣтельствовали, что Государю не долго придется ожидать дичи. Но вотъ наконецъ Государь заслышалъ какой-то шелестъ и вавель курки ружья. Вдали мелькнула лисица и точно провалилась сквозь землю, но вслѣдъ за нею летѣлъ стройный дикий козелъ прямо на Царя. Его Величество пригнулся и прежде, чѣмъ быстрое животное по инстинкту хотѣло броситься въ заросшій деревьями оврагъ, раздался выстрѣлъ и оно, пригнувъ голову къ землѣ, точно по инерціи полетѣло въ неглубокій оврагъ и, упавъ на переднія колѣна, силилось подняться. Стоявшій за Государемъ ловчій поспѣшилъ прекратить его мученія. Тѣмъ временемъ раздалось внизу еще нѣсколько выстрѣловъ, а полчаса спустя появились загонщики во главѣ Амета Мустафа оглу, который смѣло приблизился къ Императору и, отдавъ ему по своему (т.-е. по принятому и у нашихъ войскъ) честь, поздравилъ Его Величество ломанымъ выговоромъ съ успѣхомъ. Послѣ чего здоровый Аметъ взвалилъ убитаго козла къ себѣ на плечи и поднесъ его къ монарху. Такое естественное, безцеремонное поведеніе съ разъясненіями, куда попала картечь, какого достоинства дичь, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ Крыма попадаются такие экземпляры и т. п., какъ-то невольно обратило вниманіе Государя на словоохотливаго татарина съ добрымъ и наивнымъ лицомъ, постоянно прикрашивавшаго разсказы свои титломъ „ваше императорство“.

Затѣмъ, усѣвшись преспокойно на землю, Аметъ началъ дѣлать замѣчанія остальнымъ стрѣлявшимъ, находя ихъ недостаточно опытными въ искусствѣ стрѣльбы. Все это говорилось ломаннымъ языкомъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, точно между равными, братьями и друзьями своими, тономъ полнаго сознанія правды. Государь поминутно улыбался.

Тѣмъ временемъ доложили Государю, что завтракъ готовъ.

— Идемте завтракать,—сказалъ Императоръ, обращаясь къ свитѣ своей.—Иди и ты, Аметъ,—прибавилъ онъ,—я хочу угостить тебя моей водкой. Ты пьешь водку?

— Можно, ваше императорство.

Завтракъ устроенъ былъ подъ тѣнью великолѣпныхъ деревъ на разосланныхъ коврахъ. Императоръ расположился на складномъ стулѣ, а за нимъ Аметъ, поджавши подъ себя ноги. Свита заняла мѣста по окраинамъ ковровъ. Лакеи подали водку. Опорожнивъ свою чару, Государь приказалъ налить ее вторично и собственноручно подалъ ее Амету, который не замедлилъ вскочить на ноги, поднять руку ко лбу и, пожелавъ здравія, осушилъ ее залпомъ, при чемъ не преминула сдѣлать гримасу, свойственную большинству татаръ послѣ чарки крѣпкой водки.

— Закуси, Аметъ, — предложилъ Императоръ, подавая ему свою тарелку съ сыротъ, икрою и хлѣбомъ.

Татаринъ принялъ тарелку и, отошедъ на нѣсколько шаговъ дальше, снялъ съ плечь кожаный мѣшокъ свой и, выложивъ изъ него половину темнаго пшеничнаго хлѣба, нѣсколько огурцовъ и соленаго перцу, завернутаго въ полотенце, началъ съ наслажденiemъ кушать свое.

— Что же это ты, Аметъ, не попробуешь Царскаго, а принялъся за свое? спросилъ у него одинъ изъ свиты.

— Это послѣ; прежде свое надо покушать—отвѣтилъ онъ. Царское не всегда можно имѣть.

— Il est charmant—замѣтилъ съ улыбкою Государь и приказалъ поднести ему вторую чарку водки.

Покончивъ съ завтракомъ, въ продолженіе котораго несчастный кондукторъ-лѣсничій Фромъ напился такимъ пьянымъ, что придворные лакеи должны были доложить объ этомъ наблюдавшему за порядкомъ полковнику Кутузову, а этотъ приказалъ ему немедленно возвратиться домой.

— Ужасная свинья этотъ Фромъ,—сказалъ Аметъ, когда узналъ эту безобразную выходку отъ одного изъ камеръ-лакеевъ, при чемъ началъ описывать ему всѣ служебныя его выходки, безъ сомнѣнія въ предположеніи, что лакей этотъ пользуется какими-нибудь важными правами или въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Государемъ, что не скроетъ отъ него слышанного.

— Я думаю, пора домой,—сказалъ Государь, взглянувъ на часы,—надо возвратиться къ обѣду.

Въ ту же минуту приказано было подать лошадей, и Государь, бросивъ взоръ на Амета, сказалъ, что надѣется еще разъ видѣть его на своей охотѣ. Татаринъ молча поднялъ руку подъ козырекъ и, считая миссію оконченной,

скомандовалъ загонщикамъ своимъ и, весело болтая съ ними, направился прямою линіею, лѣсомъ и оврагами въ Дерекой. Долго и долго слышалась ихъ заувынная пѣснь въ отдаленной глубинѣ заросшаго вѣковыми соснами мисхорского богаза.

Съ этого времени Аметъ считалъ себя необходимымъ слугою царской фамиліи, возилъ въ Ливадію постоянно дичь, плоды изъ своихъ садовъ и настолько сблизился со всѣми придворными, что даже нелюдимый графъ Адлербергъ и канцлеръ Горчаковъ принимали и шутили съ нимъ; что касается Государя, то онъ издали узнавалъ его, освѣдомлялся о здоровыи и разспрашивалъ объ успѣхахъ его охоты. Но при всемъ этомъ не трудно было замѣтить, что Его Величество несравненно болѣе расположенье было къ Мустафѣ, кротко и спокойно исполнявшему обязанность проводника Царской Семьи безъ приглашенія кѣмъ-либо и безъ намека на надежду получить вознагражденіе за эти труды. На лицѣ этого человѣка, неспособнаго къ униженію и раболѣпству, никогда никто не замѣталъ никакихъ желаній, никакихъ тревогъ, ни радостей, ни скорбей. Давали ли ему въ Ливадіи поѣсть или нѣтъ, это было для него безразлично. Онъ бродилъ, не искашши ничего и не нуждаясь ни въ комъ, вдоль дворца, отвѣчалъ каждому лакею и солдату, но лишь только Царская Семья садилась въ экипажъ, Мустафа былъ уже на своемъ иноходцѣ и несся впереди, приказывая встрѣчнымъ и попеченнымъ останавливаться или стояниться. Словомъ, онъ создалъ въ лицѣ своемъ эмблему царскаго поѣзда и каждый, замѣтивъ Мустафу, безошибочно вѣрилъ въ встрѣчу съ Государемъ или Августѣйшею супругою его.

На слѣдующій день, т. е. 7-го сентября, стало извѣстно, что Его Величество пожаловалъ полковника Кутузова въ генераль-маиоры и собирается выѣхать на Кавказъ для осмотра войскъ.

8-го числа, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Государь Императоръ прибылъ въ Ялтинскую церковь съ семействомъ въ казацкомъ мундирѣ и папахѣ, которые чрезвычайно шли къ его величавой наружности и прекрасному лицу. Послѣ здорованія съ ротою солдатъ, стоявшихъ кругомъ церковной ограды, и нѣсколькихъ словъ съ командиромъ, Его Величество въ сопровожденіи министра Двора и небольшой, но блестящей свиты, вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто около

Императрицы и Августейшихъ дѣтей своихъ. Августейшая чета во все время божественной литургіи и молебна какъ-то невольно обращала на себя вниманіе искреннею молитвою къ Творцу міровъ. Дѣти почти не подымались съ колѣнъ; что касается Императрицы Маріи Александровны, то казалось, что она переселилась душою къ подножію престола Предвѣчного и умоляла Его сохранить и наставить на путь истины, блага и счастья Россіи ея первенца.

Судя по необыкновенно-веселому взгляду и милостивому отвѣтамъ на привѣтствія присутствовавшихъ въ церкви Государь отлично былъ настроенъ. Это свидѣтельствовало, что въ Ливадіи вновь устроенъ будетъ праздникъ для свиты и войскъ. Ожиданіе народа сбылось и снова устроены были завтраки, обѣды и ужины при звукахъ музыки и великолѣпной иллюминаціи съ фейерверкомъ, доставляющимъ неописанное наслажденіе солдатамъ, дѣтямъ и массамъ простонародья. Въ одной изъ залъ дворца давалъ концертъ Рашере.

Слабосильная Императрица въ этотъ вечеръ такъ была весела и довольна, что даже во время игры артиста обратилась къ Тотлебену и сказала: „мнѣ кажется, что на частномъ концертѣ не воспрещается никому смеяться“.

9-го сентября Государь Императоръ послѣ продолжительной прогулки въ Ореандѣ, гдѣ онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не приѣхалъ раньше въ прекрасный Крымъ, а Государыня прямо сообщила, что заблаговременно приготовляется плакать при разлуцѣ съ Ливадіею,—приказалъ объявить командиру яхты, чтобы онъ готовъ былъ къ отплытію съ нимъ къ Кавказскимъ берегамъ. Лишь только послѣднее сдѣлалось известнымъ, какъ все начальство начало хлопотать около пристани, которую убрали краснымъ сукномъ, флагами, зеленью, цветами, плошками и фонарями.

Послѣ 9-ти часовъ вечера на пристани этой находились уже всѣ состоящія на-лицо власти и нѣкоторые офицеры изъ свиты.

Его Величество прибыль ровно въ 11 часовъ съ начальникомъ Черноморского флота Глазенапомъ, флагъ-маіоромъ Сколковымъ и нѣкоторыми другими приближенными лицами и сейчасъ же отплылъ на пароходѣ, гдѣ для сокращенія времени предложилъ игру въ карты, продолжавшуюся около 2-хъ часовъ. По слухамъ, Императоръ возвратится не раньше 20 дней.

Съ отъѣздомъ монарха придворные медики начали хлопотать, чтобы Императрица, здоровье которой замѣтно поправилось, чаше находилась бы въ движеніи на чистомъ воздухѣ. Несмотря на то, что это не легко было въ жаркой странѣ для женщины слабосильной, Государыня изъ любви къ маленьkimъ дѣтямъ, требующимъ нѣжной и незамѣнной материнской заботы, безропотно подчинялась ихъ требованиямъ и ежедневно совершила значительныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ безъ всякихъ конвойныхъ и часто даже безъ усерднаго Мустафы, котораго народъ не иначе уже именовалъ, какъ княземъ.

Въ это время нашему геніальному маринисту Ив. К. Айвазовскому, постоянно посѣвшему Ливадію, пришла фантазія нарисовать красками *à vol d'oiseau* Крымскій полуостровъ съ нѣсколькими пароходами на ходу на стѣнѣ царскаго балкона у входныхъ дверей. Картина эта съ горными цѣпями, отклонами, лѣсами, бухтами и населенными мѣстами до такой степени поражала перспективою и плескомъ игривыхъ волнъ Чернаго моря, что каждый останавливался предъ нею и цѣлые часы не отрывалъ глазъ.

Посѣтивъ всѣ ближайшія окрестности Ливадіи, Ея Величество съѣздила на пароходѣ „Турокъ“ въ татарскую дер. Гурзуфъ и пробыла нѣсколько часовъ въ прекрасномъ имѣніи сенатора Фунду克莱я, гдѣ изволила обѣдать, гулять и разговаривать съ управляющимъ Дайбертомъ и его женой, получившими за усердіе свое довольно цѣнныя подарки. Не ограничиваясь и этимъ и въ сознаніи благотворности чистаго морскаго воздуха, Императрица пожелала посѣтить на пароходѣ же Алуштинскую долину. Медики были очень рады такому желанію, и никому не приходило на мысль, что Государыня, прибывъ къ Алуштѣ, пожелаетъ сойти на берегъ и посѣтить тѣ мѣста, которыхъ чѣмъ-либо покажутся ей интересными. Всѣ думали, что Ея Величество Ѳдетъ только для вдыханія морскаго воздуха и конечно не озабочились сдѣлать подготовленій. Къ общему удовольствію избранный день былъ вполнѣ соотвѣтственный прогулкѣ и обѣщающей тихую поверхность морю.

На городской пристани всегда при прибытии и отъѣздѣ членовъ Императорскаго Дома должны были находиться по крайней мѣрѣ два карантинныхъ солдата изъ гребцовъ, чтобы содѣствовать и вообще прислуживаться при надобности. Люди эти при тогдашнемъ отсутствіи въ Ялтѣ полицейскихъ и другихъ вѣдомствъ нижнихъ чиновъ дѣйстви-

тельно работали чуть-ли не каждый Божій день до изненоженія, перенося доставляемую изъ разныхъ городовъ провизію на подводы и т. п.

Лишь только подъѣхала къ пристани Императрица съ дѣтьми и фрейлинами и подошла къ лодкѣ, солдатики явились на помощь къ лакеямъ и снесли всѣ ручныя мелочи за ними. Нѣсколько минутъ спустя „Турокъ“, стоявшій на парахъ, зашумѣлъ колесами и скрылся изъ глазъ. Въ числѣ сопровождавшихъ Ея Величество находился и Айвазовскій, который безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду озnamеновать эту прогулку какимъ-нибудь произведеніемъ своей художнической кисти.

Отъ Ялты до Алушты сухимъ путемъ на почтовыхъ совершаются переѣзды въ 4 часа, но на пароходѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, можно проѣхать въ три часа. Алушта въ то время, какъ и теперь, была небольшая татарская деревня, расположенная амфитеатромъ на возвышенномъ холмѣ, опоясанномъ съ двухъ сторонъ горными рѣками, берега которыхъ съ правой стороны покрыты виноградниками, а съ лѣвой фруктовыми садами. Дальше идутъ горы, сначала заросшія кустарниками, а затѣмъ по мѣрѣ отдаленія громадными темнозелеными лѣсами, упирающимися на ребрахъ Чатырдага и въ сосѣдствѣ гигантской Демерджинской скалы, казавшейся издали точно прикрытою чешуею брони. Долина эта, богатая производительностью земли, мѣстами занятая домиками русскихъ землевладѣльцевъ, посѣщающіхъ ее въ лѣтній сезонъ, но, несмотря на богатство свое, не являетъ глаzu ничего такого, которое воспроизвести отрадное впечатлѣніе. Но для жителей степи она можетъ показаться не только картинною, а даже величественною мѣстностью, окаймленною громадными горами. Какъ только пароходъ бросилъ якорь противъ Алушты, Государыня пришла въ неописанный восторгъ отъ этой долины и непремѣнно захотѣла сойти на берегъ. Естественно, что никто изъ сопровождающихъ Ея Величество не зналъ, что здѣсь не существуетъ никакой пристани для яликовъ и что невозможно найти экипажа на рессорахъ. При видѣ военного парохода, остановившагося невдалекъ отъ берега, татары, солдаты пограничной стражи и русскіе чернорабочіе бросились къ морю поглядѣть на необыкновенное явленіе и конечно никому не могло прійти въ голову, что на пароходѣ находится русская Царица со своими дѣтьми. Тѣмъ временемъ къ берегу причалила лодка съ Августѣй-

шими никому неизвестными гостями и вперлась носомъ въ песокъ. Не представлялось никакой возможности сойти безъ смѣлаго прыжка съ значительной высоты, но все это не остановило русскую Государыню, бывшую въ веселомъ настроеніи, и она при содѣствіи окружавшихъ ее мужчинъ и матросовъ ловко перенесена была на берегъ. Въ эту только минуту состоявшіе въ свитѣ подумали объ экипажѣ, но такового не оказалось ни у кого въ Алуштѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Когда доложили объ этомъ Ея Величеству, она поинтересовалась узнать, какимъ же способомъ сообщаются алуштинскіе жители и служащіе съ другими городами? На отвѣтъ, что туземцы ъездятъ верхомъ или на воловьяхъ арбахъ, а чиновники на почтовыхъ телѣжкахъ, Государыня сказала:

— Отчего же и намъ не попробовать проѣхать на почтовой телѣжкѣ. Попросите кого слѣдуетъ, чтобы намъ дали эти телѣжки. И въ ожиданіи ихъ она пошла по направлению къ почтовой дорогѣ, вдоль которой красовалось нѣсколько домиковъ съ дворами, усаженными орѣховыми деревьями, розами, экзотическими растеніями.

Въ это время всѣмъ находившимся на лицо было уже известно, кто прїѣхалъ, и изъ ближайшихъ домовъ начали выносить подъ тѣнь деревъ стулья и имѣвшіеся у хозяевъ подъ рукою фрукты, цвѣты и т. п. Государыня, одѣтая въ самое обыкновенное платье безъ всякихъ дорогихъ украшеній, съ замѣтнымъ удовольствіемъ расположилась на стулѣ и съ свойственнымъ ей добрымъ выраженіемъ глазъ и улыбкою начала разспрашивать и интересоваться бытомъ и занятіями поселянъ. Она не отказалась попробовать мѣстные плоды и угостила ими дѣтей и сопровождавшихъ ее лицъ. Похваливъ въ особенности груши, она не забыла поручить Тютчевой позаботиться наградить каждого изъ оказавшихъ ей какую-либо услугу. Тѣмъ временемъ послышались звонки почтовыхъ колокольчиковъ и изъ поворота выскочили почтовыя телѣжки съ откомленными татарскими лошадками, которыми легко управляли великорусскіе мужички въ парадныхъ шляпахъ и форменныхъ армякахъ съ большими мѣдными бляхами. Обѣѣхавъ краемъ пыльной дороги, они ловко повернули подпрыгивавшіе, не окрашенные даже фургончики и остановились въ почтительномъ разстояніи отъ Матери русского народа. Государыня Императрица немедленно поднялась съ мѣста и, подозвавъ дѣтей, направилась къ всероссийскому народному

экипажу такимъ шагомъ и такъ увѣренно, какъ будто ей не впервые приходилосьѣздить на почтовыхъ перекладныхъ. При помощи Айвазовскаго и другихъ мужчинъ, она очень удобно безъ малѣйшаго жеманства усѣлась на веревочномъ переплетѣ, прикрытомъ сѣномъ и ковромъ, и размѣстила около себя своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Прочіе расположились на второй телѣжкѣ и верхами. Извощики тронули возжами.

Въ эту минуту всѣ уже алуштинскіе жители, которымъ никогда не приходилось видѣть Императрицы, высыпали на кровли домовъ и почтовую дорогу и не могли вѣрить глазамъ, чтобы Государыня рѣшилась сѣсть на обыкновенную повозку, отъ которой несетъ дегтемъ, которая трясеть всю внутренность сѣдока и набиваетъ подошвы ногъ. Ихъ не менѣе изумляло, что на обладательницѣ отъ всѣхъ почти сокровищъ міра была обыкновенная шляпа и недорогой матеріи наряды безъ всякихъ сіяющихъ украшеній.

Проехавъ по почтовому тракту вдоль Алуштинской долины, Августѣйшая туристка возвратилась обратно къ морскому берегу и на виду всего населенія Алушты возвратилась на пароходъ, не выразивъ ничѣмъ ни усталости, ни неудовольствія. И напротивъ, судя по ея веселому разговору, заботливости никого не оставить безъ щедраго вознагражденія и хорошему аппетиту при обѣденномъ столѣ, на суднѣ всѣ были убѣждены, что прогулка эта очень понравилась Ея Величеству и дѣтямъ.

Несколько дней спустя стало извѣстно, что путешествіе Императрицы на перекладной художнически изображено было масляными красками И. К. Айвазовскимъ на холстѣ и поднесено было Государынѣ на память. Картина эта до настоящаго времени служить лучшимъ украшеніемъ стѣнъ Ливадскаго дворца и безъ сомнѣнія каждому будетъ напоминать покойную неприхотливую и чистосердечную Императрицу Марію Александровну, такъ сильно полюбившую южный берегъ Крыма, который дѣйствительно благотворно вліяль на ея разстроенное здоровье.

Въ Ливадіи сохраняется также и та почтовая телѣжка, на которой совершила свою прогулку Государыня Императрица. Естественно, что она теперь не составляетъ предмета удивленія, но настанетъ время, когда ее будутъ осматривать съ особеннымъ вниманіемъ и воспоминаніями о золотой порѣ царствованія и жизни въ естественной простотѣ славнаго любовью къ подданнымъ бѣзъ различія

происхожденія и званій Царя—Освободителя народовъ отъ рабскихъ оковъ.

Въ половинѣ Сентября, какъ бываетъ обыкновенно въ Крыму въ дни равноденствія, что приписывается простонародіемъ еврейскому празднику кущей, испортилась погода и начало бушевать море. Государынъ и придворнымъ показалось, что наступала сѣверная осень и они начали съ боязнью думать объ обратномъ путешествіи Государя съ кавказскихъ береговъ; но это пасмурное настроеніе миновало очень скоро. Сѣверо-восточные вѣтры стихли, небо прояснилось и вмѣстѣ съ ними спалъ изнурающій жаръ, проще наступило второе южнобережское лѣто, которымъ восхищаемся нерѣдко до послѣднихъ чиселъ Ноября. Вдобавокъ въ этотъ періодъ времени здѣсь созрѣваютъ окончательно всѣ почти фрукты въ фруктовыхъ и виноградныхъ садахъ и представляютъ отрадное зрѣлище для глазъ сѣверного жителя. Государыня снова начала выѣзжать въ установленные часы дня и веселое расположение ея по прежнему казалось несомнѣннымъ. По обыкновенію она никогда не пропускала божественной литургіи въ воскресные и годовые праздничные дни. 14-го Сентября въ день Воадвиженія Креста Ея Величество не смотря на вѣтренную погоду прїѣхала въ Ялтинскую церковь и простояла цѣлую архіерейскую службу, которая могла утомить даже здоровую даму.

28-го Сентября Государь Императоръ долженъ былъ возвратиться съ кавказскихъ береговъ къ часу пополудни. Въ то время ялтинская пристань была открыта и довольно неряшливо содержалась, такъ какъ была единственная для пассажировъ и грузовъ, но по распоряженію полиціи найдены средства для устилки ея краснымъ сукномъ и зеленою экзотическими растеній, которыми изобиловали всѣ почти окрестныя дачи. Часовъ въ 11-ть прибыла для встрѣчи Государыня Императрица съ августейшими дѣтьми и расположилась на креслѣ подъ зонтикомъ. Ея Величество окружали придворныя дамы и нѣсколько человѣкъ изъ свиты въ полныхъ мундирахъ. Тутъ же находился и угрумый генераль-губернаторъ графъ Строгановъ. Дальше на площадкѣ къ теперешнему агентству общества пароходства у впаденія рѣчки „Бала“ расположены были: музыканты и личный конвой, состоящій изъ эскадрона казаковъ въ красныхъ мундирахъ, въ числѣ которыхъ находились и солдаты

крымско-татарского полуэскадрона съ офицерами изъ крымскихъ мурзъ.

Тѣмъ временемъ неожиданно вышелъ изъ-за ялтинскаго мыса „Тигръ“ во всей своей красѣ съ императорскимъ штандартомъ. Народъ не могъ удержаться, и тихій воздухъ огласился криками ура! Нѣсколько минутъ спустя къ подножью яхты спущены были по блокамъ бѣленыкіе ялики съ парадно одѣтыми матросами, которые, ставъ въ линію подъ трапомъ, картинно подняли весла въ честь монарха. Большой царскій катеръ, окрашенный въ желтый цвѣтъ съ флагомъ-маюромъ Сколковымъ у руля, появился также у парохода и плотно присталъ къ трапу. Какъ вдругъ послышался съ парохода веселый маршъ, заставившій всѣхъ чуть не перекреститься отъ пріятнаго и такъ сказать восторженного состоянія. На яхтѣ поднялась суета, на трапѣ забѣгали матросики, и вслѣдъ затѣмъ музыка грянула „Боже, царя храни“. Императоръ при оглушительныхъ крикахъ пароходнаго экипажа, огласившагося и береговою массою, опустился на катеръ. Какъ только замолкли на „Тигрѣ“ радостные звуки и спалъ штандартъ, музыка грянула на берегу.

Гвардейцы вмигъ построились, публика разступилась, и императрица съ августейшими дѣтьми, сопровождаемая блестящею свитою, направилась на встрѣчу къ вѣнценосцу. Въ эту торжественную минуту слухъ всѣхъ былъ пораженъ слѣдующими словами изъ манифеста 19 февраля, громко сказанными стоящимъ мужикомъ въ суконной поддевкѣ:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Слова эти произнесены были въ видѣ молитвы, и всѣ присутствующіе въ эту минуту постигли ихъ дѣйствительное значеніе для того, кто жаждалъ свободы не для разгула, но для труда независимаго и благодарнаго; кто изнемогалъ подъ ударами жестокаго владѣльца, у кого заливалось сердце кровью, когда онъ видѣлъ, какъ сластолюбивый, безбожный баринъ вырвалъ изъ семьи его только-что оперившуюся сестренку, играль съ нею какъ съ собачкою и проигрывалъ въ карты какъ собаку.

По мѣрѣ приближенія царскаго катера Государыня чаще махала бѣльмъ платкомъ и веселѣе улыбалась. Лишь только лодка подошла къ ступенямъ пристани, музыка

заиграла народный гимнъ, у всѣхъ обнажились головы и загремѣло ура!

Его Величество съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ въ объятія супругу и своихъ красавцевъ дѣтокъ; многимъ дружественно пожалъ руки и многимъ дозволилъ поцѣловать себя въ плечо. Не лишенъ былъ вниманія и ялтинскій исправникъ Зофиропуло, котораго назвалъ государь по имени и отчеству, а также и кузнецъ Мустафа, стоявшій у царскаго экипажа. Махнувъ рукою музыкантамъ, Государь поздоровался съ гвардейцами и сейчасъ же отбылъ съ семействомъ въ Ливадію, по дорогѣ, установленной флагами и значками, сопровождаемый радостными криками народа и преданными иму казаками. Въ числѣ пріѣхавшихъ съ Государемъ былъ молодой разжалованный въ солдаты князь Долгорукій, родной братъ фрейлины, княжны Екатерины Михайловны, состоящей при Императрицѣ и, какъ замѣтно, пользующейся особымъ вниманіемъ Императора. Онъ былъ разжалованъ, какъ говорили и писали по газетамъ, за убийство на дуэли графа Канкрина. Какимъ образомъ онъ обратилъ на себя вниманіе Императора, пригласившаго его съ собою въ Ливадію для свиданія съ сестрою, конечно звали достовѣрно очень немногіе изъ приближенныхъ.

Съ пріѣдомъ Государя Ливадія вновь оживилась и вновь началось большое движеніе. Придворные и курьеры не переставали посѣщать городъ. Жандармы и совершенно не нужные агенты тайной полиціи, надъ которыми издѣвались даже уличные мальчишки, зашныряли по всѣмъ закоулкамъ, чтобы показаться усердными исполнителями своихъ обязанностей.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, генералъ-губернатора Новороссійскаго края и намѣстника Кавказа, Воронцова, обожавшаго Алупку и другія дачи свои, Мансандру и т. д. и употреблявшаго всѣ усилия населить этотъ край богатыми и интеллигентными представителями русской аристократіи, южный берегъ пересталъ заманивать посѣтителей на роскошныя виллы, не приносившія никакихъ доходовъ и отчасти пострадавшія отъ минувшей Крымской войны. Забвеніе о немъ дошло до такой степени, что отъ 1853 до 1860 года здѣсь не встрѣчали ни

одного дачевладѣльца и полагали, что край этот запустѣть и снова всецѣло перейдетъ въ руки туземцевъ. Предположеніе это казалось несомнѣннымъ въ виду того еще, что прекратилось пароходное сообщеніе съ черноморскими портами, а ѿхать въ этотъ отдаленный пунктъ по нешоссированнѣмъ глинистымъ дорогамъ было нелегко даже для богатыхъ туристовъ. Воронцовъ, которому хотѣлось ради своихъ удобствъ и выгодъ сдѣлать и Ялтинскій рейдъ безопаснѣмъ въ бурныя погоды постройкою дорогой въ то время моллы и висячей пристани, только напрасно истратилъ огромныя суммы казенныхъ денегъ. Такимъ образомъ оставленный на произволъ собственной судьбы не такъ давно высоко цѣнімый любителями природы прелестный край, попрежнему началь питать вѣрныхъ ему аборигеновъ стадами козъ, медомъ, овощами, пшеничнымъ зерномъ и сушеными плодами. Послѣдніе ежегодно вывозились отсюда на судахъ мѣстной постройки въ Мариупольскій портъ для промѣна на хлѣбное зерно съ тѣми греками, которые были прежде жителями Крыма и не могли обходиться безъ Крымскаго табаку, вина и другихъ произведеній этой страны.

Сама Ялта въ это время состояла не болѣе какъ изъ 25—30 домовъ съ маленькими дворами, которые частью занимались подъ уѣздныя присутственныя мѣста и казенные учрежденія въ родѣ карантина, таможни, кордона пограничной стражи, почтовой станціи и вѣчно пустой больницы, а всѣ остальные занимались или служащими и торговцами татарами, евреями и караимами, приходившими изъ ближайшихъ соседнихъ деревень, или харчевнями, шинками, погребами и заѣзжими дворами съ необходимыми кофейнями, въ которыхъ за пятакъ находилъ проѣзжихъ чашку кофе и ночлегъ. Для проѣзжихъ съ болѣе утонченнымъ вкусомъ и требующихъ приличной обстановки содержалась въ Ялтѣ французомъ Собесь гостинница, состоящая изъ пяти или шести отдѣльныхъ номеровъ съ рестораномъ, въ которомъ предпочиталось держать вино и сельди, любимые предметы содержателя.

Естественно, что при такой обстановкѣ здѣсь не могло быть ни подраздѣленій, ни партій, ни недовольныхъ какими либо правительственными распоряженіями. Всѣ занимались своимъ дѣломъ кое-какъ, мало интересуясь государственными и политическими событиями и еще меньше понимали значеніе крѣпостной реформы на томъ основаніи, что здѣсь

къ было крѣпостныхъ и никому не были извѣстны тѣ истязанія, которымъ они подвергались въ Россіи. Пользуясь ненарушимымъ покоемъ и правительственною охраною ялтинцамъ только приходилось благодарить Бога, что они живутъ въ странѣ, гдѣ однимъ именемъ Государя и установленной имъ власти держится такая тишина, порядокъ и взаимная братская дружба. Понятно, что тѣ, которые были между ними попроще, предполагали, что цари не такъ созданы какъ остальные люди, что отъ нихъ исходятъ солнечные лучи, что въ глазахъ ихъ сияетъ божественная сила, что они не доступны для подданныхъ и т. п. Но каково же было ихъ разочарованіе, когда величественный осанкою и взглядомъ Императоръ Александръ II самымъ благосклоннымъ образомъ отвѣчалъ на ихъ почтительные поклоны, самъ заговаривалъ съ ними и охотно принималъ отъ поселянъ выносимые ему на рукахъ плоды изъ своихъ садовъ, не стараясь придавать ни голосу, ни выраженію глазъ своихъ ничего такого, которое наводило бы страхъ на подданныхъ.

Въ привычкахъ Государя также не выражалось ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ жизни отца семейства и обыкновенного человѣка. Живя въ верхнемъ этажѣ ничѣмъ неизмѣненного дома Потоцкаго онъ обыкновенно пробуждался часовъ 7, а пилъ кофе около 8-ми. Затѣмъ слушалъ доклады и отдавалъ приказы. Къ полудню выходилъ гулять преимущественно по направлению къ морю, которое повидимому болѣе всего останавливало его взоры. Тѣмъ временемъ выходила на воздухъ и Государыня Императрица и садилась на избранное ею мѣсто у фонтана за церковью. Около Ея Величества всегда находились одна или двѣ фрейлины съ работою и книгою и нерѣдко выбѣгали дѣти съ игрушками. Приходилось видѣть эту семейную картину въ группѣ прекрасныхъ магнолій, кипарисовъ и лавровыхъ деревъ, между цветами и бархатною зеленою искусственно взращенной травы. Къ 2-мъ часамъ, а иногда и гораздо раньше Государь возвращался къ дворцу и, принимая въ объятія дѣтей, часто слѣдилъ за ихъ играми, разговаривалъ съ Императрицею и затѣмъ всѣ отправлялись къ ожидающему ихъ завтраку въ столовую нижняго этажа, куда немедленно являлись и всѣ остальные лица, пользующіяся этимъ правомъ. Его Величество за завтракомъ всегда почти былъ разговорчивъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Очень часто случалось, что послѣ завтрака предпринималась поѣзда въ окрестности, но иногда садились играть въ карты, что продолжалось часа два или три. Около 7-ми часовъ подавался обѣдъ, въ продолженіе котораго, по однажды заведенному порядку, игралъ хоръ военной музыки.

Такъ тихо и однообразно-счастливо проходила семейная жизнь нашихъ вѣнценосцевъ, которую не дерзали тревожить официальными представлениями и другими надобностями столичной жизни. Единственными чужими, но освоившимися уже людьми были Мустафа и охотникъ Аметъ, которые при каждомъ появлѣніи привозили какой-либо подарокъ или метръ-д'отелю для царскаго стола или царскимъ дѣтямъ, а иногда лицамъ, состоявшимъ въ свитѣ или просто лакеямъ, высказывающимъ имъ благосклонность. Не стѣсня никого и пользуясь полнымъ довѣріемъ, они чаще другихъ обращали на себя вниманіе и удостаивались разспросовъ. Люди эти, если бъ имъ вадумалось мстить кому-либо или выражать то печальное состояніе безземельныхъ татаръ, которыхъ заѣдали такъ сказать массы чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, очень легко могли бы сдѣлать многое для блага своихъ соотечественниковъ, но они совершенно основательно считали себя безправными говорить за народъ, неуполномочившій ихъ отъ себя.

Выѣздъ Августѣшаго семейства изъ Ливадіи назначенъ 12 октября, т. е. въ лучшее время года на южномъ берегу. Всѣмъ намъ желательно было, чтобы Государь пробылъ еще по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ для личнаго убѣжденія, насколько климатъ нашего края превосходить сѣверный, но такъ какъ въ то время не было желѣзной дороги на югъ, аѣхать моремъ и затѣмъ въ экипажѣ до Москвы не такъ удобно было въ осенне время, то конечно приходилось мириться съ необходимостью.

За два дня до отѣзда начали возить изъ Ливадіи на татарскихъ воловыхъ подводахъ царскіе сундуки, чемоданы и т. п. и сдавать ихъ на военный пароходъ.

12-го октября Императорская яхта „Тигр“ съ двумя конвоирными паровыми судами приблизилась, насколько было возможно, къ пристани въ ожиданіи Высочайшихъ путешественниковъ, свиты и окружающихъ лицъ. Бѣдная Ялта понатужилась въ послѣдній разъ, чтобы выразить

предъ Вѣнценосцами тѣ искреннія вѣрноподданническія чувства, которыми переполнены были ихъ сердца. Убравъ флагами всю набережную улицу, а пристань краснымъ сукномъ, зеленою и букетами цветовъ, всѣ жители города и 4-хъ ближайшихъ деревень съ ранняго утра появились около морского берега, чтобы удостоится еще разъ взглянуть на Царскую семью, на благодѣтельного Царя, на добрую и милостивую Царицу. У всѣхъ на лицахъ замѣчалось грустное настроеніе и какъ бы ожиданіе какого-то чрезвычайного события. Многіе не спускали глазъ съ Ливадской дороги, а нѣкоторые просили Бога, чтобы Онъ донесъ ихъ повелителя съ семействомъ здравыми и невредимыми до столицы.

Женщины безпрестанно произносили имя Царицы, находя, что Ея Величество недостаточно еще поправилась чтобы совершить такое утомительное путешествіе. По ихъ соображеніямъ было бы необходимо Государынѣ остаться на зиму.

Тѣмъ временемъ показался на своемъ ворономъ иноходцъ Мустафа въ нарядной, обшитой золотыми позументами курткѣ и послышался возглаш: „Вѣдуть, вѣдуть!“

И дѣйствительно чрезъ минуту показалась коляска, съ всѣмъ извѣстными прелестными Царскими рысаками, сопровождаемая конными гвардейцами и множествомъ мѣстныхъ молодыхъ татаръ во главѣ волостного головы. Экипажъ еще находился въ 300-хъ приблизительно шагахъ, когда народъ обнажилъ голову и огласилъ воздухъ криками ура, которое не прерывалось до того времени, пока Царская семья не отплыла на далекое разстояніе отъ пристани Народъ продолжалъ стоять, не отводя глазъ отъ „Тигра“. Точно на нихъ дѣйствовала какая-то магнитная сила, заставляющая забыть самихъ себя или точно отъ нихъ уходиль тотъ, безъ кого они не могли существовать. Глубочайшая тишина не прерывалась ни единимъ словомъ. Но вотъ пароходъ остановилъ паръ и началъ ходъ. Многіе вторично сняли шапки и осѣнили себя крестомъ. Это была послѣдняя напутственная молитва о благополучномъ путешествіи; у другихъ показались слезы на глазахъ. Народъ разошелся только тогда, когда скрылась яхта за Ореандскимъ выступомъ. Онъ возвращался съ поникнутою головою, точно съ кладбища, похитившаго его отца, точно сиротѣвшимъ.

Съ этой минуты Ялтинскіе жители ни о комъ болѣе не вѣли разговоры какъ о Царской семье, слѣдили за газетами и твердо надѣялись, что Ихъ Величества посѣтятъ Ливадію въ булагашемъ гдѣу съ раннею весною; но ожида-ніямъ этимъ не суждено было сбыться.

Сообщилъ Е. Мележа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. Н. Виноградского.

Родился я въ Иркутскѣ 14 Іюля 1843 года. Отецъ мой Николай Ильичъ Виноградскій, а мать Агнія Васильевна, урожденная Павлинова. Отецъ, будучи чиновникомъ и получивши образованіе только въ Иркутской гимназіи, былъ очень образованнымъ и любознательнымъ человѣкомъ. Въ сохранившейся у меня тетради его „Воспоминаній“, въ его „сборникѣ стихотвореній“ и въ его „дневникахъ“ найдется немало материала, могущаго послужить для исторіи мѣстнаго края, для характеристики дѣйствующихъ тогда лицъ и показать, какое вліяніе имѣла литература на кружокъ развитыхъ людей, заброшенныхъ въ отдаленный Иркутскъ. Тетрадь рукописнаго журнала „Домашній собесѣдникъ“ служитъ примѣромъ, какъ пріятно могли проводить время, съ какимъ увлеченіемъ слѣдили за развивающейся литературой Пушкинского периода. Отецъ прекрасно читалъ, и я помню, какъ увлекались собирающіеся къ намъ гости, когда отецъ читалъ Щедрина или Успенскаго.

Теперь, спустя лѣтъ пятьдесятъ, я уже не встрѣчаю такихъ увлекающихся литературой людей, а вижу только собирающихся поиграть въ карты или посудить о недостаткахъ ближняго. Я помню, какъ собирались знакомые въ нашемъ небольшомъ домѣ или въ домѣ дяди Иннокентія Ильича, какъ весело танцевали или играли въ фанты, какъ пѣли русскія пѣсни, какъ читали или разговаривали.

Матери я не помню, она умерла когда мнѣ было года $1\frac{1}{2}$, старшій братъ Николай, я и сестра Людмила остались на попеченіи бабушки, матери отца, Мары Ливерьевны.

Старший братъ Николай Николаевичъ былъ ея любимцемъ и все время жилъ у нея, даже тогда, когда отецъ, женившись во второй разъ на Анисьѣ Александровнѣ Заборовской, зажилъ опять семейной жизнью. Братъ оставался у бабушки и послѣ отъѣзда отца въ Томскъ.

Бабушка была замѣчательно трудолюбивая старушка. Оставшись въ очень молодыхъ годахъ вдовой съ 3 маленькими дѣтьми, она сумѣла воспитать ихъ трудами своихъ рукъ, занимаясь шитьемъ. Шить она была мастерица и до глубокой, старости занималась работой, часть ея обыкновенно продавала, чтобы имѣть возможность дать въ церкви свою трудовую копеечку. Вязала она чисто механически и во время вязанья любила читать. Послѣ смерти отца, когда я снова переѣхалъ изъ Томска въ Иркутскъ и жилъ у дяди, мнѣ приходилось постоянно быть съ бабушкой, и сколько прекрасныхъ разсказовъ ея помню до сихъ поръ, воспоминанія ея о трудовой ея жизни въ молодости крѣпко врѣзались въ мою память.

Въ своей старости, окруженнная уваженiemъ и любовью своихъ дѣтей и внучатъ, бабушка могла спокойно сказать, что жизнь ея была прожита на пользу родныхъ.

Отъ брака отца съ Агнѣй Васильевной Павлиновой родились старший мой братъ Николай, я и младшая моя сестра Людмила. По смерти матери, отецъ женился на Анисьѣ Заборовской, отъ которой были дѣти: Александръ, умершій младенцемъ, Иннокентій и дочь Александра.

Первоначальное дѣтство я провелъ въ Иркутскѣ и, говорятъ, былъ очень слабымъ ребенкомъ, мать чрезвычайно любила меня и, ухаживая за мной, сильно повредила свое здоровье. Знаю, что въ дѣтствѣ со мной была какая-то болѣзнь, отразившаяся на рукѣ, гдѣ въ локтѣ образовался нарывъ и попортилъ связки, такъ что рука сдѣлалась кривая и не могла поворачиваться ладонью вверхъ. Это осталось на всю жизнь, хотя я не ощущалъ въ рукѣ никакой боли.

Нѣсколько подросши, я сдѣлался очень бойкимъ ребенкомъ, былъ большой мастеръ бѣгать и устраивать змѣйки. Это было мое любимое занятіе. Когда я началъ учиться, не помню, знаю только, что еще въ самомъ дѣтствѣ я зналъ массу стиховъ Пушкина, любимаго писателя отца. Еще до поступленія въ гимназію я зналъ наизусть почти всего Евгения Онѣгина, Полтаву, Графа Нулина, сказки; множество стиховъ Лермонтова и Кольцова. Зналъ большинство

басенъ Крылова и въ особенности Конька-Горбунка—Ершова. Многіе стихи отца также хорошо запомнилъ. Нужно думать, что память у меня была хорошая. Я помню, какъ еще въ студенчествѣ я брался на пары выучивать страницу стиховъ прочитавъ ихъ 5 разъ. Куда дѣвалась теперь эта память? Замѣчательно, что выученное въ дѣтствѣ я и до старости помню довольно хорошо, а между тѣмъ выученное въ болѣе позднее время—почти все улетучилось.

Систематического домашняго воспитанія я не получилъ, такъ какъ отецъ, занятый службой, не могъ удѣлять времени на насъ, и мы, предоставленные самимъ себѣ, бѣгали и играли безъ всякаго призора. Брать Николай былъ вообще слабѣе меня физически, но болѣе скромный и тихій, онъ чаще проводилъ время съ бабушкой и занимался основательнѣе. Его мало интересовало, какъ устроить какую-нибудь игрушку, какъ запустить повыше змѣя, какъ пустить въ лужѣ корабликъ.

Меня отдали въ гимназію очень рано, едва ли не 7 лѣтъ. Въ Иркутской гимназіи директоромъ былъ Константинъ Петровичъ Бабановскій, человѣкъ очень большого роста, красивый и до чрезвычайности толстый. Его ужасно боялись, и когда онъ появлялся въ коридорѣ, то все трепетало. Бабановскій былъ очень хороший человѣкъ и вѣль гимназію прекрасно. По обычаямъ тогдашняго времени воспитанниковъ сѣкли порядочно, но такая мѣра высыканій нисколько не поднимала успѣховъ слабыхъ или лѣнивыхъ учениковъ, шалуны также мало смущались поркой и даже считалось, что кричать подъ розгами не слѣдуетъ и крикъ выражалъ малодушество. Были просто артисты—выдергивающіе 30—40 ударовъ безъ всякаго крика. Периодическое сѣченіе повторялось обыкновенно по субботамъ. Въ классѣ являлся надзиратель Н. В. Новоселовъ и по журналу вызывалъ всѣхъ получившихъ въ эту недѣлю единицы и двойки. Такая группа учениковъ обыкновенно отводилась въ пансіонную спальню, и въ присутствіи директора или инспектора производилась торжественная порка. За каждую единицу давалось 10 ударовъ, а за двойку 2. Все это исполнялось очень точно, такъ что заранѣе ученики знали сколько кому достанется. Впечатлѣнія особаго порка не производила.

Уже тогда начиналось новое вѣяніе, и молодые учителя сильно возставали противъ розогъ. Учитель математики Геснъ, преподаватель естественной исторіи Маакъ и другіе были

противниками принятаго порядка и не дозволяли Новоселову уводить воспитанниковъ съ ихъ уроковъ на экзекуцію. Конечно эти учителя пользовались особымъ расположениемъ всѣхъ учениковъ. Директора ученики уважали и какъ то не ставили ему въ вину его строгое исполненіе распоряженія начальства относительно порки, но инспектора Сементовскаго ученики не любили ужасно и дѣйствительно, это былъ какой-то сухой человѣкъ—кажется совершенно бессердечный. До сихъ поръ у меня въ памяти такой случай изъ дѣтской гимназической жизни. Когда я былъ въ 1-мъ классѣ, то однажды разнесли слухъ, что пріѣдетъ губернаторъ и, по жалобѣ Сементовскаго (директора по, чому, то не было), будетъ наказывать воспитанника пансиона—Лукьянчика. Мы слышали какъ начали собирать въ залъ гимназіи всѣхъ учениковъ, но по счастію у насъ былъ урокъ Геска и когда надзиратель пришелъ за нами, то Гескъ поблѣднѣлъ и сказалъ, что не пустить учениковъ изъ класса. Нашъ классъ находился рядомъ съ заломъ и мы слышали какъ начали пороть несчастнаго Лукьянчика, слышали какъ онъ отчаянно кричалъ, какъ крики становились все тише и тише и наконецъ замолкли, послѣ мы узнали что Лукьянчика унесли въ больницу безъ сознанія. Не помню сколько времени спустя послѣ порки Лукьянчика, наказаннаго за своеольный уходъ изъ пансиона, подобный же случай ухода произошелъ вновь и когда инспекторъ пригрозилъ сообщить объ этомъ губернатору, то виновный,—пансіонеръ Кривошапкинъ, убѣжалъ изъ пансиона и со страха застрѣлился. Это сильно подействовало на начальство гимназіи и почти вывело изъ употребленія розги.

Изъ преподавателей того времени у меня сохранились немногіе. Учителемъ естественной исторіи былъ молодой Маакъ (впослѣдствіи главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири), преподавалъ онъ прекрасно и мы, мальчики 2-го класса, съ величайшимъ удовольствіемъ учились зоологіи. По указанію Маака мы дѣлали безъ учебника описание приносимыхъ имъ костей череповъ и тому подобное. Почти каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать часть скелета, то есть кто приготовить ногу, кто черепъ какого-либо домашняго животнаго, больше всего, конечно, появлялись скелѣты пѣтуховъ, пороссятъ и кошекъ Маакъ былъ прекрасный педагогъ. Говорятъ, что впослѣдствіи, сдѣлавшись главнымъ инспекторомъ онъ сдѣлался

и большими чиновникомъ, даже нажилъ дѣнъги и будто бы не совсѣмъ честнымъ путемъ.

Учителемъ географіи былъ Паргачевскій, впослѣдствіи занявшийся торговыми дѣлами на Амурѣ. Паргачевскій любилъ задавать ученикамъ вопросы, какъ проѣхать изъ одного мѣста въ другое, причемъ ученикъ долженъ быть перечислять всѣ промежуточныя мѣста. Помню, что сначала дѣлалось это по картѣ, а потомъ на память. Множество географическихъ названій заучивалось довольно твердо.

Учителемъ чистописанія былъ Николай Васильевичъ Новоселовъ, онъ же и надзирателемъ, онъ же и письмоводитель канцеляріи, самъ онъ писалъ очень красиво, но постаринному учили насъ писать съ прописей и, конечно, гусинымъ перомъ. Употребленіе стальныхъ перьевъ, тогда только появившихся, было строго запрещено и если кто-либо контрабандой приносилъ стальное перо въ классъ, а тѣмъ паче писалъ имъ, то такого не только оставляли безъ обѣда, но угрожали поркой. Необходимо было научиться самому очистить гусиное перо и отъ этого искусства много зависила отмѣтка по чистописанію. Время на очинку перьевъ тратилось масса. Иногда рѣжешь, рѣжешь перо, а оно все либо мажеть, либо задѣваетъ за бумагу и брызжетъ чернилами, тутъ какъ разъ получишь единицу или двойку и слѣдовательно субботнюю порку.

Зданіе Иркутской гимназіи одно изъ лучшихъ въ городѣ, въ нижнемъ этажѣ помѣщался пансіонъ, были квартиры директора, инспектора и пр., а въ верхнемъ классы и громаднѣйшее зало, входъ въ которое былъ всегда запертъ и я только впослѣдствіи видѣлъ его. Противъ гимназіи былъ домъ Главнаго управления Восточной Сибири—очень невзрачный деревянный—одноэтажный и на видъ очень грязный. Наискосокъ гимназіи находилось училище канцелярскихъ служителей съ маленькимъ флигелемъ, выходящимъ на поперечную улицу. Этотъ флигелекъ мнѣ очень памятенъ, такъ какъ приходилось ходить мимо него ежедневно и почти всегда кланяться знакомому смотрителю училища Петру Ивановичу Шляпникову. Судьба этого Шляпникова, всегда удивляла меня. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университете по факультету восточныхъ языковъ, прекрасно зналъ латинскій, французскій и немецкій языки и былъ секретаремъ консульства въ Ургѣ. Поступивъ на службу по министерству

иностранныхъ дѣлъ, онъ могъ бы, кажется, проложить себѣ дорогу, но вышло не такъ. Ему не понравилось почти полное отсутствіе дѣлъ въ консульствѣ, и онъ перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и былъ назначенъ, благодаря знанію языковъ, столоначальникомъ политического стола и долженъ былъ просматривать всю переписку политическихъ преступниковъ-декабристовъ, изъ которыхъ многие жили въ Иркутскѣ. Ему невольно пришлось имѣть дѣло съ такими тузами какъ Волконскіе и Трубецкой.

Черезъ его руки шли всѣ письма какъ отъ нихъ, такъ и къ нимъ. Говорятъ, что безъ всякаго послабленія, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Волконскими, а черезъ нихъ могъ имѣть громадную протекцію въ Штервѣ. Тѣмъ болѣе что тогда декабристы уже не содержались въ прежней строгости. Однако, Шляпникову не понравилась такая, по его словамъ, шпіонническая должность, и онъ вышелъ въ отставку, а затѣмъ попалъ смотрителемъ канцелярскаго училища. Послѣ закрытія этихъ училищъ, Шляпниковъ уѣхалъ въ Казань и попалъ куда-то въ уѣздъ въ становые началь покучивать, лишился и этого мѣста, сильно бѣствовалъ вмѣстѣ съ женой и нѣсколькими дочерьми и когда уже я служилъ въ Казанскомъ университетѣ, то чрезъ проф. Фирсова удалось пристроить дряхлаго Шляпникова въ библіотекари профессорской комнаты, гдѣ главное его дѣло было прибирать на столѣ разбросанныя газеты. Мизерное жалованье кое какъ спасло старика отъ голодной смерти. Впослѣдствіи онъ, кажется, перешелъ на болѣе спокойное мѣсто архиваріуса университета и умеръ въ крайней бѣдности. Такова судьба этого образованнаго человѣка. Я всегда смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Шляпниковъ былъ хорошимъ знакомымъ моего отца и дяди Иннокентія Ильича и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Изъ лицъ, посѣщающихъ отца, мнѣ хорошо помнится бурята Доржи-Банзаровичъ Банзаровъ, также получившій хорошее образованіе, сначала въ Казанской 1-й гимназіи, гдѣ его фамилія записана на мраморную доску, а затѣмъ въ Казанскомъ университѣтѣ. Банзаровъ былъ, кажется, чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ и извѣстно, что онъ очень помогалъ преосвященному Нилу въ его переводахъ священныхъ книгъ на монгольскій языкъ и въ составленіи имъ книги „о буддизмѣ“. Банзаровъ былъ ламайтъ и несмотря на всѣ убѣжденія не принялъ христіанства. Про него рассказывали, что когда, однажды, онъ былъ

посланъ къ бурятамъ для производства какого то слѣдствія, то онъ остался въ улусѣ, поселился въ кибиткѣ и не хотѣлъ возвращаться въ Иркутскъ, такъ что его едвали не силой выручили изъ втянувшей его родной среды. Онъ умеръ довольно молодымъ и его похороны по ламайскому обряду долго были предметомъ разговоровъ въ Иркутскѣ.

При мнѣ въ гимназіи училось нѣсколько бурятъ, однако большая часть изъ нихъ, если и доходила до университета, то почти всегда рисковала здоровьемъ и по совѣту врачей возвращалась въ родныя мѣста.

Здѣсь мнѣ припоминается распоряженіе начальства, существовавшее до 60-хъ годовъ, послать учениковъ якутовъ Якутского уѣзданого училища въ Казань для обученія въ землемѣльческой фермѣ. Не знаю, какъ бы эти агрономы примѣняли свои знанія при Якутскомъ климатѣ, гдѣ и ячмень не всегда созреваетъ, но я слышалъ отъ завѣдывающаго Казанской фермой, что присланые якуты большою частію умирали отъ непривычнаго казанскаго климата или должны были возвращаться на родину, получивъ большою частью чахотку. Странное распоряженіе начальства.

Вслѣдствіе непріятностей по службѣ отецъ перешелъ въ Томскъ, куда перевели и меня въ гимназію. Служебное положеніе отца въ Томскѣ было очень хорошее. Онъ состоялъ совѣтникомъ акцизного или питейного отдѣленія казенной палаты и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ между своими сотоварищами по службѣ, такъ и въ обществѣ. Жизнь отца сложилась такъ, что онъ былъ постоянно занятъ: утро на службѣ, вечеръ дома за бумагами или любимой его работой—ченіемъ и письмомъ.

Въ Томскѣ отецъ началъ писать „воспоминанія“ о своей жизни, и въ этой большой тетради, особенно въ началѣ существуетъ масса разнообразныхъ свѣдѣній, какъ о личностяхъ, такъ и о событияхъ того времени. Много есть также историческихъ данныхъ. Какъ большой любитель литературы, отецъ собиралъ автографы своихъ любимыхъ писателей и еще въ молодыхъ лѣтахъ во время своей поездки въ Петербургъ познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литературными знаменитостями. Онъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминалъ время своей поездки и тотъ вечеръ, который былъ устроенъ для него, кажется, у Одоевскаго, гдѣ петербургскія знаменитости почтили его какъ молодого провинціального писателя. Памятникомъ

этого вечера сохранился у отца листъ бумаги, на которомъ присутствующіе написали на память Сибирику по нѣсколько строкъ; тутъ есть и строки Карамзина и Полевого и много другихъ.

Несмотря на массу служебныхъ занятій и плохое здоровье, отецъ и въ Томскѣ пописывалъ статьи для Губернскихъ вѣдомостей и сочинялъ стихи, между которыми многое можно назвать хорошими.

Будучи религіознымъ человѣкомъ, отецъ любилъ религіозное чтеніе и между его стихами есть нѣсколько хорошихъ, прочноувѣденныхъ образцовъ духовнаго содержанія. Не знаю къ какому времени относится составленіе имъ „жизни и чудесъ свят. Иннокентія, нашего Иркутскаго Чудотворца“.

Всѣ рукописи отца послѣ его смерти были отправлены къ моему старшему брату Николаю Николаевичу, но затѣмъ перешли ко мнѣ и хранятся у меня. Слѣдовало бы заняться разборомъ ихъ и составленіемъ сборника, имѣющаго можетъ быть общественное значеніе какъ запись свидѣтеля провинціальной жизни Сибири въ 30—50 годахъ. Въ Томскѣ отецъ писалъ подъ псевдонимомъ „за Ангарскій Сибирикъ“.

Въ Томскѣ отецъ переѣхалъ вмѣстѣ съ мачихой и сестрой Люмашей, а вскорѣ туда же перевезли и меня. Въ Томскѣ родился братъ Кеша и сестра Саша. Прибыль семьи, общественная жизнь и занятія по службѣ отнимали у отца время для наблюденія за нашимъ ученьемъ и я съ сестрой Люмой были предоставлены надзору няни — привезенной отцомъ изъ Иркутска. Средства отца были достаточны только для поддержки общественного положенія и не могли дать намъ порядочнаго наставника, притомъ и мачиха, вообще очень хорошая хозяйка, по своему невысокому развитію, не понимала настойательной потребности въ хорошемъ обученіи и развитіи дѣтей. По правдѣ сказать, наше счастье, что она мало обращала вниманія на насть. Ея взглядъ на дѣль воспитанія сильно отзывался на Сашѣ, для которой мать требовала только знаніе французскаго языка и таццевъ, все же осталъное не признавала за нужное и даже никакъ не согласилась отдать ее въ гимназію, а отдала въ пансионъ и воспитала барышню, которой очень трудно пришлось жить на свѣтѣ.

Меня помѣстили въ Томскую Гимназію въ 1-й классъ. Гимназія находилась кажется въ плохомъ положеніи, директоромъ былъ старичекъ Мещериновъ, учителя въ млад-

шихъ классахъ были плохи, и у меня осталось только воспоминаніе объ *учителѣ рисованія Кокшаровѣ*. — Это былъ дѣйствительно хороший учитель. Никакихъ пособій по рисованію въ гимназіи не было, однако Кошкаревъ съумѣлъ заставить ребятишекъ полюбить этотъ предметъ. Преподаваніе онъ начиналъ прямо съ натуры, указывалъ на вліяніе перспективы, и ребята сразу рисовали съ большимъ увлеченіемъ.

Построивши на столѣ что-нибудь изъ книгъ, положивъ на верхъ перо или что попадеть подъ руку, онъ требовалъ нарисовать это въ одинъ урокъ и, постоянно слѣдя за учениками, поправляя и указывая имъ на особенности перспективныхъ линій, добивался прекрасныхъ результатовъ. Мы рисовали не чисто, но ясно представляли рисунокъ. Рисовали мы и классныя окна и двери, рисовали стулъ, поставленный на столъ, наконецъ, рисовали задачи наизусть, или фантазіи: шкафъ съ открытой дверцей, бутылка, покрытая стаканомъ и пр. и пр.

Жаль, что Кокшаровъ скоро выбылъ изъ гимназіи, и мы остались только съ тѣмъ, что онъ намъ далъ. Мы плохо усвоили отдѣлку рисунка, но зато хорошо понимали нарисованное.

Въ общемъ учились очень плохо. Порки были въ ходу и въ Томской гимназіи, но только въ младшихъ классахъ и не еженедѣльно, а разъ въ мѣсяцъ, когда директоръ обходилъ классы „съ отмѣтками“. Прежде табеля выдавались ежемѣсячно, и вотъ, когда такие табели были готовы, являлся въ классъ директоръ съ инспекторомъ и сторожами, похваливъ хорошихъ учениковъ, опѣ дѣлалъ замѣчаніе слабымъ, а затѣмъ, плохихъ учениковъ или большихъ шалуновъ тутъ же въ классѣ пороли. Часто, впрочемъ, дѣлалось снисходженіе и порку замѣняли карцеромъ. Хожденіе „съ отмѣтками“ занимало цѣлый день и то въ томъ, то въ другомъ классѣ были слышны крики.

Того шло мое ученіе, но я ни разу въ Томскѣ не попалъ подъ порку и, оставшись въ 1-мъ классѣ еще на годъ, началъ учиться получше, хотя вообще далеко неуспѣшино.

Сестра Людмила училась дома — для нея нанять былъ старичекъ *учитель француз. языка*, да какой-то *французикъ* — для *обученія танцевъ*. Я могъ бы тутъ тоже поучиться француз. языку, но увы никто меня къ этому не приуждалъ, а у самого не хватало умішка понять пользу знанія фр. языка. Танцевать навострился порядочно и

частенько плясалъ съ барышнями на дѣтскихъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ домѣ богачей Соколовыхъ. Былъ большой любитель ъездить верхомъ и частенько участвовалъ въ кавалькадахъ, устраиваемыхъ болышимъ пріятелемъ отца—полицеймейстеромъ Вас. Мих. Любимовымъ. Отецъ, по совѣту врачей, почти каждый день ъезжалъ верхомъ на своей маленькой лошадкѣ „Чернышъ“ и за городомъ нѣсколько проходилъ пѣшкомъ. Это у отца было великое удовольствие послѣ сидѣнія въ канцеляріи и дома за бумагами. Вечера онъ тоже обыкновенно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, какъ бы предчувствуя свою не долгую жизнь, приводилъ въ порядокъ свои „Воспоминанія“. Часто во время прогулокъ отца и я сопровождалъ его верхомъ же на очень хорошей лошадкѣ. Изъ этихъ частыхъ поѣздокъ мнѣ остались памятны наши путешествія верстъ за 9-ть, *на дачу Поповыхъ—Басандайсу*. Это—чудная мѣстность и прекрасная дорога. Нерѣдко ъездили на дачу Степановку въ 4—5 вер. отъ города, принадлежавшую Сосулину, гдѣ вечеромъ передъ праздниками въ маленькой церкви, отдѣленной превосходно. Дача эта представляла какой-то рай. Прекрасный домъ, роскошный садъ и прелестное мѣсто. Недоѣзжая съ полверсты до Степановки былъ хороший хуторъ, принадлежащій также къ этой дачѣ, и здѣсь жилъ сосланный въ Сибирь *декабристъ* старикъ *Батенковъ*.

Отецъ иногда заѣзжалъ къ Батенкову и бесѣдовалъ съ нимъ. Это былъ человѣкъ очень образованный, кругомъ него была масса книгъ и онъ постоянно читалъ. Я, будучи мальчишкой, нѣсколько боялся этого, на мой взглядъ, суроваго старика, мнѣ помнится, онъ не только никогда не смеялся, но и не улыбался. Впрочемъ это и не мудрено послѣ страшныхъ испытаній въ жизни. Говорятъ, его забыли сослать въ каторгу вмѣстѣ съ другими декабристами и онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости 20 лѣтъ.

Только тогда обѣ немъ вспомнили и уже отправили на житѣе въ Томскъ, гдѣ онъ и познакомился съ хорошей семьей Сосулиныхъ, предложившей ему жить у нихъ на хуторѣ. Батенковъ въ мое время никуда не выходилъ изъ дома. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и умеръ, кажется, въ Ярославской г. въ имѣніи своихъ родственниковъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ вспоминаю еще *Бакунина*, онъ жилъ нѣкоторое время въ Томскѣ, былъ принятъ въ

обществѣ, какъ очень образованный человѣкъ и его въ Томскѣ называли, конечно, въ шутку, Саксонскимъ Королемъ. Нѣсколько разъ онъ бывалъ и у отца. Насколько помню, всѣхъ поразила вѣсть о свадьбѣ Бакунина на польки Квятковской. Во время одного изъ проѣздовъ генерала г. Муравьевъ изъ Питера въ Иркутскъ, Муравьевъ, какъ я послѣ узналъ, родственникъ Бакунина, ѿздили на дачу Квятковскихъ и былъ сватомъ Бакунина. Это было въ 1858 году. Я это хорошо знаю потому, что два брата барышни Квятковской были моими товарищами по гимназіи и мы почти всегда вмѣстѣ возвращались домой изъ гимназіи, такъ какъ Квятковские жили по дорогѣ, на Большой улицѣ подъ Юртичной горой, занимая нижній этажъ довольно большого дома. Вскорѣ послѣ свадьбы, Бакунинъ былъ переведенъ въ Иркутскъ, куда уѣхали и Квятковскіе, старшій изъ братьевъ Квятковскихъ, кажется, поступилъ куда-то на военную службу, а младшій былъ вмѣстѣ со мной въ 6 и 7 кл. Иркутской гимназіи, куда я перешелъ послѣ смерти отца въ 1859 г. Въ 1861—62 учебномъ году, когда мы были въ 7 классѣ, разнеслось извѣстіе, что Бакунинъ бѣжалъ изъ Сибири; я помню, какъ мы, гимназисты, начали подтрунивать надъ Квятковскимъ, упрекая его въ пособничествѣ бѣгству, въ которомъ конечно онъ совершенно не виноватъ. Мы, гимназисты, брали Бакунина, обманувшаго новаго генералъ-губернатора Корсакова и бросившаго жену. Однако, впослѣдствіи, Квятковскій сообщилъ намъ, что Бакунинъ уже въ Парижѣ и что жена туда ѿдѣть, что въ его судьбѣ принималъ участіе бывшій генералъ-губернаторъ Муравьевъ-Амурскій, который былъ ктиторомъ Парижской православной церкви.

Въ числѣ учителей старшихъ классовъ вспоминаю еще учителя исторіи Игнатьева, онъ умѣль заставить насъ полюбить свой предметъ, и мы съ удовольствіемъ занимались чтеніемъ историческихъ христоматій. Память у меня была хорошая и я отлично помнилъ массу имёнъ. Зналъ греческую миѳологію и хвалился знаніемъ древней исторіи, которую изучали по учебнику Смарагдова. Исторія Смарагдова заключалась въ 3 большихъ томахъ, и можно удивляться, какъ мы успѣвали ихъ выучивать. Краткое, но ясное объясненіе Игнатьева давало намъ только общій смыслъ какого нибудь исторического событія, а всѣ подробности мы должны были найти въ книгѣ и зааубрить.

Многіе читали, кромѣ Смарагдова, еще исторію Бенера. Почти для всѣхъ насъ это былъ любимый предметъ.

Томскъ въ пятидесятыхъ годахъ былъ уже довольно-большимъ городомъ, но грязнымъ и малоустроенъ. Большая улица шла почти чрезъ весь городъ и пересѣкалась грязной рѣченкой Ушайкой, чрезъ которую былъ устроенъ деревянный, неказистый мостъ, съ этого мѣста Ушайка шла параллельно улицѣ, такъ что Большая улица тутъ была застроена только съ одной стороны. Здѣсь были хорошия дома: вблизи моста былъ домъ Зах. Мих. Цибульского, знаменитаго богача жертвователя на Томскій университетъ. *Зах. Мих. Цибульский* вышелъ изъ простыхъ кабацкихъ подносчиковъ-мальчишекъ и, благодаря энергіи, добился самостоятельности. Работая лично самъ, безъ всякихъ управляющихъ, онъ нажилъ на своихъ золотыхъ промыслахъ большое состояніе. Онъ выстроилъ себѣ небольшой, но роскошный домъ и на диво всѣмъ вставилъ въ окна цѣльныя стекла, что тогда было величайшей рѣдкостью. Въ домѣ все было отдано мраморомъ. Въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ Зах. Мих. съ женой (дѣтей у нихъ не было), а внизу помѣщалась старушка - мать Цибульского, которая занималась шитьемъ для пожертвованій въ церкви и держала около себя нѣсколько дѣвушекъ, помогавшихъ ей въ работахъ. Говорятъ, она хвалилась тѣмъ, что много лѣтъ шьетъ одной и той же иголкой и потеря иголки составляла несчастіе, всѣ дѣвушки должны быть искать иголку и мутились, пока не находили.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Цибульскій съ женой предпринялъ путешествіе въ Россію и заѣжалъ ко мнѣ въ Казань. Масса перинъ и подушекъ, набранныхъ на дорогу, была оставлена у меня въ Казани, такъ какъ только тутъ они смекнули, что путешествовать съ такимъ багажомъ неудобно.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ рассказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ старииковъ Цибульскихъ гдѣ-то въ Малороссіи, вѣдущихъ въ тарантасѣ и забавлявшихся заводной игрушкой—соловьемъ. Посѣтивъ святыя мѣста, Цибульскіе возвратились въ Томскъ и занялись дѣлами благотворительности. Цибульскій *пожертвовалъ очень много на устройство Томскаго университета*.

Въ одномъ кварталѣ съ домомъ Цибульского находился и домъ богачей Шумигиныхъ, далѣе дѣлая небольшой изгибъ улица шла къ Юрточной горѣ и тутъ направо на самомъ краю горы былъ домъ Сосулина, а напротиво домъ почтовой конторы и домъ Губернатора, затѣмъ

направо выделялся домъ совсѣмъ разорившагося богача Горохова. Гороховъ нажилъ состояніе на золотыхъ промыслахъ и страшно роскошничалъ; его садъ около дома представлялъ нечто волшебное: спускаясь подъ гору террасами, въ которыхъ вырыты были фантастические гроты, садъ пересекался громаднымъ искусственнымъ проточнымъ прудомъ, чрезъ который были перекинуты мостики и даже цѣлое зало, отдѣланное сплошь по стѣнамъ зеркалами. Масса насыпныхъ горокъ, бесѣдокъ и т. д., все было убрано цветами. Въ этомъ паркѣ и саду были олени, дикия козы и пр. Здѣсь давались знаменитые пиры. Я, пріѣхавъ въ Томскъ мальчишкой, уже не видалъ всего этого, а только частенько бѣгалъ смотрѣть на разрушенный садъ, на провалившіеся мосты, разбитыя зеркала, обвалившіеся гроты и пещеры. Все было запущено, домъ занимали квартиранты (кажется, откупщикъ Исаевъ), а самъ Гороховъ жилъ больнымъ старикомъ въ небольшомъ флигелькѣ около своего когда-то роскошнаго сада.

Подвигаясь по Большой улицѣ еще дальше, всякий дивовался на дворецъ золотопромышленника Асташева, на дворцѣ красовались золоченныя звѣзды громоотвода и вообще онъ выделялся своей величиной и отдѣлкой; здѣсь жилъ старикъ Асташевъ—жилъ очень скромно, не задавалъ ни банкетовъ, ни пировъ. Онъ, кажется, постоянно хворалъ. Семьи у него не было, единственный сынъ служилъ въ Петербургѣ.

Невдалекѣ отъ дома Асташева находился громаднѣйшій недостроенный соборъ, въ которомъ во время постройки провалился куполъ. Соборъ уже много лѣтъ стоялъ въ разрушенномъ видѣ и по его полуусгнившимъ лѣсамъ лазали козы, да мы, гимназисты, въ компаніи съ другими ребятами. Считалось за удальство постоять на самомъ верху на стѣнѣ и даже походить на ней.

Напротивъ этого собора было громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ, а наискосокъ начиналась городская березовая роща—паркъ. Это было любимое мѣсто гулянья для насъ, ребятъ, тутъ было много бѣлокъ и мы ихъ ловили съ шумомъ и гвалтомъ. Въ этой рощѣ былъ выстроенъ небольшой домъ для помѣщенія клуба, а теперь здѣсь построено громадное зданіе Томскаго университета. Тутъ собственно кончается городъ, дорога дальше шла къ перевозу черезъ рѣку Томь на Московскій трактъ. Невдалекѣ находились солдатскіе лагери, занимающіе высокій берегъ Томи. Сюда

часто ъездили горожане послушать музыку и погулять въ окрестныхъ лѣсочкахъ лагеря.

Противъ лучшей части города, около моста черезъ Ушайку была громадная грязная площадь, на которой помѣщался базаръ, а отъ него шла улица, называемая, кажется, Милліонною, сплошь застроенная каменными домами мѣстныхъ богатыхъ купцовъ. На этой улицѣ въ 2-хъ сосѣднихъ домаахъ находилась наша гимназія.

Около моста черезъ Ушайку находился весьма крутой подъемъ на Воскресенскую гору, на верху которой былъ выстроенъ католическій костель и довольно большая часть города, которая тянулась до кладбища, находящагося на Сибирскомъ трактѣ. За Воскресенской горой расположена была громадная часть города, населенная болѣею частью раскольниками (много было скопцовъ), и здѣсь же выстроенъ единовѣрческій храмъ. Съ Большой улицы почти противъ губернаторскаго дома шелъ спускъ въ другую низменную часть города—Татарская слобода, гдѣ высился татарскій минаретъ. Грязь здѣсь была непролазная. Въ противоположной сторонѣ окраину города занимала такъ называемая Солдатская слобода, тоже не менѣе грязная. Садовъ въ городѣ не было, если не считать городской березовой рощи на окраинѣ и монастырской рощи, представляющей скорѣе заброшенный пустырь съ нѣсколькими деревьями. Монастырь мужской помѣщался среди города и былъ окруженъ каменной стѣной. Тамъ было нѣсколько церквей, и около главной изъ нихъ похороненъ мой отецъ. Чтобы найти его могилу, приложу здѣсь небольшой планъ, авось внучата когда-нибудь попадутъ въ Томскъ и вспомнятъ своего дѣдушку или прадѣдушку, авось подправятъ и могильный памятникъ, вѣроятно, попортившійся отъ времени. Памятникъ отца представляетъ цѣлый камень длиною до 2-хъ аршинъ, а вышиною около 1 аршина; онъ окруженъ желѣзной рѣшеткой.

Изъ томской жизни сильно врѣзалось въ моей памяти мое пребываніе во время ваката на казенномъ Кирилевскомъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ завѣдывалъ знакомый отца Наполеонъ Ивановичъ Саковичъ, обрусѣлый полякъ. У него была большая семья. Саковичъ поступилъ на заводъ уже послѣ того, какъ заводъ сгорѣлъ, и я видѣлъ только громаднѣйшій прудъ и хорошо устроенное селеніе съ деревянною церковью. Заводъ находился верстахъ въ 60-ти отъ города вблизи Оби (около версты). Рабочими на заводѣ

были ссыльно-каторжные, однако они жили совершенно свободно и почти все имели свои домишкы и свое хозяйство. Нельзя было думать, что это каторга. Рабочие свободно ходили въ лѣсъ, рубили дрова, занимались посѣвомъ, косили траву, были между ними портные, сапожники и др. мастера. Военного караула почти не было, и все обстояло благополучно. Даже отпускали въ городъ, конечно, скретно, для продажи издѣлій. Разобраннія части сгорѣвшаго завода были сложены въ груды и, кажется, послѣ растасканы. Мне памятно, какъ послѣ распоряженія обѣ окончательномъ прекращеніи работъ на заводѣ, пришлось отправлять всѣхъ каторжниковъ на какой-то другой заводъ. Всѣхъ ихъ раздѣлили на нѣсколько группъ, и вотъ однажды представилась такая картина. Около дома смотрителя завода собирались отправляемые, большею частію люди семейные, у большинства своя лошадь и телѣга, куда посажены ребятишки и сложенъ домашній скарбъ. Кругомъ масса провожающихъ, которымъ предстоитъ такое же переселеніе. Плачъ и вопль страшные. Домишкы и огороды бросались задаромъ, потому что некому было покупать. На каждого каторжнаго выданы были кандалы, которые и положены на воза, и строго приказано надѣть ихъ около городскаго перевоза, когда встрѣтить городское начальство. Смотритель вышелъ проститься, служили молебенъ, угостили всѣхъ чаркой водки. Плачъ усилился, и наконецъ караулъ тронулся подъ конвоемъ 3 или 4 старыхъ солдатъ. Жаль было видѣть, какъ народъ разставался съ мѣстами, гдѣ видимо имъ жилось хорошо. Та же участь переселенія постигла всѣхъ остальныхъ. Впослѣдствіи прорвало заводскую плотину и масса воды изъ громаднѣйшаго пруда надѣлала много бѣдъ: снесла почти всѣ домишкы, построенные ниже пруда, и, кажется, при этомъ погибло много народа. Что это за происшествіе—не понятно, неужели нельзя было спустить воду изъ ненужнаго уже пруда.

Въ 1858 году проѣхалъ чрезъ Томскъ старшій братъ, онъ кончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи и, какъ хороший ученикъ, былъ отправленъ въ Казанскій университетъ. Отецъ очень радовался встрѣчѣ съ своимъ первенцомъ и выходомъ его на университетскую дорогу. Учениковъ сопровождалъ учитель Яковлевъ, братъ пробылъ у насть не болѣе дня и покатилъ въ Россію. Въ этотъ годъ я перешель уже въ 5-й классъ гимназіи и началъ заниматься порядочно. Здоровье отца становилось все хуже и хуже,

него развивалась чахотка, и онъ страшно слабѣлъ. Занимаясь на службѣ, отецъ почти никуда уже не выѣзжалъ и вечерами усиленно переписывалъ и приводилъ въ порядокъ свои рукописи, стараясь кончить книгу „Воспоминаній“. Въ концѣ года, въ декабрѣ, онъ рѣдко уже сидѣлъ и видимо постепенно угасалъ. Его еще поддерживала надежда на лѣтній отпускъ въ степь на кумысъ, что обѣщалъ ему выхлопотать губернаторъ, но надежда не оправдалась и *въ 1859 году 14 января въ часовъ 7 утра, онъ тихо умеръ*, исполнивши весь христіанскій долгъ. Соборовали ночью, потомъ онъ благословилъ всѣхъ насы и тихо умеръ. Въ послѣднія минуты его жизни у его постели были я и В. М. Любимовъ, другъ отца. Мачиху и маленькихъ Кету и Сашу увѣли изъ комнаты. Что-то такое оборвалось во мнѣ, когда я понялъ, что теперь начинается для меня новая жизнь, что уже нѣтъ отца, который сильно любилъ насы и могъ насы поддержать. Панихиды и самая похорона отца я помню какъ-то смутно. У меня все перемѣшалось тогда въ головѣ. Передъ смертью отецъ позаботился обѣ устройствѣ семьи. Еще за годъ до этого выхлопоталъ принять сестру Люмашу въ Иркутскій институтъ, затѣмъ высказалъ желаніе, чтобы и меня перевести въ Иркутскую гимназію на казенный счетъ. и тутъ ему удалось такъ подѣйствовать на генералъ-губернатора Муравьевъ, что *меня приняли въ Иркутский пансионъ въ неочередь*. Отецъ убѣдилъ пріѣхать въ Томскъ отца мачихи Забаровскаго, который жилъ въ Иркутскѣ на пенсіи и, пристроивъ всѣхъ дѣтей, былъ теперь одинокимъ, такъ какъ жена уже умерла. Такимъ образомъ я долженъ былъ уѣхать въ Иркутскъ, а мачиха съ маленькими дѣтьми осталась въ Томскѣ со своимъ отцомъ. Средствъ у отца никакихъ не осталось, мачиха получила очень маленькую пенсію и только благодаря тому, что у неї были деньжонки отъ своего отца—Забаровскаго, да и его помощь, она могла жить безбѣдно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вышла замужъ за В. М. Любимова, имѣющаго порядочныя средства и большую дочку Полину. Онъ женился уже въ 3-й разъ. У нихъ родился сынъ Иванъ, который кончилъ курсъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ и, послуживъ немногого въ военной службѣ, занимается теперь сельскимъ хозяйствомъ въ Симбирской губерніи.

Въ Иркутскую гимназію я поступилъ прямо въ 6-й кл. и долженъ былъ жить въ гимназическомъ пансионѣ. Ди-

ректоромъ состоялъ все тотъ же Константинъ Петровичъ Бабановскій, живущій холостякомъ въ зданіи гимназіи.

Изъ учителей хорошо помню Петра Ивановича Полынцова—математика. Онъ на первомъ же урокѣ, желая узнатъ мои познанія по математикѣ, началъ меня спрашивать изъ курса 5 и 4-го класса, оказалось, что я ничего не знаю, это просто удивило его, и онъ махнулъ на меня рукой. Полынцовъ былъ очень умный и серьезный человѣкъ, его разсказъ первого урока былъ для меня удивительно понятенъ, и я ясно представилъ себѣ суть урока, то же было и при дальнѣйшихъ разсказахъ Полынцова, и я отвѣчалъ ему всегда очень хорошо, однако зады я зналъ плохо, и потому Полынцовъ посовѣтовалъ мнѣ прочигать краткій курсъ алгебры Погорѣльского, и вотъ, прочитавши эту небольшую книжку, я съ величайшей любовью началъ заниматься математикой и сдѣлался первымъ ученикомъ въ классѣ по всѣмъ математическимъ предметамъ. Прочиталь полный курсъ математики Бурдона (очень старое изданіе) и довольно хорошо рѣшалъ классныя задачи. Словомъ, прослылъ знающимъ математику. Это помогло мнѣ получить кое-какія льготы по другимъ предметамъ, въ особенности по языкамъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Мессъ (въ 70 годахъ онъ, кажется, получилъ мѣсто директора Красноярской гимназіи). Фигура этого нѣмца была удивительная: длинный, очень худой, онъ имѣлъ и лицо очень длинное, а пальцы его представляли какія-то тонкія, длинныя палки. Ходилъ онъ очень большими шагами, прикрывая лицо книгами. Входя въ классъ, онъ со второго шага былъ уже на каѳедрѣ и, держа растопыренными пальцами книгу, закрывался ею отъ учениковъ, изрѣдка выглядывалъ изъ-за нея то съ одной, то съ другой стороны. Мессъ былъ очень хороший учитель, и его ученики хотя боялись, но уважали и прекрасно знали латинскій языкъ. Между моими товарищами 6-го класса я помню нѣсколькихъ, которые довольно свободно читали и даже говорили по-латыни, а вѣдь начинали учиться съ 3-го класса и число недѣльныхъ уроковъ было небольшое, далеко не то, какъ впослѣдствіи въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ морили учениковъ латинскимъ и греческимъ языками и приводили къ тому результату, что, по окончаніи курса, классики скандали на первой пирюппѣ всѣ свои классическія книги,

а филологические факультеты опустѣли до того, что иногда на нихъ не было въ курсѣ ни одного студента.

Я не учился у Месса, товарищи же рассказывали, что способъ его былъ таковъ: въ 3-мъ классѣ, приходя въ первый разъ на урокъ, онъ прямо заставлялъ учениковъ читать латинскую книгу и сейчасъ же переводить. Объясняя правила чтенія, онъ такъ умѣлъ заинтересовать учениковъ, что они очень скоро читали вполнѣ бойко и, безъ всякаго труда и зазубриванія, знали много словъ. Изученіе латинскаго языка шло такъ легко, что всѣ ученики не считали его за трудный предметъ.

Поступивъ въ 6-й классъ, я рѣшительно ничего не зналъ изъ латинскаго языка и на первомъ же урокѣ Мессъ заявилъ, что онъ не считаетъ меня ученикомъ и дѣйствительно никогда не спрашивалъ и неставилъ никакихъ отмѣтокъ. При переходѣ въ 7-й классъ мнѣ разрѣшили сдать экзаменъ изъ латинскаго языка при окончаніи курса. Однако на мое счастье Мессъ уже не было, когда я кончалъ курсъ, а былъ другой учитель—Стратаницкій, человѣкъ очень слабый здоровьемъ и не пользующійся уваженіемъ со стороны учениковъ.

Къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ я выучилъ кое-какіе переводы, но совершенно не зналъ грамматики и на экзаменѣ получилъ единицу. Благодаря хорошимъ отмѣткамъ по другимъ предметамъ мнѣ назначили черезъ недѣлю переэкзаменовку, но я, придя къ Стратаницкому, заявилъ опять о своемъ незнаніи и указывалъ на желаніе свое поступить на математический факультетъ, гдѣ дескать не нужно латинскаго языка, и Стратаницкій согласился поставить мнѣ тройку.

Спасибо ему. При теперешнихъ порядкахъ я быль бы выброшенъ за бортъ и конечно влачилъ бы свое существованіе гдѣ-нибудь въ глухи Сибири мелкимъ чиновникомъ, а можетъ быть и совсѣмъ погибъ бы. Только одинъ разъ на своемъ вѣку мнѣ понадобился латинскій языкъ, это было тогда, когда я готовился къ министерскому экзамену по астрономіи и профессоръ Ковалський указалъ мнѣ на необходимость познакомиться съ сочиненіемъ Бесселя „Fundamenta Astronomiae“. Пришлось обратиться къ знакомому студенту Порfirію Петровичу Гвоздеву, прекрасно знающему латинскій языкъ, и онъ, ничего не понимая въ математикѣ, переводилъ мнѣ текстъ, перевиная конечно математические термины. Этотъ переводъ, почти подстроч-

ный, сохранился у меня до сихъ поръ и если бы книга Бесселя не устарѣла, то можно бы издать ее на русскомъ языкѣ, конечно обдѣлавши переводъ Гвоздева какъ слѣдуетъ.

Изъ сочиненія Бесселя я вынесъ мало знаній, и знакомство съ нимъ было для меня не болѣе какъ знакомство съ историческимъ памятникомъ, написаннымъ великимъ астрономомъ - математикомъ и великимъ наблюдателемъ. Мое незнаніе латинскаго языка и тутъ мнѣ не помѣщало.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ пасторъ Косманъ, плохо знающій русскій языкъ, и ученики худо занимались этимъ предметомъ и часто вышучивали Космана, пользуясь его незнаніемъ русскаго языка.

Учитель естественной исторіи Кибальчичъ — хохоль, былъ надзирателемъ пансиона и состоялъ въ большой дружбѣ съ директоромъ, его ученики не особенно любили, но онъ, кажется, былъ порядочный человѣкъ, хотя далеко не изъ умныхъ и знающихъ. Онъ почти каждую фразу начиналъ словами: „Да у скаже, у мой другъ, у тотъ, у этотъ“, такъ что гимназисты между собой звали его „Утотъ“. Въ 6-мъ классѣ онъ училъ насъ минералогіи, а въ 7-мъ физіологіи; эти предметы я зналъ довольно порядочно, но вотъ была бѣда, когда въ 7 классѣ пришлось сдавать экзаменъ не только по зоологіи, которую я еще мало-мало зналъ, минералогіи, физіологіи, но и ботаникѣ; этотъ послѣдній предметъ я совсѣмъ не проходилъ въ Томской гимназіи, и мы никакъ не ожидали, чтобы его назначили на экзаменъ, предполагая, что дѣло ограничится только одной физіологіей. Просмотрѣвъ двѣ довольно толстыя книги по ботаникѣ (имя автора сейчасъ забыть), я всталъ втупикъ, какъ тутъ вывернуться. И вотъ одинъ изъ товарищѣй взялся научить меня отвѣтывать на экзаменѣ у Кибальчича. Нужно было бойко перечислять разные ботаническіе термины, характеризующіе семейства растеній, хотя эти термины и не относились бы къ тому семейству растеній, о которомъ спрашиваются. Весь фокусъ основывался на томъ, что Кибальчичъ, собираясь останавливать вранье ученика, начиналъ свою фразу: да у скаже, у мой другъ..., а тутъ можно было наврать три короба, остальные же депутаты, не зная конечно ботаники, предполагали, что ученикъ отвѣтываетъ хорошо, и послушавъ немногого, заявляли, что такого знающаго ученика нечего долго спрашивать. Кибальчичъ соглашался, и отмѣтка являлась хорошею, только

послѣ Кибальчичъ успѣвалъ доказать ученику его незнаніе, но это было домашнее дѣло.

Такъ случилось и со мной—я хорошо сдалъ экзаменъ по батаникѣ.

Законоучитель—свящ. Карташовъ былъ довольно строгъ и требовалъ отчетливыхъ знаній. У него учились хорошо. Онъ почти всегда ходилъ по классу, такъ что про него сложено было стихотвореніе, начинающееся такъ:

Ходить попъ по классу,
Съ длинной бородой,
Расправляя рясу
Жилистой рукой.

Учитель исторіи Иванъ Онисифоровичъ... (забылъ фамилію) увлекалъ насъ рассказами и чтеніемъ историч. книгъ. Хорошій былъ учитель.

Русскій яз. намъ почти не преподавали, и мы сами зубрили учебники: теорія прозы, теорія поэзіи, исторія общей литературы, ист. рус. литерат. Зубрили ужасно. Учителемъ считался Никоновъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Будучи мальчикомъ-сиротой, онъ былъ воспитанъ нашимъ директоромъ Бабановскимъ и по окончаніи курса въ гимназіи, на счетъ же Бабановскаго, учился въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ кандидата филологическихъ наукъ, затѣмъ былъ опредѣленъ учителемъ русс. яз. въ Иркутскую гимназію. Какая-то причина вызвала у него нелады къ своимъ воспитателямъ, и онъ началъ покучивать, а главное совсѣмъ бросилъ занятія съ учениками. Если онъ приходилъ въ классъ, то только для того, чтобы почитать какую-либо книгу, а надо замѣтить, онъ читалъ превосходно. Его чтеніе Гоголя, Успенскаго, Щедрина и др. просто приводило въ восторгъ всѣхъ учениковъ и, обѣщаясь вызубрить всѣ учебники, ученики просили его только читать. Для учениковъ онъ былъ какимъ-то идеальнымъ человѣкомъ. Всѣмъ намъ было известно, что Никоновъ, вместо того чтобы идти въ гимназію, уходилъ версты за 3 отъ города на берегъ рѣчки Каи и тамъ цѣлые дни лежалъ на травѣ и читалъ, кормилъ его мельникъ-толченістъ, у котораго онъ училъ читать ребенка лѣтъ 7—8. Рѣдко, очень рѣдко заходилъ Никоновъ къ знакомому чиновнику Ивану Флегонтовичу Голдобину, который на Каѣ занималъ дачу у какихъ-то захудальныхъ однодворцевъ. Теперь вѣроятно будутъ понятны стихи, написанные Никоновымъ

при отъѣздѣ его изъ Иркутска въ Казань, куда онъ былъ приглашень приватъ-доцентомъ по рекомендаціи Вик. Ив. Григоровича, знаменитаго профессора славянскихъ нарѣчій.

Стихи Никонова ученики выучивали наизусть, и я знаю ихъ до сихъ поръ. Вотъ эти прощальные стихи.

Кая моя, Кая, рѣчка дорогая!
Рѣчка дорогая—струйка золотая!
Если бы ты знала, какъ тебя люблю я,
Ты бы исхудала, обо мнѣ горюя.

Скоро ты, родная, меня не увидишь,
Пѣсенъ моихъ грустныхъ больше не услышишь;
Скоро я разстанусь съ мачихой Сибирью
И завѣю сльѣдь свой непроглядной пылью.

Но въ краю далекомъ, въ городѣ Казани,
По жарамъ купаясь въ озерѣ Кобанѣ,
Горько вспоминая о немиломъ краѣ
Объ одной вдохну я,—о родимой Каѣ.

Вспомню о зеленомъ, мягкому косогорѣ,
Гдѣ лежалъ на солнцѣ, нѣжась на просторѣ
И, пригрѣтый зноемъ, сномъ я забывался,
Иль, подъ тѣнью сидя, видомъ любовался.

Какъ ты вся закрылась пышными кустами,
Какъ пестрѣвть поле яркими цвѣтами,
Или подъ березой, тѣнью и прохладой
Скромно наслаждаясь, прячутся коровы.

Цутами стреноженъ, скачеть конь тоскливо,
Прядая ногами, потрясая гривой,
Или на свободѣ мчится вольной птицей
За своей любимой статной кобылицей.

Прямо какъ спуститься—въ бѣдненькой
лачугѣ
Самъ Иванъ Иванычъ, въ обществѣ супруги
Съ четырьмя дочками скромно проживаетъ
И свои доходы въ праздникъ проживаетъ.

Вправо, внизъ по рѣчкѣ, мельница—
толчейка,
Ключъ его доходовъ; легкую копѣйку
Мельница приносить; не трудна работа,
А на счетъ поправки нѣть ему заботы:
Плотину частенько, правда, прорываетъ
Но Зиминъ—хозяинъ, самъ и поправляетъ
А сейчасъ за рѣчкой, на высокомъ мѣстѣ,

На крутомъ пригоркѣ, лѣпится помѣстье
 Бывшихъ сынъ боярскихъ,—однодворцевъ даже,
 Въ казаки попавшихъ въ силу воли вражей.
 Сами землю пашутъ, но и все жъ дворяне,
 Грамоту имѣютъ, „копія въ чуланѣ“.
 Тутъ четыре дома, вотъ и вся деревня.
 Двѣ избушки новыхъ, двѣ постройки древнихъ
 Три семьи родныя въ трехъ семьяхъ витаютъ,
 А четвертый домикъ лѣтомъ нанимаютъ
 Какъ бы видѣ дачи,—городскіе люди
 Ради поправленья искудалой груди,
 Или, въ общемъ смыслѣ, для возстановленья
 Силъ изнеможенныхъ въ жизни треволненьяхъ.

Вотъ и нынче тоже тутъ живетъ съ

супругой

Съ замарашкомъ сыномъ, съ лошадью, прислугой,
 Рыболовъ извѣстный, старый мой знакомый,
 За глаза Флегонтычъ попросту зовомый,
 И охотникъ тоже онъ не изъ послѣднихъ,
 Говорятъ, бекасовъ настрѣлять намедни
 Столько, что ужъ больше и стрѣлять не хочетъ
 И ружье повѣсилъ, лучше не промочить
 Ногъ, какъ вотъ Косыгинъ¹⁾ промочилъ въ

ту осень,

Отчего недавно нездоровъ былъ очень.

Дальше, за помѣстьемъ, разлеглись поляны,
 Десятины пашенъ, тучныя саваны
 Съ яркими цвѣтами, березнякъ, малина
 И тѣнистыхъ кущей мягкая картина.
 Въ ихъ роскошной сѣни спряталось стыдливо
 Озеро большое, изогнувшись криво.
 Озеру Синюшкинъ далъ свое прозванье,
 Атаманъ разбойникъ (говорить преданье).

Все это пространство, прямо предо мною
 Замкнуто, какъ цѣпью, горною грядою;
 Тянется синѣя горная громада...
 Люди не напрасно порожденьемъ ада
 Назвали ту гору—Чертовой Горою,
 Озеромъ нечистымъ—озеро кривое.

На экзаменѣ Апол. Ал. Никоновъ не явился, и директоръ, анатокъ русскаго яз. и словесности, сильно нареzaлъ

*¹⁾ Косыгинъ—былъ молодой уч. гимназіи, преподав. законовѣдѣнія.

и отложилъ экзаменъ на недѣлю. Конечно, желая выручить Никонова, какъ любимаго человѣка, мы сильно зубрили и умоляли его прійти на экзаменъ, однако онъ снова не явился, а прислалъ намъ письмо, которое, я помню, начиналось такъ:

„Питомцы мои милые, дѣти мои Богоданные“... въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ соболѣзвованія, что сложившіяся обстоятельства невольно заставили его поставить насъ въ скверное положеніе. Мы плакали, читая это письмо. Директоръ, какъ добрый и хороший человѣкъ, самъ выручилъ насъ, и экзаменъ прошелъ благополучно.

Къ письму Никоновъ приложилъ стихи на букву Ъ. Конечно, ихъ сейчасъ же выучили, жаль, что нѣкоторыя строфы улетучились у меня изъ памяти. Вотъ та часть, которую я еще помню.

Б. = Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсь

Убѣжалъ голодный въ лѣсь,
Долго по лѣсу онъ бѣгалъ
И орѣхомъ пообѣдалъ,
Но за этотъ за обѣдъ
Даль обѣть не дѣлать бѣдъ.

В. = Вѣди вѣдать дѣлый вѣкъ

Долженъ каждый человѣкъ.
Вотъ возьмемъ хоть для примѣра
Съ вѣди пишутъ вѣсъ и вѣра.
Вѣна—Австрія вѣнокъ
Онъ столичный городокъ.
Вѣтеръ вѣтъ, вѣтки гнетъ,
Вѣникъ комнату мететъ,
А какъ вспомнимъ о медвѣдѣ
Такъ поймемъ, что значить вѣди.

Г. = Гнѣвъ гнѣдка легко смириТЬ,

Гнѣзда птичи грѣхъ зорить,
Говорить нашъ кучерь Глѣбъ,
Раарѣзая черный хлѣбъ.

Д. = Изъ большой рѣки Днѣпра

Дѣти ташутъ осетра.
Съ ними дѣдушка хлопочеть,
Внучка дѣвушка хоочеть,
Рыбу въ избу принесли,
Раздѣлили на куски,
Мать имъ сдѣлала пирогъ,

Всякій кушалъ, сколько могъ.
А въ другой рѣкѣ Днѣстрѣ,
Отъ Днѣпра невдалекѣ,
Мальчикъ маленькой купался
И Богъ вѣсть куда дѣвался:
Утащилъ ли царь лѣсной,
Утонулъ ли воляной.

Сколько люди ни искали
Только время потеряли.
Ж=Желѣза, желѣзо съять
Такъ ужъ принято писать.

2

Л.=Лѣтомъ лекарь въ лѣсъ пошелъ
И нелѣпый грибъ нашелъ,
Онъ хотѣлъ залѣзть на пень
Да взбираться было лѣтъ.
Глядь, нальво тутъ въ лѣсу
Мальчикъ вѣтъ себѣ лесу.

$$M_1 = \dots \text{ (continues from previous page)} \dots$$

Мъломъ цыфры выставляютъ,
Мѣркой мѣряеть портной,
Мѣстомъ хвалится иной,
Наконецъ мѣсить, мѣшать
Нужно также съ ять писать.

P.=Рѣшето не то что сито,—
Нѣтъ, рѣшительно не то.
Мелкой рѣшетью покрыто
А не частой,—рѣшето.

Х.—Буква хъръ стоитъ крестомъ
И Андреевскимъ притомъ.
Хлѣбъ—для пищи намъ дается,
Хлѣвъ—жилище для скота,
Хрѣнъ—съ холоднымъ подается
И съ горячимъ иногда.

Подпись. Подписалъ Сергѣй Фадѣевъ,
А Матвѣй слышъ Алексѣевъ,
За него черкнулъ злодѣй
Алексѣевъ сынъ, Матвѣй.
Ужъ у дяди у Сергѣя
Пожурили мы Матвѣя.

Жаль, что эти стихи улетучились у меня изъ памяти.
Авось кто-нибудь и имѣть списокъ ихъ, и тогда можно

бы дополнить. Ученики быстро заучивают ихъ и скоро знакомятся съ массой словъ, пишущихся черезъ ять. Вѣдь это камень преткновенія для учащихся.

Нельзя не пожалѣть, что Петръ Великій, переламывая русскую грамоту, не вычеркнулъ буквы ять и не измѣнилъ кое-что другое. Видимо, онъ самъ не зналъ русской грамматики и не предвидѣлъ трудности ея изученія, не ожидалъ, что родится на свѣтъ Божій Гротъ, который своимъ обязательнымъ „русскимъ правописаніемъ“ въ 80-хъ годахъ окончательно спутаетъ юношество, которое будетъ знать, что по-школьному надо писать такъ, а въ жизни придется писать иначе. Знаменитаго правописанія Грота не придерживается ни литература, ни публика, даже учебники пишутъ, не руководствуясь Гротомъ.

Я не понимаю, чѣмъ руководствовался Гротъ; онъ иногда говоритъ, что писать нужно такъ, потому что это вѣрно по происхожденію слова, въ другомъ мѣстѣ, отбрасывая происхожденіе—основываетъ правильность письма на принятомъ обычаяѣ. Такъ же странныы его поясненія, напримѣръ, слово куралесить (можетъ быть куролесить) онъ производить отъ греч. кирѣлейсонъ,—поясняя, что это значитъ „Господи помилуй“. Удивительная связь!!

Слова Владимиrъ (по Гроту—Владимиръ), иди (по Гроту итти) и масса другихъ словъ такъ и остались съ своимъ правописаніемъ, и только несчастные школьники, благодаря Гроту, получаютъ единицы. Я знаю случай, когда нѣсколько учениковъ, кончающихъ курсъ въ гимназіи, получили въ маѣ неудовлетворительныя отмѣтки по рус. языку и должны были выйти изъ гимназіи, а между тѣмъ въ августѣ ввели правописаніе Грота, по которому оказалось, что исключенные ученики писали по Гроту. Ихъ правописаніе, конечно случайно, совпало съ правилами Грота.

Очень интересна брошюра, приложенная къ отчету Московской жен. гимназіи Перепелькиной, составленная въ 80-хъ годахъ учителемъ русскаго языка В. Шереметьевскимъ, где онъ разбираетъ методы и правила Грота. Совѣтую всякому почитать. Курьезнѣе всего—само Мин. Нар. Просвѣщенія пишетъ бумаги и даже печатаетъ свой журналъ, не вполнѣ руководствуясь Гротомъ.

Чтобы окончательно покончить съ этимъ преобразователемъ русскаго правописанія, приведу еще курьезъ. Ученики могутъ пользоваться книгами только изъ учениче-

скихъ библіотекъ, и вотъ Мин. Нар. Пр. издаеть въ началѣ 90-хъ годовъ каталогъ книгъ, которыя можно имѣть въ ученическихъ библіотекахъ.

Требуется мнѣніе Пед. Совѣта, какія книги добавить въ этотъ обязательный каталогъ, какъ ихъ распределить и пр. и пр. Годика черезъ два издается новый, якобы дополненный и исправленный каталогъ книгъ. Конечно, Гротъ „Правописаніе“ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ученики берутъ его для руководства и справокъ. Проходитъ еще годика два, и изъ Министерства присыпается второе изданіе каталога ученич. библіотекъ, исправленное и дополненное, но къ удивленію „Правописанія“ Грота нѣтъ. Конечно, это опечатка, грубая ошибка, однако нѣтъ, совсѣмъ не то: въ числѣ книгъ, изъятыхъ изъ ученическихъ библіотекъ и обозначенныхъ номерами стараго каталога, значится номеръ, подъ которымъ было въ каталогѣ „Правописаніе Грота“; значитъ, тутъ не ошибка, а прямо Гротъ изъять изъ ученическихъ библіотекъ. Спрашивается, какъ тутъ быть. Будучи директоромъ, я хотѣлъ написать запросъ, да махнулъ рукой. Авось, думаю, когда-нибудь найдется умный человѣкъ и выяснитъ русское правописаніе безъ всякихъ мудрствованій, а главное упростить его.

Мнѣ кажется, что правописаніе Грота будетъ впослѣдствіи разбираться какъ желаніе запутать русскую грамоту, затруднить обученіе, ну, словомъ, система „Катковъ и Толстой“.

Однако возвратимся къ Никонову. Этотъ очень способный человѣкъ долженъ былъ читать пробную лекцію въ Казанскомъ университѣтѣ и хотя ему назначали время два раза, однако онъ не явился на лекціи, пьяствуя. Конечно, выяснилась его непригодность къ ученному дѣлу, и онъ больше не могъ разсчитывать на университетскую карьеру. Говорятъ, Никоновъ очень бѣдствовалъ и наконецъ былъ назначенъ учителемъ на Кавказъ, но вскорѣ тамъ умеръ. Жаль, что не нашлись добрые люди и не поддержали Никонова.

Изъ другихъ учителей припоминаю учителя французскаго языка Яковлева (впослѣдствіи директоръ Иркутской гимназіи). Это былъ лѣнивый человѣкъ, и мы у него учили какіе-то французскіе стихи и больше ничего. Прекраснымъ учителемъ физики былъ Гессъ, онъ преподавалъ шикарно, рассказывалъ ясно и требовалъ отчетливыхъ знаній. Физику учили по Ленцу, все теоріи были старыя, и теплоту счи-

тали за жидкость, магнитизмъ тоже. Ученики, услыхавшіе новыя теоріи колебаній, совсѣмъ становились въ туцикъ и не признавали ихъ.

Гескъ открылъ въ Иркутскѣ пансіонъ. Пансіонъ этотъ помѣщался въ очень большой квартирѣ, въ которой, кажется, ранѣе былъ клубъ. Помѣщеніе было прекрасное, въ нижнемъ этажѣ была квартира Геска, гдѣ онъ жилъ со своей семьей, кромѣ того внизу помѣщались холостые учителя гимназіи: Полынцевъ, учитель математики, и Косыгинъ, учитель законовѣдѣнія. Самъ Гескъ занимался съ учениками языками и физикой, Полынцевъ—математикой, а Косыгинъ—исторіей и вообще словесными науками. Классныя комнаты находились тоже въ нижнемъ этажѣ. Въ большомъ мезонинѣ были спальни пансіонеровъ. Хозяйствомъ завѣдывала жена Геска, все обставлено было очень шикарно, конечно, и цѣна въ этомъ пансіонѣ была очень дорогая—кажется, отъ 400 до 600 руб.

Пансіонеровъ было человѣкъ 15, и почти всѣ они учились въ гимназіи. Надзоръ прекрасный и какъ самъ Гескъ, такъ и его товарищи строго соблюдали свои дежурства и никогда не оставляли пансіонъ безъ надзора. Вообще пансіонъ Геска славился.

Пробывъ въ 7 классѣ годъ, я не могъ попасть на Сибирскую стипендию въ университетъ и потому долженъ былъ остаться на 2-й годъ.

Лѣтомъ 1861 года, живя у дяди, я началъ сильно заниматься, многое прочиталъ, беря книги изъ городской библіотеки. Между прочимъ мнѣ попалось хорошее изданіе астрономіи Хотинскаго, и я съ увлеченіемъ не только прочиталъ эти 4 томика, но сдѣлалъ массу выписокъ и даже сравнивалъ приводимыя тамъ цифры съ цифрами Гумбольда, въ его Космосѣ, который я считалъ самой замѣчательной книгой на свѣтѣ. Увлекаясь популярной астрономіей, я выпросилъ себѣ изъ гимназии небольшую трубу и цѣлые ночи смотрѣлъ на звѣзды. Я былъ чрезвычайно радъ, что мнѣ удалось по сравненію неба съ картой отыскать планеты Венеру, Юпитера и Сатурна. Бывшую тогда комету я наблюдалъ, записывая примѣрно положеніе ядра относительно звѣздъ и отмѣчая направленіе хвоста. Цѣлые вечера просиживалъ, стараясь, хотя приблизительно, найти математическую связь между цифрами и дѣйствительно хорошо изучилъ космографію. Уже послѣ

начала уроковъ, директоръ Бабановскій, встрѣтивъ меня въ коридорѣ пансіона, вдругъ сказалъ: „я слышалъ, что вы звѣзды считаете“. Мнѣ показалось это намекомъ на мое ничего-недѣланіе, и я объяснилъ ему все простымъ любопытствомъ, не мѣшающимъ моимъ занятіямъ другими предметами. Такъ какъ это былъ день роспуска на какой-то праздникъ, то я еще болѣе смущился, когда директоръ сказалъ: зайдите ко мнѣ послѣ классовъ на квартиру, я еще съ вами поговорю. Ну, думаю себѣ, задастъ онъ мнѣ головку, а пожалуй не пустить домой на праздникъ.

Скрѣпя сердце отправился я къ нему, и онъ очень любезно похвалилъ мои занятія и далъ только что полученные имъ для библіотеки 4 тома общепонятной астрономіи Араго. Это было для меня большой наградой. Я просто не отрываясь прочиталъ это сочиненіе и удивлялся массѣ фактовъ, приводимыхъ въ немъ. Я чувствовалъ, однако, недостатокъ своей математической подготовки къ изученію части математическихъ сочиненій по астрономіи, но, не имѣя подъ руками какого-либо руководителя, я не представлялъ себѣ, сколько нужно было знать, чтобы имѣть возможность познакомиться съ теоретической астрономіей.

Добывъ какую-то старинную химію Гессе, я дѣлалъ кое-какіе простенькие опыты, но мало приобрѣлъ знаній по химіи.

Старуха бабушка Марья Ливерьевна частенько ворчала на меня за мои, по ея мнѣнію, не только бесполезныя занятія, но даже противорелигіозныя, т. к., говорила она, грѣхъ узнавать будущее, а ты толкуешь, что можно предсказать впередъ даже затменіе солнца. Часто, съ двоюродной сестрой Анютой Щукиной (замуж. за Думанскимъ) мы сердили старуху, увѣряя ее, что умѣемъ предсказывать небесное явленіе, напримѣръ, можемъ предсказать, что завтра будетъ день, а если ночью не будетъ облаковъ, то видны будутъ звѣзды. Старуха добродушно смеялась и называла насъ глупыми ребятами, мы тоже были довольны своими выдумками и весело проводили время въ праздничные дни, когда меня отпускали изъ пансіона.

Въ концѣ 1861 года случилось въ Иркутскѣ сильное землетрясеніе. Я его хорошо помню. Хотя въ Иркутскѣ землетрясенія не составляютъ особенно рѣдкаго явленія, но обыкновенно бываютъ слабыя и многими совершенно не замѣчаются. Землетрясеніе 30 и 31 декабря 61 года было очень сильное. Послѣ обѣда 30 декабря, я отправился смѣ-

треть какую-то панораму, устроенную въ домѣ бывшаго канцелярскаго училища, наискосокъ гимназіи. Это было около 4-хъ часовъ вечера. Я и нѣсколько человѣкъ какой-то публики спокойно смотрѣли картинки, какъ вдругъ, установленная въ комнатахъ перегородки начали шевелиться и трещать. Я сначала думалъ, что это просто перестановка картинъ, но задвигались стѣны, и кто-то крикнулъ: землетрясеніе! Всѣ бросились къ выходу и только тогда опомнились, когда очутились во дворѣ. Морозъ быль сильный (градусовъ 25), и чувствовалось какое-то угнетенное состояніе. Раздавшійся звонъ колокола къ вечерни звучалъ какъ-то уныло. Было уже не до осмотра панорамы, и я скорѣе побѣжалъ домой, т. е. къ дядѣ. Тамъ, конечно, всѣ чувствовали бывшее землетрясеніе, но особаго значенія ему не придавали. Часовъ въ 7 я, переходя изъ одной комнаты въ другую, отворилъ дверь, и въ это время какъ будто что-то толкнуло меня, оказалось, это быль новый ударъ землетрясенія, slabѣе первого.

31 декабря многіе наши родные собрались на обѣдъ къ моей теткѣ Ал. Ильин. Щукиной въ ея домѣ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Около $2\frac{1}{2}$ ч. всѣ гости направились въ зало, гдѣ накрыть быль большой обѣденный столъ. Какъ только вошли въ зало, то раздалось дребезжаніе посуды, закачались старинныя зеркала и лампадки,—всѣ бросились бѣжать. Выскочивъ на дворъ безъ всякаго теплого платья, несмотря на страшный холодъ, всѣ были поражены, увидѣвъ, что свалился крестъ съ церкви и что сама церковь качается. Двоюродная сестра моя Маша Красильникова вспомнила, что въ домѣ остался ея ребенокъ Саша, я бросился за нимъ и когда вѣжаль въ домѣ, то нашелъ его сидящимъ на полу; я видѣлъ, какъ качались лампадки, сыпалась штукатурка, и, схвативъ Сашу, бросился бѣжать съ нимъ во дворъ, захвативъ въ прихожей какую-то шубку. Долго стояли всѣ во дворѣ, пораженные грозными явленіями, и затѣмъ уже было не до обѣда. Всѣ скорѣе торопились по домамъ, чтобы узнать, не случилось ли тамъ несчастія.

Я тоже побѣжалъ домой, улицы были пусты. Впечатлѣніе тяжелое. По дорогѣ видѣлъ, какъ повернулся крестъ на Тихвинской церкви. Дома у дяди было все благополучно. Онъ самъ прихварывалъ и во время удара сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Его мало поразило землетрясеніе, и онъ началъ только спасать бутыль съ какой-то рѣдкостной наливкой, снявъ ее съ гардероба, гдѣ она стояла. Въ городѣ земле-

трясение надѣлало не мало бѣдъ. Куполь Крестовской церкви упалъ, многія зданія дали трещины. Наша гимназія дала трещину вдоль всего верхняго корридора.

Во время землетрясения 31 декабря осѣло довольно значительное пространство земли около Байкала, и на другой день, т. е. 1 января, воды Байкала залили такъ называемыя Кударинскую или Цыганскую степь. Погибло много скота, сѣна и пострадало бурятское населеніе. Кажется, никто изъ людей не погибъ.

Въ январѣ, февралѣ и далѣе удары землетрясенія повторялись почти ежедневно, хотя въ слабой степени. Населеніе начало трусить, и по ночамъ всѣ спали не раздѣваясь.

Припоминаю очень странное, скорѣе опасное распоряженіе архіерея, приказавшаго ежедневно служить какія-то молебствія во время вечерни. Народъ собирался въ церквахъ, т. е. въ самыхъ опасныхъ зданіяхъ во время землетрясения.

Потомъ уже начали устраивать крестные ходы по городу, что конечно было благоразумно во всѣхъ отношеніяхъ, вызывая народъ изъ домовъ на улицу и площади.

Постепенно удары землетрясеній ослаблялись и въ мартѣ уже на нихъ не обращали вниманія.

Во время святоокъ, благодаря землетрясеніямъ, отпустили институтокъ по домамъ, и сестра моя Люмаша пріѣхала къ дядѣ и бабушкѣ. Это былъ для всѣхъ насыѣ большой праздникъ. По установленному порядку институтокъ не отпускали по домамъ во все время 6-ти лѣтняго курса и онѣ жили тамъ, совершенно не зная своей домашней жизни и выходя изъ института были какими-то странными барышнями, — такъ, что название институтки было синонимомъ не развитой, не практической дѣвушки. Посѣщеніе институтокъ родными проходило подъ особымъ надзоромъ классныхъ дамъ и выходило какъ-то торжественно. Я ходилъ къ сестрѣ въ институтъ почти каждое воскресенье и носиль отъ бабушки какія-нибудь булочки и конфекты. Институтъ помѣщался тогда въ большомъ деревянномъ домѣ, съ громадными дворомъ и садомъ около Ушаковки на самомъ краю города. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Иркутскѣ институтъ перевели въ хороший, выстроенный для него, домъ, на берегу Ангары, противъ дома генералъ-губернатора.

Послѣ святоокъ занятія въ гимназии начались позднѣе обычнаго и даже вскорѣ (на масляницѣ), насы, т. е. 7-й классъ,

самъ отпустили готовиться къ экзамену. Классныхъ занятій окончательно не было и только были выданы программы. Въ другихъ же классахъ уроки шли по обыкновенному; что была за причина разрѣшить намъ самостоятельно готовиться, я не знаю, но во всякомъ случаѣ нельзя объяснить это тѣмъ, что зданіе пострадало отъ землетрясенія.

Опасаясь за верхній этажъ, давшій трещину, туда перенесли кабинеты и вывели классныя комнаты, которыхъ размѣстились въ нижнемъ этажѣ. Инспекторъ Михаилъ Ивановичъ Орловъ перешелъ въсосѣдній домъ, принадлежащий гимназіи, директоръ и надзиратель Кибальчичъ тоже. Пансіонъ, т. е. спальная и комната для занятій были прежнія.

Обычная жизнь въ пансіонѣ начиналась съ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра, когда раздавался звонокъ. Въ громадной спальнѣ, гдѣ помѣщалось до 70 человѣкъ пансіонеровъ, начиналось движение. Вставать было лѣтъ, всякий старался улучить еще нѣсколько минутъ для сна, и часто выходили непріятности, когда надзиратель усиленно приказывалъ вставать. Порядокъ существовалъ только при дежурствѣ Кабальчича, у другихъ надзирателей обыкновенно вставаніе воспитанниковъ тянулось долго и иногда съ приключеніями. Я помню, какъ какой-то озорникъ ночью перемѣшалъ сапоги, и утромъ стоило не мало трудовъ разобрать ихъ. Отправляясь въ маленькую комнату, гдѣ были два небольшихъ умывальника, пансіонеры сначала чистили себѣ сапоги какой-то удивительно тусклой ваксой и умывались при помощи не растворимаго мыла. Затѣмъ, натянули куртки съ красными воротниками и, сунувъ въ рукавъ пестрый платокъ, отправлялись на молитву, которую читалъ одинъ изъ учениковъ а затѣмъ въ столовую пить чай.

Чай заваривался въ самоварѣ и наливался въ небольшія кружки, къ чаю полагалась четверть небольшой пшеничной булки. Послѣ чая въ той же столовой, которая служила и комнатой для занятій, повторяли уроки и около 9 часовъ отправлялись въ классъ; послѣ двухъ уроковъ, продолжавшихся каждый по $1\frac{1}{4}$ часа съ промежутками въ $\frac{1}{4}$ часа, была большая перемѣна въ $\frac{1}{2}$ часа и снова 2 урока, т. ч. вообще уроки кончались въ 3 часа.

Въ большую перемѣну пансіонерамъ давали опять, $\frac{1}{4}$ пшеничнаго хлѣба или круглые (въ $1\frac{1}{2}$ вер. въ діам.), очень твердые хлѣбцы, чаю не полагалось, а воды сколько хочешь.

Тотчасъ же послѣ классовъ обѣдали. Разнообразіе въ кушаньяхъ заключалось въ слѣдующемъ: щи съ кислой капустой или супъ съ разными крупами. Мяса въ этихъ кушаньяхъ не полагалось, а его вынимали, разрѣзывали на ломтики и подавали на второе блюдо, иногда съ капустой, иногда съ тертымъ картофелемъ. 3-е кушанье была каша: или просовая, или ячменная, или гречневая. На каждого полагалась ложка масла. Вотъ постоянный обѣдъ пансіонеровъ, другого я не ъдалъ, проживъ въ гимназическомъ пансіонѣ 3 года. Чернаго хлѣба было сколько угодно. Послѣ обѣда до $5\frac{1}{2}$ часовъ ученики гуляли въ небольшомъ залѣ, толкотня была порядочная и многіе изъ старшихъ воспитанниковъ ухитрялись подъ разными предлогами отпроситься якобы къ роднымъ или знакомымъ, либо, неотложнымъ дѣламъ. Читать было нечего. Лѣтомъ отпускали въ садъ—гимназ. садъ былъ порядочный.

Послѣ чая, съ 6 часовъ пансіонеры садились за приготовленіе уроковъ. За каждымъ изъ 3-хъ столовъ сидѣло по 20 человѣкъ, а на четвертомъ остальные. На каждомъ 20 человѣкъ полагалось по 3 сальныхъ свѣчи и 3-е щипцовъ для снятія нагара. За четвертымъ столомъ сидѣлъ надзиратель, наблюдающій за порядкомъ, но не принимающій никакого участія въ занятіяхъ учениковъ.

Всякій занимался какъ ему угодно и взаимной помощи было мало. Старшіе совсѣмъ не помогали младшимъ. Можетъ быть, эта самостоятельность была полезна.

Инспекторъ посещалъ пансіонъ очень рѣдко, а директоръ едва-ли бывалъ въ немъ разъ—другой въ годъ.

Въ 8 ч. вечера кончались занятія, и воспитанники уходили погулять въ зало. Черезъ полчаса начинался ужинъ, и въ 9 часовъ всѣ отправлялись на молитву и спать. Ужинъ былъ такой же, какъ обѣдъ, но безъ каши. Было большое счастье захватить ломоть чернаго хлѣба и пратищить его въ спальню, гдѣ, на сонъ грядущій, сѣсть.

Костюмъ состоялъ изъ синихъ брюкъ, безъ прорѣза впереди, затягивающихся сзади ремешкомъ, и черной однобортной куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. У своеокощтныхъ, вместо куртки, были двухбортные съ мѣдными пуговицами сюртуки,—форма была довольно красивая,—у своеокощтныхъ и безобразная у пансіонеровъ.

Особенно она выглядывала неприлично у старшихъ неряшливыхъ воспитанниковъ. Верхнимъ костюмомъ служила шинель синяго сукна со стоячимъ синимъ же во-

ротникомъ, подкладка была фланелевая. Фуражка съ красивымъ околышемъ, безъ всякихъ значковъ. Башлыковъ тогда совсѣмъ не знали, и воспитанники прыгали въ этой шинели и курткѣ безъ галошъ по морозу градусовъ въ 30, (что въ Иркутскѣ не рѣдкость). Частенько знобили носъ и уши, но на это никто не обращалъ вниманія. Для свое-коштныхъ форменное верхнее платье было необязательно.

Почти всѣ воспитанники, имѣющіе родныхъ въ городѣ, имѣли и частное платье, на это не обращалось вниманіе начальства.

Бѣлье было довольно хорошаго холста и мѣнялось еже-недѣльно.

Жилось въ пансионѣ не худо, время проходило незамѣтно и недостатки не чувствовались. Всѣ къ нимъ привыкли и считали за невозможное какое-либо улучшеніе, да едва-ли оно и было возможно, когда на содержаніе воспитанниковъ отпускалось по 11 коп. въ день.

Занятія шли довольно успѣшно, шалостей было мало. Мы, считающіеся уже старшими воспитанниками, никогда не слыхали, чтобы ученики гимназіи что-либо напроказили въ городѣ, или можетъ быть это происходило оттого, что начальство не обращало вниманія на нихъ, но вѣдь ученики скорѣй начальства могли знать проступки своихъ товарищѣй, однако мы ничего не знали. Весьма вѣроятно, что въ тѣ времена жизнь семейная и общественная были иными и не было повода къ соблазну юношества.

Никакихъ классныхъ наставниковъ, ни квартирныхъ надзирателей, ни обязательныхъ посѣщеній церковныхъ службъ, ни даже классныхъ дневниковъ не было, но я убѣжденъ, что ученики были религіознѣ, благовоспитаннѣ и вели себя несравненно лучше учениковъ конца столѣтія. Семья съ большими уваженіемъ относилась къ учебному заведенію, смотрѣла на учителей какъ на лицъ, стоящихъ выше окружающей среды, и я, будучи мальчишкой, никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ старшихъ бранилъ порядокъ гимназіи или учителей. На гимназію смотрѣли какъ на авторитетъ въ дѣлѣ ученія.

Въ тѣ времена воспитаніе не лежало на обязанности учебного заведенія, а предоставлялось семье. Наваленная впослѣдствіи Толстымъ обузъ воспитанія чрезвычайно усложнила дѣло учебныхъ заведеній и совершенно разстроила добрая отношенія школы къ семье.

Родители попадали въ какіе-то тиски, съ нихъ требо-

вали еженедѣльной подписи въ журналѣ, т. е. требовали, чтобы они слѣдили за своими дѣтьми, но такъ какъ не всякий родитель можетъ это дѣлать, то во избѣжаніе вызововъ къ класснымъ наставникамъ, точно къ судебному слѣдователю, родители поручали подписывать дневники кому-либо изъ домашнихъ. Какъ только ученикъ получалъ плохую отмѣтку, сейчасъ требование помочи родителей; не пришелъ мальчикъ въ классъ, и у семьи некого послать увѣдомить о причинѣ неявки—отправляется помощникъ класснаго наставника на квартиру съ запросомъ: что, какъ и почему. Назначено ходить въ церковь, гдѣ учебное начальство, а родители жѣлаютъ, чтобы дѣти ходили въ свой приходъ — цѣлая исторія, сейчасъ нужно узнать, былъ ли ученикъ дѣйствительно въ церкви. Бѣжать мальчишка въ 7 часовъ вечера, а тутъ какъ на смѣхъ вывертывается изъ-за угла надзиратель — куда, зачѣмъ, какъ смѣлъ идти не въ показанное время. У ученика все запрещено. Родители не смѣютъ имѣть даже книгъ, не разрѣшенныхъ въ ученической библіотекѣ.

Сообщилъ А. Робушъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ рисунку „Русская подводная лодка“.

Тяжела служба родинѣ нашихъ подводныхъ лодокъ. Прилагаемая къ книгѣ фотографія нашей подводной лодки, вернувшейся изъ плаванія, наглядно показываетъ читателю тяжесть этого служенія.

В. П.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. За пятьдесятъ лѣтъ (воспоминанія Глѣбовой). Сообщилъ Б. Скуратовъ	22—32,	
	161—170,	375—382
II. Воспоминанія о Рыбаковѣ. Д. Проскурнина		33—35
III. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго	64—95	384—398
IV. Воспоминанія о Н.А.Вишнеградскомъ. Н. Аvenirusa		144—145
V. Записки В. Н. Виноградскаго		441—474

Изслѣдованія. — Исторические и біографические очерки. — Переписка. — Разсказы. — Материалы и заметки.

СТРАН.

I. Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамъ. А. С. Лацинского		3—21
II. Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольского уѣзда, М. М. Киріакова		36—38
III. Московскій Звенигородскій и Саввино Сторожевскій монастырь. Б. А. С.		39—47
IV. Вѣнокъ на гробъ Пушкина. Н. Лернера .		48—58

V. О портретѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Майкова	59—68
VI. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П . . 96—143, 262—318, 321—363	
VII. Александръ I въ Архангельскѣ. П. Едем- скаго	146—149
VIII. Дневникъ. И. И. Шамшина	150—157
IX. Книги, вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 г	158—160
X. Изъ разсказовъ объ архиереѣ Смарагдѣ. В. Гайдукова	171—174
XI. Авантурістъ начала XVIII вѣка. (Изъ исторіи пріема иностранцевъ на русскую службу). К. Арнольди	175—191
XII. Старинное слово о живомъ словѣ. Н. Сентюриной	192—202
XIII. Изъ размыщеній историка (литература о П. И. Сумароковѣ). С. Разумовскаго .	203—208
XIV. Земская реформа 1864 года и ея послѣ- дующія измѣненія. В. Смирнова	209—242
XV. Тому сто лѣтъ. В. Ключаревой	243
XVI. Казанская старина. Павелъ I въ г. Коэм- демьянскѣ. В. П. Грузинцева	244—246
XVII. Казанскіе лашманы А. П. Залѣсскаго .	247—261
XVIII. Къ портрету рядового Турубаева	319
XIX. Въ родномъ гнѣздѣ (лѣтопись рода Бутов- скихъ). А. Д. Бутовскаго	364—373
XX. Копія съ собственноручной записки Импе- ратора Александра I. Сообщилъ С. Н. Митусовъ	374
XXI. Форма для священниковъ. Сообщ. В. П. Федоровъ	383
XXII. Къ исторіи Фераонтова Бѣлозерскаго мо- настыря. Собщ. Ив. Сурововъ	399—400
XXIII. Къ исторіи рода Чайковскихъ. Сообщ. Ив. Сурововъ	401—403
XXIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Начальницы институтовъ	404
XXV. Императорская Фамилия въ Крыму. Сообщ. В. Мелека	405—440
XXVI. Къ рисунку: Русская подводная лодка . .	475

Приложенія:

- I. Портретъ рядового Турубаева (при 8-й книгѣ).
  - II. Фотографія русской подводной лодки (при 9-й книгѣ).
-

Библіографическій листокъ.

1. Книги, вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 16 по 31 декабря 1915 г. (на обложкѣ юльской книги).
  2. К. А. Военскій. Пріездъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ августовской книги).
  3. Вѣнокъ Врангелю отъ Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Пгр. 1916 г. (тамъ же).
  4. Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложениемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Пгр. 1916 г. (тамъ же).
  5. С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской службы. Пгр. 1915 г. (тамъ же).
  6. Записки Е. Метаксы. Съ предисловиемъ и примѣчаніями В. Ильинскаго. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ сентябрьской книги).
  7. Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Г. К. Градовскаго. Издание кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пгр. 1916 г. (тамъ же).
  8. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула. 1915 г. (тамъ же).
-

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНИЙ
„ДЕКА“
 бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К⁰.

Правление и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскій Островъ,
 Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрические насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительные устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудование радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнныхъ и кавалерийскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 периодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К⁰, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авиационныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудования воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конные, паровые и моторные лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательного дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

Этимъ сборникомъ достойна почтена память скончавшагося въ прошломъ году писателя (воспоминанія Градовскаго пѣсколько лѣтъ назадъ печатались въ „Русской Старинѣ“). Какое имя оставилъ по себѣ въ литературѣ Г. К. Градовскій, обѣ этомъ можно судить по однимъ заглавіямъ статей о немъ: „Ревнитель писательскихъ нуждъ“ (Я. Н. Колубовскаго), „Борецъ за старые идеалы“ (Ольги Шапирѣ). „Добрый товарищъ“ (Вас. Ив. Немировича-Данченко), „Принципиѣ“ (П. Д. Боборыкина)... О личности и литературной и общественной дѣятельности Градовскаго рассказываютъ также Р. И. Сементковскій („Ближе къ жпзни“), В. А. Апушкинъ („Градовскій, гласность и война“), Е. П. Карповъ („Публицистъ-драматургъ“), Иш. Ф. Василевскій („На отдыхѣ“), В. К. Кузнецовъ („Градовскій и съѣзы русскихъ писателей“). Кроме того, въ сборникъ вошли отрывки изъ переписки Градовскаго съ Л. Н. и съ С. А. Толстыми, его автобіографія, его воспоминанія „О русской печати“, его разсказъ о поѣздкѣ въ Ясную Поляну къ Толстому и обзоры: „45 лѣтъ литературной дѣятельности“ и „Печать о Г. К. Градовскомъ“.

Труды Тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула. 1915. Цѣна 2 р. 50 к.

В. Чернопятовъ публикуетъ рядъ кладбищенскихъ записей, относящихся къ составляемой имъ исторіи Тульскаго дворянства и вообще къ „Всероссійскому Некрополю“, Ю. В. Арсеньевъ—„Дѣдиловскія отказныя книги XVII вѣка (1664—1702)“, В. Базилевичъ—„Нѣсколько документовъ къ исторіи веневскихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ“. Очень интересна статья Н. А. Шестакова „Археологический очеркъ г. Бѣлева и его древностей“. Мѣстность эта такъ богата памятниками прошлаго, что одному собирателю, свящ. Михаилу Бурцеву, удалось въ теченіе восьми лѣтъ собрать въ Бѣлевѣ и окрестностяхъ пять тысячъ предметовъ каменного вѣка. Историко-литературное значеніе имѣетъ письмо Державина къ С. П. Жихареву отъ 4 июля 1811 г., котораго поэту благодаритъ за заботу „о снабженіи меня имяпами аглинскихъ лирическихъ поэтовъ“ и проситъ: „попекитесь о доставленіи мнѣ формъ тріолета, рондо и станса“... Историкамъ пригодятся материалы для исторіи родовъ Арсеньевыхъ, князей Назаровыхъ, Полѣновыхъ, Сониныхъ. Напечатанные г. Е. Скебаллановичъ документы „Къ біографії М. Е. Салтыкова-Щедрина“ (1867 г.) относятся къ его служебной дѣятельности, когда онъ управлялъ Тульской казенной палатой, и рисуютъ его настойчиво дѣловой и суровый характеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей. **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За гравицу **ДВѢ-НАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всесообщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за гравицу подписка принимается съ пересылкой во существующему тарифу.

Подписка привимается, какъ для городскихъ, такъ и иогороднихъ подпісчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣтаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подпісчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присыпать въ редакцію заявление о неполученіи прелыдущей. По истечениіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести сирашки.

Г.г. иогородніе подпісчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т.-е. пересылку по почтѣ и надлежащей гербовой сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдельныхъ событияхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакці. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

